

Толкование на книгу Экклезиаст протоиерей Геннадий Фаст

От издателей

От автора

От издателей

Перед вами – книга о смысле жизни. Точнее – о её бессмыслице. «Суета сует», «всему своё время», «время разбрасывать камни, и время собирать камни», «во многой мудрости много печали» – эти и многие изречения и фразы человек произносит не думая, а то и не зная, что всё это из ветхозаветной книги Экклезиаста¹. Написанная царём Соломоном четыре тысячелетия назад, эта книга в литературе, философии, быту до сих пор одна из самых цитируемых.

Соломон был царём над Израилем. Он был велик и славен, богат и исполнен мудрости. Испытав всё, что может дать эта жизнь, он не избежал и греха. Своей могучей натурой, пройдя через всё, постиг Соломон суету и тщетность земных благ, сокровищ ума, души и плоти. А где же то, что не суета, и есть ли оно? Древнее предание говорит, что Соломон оставил в конце своей жизни все свои богатства, царский трон и, став нищим, с посохом в руках отправился странствовать в поисках смысла жизни. Тогда и появилась книга Экклезиаст.

Вы держите в руках современное толкование на книгу Экклезиаст пера священника из Енисейска Геннадия Фаста, знакомого читателям по таким серьёзным трудам, как «Толкование на книгу Песнь Песней Соломона», «Толкование на Апокалипсис», «Этюды по Ветхому Завету». Научный обзор протоиерея Александра Классена подробно анализирует применённые автором методы толкования. Книга содержит как собственные размышления автора над Экклезиастом, так и энциклопедически подробное раскрытие понимания книги святыми отцами Церкви на протяжении всех двадцати веков христианства, приводятся также комментарии и древнего иудейского предания.

Толкование дано на основании оригинального древнееврейского текста и различных его переводов. При этом использован художественный приём подачи материала – оно ведётся от лица бывшего царя, а ныне странствующего нищего философа. Используются в книге и образы русской художественной литературы. Такая форма изложения сочетается с основательным библиологическим, патрологическим и даже филологическим её анализом. Поэтому толкование протоиерея Геннадия

Фаста интересно и доступно не только специалистам, изучающим Писание в богословских учебных заведениях, не только церковному читателю, но и всякому светскому, в том числе не имеющему специальной научной подготовки.

О этот мир, печальный мир и бренный!

И всё, что видишь в нём и слышишь, – суета.

Что эта жизнь? –

Дымок в небесной бездне,

Готовый каждый миг исчезнуть без следа...

Так писал японский поэт древности. Так пусть же приостановится хотя бы немного наш бег за ничем, пусть сократится наша дорога в никуда и услышит сердце Того, Кто есть Путь, Истина и Жизнь.

Пусть благословит Христос всякого читателя этой книги и поможет осознать и разобраться в том, что есть что в этой жизни.

От автора

По разливу воды с посохом в руке шёл странник. Было видно, что он безуспешно что-то искал. Видели его странствующим и по запylённым дорогам в знойные летние дни. Он часто садился, размышлял, куда-то глубоко уходя в себя. Бывало, он внимательно всматривался в окружающий мир, но ничто не могло увлечь и занять его.

...Мысли странника уносились в прошлое. Вот придворные докладывают царю о прибытии гружённых караванов дальних заморских владык. Множество подарков и сокровищ будет завтра вручено гостями знаменитому царю. Велико было его царство, привольно раскинувшееся от египетской реки до великого Евфрата. Цари иных земель приходили к нему на поклон, и казалось, что царствует он над всем миром. Но всё это он потерял. И никто теперь не подойдёт к нему, почтительно кланяясь. В руках ничего, кроме страннического посоха. Он восседал на золотом троне, к которому вели шесть ступеней, украшенных львами. В руках царский жезл. Он – владыка в избранном Богом Израиле. А теперь в руках ничего, кроме посоха, старой иссохшей палки.

Его дворец был в Иерусалиме. Как величествен был дом из дерев ливанских, как прекрасен святой храм! Дворец и храм, храм и дворец. Они как бы переглядывались друг с другом с Сионской горы и горы Храмовой, играя в солнечных лучах. А теперь у него не было и лачуги, не мог он найти и Бога. Где-то далеко Иерусалим, а перед глазами только грязь и пыль земли, а в руке только посох.

Уже никто не искал услышать мудрость его. Не услаждали его чужеземные женщины, не пели птицы, не радовали глаз павлины,

гуляющие в садах, орошаемых чистой водой. Некогда мудрейший царь, всех превосшедший славой и богатством, – теперь нищий странник, ищущий, что же после всего останется человеку. Так во многих поколениях старцы передавали юным о царе израильском Соломоне, а те потом – своим потомкам. И была Соломоновым утратам причина. Он согрешил, полюбив многих чужестранных женщин, склонивших сердце его к иным богам. Асмодей, царь дьяволов, забросил Соломона далеко от святого Иерусалима. И пошёл Соломон у чужих пророков просить подаяния. Владелец несметных сокровищ стал нищим обладателем страннического посоха.

История иногда повторяется. В далёкой Сибири, сначала в небольших селениях в Белом Яре, Зерцалах близ Ачинска, а потом и в губернском городе Томске появился странник, ссыльнопоселенец Фёдор Кузьмич. Вёл он жизнь праведную, был странником, а для знавших его ближе был странен. Нищ и прост, но по всему чувствовалось в нём и высокое происхождение, и многие знания. Кто он? Откуда? Перешёптывались между собой люди, что в столице похоронили-то не настоящего наполеонова победителя, царя Александра Благословенного, что настоящий ходит где-то по сибирской земле и ищет, что же осталось после всего...

Царь, оставивший корону, власть и славу, променявший монарший жезл на посох странника, скорбный философ ходит по земле, ищет на ней то, что никогда не пройдёт, не обессмыслится временем...

Вот и мы отправимся за этим странником, постараемся не вспугнуть его, а услышать его странные речи – о чём они?..

Геннадий Фаст,
протоиерей, настоятель
Свято-Успенского
собора
г. Енисейск

Глава 1

Еккл. 1:1 Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме.

Сыном Давида, царём в Иерусалиме был только Соломон. Сомнения некоторых филологов-библеистов в принадлежности книги Екклесиаста царю Соломону возникли на основании изучения языка книги. Утверждают, будто это речь слепоглухого периода. Языковой лингвистический анализ речи Екклесиаста не входит в нашу задачу. Отметим только, что сами лингвисты весьма расходятся в датировке книги на основании её языка, а потому считать что-либо доказанным преждевременно. Ещё не факт, что язык книги действительно не принадлежит эпохе Соломона. Обширные познания Соломона вполне могли отразиться на его речи, и она могла включать в себя влияние языков других народов ближневосточного ареала и даже более отдалённых.

С другой стороны, можно допустить позднейшую речевую обработку книги, что вовсе не означает изменения её содержания. В любом случае сказанное в книге принадлежит Соломону, **сыну Давида, царю в Иерусалиме**. Уверенность в этом зиждется у нас на доверии к истинности богооткровенного текста Св. Писания. Таково же свидетельство Предания церкви Христовой, восходящего к преданию древнего Израиля.

Соломон – мудрейший из людей.

Соломон – великий царь единого Израиля.

Соломон – богач, поражавший всех роскошью своего двора.

Соломон – строитель, судья, писатель.

Кто же Соломон, обращающийся к нам ныне?

Он – Екклесиаст, или когелет. Мы слышим **слова Екклесиаста**. Привычное нам слово **Екклесиаст** звучит по-еврейски קהלת (когелет). Это слово произведено от глагольной формы קהל (кагал), что значит «созывать», «собирать». Отсюда и «кегал» – собрание, чаще произносимое как «кагал».

Итак, когелет – это собирающий собрание и говорящий собранию.

Точно такое же значение имеет соответствующее греческое слово ἐκκλησιαστής (экклесиастис), производённое от ἐκκαλέω, что значит «созывать», «собирать». Отсюда и ἐκκλησία – собрание. В Новом Завете так будет названа церковь Христова.

Соломон получил наименование когелета, или Екклесиаста, когда при освящении новопостроенного храма в Иерусалиме он собрал народ и обратился к нему с речью-молитвой, в которой молил Бога о направлении

сердца народного к благочестию.

Тогда созвал Соломон старейшин Израилевых и всех начальников колен, глав поколений сынов Израилевых, к царю Соломону в Иерусалим... И собрались к царю Соломону на праздник все израильтяне...

И обратился царь лицом своим, и благословил все собрание израильтян; все собрание израильтян стояло. И сказал... (3Цар. 8: 1, 2, 14, 15).

Здесь употреблены слова **созвал** (לָקָח – кегел), **собрание** (לָקָח – кегал). С воздетыми к небу руками стоит перед народом когелет – великий Соломон. То был юный Соломон, в пору своей мудрости, в пору своей Песни Песней. То был блистательный царь, и невестой его была премудрость Божия.

А теперь он стар и нищ, теперь он странник и философ. Позади бремя славы, мудрости, богатства, греха. Теперь он смотрит открытым оком на горькую правду жизни под солнцем и ищет в ней смысл. Теперь он когелет, собирающий ищущих подобно ему смысл этой жизни и говорящий к ним **слова, слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме.**

Великий иудейский толкователь Священного Писания *Раши* (Здесь и далее полужирным курсивом выделены фрагменты, набранные в оригинале жирной разрядкой. – *Прим. ред. электронного издания.*) (1040–1105 гг.)² слово когелет объясняет как «собиратель». А назван так Соломон «потому, что собрал он немало премудростей. А в другом месте (Притч. 30:1) он назван **Агур Бен Яке**³, потому что он накопил («агар») всевозможную мудрость и «исторг» её. А некоторые полагают, что назван так потому, что все речи свои произносил он в собрании людном».

Соломон – когелет, в людном собрании говорящий о смысле и бессмысленности жизни. Что же касается Раши, то видим, что он, как и многие христианские святые отцы, даёт не только прямой смысл текста, но и его аллегорическое значение. Поэтому «когелет» не просто собиратель народа, но собиратель мудрости. Когелет и **царь в Йерушалаиме**, а Йерушалаим – «это город мудрости» [там же].

Прямое значение слов об авторе книги даёт в своём «Переложении Екклесиаста» св. Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский († 270 г.): «Так говорит Соломон, сын Давида, царя и пророка, славнейший перед всеми людьми царь и мудрейший пророк, всей церкви Божией» [44;1]. Когелет – это пророк, говорящий всей церкви Божией, а церковь (ἐκκλησία) есть собрание людей, созданных когелетом (Екклесиастом). К тому же,

когелет – славнейший царь, Соломон, сын Давида.

Блж. Иероним Стридонский (330–419 гг.), знаменитый богослов, подвижник и переводчик Св. Писания: «**Когелет**, т. е. **Екклесиаст**. Екклесиастом на греческом языке называется собирающий собрание, т. е. церковь, а мы можем перевести это словом **проповедник**, потому что он говорит к народу и речь его обращается не к одному лицу в частности, а ко всем вообще» [64; 1, 1]. Когелет, или Екклесиаст – собирающий церковь, а как говорящий к народу он может быть назван и «проповедник». Блж. Иероним впервые вводит слово «проповедник» в отношении Екклесиаста. Так переведёт это слово на немецкий язык в XVI в. и Мартин Лютер – Prediger (проповедник). Это некое новое качество по сравнению с пророком, учителем, царём, судьёй. Библейское пророчество, учение, повествование теперь воспринимается проповедью. Учитель говорит о чём-то, о ком-то, проповедник говорит что-то кому-то. По-настоящему проповедничество раскроется только в Новом Завете. Языческих жрецов и шаманов, израильских священников и иудейских раввинов, мусульманских мулл и буддийских лам трудно назвать проповедниками. Они пророчествуют, наставляют, учат, но не проповедают. Только Иисус послал учеников на проповедь. Только христианский служитель – в первую очередь проповедник. Иисус велел: **Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари** (Мк. 16:15). Только служитель Христов стонет, понимая: **И горе мне, если не благовествую** (проповедаю) (1Кор. 9:16)! Но и христианскому духовенству не просто устоять в этом призвании и не превратиться в жреческое сословие.

Соломон не только когелет-проповедник, он ещё и **сын Давида, царь в Иерусалиме**. В книге Притчей Соломон назван сыном Давидовым, царём Израилевым (Притч. 1:1). Блж. Иероним находит своеобразное объяснение, почему в одной книге Соломон – царь Израиля, а в другой – царь Иерусалима. «Ибо, тогда как Притчи и первоначальное наставление относятся к двенадцати коленам и ко всему Израилю, ...презрение мира особенно уместно для жителей столицы, то есть Иерусалима...» [там же]. В том время, как житейская мудрость Притчей нужна всему народу, книга о суетности земных благ, о презрении мира нужна и уместна для духовно и материально пресыщенных жителей столицы, для вельмож и книжников, для столичной интеллигенции и аристократии. А вот для тех, «которые стремятся только к горнему», **для них Песнь Песней Соломона**, где Соломон и вовсе не выставляет своё царское достоинство. «Для совершенных, там, где ученик вразумляется не страхом, а любовью, там достаточно собственного имени, учитель равен и не выставляет себя

царём» [там же].

Итак, Соломон – царь в Иерусалиме и проповедник – говорит о суетности этого мира. Однако святые отцы в этом наименовании Соломона усмотрели и прообразовательно-духовное указание на Христа-Мессию, истинного Царя-Проповедника, возвестившего не только о суетности мира, но и о радости Царствия Небесного.

Уже св. Дионисий Александрийский († 265 г.) отмечает: «**Глаголы Екклесиаста, сына Давидова, царя Израилева во Иерусалиме.** Так и Матфей называет Господа сыном Давида (Мф. 1:1)» [49; 1, 1]. Так св. Дионисий полагает начало⁴ параллели между Соломоном, **сыном Давидовым**, в Екклесиасте и Христом, **Сыном Давидовым**, в родословии Евангелия от Матфея.

Основательно раскрывает прообразовательно-христологическое значение выражения **Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме** св. Григорий Нисский († 394 г.): «А, может быть, надписание имеет в виду и Вождя церкви. Ибо истинный Екклесиаст, собирающий рассеянное в единую полноту и блуждающих многократно по разным обманчивым путям воцерковляющий в единый сонм, – кто иной, как не истинный **Царь Израилев, Сын Божий**, которому Нафанаил сказал: **Ты еси Сын Божий, Ты еси Царь Израилев** (Ин. 1:49)» [40; Беседа 1]. И дальше ещё: «**Глаголы Екклесиаста, сына Давидова.** А так и Его [Христа. – Г. Ф.] именует Матфей в начале Евангелия, называя Господа **сыном Давидовым**" [там же].

Итак, **слова Екклесиаста** – это изречённое Тем, Кто есть Слово Предвечное Безначального Отца. Созвавший рассеянных и заблудших в единый сонм, в единую полноту, во едину церковь есть Христос Господь, истинный **Екклесиаст**. Он по земному родству **сын Давидов**; Он, во исполнение пророков, истинный **Царь в Иерусалиме**, а **вышний Иерусалим свободен; он – мать всем нам** (Гал. 4:26).

Также христологически, после буквального исторического комментария говорит об Екклесиасте и блж. Иероним.

Блж. Иероним: «А по разумению духовному: миролюбивый [так переводится имя «Соломон». – Г. Ф.]. и возлюбленный [другое имя Соломона – «Идиция». – Г. Ф.] Бога Отца и **Екклесиаст** наш есть Христос, Который, разрушив стоявшую посреди преграду и упразднив вражду плотию Своею, соделал из обоих одно, говоря: **мир Мой даю вам, мир Мой оставляю вам** (Ин. 14:27), о Котором Отец глаголал ученикам: **сей есть Сын Мой возлюбленный, Того послушайте**, Который есть глава всей церкви. Он говорит не к синагоге Иудейской, но ко множеству

язычников; Он **царь Иерусалима**, созданного из живых камней, не того, о котором Сам сказал: **Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки** (Мф. 23:37) и: **се оставляется вам дом ваш пуст** (Мф. 23:38)... Он есть **Сын Давидов**, к которому слепые в Евангелии зывали: **помилуй ны, сыне Давидов** (Мф. 9:27), и всё множество единогласно восклицало: **осанна Сыну Давидову** (Мф. 21:9)» [64; 1, 1].

Блж. Иероним отмечает также, что, в отличие от пророков, не к Екклесиасту было слово Господне, а он сам изрекает слова. Пророк слышит и передаёт слово Господне, а Единородный Сын Сам есть Слово, чрез Которое **всё... начало быть** (Ин. 1:3). Так в этой книге казалось бы разочаровавшегося во всём мудреца-богача звучит предвечное Слово Самого Бога.

Кому-то иносказательное значение слов об **Екклесиасте, сыне Давидовом, царе в Иерусалиме** покажется надуманным и искусственным в угоду православной христологии. Но это вопрос веры. Или книга Екклесиаст – богодухновенное Слово Божие, и тогда это действительно звучание Божественного Логоса, тогда Христос – иносказание реального Соломона, а Соломон – прообраз Того, Кто есть мир наш, истинного Христа; или же речь идёт о древней восточной литературе, дающей простор творчества филологам и философам, где живой вере едва ли ещё остаётся место. Хочется особо отметить, что речь идёт не о том, что все события в жизни Соломона прообразуют Христа. Речь о том, что в этой книге устами Соломона говорит Логос. Земная мудрость приходит и уходит, а Слово Божие пребывает вовек!

Итак, **слова Екклесиаста!** Начинаются они с величественного Пролога, выражающего всю суть последующей книги; Пролога, сопоставимого с Прологом Евангелия от Иоанна. Не познавший Пролога Екклесиаста никогда не взойдёт на высоту Пролога Евангельского. Только в екклесиастовой пустыне можно найти евангельский оазис. Только сердце, истомившееся екклесиастовой суетой сует, может обрадоваться евангельской вести Царствия Божия.

Пролог: Суета сует

Еккл. 1:2 Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – всё суета!

Еккл. 1:3 Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?

Еккл. 1:4 Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки.

Еккл. 1:5 Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит.

Еккл. 1:6 Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои.

Еккл. 1:7 Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь.

Еккл. 1:8 Все вещи – в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием.

Еккл. 1:9 Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Еккл. 1:10 Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Еккл. 1:11 Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.

Лейтмотив книги,
припев песни,
приговор мудреца:

Суета сует, – всё суета!

Суета сует, сказал Екклесиаст, прожив жизнь, вкусив всё, что в ней, и познав её пустоту.

Суета сует, – всё суета! – эхом отозвалось всё под солнцем;

Суета сует, – всё суета! – стонет мудрость философа;

Суета сует, – всё суета! – шелестят разворачиваемые свитки древних книг;

Суета сует, – всё суета! – отпечатано на бессмысленной гримасе глупца;

Суета сует, – всё суета! – хохочут скоморохи и шуты;

Суета сует, – всё суета! – звенят бокалы, сверкающие вином;

Суета сует, – всё суета! – гудят напряжённые мышцы трудяги;

Суета сует, – всё суета! – шепчет ветер в листве виноградников и рощ;

Суета сует, – всё суета! – отзванивают золотые монеты, ссыпаемые в

огромный карман;

Суета сует, – всё суета! – печальный итог наслаждений в гареме;

Суета сует, – всё суета! – поскрипывает древний царский трон;

Суета сует, – всё суета! – молчат после бранных подвигов мечи;

Суета сует, – всё суета! – тихо на старом кладбище.

И в порывах кружащегося над всеми ветра слышно:

Суета сует, – всё суета!

Еккл. 1:2 Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – всё суета!

Слова Екклесиаста звучали в устах Соломона так: הָבֵל הָבָלִים (гевел гевалим, или, точнее, hebel hebalim). הָבֵל (hebel) означает по-еврейски нечто неосязаемое, неосязаемое, как веяние воздуха, как пар, как дым. Мы остановимся на значении слова הָבֵל как «рассеивающийся, растворяющийся в воздухе пар». Всё в этом мире как пар, как исчезающий утренний туман.

Интересное замечание блж. Иеронима по переводу выражения «евел гевалим». «За исключением Семидесяти Толковников, все одинаково перевели: ἁτμός ἁτμίδων, или ἁτμός, что мы можем перевести «пар» дыма и лёгкий «ветерок», который скоро рассеивается. Этим словом показывается, следовательно, тленность и ничтожность всего существующего» [64; 1, 2].

Так оно, говорит Екклесиаст, **под солнцем**. Восходит солнце, и исчезает туман. Да и когда он есть, что он из себя представляет? – пар! Надо же быть, действительно, незнайкой, чтобы отправиться рубить его топором. А мудрый знает – пар всё равно, что ничто, только не видно ничего. Но он рассеется **под солнцем**, и ты увидишь, что вокруг тебя ничего нет. Как часто жизнь заволакивает человека, как туман, человек готов воздух топором рубить – на это уходят годы и десятилетия. А потом всё разойдётся, и видно, что ты был и остался в пустоте.

Екклесиаст ни в чём не нашёл смысла.

Суета сует, – всё суета!

Испарение пара – всё пар.

Совершенно очевидно созвучие слова הָבֵל (hebel) и имени Адамова сына Авеля – הָבֵל (Hebel). «Авель» означает «пар».

И ещё родила Ева брата Каина, Авеля. И был Авель пастырь овец; а Каин был земледелец. Спустя несколько времени Каин принёс от плодов земли дар Ягве. И Авель также принёс от первородных стада своего и от тука их. И призрел Ягве на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лицо его...

И сказал Каин Авелю, брату своему: (пойдем в поле). И когда они

были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его (Быт. 4:2–5, 8).

Каин (קַיִן) означает «приобретение». История Каина и Авеля – история приобретения под солнцем и рассеивающегося пара. Тот, кто оказался ничем в глазах Ягве Бога, восстал против того, кто ничто в мире сем, и убил его. Много приобретший здесь, заложивший начало человеческой цивилизации Каин там, у Бога, – рассеявшийся пар. Всё потерявший здесь, лучшее **первородное** отдавший Богу, а сам в юных летах рассеявшийся, как пар, потерявший свою жизнь и душу Абель велик у Бога. Земная биография Авеля – что рассказ про утренний туман. Жизнь его рассеялась, как пар, как дым, она подобна внезапно возникшему и тут же исчезнувшему дуновению ветра. Екклесиаст видит Авеля извне, под солнцем, здесь. Видит, вопрошает и не находит последних ответов. Екклесиаст видит, как Каин сделал Авеля «авелем», убив, превратил его в суету этого мира. «Воистину суета всяческая, житие же сень (= тень) и соние (= сон), ибо все мятется всяк земнородный», – так и поныне поют, отпевая усопших. Екклесиаст-Соломон ясно видел Каина, а про Авеля сказал: пар. Екклесиаст-Христос открыл апостолу Павлу:

Верю Абель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин; ею получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его; ею он и по смерти говорит еще (Евр. 11:4).

И сбылись слова истинного Екклесиаста:

Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее (Мф. 10:39).

Семьдесят толковников переводят основное изречения Екклесиаста: Ματαίотης ματαιότητων.

Эти слова у греков означают «пустое», «напрасное».

Блаженный Иероним переводит в Вульгате:

Vanitas vanitatum.

Для латинян это «пустое», «тщетное».

Мартин Лютер переводит достаточно свободно:

Es ist alles ganz eitel.

Немецкое «eitel» означает «суетно», «ничтожно», «тщетно». А само изречение звучит: «Всё совершенно суетно» или «всё совсем суетно».

Другой немецкий перевод Lohfink:

Windhauch, Windhauch,

das ist alles Windhauch.

По-русски это будет звучать:

«Дуновение ветра, дуновение ветра,

всё исключительно дуновение ветра».

Есть и такой немецкий перевод Michel:

Vollkommen absurd...

alles ist absurd.

«Совершенно абсурдно...

всё абсурдно».

Церковнославянский и русский переводы дают:

«Суета сует».

А у Михаила Рижского:

«Нет смысла...

нет никакого смысла» [107].

Так переводят и одновременно толкуют изречение Екклесиаста переводчики.

Усугубление выражения «hebel hebalim» = «суета сует» имеет свои подобию в библейской речи: **Святая Святых, Небо небес** (3Цар. 8:27), **Песнь Песней**.

Подобное усугубление имеет два смысловых оттенка.

Первый – усугубление означает превосходную степень.

Второй – углубление смысла. **Святая Святых** – это то, что свято для самой святости. В недоступном для народа святилище есть ещё недоступное место для самих священников. **Небо небес** – это не небо над землёй, а то, что является небом для самого неба. Так же и **Песнь Песней** – это не просто превосходная песнь. Как песнь для прозы, так она песнь для песней. И, наконец, суета сует – это то, что суетно не для несуетных, а для самой суеты. Даже суета развела в недоумении руки, глядя на суету сует!

Посмотрев на всё, опытно испытав всё в этом подлунном мире, Соломон не нашёл смысла ни в чём – **всё суета сует!** Бывший царь, а ныне нищий философ с посохом в руках бесстрастно говорит: **Суета сует, – всё суета!**

Так оно выглядело после великолепных дворцов и построек, после несметных богатств и великой славы, после непревзойдённой мудрости, после множества жён, идолов и богов.

А теперь обратимся к Священному Преданию, как оно разумело сказанное Екклесиастом.

Раши: "Суета сует, – сказал Собираатель (или: пар от паров). Обо всём созданном за семь дней творения Когелет с вызовом говорит, что всё являет собою **суету сует** (суету в высшей мере)... Семь **сует** соответствуют содеянному за семь дней созидания (мира)» [23; 1, 2].

Раши даёт прямой перевод: **пар от паров**. Такое выражение отсутствует в русском языке, но даёт некую наглядность тому, что есть **суета сует**. Богословски равви относит **суету сует** ко всему сотворённому. Как же тогда Бог говорит обо всём созданном Им: **что это хорошо?** (Быт. 1)? Оно хорошо, когда в Боге, когда возвещает славу Его, по слову псалмопевца: **Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь** (Пс. 18:1). Взятое же само по себе всё созданное по своей значимости, без Бога, есть **суета сует**, или «сечь сует», как говорит Раши.

Многие святые отцы обращались к основному изречению Екклесиаста о **суете сует** всего без Бога, раскрывая самые различные стороны и оттенки этого суждения.

Великий Ориген, Александрийский учитель (III в.), размышлял над словами Екклесиаста о **суете сует** всего вокруг. Ум учителя просвещался не только богооткровенной Библией, но мыслил и в кругу эллинистической философии. Материальные тела представлялись ему вслед за Платоном и другими восточными мудрецами темницей для светлых бесплотных духов. Это относилось Оригеном не только к человеку, но и ко всем одушевлённым существам, а таковыми виделись ему даже солнце, луна и звёзды. Над словами Екклесиаста о **суете сует** всего Ориген размышляет в контексте слов апостола Павла, что **тварь покорилась суете** (телесной оболочке) **не добровольно, но по воле покорившего её человека, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению (= телу) в свободу славы детей Божиих**, в свободу от тела и в пребывание там, где Бог (Рим. 8: 20–22). Екклесиастова суета и есть, по Оригену, материальное тело.

Ориген: «Но посмотрим, нельзя ли найти в Св. Писании свидетельство собственно о самых небесных существах. Такое свидетельство даёт апостол Павел. Он говорит, что **суете тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на уповании: яко и сама тварь свободится от работы истления в свободу славы чад Божиих** (Рим. 8:20–21). Какой же, спрашиваю я, суете покорилась тварь...? Я думаю, что эта **суета** – не что иное, как тела; ибо, хотя тело святых и эфирно, но всё же материально. Вот почему, мне кажется, и Соломон всякую телесную природу называет как бы тягостною в некотором роде и задерживающею силу духов. Он говорит: **суета суетствий, и всяческая суета, рече Экклесиаст. Всяческая суета. Видех всяческая сотворения, сотворенная под солнцем, и се вся суетство** (Еккл. 1:1, 14), Этой именно суете и покорена тварь, в особенности же тварь, имеющая в своей власти величайшее и высшее начальство в этом мире, то есть солнце, луна и звёзды; эти светила

покорены суете, они облечены телами и назначены светить человеческому роду» [84; кн. 1, гл. 7, п. 5]. Далее Ориген сравнивает светила с апостолом Павлом – как тот говорил, что лучше ему разрешиться от тела и быть со Христом, но ради ближних ему лучше оставаться пока здесь, так и светилам ради людей лучше пока оставаться в своих светлых небесных телах. И дальше: «Теперь посмотрим, что же такое свобода твари и разрешение от рабства. Когда Христос предаст царство Богу и Отцу, тогда и эти одушевлённые существа [по Оригену, светила. – Г. ф.], как происшедшие прежде царства Христова, вместе со всем царством будут преданы управлению Отца. Тогда Бог будет **всё во всём**» [там же].

Церковь, а тем более современная наука не соглашались вместе с Оригеном видеть в небесных светилах одушевлённые существа. Это остаток сабеизма (звёздопоклонничества). В остальном же мысли Оригена могут быть развиты в двух направлениях. **Суета** – это материальное тело, от которого лучше избавиться, и когда-то это произойдёт. Это ведёт к гностицизму, к зороастрийскому дуализму, а в христианстве к манихейству. Материя, тела не есть благое творение Божие. Такое развитие оригеновской мысли православная церковь отвергает. Но, немного подправив, учение Оригена можно направить к православному учению об обожении твари. Да, теперь тела – это **суета**, церковь зовёт нас на литургии «всякое отложить житейское попечение». **Плоть не пользуется нисколько** (Ин. 6:63). Однако и плоть – сонаследница спасения вместе с душой. Бог **сотворил небо и землю** (Быт. 1:1). **И землю** тоже! В воскресении, в пакибытии воскреснут и тела и войдут в жизнь вечную. Тела действительно **освободятся от рабства тлению**. Ныне они покорены суете, а тогда войдут **в свободу славы детей Божиих**, они и сами будут обожены, ибо **будет Бог всё во всём** (1Кор. 15:28). И никакой суеты!

А пока наш царь и нищий философ-странник бесстрастно вещает страстным:

Суета сует, – всё суета!

Ученик Оригена св. Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский (III в.), словами Екклесиаста побуждается к аскетическому презрению всего суетного, земного, не наследующего Царства Небесного.

Св. Григорий Чудотворец: **"Как суетны** и бесполезны дела и стремления людей, [вообще] всё человеческое. Ибо никто не может сказать, что какая-нибудь польза соединена с тем, что люди, ползающие по земле, и душой и телом спешат совершить, всецело подчинившись временному, даже не желая хотя сколько-нибудь посмотреть благородным оком души выше звёзд» [44; 1]. В христианско-аскетическом презрении

суетных благ этого мира и будут в дальнейшем понимать слова Екклесиаста многие преподобные отцы.

Св. Кирилл Иерусалимский (IV в.), обращаясь к новокрещённым с тайноводственным словом, называет **суетой сует** дела человека для его просвещения, дела же христианина уже отнюдь не **суета сует**, их качество уже совершенно иное. Св. Кирилл: «Прежде нежели приступил ты к благодати, **творения твоя** были **суета суетствий** (Еккл. 1, 2). Свлекая же с себя ветхия ризы и облекшись в духовныя, белыя, надлежит всегда быть облеченным в белое. И, без сомнения, разумею не то, что всегда должно тебе облекаться в белыя одежды, но что необходимо быть тебе облеченным в то, что подлинно бело, светло и духовно» [77; 4 Тайноводств. слово, п. 8]. Так для св. Кирилла **суета сует** не столько аскетическое отрицание мирских благ, сколько отрицание порочной жизни до крещения и всех прежних языческих ценностей. Для св. Кирилла **суета сует** и белые ризы разделены не монашеским уходом из мира, а обращением человека из мира ко Христу. Не в постриге, а в крещении видит святой отец переход от суеты мира к сокровищам Царства Небесного. А о беде Соломона православные отцы не очень-то и рассуждают, ведь у Соломона не было ни пострига, ни крещения. Великого царя теснила со всех сторон суета, и где выход из неё?..

Прп. Ефрем Сирий (IV в.) в слове, обращённом к общине братий подвижников, аскетов-монахов, ободряет их: «Поелику Екклесиаст при таком богатстве и славе вопиет: **суета суетствий всяческая суета** (Еккл. 1:2); то не принесу уже в дар суете трудов своих, чтобы по исшествии моём другие получили наследство, а я потерпел наказание, но посвящая труды свои благому и милосердному Богу, Который по смерти даёт жизнь и любящим Его уготовал, **ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша** (1Кор. 2:9)» [56; т. 1. О том, как приобретается человеком смиренномудрие, гл. 100].

Всё та же христианская мысль приобретает у прп. Ефрема аскетическое звучание. Мир этот суетен, как во всём богатстве и славе это сказал ещё Екклесиаст, а потому не стоит трудиться ради приобретения мирских благ, но служить Христу ради благ вечных. Для этого и собираются в пустынях, оставляя мир, подвижники. Так древний мудрец становится в христианские времена наставником монахов, а книга его – сильным побуждением к уходу из мира.

Св. Василий Великий (IV в.) предостерегает от прилепления к мирским благам, часто греховным: «Должны мы обращать всюду бодрственные душевные очи, на всё приятное смотреть подозрительно, без замедления

пробегать мимо и ни к чему не прилепляться мыслию; ...хотя бы предстояли пляски, пиры, пьянство, оглашаемые свирелями ужины, ибо сказано: **суета суетствий, всяческая суета (Еккл. 1:2)**» [35; Беседа 21. О том, что не должно прилепляться к житейскому].

Великий учитель византийского монашества прп. Феодор Студит († 826 г.) утверждает, что истинная радость может быть только у монахов, потому что в этом мире, по Екклесиасту, всё суетно. *Прп. Феодор*: «Апостол заповедует всем **всегда радоваться о Господе (Флп. 4:4)**. Радуются же обычно одни истинные монахи, которые не пекутся ни о жене, ни о детях, ни о рабах, ни о деньгах, ни об имуществе и ни о чём другом, о чём пекутся плотолюбцы. Одно у них попечение, как угодить Господу; об этом же пецись и есть радоваться всегда о Господе. Ибо где брак, рабы и все рождающиеся отсюда хлопоты – сие крушение духа, которые дал Бог сынам человеческим, чтобы крушиться в нём, по сказанному от Соломона (Еккл. 1–2 гл.); там неудобно радоваться о Господе, когда сказанные выше вещи отвлекают ум от преподобной памяти о Боге, при коей только и можно радоваться» [53; т. 4. Подвижнические монахам наставления, 312, п. 1]. Святой отец вместе с Соломоном видит всё земное суетным, а значит, лучше всего вовсе оставить всё это и прилепиться к Богу. Путь монашеской аскезы.

Есть и другой подход. Всё земное суетно, если только оно берётся само по себе. В Боге же всё земное уже не суетно, но свято и досточестно, ведёт не к **томлению духа**, а к истинной в Боге радости. Иначе зачем тогда всё это Бог сотворил? Бог не Творец суеты. Суета – это мир без Бога. Позиция прп. Феодора утверждает монашеский аскетизм, но едва ли созидательна для земной жизни. Всё земное, в лучшем случае, уступка человеческой немощи, а вовсе не Божественное предначертание и призвание. Миряне обречены себя ощущать второсортными. Давняя внутренняя дилемма христиан. Упразднить эту дилемму до второго пришествия Христа вряд ли удастся, и, видимо, есть Божественный промысл в том, чтобы эта дилемма была. Может быть, именно вхождение в это противостояние и преодоление его и есть путь к христианской святости, к православию⁵.

Наиболее полное, глубокое и всестороннее толкование слов Соломона о **суете сует** даёт св. Григорий Нисский.

После пространного рассуждения св. *Григорий* даёт лаконичное определение понятия **суеты**: «В немногих словах определим понятие сего речения: **суета** есть или не имеющее мысли слово, или бесполезная вещь, или неосуществимый замысел, или не ведущее к концу тщание, или

вообще что-либо, не служащее ни к чему полезному» [40; Беседа 1].

Из определения св. Григория следует, что не есть суета и имеет смысл:

- слово со смыслом;
- полезная вещь;
- осуществимый замысел;
- тщание, старание, приводящее к цели;
- что-либо, служащее к пользе.

Но, испробовав всё, именно этого и не нашёл Соломон в окружающем его мире. То, в чём, казалось, всё это было, на поверку оказывалось пустым.

И остался Соломон в пустоте.

Один монах рассказывал сон, в котором ему дано было ощутить ад. И это был не огонь, не тартар, не угрызение червя. Он ощутил себя беспомощно бултыхающимся в невесомости. Опоры не было никакой.

Соломон не нашёл слов со смыслом, вещей полезных, замыслов осуществимых, стараний, ведущих к цели, чего-либо дающего пользу.

Далее св. Григорий переходит к тому, чтобы «исследовать, что значит: суета суетствий» [там же]. Очевидно, что речь идёт о суете «в превосходной степени», Но св. Григорий не останавливается на этом значении и даёт его более глубокий и тонкий смысл. Он исследует для этого подобные изречения Писания. Первое из них **дело дел**. «Что относится к богослужению, как видно из истории, называется **делом дел** (Чис. 4:47)». Речь в этом тексте идёт о левитах, долженствующих служить при скинии и носить её. Синодальный русский перевод не передаёт в этом месте особенности выражения исходного текста. $\tau\lambda\lambda\ \pi\tau\lambda\lambda$ (авод аводат) еврейского текста греческие переводчики передают как $\tau\acute{o}\ \epsilon\rho\upsilon\omicron\nu\ \tau\acute{o}\nu\ \epsilon\rho\upsilon\omicron\nu$, а славянский перевод: **дело дел**⁶. Св. Григорий, рассуждая о **деле дел**, говорит: «Ибо какое отношение рачительности в делах к праздности вообще, такое же отношение и деятельности в занятиях высших и предпочтительнейших к прочим делам» [там же]. Что обычные дела по отношению к праздности, то высшие дела по отношению к обычным. Это получается дело в квадрате – (дело)². К таким **делам дел** относятся дела богослужебные. Не случайно люди любого рода занятий – плотники и слесари, врачи и инженеры, математики и художники – становятся иногда священниками. А вот обратного хода нет. Обратно – это несчастный поп-расстрига. Один батюшка, в прошлом университетский философ, сказал: «В священстве мужчина получает возможность максимального раскрытия всего, вложенного в него Богом и природой. Это реализация себя в

полноте. Это окончательное и полное его призвание»⁷. Это – **дело дел**. Это – дело для дела.

Подобным образом св. Григорий рассуждает о святом святых: «Так об ином говорится в Писании: «святое», а об ином опять: «святое святых», потому что в равной мере, как святое по святине выше несвятого, так и святое святых представляется преизобилующим во святине пред самым святым» [там же]. **Святое святых** – это то, что свято для самого святого. В православной агиологии Пресвятая Дева Богородица для святых – что святые для всех.

Таким образом св. Григорий подходит к понятию соломоновой **суеты сует**: «Писание скажет, что видимое в существах не просто суетно, но что ему в каком-то преизбытке принадлежит значение суеты; как если бы сказал кто: «Это мертвее мёртвого; бездушнее бездушного... **суета суетствий** показывает крайнюю степень преизбытка суеты» [там же]. Видимая сторона любых существ, по св. Григорию, есть суета для самой суеты, ничто по сравнению с ничем.

Раши утверждает: «Обо всём созданном за семь дней творения мира Когелет с вызовом говорит, что всё являет собою **суету сует**». Раши не поясняет, в каком смысле он это имеет в виду. Но прямому значению такого утверждения категорично противостоит св. Григорий Нисский: «И никто да не подумает, будто бы сказанное служит осуждением твари. Ибо обвинение пало бы на Сотворшего всё, если бы и всё было суетою, и Создателем сего оказался у нас Тот, Кто всё привёл в бытие из ничего» [там же]. Причём св. Григорий утверждает, что это относится не только к душевному, но и к телесному, потому что «от Него [= Бога, – Г.Ф.] и душа, и тело». Даже телесное и плотское, временное и преходящее не может быть **суетою** и **суетою сует**. Однако Екклесиаст явно всё земное, плотское и душевное называет **суетою**. Как же это понять? Св. Григорий Нисский даёт прекрасный ответ: «Говорит Премудрость: **Ибо от величия красоты созданий сравнительно познаётся Виновник [Рододелатель] бытия их (Прем. 13:5)**. Но человеческое недоразумение воззрело не на то, что достойно удивления, по причине видимого, но тому и удивилось, что видело» [там же]. Ошибка человека в том, что он стал поражаться красоте созданий Божиих, красоте природы, а не прославлять Создателя. Раши прав – всё сотворённое Богом за шесть дней творения, всё суетно, включая человека. Всё суета сует, если брать красоту творения в отрыве от Творца. Творение значимо, только если через него человек восходит к Творцу. А иначе всё идолопоклонство и суета сует. Очень часто в это впадает современная наука и искусство, многосуетная деятельность. Цветок,

металл, женщина – всё суета сует без Бога, но в Боге всё приобретает свой вечный смысл. О вечном смысле будет возвещено в Евангелии, а в Екклесиасте – стон и тоска тонущего в **суете сует**, сознающего эту суетность и ещё не обретшего смысл. Но ведь спасение может быть подано только тонущему.

Блж. Иероним (IV в.), согласно с Григорием Нисским, отмечает, однако, не столько суетность мира без Бога и необходимость от тварного восходить к Творцу, сколько то, что тварное, хотя и прекрасно само по себе, но суетно по сравнению с Богом и Царствием Божиим.

Блж. Иероним: «Если всё, что сотворил Бог, **добра зело**, то каким образом всё суета, и не только **суета**, но и **суета сует**?.. В Исходе читаем, что лицо Моисея настолько было прославлено, что сыны Израилевы не могли смотреть на него; но славу эту, по сравнению со славою евангельскою, апостол Павел называет неславною: **ибо не прославился прославленное в части сей, за превосходящую славу (2Кор. 3:10)**. Значит, в подобном смысле можем и мы небо, землю, моря и всё, что содержится в их пределах, признавать хотя добрым в себе, но, по сравнению с Богом, считать за ничто... Смотри на мир и на широкое разнообразие предметов, я, хотя и удивляюсь величию творений, но, размышляя, что всё это преходит, и что мир стареется и имеет конец свой, и что один Бог всегда есть то, что был, я невольно вынужден не однажды, а дважды сказать: **суета сует, и всё суета**" [64; 1, 2].

Взошло солнце – померкли звёзды.

Во славе Божией, по сравнению с ней вся красота сего временного мира **суета сует**. Так мыслил блж. Иероним.

Мученик прп. Пётр Дамаскин говорил о семи духовных познаниях нынешнего века и восьмом познании, переходящем в век грядущий. На пятой ступени этой лестницы познания прп. Пётр находит познание естества и изменения вещей. Все семь ступеней возводят к восьмой – к познанию Бога, называемому богословием!⁸ Ну, а на пятой ступени – Екклесиаст, познание изменчивости и суетности вещей земных.

Прп. Пётр Дамаскин: «По причине сего пятого знания... человек познаёт... естество и изменяемость чувственных творений, что они из земли и снова возвращаются в землю, по изречению Екклесиаста: **суета суетствий и всяческая суета (Еккл. 1:2)**. И Дамаскин так же: суета всё человеческое, что не пребывает по смерти. Не пребывает богатство; не сопутствует слава; с приходом смерти это всё истребляется» [86; кн. 1, гл. «О пятом познании»].

Еккл. 1:3 Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится

он под солнцем?

Некогда великий и богатый царь, удивление и восторг Востока и Запада – теперь нищий философ, ищущий смысл жизни. А смысл в том, что останется, когда исчезнет всё, что можно потерять.

А потерять всё придётся непременно.

Что же останется?..

"Что пользы человеку при всех трудах его под солнцем? И это было моею долей от всех трудов моих! Ничего, кроме посоха, не осталось у меня. Я царём был над Израилем, а ныне я царь только над посохом моим..." [14; с. 136, Агада, трактат Гитин, 68].

Посох в руках у странника. Когда остаётся только посох, значит, не осталось ничего. Всё прошло мимо:

мимо мудрость и знания;

мимо богатство и слава;

мимо женщины и вино;

мимо труды и отдых.

Так размышлял нищий философ, нет, уже не размышлял, ведь и мысль его остановилась, неподвижный взгляд замер пред посохом в руке. Пред ничем...

Что пользы? что пользы?.. – беззвучно шептали уста.

Соломон, испытав всё в этом мире, искал **пользы**. Так переведено в русском синодальном переводе еврейское слово יִטְרֹן (итрон).

«Итрон» – это ключевое слово книги Екклесиаст, нигде в Библии оно больше не встречается. В Екклесиасте оно встречается четыре раза. Кроме толкуемого текста (Еккл. 1:3), оно употреблено ещё в таких изречениях:

Что пользы работающему от того, над чем он трудится? (Еккл. 3:9).

Какая же польза ему, что он трудился на ветер? (Еккл. 5:15).

Много таких вещей, которые умножают суету: что же для человека лучше? (Еккл. 6:11).

В последнем тексте слово יִטְרֹן (итрон) переведено не «польза», а «лучшее».

Слово יִטְרֹן (итрон) произведено от корня טִרַן, что значит «оставаться». Таким образом, «итрон» – это то, что остаётся, это – «остаток», «польза», «выгода», «прибыль». В данном контексте имеются в виду «остаток», «выгода» непреходящего характера. «Польза» не сиюминутная, а вечная, истинная.

Раши так переводит и объясняет слово «итрон»: **«Каково преимущество (что пользы, проку).** Это вознаграждение и излишек

(выгода)» [23; 1, 3].

Семьдесят толковников переводят слово «итрон» на греческий язык словом περισσεία, что значит «изобилие», или «остаток». В таком случае вопрос Екклесиаста означает: что останется человеку после всех трудов его? Какое будет изобилие?

Блж. Иероним переводит «итрон» словом amplius, что значит «больше», или даже «сверх того». Что же будет сверх того? Или иначе: **Что остаётся человеку...**

Церковнославянский перевод точно следует Септуагинте: **Кое изобилие человеку...**

Мартин Лютер переводит на немецкий: **Was hat der Mensch für gewinn,..** («Какая человеку прибыль...»)

М. Рижский переводит: **Что выгадывает человек...**

Что же остаётся после всех трудов под солнцем? Какая будет прибыль? Каково приобретение? Какая польза? Жизнь неумолимо приближалась к концу, и становилось всё ясней – ничто не останется, ничто не приобретено! Пользы нет.

Нет смысла **от всех трудов, которыми трудится человек под солнцем**. Смысла нет.

Итак, Екклесиастом провозглашены два основных утверждения. Первое: Само по себе в этом мире всё суета, пар. Всё суета сует. Второе: Во всех трудах под солнцем нет никакого смысла, не останется ничего, нет никакой пользы. Да, собственно, поэтому всё и **суета сует**, пар, что нет от этого **пользы** человеку, нет истинного приобретения.

Приговор беспощадный и страшный.

Неужели из-за туч не выглянет солнце?..

Внимательнее прислушаемся к Екклесиасту.

Полезно для этого рассмотреть ещё одно слово Соломонова утверждения.

Что пользы человеку от всех трудов его...

Слово **трудо** מַלְא (амало), или **труд** מְלָא (амаль), означает не просто труд, а труд тягостный, мучительный.

Немецкий перевод «...von all seiner Mühe» означает не просто «от всех своих трудов», но, именно, «от всех своих мук». Sich mühen – это и «трудиться», и «мучиться». Немецкое Mühe точно передаёт еврейское «амаль».

Бесполезный екклесиастов труд (что **пользы человеку от всех трудов его**) – это изнурительный, мучительный труд русского мужика, который искал, кому на Руси жить хорошо⁹, и так и не нашёл. Вот в этом

«амаль» нет никакого «итрон». Можно сказать и наоборот. Потому, что во всех трудах под солнцем нет «итрон», нет смысла и истинной пользы, нет ничего остающегося, потому эти труд и «амаль», мучительны и изнурительны. В конечной инстанции всякий труд под солнцем – сизифов труд. Трудимся, чтобы жить, живём, чтобы трудиться. Порочный круг. Смысла нет. От этого и мучительность труда.

Так неужели смысл рассуждений Екклесиаста в утверждении бессмысленности и бесполезности всякого человеческого труда и бытия? Зачем нам такая книга и зачем такая жизнь?!

Ключ к пониманию слов Екклесиаста в том, что он говорит о трудах человека, которыми тот трудится **под солнцем**. Да, в этом мире **под солнцем**, или, как ещё говорят, в подлунном мире, взятом самом по себе, богопросвещённый взгляд **пользы** не находит. Здесь **под солнцем** нет «итрон», нет ничего, что останется для вечности, для души, созданной Богом для Себя. Марксистская атеистическая философия, кстати, честно признавалась вместе с Соломоном, что в человеческом бытии и истории никакой цели нет, всякая цель имеет только конкретно-исторический характер. В данный момент человек делает что-то для чего-то. Но нет цели вообще. Нет «итрон», нет остатка у истории – всё приходит и уходит навсегда. Но душа-то, душа мучительно ищет эту цель, как запретить ей искать **пользу** от всего, что она делает **под солнцем**?.. Не запретишь ни атеисту, ни скептику, ни нигилисту.

«Дай мне точку опоры, и я переверну мир», – говорил в древности Архимед. И он был прав. Зная расклад сил в простейшем устройстве рычага, он понимал, что точка опоры должна быть вне этого мира. За свои волосы вытащил себя из болота только барон Мюнхгаузен.

Польза есть, но она не **под солнцем**, она в самом Солнце Правды (Мал. 4:2), она в Боге, во Христе, Свете истинном.

Можно и иначе сказать. Если солнце – это светило земное, то **польза** не **под солнцем**, а над ним, она в Царстве Небесном. Апостол Павел, живя на земле, говорил, что его **жительство на небесах** (Флп. 3:20). Но так ещё не мог сказать Соломон, он жил **под солнцем**. Богопросвещён и взгляд Павла, и взгляд Соломона. Только один смотрел сверху – и видел смысл и пользу во всём, что делается, **как для Господа, а не для человеков** (Кол. 3:23), а другой смотрел снизу – и не видел смысла и пользы ни в чём, что имеет человек для себя от трудов своих.

Проблема читателя Библии в том, что всё было бы ясно, если бы Соломонов пессимизм и евангельский оптимизм были в одной книге и даже в одном изречении. Но то и другое в разных книгах, раздвинутых

временем друг от друга на целое тысячелетие.

Соломон вопрошает, ищет и мучается...

Ответ в Евангелии.

А нет ничего более скучного, как отвечать на незаданный вопрос. Екклесиаст вопрошает. Иов бунтует. Давид молится. Ответ – в Евангелии. Радостная весть Христа – ответ Екклесиасту, Иову, Давиду. Но они этот ответ ещё не знали. В этом драма ветхозаветной истории. Однако к этому ответу те праведники в своём скепсисе и бунте шли, шли упорно, не уклоняясь никуда.

Так оно бывает и в нашей жизни. В той ветхой, когда мы ещё не знали Христа и хватались за всё в этом мире, но наш внутренний человек, сотворённый по образу Божию, всё это перечёркивал. За что бы ни брались – всё не то. В нашей же новой жизни, где Христос всё осветил Своей любовью, всё приобрело смысл.

И вновь обратимся к преданию, как оно разумело слова Соломона, перечёркивающие смысл всех трудов человеческих под солнцем.

Раши находит ключ к пониманию екклесиастовых слов в уточнении **под солнцем**. Равви толкует так: «**Под солнцем** (или: **вместо солнца**). Вместо Торы, названной светом, как сказано: А Тора – свет (Притч. 6:23)¹⁰. Всякий труд, которым заменяют занятие Торой, что будет наградой за него» [23; 1, 3]. бессмысленны не сами по себе труды человека, а если человек этими трудами заменяет занятие Словом Божиим, когда **вместо** Торы, истинного **солнца и света** – наши дела! Не является ли порой вся наша жизнь выставкой достижений наших трудов, некой ВДНХ во славу свою? И это – суета, и нет в этом никакой пользы для Царствия Божия, а потому и для царства земного тоже.

Св. Дионисий Александрийский размышляет так: «**Кое изобилие человеку во всем труде его, имже трудится под солнцем?** Кто, разбогатев от занятий мирскими делами, увеличил свой рост с двух локтей на три? Или кто из слепого сделался зрячим? Поэтому труды следует направлять выше солнца, ибо туда устремляются усилия добродетелей» [49; 1, 3]. Богатства, приобретённые трудом на земле, даже и в земном имеют мало пользы – не изменишь рост, не вернёшь зрение, поэтому святой отец, на основании слов Екклесиаста, рекомендует стяжать добродетель, которая имеет значение не только здесь, но и в Царстве Небесном, выше солнца. Это чисто христианское отношение к жизни.

Так же, как св. Дионисий, и св. *Григорий Чудотворец* видит в словах Екклесиаста указание на бессмысленность дел временных и земных, не обращённых к вечному и небесному. «Ибо никто не может сказать, что

какая-нибудь польза соединена с тем, что люди, ползающие по земле, и душой, и телом спешат совершить, всецело подчинившись временному, даже не желая хотя сколько-нибудь посмотреть благородным оком души выше звёзд» [44; 1].

Из миров, течение которых выше звёзд, видна земля. Она кружится, кружится и несётся навстречу огню, в котором **земля и все дела на ней сгорят** (2Пет. 3, 10). И вот этими-то делами и занимаются люди земли. Занимаются из века в век. Другого, что выше звёзд, они не видят. Какой в этом смысл? Какая польза?..

Звёзды изучает астрономия, физика. Метафизика – это то, что после физики. А после физики у еkkлесиастовых людей ещё ничего нет.

О труде тела и труде души размышляет св. Григорий Нисский. Но что имеет душа от того, чем так упорно занято тело? «Ибо Еkkлесиаст говорит: **Кое изобилие человеку во всем труде его, имже трудится под солнцем?** Жизнь в теле назвал трудом, домогающимся прибыли без всякого успеха. Ибо говорит: **кое изобилие человеку?** То есть, что приобретается душе в житейском труде живущими только для видимого?» [40; Беседа 1, 1.3].

Интересна мысль святого отца. Не в жизни труды, а сама телесная жизнь есть тяжкий бессмысленный труд. Здесь св. Григорий близок к отрицанию смысла всего земного. Но он не уклоняется в ереси манихейства и дуализма, а уточняет – бессмысленно не само по себе земное, а если человек живёт «только для видимого». В этом – никакого изобилия и никакой пользы!

Блж. Иероним в словах Еkkлесиаста усматривает не общую мысль (её находит в изречении о суете сует), а конкретное нравственное наставление о том, что результаты земного труда обесмысливаются смертью, их не возьмёшь в мир иной: «**Что остаётся человеку во всём труде его, которым трудится под солнцем?** После общей мысли, что всё суета, начинает с людей, – что напрасно изнемогают они в труде мира сего, собирая богатство, уча детей, стремясь к почестям, созидавая здания, когда, похищаемые среди трудов неожиданною смертью, они слышат: **Безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе: а еже уготовал еси кому будут** (Лк. 12:20)? – особенно, когда из всего труда не уносят ничего с собою, а нагими возвращаются в землю, из которой взяты» [64; 1, 3].

Блж. Августин словами и суждениями Еkkлесиаста говорит о суете и отсутствии чего-либо прочного в этой жизни под солнцем, и тем самым утверждает, что найти это прочное можно в иной жизни, в иных ценностях. «Суета суететствий, рече Еkkлесиаст; суета суетствий, и

всяческая суета. Какое изобилие человеку во всем труде его, им же трудится под солнцем. Развивая эту мысль в применении ко всему прочему, упомянув о скорбях и заблуждениях этой жизни и об исчезающем течении времени, в котором ничто не остаётся прочным, ничто устойчивым, он некоторым образом оплакивает в этой суете вещей **под солнцем»** [28; кн. 20, гл. 3] тот факт, что одна и та же участь и доброго, и злого «разумеется – в этой жизни, которая проходит **под солнцем**" [там же].

Итак, смысла, остатка, пользы под солнцем нет ни в каких трудах человеческих.

Нищий философ перебирал задумчиво посох в своих руках.

От всего царства ему оставалось только это сухое древко.

А от всех трудов и богатств не оставалось ничего...

Станный, странный результат.

Рассказывают про Александра Македонского, что, завоевав почти весь мир, приобретя все мыслимые и немыслимые богатства, в тридцатилетнем возрасте внезапно настигнутый болезнью, он велел похоронить себя с ладонями, обращёнными вверх. Он хотел этим показать, что с собой ему взять нечего.

Так почему же нет «итрон», нет того подлинного, что останется, нет **пользы** человеку **от всех трудов его**? Почему всё **суета сует**?

Пытливый ум философа всматривается в окружающий его мир, во всё, что происходит **под солнцем**. А происходит довольно однообразная штука – непрерывная круговерть времён, событий, явлений. Всё **возвращается на круги своя**. В этом причина! Бессмысленное кругообращение жизни, когда в конце ты оказываешься там, где был в начале, и на следующем круге нет памяти о предыдущем.

Белка в колесе. Кружится, кружится из ниоткуда в никуда, ни из-за чего, ни для чего. Без памяти о том, что уже кружилась, а когда ещё будет кружиться, не будет помнить, как кружится сейчас.

Взирая на то, что видел Соломон, философы и жрецы далёкой Индии не помыслили ни о чём лучшем, как о непрерывной цепи перерождений всего живущего. И, не найдя в себе силы крутить это колесо бесконечно, разорвали его в блаженном небытии нирваны.

Без всякой пользы, без всякого «итрон».

Оглядываясь и всматриваясь, наш философ видит непрерывное вращение шести кругов. Древний бытописатель, великий Моисей, видел шесть дней творения мира и видел, **что** всё **хорошо**! А Екклесиаст теперь уныло замечает, что всё это хорошее и прекрасное творение бессмысленно

кружится в круговороте своего бытия.

На седьмой день, когда всё стало уже **хорошо весьма**, отмечает бытописатель, Бог Творец **почил от всех дел Своих** и благословил и освятил день тот.

С разведёнными недоумённо руками нищий философ, бывший царь, а ныне странник отмечает, что нет памяти о прежнем, и даже о том, что будет, не останется её у тех, кто будет после!

После шести дней творения был седьмой день покоя, а у Екклесиаста вместо дня освящённого всегдашнее забвение...

Обозначим эти круги.

1.4 Круг первый: смена родов.

1.5 Круг второй: круговращение солнца.

1.6 Круг третий: круговорот ветров.

1.7 Круг четвёртый: кругооборот воды в природе.

1.8 Круг пятый: ненасыщаемость зрения и слуха.

1.9–10 Круг шестой: повторяемость событий.

1.11 Забвение.

Во всех кругах следует отметить некую общность екклесиастовых образов – нечто бесцельно и безрезультатно кругообращается на фоне чего-то безучастно неизменного. И эта неизменность безучастного ещё сильнее подчёркивает бессмысленность всего суетливо кружащегося.

Круг первый: смена родов

Еккл. 1:4 Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки.

Ищущий смысла и цели Екклесиаст отмечает смену родов. **Род проходит, и род приходит** – поколение сменяется поколением, и всё это на фоне незыблемо остающейся земли. **А земля пребывает вовеки.** Нам же – только век и иногда весьма короткий. Век нашей жизни. И ничего нам не остаётся, как тёплыми ладонями прикоснуться к безмолвным холодным камням, немым свидетелям радостей и скорбей ушедших поколений. А потом кто-то прикоснётся к тому месту, где когда-то были мы.

Родная земля.

Уже нет тех родов, но осталась та земля.

Поэт Анна Ахматова (1889–1966) рассуждала о земле, хранящей прах предков, нет – о земле, которая и есть их прах. Она не раз переживала момент, когда и сама станет этой землёю. Ещё в первой книге своих стихов она говорит об этом:

Замечаю всё как новое.

Влажно пахнут тополя.

Я молчу. Молчу, готовая

Снова стать тобой, земля.

1911 г.

Да, для нас это грязь на калошах,

Да, для нас это хруст на зубах.

И мы мелем, и месим, и крошим

Тот ни в чём не замешанный прах.

Но ложимся в неё и становимся ею,

Оттого и зовём так свободно – своею.

1961 г.

Один человек признался в том, что с раздражением смотрел на обычный столб. Вот меня, живого и разумного человека, уже не будет, а он так и будет стоять.

Однажды мы похоронили одного старика. На поминках я попросил знавших его немного рассказать о нём. Никто ничего не рассказал. Старик старый был. Все, кто его знал, ушли ещё раньше его.

Род прошёл, и род пришёл.

Ещё вполне молодым человеком я возвращаюсь домой со службы. Навстречу – дети. Слышу, как одна девчонка поясняет другим, взглядом

указывая на меня: «Это Кристинин папа». Я потрясён: «Вот тебе и на! – я уже не я, Геннадий, я просто чей-то папа». Уже появились те, в чьём кругу меня нет. Я остался в том круге, что был раньше.

Род проходит, и род приходит.

И в каждом поколении всё с начала. Снова игрушки, снова любовь. Снова война и снова церковный раскол. Всё снова. И это лишь для того, чтобы потом всему опять начаться снова. А потом снова.

Только по земле по той же самой топчемся.

По той же самой кружимся.

Что касается смены поколений, *Раши* с помощью этой простой истины разбивает смысл преступных намерений и дел человеческих: **«Поколение уходит, и поколение приходит. Сколько бы преступный ни утруждал себя, притесняя и грабя, ему не удастся использовать (плоды) своих дел. Ведь поколение уходит, и приходит другое поколение и отнимает всё у его сыновей, подобно сказанному: Его сыновья ублажать будут бедных... (Иов. 20:10)»** [23; 1, 4].

Раши думает о бессмысленности преступных занятий ввиду смены поколений. Но не та же ли участь постигает любые занятия? Смена поколений – и кому достанется и праведный прибыль?!

Но *Раши* продолжает толковать о нравственной позиции. Уходящие поколения – это, по Раши, о ветрености преступников, а пребывание на земле – это устойчивость праведников. **«А земля вовеки стоит. Кто же устойчив? Смиранные, скромные, кто клонится к земле, подобно сказанному: и смиренные унаследуют землю (Пс. 37:11). А мицраш Танхума гласит: Все праведные из сынов Исроэля называются землёй, как сказано: Будете вы землёй желанной (Мал. 3:12)»** [там же]. Аллегорическое иудейское толкование видит незыблемость праведников Израиля и бессмысленную круговерть в поколениях людей преступных. Это уже вполне соответствует евангельскому учению Иисуса: **Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю (Мф. 5:5)**. Бессмысленность кругообращения по грехам своим смертных поколений разбивается о твёрдую землю праведности в Боге. Она не проходит и не приходит, чтобы уйти вновь, но **пребывает вовеки**.

Но думал ли об этом Соломон, нищий философ, прежде царь в Иерусалиме?

Интересное краткое примечание даёт к словам Екклесиаста св. Дионисий Александрийский: **"Род проходит, и род приходит, а земля вовек стоит. Но не вовеки"** [49; 1, 4]. Еврейское לעולם (ле олам) передаётся единственным числом греческого τὸν αἰῶνα. Так и в

славянском: вовек, а не «вовеки». Немецкий перевод даёт слово ewiglich (вечно). Таким образом, синодальный перевод **вовеки** следует признать неудачным, точнее будет перевести «вовек».

Св. Дионисий явно отмечает мысль, что земля, хотя и пребывает неизменно на фоне сменяющихся родов и поколений, однако и сама не вечна, пребудет не вовеки, а только лишь вовек. Соломон занят, конечно, другой мыслью. Он не размышляет о бренности и невечности земли, земля для него – неизменный фон, как карандашом подчёркивающий, что ничего не останется от уходящего поколения, которое сменяется новым.

Св. Григорий Чудотворец поэтически перефразирует слова Екклесиаста: «И истрачивается человеческая жизнь день за днём, и круговращения времён года и годов... когда они то приходят, то неизменно уходят» [44; 1].

Св. Григорий Нисский, осмысливая философски слова Екклесиаста, переходит далее к нравственному духовному назиданию. Сначала, на основании слов Екклесиаста, св. Григорий приходит к выводу, что всё в этом мире остаётся в том состоянии, в котором определил пребывать Создатель. Поколения людей, солнце, свет и тьма и многое другое приходит и уходит, **«земля же стоит**, и в стоянии своём пребывает неподвижною, и что стало, то не приходит в движение, то, что пришло в движение, то не останавливается. Оказывается, что всё во всё продолжение времени само собою ни в чём не изменяется превращением во что-либо новое... Если это примечаем в сих стихиях, то в каком положении следует быть человечеству, которого жизнь заключена в тех же стихиях, и что удивительного, если **род проходит, и род приходит**, и это течение не оставляет естества, между тем как привходящий род людей гонит предшествующий ему, и сам изгоняется вновь приходящим» [40; Беседа 1]?

Что в движении – то в движении, а что пребывает – тому пребывать. И никто не изменит порядок, установленный Богом в мире. Это некий божественный закон сохранения количества движения (импульса).

$n \rightarrow$

$\sum_{i=1}^n m_i u_i = \text{const}$

$i=1$

Эту бытийную первооснову постоянства движения и покоя надо принять. С этим невозможно спорить. На эту тему нас никто ни о чём не спрашивает. Будет, как положено тому быть.

Стояние земли для св. Григория – образец стояния нашего в добродетели: «А для кого добродетельная жизнь кажется трудною, душа

тех терпеливо переносит бедствия да обучается примером земли. **Земля вовек стоит.** Что труднее сего неподвижного стояния? Однако же стояние сие простирается до века. А для тебя время подвига коротко. Не будь бездушнее земли. Не будь несмысленнее бесчувственного ты, снабжённый рассудком и управляемый в жизни разумом; но **пребывай**, как говорит апостол, **в нихже научен еси, и яже вверена суть тебе** (2Тим. 3:14), стоя твёрдо и неотступно, потому что в числе божественных заповедей и следующее: **тверди бывайте и не поступни** (1Кор. 15, 28). Да пребывают в тебе целомудрие непоколебимо, вера тверда, любовь непоступна, стояние во всём прекрасном неподвижно, как и **земля** в тебе **вовек стоит**» [там же]. Таким образом, нравственное понимание слов Екклесиаста св. Григорием совпадает с пониманием Раши. В кругообращении поколений бессмысленны деяния преступников, что злым образом накоплено в одном роду, то ничего не значит в последующем. Как неизменно стоит и пребывает земля, так должно стоять в добре и пребывать в предании, оставленном нам апостолами. Добавим от себя: в каждом роде-поколении появляется новая ересь, новое лжеучение, но уже в следующем они мало что значат, а предание Церкви пребывает вовек и из века в век.

Очень чётко и ёмко толкует Екклесиаста *блж. Иероним*. Святой отец отмечает три мысли проповедника.

Первая мысль – собственно, то, о чём думал нищий философ. Смена и бесследное исчезновение поколений разумных людей на фоне неизменного пребывания неразумной, ничего не мыслящей материи – это воистину ужасно, несправедливо, а потому бессмысленно и не исторгает из груди ничего, кроме горестного признания, что всё суета сует. **«Род проходит, и род приходит; а земля вовек стоит...** Что суетнее той суеты, что земля, созданная для людей, пребывает, а сам человек, господин земли, мгновенно разлагается в прах» [64; 1, 4]? Святой отец отмечает ещё ту мысль, что в выгодном положении оказывается не господин земли, а сама земля, для человека же сотворённая.

...Было о чём думать странствующему философу, опиравшемуся на посох и почти бесцельно разглядывавшему земную пыль под ногами.

Вторая мысль *блж. Иеронима* иносказательная: **«Род проходит, и род приходит; а земля вовек стоит...** Иначе: первым проходит род иудейский, и место его занимает род, собранный из язычников, а земля стоит до тех пор, пока по прехождении синагоги не войдёт вся церковь. Ибо, когда Евангелие будет проповедано во всём мире, тогда настанет кончина» [там же]. Таков своеобразный ход мессианско-эсхатологической мысли святого отца. Прошёл род иудейский, пришёл род христианский, а

земля будет стоять до тех пор, пока кончится синагога и проповедано будет евангелие Царства по всей земле.

Третья мысль *блж. Иеронима*. Здесь всё ещё своеобразней: «И знаменательно сказал [Екклесиаст. – Г. Ф.]: **земля вовек стоит**, а не **вовсеки**. Мы же хвалим Господа не в один век, но во веки веков» [там же]. В соответствии с иносказанием *блж. Иеронима*, речь идёт о том, что иудеям был дан **век**, то есть ограниченное время до Христа, славословие же христиан идёт во веки веков, никогда ничем не ограничиваясь.

Круг второй: круговращение солнца

Историческому кругообращению родов и поколений Екклесиаст находит подобие в природе. Первое такое подобие – круговращение солнца. Обычному наблюдению помогало понимание законов природы посредством мудрости, ещё в отрочестве обрётённой у Бога. Екклесиаст – астроном.

Еккл. 1:5 Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит.

Неизменность кругообращения солнца, ежедневный восход и закат – подчёркивает неизменяемость и бесцельность всего. День прошёл – день пришёл, прошлое не удержишь – будущее не поторопишь. Не было тебя – не будет тебя, что было – то и будет. Суетись, сколько хочешь – солнце всё равно восходит и заходит, ему нет дела до тебя.

Пребывающая земля раздражает уносящегося в круговерти поколений человека, оторвал от неё взгляд философ, обратил его к нему – а там всё, как у людей: **восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит.** То же самое, что **род проходит, и род приходит...**

Только легче от этого философу не стало.

Наоборот, всё усугубилось.

Всюду один мировой закон – у людей, у солнца. Смысла нет нигде.

За тысячу лет до Соломона, за сорок родов до него, другой ищущий муж уже смотрел на солнце. Он тоже искал смысл, смысл глубокий и вечный. Выросший в язычестве, сын идолопоклонника, он искал Бога. «Когда же он [Ибрахим или Авраам. – Г. Ф.] увидел солнце восходящим, то сказал: «Это – Господь мой, Он большой!» Когда же оно зашло, он сказал: «О, народ мой! Я непричастен к тому, что вы придаёте Ему в сотоварищи» [20; 6, 78].

Восходит солнце, и заходит солнце...

Это не Бог.

Авраам ушёл из Ура Халдейского и в кругообращающемся солнце смысла больше не искал.

**Восходит солнце, и заходит солнце,
и спешит к месту своему, где оно восходит.**

Где же солнце **спешит к месту своему, где оно восходит?** Явно под Землёй. Больше нигде! Значит, Солнце вращается вокруг Земли. Так это видели все поколения людей. Так это сформулировал, производя

сложнейшие расчёты, во II в. по Р. Х. Клавдий Птолемей. Земля находится в центре, и все небесные светила по причудливейшим траекториям вращаются вокруг неё. Геоцентрическая птолемеяевская картина мира. Все тексты Библии таковы же: Земля тверда, пребывает незыблемо, всё вращается вокруг неё.

И вот неведомые общественности научные труды польского монаха Николая Коперника. Монах умирает, труды обнародованы. Взрыв! Не Солнце вокруг Земли, а Земля и все планеты вращаются вокруг Солнца. Иоганн Кеплер выводит три простых и лаконичных закона, как именно это происходит. родоначальник новой классической физики Галилео Галилей доведён папской курией до отречения на коленях у Коперника. Но, встав, сказал: «А всё-таки она крутится!» «Она» – это Земля.

И закружилась. В этом давно не сомневается никто. Проверено не только уравнениями, но и реальными опытами и полётами.

А Библия что? Туда же её, куда и Птолемея?

Автор, физик по образованию, был крайне удивлён, когда один раз за всю свою жизнь встретил человека, вполне серьёзно утверждавшего, что Земля никуда не движется вообще, а Солнце и все остальные светила вращаются вокруг неё. На чём он основывался? На Библии. Ведь все её тексты действительно говорят именно так. А астрономия? Наш собеседник сказал просто: это лженаука.

Мы же – не о лженауках, а о Библии. Как разуметь её изречения и утверждения? Вот три возможных ответа.

Ответ научный,

Ещё Галилео Галилей, а потом Альберт Эйнштейн сформулировали принцип относительности механического движения. В конечном счёте, речь идёт о более удобных и приемлемых системах отсчёта, о не о том, что «на самом деле» относительно чего движется. В рамках солнечной системы для расчётов наиболее удобна система отсчёта, связанная с солнцем, то есть гелиоцентрическая система Коперника. Но никто не сказал, что нельзя всякое движение во вселенной считать относительно центра Земли. И тогда система отсчёта будет геоцентрическая, библейская. И ещё. Не следует отрицать, что Библия на самом деле пользуется образами картины мира, которую имели народы времён богооткровенных пророков. Шло бы это откровение сейчас, использовали бы образы современной научной картины мира. Но ведь и она скоро устареет. Будет новая. А Солнце так и будет восходить, и заходить, и вновь спешить к месту своему, где оно восходит.

Ответ риторический.

Не только в древности, но и после Коперника до сего дня вся бытовая риторика у всех народов геоцентрическая. И сегодня на всей планете любой астроном утром говорит о восходе солнца, вечером – о заходе, не напрягаясь произнести это как-нибудь в соответствии с законами Кеплера, кругообращения Земли вокруг своей оси и так далее. И это нормально. Также нормально говорит Библия языком земного обывателя, причём, обывателя тех библейских времён. И не надо из риторики делать физику.

Ответ богословский,

Богословски библейская картина мира действительно геоцентрична и даже антропоцентрична, более того – сердцецентрична (кардиоцентрична). Всё вокруг Земли, вокруг человека, вокруг и ради души человеческой. Пространственная же картина мира здесь менее всего причём.

Как и смена родов и поколений, так и кругообращение солнца *Раши* толкует с нравственных позиций;

"И восходит солнце..."

Поколение уходит, и поколение приходит, в то время, как солнце восходит утром и заходит вечером и всю ночь стремится вернуться туда, откуда вчера взшло, чтоб взойти сегодня... так и преступные: сколько б их солнце ни всходило, под конец оно закатится: сколько б ни крепили они, под конец возвратятся на своё зловонное место – из грязного вышли они и на грязное место уйдут» [23; 1, 5–6]. Это особенно наглядно в болотистых местах. Вышло утром солнце из болота, сияло днём, а вечером опять в грязь болотной топи.

Велик был отец и учитель народов Сталин, а потом – культ личности, тиран.

На высоту власти и мировых достижений строящей коммунизм страны поднялся Никита Сергеевич Хрущёв, а потом – низложен и смещён, не с ракетой, вырвавшейся в космос, а с жалкой кукурузой в руках.

Безоблачен и почти нескончаем день Леонида Ильича Брежнева, а потом – беспросветная эпоха застоя и коррупции.

Великолепен и захватывающ дух архитектора перестройки Горбачёва, а потом – развал великой державы и вырубленные виноградники.

А над всеми – бессмертный Ленин, теперь же жалкий набальзамированный труп, который не принимают ни небо, ни земля.

Унеслась в прошлое советская власть. А солнце по-прежнему восходит и заходит и заходит. Вновь поэтическое переложение св. Григория Чудотворца: «И истрачивается человеческая жизнь день за днём,

и круговращения времён года и годов, определённые течения солнца, когда они то приходят, то неизменно уходят» [44; 1].

Происходящее с солнцем, ветром, водами, по св. *Григорию Нисскому*, образ того, что происходит с людьми. Св. *Григорий* даёт общий принцип: «Обозревая вселенную, человеки, уразумейте своё собственное естество» [40; Беседа 1].

Св. *Григорий* на примере кругообращения солнца показывает однообразную повторяемость в жизни человека: «Как совершается течение солнца, говорит Екклесиаст, солнце, восходя над верхнею частью земли, проходит южными странами, а под землёю идёт противоположную северную часть; и, таким образом, всегда круговращаясь, обходит свой путь, и снова идёт, возвращаясь на оный (ибо сказано: **обходит окрест**); так поэтому и твой **идёт** дух..., круговое сие шествие совершая одинаковым образом» [там же].

За этой философией, по св. *Григорию*, должны следовать нравственные и духовные выводы: «А кто уразумел это, тот немало пользы приобретёт для своей жизни. Что блистательнее света? Что явственнее лучей? Однако же, если солнце идёт под землёю, светение скрывается и луч исчезает. Смотря на это, человек целомудреннее да проходит жизнь свою, презирая здешнюю знатность, дознав из видимого, что знаменитое не остаётся таким всегда. Но изменчивы преемства противоположностей, ничто не остаётся таким, каково оно в настоящее время, ни молодость, ни красота, ни блеск властительства» [там же].

Наблюдающий за этим кругообращением не уподобится глупцу, купающемуся в сиянии солнечных лучей и внезапно оказавшемуся во тьме ночи. Не будет он унывать и ночью, зная, что скоро опять день. **Ибо кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится** (Мф. 23:12).

Блж. *Иероним* в кругообращении солнца находит указание на неизбежный и неожиданный закат всего, что велико в глазах человеческих: «**Восходит солнце, и заходит солнце...** всё же это говорится для того, чтобы переменами времён и восходом и заходом светил небесных научить, что род человеческий падает и погибает во время для него неизвестное» [64; 1, 5].

Далее, как обычно, блж. *Иероним* предлагает мессианское иносказание, научающее духовной жизни: «Иначе: Солнце правды, в крылах коего сила, восходит для боящихся Бога, а для ложных пророков и в полдень заходит¹¹. А, восшедши, влечёт нас на место своё. Куда? – без сомнения, к Отцу. Ибо для того и пришёл Он, чтобы подъять нас от земли

на небо и сказать: **Когда вознесён будет Сын Человеческий, всё привлечёт к себе (Ин. 12:32)**» [там же].

Блж. Иероним приводит также наглядные примеры, как в жизни одного и того же человека солнце то заходит, то восходит опять: «Оное солнце... некогда зашло для Иакова патриарха, когда он выходил из земли святой, и снова вошло для него, когда из Сирии он входил в землю обетованную (**Быт. 28**). И Лот, когда вышел из Содомы и прибыл к городу, в который ему повелено было спешить, то вошёл на гору, и солнце вошло над Сигором (**Быт. 19**)» [там же].

Переведённое синодальными переводчиками: **и спешит (солнце) к месту своему** – это после захода солнце снова спешит к месту восхода своего – иначе переводится: **И в место своё влечётся**. Этот оттенок мысли блж. Иероним относит ко Христу, Сыну Человеческому, Который боящихся Бога влечёт к Отцу, на высоту небес. Подобную мысль высказывает и такой толкователь-аллегорист, как *прп. Максим Исповедник*: «Поэтому созерцатель (вещей) божественных путь усердно восходит горе, следуя за Словом до тех пор, пока не окажется в том месте, где (обитает) Оно. Ибо туда Слово **влечёт**, как говорит Екклесиаст. **И в место своё влечётся (Еккл. 1:5)**, то есть влечёт следующих за Ним, как за Великим Первосвященником, вводящим в Свята Святых, куда **предтечею за нас вошло Оно Само (Евр. 6:20)** [82; Главы о богословии, вторая сотница, 32]. Солнце не просто **спешит к месту своему** – оно влечёт за собой наблюдающих за ним, как и само в место своё влечётся. Отсюда астрономы, поэты, художники – все они увлеклись движением солнца. Так и в духовной жизни.

Пестрота толкований святых отцов может иных и смутить. Не выдумки ли всё это? При чём тут текст и размышления самого Екклесиаста? Действительно, нельзя уходить от прямого драматического значения хода рассуждений царя-философа, ищущего в этой жизни хоть какой-то смысл. Нельзя затемнять прямую мысль Екклесиаста аллегориями – он не визионер и говорит не притчами. Но нельзя и отрицать право на то, чтобы, отталкиваясь от слов проповедника, восходить в область духовных созерцаний. Об этом герменевтическом подходе так говорит *авва Евагрий*, друг великих каппадокийцев *Василий Великого* и *Григорий Богослова*, философ пустыни и подвижник-аскет (IV в.): «(Места Св. Писания), относящиеся к нравственному любомудрию¹², (иногда) содержат естественное созерцание и даже богословие. Например, то, что говорится... о **солнце**, которое **восходит и заходит и спешит к месту своему (Еккл. 1:5)**, – всё это относится, во-первых, к богословию,

во-вторых, к нравственному учению, а в-третьих, к естественному (любомудрию¹³)» [55; Творения, Умозритель, п. 20].

Круг третий: круговерть ветров

С астрономических высот взгляд ищущего философа соскальзывает в атмосферу, в беспокойные воздушные потоки, надеясь за что-нибудь зацепиться там.

А там:

Еккл. 1:6 Идёт ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги свои.

Ничего постоянного в воздухе нет.

Нет и ничего целеполагающего.

Всё кружится, **кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги свои**, или, как мы привыкли к этим словам по-славянски, **всё возвращается на круги своя**. И неуловимее солнечного круговращения круговерть ветров – кто уследит за нею, кто найдёт в ней какую-либо цель? К **югу** идут холодные ветры с севера, к **северу** – тёплые южные ветры. И так всё **кружится, кружится на ходу своём**. Передвигается воздух ветрами, а потом возвращается на места свои. И ничего другого не происходит в воздухе из века в век.

Что ж, философ, может, погонишься за ветром? Не вернёт ли он тебя на место, с которого ты начнёшь свой бег?!

Сколько раз уже закручивались революционные вихри! А потом? – всё опять **на круги своя**. Сколько раз нам удавалось раскрутиться – в бизнесе, на сцене, на арене. Кружились, кружились. Бывало и головокружение от успехов. А потом – всё **на круги своя**. И стоишь, где начал. Только годы улетели, здоровья нет, а может, и совести.

Ветры унеслись.

И принесутся снова. Только кружиться будут уже другие.

Бесцельное круговращение ветра описывает *Раши*:

"Ветер (или: направление)... и на круги свои возвращается.

Так же и завтра. Весь кругооборот, совершённый вчера, совершает сегодня.

Идёт к югу

всегда днём

кружит к северу

всегда ночью

кружит, кружит, идёт

на восток и на запад. Ведь порою бывает «хождение» днём, а «кружение» ночью» [23; 1, 6].

Казалось бы, какую сложную погодную карту Земли формируют кружащиеся над ней ветры, но в конечном счёте всё остаётся как есть. Где пустыня – пустыня, где тепло – там тепло, где холод, где дожди – там дожди. И во всей изменчивости погоды всё одно и то же.

Св. Григорий Чудотворец отмечает, что «и набегающие ветры... сами не нарушают законов. И именно так устроено то, что служит нам для этой жизни» [44; 1]. Даже изменчивые ветры не нарушают законов... Екклесиаст задыхается в тисках и круговерти детерминизма. Ах, эта нудная однообразность законов. И в жизни, что в природе. Ветры перемен, которых так часто ждёт человек, не переменят ничего.

Диалектическая спираль закона отрицания отрицаний¹⁴ тоже кружит человека; кружит, но всё-таки возводит его, таким образом, на новую ступень. В отличие от Гегеля, Соломон этого не видит. Всё **возвращается на круги своя**. По Гегелю, человек возвращается к тому же самому на новом уровне развития; по Соломону – всё просто возвращается вновь.

Соломон смотрит глубже. Гегелевская вертикаль обманчива. Историческое развитие оставляет дух человека там, где он был. А вертикаль, превращающая круг в спираль? А развитие? Это для развлечения, чтобы не так обидно было и скучно кружиться на месте. Но, протрезвев от головокружения, увидишь – ты опять всё там же.

И к рабству (концлагеря нацистов, сталинские лагеря и прочее), и к набедренным повязкам, и к людоедству (фетальная терапия) мы вернулись вновь. На новом уровне развития? «Развития» – может быть, и да, но на прежнем уровне духовной пустоты и греховного падения. А, значит, опять по Соломону, опять мы там, где и были. Развиваясь, оказались там, где и начинали.

Ветер всё кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги своя. Не только ветер, и мы тоже.

Однообразность кругообращений в природе, по св. Григорию Нисскому, образ повторяемости всего в жизни человека: «Один путь всем, один круг жизненного течения... так поэтому и твой **идёт** дух, круговое сие шествие совершая одинаковым образом. Ибо сказано: **идёт, и на круги своя обращается дух**» [40; Беседа 1]. **Ветер** и **дух** по-еврейски одно слово: $\pi\iota\tau\eta$ (га руах), как и греческое $\tau\omicron\ \lambda\upsilon\epsilon\iota\mu\alpha$. **Кружится, кружится на ходу своём** ветер, также и дух человеческий.

Говоря о значении текста, блж. Иероним предполагает, что Соломон «духом (руах) назван или самое солнце... или и светлый шар луну и звёздные миры» [64; 1, 5]. Сказанное о солнце и ветре святой отец различает как сказанное о годичном и дневном кругообращении солнца, а

мы бы теперь сказали: кругообращении земли.

Круг четвёртый: кругооборот воды в природе

Еккл. 1:7 Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь.

Всякий современный человек невольно вспомнит школьный урок природоведения, когда учительница рассказывала о кругообороте воды в природе. Вода испаряется, образуется облако. Облако изливается дождём. И вновь на земле воды, вновь испарение. И так без конца. Наш странствующий философ отмечает подобное. **Реки текут в море.** Казалось бы, скоро море должно выйти из берегов. Не выходит. **Море не переполняется.** Почему? – да **к тому месту, откуда реки текут, воды возвращаются, чтобы опять течь.** Каким образом? Это знают геофизики, гидрологи. Тут и испарения, и дожди, тут и сложная динамика под землёй. Природа – сложный сбалансированный организм.

А ищущий хотя в чём-либо смысл и цель нищий философ потрясён вновь. И здесь бесконечный кругооборот. В могучем течении реки смысла нет. Море не увеличится в объёме, не переполнится. Что может противостоять течению реки? Но как бы ни стремились, ни рвались к морю воды, унося с собой всё, что попадает в них, но скоро эти воды опять будут там, где начали свой бег. И всё с начала. И так из века в век.

В раздумье философ на берегу реки. Так сколько раз вы уже пробежали этим путём?..

И наша жизнь – что эти речные потоки. Только первый раз пронёсся мимо этих берегов кто-то из наших предков. Теперь мы. И реки будут те же самые, и море не переполнится, и земля не перенаселится. Только жить будут уже другие.

И снова тетрадка откроется. И лист будет чистый. Только писать уже буду не я, как и раньше не я писал. И даже то не имеет значения, клинышки ли на глиняной табличке или экран компьютера. Ну, а у меня – бумага, авторучка. А у тех, что до меня, перо было гусиное, а железным я и сам писал.

Но смысл-то, смысл где? Где то, что останется? Где итрон? И к какой это цели стремится?..

Ни к какой.

Бесцельный круг.

К тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь.

Итрона нет. Всё без остатка. **Море не переполняется.**

Бесцельность этого круговращения всего в природе не замечали язычники – идолопоклонники. И всё боготворили. Так и в наше время материалисты. Только не боготворят, а принимают природу и жизнь такую, как она есть, без смысла и цели. Принимают и просто живут. Без всякой конечной цели, ведь её всё равно нет. Просто живи одним днём. Сегодня стремись к морю, а завтра на полном ходу назад, чтобы потом опять к морю... Ну, а в древности всё это ещё и боготворили, жертвенники строили. Но с этим не мог смириться отец всех верующих Авраам. Он взял палку и разбил идолов в лавке отца своего Фарры, изготавливавшего их и продававшего на базаре. За это и предстал на суде пред Нимродом. И раскрылся на суде том бесцельный круг в природе.

Нимрод говорит Аврааму:

«- Поклонись огню¹⁵, как божеству, и я пощажу тебя.

– Огню? – ответил Авраам. – Не правильнее ли поклоняться воде, которая тушит огонь?

– Хорошо, поклонись воде.

– Не поклониться ли лучше облаку, насыщенному водой?

– Я и на это согласен – поклонись облаку.

– Но разве не сильнее ветер, разгоняющий облако?

– Поклонись же, наконец, ветру!

– Но разве человек не преодолевает и силу ветра?

– Довольно! – воскликнул Нимрод. – Я поклоняюсь огню и тебя заставлю ему поклоняться» [14; Агада, трактаты: Тана дебэ Элия и Берешит-Раба, 38]. В огонь Нимрод Авраама бросил, но заставить поклониться не смог. Зверолов не смог победить пастуха¹⁶. Бесцельный круг природы не Бог, в нём нет остатка (итрон), за который бы мог ухватиться здравый разум. Тем более в этом круговороте природы нечему поклониться. Не это Бог!

Раши ещё до исследований геофизиков пытается понять физику кругооборота воды в реках и морях и высказывает своё суждение об этом, а потом прилагает нравственный вывод: **«Все потоки идут к морю, а море не полно.** Ибо они в нём не остаются. Ведь океан возвышается над миром, как сказано: **Призывает он воды морские и изливает их...** (Ам. 5:8). Откуда изливает? Сверху вниз. И потоки устремляются из океана в русла, проходящие под горами, и вновь струятся. И таково (значение сказанного) **к месту, откуда потоки идут, туда они возвращаются.** – Так и преступный: как пришёл, так и уйдёт» [23; 1, 7]. Раши, как всегда, в словах Когелета видит бессмысленность не вообще бытия человеческого, а преступного мира. Не все люди, а преступные как приходят, так и уходят,

и ничего от их дел не остаётся.

Когелет, однако, с печалью видит эту бесприбыльную круговерть бытия и в жизни праведных тоже.

Св. Григорий Чудотворец: «И истрачивается человеческая жизнь день за днём... это подобно прохождению бурных потоков, с великим шумом низвергающихся в неизмеримую бездну моря... и что реки в таком количестве изливаются в море, и набегающие ветры не заставляют его преступить определённой ему меры... И именно так устроено то, что служит нам для этой жизни» [44; 1]. Всё в жизни человека происходит так же, как в природе.

Св. Мефодий Патарский (III в.) рассуждает о **пиявице** (пиявке), которой Соломон в Притчах уподобляет **ненасытимост**ь (Притч. 30:15–16). Ненасытимой кровососущей пиявке подобны преисподняя (ад), утроба бесплодная (вожделение женщины), земля, которая не насыщается водой, и огонь, который не говорит: «довольно!». Сказанное Соломоном св. Мефодий относит к «враждебной силе, которая, не насыщаясь злобой, живёт в духовных водах, как и тот левиафан» [44; «О пиявице», пп. 3–5]. Сказанному об этой ненасытимой враждебной силе и её двух дочерях – аде и преисподней – подобно, по св. Мефодию, и сказанное Соломоном в Екклесиасте о море и впадающих в него реках. «Исследуй, не соответствует ли этому слово, сказанное Екклесиастом: **Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту (откуда) реки (текут, они возвращаются)** (Еккл. 1:7). Думаю, что пророк говорит о подобных рекам силах, упавших на землю (с небес), (которые) как бы перешли от сладости к горечи. А что, (как) он говорит, море **не переполняется**, (то это соответствует тому, что) злоба никогда не насыщается приходящими к ней душами» [там же].

Море не переполнится реками, сатанинская злоба не насытится всеми притекающими к ней душами. Воистину, это море злобы подобно разинутой пасти ненасытимого левиафана. И никогда злоба не скажет очередному грешнику: «Довольно! Хватит! Я уже переполнена».

Так св. Мефодий проводит не только нравственное подобие, как Раши, но и духовное, вскрывая его демонологическую основу.

Продолжая мысль св. Мефодия Патарского, можно привести аграф, не записанное в Евангелии изречение Иисуса Христа: «Кто стремится быть богатым, тот подобен человеку, пьющему морскую воду. Чем более он пьёт, тем сильнее в нём становится жажда, и никогда он не перестанет пить, пока не погибнет» [20; цит. по 33, с. 13]. Но как только этот погибнет, ещё несколько таких же уже припадут к солёному морю. **Море**

не переполнится, и реки,.. возвращаются, чтобы опять течь.

Св. Григорий Нисский их еkkлесиастова образа обращения вод в реках и морях также извлекает нравственное назидание, как это делает св. Мефодий Патарский. Мысль св. Григорий созвучна мысли аграфа Иисуса из Корана в отношении любостяжания.

Св. Григорий Нисский: «Если же кто предан любостяжательности и, подобно какому-то морю, разверзши безмерную похоть, не насыщается отовсюду стекающими прибытками; то, смотря на действительное море, да врачует он болезнь свою. Ибо, как море при тьмочисленных притоках вод не преступает своей меры, но пребывает в одинаковой полноте, как бы не было в нём никакого прибавления вод; таким же образом и человеческое естество, ограниченное особыми мерами в наслаждении тем, что есть, не может способности к наслаждению с жадностью расширять, смотря по множеству доходов; но, как и приток богатства прекращается, так и сила наслаждения сохраняется в своих пределах» [40; Беседа 1]. Это означает, что, сколько бы не имел ты богатств, а всё двумя ложками сразу хлебать не будешь, и на завтраке не в обеих руках сразу будет по куску колбасы. Возможность наслаждаться у человека ограничена, как и морю обозначен предел. Так нужны ли тогда реки наслаждений в таком количестве? «Поэтому, если наслаждение не может превзойти меру естества, то для чего привлекаем к себе притоки доходов...?» [там же].

Св. Василий Великий, рассуждая о третьем дне творения, когда воды были собраны в свои места, раскрывает физик происходящего кругооборота воды в природе, но говорит и о первом толчке, о Божественном начале этого движения, которое потом происходит само и которое уже никто остановить не может. В этих рассуждениях св. Василий обращается и к наблюдениям Еkkлесиаста.

Св. Василий Великий: "**Да соберутся воды в собрание едино** (Быт. 1:9). Тебе, стоявшему при роднике, дающем обильную воду, не приходила ли когда-нибудь мысль спросить: Кто гонит эту воду из недр земли? Кто заставляет её спешить вперёд? Каковы хранилища, из которых она выходит? Что за место, куда она поспешает? Почему и хранилища не оскудевают, и место стоков не наполняется? – всё сие зависит от первого Божия глагола. Им дана воде сила течь. При всяком повествовании о водах помни этот первый глагол: **да соберутся воды**. Им надлежало течь, чтобы занять свойственное им место, а потом, достигнув определённых мест, оставаться в своём положении и далее не поступать. Посему-то, как говорит Еkkлесиаст: **вси потоцы идут в море, и море несть насыщаемо** (Еккл. 1:7); ибо, если воды текут, то сие по Божию повелению; и если море

заключено внутри своих пределов, то сие есть следствие первого законоположения» [34; Беседы на шестоднев. Беседа 4 «О собрании вод»].

Святой Василий научно грамотно и чётко ставит вопросы. Он ещё не имеет в руках современных карт движения воды и тем уступает нынешним геофизикам и гидрологам, но он лучше их осознаёт необходимость начального импульса движения, и он знает его в «первом Божием глаголе». Он осознаёт, что за законами физики стоит «Божие повеление».

Блж. Иероним, как и св. Василий, пытается осмыслить физику кругооборота воды в природе. Отвергая мнение, что пресные воды, впадая в солёные морские, испаряются или, наоборот, питают их собою, он утверждает: «Екклесиаст и Творец самих вод [то есть, Господь. – Г. Ф.] говорит, что они скрытыми жилами возвращаются к верховьям источников и из главной питательной пучины постоянно прорываются в истоках текучих вод» [64; 1, 7].

Далее *блж. Иероним* приводит интересное сравнение из еврейских толкований: «Евреи же лучше думают, что под именем потоков и моря метафорически означаются люди, что они возвращаются в землю, из которой взяты, и что они называются **потоками**¹⁷, а не реками, потому что скоро прерываются, хотя, однако, земля не наполняется множеством мёртвых» [там же].

Сколько бы ни хоронили людей, сколько бы ни превращались они в прах, как высоко ни насыпались бы могильные курганы, количество земли не прибывает. Приемля в лоно своё людей, земля вновь возвращает их – рождаются новые люди, и круг жизни продолжается...

Переходит *блж. Иероним* и к нравственному назиданию: «Далее, если мы взойдём к более высокому, то справедливо мутные воды страстей возвращаются в море, откуда получают начало» [там же].

Круг пятый: ненасыщаемость зрения и слуха

Кончил философ оглядываться вокруг, не на чем остановить взгляд в природе – она вся в нескончаемой круговерти и однообразном повторении того, что было. Повторении без остатка.

Но человек – венец творения. Может, в нём что-то не так, может, он устроен иначе? Некогда великий Соломон, а теперь странник с посохом помнит, что человек сотворён по образу Божию. Да если бы не было ничего в остатке, то почему же я этот остаток, эту прибыль от жизни ищу, ведь не ищут их ни земля, ни солнце, ни ветер, ни потоки вод! Итак, скорей к человеку!

А в человеке:

Еккл. 1:8 Все вещи в труде; не может человек пересказать всего; не насытится око зрением; не наполнится ухо слушанием.

Вот тебе и на – и здесь то же самое!

А может, и не то же самое. В природе безразличный круговорот всего, ни на что не претендующий. Здесь – не так. Тот же круговорот и отсутствие цели, но к нему – неизбывная тоска, дерзкая претензия, ненасытимая страсть. Чем больше имеешь, тем больше хочется. Откуда это?

Нет никакого итрон, нет ничего подлинно ценного и остающегося. Человек с жадностью кидается на то, что есть. **Все вещи в труде**, но всего не переделаешь, и чем больше делаешь, тем больше дел ещё. Так много хочется сказать, есть что сказать, но **не может человек пересказать всего**. И чем больше сказал, тем больше остаётся невысказанного. Бедные риторы и писатели – том за томом уже теснятся на полке, а так и **не пересказать всего!** Как много хочется увидеть. Дальние и многие путешествия преодолены, экран телевизора и сцена театра – а всё **не насытится око зрением!** Сколько ни видишь, а хочется ещё. Один батюшка удивился, когда молодой человек ему исповедался: «/Я много смотрел». Это из окна автобуса. Батюшка ничего не понял. Многословие – ясно, дело гнилое. А что такое «много смотрел»? Нужна некая духовная жизнь, чтобы это понять. Понять страсть очей, не могущих насытиться зрением. Не отстаёт и ухо. Так много хочется услышать. Так разнообразен, удивителен, впечатляющ мир звуков и слов. Но... **не наполнится ухо слушанием**. Водой – запросто, нырнул неловко – потом прыгай, вытряхивай. А вот слова и звуки, как воронкой, втягиваются в ухо, и сколько ни слушай – не наполнится ухо!

Так что же это такое?..

Бедя с человеком, да и только.

Сколько трудов переделано при Соломоне! Храм, дом из дерев кедра ливанского, многие стройки. По десять тысяч работников царя в месяц ходили на Ливан. Семьдесят тысяч носящих тяжести и восемьдесят тысяч каменотёсов в горах работали у Соломона. Три тысячи триста начальников присматривали за работами. Вместе с соломоновыми людьми трудились работники Хирама, царя Тирского на Ливане.

Задумчиво сидит нищий философ, крутя посох в своей руке. **Все вещи в труде**, но только что с того? Что останется, а не рассыпавшись, будет в веках созидаться вновь?..

Через полторы тысячи лет другой царь войдёт в новосооружённый им храм и воскликнет: «Я превзошёл тебя, Соломон!» Это было в 538 году, император Юстиниан так сказал, вступил в заново отстроенный храм Святой Софии в Константинополе.

И все цари на земле искали видеть Соломона, чтобы послушать мудрости его (3Цар. 10:24)... Царица Савская, услышав сама Соломона, восклицает: **Блаженны люди твои и блаженны слуги твои, которые всегда предстоят пред тобою и слышат мудрость твою (3Цар. 10:8)!** Дальние переходы через бескрайние пустыни не останавливали царей, лишь бы услышать Соломона. Таковы были речи его.

И вот сидит он, нищий, славословия давно улеглись, а он знает: **не может человек пересказать всего**. Так стоит ли начинать? Тем более, что после тебя это же скажут другие, и кто вспомнит, что и ты когда-то уже говорил это?

Не было храма в древности, который красотой мог бы сравниться с Соломоновым. Царь видел его всегда. Он видел дом из ливанского дерева. Он видел спускавшихся от его трона двенадцать львов на ступенях, он видел золото и серебро, слоновую кость, обезьян и павлинов (3Цар. 10:19–22). А что он не видел?

Но не насытилось око его зрением.

Царь слышал хоры левитов, поющих и играющих на ступенях храма. **Когда священники вышли из святилища... и левиты певцы, ... одетые в виссон, с кимвалами и с псалтирями и цитрами стояли на восточной стороне жертвенника, и с ними сто двадцать священников, трубивших трубами, и были, как один, трубящие и поющие, издавая один голос к восхвалению и славословию Ягве (2Пар. 5:11–12).**

Царь слышал свирель отца своего Давида.

Царь слышал славословия и восхваления от всех стран земли.

Но не наполнилось ухо его слушанием.

А теперь всё тихо. И говорить некому. Дела и труды закончились.

Сидит философ, размышляет. А потом и сама мысль останавливается... Русский мужик сказал бы: «Приехали!»

А теперь обратимся к Преданию, к учителям и отцам, к их разумению слов Соломоновых, беды Соломоновой.

Раши чётко и точно решает проблему Соломонову – подмена вечного временным и видимым, а там не найдёшь того, чего ищет душа, там душа не насыщается. **«Все речения утомительны... не насытится глаз, ...не наполнится ухо.** Относится к **что пользы** (ст. 3). Если вместо занятия Торой станет заниматься разговорами пустыми, то ведь они утомительны и необъятны. Станет заниматься видимым, глаз его не насытится, (станет заниматься) слышимым, ухо его не наполнится» [23; 1:8].

Утомительность и необъятность разговоров, которыми подменяется занятие Словом Божиим – это и в быту, это и в литературе и риторстве. Сколько речей и книг, в которых нет Слова Божия! – за них иногда и Нобелевскую премию не поскупятся дать, переполнены экраны телевизоров и книжные полки – а всё суета сует. Изобразительное искусство и кино, забывшие Бога, наполняют и переполняют зрителя. Но **не насытится око зрением; не наполнится ухо слушанием...** Душа остаётся пуста. Это состояние внутренней пустоты при внешней наполненности живописует, размышляя над словами Екклесиаста, св. Григорий Чудотворец: «В природе всё имеет свою меру, но то, что изобретено людьми, как речи, так и дела, не имеет меры. И слов, конечно, большое изобилие, пользы же никакой от сбившейся с пути болтовни. Но природа людей ненасытна как в том, чтобы говорить, так и в том, чтобы слушать речи другого и, к тому же, ещё стремиться видеть безрассудными глазами всё, что встречается» [44; 1].

Св. Василий Великий в беседе «К обогащающимся» говорит о пагубной ненасытимости любостяжательного и сребролюбивого человека: «Творец вселенной на благодеяние людям устроил, что птица селевкид ненасытна; а ты, во вред многим, сделал ненасытной свою душу. Что только видит глаз, всего того желает любостяжательный; **не насытится око зрети** (Еккл. 1:8), и сребролюбец не удовольствуется тем, что получает. Ад не скажет: **довлеет** (Притч. 30:16); и любостяжательный никогда не говорит: «довольно» [35; Беседа 7. «К обогащающимся»]. Так св. Василий даёт духовно-аскетическое толкование слов Екклесиаста. Не само по себе око не насытится зрением, а человек всегда хочет иметь то, что видит, и остановиться не может.

Но тот же св. *Василий* находит возможным приложить слова Екклесиаста и в положительном смысле к ненасытимости церкви в богопознании: «Но поелику ныне всякий слух отверст к слушанию богословия, и таковым слушанием не может насытиться церковь, подтверждая собою слово Екклесиаста, что **не наполнится ухо слушанием** (Еккл. 1:8), то необходимо говорить по мере сил. Скажем о Боге, не каков он Сам по Себе, но сколько о Нём говорить можно» [35; Беседа 15. О вере].

Итак, по св. *Василию Великому*, есть и худое, и доброе ненасыщение ока и уха – и всегда прав Екклесиаст:

Не насытится око зрением;

не наполнится ухо слушанием.

Св. *Григорий Нисский*, как всегда, философичен. Словам Екклесиаста он придаёт два значения.

Первое значение. **Все вещи в труде**. Еврейское דָּבָר (дабар) означает и «вещь», и «слово». В отличие от синодальных переводчиков, семьдесят толковников переводили: «слово», и потому у них слова Екклесиаста звучат так (даём уже славянский перевод):

Вся словеса трудна,

и не возможет муж глаголати.

Такой перевод передаёт другие оттенки мысли, и святые отцы именно на них и обратили внимание.

Св. *Григорий Нисский* рассуждает о том, почему **вся словеса трудна**? «Ибо какой труд сказать, что кому угодно» [40; Беседа 1]? Трудны не сами по себе слова. Говорить – не землю копать, не камни ворочать. Но речь идёт не о звуках, а о словах, которые могут принести пользу душе, а для этого надо самому сначала всё это опытно осуществить в жизни. «Посему **словеса, словеса** в подлинном смысле душе полезные, служащие ко благу людей, суть **словеса**, требующие пота и трудов, и они, чтобы стать **словесами**, приводят ко многим усилиям» [там же]. «Дабар» – и «слово», и «вещь». Вот, чтобы слово превратилось не в звук, а в вещь, нужен упорный труд. «Посему трудны все таковые словеса тех наставников добродетели, которые сперва сами преуспеют в том, чему учат» [там же].

Второе значение. Здесь св. *Григорий* говорит о «немощи разумной природы» [там же], «ибо когда... мысль, вторгшись как-то в созерцание невидимого, покусится мыслимое представить словом, тогда великий бывает труд для слова, потому что истолковательная эта речь не находит никакого средства к уяснению неизглаголанного» [там же]. Св. Григорий рассуждает о том, как трудно высказать словами всё о видимом небе, о

солнечных лучах, о воздухе. Но сколь непостижимее и невыразимее словами само Слово и Отец Слова. Подлинное богословие – это **словеса трудна, и не возможен муж глаголати**.

Своеобразен перевод блж. Иеронима. У него не **словеса трудна**, которые **не возможен муж глаголати**, а так: **Всех речей важных не может муж высказать**. Всего не выразишь, сколько бы ни говорил. Всё останется ещё что-то, что так и не сказал. Не может слово исчерпать всё, что накапливается в уме и сердце. Как и наоборот: сколько ни смотри, сколько ни слушай – всего не увидишь, всего не услышишь. И от этой неисчерпаемости всего словом, оком, ухом не легче человеку. Только убеждаешься в ничтожестве своём и суетности желания высказаться, увидеть и услышать.

Но блж. Иероним в своём толковании говорит не об этом. Святой отец отмечает другую мысль. Слово, глаз и ухо познают мир только отчасти, они не могут познать самой сущности вещей. **«Всех речей важных не может муж высказать. Не насытится око видением и не наполнится ухо слышанием**. Трудно достигнуть знания не только в предметах природы, но и в предметах нравственных. Ни слово не может изъяснить причин и природы вещей, ни глаз не может усмотреть их так, как требует великость предмета, ни ухо при наставлении учёного не может достигнуть высшего знания» [64; 1, 8]. Эту ограниченность человеческого познания прекрасно знает и ощущает научный мир. С каждым новым открытием учёный всё больше узнаёт о предмете своего исследования, но так и не приближается к постижению его сущности. Наука обречена всё больше узнавать, как устроен мир, не касаясь того, что он есть. Какая страшная суета и мука! Это хуже белки в колесе. Это когда за поворотом открывается поворот, а куда ведёт дорога – не знаешь. А может, она и не ведёт никуда?..

Не насытится око исследователя зрением, **не насытится**, то есть не познает сути видимого им; **не наполнится ухо слушанием, не наполнится** ведением того, что так тонко научилось различать и слышать. И это понял нищий философ, когда оптике и акустике ещё только надлежало в будущем родиться, заявить о себе.

Св. Иоанн Тобольский († 1715 г.), великий сибирский святой, в своём труде «Илиотропион» приводит суждение средневекового западного святого Бернарда Клервосского о греховной ненасытимости человеческого своеволия, не желающего принять волю Божию: «Величайшее зло есть воля... (она) имеет в себе две ненасытные пиявки, требующие **подай** и **подай** (Притч. 30:15). Для неё никакое удовлетворение недостаточно. Так

как ни сердце суетою, ни тело сладострастием никогда не насыщаются по Писанию: **не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием** (Еккл. 1:8); беги от этой кровопийцы и получишь полную свободу от всякого злого, ибо своя воля всё нехорошее привлекает к себе» [69; кн. 4, гл. 2, отд. 5]. Своеволие должно быть пресечено принятием воли Божией. Иисус сказал однажды Своим ученикам: **У Меня есть пища, которой вы не знаете... Моя пища есть творить волю Пославшего Меня** (Ин. 4: 32, 34). Эту пищу искал и наш философ, но на пути его были только пиявки, ненасытно требующие: **подай, подай!..** И он не умел ещё их стряхнуть с себя. Ученики Иисуса пошли в самарийский город за хлебом, ядущий который захочет есть опять. Опять будет – подай, подай! По тем же городам в тщетных поисках бродил и философ.

Круг шестой: повторяемость событий

Нет итрон. Нет остающегося. Однако если нет остатка, то можно устремиться к новому и этим новым пусть не утолит жажду души неизбывную, но хотя бы позабавить её, развлечь и отвлечь от горькой неудачи. Весь прогресс разве не в том, чтобы от старого устремляться к новому? Пусть новое станет скоро старым, но ведь опять появится нечто новое. И это бесконечно. Для физиков ещё Ленин сказал: «Электрон неисчерпаем!». Пусть бесконечность появления нового опять лишает всё значимой цели, но, по крайней мере, не скучно. каждому поколению есть к чему стремиться.

Думал ли так юный царь Соломон во цвете своей красоты и премудрости, при неограниченных возможностях, дарованных ему царским престолом?..

Но стареющий философ, бродя по миру, так уже не думал.

Еккл. 1:9 Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Еккл. 1:10 Бывает нечто, о чём говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Бесконечная линия со всё новым и новым замкнулась во взгляде ищущего новизны философа на начало, свернувшись в круг, безумно закружившийся на месте. Всё новое оказалось хорошо забытым старым. **Что было, то и будет**, а отнюдь не что-то иное. **И что делалось, то и будет делаться**. Новых дел не придумал ещё никто. Хорошо смотри на широко раскинувшийся мир **под солнцем** – в нём **нет ничего нового!**

А как же патент на открытие?!

Смотри, вот это новое! Такого ещё не было. Колумб открыл Америку, и никто до него. Теперь есть Старый Свет, и есть Новый Свет! Да, **бывает нечто, о чём говорят** такое. Но, увы! – **это было уже в веках, бывших прежде...** Викинги веками раньше уже ступали на берега Нового Света.

Нового ничего нет.

Есть бесконечный круговорот того, что было, в то, что будет.

Вожделенный итрон, остаток, или цель, **польза человеку от всех трудов его** не существует. **Суета сует, – всё суета!**

Рука философа невольно и бесцельно чертила посохом круг на земле. На круге – точки. Посох переходил от точки к точке, от старой к новой, пока от новой не переходил к старой. Этим он занимался долго.

Задремал... проснулся, взгляд упал на тот же круг. Он спал и просыпался, а круг был всё тот же.

В Великий Четверг к вечеру архиерей был готов отправиться на службу.

«- Лошади поданы, пора к Страстям Господним.

– Который час?

– Четверть восьмого.

Он оделся и поехал в собор. В продолжение всех двенадцати Евангелий нужно было стоять среди церкви неподвижно, и первое Евангелие, самое длинное, самое красивое, читал он сам. Бодрое, здоровое настроение овладело им. Это первое Евангелие – **Ныне прославися Сын Человеческий** – он знал наизусть; и, читая, он изредка поднимал глаза и видел по обе стороны целое море огней, слышал треск свечей, но людей не было видно, как и в прошлые годы, и казалось, что это всё те же люди, что были тогда, в детстве и юности, что они всё те же будут каждый год, а до каких пор – одному Богу известно.

Отец его был дьякон, дед – священник, прадед – дьякон, и весь род его, быть может, со времён принятия на Руси христианства, принадлежал к духовенству, и любовь его к церковным службам, духовенству, к звону колоколов была у него врождённой, глубокой, неискоренимой,...» [158; гл. 4].

Ещё век пронёсся. Великий Четверг. Море огней, слышен треск свечей. И те же двенадцать Евангелий читаются. Ещё молодой священник читает их у Распятия. А мысли и чувства так похожи, так похожи на те, что у чеховского архиерея были.

Малыш изумлённо созерцает происходящее. Неизгладимые впечатления незаметно покоряют сердце. К последним Евангелиям сынишка священника утомился и прямо на возвышении для Евангелия уже спал у ног отца.

Прошло ещё двадцать лет. В Великий Четверг у теперь уже немолодого священника родилась внучка. Он вновь читает Евангелие. В свете мерцающих свечей видит склонившиеся головы прихожан.

И кажется, что это всё те же люди, что были и тогда, в чеховские времена, и что они всё те же будут каждый год, а до каких пор – одному Богу известно.

Раши, как всегда, находит слова Когелета справедливыми относительно всего земного, чем люди пытаются заменить Тору, Слово и Закон Божий. «**Что было, то и будет...** Что бы человек ни узнал из области, заменяющей собою солнце (то есть Тору), нет в этом нового, – он

увидит лишь то, что уже было прежде, что сотворено на протяжении шести дней созидания (мира). Тот же, кто изучает Тору, неизменно находит в ней новые смысловые значения¹⁸... **Бывает такое (некая вещь)...** Порою тебе встретится под солнцем нечто, о чём кто-либо скажет: **Смотри, это ново!** Однако в том нет новизны, потому что было оно уже в веках минувших, (задолго) до нас. Но поскольку **нет памяти о прежних**, такое кажется новым» [23; 1, 9–10].

Интересное осмысление слов Екклесиаста мы находим у *Оригена*. Александрийский учитель находит в них подтверждение своей теории о множественности миров, сменяющих друг друга во времени. «По нашему же мнению, и прежде этого мира был иной мир, и после него будет иной мир. Хочешь ли ты научиться, что после разрушения этого мира будет иной мир? Слушай, что говорит Исайя: **Будет новое небо и новая земля, которые Я творю, пребывать пред лицом Моим (Ис. 66:22)**. Хочешь ли знать, что до создания этого мира в прошлом были другие миры? Внимай Екклесиасту: **Что было, тожде есть, еже будет; и что было сотворенное, тожде имать сотворитися. И ничтоже ново под солнцем. Иже возглаголет и речет: сие ново есть, уже бысть в вещех, бывших прежде нас (Еккл. 1:9–10)**. Это свидетельство утверждает, что миры не только были, но и будут существовать, и что они существуют не все вместе и не одновременно, но один за другим» [84; кн. 3, гл. 5, п. 3].

Ясно, что Екклесиаст не утверждает мысль и учение *Оригена* о мирах, бывших прежде нашего мира. Другое дело, что кто это учение принимает, тот может в словах Екклесиаста найти созвучное ему. Екклесиаст же явно говорит о повторяемости событий в истории этого мира. Учение *Оригена* о множественности миров не стало учением церкви. Церковь учит о творении нашего мира из ничего. Иные миры – существовали ли они? существуют ли они? – вообще не предмет обсуждения Св. Писания, а значит, и учения церкви.

Интересна дискуссия *Оригена* с язычником Цельсом по поводу истребления мира водой и огнём. *Ориген* отмечает, что «Цельс желает... показать, что наше учение о всемирном потопе или истреблении мира огнём не заключает в себѣ ничего нового и ничего необыкновенного» [85; «Против Цельса», кн. 4, гл. 11]. Цельс утверждает, что в природе периодически происходят разрушительные катаклизмы, зависящие не от Бога, а от законов природы. По Цельсу, христиане не поняли это учение греков и придумали свои рассказы про всемирный потоп и уничтожение мира в огне Судного дня Божия. Цельс утверждает: «Хотя они (христиане) эти рассказы [греков и варваров. – Г. Ф.] и не поняли, но, однако,

слышали, что по истечении продолжительных периодов времени, когда созвездия опять возвращаются на место, с которого они сошли, мир истребляется огнём и покрывается водой, и что в последний раз во времена Девкалиона случился потоп, и что поэтому общее чередование вещей предполагает необходимость истребления мира огнём» [там же]. Такую строгую природную цикличность всемирного потопа и пожара Ориген отрицает. «Существуют или нет периоды времени, а вместе с ними бывают или нет потопа и пожары, наступающие периодически, а также учит ли обо всём этом Св. Писание и в особенности в тех местах, где Соломон говорит: **что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться** (Еккл. 1:9)? и так далее; обо всём этом говорить в данном случае мы не намерены» [85; «Против Цельса», кн. 4, гл. 12]. Ориген категорически отрицает, будто Моисей и пророки что-либо заимствовали у язычников. Причина потопа и огня Судного дня не в природных циклах, а в грехах людей и промысле Божиим: «Что касается нас, то мы ни потопа, ни пожара не ставим в тесную связь с круговращением времён и периодическими сменами звёзд; мы говорим, что причина всех таких мировых событий скрывается в грехе, который вследствие того, что он необычайно увеличивается, очищается при помощи потопа и пожара» [там же].

В наше время творение мира, потоп, конец света также стараются объяснять естественнонаучно, как это делал в своё время Цельс. Творение мира – большой взрыв или рождение звёзд, потоп – наводнение в Месопотамии, конец света – экологические катастрофы, ядерная война, угасание солнца и прочее. Мы же, как и Ориген в древности, возражаем этому: причиной таких мировых событий являются не природные явления, а грех людей и промыслительное действие Божие, которое, конечно же, может иметь свою внешнюю физическую сторону, а может и не иметь.

Св. Григорий Чудотворец повторяет вслед за Екклесиастом: «Что может произойти впоследствии, что уже не было бы совершено или сделано со стороны людей? Что есть нового, что ещё никогда не было бы известно по опыту, о чём достойно было бы и помнить? Я же думаю, что нет ничего, о чём можно было бы сказать что-нибудь свежее, или же, сравнивши, найти новое, совершенно неизвестное древним» [44; 1]. Повторяемость событий св. Григорий относит к человеческой истории и не рассуждает космологически, как это делал его учитель Ориген.

Св. Григорий Нисский, как обычно, философски осмысливает сказанное Екклесиастом.

Во-первых, св. Григорий размышляет о природе времени и бытия. Это

первичные вопросы натурфилософии и физики.

«Ибо спросив: **что было?** говорит: **тоже есть, еже будет**, и ещё спросив: **что было сотворенное?** отвечает: **тоже имать сотворитися**. Итак, к чему же этот вопрос?» [40; Беседа 1]. Далее св. Григорий говорит о том, что **суета** – это то, что не состоялось, а значит и не может считаться тем, что было. А раз этого не было, то, по св. Григорию, этого и не будет. Суета развеется, как пар, «яко не сущее». Что же такое, **что было**, а значит, **то и будет**? Св. Григорий относительно человека находит это в образе и подобии Божию. Что было, то и будет. Это значит, был человек образом Божиим и опять будет. А падшая природа? Это суета. Она пройдёт, развеется. Св. Григорий говорит об этом так: «Угодно тебе знать, что такое бывшее? Размысли, что такое будущее, и узнаешь, что было. А это значит: размысли, прошу тебя, человек, каким сделаешься, возвысив себя добродетелию,... если соделаешься чистым от пятен порока,... чем будешь в таковых украшениях, какой примешь на себя образ? Если вникнешь в это рассудком, то изучил ты бывшее первоначально по образу и подобию Божию» [там же].

От этой духовно-нравственной мысли св. Григорий переходит к природе бытия и времени: «Спрашиваю...: где теперь то, что некогда было, и о чём есть надежда иметь это впоследствии, но чего теперь нет? Без сомнения... потому-то настоящее и названо суетою, что оно нет в настоящем» [там же]. Суета – пар, мираж. Настоящее – миг. В настоящем ничего нет, как не может что-то быть в моменте. Было, что будет. Бытие в прошлом и будущем.

Но мы зададим вопрос св. Григорию: прошлого уже нет, а будущего ещё нет! Значит, нет бытия? Есть! Где, когда? В процессе. В динамике. В глаголе, в слове. **И без него (Слова) ничто не начало быть, что начало быть (Ин. 1:3)**. Всё в движении. Нет момента времени, никто ещё его не ухватил. Никто не смог ещё ухватить что-нибудь и сказать: смотрите, вот это есть! Всё через момент настоящего переходит из прошлого в будущее. Статического бытия нет. А если уж говорить о статике, то это не бытие и не небытие, а инобытие, это вне бытия. Это – Бог! Сущий, Присносущий, Такождесущий. Это – покой, это день седьмой, без времени. Шесть дней – время бытия, когда всё через глагол, через слово начинает и всегда продолжает быть.

Во-вторых, св. Григорий размышляет о повторении утверждения Екклесиаста – почему сначала говорит **что было, то и будет**, а потом, как будто не удовлетворившись, ещё раз: **и что делалось, то и будет делаться**. Зачем повтор? Св. Григорий «не признаёт многословия и

какого-то напрасного повторения слов». Причину же усугубления еkkлесиастова изречения св. Григорий находит в том, что сначала говорится о душе, а потом о теле. *Св. Григорий*: "Душа **была**, а тело **сотворено...** Душа первоначально была тем, чем снова окажется впоследствии по очищении, и тело, созданное Божиими руками, сотворено тем, чем в надлежащие времена покажет его воскресение» [там же]. **Что было, то и будет** – это о душе; **что делалось, то и будет делаться** – это о теле. В конце времён и для души, и для тела вернётся то, что было изначально.

В-третьих, *св. Григорий* прочитывает у Еkkлесиаста уникальную мысль о подлинно бытийном и виртуальном мире: «Ибо говорит: **ничто не ново под солнцем**. А сим как бы сказал он: бсли что не по первобытному, то вовсе этого нет, а только почитается имеющим бытие» [там же]. **Что было** создано Творцом, то и имеет бытие, а о чём говорят: **смотри, вот это новое** – это или было уже в веках, или этого вовсе нет – мираж. Эволюционная теория, допускающая самопроизвольное появление нового – это миф или сказание о мираже.

Блж. Иероним в словах Еkkлесиаста **есть то, что было** и так далее видит простое обобщение всего сказанного ранее: «Мне кажется, что в том, что исчислил выше, – о прехождении родов, о стоянии земли, восходе и заходе солнца, течении рек, обширности океана и обо всём, что узнаём мы мыслию, или зрением, или слухом, теперь он говорит вообще, что нет ничего в природе вещей, чего бы не было прежде» [64; 1, 9].

Далее *блж. Иероним* отвергает мысль Оригена, скорее всего у Оригена им и прочитанную, о предсуществовании других подобных нашему миров: «В одной книге я читал: если всё, что сотворено под солнцем, было в прошедшие века, прежде чем появилось теперь, а человек создан уже по сотворении солнца, то следует, что и человек был прежде, чем появился под солнцем. Но это заключение не имеет места» [там же].

Однако далее *блж. Иероним* отмечает, что отсутствие чего-то нового под солнцем не означает буквальной повторяемости событий в истории: «Но мы не должны думать, что и знамения, и чудеса, и многое, что изволением Божиим совершается в мире вновь, уже было в прежние века, ...что в продолжение бесчисленного множества периодов совершается одно и то же в тех местах и через тех же деятелей. В таком случае и Иуда много раз был предателем, и Христос часто страдал за нас, и всё прочее совершившееся и будущее будет подобным же образом повторяться в те же периоды» [там же]. Такой странной картины исторической повторяемости событий придерживался древнегреческий философ Эпикур, с которым и

полемизирует блж. Иероним.

Отвергая предсуществование миров по Оригену и повторяемость событий по Эпикуру, блж. Иероним говорит о предсуществовании всего происходящего в предопределении Божиим: «Но то следует признавать, что в предвечии и предопределении Божиим уже совершилось то, что имеет совершиться. Ибо прежде сложения мира избранные во Христе были в прежние века» [там же]. История миробытия – это хронологическая развёртка происшедшего в предвечном замысле Божиим.

Блж. Августин, младший современник блж. Иеронима, совершенно согласно с ним отвергает учение об исторической повторяемости лиц и событий. «некоторые [в первую очередь Ориген. – Г. Ф.] полагают, будто бы и то, что читается в первой книге Соломона, называемой Екклесиаст: **Что было, тожде есть, еже будет...** сказано об этих кругообращениях, возвращающих и восстанавливающих всё в одном и том же виде» [28; кн. 12, гл. 13]. Такое учение блж. Августин относит к философу Платону и его академии в Афинах. По Платону «за несметное число веков прежде чрез весьма обширные, но определённые периоды повторялись тот же Платон, тот же город, та же школа и те же ученики, и впоследствии чрез бесчисленные века должны повториться» [там же].

Такое учение, по блж. Августину, «чуждо... нашей вере», и «это насмешка над бессмертною душою» [там же]. Опровергаемое отцами учение Платона-Эпикура вполне созвучно, хотя и не повторяет, различным вариациям учения о переселении душ (реинкарнации). Несогласие отцов вполне можно отнести и к этому учению, также не имеющему никакого библейского основания.

Сказанное Екклесиастом блж. Августин относит не к повторяемости лиц и событий, а к тому, что по сути ничего нового не происходит ни в природе, ни в истории. Всё новое подобное тому, что уже было. Блж. Августин: «Но он [Екклесиаст. – Г. Ф.] сказал это... о поколениях, из которых одни проходят, другие приходят, о круговых движениях солнца, о течениях рек, или, пожалуй, о родах всех вещей, которые появляются и исчезают. Были, например, люди и прежде нас, существуют они и вместе с нами, будут и после нас, так же точно те и другие животные и деревья. Самые чрезвычайные явления... хотя различаются одни от других... непременно и прежде были и будут; ничего нового или небывалого не представляет собою то, что чрезвычайные явления бывают под солнцем» [там же].

Блж. Августин отмечает также, что некоторые, подразумевая скорее всего блж. Иеронима, «толковали эти слова в том смысле, будто

Премудрый хотел дать понять, что уже всё было соделано в предопределении Божиим, и потом ничто не ново под солнцем» [там же].

...Ничего нового, ничего нового, – безысходно шепчут уста философа. Ничего нового под солнцем.

Но вместе со святыми отцами мы забежим вперёд. Это новое наконец-то случится. Правда, наш философ до этого не доживёт. Он уйдёт со своим поколением, уступив место другому. Круговерть повторяемости будет после него, как была и до него. Ветхозаветная история может бесконечно продолжаться, только она не перестанет быть ветхой.

В день Сретения Господня в Патарах святой епископ Мефодий произносил проповедь о старце и старице, которым давно была пора уйти из этой жизни, о Симеоне и Анне, вдруг встретивших в храме Младенца на руках Девы. Епископ *Мефодий* восклицает: «Таковы дары новой благодати! Это **новое** совершилось под солнцем (Еккл. 1:10), не бывшее прежде и не имеющее быть после. Он [Господь. – Г. Ф.] предопределил это по милосердию к нам и пришёл и исполнил по человеколюбию, Ему свойственному. Посему достойно возглашала священная труба: древнее прошло, теперь всё новое (2Кор. 5:17)» [44; «Слово о Симеоне и Анне», п. 1].

Но нищий философ не слышал проповеди Мефодиевой, не слышал звука священной трубы Павловой. Он по-прежнему беспомощно чертил круг, а взгляд его уставал беспомощно вращаться по миру.

Христос – единственная новизна мира, Христос – единственное обновление мира. Во Христе Новый Завет. Во Христе разрывается бесконечная круговерть повторяемости. О Христе говорит *прп. Иоанн Дамаскин*: «И, будучи совершенным Богом, Он делается совершенным человеком и совершает дело, которое одно только **ново под солнцем** и чрез которое открывается беспредельное могущество Божие» [66; кн. 3, гл. 1].

Чтобы произошло что-то новое под солнцем, недостаточно было хода истории, понадобилось воплощение Бога.

В индуистской мифологии и философии говорится о «снисхождении» (аватара) божества на землю, его воплощении в смертное существо. Аватар – воплощённый Бог. Махабхарата говорит даже об аватарах всех богов. Так, говорят о десяти аватарах Вишну, доминирующем божестве индуистского пантеона. Будда – это девятый аватар Вишну, а десятый («белый конь») грядёт в конце истории. Насчитывают двадцать восемь аватаров Шивы, обычно это аскеты-наставники в йоге. Знаменитый ныне в Индии Сатъя Саи Баба (р. 1926 г.), имеющий способность

материализовывать предметы, также воспринимается многими людьми как современный аватар, воплощённое божество. Иисус высоко почитается многими в Индии, но теряется среди множества аватар. Так что для индийских верований и в воплощении Бога нет ничего нового под солнцем. Индийский философ и тут скажет: что было, то и будет, и это было уже в веках, бывших прежде нас. Аватары не против Иисуса, Богочеловека, а что Он говорит о них? **Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники (Ин. 10:8).** Это о тех, которые были в веках. А о тех, что будут: **И скажут вам: «вот здесь», или «вот там», – не ходите и не гоняйтесь (Лк. 1:23).** Интересно отметить: ни один аватар, ни один новый Христос или пророк не отрицает Иисуса Христа. Видно, сил не хватает. Все возвышенно говорят о Христе, но никто не хочет обратить внимание на то, что Христос сказал о них. Как будто не замечают. Обходят эти слова стороной и уж во всяком случае не относят их к себе. А это, увы, именно так! Как сказал прп. Иоанн Дамаскин: «Одно только ново под солнцем»! И это – воплощение Бога через Деву, единственно новое, единственное и неповторимое. Не было этого в веках и не будет!

Но мы опять с нашим философом. О языческих аватарах он знал. Они не удивляли его. Они действительно были и будут. Они кружились бесцельно в непрекращающемся круге повторяющихся событий вместе со всем и со всеми, что были и будут.

Нового ничего.

Кружатся, кружатся круги.

И первый, и второй, и третий, и далее, и шестой.

Одно только остаётся – забвение. Но это не итрон. Это не тот остаток, не та польза, которую тщетно искал философ.

Забвение

Еккл. 1:11 Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.

На том и прервался пролог к книге Соломоновой, к словам Екклесиаста, сына Давидова, царя и Иерусалиме.

Цепь прервалась. Раздоры кончились, поглощены забвением. Уже никто о них не вспоминает.

Богиня раздора Эрида, та самая, что на свадьбе Пелея и Фетиды бросила яблоко раздора, породив Троянскую войну, рождает Лету, реку забвения. Давно умолк свадебный скандал, да и войну за Трою, славных героев войны, кто теперь вспомнит? В царстве мёртвых течёт река забвения. Оставив свои тела, души усопших испивают воды из Леты и забывают свою былую земную жизнь.

Кончился накал страстей, всё уgomонилось, кануло в Лету.

Забылось всё...

**Нет памяти о прежнем;
да и о том, что будет,
не останется памяти
у тех, которые будут после.**

Все кружатся, кружатся и на следующем круге не помнят о предыдущем. Всё вновь, и всё, чтобы уйти из памяти навсегда. Прежнее забыто, все устремляются к будущему, это оно имеет смысл. Однако это будущее будет забытым прежним для тех, кто будет после.

Посох философа прочерчивал круг.

Ветер задувал песок.

Посох машинально продолжал вновь двигаться по тому же кругу, и ему, не умеющему думать дереву, неведомо было, что он проходил уже этим путём.

Во взоре философа мысли не было.

Нет памяти о прежнем.

История учит только тому, что она ничему не учит.

Каждому поколению своя война, свой лидер, свой раскол церковный.

Отвоевали фронтовики на полях Великой Отечественной. Отвоевали и больше уже не хотели. Не хотели и от новой, ещё более страшной, ядерной войны удержались.

Но род прошёл и род пришёл.

И опять чешутся руки.

И опять войны. Не ядерный гриб, так смог мирового терроризма. Джихад, кровь на кровь.

Уходит лидер, приходит лидер.

Нет памяти о прежнем.

И этого не вспомнят те, что будут после него.

Зарубежный раскол. Катакомбный раскол. Страсти церковные.

Ушло поколение. Боль притупилась. Течёт река забвения.

Пришло поколение, и снова хочется. И повода-то нет, но придумаем, хотя бы из ничего. Новообновленцы, либералы, обрядоверы, паспорта новые, штрих-коды, экумена. Потому и поводов много, что ни один из них на раскол не тянет. А хочется.

Может, и получится?

А всё, что получится, потом канет в Лету, – это у **тех, которые будут после.**

Раши: "**И также о последующих (позднейших), которые будут (Еккл. 1:11)...** (о тех, которые будут) позднее, не останется памяти в поколениях, которые будут после них. А мидраш относит это к уничтожению памяти об Амалике, и также память о язычниках неизбежно сотрётся, как сказано: **И ничего не останется от дома Эсава (Авд. 1:18)**» [23; 1, 11]. Общее еkkлесиастово положение осмысливается в иудейском предании как исчезновение языческих народов и самой памяти о них. Особенно отмечают при этом те, что унижали в своё время израильтян, как амаликитяне, эдомитяне.

Следует отметить, что забвение, отсутствие памяти о прежнем – это не обязательно информативное забвение. Забыть, не помнить – это когда забытое, не воспоминаемое уже не живёт в тебе, не ощущается, не чувствуется, хотя как бывший факт и остаётся где-то зафиксированным. Забыть – это не принимать во внимание, хотя ты об этом и знаешь. Помнить нечто – это эмоционально, душевно и духовно реагировать на то, что когда-то было.

Однако забытое сердцем нередко ведёт и к забыванию умом.

Св. Григорий Чудотворец: «Подобно тому, как прошлое покрыто забвением, так и настоящее для тех, кто будет после, затемнится от времени [44; 1].

День прошёл, опускаются сумерки.

Всё затемняется от времени.

Очень интересно в духовно-нравственном аспекте размышляет св. Григорий Нисский. Зло уничтожает память о добре, и это плохо, но добро в свою очередь забывает зло, и в этом спасение!

Св. Григорий Нисский: «Когда естество уклонилось в порок, тогда забыли мы доброе. Но когда настанет для нас возвращение к доброму, тогда снова покроется забвением худое... Всецелое уничтожение памятования зол соделано для естества последним восстановлением о Христе Иисусе» [40; Беседа 1]. По грехопадении человечество стало погружённым во зло и забыло рай, забыло сокровища Царствия Божия, но Христос восстановил естество, и забыто зло, уничтожена память о нём.

О, если бы об этом знал наш философ!

Но он не знал.

Посох давно остановился. Взгляд без мысли. Круг замело.

Блж. Иероним, говоря о том, что те, кто будут после, предадут забвению тех, что ныне, особо отмечает: «Всё это они прейдут молчанием, и всё это скроется, как бы не существовавшее» [64; 1, 11]. Новые деятели не просто забудут предшественников – они обойдут их сознательно молчанием, прежнее будет скрываться, как будто его и не было. При Хрущёве исчез из учебников истории Сталин и маршал Жуков. При Брежневе исчез Хрущёв. Так было, так будет.

Блж. Иероним восходит от Екклесиаста ещё и к совсем евангельской мысли: **«Нет памяти первым и последним, которые будут, не будет им памяти с теми, кои будут в последнее время, – по Евангелию, смысл тот, что первые в сем веке будут последними (Мф. 20:16). поелику Бог, как благий и милостивый, помнит и о меньших, как и о всех, и тем, кои своими пороками заслужили быть последними, не даст такой славы, какую даёт тем, кои, смилив себя, возжелали быть последними в мире»** [там же].

Шумели, галдели, превозносились, хвалу принимали.

Всё забыто.

Забыты были, не замечены, смирялись.

В вечности вспомнянуты!

Толкование основного текста книги Екклесиаста

В прологе прозвучала главная мысль Екклесиаста – всё суета, в этой жизни под солнцем нет пользы и ничего остающегося. Смысла нет. Всё миробытие, включая человеческое, – непрерывный повторяющийся круг, не ведущий никуда. Благо, что всё забудется, и можно начинать сначала, чтобы вновь забыть.

Дальше следует текст сомоновой книги. Основная мысль пролога раскрывается автором на примерах различных жизненных ситуаций и ценностей. Философ-проповедник даёт практическую рекомендацию, как можно жить при бессмысленности жизни, закладывает некую программу-минимум. А проклятые вопросы о глубинном смысле продолжают роить клубиться вокруг переставшего что-либо понимать человека...

Так постепенно прокладывается путь в сердце к евангельскому благовестию. К благой, радостной вести, которую возвестит **Идущий за мною, но Который стал впереди меня (Ин. 1:27)**. Так вместе с другим проповедником мог бы ещё за тысячу лет сказать Соломон. Ну, а сам он, некогда царь и богач, а теперь странствующий с посохом в руке нищий философ, сам-то он что? А то же, что и тот и Иудейской пустыне у берегов Иордана, – он **глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу (Ин. 1:23)!**

В пустынных землях, где нет цели и смысла.

В пустынных землях, где душа ищет живительной воды.

В пустынных землях, где люди изматывают свои последние силы в погоне за миражами.

Там звучит глас древнего проповедника. Он предостерегает – то, что вы видите под палящим солнцем, есть мираж, очнитесь, вокруг вас знойная пустыня!..

Никакого систематического и тематического деления в книге Екклесиаста не наблюдается. Предлагаемые тематические разделы в некоторых библейских изданиях достаточно искусственны. Мы избираем путь последовательного толкования текста книги, не выходя дальше предлагаемых иногда подзаголовков.

Суета человеческой мудрости

Еккл. 1:12 Я, Екклесиаст, был царём над Израилем в Иерусалиме.

Еккл. 1:13 И предал я сердце моё тому, чтобы исследовать и испытать мудростью всё, что делается под небом; это тяжёлое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нём.

Я, Екклесиаст, был царём над Израилем в Иерусалиме. Как известно, **царём над Израилем в Иерусалиме** были только двое – Давид и Соломон. После Соломона десятиколенное царство Израилево отошло от Иерусалима, а в святом городе цари были уже только над Иудеей. Екклесиаст есть **сын Давидов**, то есть Соломон.

Слова **был царём** являются либо простым речевым оборотом, указывающим на царское достоинство Екклесиаста, либо, как можно предположить, это отголосок предания, согласно которому Соломон на некоторое время оставил царский престол и нищим философом отправился в странствие за поиском смысла жизни, раскаиваясь в своих согрешениях.

И вся книга Екклесиаста – это странствия философа по тропам поиска смысла жизни. Куда только ни постучит посох странника! И в библиотеки с собранием множества мудрых книг, и к беззаботным глупцам, и в дворцы власти, и в лачуги неправных, в гарем с прекрасными жёнами и девицами, и на пир со звоном бокалов. Философ увидит богатство, когда за золотом и драгоценными камнями серебро будет валяться, как ничто; увидит и беспросветную нищету и страдания. Философ познает дружбу и одиночество. Напряжённый труд и праздное безделье не ускользнут от внимания ищущего странника. Так где же то, что останется? Где польза? Где смысл?

Соломон не последний, кто подъял тяжкий труд поиска смысла и счастья. Искать будут и после него, как наверняка искали и раньше. Русская земля никогда не была бесчувственна к соломонову поиску.

В каком году – рассчитывай,

В какой стране – угадывай,

На столбовой дороженьке

Сошлись семь мужиков...

Сошлись – и заспорили:

Кому живётся весело,

Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,

Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! –
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Вопрос решать надо. Сначала была попойка, потом драка. Звери-птицы полюбобытствовали, «о чём они шумят». Потом:

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напились,
Умылись, освежились,
Сон начал их кренить...

Поспав, попирав и вновь потолковав, мужики решились:

В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с жёнами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут.
Покуда не доведает
Как ни на есть – доподлинно,
Кому живётся счастливо,
Вольготно на Руси?

[15; «Кому на Руси жить хорошо»].

А потом пошли искать.

Так и по сей день ищут.

Это тяжёлое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нём.

Вот и Соломон предал сердце своё тому, **чтобы исследовать и испытать... всё, что делается под небом.** Философ берёт посох и отправляется на поиск. Где он ищет? **Под небом**, ранее это было названо **под солнцем** (Еккл. 1:3). Поиски на земле, под небом, под солнцем, а ещё скажут: в сем подлунном мире. В круговерти земного бытия, где всё

повторяется и канет в Лету, предаётся забвению.

Средство поиска, линза, через которую Соломон решил всё рассмотреть, несколько иное, чем у некрасовских мужиков. Он решил всё рассмотреть и испытать **мудростью**, благо она была дана ему от юности, её испросил он у Бога своего. **Это тяжёлое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нём.** Можно трудиться и учиться, можно обогащаться и властвовать, можно наслаждаться и бездельничать – главное, не думай, не ищи смысла. Так проще. Может, и достигнешь большего. Не морочь себе голову.

Студенты кафедры теоретической физики изучают квантовую теорию молекул. Возникают глубинные вопросы по сути того, что есть эти кванты вещества, волны вероятности. Доцент отмахивается от назойливых студенческих вопросов и назидательно говорит: об этом не надо думать, главное надо научиться считать, освоить методы расчётов сложных молекулярных систем. Доцент их освоил хорошо, он вскоре защитил докторскую, стал профессором. А вопросы? Ох, уж эти вопросы! Они так и остались вопросами.

Тяжёлое занятие – искать смысл.

Многие советовали бросить это занятие. Но это тяжёлое занятие **дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нём.** Это уже и не от человека зависит. Человек бы рад этим не заниматься, да не может.

– Почему?

– Это Богом вложено.

Если нет ответов, то не должно быть и вопросов. Как у животных – они не спрашивают. Если есть вопросы, то должны быть и ответы.

– Но почему же их нет? Зачем это **тяжёлое занятие**?

Их нет во всём, **что делается под небом.**

Ответы на небе. Христос начнёт Своё служение с проповеди о Царстве Небесном.

А пока Екклесиаст, наш странник и нищий философ, взяв посох **мудрости**, ищет здесь. Пойдём и мы за ним.

Я, Екклесиаст, был царём над Израилем и Иерусалиме.

Эти слова *Раши* объясняет, как постепенно умаление круга владычества Соломонова: «**Я, Собиратель, был царём...** (был царём) над всем миром, затем над одним Израэлем, затем над (одним) лишь Йерушалаимом и, наконец, над собственным посохом, ибо сказано: **был царём... в Йерушалаиме**, однако теперь я не царь» [23; 1, 12]. Раши подтверждает подлинность предания о странничестве Соломона после царской роскоши и вседоступности желаемых вещей.

Далее равви Раши поясняет исследование Соломона как исследование и испытание всего в этой жизни в свете Торы, Божественного Закона. **«И я приложил моё сердце, чтоб исследовать (изучать) Тору, которая есть мудрость, и постичь всё то злое деяние, о котором шла речь, что делается под солнцем»** [23; 1, 13]. Не своею мудростью, а мудростью Торы испытует всё наш философ. Вот этим Екклесиаст отличается от множества других философов и мудрецов как Востока, так и Запада, как древности, так и новейших времён, изострявших свой собственный ум, а не просвещавших его светом Ума Божия. Потому и множество философских школ вместо божественного ведения.

Поиск смысла и пользы во всём, что делается под небом, **это**, согласно синодальному переводу, **тяжёлое занятие**, которое дал Бог сынам человеческим. Еврейское רַחֵם וְרָא (иньян ра) имеет более тонкие смысловые оттенки. Так, וְרָא (ра) означает не просто «тяжёлое», но «тяжкое» и даже «злое». Дьяконов И. переводит: **тяжкая задача** [13; с. 639]. Elberfelder Bibel передаёт так: ein übles Geschäft, что означает «некое скверное дело». Переводчик комментария Раши: **занятье худое (злое)**. Сам Раши толкует так: «Обычный порядок, который худ (тяжек) для их» [23; 1, 13]. Таким образом, искать смысл в обычном порядке вещей, окружающих человека, это тяжкая задача, скверное, неблагодарное дело и вообще занятие худое, злое, требующее от человека огромного усилия и напряжения.

Раши обращает внимание не на слово וְרָא (ра), но и на רַחֵם (иньян). В этом слове он находит не только «занятие», «задачу». Раши отмечает, что «слово רַחֵם (иньян) можно понимать как подобное по значению слово מָוֶן «маон», «место проживания и жилище» [там же]. В таком случае, **тяжёлое занятие**, которое Бог дал человеку, это «худое место проживания» или даже «худое жилище», в которое Бог поселил разум человеческий, ищущий хотя какой-нибудь смысл и пользу во всём, что делается. Как говорится, «час от часу не легче». Вот в каком месте дано проживать пытливому разуму человеческому! Худое жилище дал Бог устремлённой к цель и пользе мысли человеческой.

«С корабля на бал» прибыл из дальней поездки в старосветское московское общество Чацкий. И что нашёл его «ум, алчущий познаний»? Об этом говорит название комедии Грибоедова. Изначальное её название: «Горе уму», окончательное: «Горе от ума». **И предал я сердце моё тому, чтобы исследовать и испытать мудростью всё, что делается под небом.** И так от Соломона и до Грибоедова. От Екклесиаста до Чацкого. И так же было до Соломона, и так же осталось после Грибоедова. **Это тяжкое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они**

упражнялись в нём. Это бесконечная драма, которую, если хочешь жить, приходится превращать в комедию. Это горе от ума, а также горе уму.

Горе уму – это страждущий ум, ум, вынужденный жить в «худом жилище», ум, обречённый найти смысл среди фамусовых и молчалиных.

Горе от ума – это страдания, которые неминуемо производит пытливый ум, это то, что всегда вокруг Чацкого. Это то «худое жилище», которое выстраивает ум чацких себе в обиталище. Ничего лучшего ни ум, ни мудрость человеческая построить себе не могут, хотя очень хотят и вновь и вновь пытаются это сделать.

Блж. Иероним отмечает, что Акила, Феодотион и LXX согласно перевели еврейское слово רִיב (иньян) словом περιπατήσιον, означающим «развлечение», и только Симмах перевёл ἀσχολίαν, то есть «занятие». Итак, получается, что испытание мудростью – это некое «злое развлечение»! В чём же это злое развлечение? *Блж. Иероним*: «Итак, Екклесиаст прежде всего предал свой ум изысканию мудрости и, простираясь далее дозволенного, хотел узнать причины и основания, почему детьми овладевал демон, почему бури поглощали при кораблекрушениях одинаково и праведных, и нечестивых; происходит ли это и тому подобное случайно или по определению Божию, и если случайно, то где же Промысл Божий» [64; 1, 13]? Пытливый ум не находит ответов. В этом и злое развлечение ума человеческого. И вот результат: «Стремясь, говорит он [Екклесиаст. – Г. Ф.], познать это, я увидел, что Богом дана людям излишняя забота и мучительное стремление к многообразному, что они желают постигнуть то, чего знать не дозволено» [там же].

Блж. Иероним отмечает и то, что это злое развлечение или тяжкое занятие **дал Бог сынам человеческим**. Так в ком причина такого невесёлого занятия – в Боге или в человеке? Ведь сказано, что **дал Бог**. Ссылаясь на подобные места: **то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте (Рим. 1:24), потому предал их Бог постыдным страстям (Рим. 1:26), и за сие пошлёт им Бог действие заблуждения (2Фес. 2:11)**, *блж. Иероним* разъясняет: «Так и в настоящем месте Бог потому дал людям развлечение злое, чтобы они развлекались в нём, что они прежде своим произволом, собственной волею сделали то и другое» [там же]. То и другое – имеются в виду страсти нечестие и погрешения ума. Сначала человек это делает сам добровольно, а потом Бог повергает человека в рабство тому, что человек искал и хотел. Так Бог поступил при Моисее с египетским фараоном. Таковы пути Божьи с человеком. Сначала человек отвернулся от Бога, даже спрятался от Него, решил найти познание добра

и зла здесь, под небом, во вкушении плодов земных. И вот теперь Бог предал человека этому тяжёлому занятию или даже худому развлечению – что ж, небо закрыто, теперь тебе доступна лишь поднебесная область, поищи хорошенько, исследуй данной тебе мудростью, может, найдёшь какой смысл или пользу!.. А их нет. А поиск не прекращается, взгляд не поднимается, на небо не зрит, всё здесь по земле скользит.

И взгляд мудреца застывает в безумии.

Когда Иосиф привёл к фараону своего состарившегося отца Иакова, то тот на вопрос о своём возрасте сказал египетскому владыке: **Малы и злы дни жизни моей и не достигли до лет жизни отцов моих во днях странствования их** (Быт. 47:9). Синодальные переводчики ставят здесь слова: **малы и несчастны...** Это не точно, употреблено именно слово **злы** (זל), то самое. Что у Екклесиаста. Праотец Иаков смолоду не гнушался искать развлечений, но они оказались злы. Так и вся жизнь прошла. Годы унесли – где их смысл и польза? Умереть здесь, на чужбине?..

Аз, Екклесиаст, бых царь над Израилем во Иерусалиме. Св. Григорий Нисский относит эти слова ко Христу, к предвечному Слову и Сыну Божию, воплотившемуся от Девы устами древнего царя и философа (Соломона) проповедовал и говорил Господь. И дальнейшие слова св. Григорий толкует христологически.

«Вдах сердце моё, еже взыскати и рассмотреть в мудрости о всех бывающих под небесем. Вот причина, по которой Господь пришёл к людям по плоти, – вдать сердце Своё, еже рассмотреть в мудрости Своей о бывающих под небесем. Ибо что выше небес, то, как не одержимое болезнью, не имело нужды в надзирающем и во врачующем. Посему, так как зло на земле... то вдал посему сердце Своё взыскати и рассмотреть о всех бывающих под небесем» [40; Беседа 2]. Добрый Пастырь оставляет девяносто девять овец, не имеющих нужды в покаянии, то есть оставляет небожителей, ангелов Божиих, и спускается на землю, под небо, искать одну заблудшую овцу, душу падшего человека. «Сие-то пришёл рассмотреть Екклесиаст, а именно, что под небом произошло такого, чего не было прежде, как произошла суета, почему стало преобладать неосуществившееся [св. Григорий зло именует «не от сущего». – Г. Ф.], какое владычество у того, чего нет?.. Как сущее поработилось не сущему [суете. – Г. Ф.]? [там же].

Еккл. 1:13 Это тяжёлое занятие дал Бог сынам человеческим...

Под этим **тяжёлым занятием** и даже **худым** св. Кирилл Александрийский понимает суетные мирские занятия. О них пишет он резко, сравнивая с рабским трудом израильтян в Египте: «Итак, работа

израильтян представляет начертание и как бы ясный образ суетных мирских занятий наших на земле, при которых присутствует и бросается на нас сам сатана и с ним злые силы, которые Св. Писание обозначает именем приставников. Я разумею при этом лукавое попечение, полное пота и труда, наполненное как бы грязью, нечистотою и гнусным удовольствием (Еккл. 1:13)» [76; О поклонении и служении в духе и истине, кн. 1, с. 158]. Естественно, в таких трудах Екклесиаст ничего хорошего не нашёл.

В согласии со св. Кириллом Александрийским рассуждает прп. Пётр Дамаскин в своём духовно-аскетическом творении. Находит святой отец и причину, почему такое худое занятие, как заботы о суетном, дал людям Бог – чтобы удержать их от худшего. *Прп. Пётр Дамаскин*: «Соломон сказал: **попечение лукаво даде Бог сыновом человеческим** (Еккл. 1:13), то есть заботы о суетном, очевидно, для того, чтобы от неразумной и страстной праздности не уклонились в худшее» [86; О том, что желающие видеть самих себя, в каком они устроении нравственном]. Но христианский монах, говорит прп. Пётр, свободен от обеих бед – и от неразумной праздности, и от заботы о суетном. Однако, уклонившись от того и другого, Екклесиаст ещё не имел того, что имели монахи прп. Петра Дамаскина. Екклесиаст оставался пуст.

Это тяжёлое занятие дал Бог сынам человеческим. Говоря о Всевышнем, Соломон именует Его **Бог** – עֵלֹהִים (Элогим). В книге Екклесиаст ни разу не употреблено имя Божие יְהוָה (Ягве). Говорится только о Элогиме, о Боге вообще. Элогим – имя нарицательное, а не собственное. Этот факт отражает философский характер книги. Ягве, Бог Синая, Бог Личный мало или вовсе неведом Екклесиасту в его философских исканиях. Не потому ли эти поиски порой так трагичны, так безуспешны. Просто Бог, а тем более некое отвлечённое божество не заменяет Бога Личного, не заменяет Ягве Израиля и Иешуа (Иисуса) христиан. Только Личный Бог изливает сияние, дающее цель, смысл и пользу человеческой жизни. Только в Личном Боге может найти покой душа человеческая.

Рефреном проходит основная мысль Екклесиаста:

Еккл. 1:14 Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё – суета и томление духа!

По верхним ярусам воздвигаемой человеческим гением башни бытия ходил царь и **видел все дела, какие делаются под солнцем**. Видел богатство и славу, имел женщин и наслаждения, познал мудрость, **и вот, всё – суета и томление духа!**

По нижним кругам человеческого существования бродил нищий философ и **видел все дела, какие делаются под солнцем**. Видел нищету и несправедливость, познал одиночество и тоску, наткнулся на глупость и неразумие, **и вот, всё – суета и томление духа!**

Видел рождение и смерть, труд и безделие, и там – **суета и томление духа**.

Соломон всё сводит к суете. Что есть суета по еврейскому звучанию, мы уже отмечали. «Суета» – לבל (гевел) есть растворяющийся в воздухе «пар». О суете Соломон уже говорил ранее, даже о **суете сует** (Еккл. 1:2). Теперь он вводит новое словосочетание: רעו רוח (реут руах).

Это еврейское выражение даёт различные и очень меткие и тонкие оттенки основной мысли еkkлесиастовой книги. רעו (реут) означает «пасти» (например, скот), «стеречь», «следовать за...». «гнаться за...». רוח (руах) означает «ветер», «дуновение», «дыхание», «дух».

Итак, в буквальном значении наше выражение означает «пасти ветер», «ловля ветра», «погоня за ветром». Занятие, конечно, своеобразное... по Екклесиасту, все дела под солнцем в этом мире не иное что, как «пар и погоня за ветром».

Мальчишка бегаёт с сачком по поляне, машет им, пытаясь поймать ветер. А где-то в стороне на пеньке сидит наш философ – смотрит, думает, нет, кажется, и думать перестал, толку нет.

А мальчишка всё бегаёт за ветром, машет сачком...

Но мы вернёмся к филологам и переводчикам.

Семьдесят толковников переводят не еврейское слово «реут», а сирийское, а дают слово προίρεισις, что означает «произволение». Так это выражение и передаётся в славянском переводе: «суетство и произволение духа». *Блж. Иероним* поясняет это выражение семидесяти толковников так: «Здесь говорится, что каждый делает, что хочет, и кажется сам себе правым» [64; 1, 14]. Это очень напоминает современный европейский и американский плюрализм. Есть моё мнение, твоё мнение, его мнение; говорить об истине и лжи – признак дурного тона и невоспитанности. А потом многообразие современных философских школ и мнений, по Соломону, суть **суета и произвол духа**. Произвол духа, которым подменена его свобода. Но мальчишка, гонящийся с сачком за ветром, думает, что он свободен. Что же он обретёт в конце своего занятия?

Акила и *Феодотион* слово רעו (реут) переводят νομήν, а *Симмах* – βόσκησιν. То и другое слово означает «пасти». В целом получается «пасти ветер». Все дела в жизни всё равно, что пасти эту овечку. Ветер **кружится, кружится на ходу своём**. А что с бедным пастухом его?

Подобно переводит д-р *Мартин Лютер*: «*Haschen nach Wind*» (погоня за ветром). *М. Рижский* переводит: «Всё лишено смысла и погоня за ветром».

Пастух, пасущий ветер, бегун, гонящийся за ветром, – вот человек, все дела свои совершающий под солнцем и никогда не могущий поднять головы своей. Не учит ли нас чему-то и собачка, гоняющаяся за хвостом своим? Всё кружится, кружится...

Синодальные переводчики дают не буквальный, а смысловой перевод: **томление духа**. То, что внешне выглядит, как погоня за ветром, то внутренне есть «томление духа». Дух и ветер на еврейском одно слово: *רוח* (руах). Все дела этого мира суетны, и потому томится дух человека, никогда не обретая того, к чему стремится и чего жаждет. Такой перевод известен был ещё в древности. *Блж. Иероним* пишет: «Еврей, под руководством которого я читал Св. Писание, говорил мне, что вышеуказанное слово *רוח* (реут) в этом месте скорее означает **томление** и **злобу**, чем «пасение» и «произволение», – не в смысле зла, как противного добру, а в смысле того, о чём написано в Евангелии: Довлеет **дневн злоба**¹⁹ **его** (*Мф. 6:34*)» [64; 1:14].

Словосочетание «томление духа» приобретает своё особое страдальческое значение в переводе *Раши*: **«И погоня за ветром (или: сокрушение духа)»**. «Сокрушение духа» (по значению) подобно **разбивайте... и раздроблены будете** (*Ис. 8:9*)... В конце деяния обретёт он сердечную боль от сознания тщетности усилий на пути к достижению цели и эфемерности цели как таковой» [23; 1, 14]. В результате всех дел под солнцем дух человека не только устаёт, он томится, и наступает сокрушение духа. Утомление, усталость, неудовлетворённость переходят в боль, разбитость.

Вот такой неотрадный итог еkkлесиастова поиска пользы и смысла в жизни раскрывают нам переводчики Св. Писания.

Св. Григорий Чудотворец не переводит, а даёт философско-поэтический перифраз еkkлесиастовых слов. «Тщательно же исследовавши и мудро испытавши всю природу на земле, я познал, что она очень лукава, потому что человеку дано нести тяготу на земле, когда то под тем, то под иным предлогом труда возвращается в том, что не имеет никакой цены. Всё же то, что находится долу, наполнено странным и скверным духом, так что его нельзя восстановить, но даже невозможно совершенно и мыслями обнять, сколь великое безрассудство овладело человеческими делами» [44; 1].

Св. Киприан Карфагенский словами Еkkлесиаста **видех всяческая**

сотворения сотворенная под солнцем, и се, вся суетство выражает мысль, что «уверовавший, отложивши ветхого человека, должен помышлять только о небесном и духовном и не пристращаться к веку сему, от которого отрёкся» [75; Три книги свидетельства против иудеев, кн. 3, гл. 11]. Патриций, адвокат в столичном Карфагене, Киприан знал цену **сотворённому под солнцем**, познал **суетство** всего в этом мире и обратился к Богу христианскому.

Св. Григорий Нисский толкует слова Екклесиаста по переводу Семидесяти: «Посему Екклесиаст видел **всяческая сотворенная** в сей жизни **под солнцем**, а именно, что всё было **суетство**, потому что не было понимающего, не было взыскующего Бога, когда **все уклонишася, вкупе неключими быша** (Пс. 13:23). Потому, сказав: **и се вся суетство**, присовокупил причину, а именно, что не Бог виновник этого, а **произволение** человеческого вожделения, которое назвал он духом» [40; Беседа 2]. **Произволение духа** – произвол человеческих вожделений, по св. Григорию, и приводит к **суетности** всего, что делает человек, не устремляясь к Богу и не ища Его.

Подобно Григорию Нисскому понимает **произволение духа** и св. Григорий Богослов: «самозаконное стремление, или, по выражению Соломона, **произволение духа**» [37; с. 270, Слово 18, говоренное в похвалу отцу].

Св. Григорий Богослов ярко живописует великого Соломона в его великой трагедии духа: «**Видех всяческая**, говорит Екклесиаст, обозрел я мыслью всё человеческое, богатство, роскошь, могущество, непостоянную славу, мудрость, чаще убегающую, нежели приобретаемую; неоднократно возвращаясь к одному и тому же, рассмотрел опять роскошь, и опять мудрость, потом сластолюбие, сады, многочисленность рабов, множество имения, виночерпцев, певцов и певиц, оружие, оруженосцев, коленопреклонения народов, собираемые дани, царское величие, и все излишества и необходимости жизни, всё, чем превзошёл я всех до меня бывших царей; и что же во всём этом? **всё суета суетствий, всяческая суета и произволение духа** (Еккл. 1:2, 14), то есть, какое-то неразумное стремление души и развлечение человека, осуждённого на сие, может быть, за древнее падение» [37; с. 171–172, Слово 7, надгробное брату Кесарию].

Своеобразно толкует екклесиастовы слова о том, что всё под солнцем суета, великий учитель Ориген в соответствии со своей богословско-философской концепцией. Для Оригена тела суть темницы, в которые заключены души, сотворённые ещё до появления материального мира.

Размышляя о словах апостола Павла **тварь покорилась суете** (Рим. 8:20), Ориген выясняет, то понимается под суетой. Ориген: «Но прежде всего посмотрим, какова та суета, которой покорилась тварь. Я думаю, что это суета – не что иное, как тела... Вот почему, мне кажется, и Соломон всякую телесную природу называет как бы тягостною в некотором роде и задерживающую силу духов, он говорит: **Суета суетствий, и всяческая суета, рече Екклесиаст. Всяческая суета. Видех всяческая сотворения, сотворенная под солнцем, и се вся суетство** (Еккл. 1:1, 14). Этой именно суете и покорена тварь» [84; кн. 1, гл. 7, п. 5]. Итак, суета – это, по Оригену, есть тела, в которые заключены человеческие души. В развитие мысли Оригена можно вспомнить, что Раши слово רִשָּׁו (иньян) объясняет, как «место проживания» и «жилище». Тогда слова **это тяжёлое занятие дал Бог сынам человеческим** можно читать, как это **тяжёлое (худое) жилище дал Бог сынам человеческим** и отнести всё это к помещению душ человеческих в материальные тела, к покорению духа суете, то есть телам.

Церковь не вполне принимает такое учение. Бог сотворил небо и землю, души и тела, и всё было хорошо весьма. Грех испортил всё. Душа не только живёт теперь в теле, одухотворяя его, но сама поработается ему, покоряясь плотским страстям. Но наша брань, говорит прп. Исаак Сирий, была не против плоти, а против похоти. Ориген смешивает плоть с плотскими похотями, не различая их.

Прп. Ефрем Сирий, аскет и пустынножитель, даёт тонкое различие духовного, естественного и греховного, считая при этом естественное душевным, а греховное плотским. Второе и третье качества преподобный находит отражёнными у Екклесиаста. Первое было вне круга екклесиастовой мудрости, в том и была трагедия древнего философа. Дух Соломонов искал своего удовлетворения в душевном и плотском. А вот суждение прп. Ефрема: «И Бог наш умеет различать помыслы естественные и произвольные. Потому и Екклесиаст говорит: **вся суетство и произволение духа** (Еккл. 1:14), под **суетством** разумея естество, а под **произволением** – дело противоестественное... И апостол людей, поступающих естественно, назвал душевными, а поступающих противоестественно – плотскими; духовные же суть те, которые и естество преобразуют в дух» [56; с. 173, Обличение себе самому и исповедь]. Соломон ищет среди естества под солнцем, которое не может преобразоваться в дух, а дух естеством не напитаешь. Прп. Ефрем, порицая плотское начало, избегает оригенову крайность, оставаясь в рамках православной аскетики.

Рассмотрев всё и придя к печальному результату, что вот, всё – суета и томление духа, пар и погоня за ветром, странствующий философ, прерывая канву своей речи, произносит стихотворную строфу несколько загадочного содержания:

Еккл. 1:15 Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать.

Что хочет сказать нам философ этим ёмким поэтическим изречением?

Это его горькая ирония над собственным занятием.

Кто видел, чтобы кривое было прямо? Кому удалось посчитать то, чего нет? Как невозможно то и другое, так невозможно найти непреходящую пользу (итрон) во всех делах, какие делаются под солнцем. А он, старый мудрец, так старательно этим занимался. Ему даже стало неловко. Вот мальчишка, гоняющийся за ветром, вот пригоршни человеческие, пытающиеся ухватить пар. Вот чудака, который по кривой дороге хочет идти прямо, вот счетовод, дотошно подсчитывающий то, чего нет.

– Неужели весь мой поиск – подсчёт пустоты? – безысходно билась мысль философа.

Раши так рассуждает об еkkлесиастовом стихе: «**Искривлённое** при жизни не исправить после смерти» [23; 1, 15]. Это вполне согласуется с аграфом Христа: «В чём Я найду вас, в том буду судить вас» [53; Разговор с Трифоном иудеем, 47]. Иначе *Раши* толкует ещё, что слова **искривлённое не может сделаться прямым** относятся «к мудрецу, который устранился от Торы: первоначально был он прям, но искривился» [23; 1, 15]. А **чего нет, невозможно исчислить** *Раши* поясняет: «Кто исключил себя из числа благочестивых, не сможет причислить себя к ним при получении вознаграждения» [там же]. размышление о невозможности исправить за гробом не сделанное здесь Раши прилагает к словам Екклесиаста. Но о том ли думал Соломон?

Св. Григорий Нисский толкует в соответствии с переводом LXX: «**Развращённое не может исправиться**, то есть да не будет того, чтобы благоустроенной Богом твари свойственно было превратное... так и Екклесиаст говорит, что естество, развращённое пороком, не может находиться в твари, в которой соотношение частей устроено правильно» [40; Беседа 2]. **Развращённое**, то есть искривлённое пороком, не может исправиться, не может стать прямым, нет ему места в прекрасном создании Божиим.

То, **чего нет**, в LXX: **лишение**. Так же и в немецком переводе: «das

Fehlende», то есть «недостающее». *Св. Григорий*: "**И лишение**, говорит он, **не может исчислиться...** под **лишением** разумеет недостаток» [там же]. Далее *св. Григорий* приводит к словам Екклесиаста два евангельских примера о числе апостолов и числе овец стада Христова: «А недостающее не может быть причисляемо к тому, что есть. Ибо и учеников, пока все они были в своей полноте, числом было двенадцать; когда же погиб сын погибели, число стало не полно, потому что недостающее не сопричислялось к тому, что оставалось. После Иуды число учеников и было, и именовалось единонадесять... Некогда и мы принадлежали к священной сотне словесных овец. Но поелику от нагорной пажити уклонилась одна овца, – наше естество, увлѣкшись пороком в эту солѣную и сухую страну, – то уже не то же упоминается число в стаде незаблудшихся, но именуется оно числом девяносто девять» [там же].

Недостающее не может исчислиться.

Вот причина бесплодности исканий нищего философа.

Прямое он искал среди кривого. Разве кривое станет прямым?.. Пытался чего-то досчитаться там, где считать было уже нечего.

Св. Григорий оттеняет ещё такую мысль. Ясно, что **лишение не может исчислиться**. У кого ничего нет, тому что и считать! Но он-то, царь в Иерусалиме, он-то всё имел, чего душа желала: мудрость, богатство, власть, женщин, вино! – он-то почему ничего досчитаться не может?!

Философ обескуражен.

А знающие тайны Царствия Божия знают – не там считал.

Кривое не может сделаться прямым. Бог всё сотворил **прямым**, ведь в днях творения всё было хорошо! Как же появляется **кривое**? О том, как это бывает в нашей жизни, говорит *св. Василий Великий*: «Как черта делается кривою, когда прямое направление преломляется то в выпуклое, то в вогнутое, так и сердце делается строптивым, когда его то возвышает высокомерие, то унижают скорби и тесноты. Посему Екклесиаст говорит, что **развращѣнное** не исправится (Еккл. 1:15)» [34; Беседа на псалом 7, ст. 11].

Искривлённое чаще всего выправляться уже не собирается. *Св. Василий Великий* имел печальный опыт попытки исправления злочестивого еретика Евномия. Дискутируя с ним, *св. Василий* с горечью восклицает: «Развращѣнное не исправится, как говорит Екклесиаст (Еккл. 1:15), и тем, которые для жизни избрали ложь, непригодны образцы истины, как сие представляется Евномию» [34; с. 461, Опровержение на защитительную речь злочестивого Евномия, кн. 1].

Блж. Иероним оставляет недоумевающего Екклесиаста в его

безысходности, а слова его прилагает к тем проблемам, которые стояли перед святым отцом уже в четвёртом веке истории христианской церкви. Так, по *блж. Иерониму*, "**искривлённым** называется только тот, кто уклонился от прямоты. Это против еретиков..." [64; 1, 15]. А **ущерб**, который **не может быть исчислен**, – это о том, что «в общей совокупности мира сего существует столь много зла, что мир едва ли может возвратиться в состояние вполне хорошее» [там же] – мысль, кажется, весьма спорная. И ещё о неисчислимом ущербе: «Тогда как все через покаяние восстанавливаются в невинное состояние, один диавол остаётся в своём заблуждении», или: «число обольщённых им [диаволом. – Г. Ф.] и похищенных им из стада Господня так велико, что не может быть исчислено» [там же]. В последнем случае риторическое указание на то, что **широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими (Мф. 7:13)**. Так, пожалуй, не менее мучительно размышлял уже новозаветный Екклесиаст. проблемы ищущего разума... Горе от ума. И куда уйти от него? – и от ума! и от горя!

Как некрасовские мужики пошли на розыск к попу, к купцу, к боярину, к министру государеву и так далее искать, кому на Руси жить хорошо, так и наш философ пошёл искать высший смысл, божественный итрон этой жизни. Рано начал он это хождение, ещё в юности. И первой, к кому направил он свои стопы, была премудрость, прекрасная, сияющая небесными лучами премудрость.

Еккл. 1:16 Говорил я с сердцем моим так: вот я возвеличился и приобрёл мудрости больше всех, которые были прежде меня под Иерусалимом, и сердце моё видало много мудрости и знания.

Еккл. 1:17 И предал я сердце моё тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это – томление духа.

Еккл. 1:18 Потому что во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

А началось всё так.

Прошёл напряжённый день. На высоком холме в Гаваоне с утра до вечера горел огонь главного в стране жертвенника. Тысяча тельцов и овец были закланы руками священников и сожжены Богу Ягве. Дым разъедал глаза, далеко разносил ветер запах гари. Сияло лицо молодого царя, возлюбившего Бога.

Но вот всё утомилось. Юный Соломон спал. И явился ему во сне Ягве, умиловленный жертвами, и сказал:

– Проси, что дать тебе.

Не долгую жизнь, не богатство, не победу над врагами попросил себе

царственный юноша. Он попросил себе **разума, чтобы уметь судить** посреди многочисленного народа Божия, он попросил себе божественную Хокму²⁰, Премудрость Божию. И попросил её не для того, чтобы много знать, но чтобы **различать, что добро и что зло** для управления народом Божиим.

И дал ему Ягве **сердце мудрое и разумное, так что подобного (ему) не было прежде (его), и после (его) не восстал подобный (ему)** (3Цар. 3:3–15). Утомившись, заснул в Гаваоне **отрок малый**, а пробудился великий мудрец, хакам²¹ Израиля.

Уже не отрок, через десятилетия **царь Соломон превосходил всех царей земли... мудростью. И все (цари) на земле искали видеть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую вложил Бог в сердце его** (3Цар. 10:23–24). Мудрость Соломона была не человеческого происхождения. Об этой мудрости свидетельствует Агада: "**Он был мудрее всех людей. Над всеми царями был страх его... Он притчи разъяснял, давал постигать сокровенное, поведывал тайны глубины беспредельной. Имя его гремело среди властелинов, среди мудрых – подвиги его. Цари приходили на лицо его глядеть, слова мудрости жадно слушать из уст его. К нему, праведному и чистому, ведающему таинства небесные, посылали вельможи в слуги и служанки сыновей и дочерей своих... Ему был дан великий ключ ко всем вратам мудрости и разума сердечного. Он разумел язык птиц и животных, и зверей полевых**" [14; с. 111, Таргум Шени].

Таков был тот, **кто предал сердце (своё) тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость, и в результате узнал, что и это – томление духа [погоня за ветром]** (Еккл. 1:17).

Во дни своего блестящего царствования, – вспоминает нищий философ, – **говорил я с сердцем моим так: вот я возвеличился и приобрёл мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом. Больше отца моего Давида, больше всех древних властителей Салима (иевусейских и даже до Мелхиседека). Сама царица Савская, мудрейшая на Востоке, приходила слушать его мудрость. И сердце моё видело много мудрости и знания. Мир растений, язык животных, птиц и демонов были ведомы царю. Верно и точно судил он запутанные проблемы человеческих отношений. Смысл и пользу, божественный итрон, мудрец искал в мудрости. Главное – отличить её от безумия и глупости. Как стрелок, с точностью постигающий цель, мудрец безошибочно отличал мудрость от глупости. И делал это много лет.**

– Каков же результат?

– **Узнал я, что и это – погоня за ветром, и это – томление духа.**

Не нашло сердце мудреца покоя, утомился дух, поймал ветер, разжал ладони – пусто.

Кстати, следует заметить, что **мудрость и знание** искал наш философ, наш премудрый царь не умом, не головой, как, казалось бы, следовало, а сердцем! О том он говорит трижды: **Говорил я с сердцем моим...** И дальше: **И сердце моё видело много мудрости и знания.** И опять: **И предал я сердце моё, чтобы познать мудрость...** Здесь мы стоим перед важным библейским антропологическим утверждением: сердце – орган познания мудрости, познания Бога. Казалось бы, знание исходит от ума, от головы, от мозга или даже от извилин его, сказали бы теперь. Но Соломон ищет мудрость своим сердцем. Голова, мозг – там умственная деятельность человека. Да, это так. Можно даже сказать: это компьютер человека. Но подлинные мудрость и знание, которым открывается Бог, открывается добро и зло, и истинный смысл всего постигается сердцем. Мозг холодно констатирует: Петя сказал вещь, не соответствующую тому, что было, а Ваня лишил жизни Колю. А вот хорошо это или плохо, грех или нет – скажет сердце. Если мозг – это компьютер, то сердце – это человек, сидящий за компьютером. Мозг и даже ум – всего лишь инструмент. Познаёт мудрость и безумие сердце человека.

О сердце как средоточии всей деятельности человека, включая познавательную, и о сердечной мистике, таинственном Богопознании сердцем как о подлинной мистике и подлинном Богопознании имеем глубокое учение священника Павла Флоренского. *Свящ. Павел Флоренский*: «Мистика церковная есть мистика *груди*. Но центром груди издревле считалось *сердце*, по крайней мере, орган, называвшийся этим именем. Если грудь – средоточие тела, то сердце – средоточие груди... Священные писатели знали о высоком значении головы в духовной жизни человека, тем не менее,... средоточие этой жизни видели в сердце» [119; Письмо девятое; тварь]. Подробно раскрывает это же учение о сердце как органе высшего познания профессор-хирург св. арх. *Лука (Войно-Ясенецкий)*. Так, он утверждает, что «наши анатомо-физиологические знания о сердце не только не мешают, а скорее даже побуждают нас считать сердце важнейшим органом чувств, а не только центральным мотором кровообращения» [78; с. 32]. И далее св. Лука подробно раскрывает это учение по Св. Писанию и св. отцам.

Екклесиаст решал не головоломку, он искал высший итрон, мудрость всем сердцем своим. Тем горше было ему, не найдя смысла и в мудрости,

сказать: **узнал я, что и это – томление духа, пустая погоня за ветром.**

Почему, философ, почему в мудрости ты ничего не нашёл, ты, имевший её более всех, что были прежде тебя?!

Екклесиаст отвечает:

**Потому что во многой мудрости много печали;
и кто умножает познания, умножает скорбь.**

Многую мудрость Соломон имел, но обрёл через неё только **много печали**. Мудрость Соломона не принесла ему радости. **Кто умножает познания, умножает скорбь.** Грибоедовское горе от ума. Великие люди испытывают великую скорбь. Где меньше мудрости, там и печали меньше, а некоторым даже море по колено.

Какой же вывод? Или лучше оставить такой результат екклесиастовых исканий без вывода?..

Раши так перефразирует слова Екклесиаста: «Ныне (я познал), что и в мудрости есть сокрушение духа, потому что, обладая великой мудростью, человек полагается на неё и не сторонится запретного и тем самым премного гневит Пресвятого» [23; 1, 17]. Это общий принцип, который постиг Соломон в познании мудрости. Мудрость не только не удерживает от зла, но даже наоборот, человек, полагаясь на свою мудрость, не сторонится запретного. Запретное для профанов, а он, мудрый, понимает суть запретов и потому может позволить себе их нарушение. Ну, а дальше больше, и доходит до худого. Соломон, согласно **Раши**, и сам «признаёт также, что, полагаясь на свою великую мудрость, он совершил несколько поступков (неблаговидных)» [там же]. Так, израильтянам было запрещено жениться на иноплеменницах. Простому еврею этого бы никто не разрешил. Но он-то, мудрый, знал, что это запрет не абсолютный, существенный, а заградительный, предохраняющий. Это было запрещено, чтобы вместе с иноплеменницами израильтяне не приняли бы и их богов. Мудрый Соломон это знал и потому с чистой совестью **полюбил... многих чужестранных женщин (3Цар. 11:1)**. И к чему это привело? А к тому и привело, что **во время старости Соломона жёны его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Ягве, Богу своему (3Цар. 11:4)**. Вот об этом и вспоминал теперь нищий философ. Глупый грешит, потому что глуп, а мудрый грешит, потому что мудр. Вот тебе и результат! – **и это томление духа**. Погнался за мудростью, а гнался за ветром. Во многой мудрости много печали. Сиди теперь и думай своей мудрой головой о содеянных глупостях.

Автор в юности своей жил в университетской среде, знал профессоров и учёных, а потом окунулся в приходской мир бабушек, часто вовсе

неграмотных. Разница была большая, только грехи были те же самые, а по жизни – так и разницы никакой не было.

Где же тогда итрон мудрости? Где её благой остаток? Но пока в остатке скорбь и печаль.

Св. Дионисий Александрийский развивает мысль, высказанную у Раши, и раскрывает её на основании новозаветного учения. Причина еkkлесиастовой неудачи чётко раскрывается. Св. Дионисий: «Напрасно надмевался я и прилагал премудрость, – не ту, которую дал Бог, но ту, о которой Павел говорит: **премудрость мира сего буйство у Бога есть (1Кор. 3:19)**. Соломон учился и этой премудрости сверх меры, более всех древних. Теперь он показывает суетность её» [49; 1, 18]. Далее св. Дионисий подробнее раскрывает эту мысль. Мудрость мира сего, знание вещей **под солнцем** есть безумие пред Богом. Знание природы и общества не прибавляет благочестия. Потому и **томление духа**, а на дне чаши познания и мудрости сей осадок **печали и скорби**. Не той мудростью насытил сердце своё великий мудрец. Внешнее знание само по себе пар и пасение ветра. Сколько уже людей после всех университетов пришли к этому.

Св. Григорий Чудотворец чётко определяет, что мудрость, не принеся Соломону счастья, суть внешняя, земная. Соломон говорит у св. Григория: «Я познал, то я разумею как притчи, так и природу вещей» [44; «Переложение Екклесиаста», 1]. Далее св. Григорий определяет лестницу: «Как за мудростью следует знание, так и знание сопровождают страдания» [там же].

Человек вкусил от древа познания добра и зла. Он был предупреждён, что в день, в который он вкусит от этого древа, смертью умрёт. Не это ли основа и причина еkkлесиастовой трагедии, еkkлесиастова горя от ума?..

Св. Григорий Нисский отмечает не божественный дар мудрости Соломона, а мудрость и знания, к которым приложил сердце царь и которых он достиг многим и тяжким трудом. Мудрость хороша, но поскольку приобретается трудом, причиняющим даже скорбь и болезнь, то и она суета. Св. Григорий: «И на это, говорит Екклесиаст, стало у меня произволение духа: приобрести себе множество мудрости... Сие же обыкновенно не без усилия достанется старательным, но приложивший себе ведение, без сомнения, до одной меры с учением простирает и труд. Посему Екклесиаст говорит: **приложивый разум, приложит болезнь**. А когда дошёл до этого, тогда о приятном произносит, как о суетности» [40; Беседа 2].

Когда египетский царь спросил Диогена, чертившего на земле что-то

из расположения небесных светил, как бы и ему постичь эту науку, мудрец поднял голову и бесстрастно сказал: «Царь, в науке царских путей нет». Через труд и болезнь познаётся мудрость.

Одному уж очень усердно занимавшемуся науками студенту, забывавшему при этом обо всём остальном, некая мудрая женщина сказала:

– Ты сейчас изучаешь всё, чтобы потом не заниматься ничем. Здоровья не хватит.

Мысль св. Григория о горьком труде в добывании мудрости и знания повторяет и *блж. Иероним*: «Муж мудрый скорбит о том, что мудрость скрывается в таком отдалении и глубине и не сообщается уму так, как свет зрению, а достигается с некоторыми мучениями, невыносимым трудом, постоянным углублением и занятиями» [64; 1, 16–18].

Однако основная мысль *блж. Иеронима* иная. «Соломон равно стремился постигать **мудрость и знание**, а с другой стороны – **заблуждения и глупость**, чтобы в стремлении к одному и в уклонении от другого испытывалась истинная мудрость его» [там же]. Стремление к мудрости и знаниям, а также уклонение от заблуждений и глупости заставляют двигаться в одном направлении. Но, увы!.. и в этом... он пас ветры и не мог постигнуть совершенной истины. В чём же дело? Ответ *блж. Иероним* находит вполне евангельский: «Чем больше кто будет постигать **мудрость**, тем больше он **негодует**²², что подчинён порокам и далёк от добродетелей, к который стремится. А поскольку сильные будут терпеть и сильные муки, и кому более даётся, от того более и взыскивается, то прилагающий мудрость прилагает потому и скорбь» [там же].

Ещё Сократ чертил два круга – малый и большой. Внутри – ведомое, вне – неведомое. Мало ведомого – мало прикосновения к неведомому, много ведения – ещё больше прикосновения к неведомому.

Согласно с Сократом рассуждал св. Григорий Богослов: «И действительно, **приложивый разум приложит болезнь** (Еккл. 1:18). Он не столько радуется о найденном, сколько скорбит о непостигнутом, как обыкновенно (представляю себе) случается с людьми, которых отвлекают от воды, прежде нежели они утолили жажду, или которые, надеясь что получить, не могут схватить того руками, или от которых мгновенно скрывается озарившее их блистание света» [37; с. 51–52; Слово 3, в котором Григорий Богослов оправдывает удаление своё в Понт].

Так и в духовной жизни. Ведающий тайны Царствия Божия, как сетует *блж. Иероним*, много скорбит о грехах своих, не ведающий Бога и о

грехах малую имеет скорбь. Да и възыщется на суде с мудрых и сильных больше, чем с неразумных и слабых. И будут мудрые биты больше, чем неразумные.

Горе от ума Екклесиаста, нашего ищущего философа, очень глубоко с христианских высот раскрывает *блж. Диадок*, епископ Фотики, что в древнем Епире Иллирийском. Блж. Диадок говорит о двух радостях и скорби между ними. Первую Екклесиаст имел, но она не устроила его, до второй не дошёл, так и застряв вместе со многими в скорби между ними. Итак, *блж. Диадок*: «Иная есть радость началовводная, и иная завершительная; та не непричастна мечтаний (о себе), а эта сильна смиренномудрием, посреди же их – печаль боголюбивая и неболезненный плач. **Яко во множестве мудрости множество разума, и приложивый разум, приложит печаль** (Еккл. 1:18). Сего ради надлежит прежде началовводною радостью призвать душу к подвигам, потом предать её обличению и искушению истиною Духа Святого как о прежде содеянных грехах, так и о содеваемых ещё поползновениях в самозабвении... Чтоб после того, как обличение Божие искусит её, как в горниле, она восприяла действие немечтательной радости в тёплом памятовании о Боге» [52; Подвижническое слово, гл. 60].

Об этой диадоховой скорби, этой мудростью сотворённой печали, которая одна только может перевести от первой радости ко второй, с сокрушением сердечным писал *прп. Пётр Дамаскин*: «О, сколько слёз желал бы я иметь, когда отчасти вижу себя самого... Если плачу, это производит во мне самомнение, и если не плачу, опять приходят страсти... Молитва моя бывает для меня искушением и невнимательность – погибелью. **Приложивый разум, приложит болезнь** (Еккл. 1:18), говорит Соломон. Недоумеваю и изумляюсь, и не знаю, что делать. Если же не знаю, может быть, и не делаю, к осуждению служит мне знание. Увы мне! Что мне избрать? [66; Творения, кн. 2, слово 24 подаёт сердцу чувство, чтобы человек знал полезное].

Но Соломон не Пётр Дамаскин. Он не знал полезное.

Что пользы человеку от трудов его?,,

Задумался философ и, найдя мудрость, обрёл томление духа. Много узнав, нашёл головную боль. И не видел он в мудрости больше ничего, кроме пара рассеивающегося, а в обретении знаний – пасения ветра и погони за ним.

Разминулось с тех пор полторы тысячи лет.

В итальянском городе Нурсии в богатой семье родился в 480 году сын Венедикт. По уму своему уже в ранних летах был он, как старец. Светские

науки и всю мудрость, что есть под солнцем, послан он был изучать в Рим. Однако там, в языческих школах, видел он много развращённых, живших по страстным похотям своим. Оттого и удалился он оттуда, чтобы из-за мелкого книжного обучения не погубить великого разума своей души и, развратившись с людьми порочными, не впасть в пропасть греховную. И сказано в житии прп. Венедикта Нурсийского, отца западного монашества: «Итак, он вышел из школ не наученным мудрецом, а разумным невеждой, и презрел внешнее любомудрие, дабы сохранить внутреннее целомудрие» [48; 14 марта].

Там, в Римской языческой школе, прп. Венедикт вполне постиг, **что во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь**. Все науки этого мира суть «малое книжное обучение», так легко губящее «великий разум души». Венедикт сумел остаться «разумным невеждой», не погнался за жар-птицей внешнего знания, а Соломон вполне стал «наученным мудрецом». Венедикт познал радость Царствия Божия, а Соломон **умножил скорбь**.

Глава 2

Суета смеха и веселья

Мудрость умножила скорбь. Поищем-ка в другом месте.

Ха-ха-ха!

Весёлая компания. Смех и веселье. Мужики закатываются хохоча. Кто-то уже глаза протирает, смех выдавил слёзы. Балагур-шутник в центре внимания. Все проблемы забыты. А вон – рубаха-парень, да у него, кажись, этих проблем и не бывает.

В городе пестрят афиши:

- там КВН, то есть клуб весёлых и находчивых;
- там кинокомедию крутят;
- там известный пародист приехал.

А сколько развлекаловки без протокола, без официальных учреждений! Вот в классе ребята ждут учителя, а вместо него подзадержавшийся паренёк-весельчак с сумкой через плечо. В классе хохот.

Ну, а на комиком специально учили ещё в Древней Греции.

Без шутов и скоморохов ни один король, ни один князь не обошёлся. На Руси по популярности шут гороховый разве Иванушке-дурачку уступал. Пустоши суеты сует, томлению духа человеческого мир противопоставил целую индустрию смеха и веселья.

Философ вспоминает дни своего блистательного царствования:

Еккл. 2:1 Сказал я в сердце моём: «дай, испытаю я тебя весельем, и насладись добром»; но и это – суета!

Еккл. 2:2 О смехе сказал я: «глупость!», а о веселье: «что оно делает?»

Итак, учёного мудреца сменил шут-балагур. Вместо науки – комедия. Вместо мудрости – смех. Может, там душа найдёт, чего ищет? Может, там итрон, та польза, что останется? Соломон решил попробовать. У могущественного и богатого царя возможности для этого были. Да и не красовские мужики, выпив, подразвеселились.

Заменил Соломон мудрость весельем. *Раши:* "**И вот также и это суета.** Ибо вот я вижу пророчески, что немало пороков вызвано смехом. Балшацар [Валтасар. – Г. Ф.] умер из-за пира. И люди поколения потопа были унесены с лица земли водами; своими преступлениями они предопределили конец, употребив во зло всё то благо, которое ты им ниспослал» [23; 2, 1–2]. Смешно было людям новых времён смотреть на строящийся корабль-ковчег, весело было Валтасару на ночном пиршестве. Но произошло по словам апостола: **смех ваш да обратится в плач, и**

радость – в печаль (Иак. 4:9).

Причину такого оборота, пережитого Екклесиастом, вскрывает Раши: **«О смехе сказал я: безумен (буквально: смешан).** Смешан с плачем и стоном. **И о веселии: Что это даёт (буквально: делает)?** Что это доброго делает, ведь на смену ему придёт печаль» [там же].

Конечно, мало кому полюбится вестник плача, стога и печали. провозвестником всего этого является смех. Во все времена матери строго останавливали своих расшалившихся хохочущих детей: после смеха будут слёзы! И не успевала ещё мама опустить свой строгий палец, как в каком-нибудь углу чей-то смех уже с грохотом превращался в рёв. **Смех безумен,** так как **смешан** с плачем и стоном. Так толковал Раши.

Св. Дионисий Александрийский констатирует этот странный и своеобразный факт, что Соломон «ради опыта и по воле случая перешёл... от благочестивой и воздержанной жизни к удовольствию» [49; 2, 1–2]. Построивший Святаго Святых и воздвигавший руки свои пред жертвенником Ягве теперь забавлялся обезьянами и павлинами. Св. Дионисий чётко определяет двойное заблуждение ищущих высшее счастье и смысл в смехе: «Смех включает в себе двойное заблуждение. 1) Заблуждение вызывает смех и не позволяет оплакивать грехи, 2) с другой стороны, человек, склонный к смеху, блуждает, переменяет времена, места и лица, – и всё это из желания избежать плачущих» [там же]. От заблуждения к смеху и от смеха к заблуждению. Вот ещё один круг, по которому пришлось пройти Екклесиасту.

Екклесиаст не стал слишком долго кружиться по этому кругу. Св. Григорий Чудотворец так передаёт его слова: «Ныне же я понял, что всё подобное – суета. И я сдержал безрассудно несущийся смех, удовольствие же принудил к умеренности, сильно укоривши его» [44; 2].

Прп. Ефрем Сирий, проповедник покаяния, устами Екклесиаста говорит о смехе и слезах: **«Смеху рекох (Еккл. 2:2): «прочь от меня»,** и слезам: «придите ко мне», ибо очень велик грех мой пред Господом, и нет числа грехопадениям моим» [56; с. 142, В подражание притчам]. Как евангельский сотник одним слугам говорил: «придите», и они приходили, другим: «идите», и они уходили. Так кающийся грешник гонит от себя смех и призывает слёзы. Так и наш философ, предавшись смеху и веселью, скоро услышал в сердце своём: **Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете (Лк. 6:25),** а потому **о смехе сказал: глупость!** Как ёмко сказано в лютеровском переводе: **о смехе сказал я: du bist toll!** Как от назойливой мухи, как от глупости какой-то отмахнулся Екклесиаст от смеха и веселья, поняв, что **и это суета!** Едва ли Екклесиаст плакал, как

преподобный Ефрем, скорее сухо, по-философски раскаялся: да ведь это **глупость**, а займись ею, и **что это даёт?** Веселье – **что оно делает** с человеком? Не напомнило ли это царю тех обезьян, которых вместе с павлинами привезли ему из дальних стран?..

Св. Григорий Нисский убеждён, что Екклесиаст, царь Соломон, предаётся чувственным удовольствиям не по склонности к страстям и порокам, а как философ, с целью испытать, не ведут ли они ко благу. Соломон «снисходит до того, что почитается приятным для чувства, не страстию увлечённый в это, но с намерением рассмотреть, точно ли к ведению истинно доброго содействует сколько-нибудь приводимое в услаждение чувство» [40; Беседа 2].

Что касается самого **смеха**, то св. *Григорий* самого низкого мнения о нём: «Смех – это и не слово, и не дело какое-либо, совершаемое с какою-либо целию, но непристойное разверстие уст» [там же], и дальше описывает всю нелепость смеющегося. «Прерывистое дыхание, содрогание всего тела, расширение щёк, обнаружение зубов, дёсен и нёба во рту, кривляние шеи» и так далее. А потому: **смеху рекох: погрешение!** О веселии же св. *Григорий* вместе с Екклесиастом вопрошает: «Что сие твориши? для чего расслабляешь мужество естества? для чего размягчаешь крепость мысли? для чего обессиливаешь бодрость души? для чего вредишь помыслам? для чего светлую ясность чистых мыслей приводишь в омрачение своею туманностию» [там же]?

Блж. *Иероним* указывает на то, что Соломон в поисках истинного блага переходит от одного к другому, в данном случае – от мудрости к веселью, но убеждается в суетности того и другого. Блж. *Иероним*: «Узнав, что во множестве мудрости и приложения знания есть труд и печаль, и что это не что иное, как напрасная и бесконечная борьба, я перешёл к веселью, чтобы утопать в роскоши, собирать имения, жить в обычном богатстве и прежде, чем умру, срывать скоропреходящие удовольствия. Но и в этом сам я увидел **суету** свою» [64; 2, 1–2]. **Смеху сказал я: безумие, и веселью: что ты это делаешь?**

Блж. *Иероним* высказывает аскетическую святоотеческую мысль: «И не только радость телесная, но и духовная есть искушение для обладающего ею, так что мне нужен жезл и ангел сатанин, который бы удручал меня, чтобы я не превозносился (2Кор. 12:7)» [там же]. Падшая человеческая природа не справляется с духовной радостью, и душа не приобретает, а теряет в Царстве Божиим. Не случайно в минуты духовной и душевной радости на человека порой внезапно нападает чувство тревоги, страха, состояние неуверенности. Так легко испаряется счастье веселья.

Куда девалось оно, счастье? Пар остался рассеивающийся. Пар, суета. Гевел гевалим.

О пути радости, смеха и пути рыдания рассуждает св. Григорий Двоеслов, папа Римский: «Отошедшие от райских радостей через наслаждения, призываемся назад к ним через рыдания... Итак, да не обманывает нас никакая ложь удовольствия, да не сбивает нас с пути никакая суетная радость. Ибо близок Тот Судия, Который сказал: **горе вам, смеющимся ныне: яко возрыдаете и восплачете** (Лк. 6:25)... Поэтому и Соломон говорит: **смеху рекох: погрешение, и велелию: что сие твориши** (зачем напрасно обманываешь) (Еккл. 2:2) [39; Беседы на Евангелия, Беседа 10, п. 7]. К раю, по св. Григорию, мы должны возвращаться не тем путём, которым оттуда ушли. Ушли со смехом, вернуться должны с радостью. Это как волхвы, которые пошли в родную страну не тем путём, которым из ней ушли. Этому научил их во сне ангел, вестник воли Божией.

Таков был первый шаг Соломона за пределы дарованной ему Богом мудрости. Решил попытать счастья в смехе и веселье и остался с вопросом: **а что это даёт?**

К психиатру пришёл пациент – жалуется, нет у него радости в жизни. Тоска одна, да и только. Психиатр рекомендует:

– В город приехал знаменитый клоун. Сходишь на концерт – обхохочешься. Сходи, поможет.

Пациент с грустью возразил:

– Я и есть этот клоун.

А что – Чарли Чаплин, Аркадий Райкин, Юрий Никулин – всё пустое? И да, и нет. Если идём к ним на концерт, чтобы отвлечься, развлечься – и отвлечёмся, и развлечёмся, и насмеемся, только радости не обретём. Никакого итрон, ничего, что останется, что вечно, что даёт смысл жизни. Другое дело, если мы внимательным ухом вслушаемся в их смех, тогда за шелухой, которая ничего не даёт, мы можем услышать правду жизни и часто ту самую, горькую, что вокруг-то нас суета сует. И внутри тоже.

Так что же всё-таки со смехом? Грех, не грех? Глупость пустая? В Писании есть резкое осуждение смеха:

Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете (Лк. 6:25).

Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам (Еф. 4:4).

Очень много о порочности и праздности смеха сказано у святых отцов, подвижников благочестия.

Из всего живущего и одушевлённого на земле только человек может смеяться. Откуда сама эта способность? И вот Писание даёт нам другие примеры.

Праматерь Сарра рассмеялась, когда слышала от странников в Хевроне, что у неё, девяностолетней, родится сын. Трудно сказать, было ли что положительное в её смехе. А вот сын всё-таки родился, и нарёк Авраам имя ему **Исаак**, רִצְקָא (Ицхак), что значит «смех». И теперь Сам Бог именует Себя: **Я, Ягве, Бог Авраама и Бог Исаака** (**Быт. 28:13**). Ягве, Бог множества народов, Он и Бог смеха. А Сын Божий не только возвестил горе и плач смеющимся ныне, но перед этим утешил: **Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеётесь** (**Лк. 6:21**)! Так что, во Царствии Божием праведники будут делать то, что им неприлично здесь?!

Проблема решается так. Горе возглашено смеющимся ныне, а блаженство смеха – во Царствии Божием. Смех – состояние будущего века. Поэтому человеку из всех живущих он и дарован. А ныне что? А ныне человек пытается собственными усилиями воссоздать (имитировать) на земле, что он потерял в раю. И, кроме горя, из этого ничего не получается. Человек занимается смехотворством, сам творит смех, не дождавшись, когда его дарует Бог, а потому не радостен, не весел, а смешон. Люди хотят пожить весёлой жизнью, а в результате не пожили, но других насмешили. Стяжающие же Царствие Божие уже сейчас обрадованы, веселы, и им становится ведом Бог Исаака, смех чистый, не смехотворство, а радость, как дар Святого Духа.

Но наш философ и царь попробовал **посмеяться ныне**. Посмеялся. И сказал о смехе: «глупость!», а о веселье: «что оно даёт?»

Результат всё тот же самый: **и это суета**.

А теперь ещё раз вернёмся к тому, чем, собственно, занялся Соломон в свои зрелые лета. Не найдя, чего хотел, в мудрости, он сказал в сердце своём: **насладись добром!** Потом он будет испытывать всякого рода **добро**. О веселье и смехе мы уже слышали.

Здесь, в этом тексте мы первый раз встречаемся с ещё одним ключевым словом книги «Екклесиаст», это слово טוֹב (тов), переведённое на русский «добро».

В **Еккл. 1:3** прозвучало слово екклесиастовых поисков: יִטְרוֹן (итрон). Ранее было подробно сказано о значении этого слова. Соломон хочет найти **пользу**, какой-то остаток или прибыль во всём, что делается под солнцем. Но не находит. Всё, им испытываемое, оказывается суетой. Что остаётся делать? Как жить? Поскольку итрон, высшего смысла и цели нет, то он предлагает срединный путь. Вместо поисков итрон, которые всегда

тщетны, **насладись добром**. Вместо итрон – тов.

Слово תוֹב (тов) теперь будет многократно встречаться в книге Екклесиаста (Еккл. 2:24; 7:14 и др.). «Тов» переводят ἀγαθός, «добро», «благо», «счастье». Это достижимое лучшее в этом мире, относительное благо при недостижимости высшего и вечного итрон. Наслаждение добром (тов) – это путь мещанина. Пользуйся и наслаждайся тем добрым, что имеешь, и не ищи ничего высшего, не создавай себе головную боль горя от ума. О высшем благе не думай, потому что оно недостижимо, а о низшем – потому что там и думать не о чем. А что делать? Просто **насладись** этим относительным благом (тов), оно рядом и достижимо. Еврейское רַחַץ (рах), переведённое как «насладись», означает, собственно, «смотри», «посмотри». Что ты ищешь какой-то высший смысл, нечто остающееся? Смотри, вот рядом достижимое благо, посмотри – вокруг столько доброго, бери и наслаждайся! Лофинк переводит откровенно: *genies das Glück* [78], то есть «наслаждайся счастьем». Лютер также даёт смысловой перевод, отходя от буквального значения: *Wohlan, ich Wohlleben und gute Tage haben!* По-русски примерно так: «Отлично, я хочу приятно пожить и иметь добрые дни!»

Но себя не обманешь. Однажды проснёшься, в себя придёшь и горько молвишь с нашим философом: **Но и это суета!**

Услаждение вином

In vino veritas. «Истина в вине», – без обиняков говорили древние римляне. А ещё раньше Соломон в своих поисках сказал:

Еккл. 2:3 Вздумал я в сердце моём услаждать вином тело моё и, между тем, как сердце моё руководилось мудростью, придерживаться и глупости, доколе не увижу, что хорошо для сынов человеческих, что должны были бы они делать под небом в немногие дни жизни своей.

И так со дней Ноевых.

Ещё **Ной-праотец начал возделывать землю, и насадил виноградник. И выпил он вина, и опьянел...** (Быт. 9:20–21).

Да, действительно, **вино... веселит сердце человека** (Пс. 103:15), а потому, не ища никакого итрон, почему не **услаждать вином тело своё**? Почему не посредством вина **насладиться добром** (тов)? Это так близко, так быстро, так доступно! А главное, ничего больше не надо. Не найдя ничего, иметь всё. И море по колено, и в сердце радость. Ты оборван, ты одинок, а напился – и вот ты уже сам Наполеон, ты весел, у тебя всё, как в раю. Вот это испытать и **вздумал Соломон в сердце своём**.

А после вина – водка, а после водки – наркотики, разные ступени одной лестницы и в место одно и то же ведут, место иллюзорного рая, подлинное имя которому – ад.

В бескрайних степях Казахстана, среди трав сидит на маленьком раскладном стульчике пахан наркоторговцев Гришан и беседует с подошедшим к нему бывшим семинаристом Авдием. Авдий говорил о Боге и совести, говорил о добре и истине супротив греха и беды помутнённого разума, мнимого счастья опьянённых и обкуренных. Но и Гришан не прост оказался:

«- Вот что, достопочтенный Авдий, я терпеливо выслушал твои суждения, как говорится, хотя бы любопытства ради и должен крупно тебя разочаровать: ты ошибаешься, если в своём самодовольстве полагаешь, что только тебе дано говорить с Богом в мыслях своих, что я не имею контакта с Ним, что привилегия такая только у тебя одного, у праведно мыслящего, а я её лишён. Вот ты сейчас чуть не задохнулся от удивления, слух твой резануло, что с Богом может быть в контакте и такой, как я?

– Совсем нет. Просто слово «контакт» тут несколько непривычно. Напротив, я рад это услышать из твоих уст. Возможно, в тебе что-то переменилось?

– Нисколько! Что за наивность. Так знай, Каллистратов (Авдий),

только смотри, не стать зайкой – у меня к Богу есть свой путь, я вхож к Нему иначе, с чёрного хода. Не так твой Бог разборчив и недоступен, как тебе мнится...

– И чего ты достигаешь, попав к Богу с чёрного хода?

– Да не меньше, чем ты. Я помогаю людям изведать счастье, познать Бога в кайфе. Я даю им то, чего вы не можете дать им ни своими проповедями, ни своими молитвами... Своих людей я приближаю к Богу куда оперативнее, чем кто-либо.

– Приближаешь к Богу, купленному за деньги? С помощью зелья²³? Через дурман? И это ты называешь счастьем познания Бога?..

– Оставь! Не заливай! На свете всё продаётся, всё покупается, и твой Бог в том числе. Но я, по крайней мере, даю людям покайфовать и испытать то, что вы сулите лишь на словах и вдобавок на том свете. Лишь кайф даёт блаженство, умиротворение, раскованность в пространстве и во времени. Пусть блаженство это мимолётно, пусть призрачно, пусть оно существует лишь в галлюцинациях, но это счастье, и достижимо оно только в трансе. А вы, праведники, лишены даже этого самообмана.

– Одно ты верно сказал – всё это самообман.

– А ты как хотел? Получить правду всего за пять копеек? Так не бывает, святой отец! За неимением иного счастья кайф его горький заменитель».

Потом люди Гришана выкинут Авдия из несущегося по степи на полном ходу поезда.

Это из романа «Плаха» замечательного киргизского писателя Чингиза Айтматова [142; с. 118–119].

Надо сказать: Соломон – не спившийся пьяница, он – ищущий философ. И мудрый царь, пекущийся о том, что сказать народу. Это чётко прослеживается в словах Екклесиаста: **Вздумал я в сердце моём усладить вином тело моё.** Почему и зачем он это решил? – **И, между тем, как сердце моё руководилось мудростью, придерживаться и глупости, доколе не увижу, что хорошо для сынов человеческих, что должны были бы они делать под небом в немногие дни жизни своей.** Соломон не влеком страстью пьянства, **сердце его руководилось мудростью.** Но он решил поиграть: пока сердце моё трезвенно и мудро, попробую-ка я **придержаться и глупости** услаждения вином. Не это ли **хорошо для сынов человеческих?** Может, за неимением итрон, так и надо коротать немногие дни жизни своей? Может, и Владимир-князь Красное Солнышко прав: «Руси есть веселие питии, не можем без того бытии!»

Надо отметить, что Екклесиаст не говорит о результате этого своего похода к столам бражных напитков. О результате не говорит, но говорит о том, что исходно, предприняв это нетрезвое дело, он решил **придержаться и глупости**. Вот слово не пророка, а мудреца-философа: да **глупость** это всё! Но, прослеживая текст далее до одиннадцатого стиха, видим, что, испытав многое, включая **услаждение вином**, Екклесиаст оглянулся на всё и понял: **И вот, всё – суета и томление духа (погоня за ветром)**, и **нет от них пользы** (итрон) **под солнцем!** Весёлое дело – винопитие, да пользы нет, всё суета. Погнался за кайфом, поймал ветер. Всё пусто. И сердце – как сосуд разбитый.

Ну, а как давидово **вино веселит сердце человека**? А как Иисус претворил воду в вино на браке в Кане Галилейской? А как Сын Человеческий, о Котором говорили: **Вот Человек, который любит есть и пить вино (Мф. 11:9)**? Как «утешение братии велие» даже в Великий пост в строгих аскетических монастырях? Да и князь Владимир с его «веселием Руси», как?

Вино действительно дар Божий **сынам человеческим... в немногие дни жизни их**. Но какой опасный! Едва заметная грань благочестия и воздержания, благодарения и радости так легко переступается, и тогда **дело плоти известное**, тогда **пьянство**, которое **Царствия Божия не наследует (Гал. 4:19–21)**. Великий Златоуст одинаково предостерегал от хуления вина и от греха пьянства. Узкая тропка между ними и есть узкий путь Христов, путь христианского благочестия. И немногие находят его.

А наш философ на опасном пути, когда **сердце его руководилось мудростью, придерживаться и глупости**. Многие на пути этом сорвались. Но Екклесиаста не остановить. Он будет идти, **доколе не увидит, что хорошо для сынов человеческих?..**

Но пока в конце всех его путей одно и то же – суета сует и томление духа.

Новое занятие Екклесиаста представляется *Раши* таким образом: «...в то время, как плоть моя умащается вином, сердце моё занимается мудростью, держась Торы» [23; 2, 3].

Держаться неразумия (буквально: **глупости**). Согласно Раши, это значит держаться «того, что мне представляется неразумным, о чём я сказал: «Со мною Бог, и я сумею» [там же]. Далее Раши приводит заповеди Божии, непонятные разуму и откровенно нарушаемые евреями, как запрет носить платье из шерсти со льном, запрет выращивать на одном участке злаки и овощи с виноградом. Непонятно, почему Саул должен был по повелению Божию истребить всех пленников **от мужчины до**

женщины, от ребёнка малого до младенца грудного (1Цар.15:3). Во всех этих случаях евреи говорят: «С нами Бог, и мы сумеем нарушить Его заповеди, но не отпасть от Него». Сам Раши говорит, что этому противостоит ангел-обвинитель и народы этого мира. Ещё Екклесиаст пошёл этим «еврейским» путём: нарушу и испытаю... **Неразумие**, которого решил держаться Екклесиаст, есть, согласно Раши, «заповеди, которые человеку представляются «неразумными», иррациональными».

Св. Дионисий Александрийский также отмечает не греховность устремлений Екклесиаста предаться страстям, а его глубинный философский поиск. В уста Екклесиаста св. Дионисий вкладывает слова: «Но цель... заключалась для меня не в том, чтобы проводить жизнь в чём-либо суетном, а в том, чтобы открыть благо» [49; 2, 3].

Св. Григорий Чудотворец так перелагает слова пытливого искателя смысла жизни: «Размысливши же, что душа в состоянии удержать телесное естество, опьянённое и растекающееся подобно вину, и что воздержание порабощает себе похоть, я решил постигнуть, что некогда предназначено было для людей важного и поистине прекрасного, которое они должны совершить в этой жизни» [44; 2].

Св. Григорий Нисский допускает мысль, что Соломон только образно говорил о том, что будто всё испытывал на своём опыте: «Говорит же [Екклесиаст. – Г. Ф.]... измыслив сие для нашей пользы, чтобы слово впоследствии достигло цели» [40; Беседа 3]. Но тот же св. Григорий допускает и мысль, «что Соломон действительно изведal опытом приятности жизни» [там же], и совершал он это не ради приятности услаждений, а ради поиска благой цели. «Как погружающиеся в глубину моря и ищущие чего-либо на дне под водою, если найдут какую-либо жемчужину или другое что подобное сему из родящегося во глубине, то им никакого удовольствия не доставляет бедствование под водою, заставляет же погружаться надежда на выгоду; так и Соломон, если испытал это, то, конечно, подобно какому-нибудь ловцу в море пурпуровых раковин, погружался в наслаждение не для того, чтобы наполниться солёною морскою водою (а под сею водою разумею удовольствие), но чтобы в такой глубине отыскать что-либо полезное для ума» [там же].

Но далеко не все, нырнув на глубину до дна бокала, нашли «полезное для ума». Ум был утоплен раньше. Однако блажен, кто научился наслаждаться радостью Божьего создания, кто в веселии сердца имеет чистый ум, познающий благое. Однако без вечного, без итрон земные блага, временное тов – всё-таки суета сует, и остаётся томление духа.

Блж. Иероним отмечает, что Соломон действительно решил предаться удовольствиям, но здравый смысл направил его по другому пути: «Хотел я отдать жизнь наслаждениям, освободить плоть свою от всех забот и как **вином** упиваться удовольствиями; но размышление моё и естественный разум, который Бог вложил и грешникам, отвлекли меня и привели к изысканию мудрости и поправлению глупости, чтобы видеть, что было доброго из того, что люди могли сделать в течение жизни своей» [64; 2, 3]. С опасного пути «упиваться удовольствиями» естественный разум привёл в сердце Соломона стрелку на «изыскание мудрости». Всё оставил царь и отправился в путь нищим философом. А вот когда имел все богатства и удовольствия, как Божий дар, ничего Соломону оставлять не надо было. Надо стало, когда сердце к удовольствиям приложил.

Суетность обрётённого трудом богатства

Соломон не из ленивых. Царь не просто наслаждался тем, что ему досталось от царствовавших до него в Иерусалиме. Соломон предприимчив и, пользуясь царскими возможностями, благоустраивает столицу, превращая её в блистательнейший город того времени. Соломон не протранжирил наследие, а преумножил его весьма.

Но блеск не ради блеска. Царь надеется найти удовлетворение своей душе...

Еккл. 2:4 Я предпринял большие дела: построил себе дома, посадил себе виноградники,

Еккл. 2:5 устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья;

Еккл. 2:6 сделал себе водоемы для орошения из них рощей, произрастающих деревьев;

Еккл. 2:7 приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех, бывших прежде меня в Иерусалиме;

Еккл. 2:8 собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей; завел у себя певцов и певиц и услаждения сынов человеческих – разные музыкальные орудия.

Еккл. 2:9 И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; и мудрость моя пребыла со мною.

Еккл. 2:10 Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселья, потому что сердце мое радовалось во всех трудах моих, и это было моею долею от всех трудов моих.

Еккл. 2:11 И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, всё – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!

Удачливый предприниматель. Всё спорилось в руках его. Иерусалим развивался всесторонне. Иерусалим процветал. Строительство храма, дворца и домов. Насаждение садов, рощ и виноградников. Удачное инженерное решение водоснабжения города. Грамотно поставленная администрация: двор, слуги, служанки – всё на своём месте. Процветающее фермерское хозяйство: крупного и мелкого скота больше, чем когда-либо было в столице. Высоко поставлена культура: певцы, певицы, музыкальные оркестры. Евреям нельзя было по заповеди рисовать

Бога, а потому весь гений их художественного творчества со времён Мариам и Давида и до европейской культуры последних веков направлен на мир музыки.

Не обошло великого предпринимателя счастье богатства. Не было ничего, в чём он отказал бы себе. Золота было столь много, что на серебро никто не обращал и внимания. Да и по сей день, через три тысячелетия, золото всего мира не обходит стороной потомков великого Соломона. Развлечения шли по полной программе. И радовалось сердце человека, сумевшего добиться такого потрясающего успеха. Всё было не завоёванное, не захваченное, не ворованное – всё было трудом рук его, архитектора земного счастья. Не оставляла его и мудрость, так и осталась с ним и его потомками до великих учёных и правоведов европейской науки и цивилизации.

Таков был архитектор, под началом которого трудились каменщики и плотники²⁴, инженеры и учёные, юристы и управленцы, купцы и банкиры, певцы и музыканты. Зачиналась и развивалась цивилизация. Все бывшие под его началом так и продолжают этот путь. Они и сегодня им идут. Путь, о котором обетованный Потомок предприимчивого царя скажет: **Широки врата и пространен путь... и многие идут ими (Мф. 7:13)**. Сам же царь, сам великий архитектор оглянулся назад, оглянулся вокруг на все дела свои, которые сделали руки его, и на труд, которым трудился он, делая их: и вот, всё суета и томление духа, всё пар и погоня за ветром, и нет пользы (וְאֵין תְּשׁוּבָה), вечного и остающегося сердцу итрон, здесь, в этом мире под солнцем.

Бизнес, богатство, труд, цивилизация.

Всё кружится, кружится на ходу своём...

И возвращается ветер на круги своя. И кружит по ним гоняющийся за ветром искатель счастья на земле.

В XXX-м веке после Соломона уже который круг?..

Раши, комментируя величие дел Соломоновых, в которых он в конечном счёте не нашёл никакой пользы, упоминает некоторые интересные моменты из Предания.

Соломон насадил в Иерусалиме **древо всякого плода (Еккл. 2:5)**. «Благодаря своей мудрости, Шломо [Соломон. – Г. Ф.] знал все жилы земли. Он знал, какая из них ведёт в Куш²⁵, и там сажал перечные деревья. Знал, какая из них ведёт на землю рожковых деревьев, и там сажал рожковые деревья. Потому что все жилы различных земель сходятся в Сионе, где заложено основание мира, как сказано: **Из Сиона собраны красы (Пс. 49:2)**²⁶. Потому сказано: **древо всякого плода**. Так гласит

мидраш Танхума» [23; 2, 5]. Из Сиона идут все жилы земли. Так отображались и отображаются в иудейском сознании библейские тексты. Иисус, который больше Соломона (Мф. 12:42), на утверждение, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме, отвечал несколько иначе: **Поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей (Гаризиме), и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... (Ин. 4:20–21)**. Бог есть Дух, и поклонение Ему в духе и истине вселенское.

Но Богу одному ведомы все тайны не только Царствия Небесного, но и земли. Бог избирает Иерусалим и отвергает, Бог творит всё, что хочет.

После перечисления всех трудов своих Соломон говорит: **и это было моею долею от всех трудов моих (Еккл. 2:10)**. Что было его долей? Об этом *Раши* приводит два разных мнения раввинов: **«И это было долей моей**. После всего содеянного мною [В Иерусалиме, – говорит Соломон. – Г. Ф.] у меня от всего осталось лишь это [доля. – Г. Ф.]. *Рав* и *Шмуэль* расходятся во мнениях. Один полагает, что это его посох, а другой полагает, что это его чаша, глиняная кружка, из которой пьют» [23; 2, 10].

Великий предприниматель, царь и владыка остался со своей долей посоха нищего странствующего философа или с глиняной кружкой, которой почерпал воду из источников Израилевых.

Св. Дионисий Александрийский находит в еkkлесиастовой оценке своих трудов подтверждение своему христианскому взгляду на труды и довольствие в этом мире: «Видишь, как он [Соломон. – Г. Ф.], перечислив множество домов, полей и прочего, о чём он упоминает, не нашёл в них никакой прибыли, ибо от них он не сделался лучше по душе и не приобрёл родства с Богом» [49; 2, 4–11].

Вместе с Еkkлесиастом св. Дионисий находит некоторую похвалу только для мудрости: **«И мудрость моя пребысть со мною (Еккл. 2:9)**. Она одна пребывает, а всё прочее, что он перечислил выше, удаляется и исчезает» [там же].

Св. Дионисий отмечает, что тщетны не труды вообще, а труды под солнцем: «Итак, если мы хотим доброй прибыли, если желаем изобилия, если ищем нетления, то будем заниматься трудами выше солнца. В них уже не суета и не произволение (томление) духа» [там же].

Св. Григорий Чудотворец живописно передаёт речь предпринявшего много дел царя и завершает её таким образом: «Предоставивши свободу всякому обольщению глаз и необузданным порывам сердца, отовсюду вторгающимся, я отдался надеждам на удовольствия; и свою волю я привязал ко всяким жалким наслаждениям... Наконец, отрезвившись и прозревши, я понял, что то, чем я был занят, жалко и вместе с тем очень

пагубно, действие не доброго духа. Ибо ничто решительно, что бы ни избрали люди в настоящее время, по здоровом рассуждении не представляется мне заслуживающим одобрения и усиленного домогательства» [44; 2].

– Так что же? Издревле сложившееся восточное отрицание житейских благ²⁷ и приглашение в нирвану? Труд бессмыслен?

– Нет! Ещё св. Василий Великий труды Соломона упоминал положительно: «Есть прекрасное насаждение, о котором говорит Соломон: **Насадих ми винограды, сотворих ми винограды и сады, и насадих в них древе всякого плода (Еккл. 2:4–5)** [34; Толк. на пр. Исайю, 5, 10]. И в другом месте тот же св. Василий: «С похвалою упоминает о саде Екклесиаст, говоря: **сотворих ми винограды и сады (Еккл. 2:5)**» [34; Толк. на пр. Исайю, 1, 29].

Так если сады Соломона – это хорошо, тогда в чём же дело? Почему суета? Суета, если и в них хочешь найти пользу, вечный итрон. В них его нет. Насаждение садов и виноградников не цель, а средство. Прекрасное средство, но цель, как говорит св. Дионисий Александрийский, «выше солнца», она в Боге и Царстве Его. Земные дела – путь к Богу, а кто хочет их подчинить себе в усладу, тот пожнёт суету.

Святые Григорий Нисский [40; Беседа 3–4] и Иероним Стридонский [64; 2, 4–11] дают последовательное толкование словам Соломона о своих делах (Еккл. 2:4–11) или, лучше, размышляют над этими словами как христиане, как святые отцы, то есть с позиции, которая была ещё в значительной степени недоступна израильскому царю.

Так, св. Григорий сразу начинает с осуждения: «**Возвеличих**, говорит он [Соломон. – Г. Ф.], **творение мое, создах ми дома**. Слово прямо начинается осуждением. Ибо говорит: возвеличих, не Божье творение, которое и я сам, но моё. А моё творение не иное что есть, как то, что доставляет удовольствие чувству». Так размышляет над Екклесиастом аскет.

Удивительно, но совершенно иначе размышляет блж. Иероним, находя здесь таинственную аллегория, раскрывающую догматы Церкви: «**Увеличил я дела свои** и прочее. Увеличивает дела свои тот, кто по образу Творца возносится к горнему и **созидает дома**, дабы Отец и Сын, и Дух Святой пришли и обитали в них, – и **насаждает виноградники**, к которым Иисус привязал ослицу свою».

Посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи... (Еккл. 2:4–5). Опять св. Григорий Нисский видит в этом беду человека, забывшего своё истинное назначение: «**Насадих**, говорит, **ми винограды**, в которых не

имел я нужды, потому что сам я – виноград плодоносный, виноград духовный... Но не знает такого насаждения [духовного. – Г. Ф.], кто обращается к земле и объемлет земное, потому что присоединяет к этому богатое украшение вертоградов и садов плодовых. Какая потребность во многих садах тому, кто имеет в виду один сад (рай)?..»

Блж. Иероним, напротив, продолжает свою новозаветную аллегорию, перейдя теперь от Бога и Христа к церкви: **«Сделал себе сады и огороды: насадил в них всякое дерево плодovitое.** В доме богатого есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные, и глиняные. Для некоторых не совсем здоровых и слабых делаются и огороды, ибо кто нездоров, тот питается овощами (Рим. 4:2)... деревья различных плодов и сортов, так как в церкви дары благодати различны... Между этими плодовитыми деревьями первое место, думаю, занимает древо жизни, которое есть мудрость. Ибо если оно не посажено в середине, то засохнут и прочие деревья».

Не благоволит св. Григорий Нисский и к устройению водоёмов Соломоном, находя в этом затею, служащую чувственным удовольствиям: «Потом после снеди [сады и рощи. – Г. Ф.], произращаемой под открытым небом и под крышею, и вода не оставляется не содействующею разнообразию удовольствий, как будто должно наслаждаться всеми стихиями, землею., воздухом., водою посредством сделанного человеческими руками моря... **Сотворих ми, говорит Екклесиаст, купели водныя, еже напаяти от них прозябение древее.** А у меня был источник райский, то есть учение добродетелей, которым орошалась духовная сухость, пока презирал я земные воды, и наслаждение которыми временно, и естество которых преходит. Итак, гораздо лучше из божественного источника, которым орошаются и возвращаются душевные добродетели, привести для себя хотя малый поток, чтобы в душах наших зеленел сад добрых предначинаний».

Последователи св. Григория, афонские монахи, живя в жаркой Греции на берегу курортного Эгейского моря, отказывают себе в купании в его водах, исключительно припадая к источнику воды живой, текущей в жизнь вечную (Ин. 4:14).

Дальше св. Григорий буквально бичует Соломона-Екклесиаста за стяжание рабов и рабынь, а также скота крупного и мелкого. **«Притяжах рабы и рабыни, и домочадцы быша ми.** Смотри, какое надмение высокомерия! Стать наравне с Богом – вот до чего превозносится это слово! Ибо **всяческая работа** превысшей над всеми власти, слышали мы в пророчестве (Пс. 118:91)... **Притяжах рабы и рабыни.** На рабство

осуждаешь человека, которого естество свободно и самовластно, даёшь закон вопреки Богу, извращая закон, данный Им естеству. Ибо созданного на то, чтобы быть господином земли, и кого Творец поставил в начальство, подводишь ты под иго рабства, как бы прекословя и противодействуя божественной заповеди... **притяжах рабы и рабыни**. За какую, скажи мне, цену?... Какой монетой оценил разум? Сколько оводов поставил за образ Божий? За сколько статиров купил богозданную природу?.. И **притяжах**, говоришь, **рабы и рабыни**, как стадо какое козлов или свиней. Ибо, сказав, что притяжал себе **рабы и рабыни**, присовокупил... **и стяжание скота, и стал много ми бысть**, ...как будто в одном порядке те и другие подчинены его власти».

Поражает страстность, с которой св. Григорий осуждает рабовладение, которое было и в его времена. Не просто осуждает, но находит глубокое богословское обоснование – рабство противоречит изначальному от Бога назначению человека быть владыкой природы. Надо сказать, что св. Григорий Нисский идёт здесь дальше, чем Христос, апостол Павел, новозаветные Писания и многие другие святые отцы. Христианский взгляд не столь радикален, он изнутри любовью изживает рабство. Ну, а Соломону от Григория Нисского попало, сильно попало, почти по-марксистски! Но и по-христиански тоже.

Блж. Иероним о том же продолжает рассуждать в рамках избранной им аллегории, что истинный Екклесиаст есть Христос. «Если и теперь, как и выше, в Екклесиасте мы хотим видеть образ Христа, то под **рабами** можем разуместь тех, кои имеют в рабстве дух страха и более желают духовного, чем обладают им; под **служанками** можем разуместь те души, кои ещё преданы телу и земле; а под **домочадцами** тех, кои хотя находятся в церкви и превосходят указанных рабов и служанок, но ещё не одарены Господом свободою и благородством. В имении Екклесиаста есть и иные члены, деятельностию и простотою своею уподобляющиеся **волам и овцам**; они, не имея разумения и знания Писаний, хотя и трудятся в церкви, но ещё не достигли того, чтобы заслужить человеческое достоинство и возвыситься до образа Творца». Такова духовная иерархия малых сих в церкви, не достигших ещё свободы и славы сынов Божиих.

Далее св. Григорий Нисский ругает Соломона за то, что он **собрах си серебро и злато**. Св. Григорий подробно говорит о бессмысленности такого занятия. При этом святой отец говорит не только о сребролюбии, но спрашивает принципиально: «Не одни ли древесные плоды и семена уделил (Бог) в пищу? Для чего преступил ты пределы власти? Или докажи, что дозволено тебе Творцом и это, – рыться и углубляться в земле, огнём

расплавлять, что под землёю, и собирать, чего не сеял?» Геология и металлургия представляется св. Григорию делом греховным, противоречащим замыслу Божию. А за полторы тысячи лет до Григория Соломон уже этим занимался. А ещё через полторы тысячи лет после Григория в том же самом заговорят экологи. Недра планеты стремительно расточаются всё прогрессирующей цивилизацией.

Опередил св. Григорий и социал-экономистов, что с XIX века стали говорить об отмирании денег в бесклассовом обществе. Нужны сами по себе вещи и продукты, а не деньги. «Ибо кто на золото выменял хлеб и одежду, то за полезное [пищу и вещи. – Г. Ф.] вознаградил бесполезным [деньгами. – Г. Ф.], и он жив, сделав для себя пищею хлеб, а не золото». Но мы, увы, живём при капитализме, когда миром правят деньги, когда мир кружится в безумном хороводе вокруг золотого тельца. Деньги, по прп. Амвросию Оптинскому, оправданы как эквивалент, для удобства жизнедеятельности, но на самом деле в эквивалент давно превращены мы, а они, **серебро и золото**, есть сущность и самоценность, бог мира сего.

Блж. Иероним же продолжает свой иносказательный прообраз. **Серебро** внешнее, а **золото** внутреннее, сокровенное достояние Церкви Христовой. **Как голубица, которой крылья (внешнее) покрыты серебром, а перья (сокровенное) чистым золотом (Пс. 67:14).**

Осуждает св. Григорий Нисский и страсти, так легко возбуждаемые музыкой: «Сотворих ми поющих и поющих... как неуместна эта утончённость в искусствах! Как внезапно покрывает эта река удовольствий как бы двумя потоками слуха и зрения наводняя души, чтобы они и видели, и слышали худое!» А дальше всё идёт к **виночерпцам и виночерпцам**²⁸, к безудержному и греховному веселью. Отцы IV-V веков не находили никакого оправдания светскому искусству, считая его только возбудителем греховного сластолюбия. Это строго аскетическое, а в протестантизме пуританское отношение порождено тем, что греховная услада всегда широко пользовалась искусством. Но есть и Божие искусство! Что искал, чем занимался Екклесиаст? Тем и другим? Отчаянный поиск того, что **хорошо для сынов человеческих!**..

Блж. Иероним спокойно продолжает своё иносказание: «**Певцы и певицы** – это те мужчины ли, или женщины, которые поют духом, поют же и умом. Певец как муж, как сильный и духовный, поёт из области высшего, а **певица** вращается ещё в области вещества». **О кубках и чашах** *блж. Иероним* говорит: «Под большою чашею мы должны разуметь тело Христово... и чрез апостолов, как чрез меньшие, небольшие кубки и бокалы, премудрость разлита верующим во всём мире». Здесь *блж.*

Иероним рассуждает о «шидда» и «шиддот», как больших и малых сосудах, как о Христе и апостолах.

И мудрость моя пребыла со мною.

Во всех предприимчивых начинаниях и в великом обогащении Соломон не терял головы. Мудрость его оставалась с ним. По св. Григорию Нисскому это означает, что Соломон «мудростию испытывал всякое промышление наслаждения». О, если бы и мы могли мудростью свыше испытывать все наши наслаждения! А по аллегории блж. *Иеронима*, если Екклесиаст – образ Христа, то это означает, «что мудрость оставалась у Него и во время пребывания Его во плоти». Ещё в детстве Иисус **преуспевал в премудрости и в возрасте и в любви у Бога и человеков** (Лк. 2:52). Приняв человеческую немощь, Господь сохранял в Себе божественную мудрость.

Что бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им... И всё это, говорит св. Григорий Нисский, не к счастью привело Екклесиаста, а к решительному утверждению о человеческой жизни, «что всё суета: и то, что чувство видит, и то, что предназначается людьми для веселия».

По духовной аллегории блж. *Иеронима*: **"И всё, чего ни просили глаза мои, я не отнимал у них...** Очи души и порывы ума стремятся к созерцанию духовному, а грешник, не зная сего созерцания, возбраняет сердцу своему истинное наслаждение».

Но вот и результат:

И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои... и вот, всё – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!

Нет пользы (итрон) под солнцем, поясняет св. Григорий Нисский, «ибо вся сила и действенность чувств имеет пределом жизнь под солнцем; преступить этот предел и постигнуть разумением блага превысшие естество чувственное не в состоянии». Низок чувственный потолок, к высшему, вечному и остающемуся итрон не дотянуться. О том ещё отчётливей говорит в своей христианской аллегории блж. *Иероним*: «Христос – в солнце положил селение свое (Пс. 18:6), Следовательно, кто ещё не достиг до света, порядка и постоянства солнечных, в том Христос не может ни обитать, ни изобиловать».

Глупый и мудрый – одинакова ли их участь?

Великий предприниматель потерпел крах души. При всех блестящих достижениях душе его досталась суета и погоня за ветром.

Может, выручит его мудрость?

Может, участь мудреца радужнее доли предпринимателя? Соломон, строитель и мудрец, решил это проверить:

Еккл. 2:12 И обратился я, чтобы взглянуть на мудрость и безумие и глупость: ибо что может сделать человек после царя сверх того, что уже сделано?

Еккл. 2:13 И увидел я, что преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою

Еккл. 2:14 у мудрого глаза его – в голове его, а глупый ходит во тьме; но узнал я, что одна участь постигает их всех.

Еккл. 2:15 И сказал я в сердце моем: «и меня постигнет та же участь, как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым?» И сказал я в сердце моем, что и это – суета;

Еккл. 2:16 потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увы! мудрый умирает наравне с глупым.

Еккл. 2:17 И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё – суета и томление духа!

Куда бы ни обратился взор Соломона-Екклесиаста в поисках итрон, в поисках некоего пребывающего остатка и пользы, ничего не найдя, он вновь и вновь обращается к благодарованной ему мудрости. Ну, в ней-то должен же быть смысл! А его всё нет и нет...

– Что же это такое?

– В чём дело?

Вопросы без ответов в голове странствующего философа. Руки, беспомощно перебирая пальцами, скользят по посоху. Соскальзывают. Резко перехватывают падающий посох, а потом всё сначала.

И обратился я, чтобы взглянуть на мудрость, с одной стороны, и безумие и глупость, с другой. Царь-предприниматель **уже всё сделал**, что было возможно сделать в Иерусалиме. И **что человек после царя?** Что можно ещё добавить? Царь нашёл суету и томление духа. Но есть, есть что-то ещё **после царя**, есть нечто **сверх того, что уже сделано!**

– Что?!

– Это мудрость.

Но и с мудростью надо разобраться, а для этого надо её сравнить и сопоставить с глупостью. Имеет ли мудрость некое преимущество перед глупостью? Ведь написал же некогда умнейший *Эразм Роттердамский* «Похвальное слово Глупости». Ведь видел он тех, которые «уверены, что наивысшее благочестие состоит в воздержании от всех наук, так что лучше даже вовсе не знать грамоты» [122; с. 139–140].

Екклесиаст судит между мудростью и глупостью. Суд его касается двух вещей: мудрость и глупость – что они сами по себе; и результат того и другого – участь мудреца и глупого.

В первой части Екклесиаст находит огромную разницу в пользу мудрости: **И увидел я, что преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою: у мудрого глаза его – в голове его, а глупый ходит во тьме.** Тут можно и лозунг эпохи просвещения вспомнить: «Учение – свет, неученье – тьма». А, говоря богословски, **Бог есть свет (1Ин. 5:9)**, тьма – отсутствие света, отсутствие Бога. Вот такая разница между мудростью и глупостью, такое несравненное преимущество мудрости перед глупостью. А потому **у мудрого глаза его – в голове его**, мудрый человек возводит очи свои к небесам. Ещё отец премудрого Соломона воскликнул: **Возвожу очи мои к горам, откуда придёт помощь моя (Пс. 120:1)**. Не так у глупого, который **ходит во тьме**. Можно сравнить со свиньёй, глаза которой устроены так, что она никогда не может посмотреть наверх, она видит только землю, грязь.

Казалось бы, при таком преимуществе мудрости над глупостью мудрецу есть о чём возрадоваться. Но наш философ не так прост, он не юноша, устремившийся по своей дороге к университету. Наш философ видел жизнь и знает её коварные и лукавые повороты, за которыми пустота, от которой ты бежал и в объятиях которой вновь оказался. Философ начал расспрашивать, справки наводить у тех, что были раньше. – а каков конечный результат, какова участь мудреца и какова у глупого?

И узнал я, после расспросов своих, что одна участь постигает их всех. И сказал я себе в сердце моём: «И меня постигнет та же участь, как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым?» Участь мудреца и глупого одна. Почему? **Потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого, в грядущие дни всё будет забыто, и увы! Мудрый умирает наравне с глупым.** Смерть и забвение в веках уравнивают того и другого. Труп мудреца ничем не лучше, чем труп глупого – обоих быстро закапывают в землю. А потом потрудится время – **в грядущие дни всё будет забыто.** Всё порастёт травой...

И сказал я в сердце моём, что и это – суета. То, что мудрый умирает наравне с глупым – это бессмыслица, это суета. А потому **возненавидел я жизнь: потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё – суета и томление духа!** Пар и погоня за ветром! Мудрец, уравненный с глупцом, **возненавидел жизнь.** Да и кто бы смог иначе?!

В делах под солнцем человек искал смысл, а его нет. Противны стали человеку эти дела,. Мудрость и глупость замкнулись в один бессмысленный круг. И **кружится, кружится** этот круг **на ходу своём.** Сколько мудрых, сколько глупых прошлых времён не помнит уже никто. И не вспомнит. Скажут: а, вот, помним же Сократа и Архимеда, и Соломона тоже.

– Помним?

Помнит также и Геростра-поджигателя, и Ровоама скудоумного в Иерусалиме помним.

Почти всех забыли, а уж если кого и помним, то опять мудрых и глупых наравне.

Мудрость бесконечно выше глупости, а участь мудрого и глупого одна. Но ведь я не сама мудрость, я и не глупость. Я мудр или я глуп. А между мудрым и глупым разницы нет, они наравне, – так что мне до того, что разница есть между мудростью и глупостью?

...Искал мудрости, а погнался за ветром.

Почему такой обескураживающий результат?

Потому что искал философ разницу между мудростью и глупостью **в делах, которые делаются под солнцем.** А выше солнца он искать ещё не умел. Потому такой крах и провал в поисках итрон, в поисках того, что останется и принесёт пользу.

То, что под солнцем мудрого постигает та же участь, что и глупого, хотя мудрость лучше глупости, хорошо усвоили многие христианские проповедники. Потому они презрели суетную мудрость мира сего и, прилепившись ко Христу, стали ради Него юродивыми в мире сем. Если участь мудрого и глупого под солнцем не одна и та же была, то не было бы святых Христа ради юродивых. Следуя за Мудростью, что выше солнца, они легко оставляли ту, что под солнцем.

Блаженный Феодор родился в Новгороде и в юных летах обучен был чтению книг. Но когда пришёл в совершенный возраст, возгорелся ревностью о Боге. Слова апостола Павла **мы безумны Христа ради (1Кор. 4:10)** глубоко проникли в сердце Феодора. И избрал он для себя путь юродства. Оставив родителей, все блага и мудрость земную, Феодор не

имел постоянного жилья, всегда, и в морозы тоже, ходил босой и полунагой. Такого было его пребывание на Торговой стороне Новгорода. А по другую сторону Волхова, на Софийской стороне, бродил такой же блаженный Николай Кочанов. Случалось, Феодор заходил на Софийскую сторону, тогда с криком прогонял его оттуда Николай. Но если Николай заходил на Торговую сторону, то прогонял его назад Феодор. Крик и перебранка юродивых вполне отражали постоянную вражду, нередко кровавую, жителей Софийской и Торговой сторон Великого Новгорода. Так юродивые, безумные Христа ради, обличали безумие здравомыслящих жителей Новгорода.

Но ради кого Соломон оставил бы свою мудрость? А ради кого он её имел? Для народа израильского разница была велика – мудрый Соломон и скудоумный Ровоам. Но не для них самих. Здесь, под солнцем, они были уравнены... И сказал Соломон **в сердце своём, что и это – суета**. А суетиться ему уже не хотелось – годы прошли.

Обратимся теперь к толкованию слов Екклесиаста об участии мудрого и глупого в Предании. Следует отметить, что и раввины, и отцы Церкви, кроме разве лишь блж. Августина, отмечают в своих рассуждениях не столько бессмысленную одинаковость участи мудрых и глупых, сколько, наоборот, различный конечный результат. Отцы и учителя обходят парадоксальность и бессмыслицу соломонова круга, в котором от перемены мест света и тьмы результат не меняется. Обходят трагедию мудреца в этом мире под солнцем. Толкователи Соломона находят в его словах основание для благочестивых размышлений о пользе мудрости и вреде глупости, то есть они рассуждают уже с позиций того, что над солнцем. Но слова Екклесиаста – это не книжка по благочестию. Иаков боролся с Богом. Иов не соглашался принять свои страдания в качестве справедливого наказания за свои грехи. Екклесиаст нигде не находил смысла, остающейся пользы в делах под солнцем. Это Божьи бунтари. И не благочестивые обличители их оказались приятны Богу, а именно они сами. Иаков, Иов, Соломон не создают лубочные картинки Божьей правды, скучные до снотворности, нет – они борются и страдают, ищут и не находят. Насколько проще было бы просто вести себя хорошо, как подобает. Наши бунтари не сдаются и не соглашаются с тем, что есть и окружает их, они не согласны со своей участью, но не отпускают Бога, пока Он не благословит их. Благочестивые причитания им не по душе, а нечестивые – тем более. Они не видят выхода, ибо его в этом мире нет, а в том, другом, они ещё не были. Они не согласны с существующим мироустройством и тем угодны Богу.

А теперь познакомимся с размышлениями отцов, находивших в словах Екклесиаста оправдание не только мудрости, но и участи мудреца.

Раши вкладывает в уста Соломона размышление: **«И сказал я в сердце моём...** Иначе говоря, поскольку обоим им предстоит умереть, как бы мною отныне не овладели раздумья: подобное участи преступного [глупого. – Г. Ф.] также и меня постигнет, для чего мне тогда быть праведным [мудрым. – Г. Ф.]» [23; 2, 11–17]. Вроде как и незачем. **«И говорил я в сердце моём, что и это – суета.** (Я говорил себе), что если стану так размышлять, это суета» [там же]. То есть, по *Раши*, суетой Екклесиаст называет не то, что одна участь у мудрого и глупого, а то, что такая мысль могла прийти ему в голову. Так же это будут объяснять и святые отцы церкви. Далее *Раши* говорит не так, как Соломон: «Ведь память о мудром и память и глупце не равны после их смерти. Не оставаться им в памяти вместе, ибо память об одном – к добру, а память о другом – ко злу» [там же]. В связи с таким пониманием справедливого воздаяния в памяти потомков почему же Соломон **возненавидел жизнь?** Объяснение *Раши* находит не в несправедливости людской памяти, а как раз в справедливости её: **«И возненавидел я жизнь...** Потому что в пророчестве видел поколение (сына своего) Рехавама, которое было преступным [глупым. – Г. Ф.]» [там же]. Соломон сокрушается о дурной славе, которая будет в веках у скудоумного сына его.

Так понимал *Раши*. То ли хотел сказать Екклесиаст?

Святые отцы толкуют в целом так же, как *Раши*.

Св. Дионисий Александрийский: **"Мудрого очи его во главе его, а безумный во тьме ходит.** Он всегда клонится вниз, и управляющая душевная сила в него потемнела. Конечно, у всех нас, людей, есть в голове глаза по самому устройству нашего тела. Но он говорит об умственных очах. Подобно тому, как глаза свиньи не могут смотреть на небо, так как по самому устройству природы они обращены к животу, так и ум человека, раз он погрузился в удовольствия, пребывает в них неотступно, потому что не взирает на все заповеди Господа» [49; 2, 14–16]. Многие святые отцы будут и впоследствии обращаться к этим словам Екклесиаста, находя в них прекрасный образ просвещённого взора очей души и, наоборот, помрачение духовного зрения людей, погружённых во тьму чувственности.

По *св. Дионисию*, Екклесиаст укоряет себя за момент слабости, когда высказывает мысль, будто нет разницы в участи и памятовании о мудром и глупом: **«Аз тогда излише глаголах в сердце моем, яки и сие суета, понеже безумный от избытка глаголет...** Безумным назвал он самого

себя или всякого, кто рассуждает подобным образом. Осуждая эту неуместную мысль, ...он разрешает возникшее при рассуждениях затруднение... А посему он и говорит: **излише глаголах в сердце моем**, помыслив, будто нет никакой разницы между мудрым и безумным» [там же].

Сам текст Писания звучит у св. Дионисия: не **мудрый умирает наравне с глупым**, а **како умрёт мудрый с безумным**? То есть, смысл другой – не одинаково умирают. «Но те, с которыми случились известные обстоятельства, вспоминаются не одинаково, хотя бы они и встретились с одинаковыми жизненными явлениями. Вспоминаются они не по этим событиям, а сообразно с тем, мудро или неразумно, добродетельно или порочно поступили они» [там же].

Св. Григорий Чудотворец в своём «Переложении Екклесиаста» перелагает слова книги так, как они созвучны с благоразумием и благочестием, вполне согласно с толкованием св. Дионисия Александрийского.

Св. Григорий: «Ибо расстояние между благоразумием и безрассудством большое, и различие между обоими так же велико, как между днём и ночью». Что же тогда Екклесиаст назвал суетою? Об этом св. Григорий говорит так: «Наконец же, помысливши о том, какое различие между тем и другим из этих родов жизни, я не нашёл никакого, и, как сам сделавший себя сообщником неразумных, я приму плату за неразумие». **Суетой** является мысль Екклесиаста, когда он подумал, что разницы между глупым и мудрым нет. Но царь справился с этим искушением и возглашает: «У мудрого и неразумного нет ничего общего ни по памяти у людей, ни по воздаянию от Бога... Мудрый же никогда не имеет одинакового конца с глупым» [44; II]. Так прочитал Екклесиаста св. Григорий Чудотворец.

Св. Василий Великий обращает внимание на слова Екклесиаста: **У мудрого глаза его – в голове его, а глупый ходит во тьме**. «Так Писание многократно именует члены внутреннего человека, например, когда говорит: **мудрого очи во главе его** (Еккл. 2:14). То есть внутреннее мудрого прозорливо и осмотрительно» [34; Беседа на Пс. 33:21]. Другой раз, толкуя слова пророка Исайи, приписывающие князю Ассирийскому **ум великий** (Ис. 10:12), св. Василий поясняет, какой ум действительно является умом великим: «А этот ум великий, поскольку знает, что у мудрого, то есть истинно мудрого, **очи во главе его** (Еккл. 2:14), прославляет очи свои за то, что смотрит не на дальнее, не на земное, но любопытствует о выспренних и останавливается на горнем» [34; Толк. на

пр. Исаяю, 10, 12].

Св. Григорий Нисский словами Екклесиаста превозносит мудрость над безумием: «Но если дознали мы, почему мудрого очи во главе его, то будем бегать безумия, которое для проходящих настоящую жизнь бывает какою-то тьмою. Ибо сказано: **а безумный во тьме ходит**» [40; Беседа 5]. Мудрость св. Григорий различает «истинную» от «суетной», а безумный «есть тот, который говорит в сердце своём: **несть Бог (Пс. 13:1)**».

Что касается участи мудрого и безумного, то в толковании слов Соломона св. Григорий находит их разною. Св. Григорий Нисский: «Сказав это [имеется в виду Еккл. 2:17–19. – Г. Ф.], говорит, что чужда душе его и та мысль, будто бы один и тот же удел у живущего добродетельно и не прилагавшего никакого о сём старания. У одного, говорит он, труд в мудрости, в ведении, в мужестве, а у другого – в раздражении, в скорбях, причиняемых житейскою рачительностью. Посему приводить их в равенство между собою, говорит он, есть дело не только суеты, но и лукавства» [там же].

Блж. Иероним касается в своих размышлениях того, почему Екклесиаст терпит неудачу, ища вечный и остающийся смысл в мудрости, почему глупость смеётся над мудростью. «Екклесиаст говорит, что он, осудив наслаждения и удовольствия, возвратился к изысканию премудрости, в которой нашёл более заблуждения и глупости, чем истинного и твёрдого ведения. Ибо человек не может так ясно и чисто уразумевать премудрость Творца и Царя своего, как понимает Он Сам, Творец. Поэтому и то, что мы знаем, есть более домысел, чем твёрдая истина, и более предположение, чем действительное знание» [64; 2, 12–17]. Сильные и страшные слова святого отца. В мудрости больше глупости, чем истинного ведения. Мы не можем повреждённым умом своим знать премудрость Божию так, как её знает Сам Бог! Вот причины екклесиастовой драмы!

Далее блж. Иероним не спорит, конечно, с Соломоном и отдаёт предпочтение мудрости по сравнению с глупостью, как дню перед ночью. Но какой тусклый день!

В дальнейших размышлениях блж. Иероним, как и прочие отцы, следуя более Септуагинте, чем еврейскому оригиналу, слова Екклесиаста, **что и это суета**, относит не к одинаковой участи мудрого и глупого, а к тому, что ему пришла мысль в голову, будто бы эта участь одинакова, «то есть, обличая, что прежнее мнение его неразумно, засвидетельствовал, что он сказал несправедливо и заблуждался, когда прежде так думал» [там же]. Что касается участи мудрого и глупого, то блж. Иероним находит её вовсе

не одинаковою: «Ибо мудрый и глупый не одинаково будут иметь память в будущем, когда настанет кончина всего, и не одинаковый будет им исход, так как один пойдёт к наградам, а другой к наказанию» [там же].

Ну, а наш философ по-прежнему бродил между гробными пещерами земли Израиля и не находил разницы между ними, глупый ли в них был погребён или мудрый. Да и дознаться не удавалось ему, кто были те, кто покоем в этих пещерах. Про них забыли.

В августе 392 г. в г. Вьенне умер молодой римский император Валентиан. Он не был крещён, но хотел этого и стремился к Богу истинному. У гроба почившего собрались самые разные люди. Оплакивала Валентиана и церковь. надгробное слово произносит красноречивый оратор архиепископ Миланский св. Амвросий. Уподобляя церковь телу Христову, он говорит, что плачет она во всех членах своих: «Плачет церковь в мудрых своих, которые подобны её голове: **у мудрого глаза его – в голове его** (Еккл. 2:14). Плачем в глазах, то есть в верных своих, ибо написано: **глаза твои голубиные под кудрями твоими** (Песн. 4:1), ибо видят духом... Плачет в священниках своих, которые как щёки её с бородою Аарона, то есть бородою священническою, на которую с головы сходит миро... Плачет в девственниках своих, которые как лилии, исполненные смирны, украшаются цветом непорочности и славой победы над телесными прелестями...» [29; с. 15, Слово утешительное на смерть императора Валентиана Младшего].

Так живописует плачущую у гроба юного императора церковь св. Амвросий Медиоланский. Мудрые, по сравнению Екклесиаста, суть голова, разум церкви.

Блж. Августин тонко чувствует беду Екклесиаста, может, и сам, много стремясь к мудрости, подобно Соломону, ощутил бессмыслицу того, что в этом мире всем, мудрым и глупым, один конец. Различие мудрости и глупости велико, но оно не в случайностях этого мира, не в том, что происходит здесь под солнцем. Блж. Августин: «(Экклесиаст) оплакивает в этой суете вещей под солнцем и то, что хотя и есть изобилие мудрости над безумием, как есть изобилие света над тьмою, и хотя очи мудрого во главе его, а безумный во тьме ходит, однако, случай один и тот же случается всем (Еккл. 2:13–14), разумеется – в этой жизни, которая проходит под солнцем. Случаем называет он те бедствия, которые мы видим общими для добрых и злых» [28; кн. 20, гл. 3].

Как и многие святые отцы, прп. Феодор Студит († 826 г.) обращает своё внимание на слова Екклесиаста: **У мудрого глаза в голове его**. Преподобный пользуется этими словами, чтобы направить помышления

человека к горнему духовному миру. *Прп. Феодор Студит*: «Так все отцы теча текли, и побеждая победили: мученики, преподобные, праведные, благочестивые... почитая обучением неким бывающее здесь... Возлюбим же сие, братие, решимся же всё претерпевать и переносить с мужественным мудрованием и с неослабленным рвением, очи во главе имея, как повелевает премудрый (Еккл. 2:14), а не устремляя их к ногам. Ибо помышляющие о небесном и им занимающиеся воистину очи имеют во главе, а те, которые преклоняются к суетному и им заняты, очи к ногам спускают... Будем же ходить так, как подобает мудрым, во главе имеющим очи, о Боге и божественных вещах помышляя и соответственно тому действуя. Очи во главе суть вера, надежда и любовь» [53; Наставления монахам, 168, п. 2].

Иной унаследует плоды твоего труда. Глупому может достаться наследие мудрого

Куда ни кинь – всюду клин!

Куда ещё пойти искать, чтобы наконец найти остающуюся пользу от всего, что делает человек? Странствующий философ, не найдя ничего для самого человека в трудах его, бросает взор на то, что будет после – может, дело в наследстве? Не тебе, так наследнику что-то достанется, вот и итрон, вот и смысл! И вот посох философа привёл его к наследнику. Привёл к очередному разочарованию. И разочаровался он в доме наследника не единожды, а дважды, даже трижды.

Разочарование первое: А не глупый ли унаследует труды мудрого?

Еккл. 2:17 И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня.

Еккл. 2:18 И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился и которым показал себя мудрым под солнцем. И это – суета!

Труды мудреца могут достаться глупому, и тот, как ни в чём не бывало, будет распоряжаться ими. До глупого ведь никогда не дойдёт, что он глуп. Как говорил генерал Александр Лебедь²⁹: «Глупый – это не тот, у кого нет ума, а тот, у кого такой ум». Глупый не постесняется распоряжаться плодами трудов мудреца – для него всё нормально. А каково мудрому? Ему и во гробе будет тошно. И зачем только он показал себя в своё время мудрым под солнцем?..

И это – суета!

Труды премудрого Соломона достались его скудоумному сыну Ровоаму. Величайшее и великолепное царство Древнего Востока, преумноженное и украшенное Соломоном, распалось от неразумия сына-наследника на части. И теперь нестройная и беспокойная Земля Израиля превратилась в предмет вожделения хищнических могущественных держав, как Египет, Сирия, Ассирия, Халдея Вавилонская. Было чего Соломону возненавидеть труд свой, которому когда-то поражались все ближние и дальние страны земли.

И так случилось не с одним Соломоном.

Раши: **«также и это** одна из **сует**, сотворённых в мире: когда мудрый трудится, а глупец ему наследует» [23; 2, 19].

Печально вторит Соломону св. Григорий Чудотворец: «Ибо, чтобы сказать кратко, всё достигнуто мною с большим трудом, будучи делом неразумного стремления; и другой кто-нибудь – мудрый ли или глупый – унаследует суетные плоды моих трудов» [44; II].

Обращаясь к обогащающимся, св. Василий Великий говорит: «Кто же будет поручителем за произволение сына, что употребит данное, как должно? Богатство многим послужило к распутству. Не слышишь ли, что говорит Екклесиаст: видел я недуг великий и страшный, ...**оставлю** (богатство) **человеку будущему по мне: и кто весть, мудр ли будет, или безумен?** Итак, смотри, чтобы тебе, со многими трудами собрав богатство,

не приготовить для других средства для грехов» [35; Беседа 7, К обогащающимся]. Вот и наследство! Вот и наследник! Не пользу, а беду приобрёл от трудов своих мудрец. Беду наследнику, а чрез то и себе.

Св. Григорий Нисский, следуя греческому переводу, находит в словах Екклесиаста совершенно иную мысль: **«Яко лукаво мне сотворённое под солнцем: понеже всяческая суета и произволение духа. И возненавидех аз всяческая, труд мой, имже аз труждаюсь под солнцем, яко оставлю его человеку будущему по мне. И кто весть, мудр ли будет, или безумен?..** Сказав это, говорит, что чужда душе его и та мысль, будто бы один и тот же удел у живущего добродетельно и не прилагавшего никакого о сём старания... Посему приводить их в равенство между собою, говорит он, есть дело не только суеты, но и лукавства» [40; Беседа 5]. По св. Григорию, согласно со словами **яко лукаво мне...**, ссылка на то, что наследие может достаться глупому – только лукавая отговорка, чтобы не делать добрые дела.

Блж. Иероним рассуждает о том, «что и сын бывает недостоин отцовского наследства, если он неразумен» [64; 2, 18–19]. При этом святой отец приводит своеобразный пример: «Муж мудрый трудится дни и ночи в изучении Писаний и сочиняет книги, чтобы оставить о себе память потомству, но труды его попадают в руки неразумных, которые часто по испорченности своего сердца заимствуют из них семена ересей и бесславят чужие труды» [там же]. Такая участь постигла великого учителя Антиохийской школы пресвитера Лукиана, святого мученика († 312 г.), Лукиан – один из лучших библеистов древности, а вот очень многие из его учеников стали впоследствии арианами. Многие ученики св. Кирилла Александрийского, ссылаясь на его труды, уклонились в монофизитское учение, отделившись от вселенской церкви. Так что и святые отцы не знают, мудрый ли будет тот, кому достанутся их труды, и как он распорядится ими.

Разочарование второе: Труды твои достанутся иному, как будто они часть его

Так естественно человеку пользоваться тем, что сам заработал. Не надо чужого, но своё-то хочется иметь самому. А что в жизни? Я потрудился, а достанется другому, ничего в это не вложившему. И самое противное – пользоваться ведь он будет этим, как будто это часть его.

– Нет, это уж слишком!

Раздосадованный философ, столько всего умом и трудом приобретший царь, бросает посох:

– Сердце, отрекись от всего, что я приобрёл!

Царь не только бросает трон и всё, что приобрёл, но пытается выбросить всё это из своего сердца. Он хватается за посох и бежит из Иерусалима. В голове стучит:

– Не ты, не ты, другой будет всем этим пользоваться. Не моргнёт, не вспомнит, будет пользоваться, как бы всё это часть его!..

Еккл. 2:20 И обратился я, чтобы внушить сердцу моему отречься от всего труда, которым я трудился под солнцем,

Еккл. 2:21 потому что иной человек трудится мудро, с знанием и успехом, и должен отдать всё человеку, не трудившемуся в том, как бы часть его. И это – суета и зло великое!

И кто разрешит, распутает этот клубок несправедливости?!..

Раши поясняет: «**И обратился я, чтобы отчаяться**. Чтоб не утомлять себя и не утруждать более никаким трудом» [23; 2, 20–21]. А правда, зачем трудиться и утруждать себя? Другой будет этим распоряжаться так, как будто это его труды!

Дальше равви приводит толкование, свойственное древней мистике и аллегорическому мышлению. Даже не совсем ясно, что позволяет приводить так смело это иносказание.

В стихе 21-м есть слова **ибо есть человек** (синодальный перевод: иной человек). «Мидраш Танхума видит здесь иносказание, относящееся к Пресвятому: **А на подобии престола подобие, как бы видение человека (Иез. 1:26). Чей труд с мудростью**. Как сказано: **Господь мудростью основал землю... Его разумением бездны разверзлись (Притч. 3:19–20)**. И созданиям, что над тем не трудились, Он дал от этого долю. Также и это суета и зло великое. Они же стали поколением суетным, и **велико зло человеческое на земле (Быт. 6:5)** в поколении потопа» [там же].

Оставим в стороне вопрос о правомочности такого сравнения. Это,

конечно, не мысль Екклесиаста, но мысль, выраженная в Мидраше словами Когелета. Поразительная мысль!

Соломон, ты негодуешь, ты велишь сердцу своему отречься от всего, что сделал, не хочешь больше утруждать себя, но посмотри вокруг, посмотри выше! Ведь так же случилось у Самого Бога! Бог мудростью Своей всё сотворил, в особенности землю – и всё отдал человеку. Человек, ничего не создав, во всё вступил, как в свою долю. И что из этого получилось? Суета и зло великое... Но если так оно у Бога, то не хочешь ли и ты немного потерпеть? Не торопишься ли, отрекаясь от всего? Подними очи – Бог не отрекается от нас и от тебя тоже.

Но Соломону ещё трудно было смотреть выше солнца.

Глаза слепило...

Святой Григорий Чудотворец совершенно иначе прочитывает слова Екклесиаста. Он видит, что правильно поступил философ, в сердце своём отречьшись от суетных земных дел. Зачем утруждать себя или лишать себя подлинного покоя. Св. Григорий Чудотворец: «Когда я дал себе в этом отчёт [суетность земных дел. – Г. Ф.] и отверг, для меня выяснилось истинно благое, предназначенное человеку... Если же кто не заботился об этом [истинно благом. – Г. Ф.] и увлекался желанием другого, таковой предпочёл лукавое доброму, стремился... к тяжёлому труду вместо покоя, влекомый туда и сюда разнообразными тревогами» [40; II]. Так словами Екклесиаста размышляет христианский отшельник.

Аскетически, по-христиански слышит Соломона и св. Григорий Нисский. Суть екклесиастовых слов святой отец выражает: «А что вожденно для плоти, то для души – забота и суета» [40; Беседа 5]. Поэтому и правильно сделал царь, что запретил сердцу своему прилепиться к земным трудам и заботам. Св. Григорий с нищим странником-философом, а не с богатеющим в трудах своих царём. Таков Восток. Сказочные богатства и роскошь с лёгкостью меняются на богатства иного сказочного царства – того, что не от мира сего.

Блж. Иероним отмечает Соломонову мысль, что не в том ведь только беда, что наследство может достаться глупому, достаточно и того, что в любом случае оно достанется иному, не потрудившемуся. А дальше святой отец интересно и тонко подмечает происходящее с писателями.

Блж. Иероним: «(В любом случае) дело сводится к одному и тому же, что другой пользуется трудом человека, и приобретённое потом умершего служит к наслаждению живущего. Пусть каждый спросит самого, и он узнает, с каким трудом он составляет книги, как часто стиль перевертывать должен, чтоб чтения достойное мог написать (Ex. Horat.

Sat. s. 1 sat. 10), а между тем он отдаёт часть свою человеку, который не трудился» [64; 2, 20–23].

Итак, «приобретённое потом умершего служит к наслаждению живущего». Вот такова жизнь.

Разочарование третье: От твоих трудов тебе самому – ничего!

Наследник может оказаться и глупым – на ветер пойдёт всё, чем ты занимался под солнцем.

Иной будет пользоваться достоянием твоим, как будто это часть его.

– А самому что?

– А самому ничего!

Быт. 1:1 В начале

Еккл. 2:22 Ибо что будет иметь человек от всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится он под солнцем?

Еккл. 2:23 Потому что все дни его – скорби, и его труды – беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя. И это – суета!

Естественный вопрос каждого труженика: что он будет иметь от труда своего, да ещё и от заботы сердца своего? Сколько сил, сколько нервов на всё положено! Екклесиаст не отвечает на вопрос. По Екклесиасту, тут и отвечать нечего. Отрицательный ответ для безуспешного искателя «итрона» очевиден. Наш философ, не отвечая, сразу отмечает только причину того, почему человек не будет иметь ничего от всего труда своего и заботы сердца своего. И это **потому что все дни** труженика – **скорби, и его труды** – одно **беспокойство**, так что **даже и ночью сердце его не знает покоя**.

Следует отметить неординарный стиль мысли Соломона. На поставленный вопрос ответ не даётся. На предполагаемый отрицательный ответ даётся указание причины. Но, строго говоря, из указанной причины этот ответ не очевиден. Из того, что все дни труженика – скорби, и труды его доставляют беспокойство, разве следует, что он не будет ничего иметь от трудов своих? Соломон следует в своих размышлениях не формальной логике, а экспрессии чувств своего сердца. Он говорит от ума, но не уму. Его речь к сердцу. Это вообще свойственно Востоку и многим авторам Библии, в частности.

Надеялся на прибыль, трудился и хотел что-то от этого иметь. А поимел скорби и беспокойство.

И это – суета!

В погоне за ветром это не всегда сразу доходит.

Соломону вторят его толкователи.

Раши: «Что пользы человеку от всего его труда и печали из-за труда и тревог, когда он трудится и оставляет другим добытое тяжкими

усилиями... Также и это одна из сует, существующих в мире» [23; 2, 22–23].

Много сует – какую ещё не попробовал?.. Сколько гоняться будешь? – а не гоняться как? Не безделью же предаться.

Св. Дионисий Александрийский пространнее раскрывает это еkkлeсиaстoвo разочарование, немало относя причину его к жадности трудящегося: «Действительно, для тех, которые занимают душу житейскими развлечениями, жизнь тяжела и как бы бичами терзает сердце всё более и более широкими желаниями. Исполнена печали также забота об удовлетворении жадности, когда человек не столько наслаждается тем, что у него есть, сколько скорбит о том, чего ещё недостаёт ему, – когда весь день проходит в трудах, а ночью сон бежит от глаз вследствие помышлений о выгоде. Итак, тщетно старание человека, помышляющего об этом» [49; 2, 22–23].

Св. Григорий Чудотворец повторяет за Еkkлeсиaстoм, что человек, надеющийся что-то поиметь от своих трудов и забот, «ночью и днём всегда мучимый как неотложными трудами телесными, так и непрерывными заботами души», ничего не поимеет, «так как у него сердце трепещет из-за бессмысленных дел» [44; 2].

Пока разочарованный царь-философ сидит, погружённый в мысли о том, что всё нажитое придётся оставить в наследство другому, прислушаемся к скорбной песни иного царя, блистательного *Давида IV Строителя*, святого царя Грузии и Абхазии (1089–1125 гг.). Победоносные походы, расширение пределов царства, роскошное строительство – всё вместе с жизнью подходило к концу. Святой царь составил Покаянный канон и сокрушался:

*Ненасытный, словно Соломонов червь,
Я стремился покорить
Предел чужих земель,
...Я пределы нарушил дерзостно
И прибавил дом к дому,
И присоединил поле к полю,
У немощных отнял их долю,
Об одном лишь лелея помыслы,
Чтоб соседей у меня не было,
Чтобы только один я
Населял всю эту землю.*

Такова была молодость, полная дерзновенных планов и их осуществлений.

Годы шли. Менялись думы царя.
Когда настанет время
Бурных возмущений стихий,
Когда минует пора
Царского владычества,
Когда угаснет царей величие,
Изживутся радости
И поникнут цветы,
Другой примет скипетр,
За другим последует войско,
Тогда помилуй меня,
О, Судия мой!
[45; песнь 6, песнь 9].

Вот и оставляем мы трижды разочарованного философа с его размышлениями. Только посох изредка подрагивает в его руке. Мысль ещё пробуждается, хотя вокруг унылая пустыня житейской суеты.

От Бога успех и даётся человеку доброму

Философский круг Екклесиаста обесценил всё. В бессмысленной круговерти всего философ уже не вздрогнет. Всё **кружится, кружится на ходу своём**, нет пользы, нет остатка, нет цели и смысла. И кажется, в философе уже всё умерло, чему бы он мог придать значение. И вот в очередной раз он перечёркивает смысл земных благ: еды, пищи и удовольствий. Однако прислушиваясь, мы улавливаем нотки смысла, робкий шаг в направлении перехода со стези странствующего философа на путь праведника.

Еккл. 2:24 Не во власти человека и то благо, чтобы есть и пить и услаждать душу свою от труда своего. Я увидел, что и это – от руки Божией;

Еккл. 2:25 потому что кто может есть и кто может наслаждаться без Него?

Еккл. 2:26 Ибо человеку, который добр пред лицом Его, Он дает мудрость и знание и радость; а грешнику дает заботу собирать и копить, чтобы после отдать доброму пред лицом Божиим. И это – суета и томление духа!

Звёзды с неба собирать не каждому дано. Но уж поесть, попить и наслаждаться результатом труда своего вроде каждому доступно. Но это только так кажется. На самом деле и это **не во власти человека**. Один посеял, а смотришь – пожинает уже другой. Так ведь и евангельский богач потрудился хорошо, и урожай хороший, житницы свои расширил и говорит душе своей: **душа, много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись!** Но в эту ночь он лишился своей души – и кому теперь всё? Ему уже ничего не надо. И Валтасар ел, пил и веселился, всё было хорошо. Но **в ту же самую ночь Валтасар, царь Халдейский, был убит. И Дарий Мидянин принял царство (Дан. 5:30–31)**. Прав был Соломон – **не во власти человека и то благо, чтобы есть, и пить, и услаждать душу свою даже от труда своего**.

Но Соломон не просто скептик. Он прозревает причину происходящего. И эта причина в том, что пользование результатами трудов своих **не во власти человека**. Человек – это великолепно, это звучит гордо! – так, согласно с А.М. Горьким, учили нас в школе. «Верить надо в себя и в свои силы», – как часто это говорили нам. А ведь **не во власти человека** даже и то, **чтобы есть и пить**. Одна женщина вышла из дому на улицу. Муж, сидя на диване, ел печенье и поперхнулся. Через

пятнадцать минут женщина зашла домой, а муж уже умирает. Автор сих строк его отпевал. Вот и всё. Соломон **увидел, что и это – от руки Божией. Потому что кто может есть и кто может наслаждаться без Него?** И это от Бога. Вот проблеск в сознании отчаявшегося философа: безрезультатность человека – это не просто бессмыслица, здесь есть нечто от руки Божией. И Соломон идёт дальше. Он находит ещё больше смысла, а смысл в том, что человеку, **который добр пред лицом Бога, Он даёт мудрость, и знание, и радость; а грешнику даёт заботу собирать и копить, чтобы отдать доброму пред лицом Божиим.** Наконец Соломон от философии переходит к нравственности, наконец не всё «всё равно», не один всем и всему конец. Есть разница между **добрым пред лицом Божиим и грешником.** Слова Екклесиаста-Христа из притчи о талантах: **Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у не имеющего отнимется и то, что имеет (Мф. 25:29).** Добрый к тому, что приобрёл трудами своими пред Господом, получил ещё **мудрость, и знание, и радость,** а у грешника забираются пища и питье, **чтобы отдать доброму пред лицом Божиим.** Итак, есть смысл творить добро! Но мысль нашего философа опять соскользнула к тому, что под солнцем. Не значимость добра захватила мысль Екклесиаста, не справедливое воздаяние доброму и грешнику, а бессмысленность того, что один делает, а другой получает. Что до того, что кому-то **мудрость, и знание, и радость,** если другому **забота собирать и копить,** но ничего от того не иметь, а всё **чтобы отдать** пусть хотя бы и **доброму пред лицом Божиим.** Нет! – всё-таки **и это – суета и томление духа!** Какая радость, если некий Матфий получит достоинство жребия Иуды, если тот, пусть и за грех свой, его потерял.

Едва зацепившись за смысл в нравственном воздаянии за добро и за грех, мысль философа тут же и потеряла его, и вновь закружило её в кругу без начала и конца, без цели и причины. Нет! – и это суета, рассеивающийся поздним утром туман, беготня с сачком в руках за ветром.

Раши видит у Соломона образы библейского праведника и человека грешника: **«Ибо человеку, что хорош пред ним. Пред Богом... дал Он мудрость, и знание, и радость.** Способность заниматься Торой и заповедями и радоваться доле своей в еде и напитках и одеянии чистом. А грешнику дал Он занятие... Беспокойный обычай копить и собирать, чтоб дать тому, кто хорош пред Богом. Подобно сказанному: И поставила Эстер Мордехая над домом Амана (Есф. 8:2)» [23; 2, 26]. И, казалось бы, всё хорошо, всё стало на места свои. Своё место Аману, своё – Мордехаю. Но и Раши повторяет вслед за Соломоном: «Также и это одна из сует, данных

людям: они трудятся, а (плоды трудов) другой получает» [там же].

Справедливо отмечает равви: мудрость, и знание, и радость – они в Торе, они в Слове Божием, которое праведник прилагает к земному благополучию.

Св. Дионисий Александрийский прочитывает слова Соломона символически, в духе христианской аскетики: **«Несть благо человеку, но разве еже ист и пьет, и еже покажет души своей благо в труде своем...** Что речь идёт здесь не о чувственных яствах, это он сам покажет ниже, говоря: **благо ходити в дом плача, нежели ходити в дом пира (Еккл. 7:3).** Видно это и из тех слов, которые он прибавил здесь: **и покажет души своей благо в труде ея.** А чувственное яство или питье, очевидно, не есть благо для души. Ведь упитываемая плоть воюет с душою и борется против духа. Как же не противно будет Богу невоздержание в пище и пьянство? И так он говорит о таинственных брашнах» [49; 2, 24–25].

Св. Григорий Чудотворец хотя и не отвергает благостность земных даров, но подлинным достоянием считает только духовные, и на основании слов Екклесиаста противопоставляет мужа благого и мужа лукавого. «Ибо совершенное благо состоит не в пище и питье, – хотя и пища прежде всего происходит от Бога, ибо ничто из подаваемого для нашего благосостояния не существует без Его промышления. Но благой муж, получивший мудрость от Бога, достиг небесной радости. Напротив же, лукавый, поражаемый ниспосланными от Бога бедствиями, болеющий корыстолюбием, стремится собрать много... осуществляя этим коварные и вместе суетные стремления своей несчастной души» [44; 2].

Св. Григорий Нисский также размышляет над словами Екклесиаста в рамках христианской аскетики. Согласно св. Григорию, «пища благого (мужа) есть целомудрие, хлеб – мудрость, приправа – справедливость, питье – бесстрастие, удовольствие – не какое-либо телесное сношение с тем, что приятно, но то, что и по имени, и на деле есть веселие» [40; Беседа 5]. Это ценности мужа благоразумного. Противоположное тщетно: «А чего домогаются люди для телесного наслаждения, то возбуждает рачительность грешников, и есть попечение души, увлекаемой от горнего к земному, у которой всё продолжение пребывания в сей жизни тратится на то, чтобы тщательно **прилагати и собирать**» [там же]. Занятие пред Богом пустое.

Блж. Иероним чётко выражает на основании слов Соломона иудейское понимание дара Божия и гнева Божия: «То дар Божий, что мужу праведному даётся возможность самому употреблять в свою пользу приобретённое заботами и трудами; и, наоборот, то дело гнева Божия к

грешнику, что он дни и ночи собирает богатство и нисколько им не пользуется, а оставляет тем, кои праведны пред лицом Божиим» [64; 2, 24–26]. Но, если всё чётко разложено по божественной справедливости, то почему **и это – суета и томление духа?** Блж. Иероним толкует это так: «Но, присовокупляет он, тщательно обсудивши это и видя, что всё оканчивается смертию, я и это признал суетнейшим» [там же]. Смерть-злодейка, всех уравнивающая, во всём виновата. Блж. Иероним замечает слабое место с нравственной точки зрения в построении мысли Екклесиаста, он спрашивает: «Ибо что в том доброго... обращать чужой труд [хотя бы и грешника! – Г. Ф.] в свою пользу и считать, что это дар Божий, если мы пользуемся чужими заботами и трудами?» [там же]. Так поступили евреи, когда бежали из египта. Каждый израильтянин, и особенно каждая женщина выпросили у египтян вещей серебряных и вещей золотых, а потом с этим и бежали (Исх. 11 гл.). Говорят, что недавно Египет хотел предъявить счёт Израилю за нанесённый материальный ущерб. Для Израиля это было водительство Божие. Автор знал монахиню, которая благодарила Бога, когда кондуктор в автобусе проходил мимо, не заметив её и не взяв с неё за проезд. Воспитанному на Нагорной проповеди Христа блж. Иерониму всё это не очень-то нравилось. Он предлагает христианское толкование: «Следовательно, благо в том, чтобы принимать истинное питание от плоти и крови Агнца, о Котором говорят божественные Писания... И прекрасно говорит [Екклесиаст. – Г. Ф.], что человеку доброму Бог даёт мудрость, знание и радость» [там же]. А о грешнике блж. Иероним мыслит так: «Тогда как доброму пред Ним Бог даёт мудрость и прочее, грешника Он оставляет его собственному произволу и попускает ему собирать богатство и оттуда и отсюда сшивать подкладку ложных учений» [там же]. Вот эти-то учения «суетны и возникли из томления духа» [там же].

Глава 3

Философ внезапно встал.

Хождение по кругу закончилось. Толку нет – сколько ни кружи, будешь там, где ты уже был, и где ты сейчас, там и будешь потом. Надо придумать нечто совсем другое. Посох непроизвольно что-то чертил на песке. В геометрии есть не только круг, есть ещё и другие фигуры. Философ искал фигуру. Взгляд его обращался то туда, то сюда. И опять – то туда, то сюда. Диполь³⁰. В голове рождались антиномии³¹. Избранная ещё юным царём Божественная София прояснила мысль ищущего старца-странника. Теперь и посох вычерчивал то туда, то сюда.

В книге Екклесиаста появилась третья глава.

Соломонов круг и Соломоновы антиномии – в этом вся мудрость того, что происходит под солнцем. Больше под солнцем ничего и нет.

Екклесиаст, гл. 1-я, стихи 1–11 – это о соломоновом круге.

Екклесиаст, гл. 3-я, стихи 1–11 – это о соломоновых антиномиях, или соломонов диполь.

Указанные два текста – суть мудрости жизни, которую познал Екклесиаст. Соломонов круг обесмысливает всё в этом мире под солнцем; итрона, остающейся пользы, нет ни в чём. Соломонов диполь вносит баланс в эту не имеющую цели и смысла жизнь. Появляется некое равновесие и некий способ жить. И это при том, что итрон так и не появился!

Некий купец искал хороших жемчужин (притча Иисуса, Мф. 13:45–46). Некий царь оставил престол и сокровища и пошёл с посохом искать свою жемчужину, ту единственную и драгоценную, о которой через тысячу лет скажет его Потомок Иисус. Царь жемчужину не нашёл. Продать всё, как тот приточный купец, он был готов, но купить было ещё нечего. Сильно его закружило. Из круга он выйти не смог. Но он смог найти равновесие.

Вся книга Екклесиаста так или иначе является иллюстрацией в философских размышлениях и житейских примерах этих двух основных соломоновых идей – его круга (Еккл. 1:1–11) и его диполя (Еккл. 3:1–11).

Соломоновы антиномии (равновесие противоположностей).

Забыв о круговерти колеса времени, философ возглашает новый принцип:

Все́му своё время, и время всякой вещи под небом.

Далее следуют поэтически изречённые антиномии:

**Время рождаться,
и время умирать;
Время насаждать,
и время вырывать посаженное;
Время убивать,
и время врачевать;
Время разрушать,
и время строить;
Время плакать,
и время смеяться;
Время сетовать,
и время плясать;
Время разбрасывать камни,
и время собирать камни;
Время обнимать,
и время уклоняться от объятий;
Время искать,
и время терять;
Время сберегать,
и время бросать;
Время раздирать,
и время сшивать;
Время молчать,
и время говорить;
Время любить,
и время ненавидеть;
Время войне,
и время миру.**

Что пользы работающему от того, над чем он трудится? Видел я эту заботу, которую дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в том. Всё соделал Он прекрасным в своё время, и вложил мир в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца (Еккл. 3:1–11).

Из каких глубин сердца философа родился этот гимн?! В нём вся мудрость жизни, в нём божественный взгляд на дела земные. Странствующий философ, стареющий царь сам не ожидал, что внезапно через него родится такое. Теперь будут проходить века, будут проходить тысячелетия, а любая фраза, любое изречение гимна будут в эпитафиях и афоризмах. Философы и поэты, политики и мудрецы, богословы и

проповедники будут без конца цитировать по самым разным случаям эти слова. Не зря так долго мотало философа по кругу, чтобы наконец родилось такое!

Обратим внимание на построение гимна. Здесь не просто поэтический параллелизм антиномий (диполи): время рождаться и время умирать, время насаждать и время вырывать посаженное и так далее, всего четырнадцать противопоставлений. $14 = 7 \times 2$. Число сугубой полноты мудрости жизни. Четырнадцать антиномий группируются в семь четверостиший, семь парных антиномий. В библейском тексте это чётко соответствует разбивке на стихи. Эту смысловую разбивку на пару антиномий мы не можем проследить только в шестой паре и не вполне очевидно в четвёртой. Причём в четвёртой и седьмой парах принцип не симметрии, а асимметрии – эта непоследовательность придаёт ещё больше смысловой поэтичности слову.

Вот парность соломоновых антиномий:

рождаться–умирать		родитель–умирающий	
↓	↓	↓	↓
насаждать–вырывать	посаженное	сеятель	–жнец
убивать	–врачевать	убийца	–врач
↓	↓	↓	↓
разрушать–строить	разрушитель	–стоитель	
плакать	–смеяться	плачущий	–смеющийся
↓	↓	↓	↓
сетовать–плясать	сетующий	–пляшущий	
разбрасывать	–собирать	камни	разрушитель
камни			–восстановитель
обнимать	–уклоняться от		наслаждающийся–аскет
	объятий		
искать	–терять	искатель	–растеряша
↓	↓	↓	↓
сберегать–бросать	сберегатель	–расточитель	
раздирать–сшивать	разрывающий	–портной	
?	?	↓	↓
молчать	–говорить	молчальник	–ритор
любить–ненавидеть	любовь	–ненависть	
	↓	↓	
война	–мир	мир	–война

Соломоновы антиномии заставляют вспомнить два принципа, идущих ещё из глубокой древности.

Первый принцип – дуализм (двойственность). Таковы были верования древних ассирийцев, персов. Два Бога – добрый и злой, два равнозначных начала. Ормузд и Ариман, свет и тьма – служи, кому хочешь. Что хорошо для одного, то плохо для другого, и наоборот. Зороастр сказал: «Воистину, есть два первичных духа, близнецы, славящиеся своей противоположностью. В мысли, словах и в действии – они оба добрый и злой...» [136; с. 176]. В романе «Юлиан Отступник» Д.С. Мережковский красочно описывает, как великий иерофант Максим Эфесский проводит юного Юлиана через языческую мистерию посвящения, во время которой юноша отрекается от Христа и посвящает себя диаволу-деннице, а потом жрец ошарашивает его сообщением: правы оба – и Христос, и диавол, правды две, твой выбор, которой из них служить. Юлиан потрясён.

В китайской философии гармоническое равновесие в мире поддерживается двумя началами, ян и инь: мужское и женское, светлое и тёмное, тёплое и холодное, лёгкое и тяжёлое. Всем вещам во Вселенной свойственно двуединство.

Что хорошо для буржуазии, то плохо для рабочего класса, и наоборот. Это если по Марксу. Но от человека ли зависит, где он окажется?..

Второй принцип – диалектика.

Ἡ διαλεκτική – искусство вести разговор, спор. В философии это метод познания действительности в её противоречивости, целостности и развитии.

Диалектику знали древние греки. Аристотель считал изобретателем диалектики Зенона Элейского. Диалектику развивали неоплатоники Плотин и Прокл. Великим учителем диалектики был европейский философ Гегель (1770–1831 гг.). Диалектика сформулировала закон единства и борьбы противоположностей. Священник и богослов Павел Флоренский находил причину всех ересей в том, что тезис брался в отрыве от антитезиса. Истина по Флоренскому в антиномии, то есть в синтезе тезиса и антитезиса.

Христианская церковь всегда отвергала дуализм, как диавольскую выдумку. Διῶβολος – разбрасывающий на две стороны. Бог один. Божий Сын один. истина одна. Церковь одна. А Лейбниц говорил: Бог сотворил единицу, всё остальное выдумали люди. Есть свет и есть тьма. Тьма не второе начало, а отсутствие первого.

Диалектика – это мудрость жизни, она не отвергалась и великими святыми отцами. Как и всем, ею можно злоупотребить, фактически превращая в дуализм. А можно и воспользоваться благоразумно, и тогда она есть путь к единой и высшей истине.

Сначала Соломон провозглашает найденный или Богом дарованный ему основной принцип:

Еккл. 3:1 Всему своё время, и время всякой вещи под небом.

Многие **вещи** в этой жизни, а может быть даже и все, ведут к проблемам, к затруднениям, порой неразрешимым. И всё это не оттого, что **вещь** эта плохая, а оттого, что не вовремя была употреблена. Используй эту вещь в **своё время**, и она будет хороша. Беда пройдёт мимо, в жизни будет достигнуто равновесие, которой порой так не хватает.

Слова **под небом** означают, что речь будет идти дальше о том, что происходит здесь, в этой земной жизни. Итрон, нечто остающееся, пользу и высший смысл Соломон **под солнцем** не нашёл. Кругооборот жизни не даёт остатка. Но Соломон нашёл способ жить в таком мире, нашёл если не архимедову опору, то хотя бы некое жизненное равновесие, некую устойчивость в раздираемом противоречиями мире. Это равновесие в том, что и противоположные вещи имеют право быть, каждой из них своё время и место в жизни. Почти всё, о чём Соломон будет дальше говорить, идёт со знаком плюс или со знаком минус. Это или вожаемое, или желанное, это доброе и приятное или тяжкое и страшное. И всему этому **своё время** и своё место **под небом**.

Синодальный перевод слов Екклесиаста **Всему своё время, и время всякой вещи под небом** использует дважды слово «время» и тем теряет смысловой оттенок, имеющийся в еврейском тексте, а также в его греческом переводе.

В первом случае Соломон использует слово זמן (земан), во втором – עת (ет) и во всех последующих антиномиях тоже עת. Слово זמן означает собственно время как длительность события или событий. Слово עת означает время со смысловым оттенком «срока». Таким образом, Екклесиаст говорит, что **всему своё земан**, всему отмерено своё время, своя длительность времени, в течение которого оно происходит. Дальше Екклесиаст говорит уже другое: **ет всякой вещи под небом**, то есть всякая вещь имеет свой срок, свой назначенный ей отрезок или даже свой момент, когда ей быть. Всё имеет свою меру времени и свой благоприятный, своевременный момент, когда ему быть. И далее во всех антиномиях употреблено слово «ет», то есть речь идёт о благовременности того или другого.

В полном соответствии с оригиналом используют два слова и семьдесят толковников, переведшие Танах на греческий язык. В первом случае употреблено слово χρόνος, а во втором и всюду дальше – кайρός. **Всему свой хронос и кайрос всякой вещи под небом** и дальше во всех

противопоставлениях всему свой «кайрос». Ὁ χρόνος – это временная длительность, мера времени и даже само течение времени. Можно говорить о «времени (χρόνος) жизни» или времени того или иного события и процесса.

Ὁ καιρός – это надлежащее, удобное время, удобный случай. Более того, это слово может быть использовано для обозначения надлежащего места.

Хронос – это физически измеримое время, ось времени, мера времени. Кайрос – это время Божие, это Богом определённый удобный и своевременный случай для того или другого дела. Человек должен всему знать свой хронос и свой кайрос – свою меру времени и свой удобный, подходящий час.

Следует обратить внимание и на слово ἔπα (хефец), употреблённое Соломоном. **И время (ет) всякому хефец под небом.** Синодальный перевод передаёт это словом «вещь» – время всякой вещи под небом. Слово «вещь» по-еврейски звучало бы דָּבָר (дабар). Использованное же Екклесиастом слово «хефец» означает буквально «желанное» и употребляется для обозначения некоего «дела». В LXX так и переведено: πράγματι, то есть «дело». Так же переводит А.Э. Графов [12]. В немецком переводе: Vornehmen – дело, мероприятие.

Итак, Екклесиаст говорит: Всему своя мера времени и своё подходящее время, свой удобный случай, всякому делу, всему, что предпринимается под небом.

Почему Соломон часто говорит о том, что **под солнцем**, или **под небом**, а не о том, что «на земле»? Солнце и небо охватывают всю землю, от них не утаится ничто. К тому же, это взгляд сверху, а если «на земле», то это взгляд снизу, не всеохватывающий, да и нехоженные места есть на земле. В изречениях **под солнцем** и **под небом** слышится вселенская печаль философа или звучит премудрость, охватывающая всю землю.

А теперь обратимся к размышлениям учителей и отцов над словами измерившего своим посохом землю философа:

Еккл. 3:1 Всему своё время, и время всякой вещи под небом.

Св. Григорий Нисский чувствует фундаментальную значимость соломонова изречения. Он чувствует некое изменение настроения Соломона (переход от круга к диполю). Св. Григорий отмечает, что «в предыдущих словах как суетное осуждено всё» [40; Беседа 6]. Но в таком случае «остаётся узнать, как человеку жить добродетельно, заимствовав в сем слове [о времени для всякой вещи. – Г. Ф.] как бы и некое искусство, и способ к преспеянию жизни». Вот это искусство жить добродетельно в не

имеющем никакого смысла мире, в мире, в котором нет остающейся пользы, и заключено в словах Екклесиаста **всему своё время, и время всякой вещи под небом** с дальнейшими антиномиями,

Указанное «искусство жить» св. Григорий истолковывает таким образом: «Два, говорит Екклесиаст, отличительные в жизни признака прекрасного в каждой вещи, какая возжеленна для настоящей жизни, именно соразмерность и благовременность». Эти два признака меры и благовременности св. Григорий находит в использовании Екклесиастом двух разных слов: ὁ χρόνος и ὁ καιρός. "А под **временем** (ὁ χρόνος), – говорит св. Григорий, – должно разуместь меру, потому что всему, что приходит в бытие, спротяжено время». Соответственно ὁ καιρός есть благовременность. Тогда, в соответствии с толкованием св. Григория Нисского, слова Екклесиаста можно передать так:

«Всему своя мера времени, и свой срок и время всякой вещи под небом».

Всякой вещи указано, сколько ей быть и когда ей случиться. Св. Григорий подробно показывает на житейских примерах необходимость соблюдения этих двух начал: меры и благовременности.

В великой Александрии Египетской, центре научного мира древности, исчислялось время празднования Пасхи и сообщалось всем церквям. В связи с этим Александрийский епископ рассылал церквям Праздничные послания. Праздничные послания архиепископа Афанасия Великого содержали при этом глубокие богословские и духовные размышления. В Первом праздничном послании св. Афанасий рассуждает о благопотребности времени для всего происходящего и особенно для того, что служит ко спасению. *Св. Афанасий*: «Так равно и Бог всяческих, по образному изречению премудрого Соломона, всё распределил по временам и срокам (Еккл. 3:1), дабы повсюду в благопотребное время распространилось спасение человеков» [32; Первое праздничное послание, п. 1]. И для пришествия в мир Спасителя, Сына Божия, должна была **прийти полнота времени** (Гал. 4:4), а не какое угодно произвольно назначенное. Всё распределено «по временам и срокам».

Св. Иоанн Кассиан Римлянин, читая слова книги Екклесиаста, размышляет о том, действительно ли каждая вещь под небом хороша только в своё время? Преподобный приходит к выводу, что вещи есть по свойству своему добрые, злые и средние. Добрые – всегда добры, злые – всегда злы, а средние – это и есть всякие вещи под небом, которые хороши или плохи не сами по себе, а в зависимости от своевременности или несвоевременности их, а также от внутреннего расположения делающих

их. Св. Иоанн Кассиан: «Божественная премудрость через Екклесиаста назначила каждой вещи, то есть всем обстоятельствам, как благополучным, так и несчастным, скорбным, своё время» (Еккл. 3:1–8). Из дел, исчисленных в сем месте, ни одного нельзя отнести к числу постоянно добрых; каждое хорошо только тогда, когда оно бывает в своё время и прилично исполнено, так что если бывает не в своё время, то делается бесполезным и вредным; между тем те действия, кои добры или худы по природе своей, например, правда, благоразумие, мужество, воздержание и прочие добродетели, или, напротив, пороки, не подлежат такому изменению по неизменяемости их природы» [67; Собеседования египетских подвижников, Собеседование 21 аввы Феоны, гл. 12]. Нравственное и безнравственное всегда таково, а вещи нравственно безразличные приобретают нравственное значение в зависимости от обстоятельств и намерений. Дальше в антиномиях это будет раскрыто на примерах жизни.

Св. Григорий Богослов в свой богословствующий век, когда торговки на рынке спорили о Троице и ипостасях, в начале знаменитых Пяти слов о богословии много и строго говорит о недопустимости безвременного богословствования и несоблюдения меры в учении. В связи с этим он говорит: «Мёд, несмотря на то, что он мёд, если принять в излишестве и до пресыщения, производит рвоту. И **время всякой вещи**, как рассуждаю с Соломоном (Еккл. 3:1). Даже прекрасное не прекрасно, если произведено вне порядка; как, например, совершенно неприличны цветы зимою, мужской наряд на женщине и женский – на мужчине, геометрия во время плача и слёзы на пиру» [37; Слово 27, О богословии первое]. И прекрасное прекрасно только в своё время и в свою меру.

Блж. Иероним, толкуя Екклесиаста, говорит о том, что в этом временном мире всё противоречит друг другу и не имеет своего постоянного качества. Постоянство имеют только вещи мира невидимого. **«Всему есть время, и время всякой вещи под небом...** всё в мире одного другому противоречит, и ничто не пребывает постоянно, – ничто, конечно, из существующего под солнцем и в пределах времени, ибо прочие духовные существа не обнимаются пределами ни видимого времени, ни времени» [64; 3, 1].

Прп. Иоанн Лествичник, наставник монашеского делания и аскетике (VII в.), прилагает слова Екклесиаста о времени для всякой вещи и дальнейшие екклесиастовы антиномии к духовному деланию монахов. По сути всё происходит так же и в духовной жизни не монахов. **«Время всякой вещи под небом**, говорит Екклесиаст (Еккл. 3:1). Изречение это

объемлет и те вещи и делания, которые бывают в нашем священном жительстве. Так, если угодно, рассмотрим, что каждому времени прилично и свойственно. Ибо известно, что для подвижающихся есть время бесстрастия, и есть время побеждения страстями по причине младенчества подвижающихся. Есть время слёз и время окаменелости сердца; есть время повиновения и время повелевания; есть время поста и время принятия пищи. Есть время брани от врага – тела и время погашения разжжения; время бури душевной и время тишины ума; время сердечной печали и время духовной радости; время учить и время учиться; время осквернений, может быть, за возношения и время очищения за смирение; время борьбы и время твёрдого мира; время безмолвия и время деятельности безмолвной; время непрестанной молитвы и время нелицемерного служения. Итак, да не обольщает нас горделивое усердие, побуждая прежде времени искать того, что придёт в своё время» [68; сл. 26, п. 87]. Излагаемая мысль св. Иоанна Лествичника вполне соответствует основной мысли его книги – лестнице добродетелей. подвижающийся постепенно восходит по этой лестнице, ничего нельзя торопить, всё приходит в своё время. Преподобный ярко и в соответствии с антиномиями Соломона показывает тёмные и светлые, тягостные и радостные состояния подвижника. Всё имеет место и время быть.

Прп. Пётр Дамаскин, епископ Дамасский и священномученик, прилагает слова Екклесиаста, подобно прп. Иоанну Лествичнику, к внутренней духовной жизни. Прп. Пётр обсуждает вопрос об уставной молитве, о «тропарях со многими песньми и припевами» и о «чисто молящихся», когда «нередко бывает, что человек собирает ум свой в молитве и тотчас падает без принуждения на землю, на колени, как некогда пророк Даниил, и руки его бывают простёрты, глаза его устремлены на крест Христов, а помыслы изменяются, и члены его расслабевают от новых помышлений, самодвижно приходящих на ум!». Та и другая молитва имеет право быть и должна быть. Прп. Пётр увязывает вместе обе молитвы с помощью Екклесиаста. «Итак, одно [уставная молитва. – Г. Ф.] служит врачевством немощи, а другое [непосредственное в умилении сердцем поклонение Отцу в духе и истине. – Г. Ф.] есть дело совершенства ума. Вот разрешение таковых изысканий. Ибо всё хорошо в своё время; не вовремя же – всё кажется несогласным для не знающих времени каждой вещи, по слову Соломона: **время всякой вещи (Еккл. 3:1)**» [86; с. 78, О третьем ведении].

Как преподобные Иоанн Лествичник и Пётр Дамаскин приложили слова Екклесиаста к духовно-аскетической жизни и молитве, так и другие

толкователи находили частное применение словам богооткровенного мудреца.

Раши, следуя теме предыдущей главы, контексту соломоновых размышлений, говорит о том, кому достанется накопленное богатство. **«Всему время.** Пусть не радуется копящий богатство суетное: хотя сейчас оно у него в руках, его унаследуют праведные. Однако время ещё не наступило, ибо для всякой вещи есть время назначенное, когда тому быть» [23; 3, 1]. Речь идёт не о сокровищах Царства Небесного в загробном мире. Уже в этой земной жизни накопивший богатство в своё время передаст его праведнику – по своей ли воле, по воле ли промыслительно сложившихся обстоятельств.

Св. Василий Великий пользуется словами Соломона отвечая на «вопрос: Кому вверено попечение о душах, тот может ли соблюсти сказанное: **аще не обратитесь, и будете яко дети (Мф. 18:3)**, потому что имеет дело со многими и различными лицами?» Как совместить отцовство с повелением **быть, как дети?** Святой Василий отвечает: «Поскольку премудрый Соломон сказал: **время всякой вещи (Еккл. 3:1)**, то надобно знать, что есть также своё время и смиренномудрию, и власти, и обличению, и утешению, и пощаде, и дерзновению, и снисхождению, и строгости и вообще всякому делу. Потому иногда должно оказывать смиренномудрие и подражать в смирении детям, особенно когда представляется случай воздать друг другу честь и долг, услужить или помочь чей-либо телесной потребности, как научил Господь. Иногда же надобно употреблять власть, **юже дал есть Господь в создание, а не в разорение (2Кор. 13:10)**, когда нужда требует дерзновения» [35; Правила, кратко изложенные в вопросах и ответах, вопрос 113].

Св. Григорий Богослов произнёс немало похвальных слов своим современникам. Говоря красноречиво, как греческий вития, и цитируя множество текстов Писания, как богослов, он привлекал еkkлесиастовы слова для прославления восхваляемых им мужей.

В эпоху арианских споров и нестроений в церкви св. *Афанасий Великий*, епископ Александрийский, мужественный и непреклонный исповедник «единосущия», несколько раз вынужден был оставлять кафедру и несколько раз при изменившихся обстоятельствах возвращался вновь. Об этом св. *Григорий Богослов* говорил так: «Такова была тогдашняя жизнь Афанасия; он оправдывал собою слова Соломона, который Любомудрствовал, что есть **время всякой вещи (Еккл. 3:1)**. Посему и скрылся он ненадолго, пока продолжалась брань, чтобы явиться с наступлением мира, что и исполняется в скором времени» [37; Слово 21,

Похвальное Афанасию Великому, арх. Александрийскому].

Можно вспомнить и египетского отшельника прп. Антония Великого, дважды оставлявшего пустыню, в которой годами лица человеческого не видел, и появлявшегося в многолюдной Александрии. Один раз, чтобы укрепить мучеников в гонении Диоклетиана, а другой раз, чтобы поддержать св. Афанасия в борьбе за православие³² уже в другие времена.

Произнося надгробное слово своему другу Василию Великому, св. Григорий Богослов, описывая различные и даже противоположные добродетели его, говорит: «Кто больше Василий чтит добродетель, или наказывал порок, или оказывал благосклонность к отличившимся и суровость к погрешившим?.. кто был столько приятен в собраниях, как известно сие мне, который всего чаще имел случай видеть его? Кто мог увлекательнее его беседовать, шутить назидательно, уязвлять, не оскорбляя, выговора не доводить до наглости, а похвалы до потачки, но в похвале и выговоре избегать неумеренности, пользоваться ими с рассуждением и наблюдая время, по законам Соломона, назначающего **время всякой вещи (Еккл. 3:1)?**» [37; с. 644, Слово 43, Надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской]. Так святой знал время строгости и время милости.

Своеобразно дерзали святые противоречить великому Соломону в его мудрости. Философ всему отводил своё время. Что касается земного, того, что **под небом**, то святые и не спорили с этим, а вот что касается спасения души, то они утверждали, что пригодно всякое время!

Св. Григорий Богослов в слове на святое крещение настаивает на том, чтобы не отлагать день своего спасения, не ожидать для этого какого-то подходящего времени и момента: «Всякое время прилично для омовения, потому что во всякое время постигает смерть. Велегласно зывают к тебе с Павлом: **се ныне время благоприятно, се ныне день спасения (2Кор. 6:2)**; а словом **ныне** означает он не известное одно время, но всякое... Пусть будет у тебя **время брани и мира**, брака и безбрачия, дружбы и раздора, если и он тебе нужен, и вообще время всякого дела, если сколько-нибудь должно верить Соломону (Еккл. 3:1). А верить ему должно, потому что совет полезен. Но спасение своё всегда содейвай, и всякое время да будет благоприятно для крещения» [37; с. 551, Слово 40, на святое крещение]. Св. Григорий на себе испытал сказанное им. Он сам в молодости долго откладывал своё крещение и, случилось, попал в беду во время бури на море. Среди бездны воды он искал хоть капли воды спасительной. Её не было. Тогда он дал обещание, если благополучно вернётся на берег, то посвятит себя Богу.

Составитель сего толкования в молодости в поисках православия и истинного таинства крещения, омывающего грех, уже несколько дней находясь в келье протоиерея Александра Пивоварова, читал, искал истину в творениях святых отцов. Сердце искало и трепетало. И вот слово святого Григория Богослова о крещении. Было поздно. Батюшка, совершенно уставший, вернулся домой, свалился и заснул на сундуке. Я спустился к нему, тормошу: «Батюшка, Григорий Богослов пишет, если слово коснулось тебя вечером, не жди утра...» Батюшка спросонья, уставший: «Читай, молись!» Я по Григорию Богослову, а он по Соломону...

Св. Василий Великий, подобно своему другу св. Григорию Богослову, позволяет себе некое священное несогласие с Екклесиастом. А поводом послужил вопрос: оправдано ли не радеть о делах под предлогом молитвы. Речь шла в первую очередь о монахах и подвижниках. Св. Василий угадывает в этом предлоге обычную склонность к праздности и тогда говорит: «Поскольку же некоторые уклоняются от дел под предлогом молитв и псалмопения, то должно знать, что, хотя для прочего всему своё есть время, по слову Екклесиаста: **время всякой вещи** (Еккл. 3:1), но для молитв и псалмопения... пригодно всякое время» [35; Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах, вопрос 37]. И далее св. Василий подробно говорит о том, что молиться можно и нужно во время любого дела и даже разговора. Сердцем надо всегда воспевать Бога. каждому делу своё время – молитве всегда время.

Подобно святым Василию и Григорию рассуждает и прп. Феодор Студит (IX в.). Каждому делу своё время, соделыванию спасения время всегда. «**Время всякой вещи под небом**, говорит премудрый (Еккл. 3:1). Время же содеванию спасения нашего всегда и везде. Ибо апостол говорит: **всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите** (1Фес. 5:16)» [53; Подвижнические монахам наставления, 291, п. 1]. Радость, молитва и благодарение определяют, говорит прп. Феодор Студит, наше спасение, и они пребывают в христианине всегда.

Таковы святые несоглашатели с великим Соломоном,
...Посох философа медленно передвигался из конца в конец.

Едва заметно вслед за посохом перемещался взгляд, задерживаясь то на одном конце, то на другом.

У берега Иордана учитель и ученик – Илья и Елисей. **И взял Илья милоть свою** (плащ), **и свернул, и ударил ею по воде, и расступилась она туда и сюда, и перешли оба посуху** (4Цар. 2:8). Как пророческим плащом ударила богооткровенная мысль философа по реке жизни, и расступился её поток **туда и сюда**. Теперь ищущая мысль могла пройти

посуху, непроходимые воды загадок жизни расступились. И открылся тот берег, с которого огненная колесница унесла пророка на небо, а мысленная Меркаба готова открыть тайны Царства Небесного ищущему беспокойному уму.

И как узнал Елисей, что дух его учителя на нём? **Стал Елисей на берегу Иордана; и взял милоть Ильи, упавшую с него, и ударил ею по воде, и сказал: где Ягве, Бог Илии, – Он Самый? И ударил по воде, и она расступилась туда и сюда, и перешёл Елисей (4Цар. 2:14).**

Ты хочешь узнать, в истине ли ты, в той ли самой, что Сама Истина (Ин. 14:6), с тобою ли Ягве Бог? – ударь плащом своей мысли, и если расступятся воды **туда и сюда**, если соблюдено равновесие противоположностей (антиномии), то пройдёшь посуху, не утонешь. Если откажешься от тезиса или антитезиса, нарушишь равновесие антиномии, то окажешься в ереси. Воды не расступились. Двинешься мыслью вперёд – утонешь, остановишься – никогда не будешь на берегу, где огненная Меркаба и где восхождение на небо³³.

Истинный Екклесиаст, Божественный Логос, возносится на небо, а Соломон, как Елисей, возвращается в Израиль к своему народу. Там, где все закружились в бессмыслице круговерти жизни, он нашёл равновесие.

Антиномия первая

Еккл. 3:2 Время рождаться, и время умирать.

В фильме об афганской войне (1980-е гг.) «Девятая рота» солдат говорит друзьям-однополчанам: на войне нет ничего лишнего – здесь только жизнь или смерть. Круговорот обыденной жизни и великих деяний затемняет эту истину. Есть только жизнь и смерть, всё остальное осыпается, как шелуха. И тому, и другому своё время, **время рождаться, и время умирать**. Отец и погребальщик, мать и плакальщица – вот и всё. И над этим – Бог. В эти минуты Он и открывается. Всё остальное человек делает сам, только жизнь ему дают и у него забирают. Здесь всё их рук Божиих и в руки Божии.

Делающие аборт всё перепутали. **Время рождаться**, а они назначают **время умирать**. За это перед Богом как ответишь?!

В Германии очень хорошо знают, что такое *Termin*, – это назначенное и обусловленное время. Нарушать *Termin* в Германии нельзя, *Termin* – это неприкосновенно, это свято. Вот только рождению и смерти и там *Termin* не назначают, его назначает Бог. Родив сына молитвы, Самуила, праведная Анна воспела: **Ягве умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит** (1Цар. 2:6) или, как нам привычнее на слух с утренней службы Великого поста: **Господь мертвит и живит!** Какая сила в этих словах!

Время рождаться – день рождения празднуют живущие на земле живых (Пс. 26:13). **Время умирать** – в день кончины поминают усопших, празднуют память угодников Божиих.

Рождение и смерть уравнивают друг друга. Прожившие жизнь должны уступить место имеющим родиться. Как трогательно и проникновенно говорит об этом св. *Иннокентий, архиепископ Херсонский*: «Будь же терпелив и великодушен, справедлив и милосерд. Миллионы людей, живших до тебя, сошли с лица земли, чтобы дать место твоему земному бытию: сойди на время и ты для успокоения в материнские недра земли и пожди, доколе все прочие братия твои по плоти и духу узрят свет, вкусят каждый свою долю жизни, обработает всякий свои таланты» [65; Поучения на Пасху и на Светлую седмицу, II].

Св. *Афанасий Великий* подчёркивает, что Христос, Сын Божий, «как Бог и Отчее Слово, не имел Он времени, потому что Сам Он – зиждитель времён» [31; Защитительное слово, в котором оправдывает бегство своё во время гонения, произведённого дуком Сирианом, п. 14], но при этом «всякому человеку измерено время, и измерено не случайно». «Как есть

время весне, лету, осени, зиме, так, по написанному, есть **время умирати** и время жить (Еккл. 3:2)». Дальше св. Афанасий приводит библейские примеры, что от Бога **время умирати**. Так в потоке при Ное всем была усечена жизнь, потому что всем пришло время погибнуть. Царю Езекии Бог продляет жизнь на пятнадцать лет. Авраам умирает, **исполнен дней** (Быт. 25:8), а Давид умоляет, говоря: **не возведи мене в преполовление дней моих** (Пс. 101:25). Словами Соломона **время умирать** и библейскими примерами св. Афанасий оправдывает своё бегство из Александрии во время арианской смуты. Ещё не пришло его время умирать.

Непрерывная цепь рождений и умираний делает, по св. Григорию Нисскому, эту жизнь саму по себе бессмысленной: «Ибо говорит: **время рождати, и время умирати**, то есть пришло время, и я родился; придёт время, и я умру. Если все обратим на сие внимание, то не пойдём, оставив это сокращённое шествие, кружиться с нечестивыми, добровольно блуждая по круговратному пути жизни» [40; Беседа 6]. А потому «сколько блаженны, говорит Екклесиаст, те из людей, которые, оставив коловратные обольщения жизни, приводят себя на сокровенный путь добродетели» [там же].

Григорий Нисский и по-другому подходит к екклесиастовым словам о времени рождения и времени смерти. Св. отец даёт духовное толкование. «Мне кажется, – говорит он, – что то рождение зрело и непреждевременно, когда кто, как говорит Исайя, зачав от страха Божия, с душевными муками рождения породит собственное своё спасение (Ис. 26:18)» [там же]. Подлинно благовременно всегда духовное рождение. Но если ясно, «как можем родиться вовремя», то что значит духовно «как можно и умирать вовремя»? Св. Григорий находит ответ: «Конечно же, не неизвестно, как **по вся дни** умирает Павел, который никогда не живёт греху, всегда умерщвляет плотские узы и носит в себе мертвенность тела Христова, всегда сраспинается Христу (1Кор. 15:31)» [там же]. Всегда **время умирать** со Христом греху.

О духовном рождении и смерти говорят так же св. Кирилл Иерусалимский и св. Василий Великий. Тот и другой отмечают, что в духовной жизни рождение и умирание меняются местами. Человек сначала умирает греху, а потом рождается в Боге.

Св. Кирилл Иерусалимский говорит в тайноводственном смысле новокрещённым: «И что Соломон сказал об ином, то приличествует вам. Ибо там сказал он: **время рождати, и время умирати**; о вас же должно сказать наоборот: время умирать, и время рождаться. Одним временем

совершилось и то, и другое, и смерти сопутственным стало ваше рождение» [77; Слова тайноводственные, 2 слово о крещении, п. 4]. Образ смерти и рождения св. *Кирилл* находит в крещальном погружении. «В то же самое время и умирали вы, и рождались; и спасительная она вода соделалась для вас и гробом, и матерью» [там же]. Кстати, очевидно, что этому смыслу соответствует только погружательная форма крещения, к которой христиане и запада, и востока позднее будут относиться так легкомысленно! Дожились до того, что многих епископов и пресвитеров и силой не заставишь крестить погружательно.

Св. *Василий Великий* также говорит о перемене порядка следования рождения и умирания в духовной жизни по сравнению с тем, что в природе. «Премудрый Соломон, разбирая времена для житейских дел, и всему, что ни бывает, определяя собственное время, сказал: **Всем время, и время всякой вещи. Время рождати, и время умирати.** А я, возглашая вам спасительную проповедь, изменил бы несколько изречение премудрого и сказал: время умирать, и время рождаться. Что же основанием сего изменения? То, что Соломон, рассуждая о подлежащем рождению и тлению и следуя порядку телесной природы, рождение предположил смерти. Ибо невозможно испытать смерти тому, кто не родился прежде. А я, намереваясь вести слово о духовном возрождении, полагаю смерть прежде жизни. Ибо, только умерши плотию, рождаемся мы духом, как и Господь говорит: **Аз убью и жити сотворю** (*Втор. 32:39*). Итак, умрём, чтобы нам жить» [35; с. 193, Беседа 13, побудительная к принятию святого крещения]. Почему так мало жизни бывает у христианина? Потому что не было смерти. Не умирая для греха, пытаемся жить по-христиански. Не получается! Только умерший рождается – в этом тайна духовного рождения. Природа рождает и умерщвляет всё, что в ней родилось, Господь – мертвит и живит, восстанавливает разрушенное.

Блж. *Иероним*, следуя словам премудрого Екклесиаста, раскрывает своеобразный закон духовной жизни: «Но, так как у Исаии мы читаем: от страха Твоего, Господи, мы зачали и болели и родили, то нужно сказать, что у мужа совершенного плод этот, который родился от страха, умирает, когда он начинает любить Бога. Ибо совершенна любви вон изгоняет страх (*1Ин. 4:18*)» [64; 3, 2]. Рождаемое в страхе умирает при обретении любви. Согласно св. *Григорию Богослову*, по страху ты раб Божий, по любви – сын Божий. Начавшие с рабства Богу переходят во славу сыновства Божия.

Пример исполнения соломоновых слов, после которого не говорить, а молчать хочется, даёт *Н.В. Гоголь* в своей повести «Тарас Бульба». Двух славных сыновей породил могучий Тарас – Остапа и Андрия. Старший

отдал жизнь за веру и други своя, младший предал. И вот лицом к лицу отец и сын, и страшные слова: «Я тебя породил, я тебя и убью». **Время** рождаться, и время умирать. **Господь** мертвит и живит.

Антиномия вторая

Вторая антиномия по смыслу следует за первой и иллюстрирует её:

Еккл. 3:2 Время насаждать, и время вырывать посаженное.

А.Э. Графов переводит: **Время сажать и время корчевать.**

Неподалёку был сад. Садовник насаждал новые саженцы, а им же посаженное в прошлом году выкорчёвывал. Философ сначала и не обращал на него внимания, но потом взгляд его уловил эту незамысловатую работу земледельца. Задержалась на ней и мысль, а посох уже медленно чертил:

Время рождаться, и время умирать: время насаждать, и время вырывать посаженное.

Блж. Иероним подметил, «что рождать есть то же, что и насаждать, умирать – то же, что вырывать посаженное» [64; 3, 2]. При этом св. отец указывает на предопределение Божие: «Нет сомнения, что и рождение, и смерть людей известны и предопределены Богом» [там же].

Время насаждать, и время вырывать посаженное.

Бог – первый и великий Садовник.

И насадил Ягве Бог сад в Едеме на востоке (Быт. 2:8).

Св. Григорий Нисский: "**Время**, говорит Екклесиаст, **садити, и время исторгати саженное**. Знаем, кто наш делатель [**виноградарь**], и чья мы нива... Господь говорит: **Отец Мой – виноградарь** [нем.: Gärtner – садовник] (Ин. 15:1); апостол же сказал нам: **а вы Божия нива** (1Кор. 3:9). Посему великий Делатель умеет насаждать только благое, ибо **насади Бог рай в Едеме на востоках** (Быт. 2:8); исторгает же всё противное благому. Ибо **всяк сад, егоже не насади Отец Мой Небесный, искоренится** (Мф. 15:13)» [40; Беседа 6]. Дальше св. Григорий переносит свою мысль на вопрос веры. «Одно и то же время – и принять в себя спасительное насаждение веры, и исторгнуть вместе плевелы неверия» [там же]. От веры и неверия св. Григорий переходит ко всякой добродетели. «**Время садити** целомудрие и **исторгати** насаждение непотребства» [там же] и т. д. Бог насаждает в душе на востоке, где восходит Христос, Солнце правды, сад добродетелей и искореняет самые корни греховных плевел и терний.

Кроме ясной нравственной мысли св. Григория Нисского в словах слышится и несколько иное. Вырывает посаженное тот же садовник, который и сажал. Зачем тогда садить, если потом выкорчёвывать будешь? Когда сажал – это были свежие побеги, имеющие дать плоды. Выкорчёвывать надо, когда это уже старый пенёк или ветвь сухая,

бесплодная.

Такое бывало и в истории. Нарождающееся человечество и истребляемая в потоке бесплодная цивилизация плоти. Нарождающиеся империи и разваливающиеся дряхлеющие государства-гиганты. Свежая мысль Эллады и звонкий меч крепнущего Рима, а потом дряхлеющее язычество и разлагающаяся в неге и роскоши знать. Рвущееся к небу сердце ранних христиан и обременённая историей застывшая традиция. Таков удел всякого общества и движения.

В муках рожаемое в муках умирает.

Насаждают, выкорчёвывают...

И уже который раз.

А на земле виноградники, сады, колосится нива... И нет другого способа для того, чтобы они были.

Остаётся то, что Бог насадил, остаётся насаждением и вырыванием посаженного.

Антиномия третья

Напряжение противоположностей нарастает. Жилы проступили на челе философа. Посох нервно чертит из конца в конец.

Еккл. 3:3 Время убивать, и время врачевать.

История знает врачей-воинов. Одна и та же рука и наносила раны, и врачевала их. Рассказывают про святого хирурга епископа Луку (Войно-Ясенецкого). В послереволюционное лихолетье св. Лука приходит в г. Ташкенте в храм и видит приставленную к нему лестницу. Два комсомольца ловко забираются по ней с намерением сбросить крест с купола. Св. Лука пришёл в гнев и, схватив, тряхнул лестницу. Парни слетели на землю, переломав себе кости. Лука отвозит их в возглавляемую им клинику, вправляет на место кости, лечит их.

На сражении **время убивать**, после боя **время врачевать**.

Это не законы Царства Небесного, но это на земле, где **возмездие за грех есть смерть** (Рим. 6:23). Время воинов и время врачей. Клятва Родине и клятва Гиппократу. Не по уставу, а по факту, как-то в паре почитаются два великомученика: св. Георгий Победоносец и св. Целитель Пантелеймон, святой воин и святой врач.

Видите ныне, что это Я, Я – и нет Бога, кроме Меня! Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю! (Втор. 32:39).

В Новом Завете всё это получает своё духовное осмысление, которое находим в толкованиях святых отцов.

Св. Григорий Нисский: "**Время убивати, и время целити**. А сие ясно истолковано наперёд в пророческом слове, которое от лица Бога говорит: **Аз убью и жити сотворю** (Втор. 32:39). Если не убием в себе вражды, то не исцелим расположения к любви, которое страдает в нас ненавистию. А также время убить и всё прочее, что живёт назло нам» [40; Беседа 6]. Надо истребить в себе порок, чтобы исцелить противоположную добродетель. Св. Григорий ссылается на врачей, которые утверждают, что жизнь глистов – болезнь для тела. Чтобы уврачевать тело, надо врачебным питием умертвить глистов. Вот так и в духовной жизни.

Блж. Иероним: "**Время убивать, и время врачевать**. Время убивать и время врачевать, как говорит: **Я убью и Я оживлю** (Втор. 32:39). Врачует, призывая к покаянию; убивает в смысле сказанного: **во утрия избивах вся грешныя земли** (Пс. 100:8)» [64; 3, 3].

Св. Дионисий Александрийский рассуждает не о духовно-аскетическом правиле, а скорее о промысле Божиим над людьми: «**Время убивати и**

время целити. (Время) убивать того, кто совершает непростительные прегрешения, лечить того, кто имеет рану, допускающую лечение» [49; гл. 3, ст. 3]. Можно привести пример. Двое гонят Христа и Его учеников – Савл и Юлиан Отступник. Одного осиял свет Христов, и он, обратившись, становится апостолом; другой в бою сражён таинственным копьем и погибает.

Антиномия четвёртая

Как ослабленное эхо в горах, вторит третьей антиномии четвёртая:

Еккл. 3:3 Время разрушать, и время строить.

Убивать и врачевать – воин и врач, а за ними – взрывник-разрушитель и строитель-труженик.

«Мы старый мир до основания разрушим», – пели большевики. И это для того, чтобы построить новый. А ещё раньше великий Пушкин вдохновлял декабристов, что «звезда пленительного счастья» взойдёт не иначе, как «на обломках самовластья».

Разрушать и строить...

Утром 5-го декабря 1931-го года идейный вдохновитель разрушения Храма Христа-Спасителя в Москве Л.М. Каганович наблюдал сокрушительный взрыв из окна своего дома.

В августе 2000-го состоялось освящение новопостроенного Храма Христа-Спасителя в Москве, и в нём же состоялся юбилейный архиерейский собор, прославивший в лике святых царственных страстотерпцев и более тысячи новомучеников и исповедников Российских. **Время убивать, и время исцелять; время разрушать, и время строить.** Начинался новый XXI век.

Кстати, есть и другая сторона истории. Было время разрушать языческие капища и великую культуру Эллады, всюду утверждался крест Христов и храмы новой религии галилеян. А потом опять настало время строить, наступила эпоха Ренессанса, возрождались науки и искусства, олимпийские состязания, воскресали боги. После Гомера – Дамаскин, после Илиады с Одиссеей – духовное сладкозвучие песнопений Октоиха. Ещё звучит в храмах Октоих, а у христианина Пушкина в его божественной поэзии уже живут, страдают и веселятся воскресшие боги Олимпа, оттеснив в сумрачную тень христианских святых. А где у него Сам Галилейский Учитель?..

Время разрушать, и время строить.

Разрушали храмы и устраивали в них клубы.

Закрывались клубы, и освящались в них храмы.

А вот евангельский богач догадался: **Вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие...** (Лк. 12:18). Перестройка. И уже сколько раз. Говорят, что перестройка есть двигатель прогресса, а революция – так и вовсе локомотив истории. Архитекторы перестройки ломают и строят. Что же – **теперь ваше время** (Лк. 22:53), а потом

времени уже не будет (Откр. 10:6), по клятве Ангела, стоящего на море и на земле.

Был и другой пример. Исаака Ньютона спросили: «Почему вы видели дальше других?» Учёный ответил: «Потому, что я стоял на плечах гигантов». В церкви действует принцип предания и преемственности. Первое правило нового церковного собора: Всё, что принято отцами предыдущих соборов, приемлем и утверждаем!

И всё-таки и в жизни народа Божия, в духовной жизни тоже есть **время разрушать, и время строить.**

Блж. Иероним: "**Время разрушать, и время строить.** Можем созидать доброе не иначе, как сначала разрушив злое. Поэтому Иеремии было дано слово от Бога так, чтобы он прежде искоренял, и разорял, и расточал, а потом созидал и насаждал (Иер. 1:10)» [64; 3, 3].

Нищий бедняк, сын священника, во времена, когда колебался трон сынов Давидовых, когда Иерусалим уже ощущал разоряющий ветер с севера, когда цари и даже пророки утратили благочестие, когда реки Вавилонские уже готовились встретить пленных сынов Сиона, услышал голос Ягве, Бога отцов Израилевых: **Смотри, Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать (Иер. 1:10)!**

Дети строят из кубиков домик и вскоре ломают его.

В Царстве Божием порядок иной – **губить и разрушать, чтобы созидать и насаждать.**

Св. Григорий Нисский прекрасно показывает порядок разрушения и созидания в духовной жизни: «**Время разрушати, и время созидати.** Сие дознать можно и в сказанном от лица Божия пророком Иеремией, которому дана от Бога сила сперва истребить, искоренить, расточить, а потом возобновить, создать и насадить (Иер. 1:10). Ибо прежде надобно ниспровергнуть в нас здания порока и потом уже приискать время и место к построению храма Божия, создаваемого в наших душах... Посему пусть будут прежде разрушены построения тьмы и тогда воздвигнуты светлые здания жизни» [40; Беседа 6].

Антиномия пятая и антиномия шестая

Мысль философа между слезами и смехом, между рыданиями и пляской, ведь, как связной, бегают человек между ними. И благодаря человеку они не разлучаются между собой, иначе – что сочетало бы их? Это как два игрока в мяч связаны друг с другом летающим между ними мячом. В мире атомов и молекул бывает такая форма взаимодействия, когда два объекта связаны между собой испускаемыми ими частицами, которыми они обмениваются, – так называемое динамическое равновесие.

Еккл. 3:4 Время плакать, и время смеяться; время сетовать и время плясать.

Слово תִּמְצָא (мефод) означает «сетование» и усиливается, как «рыдание». потому в иных переводах и говорится **время рыданий**. Повторное противоположение усиливает первое, как и св. Григорий Нисский отмечает, что «присовокупляемое Екклесиастом (шестая антиномия) есть как бы повторение прежде сказанного (пятой антиномии) ... А это не иное что есть, как усиление того и другого из упомянутых состояний». Плач, переходящий в рыдание, и смех, переходящий в танец и пляску.

Во время венчания жениху и невесте дают испить от общей чаши вина. В вине содержится сладость и горечь, как в жизни горе и радость. Разделённое горе – пол горя, совместная радость – двойная радость. Таково свойство брачного супружества.

Так жизнь устроена – плач и смех, рыдание и пляска. Тому и другому своё время. Правда, бывает, когда люди перепутывают эти времена, и тогда – противно, тогда «пир во время чумы», или пост на праздник. А ещё бывает, когда торопятся – ещё бы плакать, а уже смех, ещё бы радоваться, а уже слёзы. Ещё сорок дней жене не справил, а уже с другой живёт. И такое бывает. Потому и поговорка: не скажи гоп, пока не перескочишь! Да и цыплят по осени считают.

Св. Дионисий Александрийский: **"Время плакати, и время смеятися. Время плакать, когда наступает время страдания, как говорит Господь: аминь, аминь глаголю вам, яко восплачетесь и возрыдаете вы (Ин. 16:20), смеяться же о воскресении, ибо печаль ваша, говорит Он, в радость будет [там же]. Время рыдати, и время ликовати.** Рыдать, когда кто подумает о смерти, которую принесло в мир преступление Адама, ликовать же, когда помыслим в уме своём о воскресении из мёртвых, которого ожидаем от нового Адама» [49; гл. 4, ст. 4].

Так и в литургической жизни церкви – время плача, время Великого поста сменяется временем веселия, торжеством Пасхи до Пятидесятницы. Страдания Христа и Его воскресение, покаяние христиан и ликование.

В толковании святых отцов св. Григория Нисского и блж. Иеронима явно проступает христианская аскетическая мысль – вся земная жизнь дана для плача и сетования о грехах; плач о потерянном рае, как изгнанный из Эдемского сада праотец Адам ежедневно и всю жизнь плакал у врат рая. Радость, смех и ликование жизни верующего в будущей жизни. С этим современники наших отцов-толкователей и уходили в египетские пустыни и другие отдалённые от людей места.

Св. Григорий Нисский: **"Время плакати, и время смеяться.** Уясняется слово сие евангельским изречением, произнесённым от лица Господа, в котором сказано: **блажени плачущи: яко тии утешатся (Мф. 5:4).** Посему ныне время плакать; а время смеяться предоставлено в уповании; потому что настоящая печаль соделается матерью ожидаемого веселья. Да и кто не в слезах и не в скорби будет проводить всю жизнь свою, если только придёт в чувство себя самого и узнает о себе, что он имел и что потерял, в каком состоянии естество его было первоначально и в каком оно в настоящее время» [40; Беседа 6]. Дальше св. Григорий в ярких красках изображает благолепие утраченного состояния и ужас нынешнего. Вся эта жизнь дана для оплакивания потерянного. «Мрачно смотрит воздержание; потупляет взор смирение; потерпеть ущерб – повод к слезам; предлог к плачу – не иметь равенства с обладающими. Но **смиряться вознесётся (Лк. 14:11)**, борющийся с нищетою увенчается, покрытый струпями и во всём показывающий жизнь свою достойною слёз упокоится на лоне патриарха...» [там же]. Отсюда пафос отшельнической аскетики и жажда мученической смерти. Плачевный мрак пещеры сменится радостью и веселием через смерть. В четвёртом веке любящие смерть победили любивших жить, христиане победили язычников.

Созвучно св. Григорию Нисскому размышляет блж. Иероним: **"Время плакать, и время смеяться.** Теперь время плакать, а в будущем – смеяться; ибо **блаженны плачущие, потому что они воссмеются (Лк. 6:21).** **Время сетовать, и время плясать.** Поэтому в Евангелии упрекаются те, коим Господь говорит: **пискахом [= играли на свирели] и не плясасте: рыдахом [= пели плачевные песни] вам и не плакасте (Лк. 7:32).** Нужно плакать теперь, чтобы после иметь возможность плясать в том ликовании, в каком Давид плясал перед Ковчегом Завета» [64; 3, 4]. Разумение святых отцов находит свою особую опору в словах Нагорной проповеди Христа по евангелисту Луке: **Блаженны плачущие ныне, ибо**

воссмеётесь (Лк. 6:21).

И вновь вопрос: время смеяться, и время плясать – это только о будущей жизни? К земной жизни христианина это не имеет отношения? Такая позиция, верная по святым отцам, по отшельникам и мученикам, не есть однако полнота веры Христовой. Это одна её сторона, а есть и другая.

Первое чудо Христа – в Кане Галилейской вода обратилась в вино, сетование в радость и свадебный танец,

Христос преобразился во славе на Фаворе ещё до смерти и воскресения и явил славу свою ученикам своим «якоже можаху»³⁴, насколько могли вместить ещё здесь, во временной своей жизни на земле.

Земная жизнь апостола Павла, которого облистал свет явившегося ему по дороге в Дамаск Христа, стала вся торжественным гимном. Уже в этой жизни св. Павел призывает: **Радуйтесь всего в Господе; и ещё говорю: радуйтесь** (Гал. 4:4)!

Прп. Серафим Саровский, в белом подряснике, во всякое время приветствовал приходящих к нему: **Радость моя, Христос Воскресе!**

Время плакать и время смеяться.

В древнем патерике есть описание того, как два подвижника одинаково погрешили. Отцы дали им покаяние на год. Через год они пришли. Один истощённый, скорбный, другой – бодрый, весёлый. Спрашивают того и другого – как время прошло? Первый отвечает – я думал о тяжести греха моего, плакал и сокрушался. Второй – я также думал о великой тяжести моего греха и благодарил Бога, простившего мне этот грех, за столь великую милость Его. Отцы нашли покаяние обоих равным пред Богом.

Радость, святой смех – состояние будущего века, но даётся оно духовно ожившему во Христе уже ныне. **Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом** (Откр. 20:6). Первое воскресение, воскресение души – это уже сейчас. Это рождение свыше. Эту радость имеет тот, кому Небесный Отец говорит: **этот сын мой был мёртв и ожил, пропал и нашёлся. И начали веселиться** (Лк. 15:24).

Царь Давид плясал перед ковчегом. У христиан Аравии и Эфиопии имеют место священные танцы. Арабы скачут и играют при схождение благодатного огня в Иерусалиме.

В покаянном плаче есть светлая радость, как лучи солнца играют в каплях утренней росы.

В лучезарной радости христиан есть тень печали по Богу и плач души.

В этом свободное от горечи уныния и непотребства весёлости и смехотворства соломоново равновесие души:

**Вечером водворяется плач, а наутро радость (Пс. 29:6).
Время плакать, и время смеяться!**

Антиномия седьмая

С одной стороны камни собраны и сложены в стройное здание, с другой стороны беспорядочно разбросанные повсюду камни.

Посох философа движется из стороны в сторону.

Еккл. 3:5 Время разбрасывать камни, и время собирать камни.

К концу бурного двадцатого века, едва ли где оставившего камень на камне, всё чаще у писателей, поэтов, публицистов и много у кого ещё стали звучать слова: **время собирать камни!**³⁵ Набросались, разбросались – пришло время собирать. А ведь когда разбрасывали, то разбрасывали навсегда. А всё здесь на земле всего лишь на время (χρόνος), причём на определённое (καίρoς).

Разбрасываемся временем впустую, потом собираем минуты.

Разбрасываемся друзьями и близкими, потом ищем их снова.

Разбрасываем свои силы и дарования, потом собираем их бережно вновь.

Разбрасываем достояния культуры, нации и самой веры, потом по пустоши и развалинам собираем обломки.

Разбросали камни храмов, потом собираем камни, чтобы строить храм. В 1934 г. каждый житель г. Томска должен был взять хотя бы кирпич от взорванного кафедрального собора. Пришли времена – и народ ищет, где бы взять кирпичи на восстановление храмов.

Разбросали церковные ценности под видом помощи голодающим Поволжья, разбросали иконы, теперь создаём вновь.

Разбросали достояние языка, теперь с трудом подыскиваем слова, чтобы выражаться по-русски.

Разбросали свои силы души, щедро отмеренные нам в детстве, теперь ищем их по крупицам, восстанавливаем в себе Божий образ.

Своеобразны и поучительны наставления святых отцов **о времени разбрасывать камни и времени собирать их.**

Блж. Иероним приводит целый ряд различных значений.

"Время разбрасывать камни, и время собирать камни... здесь речь идёт о разрушении и постройке домов Соломона, что люди разрушают, то строят; одни собирают камни для постройки зданий, а другие разрушают построенное» [64; 3, 5]. Не совсем ясно, идёт ли речь о перестройках самого Соломона или о времени Соломона и времени Навуходоносора, времени Зоровавеля и времени Веспасиана и Тита. Храм то строился, то разрушался. Так или иначе, но это мнение некоего

«человека учёного» блж. Иерониму почему-то кажется «вещью смешной», хотя и первое имело место, а второе – дело промысла Божия, которое в другом месте тот же блж. Иероним упоминает.

Что касается толкования самого блж. Иеронима, то оно библейско-евангельское. «**Может Бог от камня сего воздвигнуть чада Аврааму (Мф. 3:9), – ...было время рассеяния народа языческого и время нового собрания его в церковь**» [там же]. В своё время Бог разбросал народы, отступившие от Него. Семьдесят два языка после вавилонского столпотворения. Пришло время, и народы вновь собираются в единую церковь, в единый народ Божий.

В Септуагинте еврейское слово לְשַׁלֵּחַ (ле га-шелих), означающее «разбрасывать», переведено βαλεῖν, что значит «бросать». Так по Септуагинте Соломоновы слова звучат: **время бросать камни, и время собирать камни**. Греческие учителя и отцы толкуют часто именно этот словооборот. Всё-таки «бросать» и «разбрасывать» не совсем одно и то же. Блж. Иероним приводит мнение, применительное к тексту LXX: «**Время бросать камни, и время собирать...** В словах этих заключается тот смысл что суровость закона ветхого³⁶ смягчена благодатию Евангелия: ибо строгий, немилосердный и беспощадный закон убивает грешника, а благодать Евангелия милует его... камни бросаются в Законе, а собираются в Евангелии». Камни, брошенные Законом в грешника, перехвачены и собраны Евангелием – время благодати! Увы, исторически и христиане нередко превращали свою веру в катапульту, мечущую камни. Евангелие – время собирать камни, время исцелять ураненое. Блж. Иероним приводит это мнение, но добавляет от себя: «Так это или нет, пусть за то отвечает автор».

Св. Григорий Нисский толкует Соломона в переводе LXX, то есть в смысле: **время бросать камни**. В русском переводе творения святого отца библейский текст даётся по-славянски: **время разметати камение**, и читателю толкование кажется некоей натяжкой по отношению к толкуемому тексту. Смысл восстанавливается только по тексту LXX. Св. Григорий в основу толкования полагает требование моисеева закона побивать камнями преступников, в частности, собирающих дрова или сухие сучья для разведения огня в субботу. Св. Григорий толкует в отношении духовной жизни. Сухие сучья – это, по *св. Григорию*, «сухие сучья порока», а камни – это слова Св. Писания или благие помыслы. «Без сомнения же надлежит разуметь, что убийственные для порока помыслы суть те метко бросаемые из пращи Екклесиастовой камни, которые всегда надобно и бросать, и собирать. Бросать к низложению того, что высится

против нашей жизни; а собирать, чтобы лоно души всегда было полно таких заготовлений, и иметь нам под руками, что бросить во врага, если когда против нас иначе измыслить кознь» [40; Беседа 7]. Пример, по св. Григорию: «Ибо кто камнем целомудрия мечет в невоздержный помысл, в удовольствиях собирающий дрова в пищу огню, тот и помысл поборает сим метанием, и оружие всегда носит в руке. Так и правда делается камнем для неправды, и её убивает, и хранится в лоне поразившего» [там же].

Своеобразное применение соломоновым словам находит св. Григорий Двоеслов, папа Римский († 604 г.). Пётр диакон спрашивает святого папу: «Как ты думаешь, почему число добродетельных постоянно умалается? Почему таких, которые должны были бы жить для назидания многих других, или вовсе нельзя найти, или они всё более и более становятся редки?» Видимо, во всякий век тревожит людей этот вопрос. Святой папа Григорий отвечает: «Порочность людей требует, чтобы из среды их были изъяты люди благочестивые,.. вот что Соломон говорит: **время разметати камение, и время собирати камение** (Еккл. 3:5). Посему, чем более приближается конец мира, тем необходимее, чтобы были собраны живые камни для небесного здания, доколе здание нашего Иерусалима не достигнет своей меры» [39; кн. 3, гл. 37 «О Санктуле»]. Так размышляли отцы на исходе VI века. Камни – праведники, земля их **размечает**, а небо **собирает**. Это камни для небесного Града.

Антиномия восьмая

Раскинув руки, бегут двое во взаимное объятие, опустив их – от объятий уклоняются.

И начертал Премудрый:

Еккл. 3:5 Время обнимать, и время уклоняться от объятий.

Братья Иосифа прибыли в Египет за хлебом. Некогда ими в Египет проданный, а теперь могущественный владыка, Иосиф тронут встречей. Но **время уклоняться от объятий** – Иосиф плачет наедине, а с братьями строг, даже жёсток. А потом настало блаженно **время обнимать** – братья в объятиях Иосифа. Такова изменчивая жизнь и её причуды. А ещё у Иосифа было **время уклоняться от** прелюбодейных **объятий** жены Потифара, своего господина, и настало **время обнимать** Асенефу, дочь Потифара, жреца Илиопольского, данную фараоном ему в жёны.

Когда человек перепутывает эти времена, то много собирает беды себе на голову. Для отца пришло **время обнимать** вернувшегося домой с покаянием блудного сына, а старший сын решил, что **время уклоняться от объятий**, – он был не прав. Девчонки прежде времени бегут обниматься с мальчишками, а законные супруги уклоняются от объятий, разводясь и разрушая семью. Всё перепутали. Всему есть время, и всему есть время своё.

Св. Василий Великий, толкуя Притчи Соломоновы, иное, сказанное о внешнем человеке, прилагает к внутреннему.

Соломон говорит, согласно переводу Семидесяти, о премудрости: **Почти ю, да тя обьимет** (Притч. 4:8).

По этому поводу св. Василий Великий пишет: «И ещё Екклесиаст говорит: **время обнимати и время удалятися от обнимания**. Тела нечистыми объятиями оскверняются, а душа объятием премудрости вся и всецело с нею соединившись, исполняется святыни и чистоты» [35; Беседа 12, На начало книги Притчей 1, 1–5]. Блудные объятия, которыми мы, по слову апостола, **отнимаем члены у Христа**, ведь **тела наши суть члены Христовы**, и делаем их членами блудницы (1Кор. 6:15), св. Василий Великий противопоставляет объятиям Премудрости. Кто читит Премудрость Божию, тот скоро оказывается в объятиях премудрости, которые освящают и очищают душу. Важно и то, что не почитатель Премудрости обьмет её, ибо объять Божественную Премудрость невозможно изнемогающему уму человеческому, но, наоборот, Она **тя обьмет**. Ум и сердце чтущего Бога в объятиях Его Премудрости! Это

мудрость, нисходящая свыше (Иак. 3:15). Философы так часто пытались объять мудрость Божию, но Она уклонялась от их объятий, и они оставались с измышлениями своего разума. Пастухи и рыбаки, в простоте чтившие Бога, внезапно оказывались в объятиях Премудрости. Бог пастухов Авраама, Исаака и Иакова, Учитель галилейских рыбаков – вот высоты, которые не одолел философский ум Месопотамии и Египта, Эллады и Рима. И сама Премудрость Божия знает **время обнимать, и время уклоняться об объятий.**

Св. Григорий Нисский находит библейские тексты, созвучные соломоновым словам, и делает благочестивое нравоучение.

"Время обымати... А сие великий Давид даёт видеть в псалмах, где взывает, говоря: **обыдите Сион и обымите его (Пс. 47:13)**... Сион есть гора, возвышающаяся над Иерусалимской крепостью. Поэтому советующий тебе объять его повелевает быть приверженным к высокой жизни, чтобы достигнуть самой твердыни добродетелей, которую Давид загадочно означил именем Сиона» [40; Беседа 7].

И далее св. Григорий: **"Время удалятися от объимания.** Кто освоился с добродетелью, тот чуждается сношения с пороком. Ибо **кое общение свету ко тме, или Христови с велиаром?..** Если с любовью взираешь на чистоту, то явно, что возгнушался ты зловонием грязи. Если привязан к доброму, то непременно стал далёк от привязанности к худому» [там же].

Таково **время обнимать** и таково **время уклоняться от объятий.**

Блж. Иероним даёт обзор разных примеров применения соломоновых слов.

В супружеской жизни по совету апостола Павла и по традиции церковной бывает время воздержания и поста и время общения. **«Время обнимать, и время удаляться от объятий.** Сообразно с толкованием буквальным смысл ясен, когда и апостол согласно с этим говорит: **не лишайте себе друг друга, точию по согласию, до времени, да пребываете в молитве (1Кор. 7:5),** – что нужно и заботиться о детях, и воздерживаться» [64; 3, 5].

Приводит блж. Иероним и духовно-аскетическое суждение, нередко встречающееся у отцов, что было время плодиться и размножаться и наполнять землю, а с пришествием Христовым эта заповедь Божья уже не обязательна. Думать надо о другом. **«Было время обнимать,** когда имело силу определение **раститесь и множитесь и наполните землю (Быт. 1:28),** и что **время удаляться от объятий,** когда затем последовало иное определение: **время уже коротко, так что имеющие жён должны быть,**

как не имеющие (1Кор. 7:29)» [там же]. Христос принёс новое учение о стяжании Царства Небесного через безбрачие, явил новую добродетель девства. Девство и безбрачие необязательны для христиан, но являются сердцевиной христианства. По-прежнему род сменяется родом через чадородие, но на землю заронено новое начало – Христос Перводевственник, Мария Приснодева, монашество.

Далее *блж. Иероним* также обращается к словам Соломона в Притчах о Премудрости: **почти её, да тебя обьимет (Притч. 4:8)**. Это состояние духовного созерцания, но оно не может быть для человека непрерывным – приходится возвращаться к потребностям тела. «Посему время **обнимать мудрость** и крепко держать её, **и время** давать послабление уму от созерцания и объятий мудрости, чтобы служить попечению о теле и о том, в чём без греха нуждается жизнь наша» [там же].

Антиномия девятая и антиномия десятая

Еккл. 3:6 Время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать.

Опять второе изречение следует за первым и усиливает его. **Время искать**, чего не имеешь или что потерял; и **время сберегать** тщательно и бережно, что нашёл и что имеешь. Другое же **время терять**, что имеешь, и более того – **бросать** как ненужное или даже непотребное; **терять** не замечая и **бросать** не жалея.

Пыльные дороги казались страннику-философу бесконечными. Он искал. Было **время сберегать** – он стал богатым царём Востока. Пришло время бросать – он остался с одним посохом. **Время искать** – так долго оно тянулось, когда же он найдёт свою жемчужину? Свой заветный итрон? Чем больше искал смысла и цели, остающейся пользы под солнцем и под всем небом, тем больше убеждался – **время терять**, вся жизнь – время терять. И когда подойдёшь к своей последней черте, что будешь считать – находки или потери?..

Искать – терять, сберегать – бросать.

Колеблется маятник жизни.

Время искать и время терять.

При всякой находке мы что-то теряем; теряя, мы что-то находим. Принимая христианство, язычники нашли Бога и потеряли... многое из достояния античной культуры. Возрождая и даже рождая науки и искусства во времена Ренессанса, теряется благочестие и воплощение многих идеалов Царства Небесного. Найдя Василий Великого и Григория Богослова, потеряли Платона и Аристотеля; найдя Леонардо, потеряли Франциска; найдя Иванова и Васнецова, потеряли Дионисия и Рублёва. В церковной истории: сложилась могучая пентархия пяти апостольских кафедр – потеряли простоту раннехристианских общин. Обрели благолепие храмовой службы и уставной молитвы – утратили простоту и харизматичность апостольских молитв и служений. Да и в жизни так по соломоновой мудрости – с друзьями, с работой, с местом жительства, практически со всем. Не бывает чистого приобретения или чистой утраты. Теряя – находим, находя – теряем.

Афонский старец XX века Силуан всю жизнь искал Бога. Душа скучала и томилась о Нём. Скучал и искал, потому что потерял. Потерял, потому что имел. В юности он познал Господа, а потом искал Удалившегося. Кто не терял, тот не ищет. Прп. Серафим Саровский тысячу

дней и тысячу ночей искал коленопреклонённо на камне благодать, которую потерял. Так духовная жизнь устроена – в ней тоже время искать и сберегать найденное; время терять и бросать, чтобы снова искать.

Время хранить, и время отрести (ἐκβαλεῖν).

Св. Дионисий Александрийский относит эти слова к пользованию Св. Писанием. Он говорит: «Время охранять Писание в присутствии недостойных и предлагать его достойным» [49; 3, 6]. Оглашенные, изыдите, не всё должно касаться ушей людей внешних, чтобы не исказили Писание и не повредили душе. Удерживаемое от внешних предлагается верным. Учитель сказал ученикам: **Вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано** (Мф. 13:11).

Далее эти же слова Екклесиаста св. Дионисий относит к разным временам священной истории: «до явления (Христа) время было соблюдать писмена закона, а когда воссияла Истина, время было извергнуть их» [там же]. **Время сберегать закон и время бросать** его. Это не уразумела иудейская синагога по сей день. Находящиеся в тени закона не хотят выйти навстречу Солнцу правды.

Блж. Иероним, подобно св. Дионисию Александрийскому, тоже находит аналогии священной истории.

Пример первый: «Было **время и искать, и сберегать Израиля, и время бросать и терять** его» [64; 3, 6]. Первые времена были до пришествия Христова, когда Бог и нашёл, и сберёг Себе народ. Но когда иудейская синагога не приняла Христа, то пришло время и бросить, и потерять иудейский народ.

Пример второй, подобный первому, но относится к иудеям и язычникам: «**Время искать** народ из язычников, и **время терять** народ иудейский; **время сберегать** верующих из язычников, и **время отвергать** неверующих из Израиля» [там же].

Св. Григорий Нисский, как обычно, относит слова Соломона к духовной жизни; так же, как обычно, он находит, что не одно и то же надо то созидать, то разрушать, то искать, то терять, а одно надо всегда искать и сберегать, а другое надо всегда терять и бросать. По Соломону, одно и то же подвергается то одному, то другому: по св. Григорию, одно всегда подвергается одному, другое – всегда другому.

Св. Григорий: "**Время искать, и время погубляти...** Чего должно **искать**, показывает пророчество, говоря: **взыщите Господа, и утверждайтесь** (Пс. 104:4)... Когда **время искать** Господа? Отвечу кратко: целую жизнь... **Очи мои**, говорит пророк, **всегда ко Господу** (Пс. 24:15)... также уразумеем и **время погубляти**, признавая для себя

выгодою губить то, присутствие чего делается вредом имеющему. Худое стяжание – сребролюбие, поэтому **погубим** его; худой запас – злопамятство, поэтому **отбросим** его» [40; Беседа 7].

Дальше св. Григорий также обращает внимание на усугубление одной антиномии через последующую. «Екклесиаст говорит: **время хранить, и время отреяти**. Что же **хранить**? Очевидно, найденное нами вследствие искания. Что **отреяти**? Без сомнения, то, потеря чего признана полезною... Например, приступив с верою, обрёл ты чистоту в купели. Но больше труда – сохранить, что приял, нежели найти, чего не имел» [там же]. Вот и сам Христос говорит в Апокалипсисе ангелу Филадельфийской церкви: **Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего**" (Откр. 3:11).

Антиномия одиннадцатая

Взгляд философа упал на его изорвавшийся в странствованиях плащ. А ведь когда-то ходил он в царском пурпуре, шитом лучшими царскими портными. Ещё через многие века будут передаваться сказания о том, как **Соломон во всей славе своей одевался** (Мф. 6:29). Теперь на философе было одеяние худое, но он задумчиво смотрел уже не на него – его окружали **полевые лилии**, каждую из которых Создатель украсил так, как не умели украсить его царские портные.

В свитке мудреца уже следующие строки:

Еккл. 3:7 Время раздирать, и время сшивать.

Или проще:

Время рвать, и время шить³⁷.

Такова жизнь – **время** беспощадно и без сожаления **раздирать** и **рвать**, и **время сшивать** разодранное, **шить** с искусством и тщанием. У иудеев и у их священников было в обычае в случаях сильного волнения рвать на себе одежду, некогда тщательно сшитую.

Было **время раздирать** одежду. Иисус на суде первосвященника Каиафы. Долго искали лжесвидетельства против Него. Не получалось. Но вот Он Сам сказал, что Он есть Сын Человеческий, имеющий прийти на облаках небесных. Этого довольно! Торжествующий священник с удовольствием **разодрал одежды свои** (Мф. 26:65), разодрал, не пожалел: **вот,,. Богохульство Его!** Иисус осуждён синедрионом на смерть.

Было **время** и **сшивать** одежду. Иосиф Аримафейский принёс **чистую плащаницу** (Мф. 28:59) и обвил ею тело бездыханного снятого с креста Учителя.

И ещё. Было **время раздирать** одежды распятого на Голгофе Иисуса на четыре части. И тут же настало **время сшивать** – воины, увидев, что хитон был не сшитый из частей, а весь тканый сверху, единый, **сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нём жребий, чей будет** (Ин. 19:23–24).

И поныне показывают в Турине – плащаницу, в Трире – хитон.

Святые отцы разумеют Екклесиаста духовно, иносказательно.

Св. Григорий Нисский: "**Время раздирати, и время сшити**, а именно, чтобы мы, отторгшись от того, с чем на зло себе сроднились, приклеились к тому, единение с чем для нас благо... Например, **измите злого от вас самих** (1Кор. 5:13). Сие повелевает божественный апостол об осуждённом за незаконное смешение... Отторгнутого же за грех снова сшивает

апостол покаянием, говоря: **да не многою скорбию пожрен будет** (2Кор. 2:7). Так благовременно умел он и отодрать загрязнённую часть церковной ризы, и снова пришить благовременно, когда стала омыта от скверны покаянием» [40; Беседа 7]. Так св. Григорий применяет эти слова и к внутренней жизни души, и к церковной дисциплине. И далее св. Григорий размышляет, как епископ: «Отторгшись от ереси, во всякое время привязаны мы к благочестию, и тогда видя хитон церкви неразодранным, когда отторгся кто от обращения в ересь» [там же].

С некоторой изысканной грациозностью толкует *блж. Иероним* слова Екклесиаста **время раздирать и время сшивать**: «Происходит отделение от Закона, чтобы сшивались Евангелия, что исполнил каждый из евангелистов, сшивая из закона и пророков свидетельства о пришествии Господнем» [64; 3, 6–7].

Антиномия двенадцатая

А антиномии так и идут, порождая одна другую. Какой дар дан человеку больше слова? Ведь и у Бога **в начале было Слово** (Ин. 1:1). Святые отцы с дерзновением говорили – молчание.

Предвечно Отец родил Сына. В молчании родилось Слово. Служба Всенощного бдения начинается с каждения алтаря в полном молчании, и в этой полнотной тишине рождается первый возглас священника: Слава Святей и Единосущней и Нераздельней Троице... Кадилом начерчивается крест. Родилось Слово в Молчании Отца. Родилось слово молитвы в тишине храма.

Еккл. 3:7 Время молчать, и время говорить.

Земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною. И ещё продолжалось молчание, которое было до начала, до творения неба и земли. Только Дух Божий носился над водами. И тогда **сказал Бог** – и первый раз, и второй. И до шестого дня. **Ибо Он сказал – и сделалось** (Пс. 32:9). Было **время молчать**, когда Бог творил мир, и было **время говорить**.

Как в физическом вакууме из ничего рождаются частицы и целые миры, так из ничего и молчания, разорвавшегося Словом, явилась вселенная.

Знать **время молчания и время говорить** – главнейшая мудрость жизни, основное равновесие души. Есть время словесной молитвы, есть время молчать пред Богом. Есть многочасовое псалмопение, есть божественная исихия³⁸. Есть время, когда «молчанием предаётся Бог» [св. Григорий Богослов³⁹], и есть время учить словом во время и не во время [апостол Павел – 2Тим. 4:2].

О своевременности молчания и слова в жизни говорит св. Дионисий Александрийский: "**Время молчати, и время глаголати**. Время говорить, когда есть слушатели, принимающие слово; время молчать, когда слушающие извращают слово, как говорит Павел: **еретика человека по первом и втором наказании отрицайся** (Тит. 2:10)» [49; 3, 7].

После долгого молчания св. Григорий Богослов, так любивший эту добродетель, заговорил по случаю воссоединения монашествующих братьев: «Ревность разрешает язык мой, и я оставляю без исполнения закон человеческий для закона духовного: дарю миру слово, хотя прежде ни за то не соглашался приступить к слову... Притом, как есть **время всякой вещи**, малой и великой, по справедливому и весьма разумному изречению

Соломона (Еккл. 3:1), так и я не менее всякого другого знал время говорить и молчать. Посему **онемел и смирился** (Пс. 38:3), когда вблизи меня не стало ничего доброго, как будто облако набежало на сердце моё и сокрыло луч слова...» [37; Слово 6, О мире, говорённое в присутствии отца после предшествовавшего молчания]. Вокруг не стало ничего доброго, и св. Григорий онемел, но когда «отбежали от нас болезнь, печаль и вздыхание, когда мы, читатели Единого, стали едино», тогда «мы, читатели Слова, оставили бессловесие»...

В письме к Евлалию по поводу окончания своего обета молчания св. Григорий Богослов пишет: **"Время всякой вещи**, говорит Екклесиаст (Еккл. 3:1). Поэтому полагал я хранение устам моим, когда было время; и **се устам моим не возбраню** (Пс. 39:10), когда и сему настало время: **Молчах**, говорит Писание, **еда и всегда умолчу** (Ис. 42:14)? Молчал я сам для себя, а говорить буду другим; если же и они скажут, что надобно – всё благодарение Богу! А если нет, заградим уши» [38; Письмо 101. К Евлалию]. Молчание – добродетель для себя, слово – добродетель для других.

Четвёртый век. Отшлифовывается и выкристаллизовывается учение о Едином Боге во Святой Троице. Один из основных отцов, чьими трудами это совершалось, был св. Василий Великий. Св. Василий доказывает, что можно поклоняться «Отцу и Сыну в Духе Святом», а можно «Отцу и Сыну со Духом Святым». Второе изречение ставит Св. Духа в ряд со Отцом и Сыном, первое этого не делает. Противники св. Василий отвергали второе выражение и предлог «с» не допускали в отношении Св. Духа, а только предлог «в». Тем самым терялось равенство ипостасей во Св. Троице, да и ипостась ли вообще Св. Дух? Своё мнение противники св. Василий оправдывали тем, что в Писании, где говорится о Духе Святом, нигде не использован предлог «с».

Что касается сути вопроса об использовании предлогов «с» и «в», то св. Василий Великий раскрывает её так: «Речение «в» выражает более относящееся к нам, а речение «с» возвещает общение Духа с Богом. Посему употребляем оба слова, одним («с») выражая достоинство Духа, а другим («в») возвещая о благодати Его в нас. Таким образом, воздаём славу Богу и в Духе, и с Духом, ничего не говоря от себя, но из Господня учения» [34; О Св. Духе к св. Амфилохию, гл. 27]. Предлог «с» равнозначен предлогу «и». Славу воздаём Отцу и Сыну и Духу Святому, или: Отцу и Сыну со Св. Духом, Единому Богу в трёх ипостасях. Предлог «в» требует вопрос: в чём? В какой среде? В каком состоянии? Богу и Отцу и Сыну поклоняемся в Духе Святом, в состоянии погружения в

благодать Святого Духа.

Что же сказать на возражение, что предлог «с» отсутствует в Писании, а у Отцов церкви употребляется? Св. Василий отвечает: «Из догматов и проповедей, соблюденных в церкви, иные имеем в учении, изложенном в Писании, а другие, дошедшие до нас от апостольского предания, приняли мы в тайне» [там же]. И в догматах церкви **время молчать, и время говорить**. В IV веке шла острая и порой грубая брань по этим вопросам богословия. Православные иногда смолкали перед еретиками (арианами, духоборцами), Почему? «Это было **время молчать**, по слову премудрого Соломона (Еккл. 3:7). Ибо действительно, какая польза кричать на ветер» [там же]?

Блж. Иероним прилагает слова Екклесиаста к тому, что ученику прилично молчать и учиться и только лишь потом, став учителем, говорить и учить: «**Время молчать и говорить**. Думаю, что пифагорейцы, у которых дисциплина требует в продолжение пяти лет молчать, а потом уже получившим образование позволяет говорить, отсюда заимствовали правило своё⁴⁰. Научимся же и мы сначала не говорить, чтобы только впоследствии открывать уста свои для слова. Будем известное время молчать и внимать словам учителя... чтобы делаться из учеников учителями после долгого молчания» [64; 3, 7].

Св. Григорий Нисский приводит из Слова Божия разные случаи, **когда время молчать, и время говорить**.

"Всяко слово гнило да не исходит из уст ваших – вот закон молчания; а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим (Еф. 4:29) – вот время говорить.

Жёны в церквах да молчат (1Кор. 14:34). Апостол опять определяет время молчанию. Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают дома у мужей своих – опять указал благовременность слова.

Не лгите друг на друга (Кол. 3:9) – вот благовременность молчания. Говорите истину каждый ближнему своему (Еф. 4:25) – снова дозволение говорить» [40; Беседа 7]. Таким примеров можно привести много.

Дальше св. Григорий излагает глубокие размышления о слове и молчании, когда говорится о Боге. Св. Григорий утверждает, что невозможно человеку говорить о Боге, Он неизречен, говорить возможно только о делах и проявлениях Божиих. «Итак, если речь о Боге, то когда вопрос о сущности, **время молчать**, а когда о каком-либо благом действии, ведение о котором нисходит и до нас, тогда **время возглаголать** силы, возвестить чудеса, поведать дела и до сих пределов

пользоваться словом» [там же].

Антиномия тринадцатая и антиномия четырнадцатая

В яркой противоположности развернулась перед философом жизнь, в том числе и его собственная. Щемящая, клокочущая, вздымающаяся, как море во время бури, и как будто вовсе исчезающая, подобно глади и тишине морского штиля. Такова жизнь и такова правда жизни.

Еккл. 3:8 Время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру.

Ненависть, перерастающая в **войну**, и **любовь**, приводящая к миру. Война и мир – это не только название известного романа великого Толстого; война и мир – это название всей драмы человеческой истории. Все книги про войну или про любовь. Между этими двумя полюсами вся человеческая жизнь. Если **любовь – это совокупность совершенства** (Кол. 3:14), то смерть – это высшая мера наказания. Любовь и смерть – в этом всё, а остальное – как рама к картине. Да и сама **любовь крепка, как смерть; люта, как преисподняя, ревность; стрелы её – стрелы огненные** (Песн. 8:6). **Бог есть любовь** (1Ин. 4:8) и **Бог смерти не сотворил** (Прем. 1:13). Но где нет Бога – там смерть. Всё мироздание из двух областей – область мира и область войны⁴¹, и вся жизнь – **время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру**.

«Тот не научится любить,

Кто не умеет ненавидеть».

Это у Н.А. Некрасова. В этом мире всё по страстям и по личностям. Одно любишь, другое ненавидишь, а потом наоборот. Горьковская старуха Изергиль не возвращалась к тем, кого когда-то любила. Они были для неё мертвецы. Но в Царстве Божием всё не так. Тот не научится любить Бога, кто не умеет ненавидеть грех. И здесь, в духовной жизни, тоже всему своё время.

Люди всегда любили и всегда воевали. Танах и Коран дают основание браням Господним, священной войне. Иисус Христос произносит Нагорную проповедь и даёт совершенно новое учение. Учитель призывает любить врагов, ударившим по щеке подставлять другую и, одновременно, нет большей любви, как если кто жизнь свою отдаст за друзей своих. Христиане как никто призваны и даже обречены переживать эту антиномию любви и ненависти, войны и мира. Предупредительный, превентивный и даже наступательный удар крестоносцев; ратные подвиги за Бога, царя и Отечество; защита родных очагов – это с одной стороны, а христианский пацифизм – это с другой. Мечи перековываются на орала,

копья на серпы, христиане отказываются от оружия и воинского пояса – это с другой. Святые воины, как Георгий Победоносец и Александр Невский, и святые отказники от оружия, как св. Феоген Парийский или прав. Даниил Ачинский – явили, что **всему своё время**⁴².

Житие св. князя Александра Невского – прекрасный пример того, что **время войне, и время миру**. Когда на Русскую землю пришли крестоносцы с мечом в руках, чтобы насадить иное исповедание христианства и присоединить русичей к Римскому престолу, то св. Александр, тогда ещё юный князь, повторил слова Господа и Учителя: Кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет! Князь одержал две славные победы над шведами и над тевтонцами. То было **время войне**. Теперь было основание считать, что князь-победитель начнёт освобождение Русской земли от монголов. Многие русские города восстали против монгольского ига. Однако св. князь Александр не поддерживает их, он входит в союз с монголами и идёт в Золотую Орду к хану Батюю. В ставке хана Александру предложено поклониться идолу. Князь отказывается, хотя не так давно там мученически казнили св. Михаила Черниговского. На другой день князь предстаёт пред ханом и поклоняется ему до земли. Тот удивлён – почему вчера ты не поклонился монгольскому богу, а сегодня кланяешься мне? Князь отвечает: Твой бог не Бог, а истукан, я поклоняюсь единому Богу Отцу и Сыну и Св. Духу, ты же от Бога почтён царством, и тебе я воздал царскую честь. Христиан поражён. Заключён союз. Св. Александр покоряет ханской власти восставших русичей. Только так можно было спасти русский народ от тотального физического уничтожения. Избавление от ига придёт позднее, через века. Князь пожертвовал своей рыцарской славой ради спасения вверенного ему народа. **Время войне, и время миру**. Душе и вере народа татарское иго не вредило.

В Константинополе произошла распря в народе о некоторых несогласных между собой епископах. По этому поводу св. *Григорий Богослов* произнёс увещательное слово: «Но похваляю и слово Соломона, который узаконяет **время** как для **всякой вещи**, так для **брани и мира** (Еккл. 3:1, 8). Присовокуплю только следующее. Хотя должно наблюдать время брани и мира, а иногда, по закону и слову Соломонову, хорошо вести брань, однако же лучше, доколе только можно преклоняться на мир, потому что сие и выше, и богоугоднее» [37; Слово 23, О мире, говорённое в Константинополе...]. Апостол об этом говорит: **Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми** (Рим. 12:18). И от брани бывает польза, и ей есть место, но лучше – мир.

Св. Григорий Нисский формулирует критерий для определения, когда **время любить**, а когда **ненавидеть** – это «полезность». Что служит к пользе, тому и время, то и делать следует. Исходя из этого св. Григорий рассуждает над утверждением, что юности «время любить то, что любезно юности». Св. Григорий говорит, что это не совсем так. Юность, «кипя страстями своего возраста», может любить то, что нечисто и бесполезно, а потому «не есть и любовь». В любом возрасте, и в юности в том числе, любить следует то, что полезно для души. «Не всякая любовь благовременна», и наоборот, «возлюбивший прекрасное сам будет прекрасен». Ненависть, по св. Григорию, должна быть обращена только на всё греховное. «Сила, отталкивающая неприятное, которой имя есть ненависть, служит орудием добродетели, когда вооружается на противное». К таковому св. Григорий относит сластолюбие, непотребство, кичливость, зломыслие и прочее.

Из образа военных действий – соглядатаи, укрепление стен, подготовка орудий, предатели, засада, пращники, стрелки и копьеносцы, полчища – св. Григорий берёт примеры для раскрытия духовной брани в человеке, которой всегда время. А с кем иметь мир? – с «небесным воинством» и с «дружиной ангелов», с «Господом вселенной», Который есть и «Господь сил». Наши союзники – добродетели, с которыми надлежит быть в приязни» [40; Беседа 6].

Блж. Иероним, в отличие от св. Григория Нисского, говорит не о греховном, в отношении которого всегда время ненависти и войне, и благом, в отношении которого всегда время любви и миру, а о том, в отношении чего время то любить, то ненавидеть, то вести брань, то заключать мир. Примеры блж. Иероним берёт из области житейской, исторической, духовной и даже эсхатологической.

Пример житейский.

"Время любить после Бога детей, жену, родственников, и **время ненавидеть** их в подвиге мученичества» [64; 3, 8]. В последнем имеются в виду случаи, когда враждебное отношение к вере родственников может расслаблять страдающих за веру.

Пример исторический.

"Время любить Закон и то, что было предписано Законом, – обрезание, жертвы, субботу, новомесечия, и **время ненавидеть** это, когда наступила благодать Евангелия» [там же]. Последнее опять означает не безоговорочную ненависть, как к чему-то худому, а решительный отказ в пользу жизни по евангельской благодати.

Пример духовный.

«Пока мы в настоящем веке, **время брани**, а когда переселимся из сего века, настанет **время мира**" [та же].

Пример эсхатологический.

«Как ныне видим **зерцалом в гадании** (1Кор. 13:12): то **время любить** настоящее, а в будущем наступит время, когда, видя лицом к лицу и преуспевая на лучшее, мы станем **ненавидеть** и презирать то, что любили» [там же]. Духовное ведение наше несовершенно, но мы его любим и любим его святых носителей. В будущем веке нам это несовершенно, вплоть до пророчеств, уже не будет нравиться, потому что Бог даст несравненно более совершенное ведение тайн Его Царствия.

И так можно было бы противопоставлять друг другу ещё многое, и всему найти время. Но достаточно! Вся жизнь уравнивается по принципу благовременности. Философ-странник обрёл устойчивость в зыбкости и суетности этой жизни.

Цельное толкование сомоновых противопоставлений (антиномий) даёт *Раши*, прилагая их к истории Израиля:

"Пора рождаться по истечении девяти месяцев

и пора умирать. Он установил число лет для каждого поколения.

Пора насаждать народ и царство

и пора корчевать – придёт пора с корнем быть вырванным.

Пора убивать целую нацию, когда наступит день взыскания с неё за преступления, как сказано: **остаток твой Он убьёт** (Ис. 14:30),

и пора исцелять, восстанавливать разрушенное, подобно сказанному о Мицраиме [Египте]: **И возвратятся они к Господу, и Он примет мольбу их и исцелит их** (Ис. 19:22).

Пора проламывать стену города, когда вынесено предопределение, как сказано: **и стена Йерушалаима проломлена** (Неем. 1:3).

и пора строить, как сказано: **и Я построю его, как во дни давние** (Ам. 9:11).

Пора плакать девятого ава⁴³

и пора смеяться в грядущем, как сказано: тогда наполнятся смехом наши уста (Пс. 126:2).

Пора скорбеть в дни траура

и пора танцевать с женихами и невестами.

Пора разбрасывать (или: **бросать**)⁴⁴ **камни**. Юноши Исраэля разбросаны были при разрушении храма – **низверглись камни священные** (Плч. 4:1).

И пора собирать их, изгнанников, из Вавеля. **И избавит их Господь, Бог их, в тот день, как овец, Свой народ. Словно камни венца**

воссияют на Его земле (Зах. 9:16).

Пора обнимать – как прилегает пояс к чреслам мужа, так Я приблизил Себе весь дом Исраэля (Иер. 13:11),

и пора удаляться от объятий – и удалит Господь человека и велико запустение по этой земле (Ис. 6:12).

Пора искать, подобно сказанному: **и потерянную разыщу** (Иез. 34:16), что касается рассеянных по миру сынов Исраэля,

и пора терять. И пора им теряться в изгнании, как сказано: **и потеряетесь меж народов** (Лев. 26:38)..

Пора беречь (хранить) – Да благословит тебя Господь и хранит тебя (Числ. 6:24), когда вы исполняете волю Его,

и пора бросать – и бросил Он их на землю иную (Втор. 29:27).

Пора разрывать царство дома Давидова – и оторвал Я царство от дома Давида (1Цар. 14:8)

и пора сшивать (соединять) – и станут они едиными в твоей руке... и не будет разделены более на два царства (Иез. 37:17–22).

Пора молчать. Иногда человек за молчание получает награду, как сказано: **и безмолвствовал Аарон** (Лев. 10:3). За это он удостоился обращения к нему одному, как сказано: **И говорил Господь Аарону так: Вина и пьянящего не пей** (Лев. 10:8–9)

и пора говорить: Тогда воспел Моше (Исх. 15:1); и воспела Девора (Суд. 5:1); берите с собою речи (Ос. 14:3).

Пора любить – и Он любить будет тебя и благословит тебя и умножит тебя (Втор. 7:13),

и пора ненавидеть, как сказано: **Всё зло их в Гилгале, ибо там возненавидел Я их** (Ос. 14:3).

Так краткими изречениями Писания Раши показывает весь путь, которым Ягве Бог ведёт народ свой Израиля. Слова Екклесиаста становятся своеобразным акростихом к священной истории народа Божия⁴⁵.

Блж. Иероним в своём толковании также кратко воспроизводит толкование сомоновых слов иудеями в отношении истории Израиля. В основном у Иеронима написано то же самое, что у Раши. Иероним жил на шесть веков раньше иудейского экзегета. Ясно, что и тот, и другой передают давно и ранее их сложившееся понимание из иудейского предания.

Подводя итоги святоотеческим толкованиям-размышлениям над екклесиастовыми антиномиями, можно выделить четыре подхода к их пониманию.

Первый подход.

Соломонова антитеза в отношении времени разрешается в связи с наличием в мире добра и зла. Поэтому время то одному, то противоположному. Так толковали св. Дионисий Александрийский, св. Григорий Нисский.

Второй подход.

Переменчивость всего в жизни. Всякое качество переходит со временем в свою противоположность. Так понимал св. Григорий Чудотворец: «Нынешнее же время полно всяких противоположностей – рождения, потом смерти, насаждения растений, потом исторгания, исцелений и убийств, созидания и разрушения, плача и смеха, рыдания и ликования... Ибо дела человеческие то борются между собою, то примиряются, и отличаются таким непостоянством, что то, что казалось добрым, в скором времени изменяется в признаваемое всеми дурным» [44; 3]. В таком же смысле употребляли слова Екклесиаста блж. Иероним и многие другие отцы.

Третий подход.

Слова Екклесиаста осмысливаются философски. Красота этого мира в его соразмерности и благовременности, что и выражено антиномиями Соломона. Так понимал св. Григорий Нисский.

Четвёртый подход.

Слова Екклесиаста раскрываются на примере истории Израиля. Это понимание содержится в иудейском предании и выражено Раши, блж. Иеронимом.

Что пользы работающему?..

Философ нашёл равновесие в противоположностях и противоречиях этой жизни. Но значит ли это, что он нашёл смысл этой самой сотканной из противоречий жизни? Нашёл ли он наконец свой заветный «итрон»? В жизни всё уравновешено, но остаётся ли что-нибудь от неё человеку?

Равновесие противоположностей – это ещё не их смысл:

(Еккл. 3:9–10) Что пользы работающему от того, над чем он трудится? Видел я эту заботу, которую дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в том.

Вновь слышится знакомое стенание и сетование философа. Всё премудро уравновешено и упорядочено в жизни – только толку от этого нет никакого. **Пользы (итрон) работающему** нет от того, над чем он трудится. Всё тщетно. И, поднимая очи к небу, философ с горечью шепчет, едва ли уже на что надеясь: **видел я эту заботу, которую дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в том.** Дал же Бог людям заботу, чтобы трудиться, но ничего не иметь от этого!

Для чего? Для чего всё это? – где смысл?

В техногенном обществе США констатируют факт трудоголии как болезни. Болезнь, противоположная тунеядству. Трудоголиков лечат. От трудомании возвращают к личностному началу. Не человек для труда, а труд для человека. Трудоголия – яркая иллюстрация **заботы**, чтобы трудиться, но **упражняясь** в этом, какая **польза** работающему. Пользы, вечного итрон, нет, есть личность, превратившаяся в машину, в работа. Правда, надо заметить, что на фоне тунеядства и праздности трудоголия не самая большая проблема в жизни.

Фридрих Энгельс думал, что от труда польза есть – обезьяна превратилась в человека. И ещё некоторые так думают. А зря! Ещё Екклесиаст это понимал и говорил. Обезьяна и не работает вовсе, она просто живёт на лоне природы и питается от неё. Труд как возделывание природы начался в Эдемском саду. К труду был призван по образу Божию созданный человек. Уже полноценный человек, а не животное существо. Животным Бог эту заботу не дал, а только сынам человеческим.

Раши проблему Екклесиаста не чувствует. Слова философа он толкует так: «Что пользы творящему зло от всего, над чем он трудится. Также и его пора наступит, и всё пропадёт» [23; 3, 9]. Однако в книге Екклесиаста говорится не о «творящем зло», а вообще о **работающем**.

Св. Григорий Чудотворец находит причину бесполезности трудов в том, что, исходя из антиномичности жизни, то, что сегодня почитается добрым, завтра будет худо, а потому то доброе, что ты приобрёл потрудившись, завтра может обратиться в кучу худого. «Ибо дела человеческие то борются между собою, то примиряются и отличаются таким непостоянством, что то, что казалось добрым, в скором времени изменяется в признаваемое всеми дурным. Поэтому прекратим напрасные труды» [44; 3].

Святой Григорий Нисский, перечислив всякие житейские дела, чисто по-христиански рассуждает: «И тратящему жизнь свою на подобные занятия какое приносит преимущество забота об этом? Не вместе ли и жизнь прекращается, и всё покрывается забвением? Оставленный тем, чего вожделевал, уходит обнажённым, не взяв с собою ничего из здешнего...» [40; Беседа 8].

Так бесполезно бывает то, что делает человек.

Красота, вечность и непостижимость дел Божиих

Пронесётся тысяча лет на земле. Другой старец на острове Патмос Эгейского моря услышит голос, говорящий ему: **Я есмь Альфа и Омега, начало и конец...** (Откр. 1:8). А тогда взгляд нашего философа терялся, не видел ни начала, ни конца – линия жизни вновь и вновь замыкалась в круг, и смысла в этой круговерти жизни он уже найти не мог. **Что пользы работающему от того, над чем он трудится?** ...Однако безотрадным скептиком и агностиком царственный философ тоже не стал. Божественная Премудрость, Хокма Израиля и София Эллады, витала над ним, он слышал веяние её божественных крыл:

Еккл. 3:11 Всё соделал Он прекрасным в своё время, и вложил мир в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца.

Мощные слова Божественного откровения произносят уста Екклесиаста, слова не философа и мудреца, а слова пророка. В этих словах, центральных во всей книге Проповедника, причина неизбывной тоски и бесплодных исканий человека. Божественная премудрость открывает тайну, разгадывает загадку жизни – почему нет пользы, нет остатка, нет итрон здесь, под небом, почему всё под солнцем суета сует и томление духа, пар и погоня за ветром. В словах Екклесиаста ещё нет исцеления, он ещё не знает лекарства, но зато установлен диагноз, вскрыта причина болезни.

Три Божественные истины возвещает собранию Екклесиаст:

- Бог всё сотворил **прекрасным** в своё время;
- В сердце человека Бог вложил целую **вселенную**, вложил **вечность**;
- Дела Божии, столь привычные и понятные, когда происходят у нас на глазах, **непостижимы** ни в **начале** своём, ни в **конце**.

Соедини первые два дарования с последней возможностью и получишь суету сует и духа томление.

Дело Божие и всё, что Он сотворил, **прекрасно**. И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, **хорошо весьма** (Быт. 1:31)! Всё созданное Богом **пַּאֲרָא** (яфе), всё прекрасно. Красота – исходное, первичное состояние этого мира, да и неистребимое его качество. Рыцарские замки и королевские дворцы, величественные храмы и малые часовни прекрасны даже в своих руинах. Поэтому и чувствовал Ф.М. Достоевский, что «красота спасёт мир». Соломоновы слова требуют от человека филокалии (греч.), любви к красоте. Мир сотворён прекрасным, и ничто безобразное не может

удовлетворить человека. Безобразность, некрасивость человеческих устремлений превращает их в погоню за ветром, в томление духа. Семьдесят переводчиков переводят $\pi\epsilon\upsilon$ словом $\kappa\alpha\lambda\acute{\alpha}$, от $\kappa\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$, что значит «красота». Древние греки (эллины) прекрасно чувствовали сказанное Екклесиастом. Саму вселенную, весь окружающий их мир они называли $\kappa\acute{o}\sigma\mu\omicron\varsigma$, что значит украшение, наряд. Бог, сотворивший мир, в «лепоту облечется», то есть нарядился красотой, украсился Своим творением. То, то Бог создал **прекрасным**, то в греческом звучании слова $\kappa\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$ имеет смысловой оттенок нравственного совершенства, добра, блага. Наши матери, желая сказать детям, что они поступают нехорошо, часто говорят: «Как некрасиво ты поступаешь». Плохо – значит некрасиво. Не случайно греческое «филокалия» по-русски звучит уже «добротолюбие». Кстати, славянское «доброта» означает, собственно, «красота», а то, что мы по-русски называем добротой, по-славянски звучит «благо». Эти смысловые переливы блага, добра и красоты означают, что тому и другому один источник. Тот, Кто влагает доброту в сердце человека, Тот и мир создал совершенным и прекрасным

И вложил мир в сердце их.

Мир – это значит «вселенная», весь космос, всё мироздание. Вот и найди с таким содержимым в сердце покой и смысл под солнцем на бренной земле.

Другие (большинство) переводят: **Вечность вложил им в сердце.**

Временная, скоротекущая и мимоходящая жизнь ничего не может оставить сердцу, в которое вложена целая вечность!

Еврейское слово עֲלָם (олам) означает как «мир», «космос», «вселенную», так и «вечность». Семьдесят толковников переводят «олам» ёмким греческим словом $\alpha\iota\omega\nu\alpha$, или $\alpha\iota\omega\nu$. «Эон» по-гречески означает «век», «жизнь», «вечность». Имеются оттенки «постоянно» ($\delta\iota\ \alpha\iota\omega\nu\omicron\varsigma$), или «искони» ($\epsilon\grave{\xi}\ \alpha\iota\omega\nu\omicron\varsigma$). Другое значение слова $\alpha\iota\omega\nu$ – «мир», «космос», «свет». Можно вспомнить и то, что в греческой философии, в гностицизме, «эоны» означали некоторые сущностные божественные инстанции. Эон – это не просто бесконечная длительность времени (хроноса), это вечность, это некая Божественная сущность.

Олам, или эон, вложенный в сердце человека, и делает его образом Божиим. Человек содержит в себе всё мироздание, всю вселенную и всю вечность, более того, Сам $\text{עֲלָם} \text{ לֵא} \text{ (Эль Олам)}$ Бог Вечный отражён, отпечатлён в его сердце. И это чувствует каждый человек. Как содержащий в своём сердце целую вселенную, человек не может удовлетвориться однодневным счастьем или скоротекущими ценностями и

даже тем, что имеет своё повторение и своё продолжение в веках. Всё это для носителя «олам» суета и томление духа. Олам стремится к Эль Олам, вечность к Богу Вечному, а во всём остальном нет никакого «итрон», ничего остающегося и полезного. «Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе», – произнёс преемник Соломона, другой неистовый искатель смысла, счастья и пользы под солнцем – *блж. Августин* [27; кн. 1.1]. В мире под солнцем Августин, ищущий философ позднеримских времён, не нашёл ничего, на чём могло бы остановиться и успокоиться его сердце.

Люди всех времён и народов, всех религий стремятся к вечной жизни. Почему? Ведь вокруг только всепожирающий хронос, всюду идут часы, отсчитывая время. Часы песчаные и солнечные, механические и электронные говорят об одном и том же – течёт река времени, мы входим в неё и исчезаем в ней. А вечность? Опытные факты и рациональные суждения о ней имеются, но как-то все они не вполне достаточны. Поэтому немало людей махнуло рукой и сказало: вечности нет. Появился, пожил и исчез – на этом всё. Хронос всеяден, бесконечно длинное чудовище. Но этому отчаявшемуся мнению противостоит сердце, оно как бы не замечает недостаточности доказательств – оно просто знает о вечности. В сердце Создатель **вложил вечность**, и доказывать ничего не надо. Это исходный факт бытия. А вечность во времени, взятом в самом себе, смысла не находит. Олам не вмещается в поднебесную, он ищет выхода из неё. Этот выход искал и не находил Екклесиаст-Соломон. Дороги странствующего философа кружили, кружили под солнцем, не ведя к выходу. Философ находил только бранные и проходящие ценности этого мира, а сердце разрывалось оламом, вечностью, целой вселенной.

От Божественной Плиромы отделились эоны. Началось течение времени. Хронос поглощал эоны, но поглотить их не мог. Эоны искали себе пристанище в потоке времени, но найти не могли. Пришёл Спаситель и открыл путь возвращения эонам в исходное и искомое лоно Божественной Плиромы. Таково эллинское переложение Екклесиаста и Евангелия. К сожалению, на этом не останавливались гностики II века и переходили дальше к бесконечным еретическим хитросплетениям. Но не исключено и обратное – православный перевод библейских истин на язык эллинской философии. Занятие однако весьма небезопасное.

В сердце человека олам – вечность и вся вселенная, однако **человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца**. Вот причина бесплодности поисков Екклесиаста. Екклесиаст ищет начало и конец, причину и цель всему, что под солнцем. Ищет, но найти не может.

Не может потому, что они не под солнцем. Начало и конец всякой вещи вне этой вещи. Начало и конец **дел, которые Бог делает**, не среди этих дел, а в Боге. Знание и мудрость, женщины, вино и богатство, власть и славу искал и находил Соломон. В них и среди них он искал **пользу**, итрон, искал **начало** и искал **конец**, искал и не находил. Человек может постигнуть дела, но он **не может постигнуть их от начала до конца**. Вот в этом еkkлесиастова мука, в этом его **суета сует и томление духа**. Пытаясь постигнуть всё от начала до конца, философ с сачком бегаёт за ветром, пытаясь его поймать. А в сердце олам, вечность покоя не даёт. «Не садись на пенёк, не ешь пирожок», – не насытишься делами и вещами, нужны их начало и конец. Еkkлесиаст нашёл причину своей **многой печали**, своего **томления духа**. Только оттого, что знаешь причину, печаль не проходит и томление не умалется.

Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, истинный Еkkлесиаст и Проповедник (Откр. 1:8), говорит не любомудрый (философ), а Сама Премудрость. Но это прозвучит позднее. Намного позднее. А пока странник-философ чертит А (альфу), чертит Ω (омегу), но постичь их не может.

Вот один из аспектов непостижимости Альфы и Омеги дел Божиих. Физика изучает законы природы. Физики могут очень много рассказывать о **делах, которые Бог делает**. Но, как и Еkkлесиаст, они не удовлетворяются этим, они хотят постичь природу **от начала до конца**. Пожалуй, чаще обращаются к поиску начала. Безначальность и бесконечность материи во времени у материалистов. Теория большого взрыва. Пятнадцать миллиардов лет назад не было ничего, ни даже времени и пространства. Происходит большой взрыв, и рождается разбегающаяся из точки вселенная. Теория эволюции и учение о самопроизвольном зарождении жизни и разума и многое, многое другое. Одна теория сменяет другую. Почему? Ведь не меняется же закон Архимеда! Физик является естествоиспытателем, занимается наукой только тогда, когда постигает дела, которые Бог делает, то есть изучает природу. Но когда он пытается заглянуть в **начало и конец**, ему всё ещё кажется, что он физик, а это уже не так. **От начала до конца** дела Божии непостижимы. Там никакая космология не поможет. Для этого нужна не «логия», а Сам Логос, Тот, Кто и есть Альфа и Омега, ведь **всё Им и для Него создано** (Кол. 1:16). Поиски учёными начала и конца вселенной суть погоня за ветром. Этим занимался Соломон, спустя три тысячи лет этим занимаемся мы. И это не грех. Но это многая печаль и томление духа. Дойдя до непостижимости дел Божиих от начала до конца, разум

переходит к Непостижимому, к Тому, Кто один и есть Начало и Конец. А кто не доходит до этого, того страннический посох суть сачок для ловли ветра.

Очень хорошо понимал всё сказанное ещё в IV веке св. Афанасий Великий. Говоря арианам о непостижимости Св. Троицы, св. отец отмечает непостижимость даже и тварного мира от начала до конца. О вопрошающих по поводу первооснов бытия и о том, «как это бывает», св. Афанасий говорит: «Ибо даже и того, кто предлагает подобные вопросы о вещах сотворённых, нельзя признать имеющим здравый смысл. Или пусть они, рассуждающие обо всём свободно, осмелятся ответить, как составилось небо... или как составилось солнце и каждая из звёзд?.. Конечно, не объяснят они сего, когда и Соломон, паче всех причастившийся мудрости, усматривая, что человеку невозможно доискаться сего, сказал: ...не обрящет человек сотворения, еже сотворити Бог от начала и даже до конца» [32; К Серапиону, Посл. 1, пп. 17–18].

Так не лежит ли со стороны Писания запрет на научную космогонию? Запрета нет, есть ограничения. Учёный может изучать природу и задаваться вопросами о начале и конце её, идёт ли речь о космосе вообще или каких-то его объектах в частности. Но учёный должен всегда оставаться в рамках науки: логики, эксперимента и наблюдения. Учёные многократно грешили тем, что смешивали научное знание с собственными гипотезами и это выдавали за науку. И вслед за Соломоном не следует забывать, что, как не помнит человек своего рождения и не знает наперёд конца, так некоторая тайна всегда будет окутывать дела Создателя в стремлении постичь их от начала и до конца. За далью – даль, за вопросом и даже за ответом будет снова вопрос. Познание вещей от начала и до конца, хотим мы того или нет, уводит нас из науки даже не в философию, а в богословие и из Бого-словия⁴⁶ в благоговейное молчание пред Богом. До начала и после конца творения Слово Творца, а до Слова – Его молчание, исихия. И вновь Слово вернётся к произнёсшему Его Отцу, **тогда и Сам Сын покорится покорившему всё Ему, да будет Бог всё во всём (1Кор. 15:28).**

А теперь перейдём к толковникам еkkлесиастовой книги.

Бог всё соделал **прекрасным в своё время**. Раши читает: **прекрасным в пору его**, и толкует: «Пора благополучная хороша для воздаяния за доброе дело, а пора бедственная годна для воздаяния за дело дурное» [23; 3, 11]. С пониманием Раши вполне согласен перевод А.Э. Графова: **Всё, что Бог сотворил, прекрасно во время своё**, то есть не Бог в своё время всё сотворил прекрасным, а всё сотворённое Богом прекрасно

в своё время, повторяется мысль, что **всему своё время**.

Слова **также и мир вложил Он в их сердце...** Раши поясняет так: «Однако премудрость мира, вложенную Им в сердце людям, Он не сложил всецело в сердце каждому, но лишь понемногу, чтобы человек не постиг всё деяние Пресвятого, не осмыслил его... И потому слово ׀לז (олам), мир, написано здесь с опущенной буквой ׀ "вав"⁴⁷, и его можно читать как означающее утаение, сокрытие. Ведь если человек будет знать, что день его смерти близок, он не станет строить дом и насаждать виноградник» [там же]. Такой своеобразный оттенок мысли извлекает Раши, исходя из орфографии текста.

Св. Дионисий Александрийский: **"Всяческая, яже сотвори, добра суть во время своё"⁴⁸. Ибо всякий век дал есть в сердце их, яко да не обрящет человек сотворения, еже сотвори Бог от начала и даже до конца.** И это верно. Никто не может вполне постигнуть дел Божиих. А творение Божие есть мир. Его от начала до конца, то есть назначенное миру время и определённую ему продолжительность, открыть никто не может. Бог однажды на весь век (наш) дал неведение в сердца наши... Итак, для пользы нашей неизвестен нам конец века сего, то есть конец настоящей жизни» [49; 3, 11].

На этом обрывается фрагмент толкования на книгу Екклесиаста св. Дионисия Александрийского, дошедший до нас в сборнике Прокопия Газского.

Св. Григорий Чудотворец, исходя из слов Екклесиаста (Еккл. 3:11), производит суждение: «Но некий лукавый, уловляющий удобное время, раскрыл свою пасть на нынешний век, употребляя чрезвычайные усилия, чтобы разрушить создание Божие, решив от начала и до конца враждовать с ним» [44; 3]. Если Екклесиаст говорит о том, что сделал Бог, то св. Григорий говорит о том обратном, что делает лукавый. Он тоже подыскивает подходящее время, но не чтобы созидать, а чтобы разрушить созданное. И, как Бог делает Свои дела от начала до конца, так не отступает и лукавый, решив от начала и до конца враждовать с Богом и Его творением.

Св. Григорий Нисский продолжает мысль св. Григория Чудотворца. **Всяческая, яже сотвори Бог, добра во время своё.** «Но люди, чем были благодетельствованы, от того потерпели вред, каждою вещью воспользовавшись не как было должно, и не на пользу» [40; Беседа 8]. Несвоевременное и не по назначению использование дел Божиих вредит человеку. Что Бог сотворил ко благу, то человек обратил себе во вред.

Мысль св. Григория Нисского повторяется у *прп. Исидора Пелусиота*:

«Что не соблюдающий благовременности всякого дела не достигает искомого блага, видно это само собою: что **всяческая добра во время своё** (Еккл. 3:11), сему научил Екклесиаст... Ибо неблагоприятное всегда прискорбно, и благодеяние, оказанное не вовремя, теряет имя своё» [73; 260, Письмо Петру].

О том, что всё есть добро не всегда, а только в своё время, говорит на основании слов Екклесиаста и блж. Иероним: «Всё, что сделал Бог, есть добро, но добро во время своё. Бодрствовать или спать есть добро, однако не есть добро постоянно бодрствовать или постоянно спать, так как всё есть добро попеременно, сообразно с распределением Божиим, тогда, когда то или другое нужно» [64; 3, 11]. Далее блж. Иероним толкует слова Екклесиаста о мире (олам), вложенном в сердце человека, и непознаваемости дел Божиих от начала и до конца таким образом: «Бог дал и **мир** для обитания людям, чтобы они пользовались переменами времён, но не спрашивали о причинах вещей природы, как всё сотворено, почему **от начала** мира и **до конца** его Бог определил тому или другому расти, быть, изменяться» [там же].

Среднее житейское счастье без поисков высшего

Хотя и целая вселенная, целая вечность в сердце человека, но от начала и до конца дел Божиих не постичь. Альфа и Омега манят к себе, но сами при этом всегда исчезают. Их не уловить. Философ встал, крепче сжимая посох в руке. Встал, но идти некуда, всё равно не дойдёшь. Не дано это человеку. Что же, жить можно и проще. Лучше синица в руке, нежели журавль в небе. Итрон, то, что остаётся для вечности, причины и цели – всё это за пределами, но есть усреднённый принцип обывателя, мещанина, есть некое доступное среднее счастье.

Еккл. 3:12 Познал я, что нет для них (сынов человеческих) ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей.

Еккл. 3:13 И если какой человек ест и пьёт, и видит доброе во всяком труде своём, то это – дар Божий.

Искал **дар Божий** на небе, а он на земле. До неба не дотянуться, а от земли не оторваться. Так ходи по земле и наслаждайся земным. Не надо горя от ума, не нужно и горя уму. Есть среднее счастье. Тоска философов о цели и высшем благе неизбывна, потому **нет... ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей**. Умеренное наслаждение тем, что доступно, умеренная добродетель в жизни своей. Не ищи великое, радуйся малым. Это, наверное, Богом наказанные люди, которые вечно ищут что-то такое, особое, ищут и никогда не находят. Вот оно, благо – совсем рядом: ешь, пей, усматривай доброе в труде своём. **Это** и есть **дар Божий**. Так убеждал себя философ. На сегодня он был уверен, что действительно так и думает, он был даже уверен, что этого ему хватит на все дни его земной жизни. Он был готов бросить свой посох. Странствие закончилось. Приземлился. Человеку не дано летать. Непонятно только, почему у него глаза устремлены к небу, почему и облака, и солнце, и звёзды он видит. Но про это забудь. Всё равно не полетишь. Писатель В.П. Астафьев говорил: «Мы люди земные и писать должны о земном». Правда, он частенько изменял этим своим словам, оттого и мучился. А изменять не надо было, – думал философ, – и всё было бы хорошо, хороший соцреализм получился бы. Ну, вот и хорошо. Итак, программа: кушаем и пьём, довольны своей работой, веселимся и, конечно же, никогда не забываем делать добро в жизни своей. Мы не тунеядцы и не разбойники, мы далеки от депрессии, и меланхолия нам не сестра.

Так приземлились многие. Робкие молодёжные попытки летать давно забыты. Не взлетели, а вот толковые люди получились. И **это дар Божий**.

Кто-то по-прежнему рассуждает о звёздах. Но, слушай, мечтатель! – победоносно говорит обыватель, – слетай на Луну, на Марс, отщипни огниво от солнца и вези сюда на землю. Что у тебя в мешке? Грунт. Земля и камни. Сравни теперь с тем, что у тебя под ногами. Разница велика?.. Слетал? Привёз? Ну, вот и успокойся. Есть простое счастье – земной думает о земном, земной живёт земным.

У Екклесиаста как будто на душе легче стало.

Автор помнит, как когда-то в двадцать четыре года его тоже осенило: необязательно к чему-то стремиться, искать нечто особенное, живи просто. И молодой человек, к своему удивлению, с этим даже согласился.

И это дар Божий – просто жить, просто есть, пить и веселиться, делать добро и видеть добро в труде своём.

И Обломов пытался встать, но вновь улёгся на диване.

Философская мантия медленно соскальзывала с плеч философа. Посох странника вполне похож на обыкновенную палку.

Граф Толстой восхищался простыми русскими мужиками. Он очень старался быть похожим на них. У него плохо получалось.

Учителя и отцы, что думаете вы о выводе соломоновом, о простом земном счастье обывателя, этом даре Божиим? Об этом заменителе непостижимой Альфы и Омеги? О счастье вместо итрона?

Раши видит в соломоновых словах не высокий подвиг, а средний, крепкий, нравственный уровень верующего иудея. «Отныне **знаю**: поскольку сокрыта пора взыскания, нет лучшего у людей, чем довольным быть и делать доброе в глазах своего Творца, пока человек жив» [23; 3, 12–13]. О дальнейших словах **и видит доброе во всяком труде своём** *Раши* прямо утверждает: «**И видит благо** – это Тора и заповеди» [там же]. Всё это весьма соответствует апостольскому наставлению: **Великое приобретение – быть благочестивым и довольным (1Тим. 6:6)**. Именно таковыми были в прежней России наши благочестивые крестьяне. Такими праведниками стояло русское село.

Св. Григорий Чудотворец вторит Екклесиасту: «Итак, я убедился, что веселие и делание добра – величайшее благо для человека, и что, конечно, и это временное наслаждение приходит только от Бога, если делами управляет справедливость» [44; 3].

В этой временной земной жизни человек ищет веселие, ястие и питание. Но если за этим не следует больше ничего, то дальше – грех и горечь разочарования или пресыщения. Если же к земным благам прилагается добродетель, то – полный комфорт, тогда совсем хорошо.

Утомлённый поисками высшего, Екклесиаст не может не согласиться

с этим средним правилом, но сможет ли он по нему жить?..

Св. Григорий Нисский вкладывает в слова Екклесиаста зрелый христианский смысл: «**И всяк человек, иже яст и пьет, и видит благое во всём труде своём, сие деяние Божие есть.** Как человек плотский, говорит Екклесиаст, имеет крепость от того, что **ест и пьёт**, так, кто имеет в виду **благое** (а истинное благо есть тот, кто один благ), имеет **даяние Божие во всём труде своём**, именно то самое, что всегда имеет в виду благое при помощи Господа нашего Иисуса Христа» [40; Беседа 8].

На этом мы прощаемся с великим каппадокийским учителем св. Григорием Нисским. Точное истолкование его обрывается, и дальше мы пойдём за нашим странствующим философом уже без св. Григория.

Святой отче Григорие, моли Бога о нас!

Блж. Иероним даёт несколько толкований принципа среднего счастья Екклесиаста.

Первое значение: умеренность в земных благах, а что сверх того – то на благо людям. «Человек поставлен поселенцем и пришельцем мира для того, чтобы он пользовался кратким временем жизни своей... и смотрел на всё, что есть у него, как бы имеющий отправиться в другое место; чтобы в жизни своей он делал добра столько, сколько может, и не мучился напрасно заботами из-за собирания богатства... Только то одно есть **дар Божий**, если что-нибудь из имения своего он употребит на добрые дела» [64; 3, 12–12].

Второе значение – таинственное. «Так как тело Господа есть истинное брашно, и кровь Его есть истинное питье, то, по толкованию таинственному, в настоящем веке мы имеем только то единственное благо, если питаемся плотию Его и пием кровь Его не только в таинстве (Евхаристии), но и в чтении Писаний» [там же].

Божьи дела пребывают вовек

Ну, вот и успокоился Екклесиаст. Вместо философа-странника, ищущего высший смысл, некий заветный итрон, сидит никуда не спешащий и ничего не ищущий мещанин, человек, который ест и пьёт и видит доброе во всяком труде своём.

Ох, обманулись! Хватило его совсем ненадолго, и вновь – могучий прорыв. Прорыв туда, куда не надо заглядывать желающему спокойной жизни. Почти успокоившись, он видит тайны Божии и вновь прозревает неисповедимые судьбы Божии.

Еккл. 3:14 Познал я, что всё, что делает Бог, пребывает вовек; к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить, – и Бог делает так, чтобы благоговели пред лицом Его.

Еккл. 3:15 Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, и Бог воззовет прошедшее.

Ненадолго развлекли Екклесиаста еда с питием, недолго повеселился, да и делать доброе в жизни своей, не имеющей цели и смысла, как-то скучно. удовлетвориться всем этим – дар Божий, но не получил его наш философ. Безучастно скользит его взгляд по всему этому земному счастью, а мысль уже далеко-далеко.

Познал я, – говорит странник, – что всё, что делает Бог, пребывает вовек; к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить. Всё, что делает человек – уж очень ненадолго. Разрушается, устаревает, забывается. Все дела рук человеческих размываются рекой времени. И к тому, что делает человек, всегда можно что-то прибавить и вовсе нелишне что-нибудь убавить. Не так у Бога. Хронос бессилён. **Что делает Бог, пребывает вовек.** Бог вне времени. У Бога всё сегодня, всё непрерывное днесь. Дела Божии не ветшают и не обновляются. **К тому нечего прибавить,** ибо всё сделано, **и от того нечего убавить,** ибо нет избытка.

Постоянство и достаточность дел Божиих порождает мысль Екклесиаста. **Что было** в веках, **то и теперь есть, и что будет** после него, **то уже было.** О чём-то говорят: смотри – ушло в прошлое, но **Бог воззовет прошедшее,** и оно опять здесь. Наш философ вновь у непрерывно кругообращающегося колеса истории. Божественное днесь – наша историческая хроника. Дела Божии пребывают вовек, и никакого исторического движения нет.

И для чего всё это так?

Бог делает так, чтобы благоговели пред лицом Его!

Благоговейный трепет и священный страх недвижимо расширили взыскующие очи странника. Пред Пребывающим вовек замер философ, с этого начинается религия. Римский оратор I века до Р. Х. Цицерон слово «религия» производил от латинского глагола *relegere*, в переносном смысле означающего «благоговеть», относиться к чему-либо с особым вниманием и почтением [106; ч. 14–15]. Религия для Цицерона была благоговейным трепетом пред Божеством. Ещё за девятьсот лет до Цицерона этот благоговейный трепет испытало сердце Екклесиаста.

Странствующий философ приблизился к порогу великой тайны...

Там и замер.

Как трудно в бурные века революций, социальных перестроек и научно-технического прогресса осознавать екклесиастову истину: **Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было...** Кажется, столько нового! Неужели все наши новинки **Бог возвал из прошедшего?** Хочется спорить. Но, кажется, ещё никто не переспорил Екклесиаста.

А вот клонировать раньше не умели и не клонировали.

Точно, не клонировали, рождали обычным способом, но ещё в Эдемском саду Бог из ребра Адама создал Еву. И в космос не летали, но на огненной колеснице Илья-пророк был взят на небо.

Чтобы благоговели пред лицом Его. Слово יָרָא (шейиру), переведённое синодальными переводчиками как «благоговели», Раши, И. Дьяконов, А. Графов переводят как «боялись», то есть **Бог делает так, чтобы боялись Его.** Благоговение и страх Божий родственны, благоговение порождается страхом Божиим. Однако в значении **чтобы боялись Его** слова Екклесиаста приобретают несколько иной оттенок, на который и указывают толкователи книги.

Раши: **"Я знаю, что всё, что содеет Пресвятой в мироздании, тому быть вовеки, его нельзя изменить ни прибавлением, ни убавлением. Если же что-либо меняется, то это Бог повелел и содейл перемену, чтобы пред Ним страх испытывали"** [23; 3, 14–15]. Далее Раши приводит примеры вмешательств Божиих в однажды установленный миропорядок: потоп, обратное движение солнца при царе Езекии и так далее. Этим не менялись дела Божии, «Пресвятой не меняет Ему присущее в мире» [там же], но это было, «чтоб страх испытывали пред Ним». Человек стоит пред двумя фактами: он не может что-либо изменить в делах Божиих, он не может к ним что-нибудь прибавить или что-то от них убавить. Всё будет, как есть и было. Но Сам Бог может при этом всё, что хочет. Неизменность порядка дел Божиих и самопроизвольное вмешательство в них Устроителя этого порядка вызывает страх и благоговение пред Вседержителем. Человек –

песчинка в мироздании и ничто пред всемогущим Богом.

Изречение **Бог воззовёт прошедшее** Раши переводит, как **Бог взыщет за гонимого**. Слово נִרְדָּפָה (ниредап), передаваемое как «прошедшее», означает собственно «гонимый», «притеснённый» (das Verdrängte). В таком случае это изречение относится не к предыдущему, не к рассуждениям о том, что есть, что было и что будет, а к последующим размышлениям Екклесиаста о несправедности земного суда. Эта людская неправда уравнивается Божией правдой. Раши: "**И Бог взыщет за гонимого**, чтобы взыскать с преследователя. И тогда что пользы творящему зло, над чем бы он ни трудился, ведь в конце ему оплатится (по заслугам)» [там же].

Однако европейские переводчики переводят обычно: **Бог воззовёт** (или даже «извлечёт») **прошедшее**.

Вот переложение екклесиастовых слов св. Григорием Чудотворцем: «От вечных же и нетленных дел, которые Бог твёрдо определил, невозможно ни отнять чего-либо, ни прибавить. Посему для всякого, кто бы он ни был, они страшны и вместе с тем достойны удивления. И то, что уже было, пребывает, а то, что будет, уже по предведению было. А тот, кого несправедливо обижают, в Боге имеет помощника» [44; 3]. Св. Григорий говорит о «страхе» и «удивлении» человека пред вечными и нетленными делами Божиими. Страх и удивление вместе взятые и составляют благоговение. Св. Григорий привносит интересную мысль. Дело не в том, что все новые события уже были раньше в истории – они были в «предведении» Божиим. Последнее изречение св. Григорий даёт в соответствии с Септуагинтой, совпадающей с толкованием Раши. греческое διωκόμενον означает гонимого, имеющего помощника в Боге. Также и на церковнославянском: **И Бог взыщет гонимаго**.

Блж. Иероним находит в словах Екклесиаста указание на неизменный порядок всего в природе, однажды заложенный в неё Творцом: «Движение солнца и перемены луны и земли, увядание или развитие деревьев получили начало и определены с началом самого мира. И Бог всё устроил в известном порядке и определил стихиям мира служить для потребностей человеческих, для того, чтобы люди, видя это, уразумевали, что есть Промысл, и страшились от лица Божия, из равномерности движения, порядка и постоянства вещей уразумевая Творца» [64; 3, 14–15].

Блж. Иероним находит указание на нравственный смысл: «**И Бог сотворил, чтобы боялись от лица Его**: ... чтобы люди боялись изменять в другую сторону то, что Он однажды распределил» [там же]. Этими словами святого отца даётся нравственный подход к проблемам экологии

и биоэтики. Богом установленный порядок нельзя изменять, этого надо бояться. Не следует поворачивать русла сибирских рек, не следует клонировать людей и ещё много чего не следует делать. Это ведёт к катастрофам. Слова блж. Иеронима не означают запрет на научные исследования. Всё можно изучать, но не всё следует делать. В применении науки на практике необходимо следовать заповедям Божиим и духовно-нравственному смыслу.

Блж. Иероним следует в пятнадцатом стихе перевода: **и Бог взывает того, кто терпит преследование**. Указывая на греческий перевод, блж. Иероним разъясняет: «**Бог взывает гонимого**, то есть то, что прошло, что изгнано, что перестало существовать» [там же]. Итак, по Иерониму, «гонимое» и есть «прошедшее». Бог это ищет, находит и возвращает. Так смыкаются еврейский и греческий тексты с европейскими переводами. Далее блж. Иероним указывает и на возможность понимать слова Екклесиаста как утешение для терпящих гонения и притеснения в мире сем.

В «Учении двенадцати апостолов» (Дидахи) говорится о двух путях – пути жизни и пути смерти. Завершая описание пути жизни, говорится: «Не оставляй без исполнения заповедей Господних, но храни то, что ты принял, ничего не прибавляя и не убавляя» [46; с. 65, Дидахи, 4, 13]. В этих словах звучит реминисценция екклесиастовых слов: **к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить**.

Были такие еретики, которые говорили, что Бог по ходу истории приобретал опыт и потому через долгое время дал людям закон Моисеев, а потом и евангельское учение. Прп. Иоанн Кассиан Римлянин с негодованием отвергал такие представления, называя их безумием. «В начале Бог сотворил всё совершенным, и не было ничего такого, что к начальному распоряжению Его, как непредусмотрительному и несовершенному, необходимо было бы присоединить, или что после надлежало бы прибавить... Екклесиаст говорит: **познал я, что всё, что в начале сотворил Бог, то пребудет вовек; к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить**» [67; Собеседование 8, аввы Серена О начальствах и властях, гл. 24]. Постепенное во времени появление закона, Евангелия и так далее – это не «прибавки» к делам Божиим или даже к Самому Богу (воистину, безумие!), это домостроительство Божие. По мере надобности для людей, их разложения или, наоборот, возрастания, Бог даёт им что-то новое, но для Него Самого в сокровищнице Его дел всё это отнюдь не новое. **К тому нечего прибавлять и от того нечего убавить!**

Земной суд несправедлив. Бог всем судья

Соломон прекрасно знал кризисную ситуацию в правоохранительных органах. Ещё в ранней юности, когда он пришёл к царской власти и просил себе у Бога мудрости, то просил ей не для различения голосов зверей и птиц, не для знания языка демонических духов и путей движения небесных светил, – чем он потом так поражал мудрецов и царей Востока, – нет, он просил мудрости, **чтобы судить... и различать, что добро и что зло (3Цар. 3:9)**. И увидели люди, **что мудрость Божия в нём, чтобы производить суд (3Цар. 3:28)**. Царь Соломон судил праведно и мудро. Но чего только он там, в судебных коридорах, не насмотрелся! Прокуроры и адвокаты, судьи и свидетели, повязанные мздоимством, ложью и коварством.

Еккл. 3:16 Ещё видел я под солнцем: место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда.

Еккл. 3:17 И сказал я в сердце своём: «праведного и нечестивого будет судить Бог; потому что время для всякой вещи и (суд) над всяким делом там.

Злодеи злодействуют злодейски (Ис. 24:16) – это ясно, но ведь есть ещё и **место суда**. Заглянул туда наш странник – **а там беззаконие!** Никто не ищет правду в разбойничьем логове, но есть же и **место правды**, ведь мы отстроили здания суда, выучили юристов, создали правоохранительные органы, **а там – неправда**. Больше правду искать, кажется, негде.

Философ поднял глаза к небу и **сказал в сердце своём: праведного и нечестивого будет судить Бог, потому что там, у небесного престола, время для всякой вещи**, там её оценят по подлинной себестоимости, **и над всяким делом суд там**. Даже мудрейший из людей Соломон, получивший дар мудрого рассуждения от Бога, уже давно сменил судейский жезл на страннический посох, судейское платье на тряпье странника. Веривший в правосудие передал суд Богу. Здесь – **беззаконие и неправда**, суд и правда для всякой вещи – **там!**

Судейский титул Соломоном оставлен, впереди – тропинки странника, обходящие неправду мира сего и бегущие от неё.

А что, сам Соломон неправедно судил? Да, праведно, конечно, дар от Бога зачем получил! Только правды больше не стало под небом. Да и что от твоей правды, если вокруг неправда верх берёт?! И какая польза от нашего правду тем, кто её нашёл?..

Пройдут века, и Мудрость Соломона, воплотившись, Сама окажется

на **месте суда**. И уже не Соломон, а Мудрость его на месте суда найдёт беззаконие, на **месте правды** будет стоять перед неправдой людской – и каиафовой, и пилатовой, и народной. Ни закон Моисея, ни римское право, ни глас народа, похваляемый как глас Божий, не помогут. **Место суда, а там беззаконие**. Сама же Истина **к злодеям причтена**.

С нашими евангельскими размышлениями перекликается толкование Раши: "**Место суда...** Я провидел Духом Святым место заседания Судебной палаты в Йерушалаиме, столице, **исполненной правосудия** (Ис. 1:21). Там будут судить незаконно, как сказано: **Главы его за мзду судят** (Мих. 3:11). И я видел также их бедствие (кару)" [23; 3, 16–17].

Раши поясняет, что **место суда** – это не образная речь, а конкретно «центральные ворота, место царского судопроизводства» [там же]. У городских врат собирались старейшины города, и даже царь с ними, чтобы судить о различных вопросах.

И вот за несправедный суд старейшин Иерусалима там, у врат Иерусалима, «**беззаконие (нечестие)**. Там восседали Сар-Схим, старший придворный, Нергал, Сар-эцер, Рав-Маг, Невухаднецар со своими войсками и присуждали сынов Исраэля к тяжким истязаниям и выносили им смертные приговоры» [там же].

Дальше Раши рассуждает о том, что правда приходит в своё время. «Там, в ту пору, назначено время для каждого дела, чтобы судить за него» [там же].

Св. Григорий Чудотворец уже как-то по-христиански передаёт слова Соломона: «А тот, кого несправедливо обижают, в Боге имеет помощника. Далее, видел я в преисподней бездну мучения, ожидающую нечестивых; благочестивым же оставлено другое место» [44; 3]. В священных книгах времён Соломона о бездне мучений в преисподней и о других местах, уготованных благочестивым, ещё не писалось. Ранние библейские книги очень мало говорят о загробном мире.

Блж. Иероним, толкуя текст, говорит словами Екклесиаста: «Искал, говорит, я под солнцем этим правды и суда и увидел, что даже между судейскими скамьями не правда имеет силу, а подарки» [64; 3, 16–17]. Так оно в этом мире, а в том, Божественном, – там как? «Обдумав это, я понял, что теперь Бог не судит по частям и каждого порознь, но отлагает суд на будущее время, чтобы там все вместе были судимы и восприняли по воле и делам своим» [там же]. Отсутствие правды на земле будет восстановлено на суде Божиим.

Есть ли разница в участии человека и животных?

Загадки не только на небе. Сколько раз философ смотрел под ноги, встречался взглядом со скотом и зверем. Он даже знал голоса птиц и животных, умел обращаться с ними, но не знал их души. Что сокрыто за этим немым взглядом? Что за душа, которая никогда не раскрывается словом?

Соломон был мудрее всех людей... говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах (3Цар. 4:33). А они молчали.

Уже давно не павлины, обезьяны и львы окружают великого царя. Уже давно нищий философ с посохом в руках кружит вокруг мучающих его вопросов. Ускользает разница между богатым и бедным, между мудрым и глупым, а есть ли она между человеком и скотом?

Еккл. 3:18 Сказал я в сердце своём о сынах человеческих, чтобы испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе животные;

Еккл. 3:19 потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё – суета!

Еккл. 3:20 Всё идет в одно место: всё произошло из праха и всё возвратится в прах.

Еккл. 3:21 Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?

Неужели отсутствие итрона, чего-то остающегося для человека идёт так далеко? Даже по сравнению с животными не имеем никакого остатка в нашу пользу?.. Даже разница участи человека и скота и зверя тоже **суета**, пар, рассеивающийся и исчезающий, как только начинаешь вникать в суть вопроса. **Всё идёт в одно место!** Господи! Господи! – вот дожили-то.

Безмолвный взгляд животного – кто сказал, что **дух его сходит вниз, в землю?** Разложился труп – и всё, а может, всё-таки не всё? Гениален дух человеческий, но ты уверен – **восходит ли он вверх?** Или **участь одна?** Могилы праотцев, курганы, пережившие тысячелетия, чем отличаются от перегной под деревом лесным, где в прошлом году сдох зверёк?

Есть ли разница между врачом и ветеринаром? Какая разница, чей желудок лечить – Иоанна Златоуста или прихворавшего бычка?

На все эти темы философы и биологи не одну диссертацию защитили, кто докторскую, кто кандидатскую, но кто из них об этом что-нибудь знает? Если дело дошло до этого, то точно – **всё суета**, нет утоляющей жажду воды, нет твёрдого искрящегося льда, есть только пар, туман, в

котором ничего не видно и который сам есть ничто. Мозги – на полку, хватит их шевелить; посох – вон, хватит искать то, чего, вполне возможно, и вовсе нет. Соломон найдёт себе другое занятие. Поиски и труды можно сменить на срединное мещанское счастье – жить не для чего-то, а просто жить и радоваться, что при этом порой ещё и наслаждение бывает. Но об этом – потом, а пока – стой, философ, давай ещё раз повнимательнее о **сынах человеческих и о животных**.

Потеряв ощущение разницы между людьми и животными, Чарльз Дарвин и другие учёные XIX-XX веков решили, что человек от животного и произошёл. Звероподобные нравы и скотские повадки стали всё более восприниматься в человеческом обществе.

Дух сынов человеческих восходит ли вверх?.. Учёные-материалисты сказали, что нет. Как от этого томила душа! Один из героев *А.П. Чехова* безуспешно рассуждал: «Зачем мозговые центры и извилины, зачем зрение, речь, самочувствие, гений, если всему этому суждено уйти в почву и в конце концов охладеть вместе с земной корой, а потом миллионы лет без смысла и без цели носиться с землёй вокруг солнца?» [159; Палата № 6]. Из этого заколдованного круга нет выхода.

Св. *Григорий Чудотворец* передаёт слова Соломона: «Ибо всем одинаково отмерено время и угрожает смерть, одно и то же у Бога – скоты и люди; они различаются между собою только членораздельностью речи, – всё же (остальное) у них одинаково, и смерть находит на остальных животных не больше, чем на людей. Ибо у всех одинаковый дух, и ничего больше нет в людях, но всё, одним словом, суета, от одной и той же земли получает свой состав и в ту же землю разрешится» [44; 3]. Нет никакой разницы между человеком и животным – всё суета.

Некий диакон Пётр, смутившись, прочёл слова Екклесиаста, что **участь сынов человеческих и участь животных – участь одна** (*Еккл. 3:19*), и спросил св. *Григория Двоеслова*, папу Римского: «Если ты делаешь такое различие между душами людей и животных, то скажи пожалуйста, что значат слова Соломона», и дальше привёл все вводящие в тупик слова Екклесиаста [39; кн. 4, гл. 3–4]. Некоторые секты, например, адвентисты седьмого дня и свидетели Иеговы, на основании этих слов Екклесиаста и подобных текстов из Псалтири делают вывод, что никакой загробной жизни нет, человек умирает, как животное, уходя в небытие. Правда, в отличие от материалистов, сектанты верят в воскресение мёртвых, а фактически в то, что Бог сотворит умерших людей заново⁴⁹. Душа человека отождествляется с кровью, с животным началом. Поэтому адвентистам и иеговистам чужда духовная жизнь. Всё сводится к закону

или некоторым упрощённым нормативам. У материалистов всё ещё трагичней и безотрадней. Так доктор-медик Евгений Базаров у И.С. Тургенева находится в пессимистическом отчаянии оттого, что всему высокому в человеке «суждено уйти в почву», из которой «лопух вырастает», – вот и весь смысл [157].

Св. Григорий Двоеслов отвечает диакону Петру на его недоумение по поводу слов Екклесиаста и даёт вообще свою концепцию понимания книги. «Эта книга потому названа Проповедник, что в ней Соломон как бы себе усваивает мысли волнующейся толпы, дабы после рассмотрения их сказать то, на что согласилась бы, вникнувши, и неопытная толпа» [там же]. И дальше св. Григорий чётко формулирует: «Поэтому в сей книге некоторые мысли высказаны только для рассмотрения их, другие удовлетворяют уму; одни принадлежат духу человека колеблющегося и ещё преданного удовольствиям мира сего, другие, согласные с умом, предлагаются для того, чтобы удерживать душу от этих удовольствий» [там же]. Не всё, сказанное Екклесиастом, есть слово Божие, многое он говорит от лица колеблющегося ума человеческого. К этому относятся и размышления о том, что неведомо – есть ли разница между участью души человека и души животного: «Точно так же наш проповедник предлагает мысль от лица несовершенных умом, когда говорит: **якоже случай сынов человеческих, и случай скотский, случай един им: якоже смерть того, тако и смерть сего, и дух един во всех, и что излишне имать человек паче скота**». Это не Божье утверждение, а сомнение непросвещённого ума человеческого.

Толкование св. Григория Двоеслова вполне приемлемо. Что же касается его концептуального подхода к книге Екклесиаста, то в нём есть слабое место – кто и как будет определять, где Екклесиаст выражает истину Божию, а где говорит дух человека колеблющегося?

Касательно одной участи души человека и животного – это действительно смутный, безотрадный взгляд непросвещённого человека, не ведающего того, что за крышкой гроба; человека, для которого всё уходит в почву, а оттуда лопух вырастет.

Что говорит о тождественной участи человека и скота предание иудейское? Как известно, книги Ветхого Завета (Танаха) действительно мало говорят о загробном мире. Великий учитель иудеев Раши объясняет слова Екклесиаста вполне согласно с христианским разумением. Здесь, на земле, посмертная участь человека одинакова – прах и тлен, то в том мире она различна. Раши: **"И преимущества у человека пред скотом нет.** Превосходство и успех человека по сравнению со скотом не видны после

смерти его, потому что всё оказывается бrenным при возвращении в прах» [23; 3, 19–21]. Екклесиаст говорит это с позиции земной. Есть ли у него ещё другая позиция или этим и ограничивается его представление о посмертной участи человека и животных? Раши считает, что сам Екклесиаст знал больше скептиков-материалистов: **«Кто знает (Еккл. 3:21). Подобно кто знает, возвратится (Ион. 3:9).** Кто понимает и сознаёт, что дух сынов человеческих возносится ввысь и предстаёт пред судом, а дух скота спускается вниз, в землю, и от него требуется дать отчёт в содеянном» [там же]. Раши чётко различает дух человеческий, имеющий предстать пред судом Божиим, и дух скота, уходящий в землю и превращающийся в неё.

Блж. Иероним также разъясняет слова Екклесиаста в том смысле, что здесь, на земле, конец людям и скоту один: «По ничтожеству тела даже нет, по-видимому, никакого различия между скотами и человеком, когда одинаковы условия их рождения и одинакова участь – смерть, когда мы подобно появляемся на свет и одинаково разлагаемся в прах» [64; 3, 18–21]. Считает ли Екклесиаст, что по смерти прекращается бытие человеческой души так же, как у животных? *Блж. Иероним* не приписывает такой материализм Екклесиасту, а его пессимизм приписывает тому, что Екклесиаст не видит особой разницы в том, исчезнуть ли в смерти, как животное, или «быть заключённым во мраке ада» [там же]. «Екклесиаст говорит это не потому, чтобы он думал, что душа погибает вместе в телом или что животным и человеку готовится одно место, а потому, что до пришествия Христова всё одинаково отводилось в ад» [там же].

Толкование *блж. Иеронима* основывается на христианской догматике. Думал ли так Соломон? Есть основания считать, что да! Так праотец Иаков сетует, что он сойдёт во ад (шеол) (Быт. 37:35), а многострадальный Иов о том, что праведным и нечестивым одно место во аде. Стон Иова: **«Дыхание моё ослабело; дни мои угасают; гробы предо мною... если бы я и ожидать стал, то преисподняя дом мой; во тьме постелю я постель мою; гробу скажу: «ты отец мой». червю: «ты мать моя и сестра моя». Где же после этого надежда моя? и ожидаемое мною кто увидит? В преисподнюю сойдёт она и будет покоиться со мною во прахе» (Иов. 17:1, 13–16).**

Как и Раши, *блж. Иероним* на основании слов Екклесиаста **кто знает...** делает вывод, что он не отрицает загробного существования души, а считает, что очень трудно об этом узнать с достоверностью. «Он не утверждает здесь, что между скотами и человеком нет никакого различия

по достоинству души, а, присоединив слово **кто**, хочет показать трудность предмета. Ибо местоимение **кто** в святых Писаниях всегда принимается в смысле не невозможности, а трудности» [там же].

Словам Екклесиаста толкователи Писания находят и нравственно-аллегорическое применение. Так *Раши* говорит: «и нельзя (человеку) вести себя подобно скотине, которая не задумывается над своими поступками» [23; 3, 21].

Блж. Иероним: «А для разумения духовного служит следующее... Кто знает: святой, достойный имени человека, восходит на небо, а грешник, который называется скотом, нисходит ли в землю? Ибо при непрочном и скользком положении жизни сей может случиться, что и праведник падает, и грешник восстаёт» [64; 3, 18–21].

Пожелал Екклесиаст, чтобы испытал Бог людей, **и чтобы они видели, что они сами по себе животные...**

Дело ветеринара и дело врача – одно дело. Почки, печень, кишечник, сердце бьётся – сердце перестало биться. Человек **сам по себе** животное. Что это значит? Недалеко ли до Дарвина? – человек, высокоразвитое животное. И **участь одна – как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех**. Екклесиаст, как и тургеневский Базаров, что-то тонко ощущал, и что-то ускользало от него. Да, сам по себе человек – животное, а есть ли у него нечто не от самого себя? То самое, что ему, в отличие от животного, покоя не даёт. Человек сам по себе животное, но почему животное не мучается вопросами бытия, а человек мучается?

Св. Василий Великий рассуждал о том, что образом Божиим человек становится только через помазание Духом Святым. Без дыхания Духа Божия человек теряет образ Божий и едва ли чем отличается от животного. Крещение Духом Святым есть восхождение от животного к Божественному образу в человеке. «Тварь, причащающаяся Духа, опять нова, тогда как лишённая Духа – она обветшала. Опять стал образом Божиим человек, который утратил в себе божественное подобие, **приложися скотом несмысленным и уподобися им (Пс. 48:13)**, уподобился бессловесным до смерти, ибо сказано: **якоже смерть того, тако и смерть сего (Еккл. 3:19)** [34; с. 556, Опровержение на Евномия, кн. 5, О Духе Святом].

Подвижник саровских лесов, кормивший с руки медведя, прп. Серафим, может, глубже и яснее других отцов прочувствовал мысль, едва обозначенную у святого Василия. Человек без Духа Святого – животное. Своеобразно осмысливает прп. Серафим само повествование о творении человека. Человек сотворён животным, и потом Господь вдохнул в него

дыхание жизни, то есть Духа Святого, чрез которого он и приобрёл свои богоподобные свойства. Соломон прав – сыны человеческие **сами по себе животные**, только дыхание Божие, дыхание Духа Святого делает их иными. И, ощутив однажды это дыхание, человек уже не может более войти в спокойствие животного. Он будет всегда искать потерянное, не находя, начнёт переставать понимать разницу свою от животного, недоумевать...

Прп. Серафим Саровский поясняет Николаю Александровичу Мотовилову: «Вот, например, многие толкуют, что когда в Библии говорится – **вдуну Бог дыхание жизни в лице Адама первозданного и созданного Им от персти земной** – что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы плоть одна, созданная из персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святой апостол Павел утверждает: **да будет всесовершенен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа (1Фес. 5:23)**. И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мёртвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевлённым Божиим созданиям. Но вот в чём сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего **дыхания жизни**, то есть благодати Господа Бога Духа Святого, от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно создан над прочими Божиими созданиями как венец творения на земле, всё-таки пребыл бы неимущим внутри себя Духа Святого, возводящего его в богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святого внутри себя не имущим. Когда же вдунул Господь в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, **и Адам бысть в душу живу**, то есть совершенно во всём Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную» [87; Беседа с Мотовиловым].

То, что Серафим познал благодатным опытом общения с Богом и с животными, то составляет предмет учёных размышлений проницательного ума профессора, хирурга и архиепископа св. Луки (Войно-Ясенецкого). Св. Лука, живя в атеистический и богоборческий XX век, на границе научного мышления и христианской веры искал ответы на вопросы времени, как некогда искал их Екклесиаст. Лука не пишет догматического богословия, он – размышляет, он заставляет думать.

Душевную деятельность как человека, так и животного, св. Лука

рассматривает в контексте теории условных и безусловных рефлексов проф. И.П. Павлова. «Душа животного в крови его» [78; гл. 5 Душа животных и человека]. В этом человек отличается от животного только по уровню организации, но не существенно. И дальше св. Лука вполне согласно с прп. Серафимом заявляет: «И животное, как и человек, состоит из духа, души и тела». Определённая духовность свойственна даже неживой материи.

«Что же такое душа? – спрашивает св. Лука и отвечает: – В простейшем её виде у животных – это объединяемый самосознанием (умом у высших животных) комплекс органических и чувственных восприятий, мыслей и чувств, следов воспоминаний или только (у низших) комплекс органических ощущений».

Что же такое дух животного? «Примитивный дух животных – это только дыхание жизни (у низших). По мере повышения по лестнице существ растёт их духовность, и к дыханию жизни присоединяются зачатки ума, воли и чувства».

Так есть ли у **человека преимущество перед скотом**? Наш новый ектlesiаст Лука находит его там же, где и прп. Серафим Саровский: «У человека душа гораздо выше по своей сущности, ибо участвующий в её деятельности дух несравним с духом животных. Он может обладать высшими дарами Святого Духа». Итак, только крещение Духом Святым делает человека богоподобным, – так думают прп. Серафим Саровский и св. архиепископ Лука. А без Духа Святого? – **приложися человек скотом несмысленным и уподобися им (Пс. 48:13)**.

Св. Лука рассуждает и дальше по поводу того, **что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех**. Св. Лука действительно находит сходство у тех и других, но скорее в противоположную сторону, чем Соломон. Соломон подозревает, что всё возвратится в прах, всё умрет и ничего за этим уже далее не будет. Что касается телесного и психофизического начала, Лука с ним вполне согласен. Вместе с материалистами Лука не говорит о бессмертии физиологическом. «В этот день погибнут все помышления его, то есть прекратится деятельность сознания, для которой необходимы все восприятия живого мозга». Но Лука думает дальше: «Бессмертен дух, который, как покажем ниже, может существовать без связи с телом и душой». В смерти «изыдет не душа, а дух». И дальше следует смелое и своеобразное утверждение хирурга-епископа: «И дух животный, конечно, должен быть бессмертным, ибо он тоже имеет начало в Духе Божьем, Духе бессмертном. Мысль о

бессмертии духа животных явно содержится в известных словах Павловых о надежде всякой твари: **...в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих (Рим. 8:20–21).**

Ещё вопрос, насколько размышления св. Луки вписываются в традиционное богословие. Вопросов больше, чем ответов. Земная составляющая клонится к земле, духовная – к небу.

А у Соломона ответов нет.

Тогда не было.

Выход в усреднённом мещанском счастье

Поиски не венчаются находкой.

Устремление ввысь, что искра – от пламени костра отрывается, звёзд не достигает.

Всё есть, но смысла ни в чём нет.

Есть разница между мудрецом и волом или нет – кто знает, но участь их одна.

Еккл. 3:22 Итак, увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это – доля его; ибо кто приведёт его посмотреть на то, что будет после него?

Ничего не искать, просто жить счастливо. **Наслаждаться делами своими** и не мучить ни себя, ни других. Не мучить землю и небо поисками чего-то высшего. Среднее мещанское счастье. В сторону мантию философа, прочь посох странника. Это всё ни о чём, одно томление духа и погоня за ветром. Горе от ума и горе уму. Всё суета, всё – пар. Так вот парься и наслаждайся. День пришёл, день ушёл – ни о чём не думай, не ищи, не страдай. Всё равно никто не приведёт тебя смотреть на то, что будет после – так и не ищи этого. Живи одним днём, бери то доброе, что жизнь тебе может дать.

Всё! Философия закончена.

Теперь и пожить можно.

Раши находит в словах Соломона разумное и благочестивое самоограничение: «Радоваться тому, что добыто трудами рук своих, и кормиться этим, и не разевать, как преисподнюю, душу свою в страстном желании богатеть и умножать не ему принадлежащее, **ибо это доля его**» [23; 3, 22].

В этом самоограничении человек находит для себя простую житейскую радость. «И, как мне кажется, нет никакого другого блага, кроме наслаждения и пользования настоящим. Ибо, как я подумал, невозможно возвратиться к пользованию этим, когда человек уже однажды вкусил смерть» [44; 3].

Блж. Иероним находит, что Екклесиаст прошёл через свои ощущения и заблуждения по поводу того, что вроде как и нет никакого различия между человеком и животными, и теперь вполне благочестиво исповедует: «Итак, нет ничего доброго в жизни сей, кроме того, что человек радуется в труде своём, творя милостыню и уготовляя себе будущие сокровища в царствии небесном. Эту одну мы имеем долю, которую не может отнять

ни вор, ни разбойник, ни тиран, и которая последует за нами после смерти. Ибо по окончании жизни сей мы не можем снова пользоваться нашими трудами или знать, что будет в мире после» [64; 3, 22].

Глава 4

Ненадолго хватило мещанской успокоенности нашему философу. Только теперь он не столько ищет, сколько просто бродит. Он уже и не тешит себя надеждой находки смысла в чём-нибудь, он бесцельно взирает на бесцельный круговорот жизни. Временами за что-то уцепится, но всё это не то.

Дальнейшие главы книги Екклесиаста едва ли добавляют что-то к сказанному в первых трёх. Дальше в разных вариациях повторяется уже ранее виденное, осознанное, пережитое. Потому и наши рассуждения будут уже короче. И всё-таки пойдём вслед за философом.

Несправедливость и бесцельность вокруг

Еккл. 4:1 И обратился я и увидел всякие угнетения, какие делаются под солнцем: и вот слёзы угнетенных, а утешителя у них нет; и в руке угнетающих их – сила, а утешителя у них нет.

Еккл. 4:2 И ублажил я мёртвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе;

Еккл. 4:3 а блаженнее их обоих тот, кто ещё не существовал, кто не видал злых дел, какие делаются под солнцем.

Вслед за многими увидел бывший царь угнетения людей. Пока он был в царских чертогах, это видно было не всегда. В руках угнетателей – сила, в глазах угнетённых – слёзы, а утешителя нет. Маркс и Ленин захотели быть такими утешителями – прекратить всякое угнетение, дать власть рабочим и крестьянам, но слёз пролилось ещё более. Слёз и крови.

Нет в этом мире утешителя, который смог бы прекратить угнетения.

Стихи мои! свидетели живые

За мир пролитых слёз!

Родитесь вы в минуты роковые

Душевных гроз

И бьётся о сердца людские,

Как волны об утёс.

[150; с. 71].

Так стонал Н.А. Некрасов через две тысячи восемьсот лет после Соломона.

Тяжек вывод Соломона: **И ублажил я мёртвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе; а блаженнее их обоих тот, кто ещё не существовал, кто не видал злых дел, какие делаются под солнцем.** Не быть – лучше, чем быть. Умереть – лучше, чем жить, а ещё лучше не родиться.

Глаза бы мои ничего не видели.

Параклит – Дух Утешитель – послан Отцом Небесным во имя Христа (Ин. 15:26). Тогда, при Соломоне, этого ещё не было, сейчас этого не знают. При Соломоне слова **Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас** (Мф. 11:28) ещё не были произнесены, сейчас не все их слышат, а потому тот же Некрасов вздыхал перед смертью:

Я примирился с судьбой неизбежною,

Нет ни охоты, ни силы терпеть

Невыносимую муку кромешную!

Жадно желаю скорей умереть.

[150; «Друзьям»].

Неужели **злые дела** таковы, что лучше и не быть, чтобы только их не видеть?..

Философия бытия, в которой есть слёзы, и философия небытия. Чья чаша перевесит? Достоевский не сомневался – если в результате революции будет пролита хотя одна слеза ребёнка, то такая революция не нужна ["Братья Карамазовы"]. А перетянет ли бытие самого мира, перетянет ли вся жизнь человека эту одну-единственную слезу ребёнка?..

...а утешителя у них нет.

Потому многие философы и поэты ублажали смерть и небытие.

Из этих недр выросла религия и философия Будды. Царевич Гаутама, возрастая в царских чертогах, не видел слёз, не видел болезни, старости и смерти, не видел, что собственное счастье построено на слезах угнетённых. Но с помощью слуги принц трижды выбирался из дворца и увидел больного, старика и похороны. Подобно нашему Екклесиасту, он оставил царские чертоги, сменив их на посох странника. Подобно нашему страннику, он ублажил небытие нирваны.

Своеобразен иудейский комментарий к словам Когелета (Екклесиаста).

Раши под **всеми притеснёнными** понимает тех, кто «в преисподней... становятся притеснёнными за деяния, которые совершаются ими **под солнцем**. Под тем, что Тору затемняет, «отрицает» [23; 4, 1–3]. Вот по сравнению с этими, притесняемыми ангелами-разрушителями в преисподней, и лучше те, **что уже умерли**, как праотцы Авраам, Исаак и Иаков. Их молитва и в преисподней сильна. Те же, **кто не видал злых дел**, кто ещё более ублажается Екклесиастом, не родившиеся, о них в *Мидраше* на Когелет говорится, «что имеются в виду те 974 поколения, которые, согласно замыслу, должны были жить до дарования Торы, но сотворены не были, чтобы Тору получили в 26-м поколении, потому что без неё мир не мог существовать» [там же]. Из тысячи поколений по Промыслу девятьсот семьдесят четыре не получили своего бытия.

Думал ли Соломон о сказанном по поводу его в Мидрашах?..

Св. Григорий Чудотворец перелагает слова Екклесиаста, не вкладывая, в отличие от Мидрашей, в них никакого подтекста. Плохо на земле, потому «умершие оказались в лучшем состоянии по сравнению с живущими доныне» [44; 4], а лучше тем, кто и вовсе «ещё не коснулся

человеческого лукавства», не родился.

Блж. Иероним: «При виде бедствий, какие угнетают смертных в мире, я признал более счастливыми мёртвых, чем живых, по оному слову Иова об аде: **там успокоились утомлённые телом вместе с теми, кои были связаны; они уже вне опасности, не слышат голоса приставника** (Иов. 5:17–18)» [64; 4, 1–3]. Умершим лучше, потому что они успокоились от угнетений, от приставников (надзирателей) земных.

Однако блж. Иероним подчёркивает и ещё более крайний пессимистический вывод Екклесиаста: «Лучше вовсе не существовать и не иметь ощущения бытия, чем существовать или жить нечестно» [там же]. Это особенно очевидно, если учесть вечные мучения грешника, так об Иуде-предателе Сам Господь Иисус сказал: **лучше было не родиться человеку тому** (Мф. 26:24). Вопрос приобретает ещё большую остроту – зачем же Всевышний допустил ему родиться?..

Блж. Иероним указывает ещё и на иное толкование: «Умершие лучше тех, кои живут, хотя они были прежде грешники, ибо живые находятся в борьбе и как бы заключены в темнице тела, а умершие уже вне опасности и перестали грешить» [там же]. Вот потому **меньший в Царстве Небесном** больше Иоанна Крестителя, наибольшего из рождённых на земле (Мф. 11:11).

Св. Амвросий Медиоланский отмечает, «что и святые мужи в мире этом претерпели многое тяжкое злое, невзирая на великие их дела», и потому находили, что «гораздо лучше не родиться» [29; «Две книги о преставлении брата его Сатира», кн. 2]. Таково мнение мудрого Соломона и самых превосходнейших философов, последовавших за ним. Св. Амвросий отмечает также, что «это мнение не одного Соломона. Святой Иов также говорит: **Погибни день, в который я родился** (Иов. 3:3). Этот великий муж знал, что рождение есть начало всех зол» [там же].

Таково открытие мудрого Соломона – небытие лучше бытия, но мы есть, а утешителя у нас нет! Через какие муки и ужасы проходила тропа к грядущему Духу Утешителю, к крестящему в этом Духе Христу-Спасителю! Кто не познает трагедии Екклесиаста, не сможет обрадоваться в Духе Святом. Путь к утешению в Духе Святом лежит через вселенское отчаяние и тоску, пережитые мудрым Екклесиастом и многострадальным Иовом.

Странник побрёл дальше.

Ничем не объяснимая странная бессмысленность всего потащилась за ним, от неё никуда не уйти.

Еккл. 4:4 Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах

производят взаимную между людьми зависть. И это – суета и томление духа!

Полезен и приятен **труд**, бывает и **успех в делах**. Но где радость, если всё это **производит взаимную между людьми зависть**. И не в радость уже ни труд, ни успех, если итог всему – зависть, а потому – **и это суета и томление духа!**

Блж. Иероним: «И усмотрел [Екклесиаст. – Г. Ф.], что благо одного есть зло для другого, так как завистник мучится чужим счастьем, а пользующийся славой открыт для козней» [64; 4, 4].

Св. Василий Великий предостерегает от общения и близости с завистливым человеком: «По мере возможности не надобно сводить дружественных бесед с завистливыми, поставляя себя вдали от стрел зависти. Ибо не иначе можно предаться зависти, как сближаясь с нею в тесном общении; потому что, по слову Соломонову, **ревность мужа от товарища своего**» [35; Беседа 11, О зависти].

В одном германском городке напротив друг друга городская ратуша и церковь в готическом стиле, только один шпиль у неё почему-то несообразно больше другого. А история такая. Жили в этом городе бургомистр и епископ, совсем не ладили друг с другом. Церковь была выше ратуши. Завистливый бургомистр не потерпел этого, перестроил ратушу выше церкви, доволен. Не потерпел этого и раздосадованный епископ. Стал церковь перестраивать. Поднял один её шпиль выше ратуши, а на другой кирпича не хватило. Так и стоит памятник человеческой зависти. И это суета сует, а туристам развлечение.

Трудяги поражены завистью, а...

Еккл. 4:5 Глупый сидит, сложив свои руки, и съедает плоть свою.

Этот никому не завидует, и уж точно ему никто не завидует. **Глупый** нашёл выход сидеть, **сложив свои руки**. Что же – неплохое дело, но кушать-то хочется! Вот **и съедает плоть свою**. Обнищал Обломов, да и сколько богатых ни с чем осталось. Ленивому только и остаётся поедать самого себя, ничего не привнося в мир.

Преступный **сложит свои руки**, не утруждает себя... и **ест самого себя** в день Суда. Когда он видит праведных в почёте, сам он судим. Так истолковано в *Сифре* [23; 4, 4]. Следует отметить, что иудейские толкования часто рассматривают слова Екклесиаста в свете грядущего воздаяния в ином мире.

Блж. Иероним отмечает, «что тот, кто трудится и имеет что-нибудь в мире, открыт для зависти, а тот, кто хочет жить праздно, удручён бедностью, и что оба несчастны» [64; 4, 5]. Одна суета и у трудяги, и у

бездельника. Такова мысль нашего философа.

И опять ничего не остаётся, кроме некоего усреднённого счастья:

Еккл. 4:6 Лучше горсть с покоем, нежели пригоршни с трудом и томлением духа.

Философ не знает, что хорошо, что есть благо, а потому в общем водовороте житейской бессмысленности предлагает то, что из всего этого лучше. Оно и впрямь лучше. **Горсть с покоем** – результат умеренного труда, без вопросов о большем. **Пригоршни с трудом** – суетливая работомания трудоголиков, дающая пищу зависти, от которой одно **томление духа**.

Раши рассматривает слова Екклесиаста в контексте благочестия и преступности: «**Лучше горсть удовлетворения**, лучше приобрести небольшое имущество своими трудами, лишь бы угодить Творцу, **чем пригоршни**, чем имущество многочисленное, добытое преступным образом, что для Вездесущего является утруждением и печалью» [23; 4, 6]. Подобным образом передаёт эту мысль св. Григорий Чудотворец: «Но муж благоразумный предпочёл бы наполнить одну руку отдыхом и **покоем**, чем обе руки **трудом** и хитростью коварного духа» [44; 4]. *Блж. Иероним*: "Одна **горсть** соединена с **покоем**, а две руки исполнены труда» [64; 4, 6].

Св. Кассиан Римлянин передаёт рассказ аввы Макария об одном брадобрее (парикмахере), который за свой труд получал в день невеликую плату в три динария. После расходов на ежедневное пропитание у него ещё оставалось немного денег, и он отлагал себе ещё, получая прибыль. Вот наш брадобрей услышал про город, где за эту же работу платят по двадцать пять динариев в день и устремился туда. Обрадовался, получив своё первое жалованье, пошёл на рынок купить себе пропитание, а хватило ему только на весьма скудный обед, и прибыли никакой! Доход большой, а расход ещё больше в том городе оказался. Это авва Макарий рассказал одному монаху, рвавшемуся в мир принести большую пользу людям. Много приобретаешь и ещё больше теряешь. «Лучше приобретать малый плод в пустыне, нежели домогаться большой пользы в мире, которая хотя бы и была приобретена прибыльным обращением многих, но пребыванием в мире и ежедневным развлечением вовсе утрачивается. Ибо по слову премудрого: **лучше наполнение горсти с покоем, чем наполнение двух горстей с трудом и томлением духа**» [67; Собеседование 24, гл. 13]. Так учил авва новонаначального, вспомнив слова Екклесиаста.

Ну, а что же наш Екклесиаст?

Всё ещё смотрит вокруг, хотя и едва ли уже на что надеется.

Еккл. 4:7 И обратился я и увидел ещё суету под солнцем;

Еккл. 4:8 Человек одинокий, и другого нет; ни сына, ни брата нет у него; а всем трудам его нет конца, и глаз его не насыщается богатством. «Для кого же я тружусь и лишаю душу мою блага?» И это – суета и недоброе дело!

Одинокий предприниматель. Столько энергии! Столько желания и способности приобрести богатство! Но вот беда – сына нет и даже брата нет. Для кого же трудится наш предприниматель? Кого обрадует результатом своего труда? Ради кого лишал себя многих благ? Нет! – это уже не просто **суета**, это и вовсе **недоброе дело**!

Раши: **"Есть один и нет второго.** Бывает, что человек всё делает в одиночку. **Также сына и брата нет у него.** Если это мудрец, не обретёт себе ученика, который подобен сыну, ни товарища, который подобен брату. Если такой холост, не женится, чтобы (жена) была ему в помощь, как брат, и чтобы произвести на свет сына. Если же он торговец, не возьмёт себе компаньонов и отправится в путь один» [23; 4, 7–8]. Это тип волка-одиночки.

Св. Григорий Чудотворец в описании Екклесиаста видит скрягу, не желающего с кем-либо делиться: «Есть же нечто и иное, что, как я знаю, случается с мужем вопреки тому, что должно было бы быть, вследствие недоброго произволения. Он во всех отношениях одинок и не имеет ни брата, ни сына, а изобилует многими сокровищами, всецело предан ненасытному желанию и совершенно не хочет каким-либо образом отдаться благостыне» [44; 4].

Авва Антоний Великий рассуждает о том, что оставляющий всё в мире сем не великое дело делает, ибо приобретает гораздо больше в Царстве Небесном, да к тому же всё равно, умирая, придётся всё оставить. «Если бы не оставили мы (что имеем) ради добродетели, всячески после, умирая, оставили бы то, как и оставляем часто даже тем, кому не хотели бы, как упомянул о сем ещё Екклесиаст» [50; Наставления, 2]. **Для кого же я тружусь?..**

Блж. Иероним в начале V века пространно размышляет о приобретающих земные богатства неизвестно для кого, а потом делает приписку, так понятную его душе: «Мы можем понимать это и в отношении к тем, кои пишут книги и оставляют их не ценящим их читателям» [64; 4, 7–8]. Что же скажем ему на это, пишущая братия?

– Привет тебе, Иероним, из XXI века! И через шестнадцать веков всё так же. Приветствуем и вас, кто будет писать в веках после нас! Ведь всё будет так же...

Блж. Иероним отмечает, что некоторые толкователи слов Екклесиаста

прилагали к спасительному подвигу Христа: «Некоторые место это, начиная от слов **есть один и нет второго**, объясняют по отношению к Спасителю, что Он для спасения мира сошёл один и без всякого сообщника» [там же]. У Христа не было помощников. **Ибо один Бог, один и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус (1Тим. 2:5)**. Мессианское звучание слова Екклесиаста могут обретать, конечно, только методом асмахты (прислонения).

Двоим лучше, нежели одному

Худо человеку одинокому, без сына, без брата. В тяготах и волнениях этой жизни рассуждает Екклесиаст:

Еккл. 4:9 Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их

Еккл. 4:10 ибо если упадёт один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадёт, а другого нет, который поднял бы его.

Еккл. 4:11 Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться?

Еккл. 4:12 И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него: и нитка, вдвое скрученная, не скоро порвётся.

Даже в райском состоянии находящемся человеку **сказал Ягве Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему** (Быт. 2:18). Екклесиаст это увидел в жизни. **Двоим лучше, нежели одному.** Иисус никогда не посылал учеников по одному. После сего избрал Господь и других семьдесят и послал их по два пред лицем Своим (Лк. 10:1), а на гору Фавор поднялся с тремя, **ведь нитка, вдвое скрученная, не скоро порвётся.** И так оно в церкви Христовой на все времена. По первому апостольскому правилу епископа поставляют два или три епископа. Церковь соборная. **Ибо где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них** (Мф. 18:20). И в супружестве **будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть** (Мф. 19:5–6). Брак – двое становятся одним, а потом нитка скручивается вдвое – появляются дети. И что Бог сочетал, то человек да не разлучает. Отец Павел Флоренский говорил, что, как в браке двое становятся одной плотью, так в дружбе двое – одна душа. Екклесиаст показывает всё это на трёх примерах. Если один упадёт, то другой поднимает товарища своего. Горе одинокому страннику, которого некому поднять. В холодную ночь двое согревают друг друга. Вспомним, как у Лескова в рассказе «На краю света» выживают занесённые пургой в снегу епископ-миссионер и язычник-проводник. Язычник не очень-то свежо дышит в лицо епископу – тот не выдерживает, а язычник приговаривает: «Ты, бачка, морду-то свою не отворачивай». Так и спас епископа от замерзания. И уж тем более при вражеском нападении. Если станет кто преодолевать одного, то двое устоят против него.

Такова сила дружбы и любви.

Екклесиаст это знал.

Что же скажут нам о преимуществе двоих мудрые и святые?

Раши подчёркивает буквальное значение слов Екклесиаста. «Для всякого дела лучше двое, чем один» [23; 4, 9–12]. О **нитке, втрое скрученной**, *Раши* интересно замечает: «Если некто является мудрецом, а также и его сын, и внук, Тора не устранился от его потомков (не будет утрачена ими). И о таком сказано: **Не отойдут от уст твоих** [первая нитка. – Г.Ф.] **и от уст потомков твоих** [вторая нитка. – Г.Ф.] **и от уст потомков твоих потомков** [третья нитка. – Г.Ф.] (*Исх. 59:21*)» [там же]. И ещё одно применение находит равви: «При наличии тройной нити из Писания (письменного учения), Мишны (устного учения) и повседневных забот человек не скоро согрешит» [там же]. По-православному скажем: Писание, предание и опыт благочестивой жизни.

Св. Григорий Чудотворец: «Напротив же, живущие вместе и успех себе удвоили, и ненастье неприятных обстоятельств облегчили» [44; 4]. Один батюшка, подавая при венчании брачующимся корец вина, всегда говорил: «Как в вине горечь и сладость, так и в жизни бывают скорби и радости. Отныне они будут совместные. Разделённое горе – полгоря, совместная радость – двойная радость».

Св. Василий Великий рассуждает о том, что должно жить с людьми, стремящимися к угождению Богу, и опасно жить отшельником. Собрат обличением поможет встать упавшему в грех, а у кого нет духовного собрата, «с ним сбывается сказанное: **горе единому, яже еще падет**, некому воздвигнуть его» [35; Правила... в вопросах и ответах, вопрос 7]. Св. Василий, как архиепископ, приводил в порядок некоторые нецерковные уклонения отшельников и пустынножителей.

Св. Василий Великий внёс огромный вклад в учение о триединстве Божиим в тот беспокойный догматическими спорами четвёртый век, полагая основу каппадокийскому синтезу. Святой отец рассуждает: «Святая Троица есть святая вервь, и досточтима в единой и вечной славе, везде имеет одно и то же единое Божество, неразрывна, нерассекаема, нераздельна, всё исполняет, всё содержит, во всём пребывает, всё зиждет, всем правит, всё освящает, животворит. Сие божественное чудеснейшее сплетение не расторгается, по написанному: **вервь треплетена не расторгнется**» [34; с. 571, Опровержение на Евномия, кн. 5]. Единица в Троице, Троица в Единице.

Двое поддерживают друг друга, но не могут быть объективной опорой. На двух ножках стол не стоит. Плоскость (двоичность) должна выйти в третье измерение, и только тогда появляется устойчивость и

опора. Стена должна иметь опору сбоку. Это хорошо известно в строительных конструкциях. Четвёртое – лишнее и не улучшает, а ослабляет устойчивость опоры. Три – основа мира. Троиединство – формула мира и образ Бога. **Верьвь треплетена не расторгнется.**

Блж. Иероним даёт два толкования: одно, как он называет, «простое», а другое – «в отношении ко Христу» [64; 4, 9–12].

Екклесиаст говорит о дружбе и взаимовыручке, о том, «сколько добра в сообществе друзей и во взаимной поддержке... И насколько два лучше одного, если они соединены любовью, настолько ещё более важно сообщество троих. Ибо истинная и ненарушимая никакой завистью любовь чем более возрастает в числе, тем более будет увеличиваться в силе. Это – по толкованию простому» [там же].

В отношении Христа *блж. Иероним* толкует так: «Лучше быть двоим, чем одному. Ибо лучше иметь живущего в себе Христа, чем жить одному и быть открытым для козней врага» [там же]. Дальше *блж. Иероним* рассуждает в соответствии со словами Екклесиаста о том, как Христос восстанавливает упавшего; если кто уснёт смертью, «то согретый и оживотворённый Им, скоро оживёт снова», и «если против человека восстанет сильный в нападении диавол», то человек со Христом противостанет и ему. Что касается **тройной бичевы**, которая **не скоро рвётся**, то это «если придут и Отец и Сын и Дух Святой» в помощь человеку. **Не скоро** – это не значит, что вовсе не может порваться. У Иуды порвалась, хотя он имел эту бичеву.

Прп. Иоанн Лествичник рассуждает о том, что бесполезно новонаначальному иноку отделяться от братьев и духовного отца: «Не безопасно для неопытного воина отделяться от полка своего и выходить на единоборство; опасно и для монаха прежде искуса и многого обучения в борьбе с душевными страстями отходить на безмолвие, ибо первый [воин. – Г. Ф.] обыкновенно подвергается телесному бедствию, а последний душевному. **Блази**, говорит Писание, **два паче единого**, то есть благо сыну с духовным отцом при содействии Святого Духа бороться против прежних пристрастий» [68; следовательно,. 4, п. 73]. Так слова Екклесиаста полагают основу христианскому духовничеству.

Другой раз *прп. Иоанн Лествичник* говорит о трёх видах монашеского жития: отшельничество; уединение с одним и, много, с двумя братьями; общежитие. Сам Лествичник рекомендует преимущественно средний путь: «Путём царским иди. Средний из этих образов жизни многим приличен – ибо тот же Екклесиаст говорит: **горе единому**, ибо если он **падает** в уныние, или в сонливость, или в лень, или в отчаяние, то нет

человека **воздвигнути его. А идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есть посреде их**, сказал Господь (Мф. 18:20)» [там же].

Великий отец монашества IX века *прп. Феодор Студит* рассуждает о том, что гонения – это величайший дар, который даёт нам Бог. При этом *прп. Феодор* даёт совет: «Гонимому, во-первых, не следует иметь жизнь уединённую, но жить вместе с другими братьями» [53; Наставления монахам, 289, пп. 1–2]. И это потому, что «особняком живущие наследием имеют горе: ибо премудрый говорит: **горе единому!** Потому что **егда падет, не будет второго воздвигнути его**» [там же]. *Прп. Феодор* порицает «нежелание жить с другими братьями, навык вести себя особым образом и по своей воле» [там же]. Как хорошо сказано! – ведь в либеральный век только и поощряется вести себя особым образом и по своей воле. Главная беда для либерала – повести себя традиционно, а не особым образом; хуже же всего – кого-то послушаться и не поступить по своей воле.

С сокрушением говорит *прп. Феодор Студит* о некоем Мемноне, который «звероуловлен был диаволом... От чего же пал поименованный брат наш? – не от чего другого, как от того, что отособлялся от всех! – ибо не ложно слово истины, изрекающее **горе** таковому, потому что **егда падёт он, то не будет второго воздвигнути его**» [53; Наставления монахам, 391, п. 3]. Далее преподобный строго наставляет: «Никто не оставайся один с собою, никто не люби прохаживаться один, никто не блуждай туда-сюда без дела, никто не будь один на один с женщинами» [там же]. Такова основа монашеской духовной жизни.

Наставление *Феодора Студита* повторяет в XI веке монах Студийской обители *прп. Никита Стифат*: «Жизнь собором в одном месте безопаснее уединения... Об опасности же жизни уединённой говорит Соломон: **горе единому**, потому что **егда падёт, не будет второго воздвигнуть его**» [54; Первая деятельных глав сотница, 77].

Трёхплетённая вервь по *прп. Никите Стифату*: «Ведение о Боге неложное, вера глубоко внедрённая, при презрении всего видимого, и добродетельное действование, чуждое самолюбия, – се **треплетная вервь**, которая, по Соломону, **не скоро расторгнется** от духов лукавствия» [54; Первая деятельных глав сотница, 3].

В том же ключе строгих законов духовной жизни рассуждают *иноки Каллист и Игнатий Ксанфопулы*: «Ибо как деяние есть ступень к созерцанию, так послушание к безмолвию. Не **покушайся же предлагать пределы, которые положили отцы**, как написано (Притч. 22:28); помни и то, что **горе единому**. Положив таким образом доброе начало

основанию, с продолжением времени возложишь ты и славный покров на духосозидательное своё здание» [54; Наставление безмолвствующим, 14]. Кто нарушит эти законы, у того и всё здание получится непригодным. Созерцание идёт только в паре с деянием, причём после него, а безмолвие – с послушанием и тоже не предваряя его. Деятельностью поддерживается подлинное созерцание, послушанием – душеспасительное безмолвие. Кто разорвёт эти пары, тот получит ложное видение и лжевидения, того поджидает греховная и бесполезная молчанка.

Бедный, но умный юноша и старый неразумный царь

Наш странник на время оставляет философию и поиски высшего смысла – то ли устал от них, то ли разочаровался. Вроде бы он даже согласился на срединное счастье мещанина, но мудрость соломонову никогда не спрячешь, она всегда проявит себя. И вот наш счастливый мещанин уже опять мудрец. Екклесиастово видение всего, что под солнцем, не исчезает, но оживает уже было и забытый мудрец, изрекавший когда-то в зрелые свои годы мудрые притчи. Житейская мудрость и притчи переплетаются с размышлениями философа.

Философский круг Екклесиаста приобретает вид притчи:

Еккл. 4:13 Лучше бедный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь, который не умеет принимать советы;

Еккл. 4:14 ибо тот из темницы выйдет на царство, хотя родился в царстве своём бедным.

Еккл. 4:15 Видел я всех живущих, которые ходят под солнцем, с этим другим юношею, который займет место того.

Еккл. 4:16 Не было числа всему народу, который был перед ним, хотя позднейшие не порадуются им. И это – суета и томление духа!

Всё в этой жизни **кружится, кружится на ходу своём** и в результате **возвращается на круги своя** (Еккл. 1:6). Это круговращение Екклесиаст раскрывает мудрой притчей.

Лучше бедный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь. Почему лучше? Да потому, что **умный юноша из темницы выйдет на царство, хотя родился в царстве своём бедным.** Кто был ничем, тот станет всем. И наоборот, кто имел всё, даже целое царство, останется ни с чем только потому, что по **неразумию** своему **не умеет принимать советы.** Всё поменялось своими местами. Такова изменчивая жизнь. И вот уже **не было числа всему народу, который был перед** умным юношей, который ещё недавно смотрел на этот самый народ из-за темничной решётки. А тот, кто восседал пред этим народом, потерял место своё и теперь уже никому не нужен. Так сбываются слова Писания из уст юного Давида: **Я сведущ более старцев, ибо повеления Твои храню** (Пс. 118:100).

Однако Екклесиаст научился видеть дальше мудреца, изрекающего притчи. Вращение круга жизни не остановилось на торжестве умного юноши и поражении (фиаско) неразумного старого царя. Этой ситуации Соломон тоже было порадоваться – **не было числа всему народу,**

который был перед блистательным юношей, но дальше безнадежно добавляет: **хотя позднейшие не порадуются им.** Ещё раз сменится поколение, и ставшие древними триумфы уже никого не радуют, до них никому нет дела. А ещё выяснится, что старый царь был не так уж неразумен, и другой юноша не во всём умён.

Сказал было мудрую притчу, как прежде, и тут же махнул рукой наш странствующий философ – **и это суета и томление духа.** Всё пар и погоня за ветром.

Св. Григорий Чудотворец мудро замечает в связи с еkkлесиастовой притчей: «Я же предпочитаю юношу бедного, но благоразумного, старому, но неразумному царю, которого не озабочивает мысль, что, возможно, кто-либо из находящихся в темнице будет поставлен на царство, и что сам же он потом справедливо может быть лишён несправедливого владычества» [44; 4]. Сегодня ты при власти, но не забывайся – твой сегодняшний подопечный или даже заключённый завтра – твой владыка!

Один священник уж очень свысока поучал своего послушника, юношу умного. Заметил это настоятель и говорит: «Слушай, батюшка, а ведь завтра будешь у него в послушании». В послушание не попал, но уж очень скоро случилось ему сослужить в алтаре, где настоятелем был тот юноша.

Некий благочинный гнобил одного молодого священника. Прошло несколько лет. Назначен новый архиерей. Благочинный встречает его у трапа самолёта. Молодой епископ был тем ещё недавно уничижённым священником. Благочинный приветствует: «Старое забудем, будем вместе служить, владыко»; а тот отвечает: «Нет, не забудем, за всё будем платить сполна!».

Что касается финала притчи, св. Григорий Чудотворец мудро замечает: «Ибо родившиеся потом вследствие того, что по опыту не знают другого, и этого не могут хвалить, и руководятся необдуманньми решениями» [там же]. Старое поколение, помнящее старого неразумного царя, оценит царствующего и умного юношу. Молодому же поколению сравнивать не с чем, и закружится всё по-новому.

От прямого смысла еkkлесиастовой притчи толкователи Писания часто переходили к её аллегорическому изъяснению.

Очень своеобразное иудейское толкование приводит блж. Иероним, относя его некоему *Варахибе*. Это же толкование приводит Раши из *Мидрашей*.

В каждом из нас – два человека и два побуждения.

Первый человек **в беззаконии зачат и во грехе родила его мать** его. У этого человека дурные побуждения. В тринадцать лет по иудейской

традиции мальчик становится бар-мицва (сн заповеди). С этого возраста мальчик ответственен только за свои поступки и не наказуем за грехи отцов, теперь обеты его имеют силу. С этого возраста является второй, сознательный, человек, имеющий добрые побуждения. Согласно этой традиции и толкование *Варахибы*: «Лучше внутренний человек, открывающийся в нас с четырнадцатого года⁵⁰ отрочества, чем внешний человек, рождающийся от утробы матерней, который не умеет удаляться от греха и который из дома узников, т. е. из чрева матери, вышел для того, что царствовать во грехах... Я убедился, что в первом человеке все грешили, пока по рождении второго не стало двух человек» [64; 4, 13–16]. В *Мидраше*: "**Лучше юнец убогий, но мудрый.** Это доброе побуждение. А почему оно названо **юнцом**? Потому что появляется в человеке в тринадцатилетнем возрасте и всегда моложе его дурного побуждения на тринадцать лет» [23; 4, 13].

Блж. Иероним находит параллель иудейского толкования (естественно-возрастного) с учением апостола Павла о ветхом и новом человеке в христианине. Только у Павла это относится не к естественному возрасту, а к духовному рождению во Христе.

Историческое толкование притчи Екклесиаста.

Умный юноша, который **из темницы выйдет на царство, хотя родился в царстве своём бедным**, в противовес **неразумному царю, который не умеет принимать советы** и всё теряет, узнаётся в различных персонажах Библии, о чём пишет в своём толковании Раши.

Таков Иосиф, который стал правителем Египта, выйдя из заточения.

Таков юноша Давид, которому **говорит Ягве Саваоф: Я взял тебя от стада овец, чтобы ты был вождём народа Моего, Израиля (2Цар. 7:8)**. Саул оказался тем **старым, но неразумным царём, который не умеет принимать советы** Самуила, а потому теряет всё – и царство, и саму жизнь. **Не было числа всему народу, который был перед Давидом, и восклицали игравшие женщины, говоря: Саул победил тысячи, а Давид десятки тысяч (1Цар. 18:7)!** Хотя позднейшие – Иеровоам с десятью коленами Израиля – **не порадуются им**, а отложатся от дома Давидова.

В *Мидрашах* притчу Екклесиаста относят к библейским поколениям людей. Старый неразумный царь знаменует собой поколение каинитов до потопа, когда было **великое развращение человеков на земле (Быт. 6:5)**. «Это относится к поколению потопа, о котором сказано: **от всего живого (Быт. 6:19)**. С **отроком вторым**, который существовать будет вместо того поколения, и это есть Ноах (Ной) и его сыновья» [23; 4, 15–16]. От Ноя

стал вновь размножаться род человеческий. **«Нет конца всему народу. Они плодились и размножались сверх всякой меры»** [там же]. Однако и это было ненадолго. Недолго жили люди по заповедям Ноя, недолго радовались им. **«Так и последующие – это поколение раскола человеческого при попытке построить Вавилонскую башню. Не будут радоваться** также и они тому благу, которое у них в руках. **Ибо также и это** суетой и сокрушением духа кончается» [там же].

И наконец святые отцы дают мессианское понимание притчи еkkлесиастовой. Такое толкование встречается у *Оригена*, древнеримского писателя сер. IV века *Викторина*, у блж. *Иеронима*. Притча объяснялась этими учителями «в отношении ко Христу и диаволу, в отроке бедном и мудром разумея Христа. Он **отрок**, по написанному: **велие ти есть, еже назватися тебе отроком моим** (Ис. 49:6). Он бедный, поскольку, будучи богат, обнищал (2Кор. 8:9); Он и **премудрый**, ибо **преуспевал премудростью, и возрастом, и благодатью у Бога и человеков** (Лк. 2:52). Он родился... в царстве того старика, который показал Ему все царства мира и славу его, родился прекраснейший отрок и из дома узников... вышел на царство. ...Итак, Екклесиаст пророчесственным духом видел всех живущих, которые могут быть причастниками юноши, говорящего: **Я есмь жизнь** (Ин. 14:6), и, оставив старого глупого царя, следовать за Христом. ...А под конец иудеи, имеющие принять вместо Христа антихриста, не будут радоваться во Христе» [64; 4, 13–16]. Массовое принятие Христа и Христовой веры народами сменилось временами, когда позднейшие поколения уже не порадуются Ему, Своему Спасителю,

Притча о бедном, но умном юноше и старом, но неразумном царе не может рассматриваться как прямой мессианский текст, но в аллегорическом толковании вполне приложима ко Христу. Кстати, старый неразумный царь-диавол, когда явился на царство Отрок Иисус, имел своё яркое проявление в старике-царе – великом злодее Ироде, в таких стариках, как первосвященники Анна и Каиафа. И вот, после проповеди апостола Петра три тысячи, пять тысяч (Деян. 2:41; 4:4) – все живущие уже с этим, другим Юношей – Христом, который занял место того. А тот? – ему сказано: **Ныне суд миру сему, ныне князь мира сего изгнан будет вон** (Ин. 12:30).

Глава 5

Подлинное благочестие

Разочаровавшись в поисках смысла и цели того, что творится под солнцем, философ всё более обращается к мудрости жизни и уже не столько размышляет, сколько наставляет. Приблизившемуся к старости царю-страннику есть что сказать о подлинном благочестии, в отличие от внешне-показного. Сколько лицемерия, заискивания, лжи и ненадёжности видел царь в своей жизни. А сколько всего этого творится пред престолом Царя царствующих! Вот об этом и повёл Екклесиаст речь.

Еккл. 4:17 Наблюдай за ногою твоею, когда идёшь в дом Божий, и будь готов более к слушанию, нежели к жертвоприношению; ибо они не думают, что худо делают.

Еккл. 5:1 Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги.

Еккл. 5:2 Ибо, как сновидения бывают при множестве забот, так голос глупого познается при множестве слов.

Еккл. 5:3 Когда даёшь обет Богу, то не медли исполнить его, потому что Он не благоволит к глупым: что обещал, исполни.

Еккл. 5:4 Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить.

Еккл. 5:5 Не позволяй устам твоим вводить в грех плоть твою, и не говори пред Ангелом (Божиим): «это – ошибка!» Для чего тебе делать, чтобы Бог прогневался на слово твоё и разрушил дело рук твоих?

Еккл. 5:6 Ибо во множестве сновидений, как и во множестве слов, – много суеты; но ты бойся Бога.

Еккл. 5:7 Если ты увидишь в какой области притеснение бедному и нарушение суда и правды, то не удивляйся этому: потому что над высоким наблюдает высший, а над ними ещё высший;

Еккл. 5:8 превосходство же страны в целом есть царь, заботящийся о стране.

Строитель храма в Иерусалиме не раз наблюдал за проходящими богомольцами. Многие спешили туда, особенно по праздничным дням. С чем спешили люди?

Еккл. 4:17 Наблюдай за ногою твоею, когда идёшь в дом Божий, и будь готов более к слушанию, нежели к жертвоприношению; ибо они не думают, что худо делают.

Ещё не видно проходящих, а уже слышно блеяние и мычание жертвенных животных. За скотом показываются и самодовольные лица –

сегодня их жертва не будет скудной. Ягве не обидится. Он воздаст им по щедрости и обилию жертвоприношения, что они скажут у жертвенника, всё Бог даст им.

У порога **дома Божия** в обтрёпанной от странствий одежде нищий человек. Едва скользнул взгляд его по самодовольным лицам, так пытавшимся показать своё усердие и рвение Богу:

– **Наблюдай за ногою твоею, когда идёшь в дом Божий, и будь готов более к слушанию, нежели к жертвоприношению!**

– Да что он мешается, этот странник. Слушать будет Бог, наше дело жертву принести. И уж где-то про себя: это Бог пусть теперь слушает, пока мы говорим.

Столько жертв тучных! Столько жертвенной крови! Велико благочестие народа Божия. Они действительно при этом **не думали**, не замечали, **что худо делают**. Бог хотел **слушания**, а не **жертвоприношений**. Важнее не то, что мы говорим Богу, а то, что Он говорит нам. Как часто человек хочет откупиться у Бога какими-то со своей стороны жертвами, а Бог хочет сердце, Он хочет ему нечто сказать. **«Симон, Я имею нечто сказать тебе»**, – сказал некогда Иисус, находясь в доме Симона-фарисея. Но зачем это Симону? Он сам в себе уже всё сказал, что думает о Назарянине – явно не пророк, иначе знал бы, какая женщина прикоснулась к Нему.

Взирая на происходящее в храме, Ягве Бог говорит:

Когда вы приходите являться пред лице Моё, кто требует от вас, чтобы вы топтали двory Мои? Не носите больше даров тщетных; курение отвратительно для Меня;.. они бремя для Меня; Мне тяжело нести их (Ис. 1:12–14).

Как часто люди не готовы к слушанию. Богатые приношения в храм. Драгоценные оклады икон. Образ Богородицы весь завешан многочисленными кольцами, крестиками, медальонами, серьгами. Золотые купола. Новые искусно построенные храмы. Каждый жертвует Богу по мере своего достатка, так, чтобы самому не потерпеть урон. Жертвы в надежде на помощь Божию в обретении ещё большей прибыли. Цена, оплаченная за грехи, за несправедное богатство. Попытка успокоить совесть. И всё это так, чтобы не отягощать себя слушанием Слова Божия, чтобы ничего не менять в себе. Плата за грех, за успех и Царство Божие.

Батюшка спрашивает православного: «Читаешь ли Священное Писание?» – «Да, у меня есть молитвослов. Утренние и вечерние читаю. Николе Угоднику читаю, Пантелеимону», – произносится в ответ. О Евангелии, о Библии речи не идёт. Бывает, и Евангелие читается, чтоб

голова не болела. Нам много нужно от Бога. В наши планы не входит, что Ему что-то нужно от нас. Молитвослов – наши слова Богу, Библия – слово Бога нам. Нет, не готовы к слушанию.

Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых (Пс. 1:1), но и не менее важно: **Наблюдай за ногою твою, когда идёшь в дом Божий.** Обрати внимание, как ты это делаешь!

Раши так толкует слова Соломона: «**береги ноги твои, когда пойдёшь в дом Божий.** Как ты пойдёшь? Если принести жертву благодарственную или доброхотную, мирную жертву – это хорошо. И береги себя, чтоб не пришлось тебе приносить жертвы очистительные или повинные за совершённые грехи» [23; 4, 17].

Похоже, великий учитель иудейства не слышит Екклесиаста. Это ещё догадаться надо, так истолковать его слова. Действительно, нелегко **быть готовым более к слушанию, нежели к жертвоприношению.** Хотя далее равви выправляет свою речь в направлении мыслей Екклесиаста.

Блж. Иероним тонко чувствует мысль Екклесиаста: «А неразумные, не зная, что это [слушание Бога. – Г. Ф.] есть врачевство против греха, думают, что они могут удовлетворить Богу принесением даров, и не понимают, что это зло и грех – хотеть исправить сделанное не послушанием и добрыми делами, а дарами и жертвами» [64; 4, 17].

Екклесиастова мысль прозвучала ещё ранее в укоризне пророка Самуила самооправдывающемуся царю Саулу: **Послушание лучше жертвы, и повиновение лучше тука овнов (1Цар. 15:22).** Саул не уничтожил заклятый Господом скот амаликитян и оправдывался, что сохранил лучшее для жертвоприношения Ягве Богу. Бог хотел послушания Своему слову, а не жертвы и всежжения.

Не только Богу, но и философу-страннику неприятны воскурения жертв людей, не готовых к слушанию. Он спешит подальше от таких алтарей. Но если бы от этого стало легче! Повсюду он слышит множество слов и речей. Люди любят поговорить, а слушать им тоже не обязательно, как и тем жертвоприносителям. Пустые речи, так похожие на пустые сновидения.

Екклесиаст остановился у очередной **многословающей** толпы и гневно говорит, обращаясь к каждому лично:

Еккл. 5:1 Не торопись языком твоим, и сердце твоё да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги.

Еккл. 5:2 Ибо, как сновидения бывают при множестве забот, так голос глупого познается при множестве слов.

Еккл. 5:6 Ибо во множестве сновидений, как и во множестве слов, – много суеты; но ты бойся Бога.

– Что хуже многословия, производимого пустотой!

– А что плохого?

У философа на это два аргумента и одно сравнение. Во-первых, **не торопись языком твоим**, и даже **сердце твоё да не спешит произнести слово пред Богом**. В присутствии старшего и начальствующего не говорят без благословения, а когда говорят, то **слова да будут немноги**. Слово должно быть просто, по существу и кратко. Помни, **что Бог на небе, а ты на земле**, и много говорить не захочется. Это состояние внутреннего и подлинного благочестия, когда ощущение присутствия Божия, память о том, что Он на небе, а ты на земле, делает тебя немногословным. Это и есть исихия (молчание), которую стяжали афонские монахи и которую защищал св. Григорий Палама, написав Триады в защиту священнобезмолвствующих. Внутренняя пустынь священного безмолвия есть место обитания и благоволения Божия.

Во-вторых, голос глупого познаётся при множестве слов. Хочешь определить, глуп или мудр твой собеседник, обрати внимание на количество произносимых им слов. Кому-то посоветовали: «Ты молчи, говори поменьше, тогда у тебя хоть вид умный». И правда ведь, откроешь рот, помчатся слова, и вся глупость твоя наружу. А ещё есть графомания – это про тех, кто пишет множество слов. Множество слов при скудости мысли.

Приумолкли перед остепенившим их философом многоглагольники. Тут он им и сравнение приводит – слова, что сновидения. **Как сновидения бывают при множестве забот, так голос глупого познаётся при множестве слов**. И ещё: **Во множестве сновидений, как и во множестве слов, – много суеты**. Суета и многопопечительность, заботы – источник сновидений без смысла и толка. Суета и глупость порождают потоки слов. Екклесиасту даже скучно стало в окружении многословящих – **много суеты**, суета сует и томление духа!

Глупо внимать словам без смысла, глупо внимать сновидениям, порождаемым суетою. Где, как не в сновидениях, мы убеждаемся, какой суетой ещё переполнены наши сердца.

И в конце опять строго: **Но ты бойся Бога!** Много слов – отсутствие страха Божия. Страх Божий – начало премудрости. Нет мудрости – глупость порождает потоки слов.

Раши отмечает не многословие, а дерзкие речи пред Богом, которые иногда позволяет себе человек. **Произнести слово пред Богом**,

«изъявить речение пред Богом, – то есть, говорить сурово, обращаясь к Всевышнему» – вот это делать нельзя! – **«ибо Бог в небесах, а ты на земле.** Даже когда слабый наверху, а сильный внизу, слабый внушает страх сильному. И тем более, когда сильный наверху, а слабый внизу» [23; 5, 1–8].

Сны порождаются, говорит Раши, «множеством дум, когда человек озабочен чем-либо и размышляет об этом днём», так и «голос глупца отличается многословием» [там же]. Раши указывает и на другой источник нелепых снов: **«Ибо при множестве снов...** Что бы ни говорили тебе сны и лжепророки, словоблудно побуждая тебя устранишься от Вездесущего» [там же]. Речь идёт при этом не только о ложных снах, но и о ложных толкованиях, которые лжепророки прилагают к обычным суетным снам. Это особенно относится к всякого рода сонникам, купить которые можно в любом магазине. Раши завершает свою мысль: «Не внимай снам, **но Бога страшись**".

Св. Григорий Чудотворец: «Как за разнообразными заботами души следуют всяческие сновидения, так и с безрассудством связана пустая болтовня» [44; 5, 2].

Св. Григорий Нисский, опровергая Евномия, утверждавшего постижимость Божию в именах Его, обращался к словам Екклесиаста: «Итак, суетен тот, кто говорит, что знанием, напрасно надмевающим, возможно познать Божескую сущность... Послушай совета Екклесиаста не износить слова пред лицом Божиим, **яко Бог**, говорит он, **на небеси горе, ты же на земле долу.** Взаимным сопоставлением этих частей мира, или, лучше сказать, их расстоянием, по моему мнению, он показывает, сколь много Божеское естество выше мудрости человеческих рассуждений. Ибо сколько звёзды выше прикосновения к ним пальцами, столько же, или, лучше, много раз более естество, превосходящее всякий ум, выше земных умствований» [41; Опровержение Евномия, кн. 12, ч. 2, с. 303–308]. Святой Григорий отмечает, что Писание много говорит о Боге, но «самую же сущность, как неместимую ни для какой мысли и невыразимую словом, Писание оставило неисследованною, узаконив чтить оную молчанием, когда запретило исследование глубочайшего и изрекло, что не должно **износить слово пред лицом Божиим**" [там же].

Раши отмечал, что нельзя дерзить пред Богом, св. Григорий Нисский – что нельзя, богословски, дерзить пред Богом. Придержи слово, не износи его пред лицом Божиим.

Блж. Иероним говорит согласно со св. Григорием Нисским «Этим внушается то, чтобы мы ни словом, ни мыслию не размышляли о Боге

больше, чем сколько можно, но сознавали слабость свою, – что насколько отстоит небо от земли, настолько наша мысль далека от естества Его, и что поэтому слова наши должны быть сдержаны... желающий размышлять о Божестве слишком много впадает в неразумие» [64; 5, 1–2.6].

Что касается сновидений, блж. Иероним, ссылаясь на еврейских толкователей, разъясняет так: «Когда во время ночного покоя будут представляться тебе различные видения, душа будет возмущаться различными страхами или волноваться мечтами: ты презирай эти сонные видения и только одного Бога бойся. Ибо кто будет верить сновидениям, тот предаст себя суетам и непотребствам» [там же].

Св. Григорий Двоеслов указывает шесть причин, от которых бывают сновидения. Среди этих причин есть такая – размышление и наваждение вместе: «Опять, если бы сны не происходили иногда от размышления и наваждения, то не сказал бы премудрый муж: **приходит соние во множестве попечения** (Еккл. 5:2)» [39; кн. 4, гл. 48].

Скоропалительные обеты

Философ порицает многословие и особенно праздные слова пред Богом. Не спеши произнести слово пред Богом. Обещания, обеты и клятвы, произнесённые впустую пред Богом, – нет ничего хуже!

Еккл. 5:3 Когда даёшь обет Богу, то не медли исполнить его, потому что Он не благоволит к глупым: что обещал, исполни.

Еккл. 5:4 Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить.

Еккл. 5:5 Не позволяй уста твоим вводить в грех плоть твою, и не говори пред Ангелом (Божиим): «это – ошибка!» Для чего тебе делать, чтобы Бог прогневался на слово твоё и разрушил дело рук твоих?

Обещающий Богу и не исполняющий – глупец, а Бог **не благоволит к глупым**. Зачем заниматься глупостями?! Мудрый человек не скоро будет давать **обет Богу**, а уж если дал, то спеши исполнить! Нет ничего хуже, как не держать слово. Такой человек ни к чему не надёжен. Скорые обеты и к тому же неисполненные – признак глупости и пустоты. Иисус говорит: **Не клянись вовсе** (или всяко)... **Но да будет слово ваше: «да, да»; «нет, нет»; а что сверх этого, то от лукавого (Мф. 5:37)**. Христу, воплощённой Премудрости, крайне неприятна пустая болтовня многословов. Замечено – чем больше человек клянётся, тем больше врёт, чем больше обещает, тем меньше делает. Человек, говорящий правду и имеющий намерение исполнить сказанное, меньше всего прибегает к клятвам и обетам. Он просто делает.

Отмечает Екклесиаст и лукавый выверт, к которому прибегает не исполнивший своё слово человек. Теперь он извиняется: «**Это – ошибка!** Что-то я немножко не то пообещал!» Это то самое «нечаянное, за которое бьют отчаянно». **Бог прогневался на слово** такого глупца **и разрушил дело рук** его. Не исполнив обещанного, глупец занялся своими делами, но Бог их разрушил.

Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить!

Молодой семинарист попал на войну в Афганистане. Мать его обещала Богу и св. Иоанну Тобольскому в случае благополучного возвращения отблагодарить за охрану жизни у мощей святителя в Тобольске. Сын вернулся, продолжил учёбу, обет не исполнил. Смертельная болезнь ног настигает сына, его везут домой умирать. Вот тут вспомнили обет. Сын не возражает исполнить его. Его везут в Тобольск к святителю. Там соборование и исполнение всего, что обещали. Через несколько дней сын здоров и на своих ногах возвращается домой к матери.

Когда даёшь обет Богу, то не медли исполнить его!

...и не говорит пред ангелом (Божиим): «это – ошибка!»

Эти слова Екклесиаста понимаются по-разному. Перед кем не должно говорить, что это ошибка? В еврейском тексте приведено слово מַלְאָךְ (малеах), переводимое как «ангел» или «вестник».

Раши понимает так: **«И не говори пред посланцем**. Это посланец, который пришёл к тебе требовать милостыню, обещанную тобой на людях» [23; 5, 5]. Иначе под **ангелом** может пониматься священник, ожидающий исполнения обета. Так у пророка Малахии священник называется ангелом Ягве Саваофа (Мал. 2:7). В Апокалипсисе у Иоанна Богослова епископы именуются **ангелами церквей** (Откр. Гл. 1–3). Священник мог быть посредником при обете, данном Богу, как и сейчас священники подводят присяжного к присяге.

Иначе под **ангелом** здесь можно понимать небесного ангела Божия. Еврей-учитель *блж. Иеронима* объяснял ему: «Чего не можешь сделать, не обещай, ибо слова идут не на ветер, но предстоящим ангелом, который присущ как спутник каждому, тотчас доносятся ко Господу...» [64; 5, 5]. Поэтому Иероним в Вульгате и не переводит слово «посланец», а оставляет *angelo*, имея в виду бесплотного ангела Божия. Так сказанное и обещанное людям может касаться и ангелов Божиих.

Имеется и иное понимание сказанного. Екклесиаст говорит о человеке, который даёт **обет Богу**. Не Сам ли Бог разумеется и под **ангелом**? Так понимали ещё семьдесят толковников. В LXX в этом месте переводится: τοῦ θεοῦ. *Св. Григорий Чудотворец*, перелагая Екклесиаста, не говорит, что ангел доносит слова человека Богу, но непосредственно, «что их услышит Бог». Святые отцы преимущественно пользуются переводом LXX и соответственно толкуют эти слова в отношении самого Бога.

Что значит: **Не дозволяй устам твоим вводит в грех плоть твою?** *Раши* объясняет это в отношении потомства: **«...ввести в грех твою плоть**, чтобы вину взыскивали с твоих потомков» [23; 5, 5]. За неисполненное обещание ответственность могут понести потомки. Потому так важно не остаться должником даже в слове своём! Потомкам приходится иногда возвращать долги отцов своих.

Св. Киприан Карфагенский, ссылаясь на Соломона, говорит о том, как важно «безотлагательно исполнять обет, данный Богу. У Соломона: **аще обещаеши обет Богу, не умедли отдати его**» [75; Три книги свидетельств против иудеев, кн. 3, п. 30]. Интересно славянское слово **отдати**. Обещанное уже не принадлежит тебе – отдай!

Прп. Иоанн Кассиан Римлянин рассуждает об обетной молитве. «В молениях мы что-либо приносим или обещает Богу, что по-гречески называется εὐχή – «моление обетное» или просто «обет» [67; Собеседования египетских подвижников, соб. 9, гл. 12]. Слова псалмопевца **обеты мои Господу совершу (Пс. 115:9)** св. Иоанн Кассиан поясняет: «Согласно же с обыкновенным значением слов греческий текст может быть выражен и таким образом: **моления мои Господу воздам**. Равно и в Екклесиасте мы читаем: **аще обещаеши обет Богу, не медли отдати его**». Если же по своей беспечности и удобопреклонности к прежним порокам мы не исполним сих благих намерений, то будем виновны в наших молениях и обетах, и к нам отнесутся тогда сии слова (Екклесиаста): **благо тебе, еже не обещаватися, нежели обещавшуся тебе, не отдати**. Что с греческого можно разуместь так: «лучше не молиться, нежели, молясь, не исполнять молитвенных обетов» [там же]. У св. Иоанна Кассиана своеобразная мысль – молитва не только просьба, но и обещание. То и другое содержится в слове «мольба». Молитва – это не игра в одни ворота.

Вполне согласно со св. Иоанном Кассианом рассуждает св. Кирилл Александрийский: «Но равным образом подвергнется обвинению и не за малую вину сочтётся также невыполнение обещанного; ибо сказано: **аще обещаеши обет Богу, не умедли отдати его. Благо тебе еже не обещаватися, нежели обещавшуся тебе, не отдати**. Поёт так же и божественный Давид: **помолитесь и воздадите Господеву Богу нашему (Пс. 75:12)**» [76; с. 638, О поклонении и служении в духе и истине, кн. 15]. **Помолитесь и воздадите** – в этом суть нашего предстояния пред Богом.

Прп. Ефрем Сирин, ссылаясь на Екклесиаста, даёт полезный совет в духовной жизни: «Посему держись одних и тех же правил, так как написано: **благо тебе, еже не обещаватися, нежели обещавшуся тебе, не отдати**» [57; Поучение 12, к отпавшему брату и о покаянии]. Последовательность помогает, непоследовательность – наказывает. Особенно прп. Ефрем поддерживает этими соломоновыми словами монахов-подвижников: «Посему, монах... исполни пред Господом обеты свои, потому что написано: **благо тебе, еже не обещаватися, нежели обещавшуся тебе, не отдати**» [57; Поучение 44]. Это прп. Ефрем говорит по поводу того, что не должно монаху прилагать к себе слова апостола, что **лучше есть жениться, нежели разжизатися (1Кор. 7:9)**.

Св. Григорий Богослов находит полезным ничего не обещать Богу. «Ничего не обещай Богу (Еккл. 5:4), жазе и малости; потому что всё Божие, прежде нежели принято от тебя. И что ещё скажу? Не отдав

обещанного, ты крадёшь это сам у себя. – Какой же необычайный примешь на себя долг? Да уверят тебя в этом Анания и Сапфира» [38; Мысли, писанные четверостишиями, 8]. Всё и так Божие – что хочешь пообещать Ему?

Однако издавна повелось среди православных христиан в скорбях и испытаниях давать обет Богу. Этот обычай похваляет *прп. Максим Грек*: «Давать обеты Богу по доброму своему изволению, в случае великой скорби, или по желанию получить что-либо очень полезное, – это везде в Св. Писании я нахожу делом похвальным, когда обет исполняется; а если нарушается, то есть не исполняется на самом деле, то делает давшего обет виновным пред Богом... лучше тебе **не обещаватися, нежели обещавшуся тебе, не отдати**» [79; Слово 11]. Известны случаи, когда бесплодные родители давали обет Богу ради дарования им чада. Этот обет всегда имел большое значение для судьбы дарованного им по обету чада.

Когда даёшь обет Богу, то не медли исполнить его...

Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить!

Как точно эти слова относятся к крещению! Крещаемые в наше время, как правило, и не думают, что они что-то обещают. Все хотят быть крещёнными, но ничего не собираются исполнять из того, что не задумываясь обещали. Бог **не благоволит к глупым; что обещал, исполни!** Потому Бог **гневается на слово** крещаемых и **разрушает дело** рук их.

Слово о власти

Философ, всю жизнь восседавший на царском престоле, а теперь нищим скитающийся среди народа, видит связующую цепь власти от притеснения бедных до венценосного царя.

Еккл. 5:7 Если ты увидишь в какой области притеснение бедному и нарушение суда и правды, то не удивляйся этому: потому что над высоким наблюдает высший, а над ними ещё высший;

Еккл. 5:8 превосходство же страны в целом есть царь, заботящийся о стране.

Всё идёт по цепочке: бедный – высокий – высший – ещё высший – царь. если **царь, заботящийся о стране**, то и бедный не притеснён, и в суде правда. Если же бедному притеснение и на суде правда нарушается, то каковы власти и каков царь?!

Раши в словах Екклесиаста находит не только сочувствие бедным и притеснённым, но и долготерпение Божие над неправедными правителями. «Не удивляйся воле Вездесущего, ведь Он обычно проявляет долготерпение. **Ибо Вышний над Вышними хранит** – ждёт, пока не переполнится мера» [23; 5, 7].

Св. Григорий Чудотворец причину печального состояния в обществе находит в отсутствии страха Божия: «Страх же Божий спасителен для людей, но он редко обнаруживается» [44; 5]. Ещё св. Григорий отмечает, что должно признавать имеющуюся соподчинённость в иерархии. «Должно же далее отвращаться от того, чтобы не казаться большими тех, которые обладают большею властью» [там же].

Св. Афанасий Великий не раз вынужден был бежать с Александрийской кафедры ввиду гонений от ариан. Ариане порицали его при этом за трусость. Св. Афанасий оправдывал это своё уклонение от руки гонителей ради торжества правой веры. «Посему не порицания достойно и не бесполезно бегство святых. Если бы не уклонялись они от гонителей, то как бы Господь воссиял от семени Давидова?.. И Екклесиаст, зная злоумышления на благочестивых и говоря: **Аще обиду нищего и расхищение суда и правды увидеши в стране, не дивися о вещи: яко высокий над высоким надзиратель, и высоты над ними...** – имел отцом своим Давида, который опытно знал тяжесть гонений» [31; Защитительное слово 12, в котором св. Афанасий оправдывает бегство своё, п. 21].

Блж. Иероним в отмеченных Екклесиастом неправдах этого мира и их

попущении видит указание на Промысл Божий. «Если увидишь обиду бедного, ...если увидишь, что дела ведутся не правдою, а насилием: то не удивляйся... Ибо видит это высокий над высокими Бог» [64; 5, 7–8]. Праведное воздаяние оставлено на кончину мира, когда будет суд Божий.

Св. Григорий Двоеслов продолжает суждения блж. Иеронима. Происходящие в мире неправды «для того, чтобы ты знал, что Тот, Кого ты видишь долготерпящим грехи беззаконнующих, будет некогда судить праведно. Посему через некоторого мудрого говорится: **яко высокий над высоким надзиратель**. Надзирателем называется потому, что и терпит грехи людей, и мстит за них. Ибо тех, которым более снисходит в ожидании обращения их, строже наказует, если они не обратятся» [39; Беседа 13 на Лк. 12:35–40, п. 5]. Всё в этом мире по Промыслу Божию бывает и по Его долготерпению.

Суетность богатства

Уже давно Соломон, превосходивший всех царей земли богатством своим, не искал в нём счастья, тем более вожделенного и трон. Великолепное снаружи богатство – изнутри пусто. И вот уже не ищущий философ, а почтенный мудрец поучает тех, кто по неопытности своей думает найти в богатстве то, чего ищет сердце.

Еккл. 5:9 Кто любит серебро, тот не насытится серебром, и кто любит богатство, тому нет пользы от того. И это – суета!

Еккл. 5:10 Умножается имущество, умножаются и потребляющие его; и какое благо для владеющего им: разве только смотреть своими глазами?

Еккл. 5:11 Сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест; но пресыщение богатого не даёт ему уснуть.

Еккл. 5:12 Есть мучительный недуг, который видел я под солнцем: богатство, сберегаемое владельцем его во вред ему.

Еккл. 5:13 И гибнет богатство это от несчастных случаев: родил он сына, и ничего нет в руках у него.

Еккл. 5:14 Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришёл, и ничего не возьмёт от труда своего, что мог бы он понести в руке своей.

Еккл. 5:15 И это тяжкий недуг: каким пришёл он, таким и отходит. Какая же польза ему, что он трудился на ветер?

Еккл. 5:16 А он во все дни свои ел впотьмах, в большом раздражении, в огорчении и досаде.

Такова мудрость Соломона.

Кто любит серебро, тот не насытится серебром.

Серебро, как чесотка, – чем больше чешешься, тем больше хочется. Арабское предание относит ко Христу такое изречение: «Кто стремится быть богатым, тот подобен человеку, пьющему морскую воду. Чем более он пьёт, тем сильнее в нём становится жажда, и никогда он не перестанет пить, пока не погибнет» [15; с. 13].

Богатство приобретают, чтобы иметь остаток, не остаться на нуле. От богатства ждут **пользу**, а вот её-то и нет. **Кто любит богатство, тому нет пользы от того.** Богатство не больше, чем пар, пар рассеивающийся. **И это – суета**, пар!

По телевидению показывают иногда всему миру богатейших олигархов. рядом с их фамилиями звучат астрономические числа, выражающие их достояние. Какой обманный эффект! Богач-олигарх не

может сразу надеть две пары ботинок и за едой не в обеих руках у него по куску колбасы. Расходует на себя богач вовсе не в астрономических масштабах средства. Ограничены возможности человека⁵¹. Большие богатства – это большие обороты средств. **Умножается имущество, умножаются и потребляющие его; и какое благо для владеющего им, разве только смотреть своими глазами?** Смотреть да быть распределителем. И иметь много заботы.

Сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест; но пресыщение богатого не даёт ему уснуть. Один потрудился и спит сном праведника, мало ли, много ли заработал. Другому богатство никогда не даст уснуть. В бизнесе не бывает стабильности – или обогащение, или разорение. Покой даже и не снится. Бесконечная гонка и обороты. Нервная система бизнесмена всегда в напряжении.

Ещё есть **мучительный недуг – богатство, сберегаемое владельцем его во вред ему.** Душа повреждается сребролюбием. Растёт число завистников. инфляция превращает сбережения в ничто. А где страховка от этих **несчастных случаев**, в которых **гибнет богатство**? Не было у бабы печали, купила баба порося.

И наконец диагноз философа: **Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришёл, и ничего не возьмёт от труда своего, что мог бы он понести в руке своей.**

В полной мере это пережил человек из земли Уц, весьма разбогатевший и всё потерявший. Много приобретя и всё потеряв, праведный Иов сказал: **Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Ягве дал, Ягве и взял; да будет имя Ягве благословенно (Иов. 1:21)!**

В жизни стирается всякая грань между достатком и убожеством, довольством и несчастьем. Потрясающий рассказ **Чехова** «Палата № 6». Земский доктор видел достаток мещан и убожество своих клиентов, лишённых здравого рассудка. Не дремала философская мысль доктора, но жизнь прижимала её к земле. «Андрей Ефимыч и теперь был убеждён, что между мещанкой Беловой и палатой № 6 нет никакой разницы, что всё на этом свете вздор и **суета сует**» [159; «Палата № 6», гл. 17].

И не остаётся нашему философу-страннику ничего другого, как сказать: **Какая же польза ему, что он трудился на ветер?** Никакого итрон, никакой пользы, всё на ветер, всё суета и томление духа!

Вот потрясающий монолог барона-богача, пушкинского скупого рыцаря. Как на свидание, спустился он в подвал к своим верным сундукам. Сегодня ему вновь есть что вложить в них. Звенят в подвальной тиши

ссыпаемые монеты:

Ступайте, полно вам по свету рыскать,

Служа страстям и нуждам человека.

Усните здесь сном силы и покоя,

Как боги спят в глубоких небесах...

Наслаждается богач:

Я царствую! ...какой волшебный блеск!

Послушна мне, сильна моя держава;

В ней счастье, в ней часть моя и слава!

И вдруг, о ужас:

...но кто вослед за мной

Приимет власть над нею? Мой наследник!

Безумец, расточитель молодой,

Развратников разгульных собеседник!

Это невыносимо!

О, если б мог от взоров недостойных

Я скрыть подвал! о, если б из могилы

Придти я мог, сторожевою тенью

Сидеть на сундуке и от живых

Сокровища мои хранить, как ныне!

[152; «Скупой рыцарь»].

Есть два принципа труда и достатка – теургия и золотой телец. Вокруг золотого тельца плясали израильтяне у подножия Синая. Это идол богатства всех времён. Ярко выражен и идеологически обоснован принцип золотого тельца в капиталистическом способе производства и жизни, в экономике свободного рынка. Прибыль – движущая сила экономической, а за ней и духовной жизни. Всё ради дохода, всё продаётся и покупается, всё оценивается. Солдат и офицер уже не родине служат, не родные очаги защищают от супостата, а зарабатывают деньги. В какой армии больше платят, в той и служат. Из Сибири надо выкачать все богатства для обогащения некоторых московских господ. Школьник не ищет своё призвание в жизни, но думает, как получить востребованную специальность, чтобы иметь от неё доход. Выпускник школы не науки изучает, а готовится (дрессируется) к ЕГЭ⁵². Если учителю не доплатить за проверку тетрадей, то домашнее задание ученика останется непроверенным, да его и не зададут! Золотой телец правит бал. Танец вокруг него набирает обороты.

И совсем другое – теургия. Θεουργία – богоделание. Труд, а не зарабатывание. Возделывание земли, а не выкачивание из неё богатств. В

Эдемский сад Бог поместил человека, **чтобы возделывать его** (Быт. 2:15). И не делание ради делания, это мартышкин труд, а возделывание Богу. Теургия – круг земного бытия, центр которого – литургия. **Всё, что вы делаете, словом или делом, всё во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца (Кол. 3:17).** Это принцип теургии. Один делает деньги, другой делает Богу. От кухни и огорода до престола в алтаре – всё единое богоделание. В этом назначение человека, его радость и смысл труда. Слово «крестьянин» от «христианин». Возделывание земли во имя Христа Богу и Отцу. На этом и Божье благословение. Деньги должны исчезнуть – их не было в раю и нет в Царствии Божиим,

Екклесиаст этого не нашёл. Не нашёл теургию. Нашёл мучительное и бессмысленное стяжание богатств. **Какая же польза ему, что он трудился на ветер? А он (богач) во все дни свои ел впопыхах, в большом раздражении, в огорчении и досаде.**

Обратимся теперь к толкователям Писания.

Раши, ссылаясь на *мидраши*, приводит иносказательные толкования на текст Екклесиаста. Толкования интересны, но остаётся впечатление некоторой искусственности в приложении их к словам Соломона.

Вот примеры этих иносказаний.

"Кто любит серебро, не насытится серебром. Любящий заповеди не насытится ими. **И кто любит множество** – заповеди многие. **Не урожай,** но нет среди них заповеди определённой и особой, как, например, строительства храма или синагоги и написание свитка Торы прекрасного» [23; 5, 9–16]. отрицательное видение Екклесиастом ненасытимости в обогащении переходит в положительную ненасытимість заповедями Божиими. Подобный приём используют иногда и святые отцы в своих иносказаниях, например, св. Григорий Нисский, блж. Феодорит. Еврейское слово תְּבוּאָה (тебуах) переводится не словом «польза», «толк», а рассматривается в буквальном значении «урожай», или даже «хлебные злаки». Интересна выводимая из этого мысль, что заповеди даются в области духовно-нравственной, а такие вещи, как храмостроительство и переписывание Торы – это не заповедь, не урожай, это свободное творчество любящих заповеди. В христианстве ведь тоже так. Христос не заповедал строить храмы, писать иконы, записывать и толковать Его изречения. Всё это пришло как свободное творчество Его учеников и последователей.

Умножается имущество, умножаются и потребляющие его; и какое благо для владеющего им, разве только смотреть своими глазами? Вот иносказание, касающееся жертвоприношений: «С

умножением блага умножаются от него вкушающие – когда приносят много доброхотных жертв, умножаются священнослужители, которые едят от них. **И каков толк для его владельца** пред Пресвятым? **Кроме видимого глазами Его** – кроме того, что Он сказал, и воля Его исполняется» [там же].

"Сладок сон служителя Богу, мало ли, много ли он съест. Мало или много лет жизни ему доведётся вкусить, вознаграждение мало прожившему, как если бы он прожил **много...** [*мидраш Танхума*]. **А сытость богача,** обладающего преданием, то есть Учением, передаваемым от учителя к ученику, **не даёт ему спать** в могиле. Как сказано: **в движение приводит уста спящих (Песн. 7:10)** – когда произносят слышанное из уст какого-либо мудреца умершего, уста его шевелятся в могиле» [там же].

Сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест; но пресыщение богатого не даёт ему уснуть. *Св. Григорий Чудотворец:* «Бедный, хотя бы он был и раб и не переполнял своего чрева, однако пользуется приятным отдыхом во сне. Сильное же желание богатства соединено с бессонницей и томлением души» [44; 5]. **А он (богач) во все дни свои ел впотьмах, в большом раздражении, в огорчении и досаде.** «И, коротко сказать, для такого человека дни – мрак, а жизнь – скорбь» [там же]. От чего пытался уйти накоплением богатства, в том и пребывал во все дни свои.

Св. Киприан Карфагенский, говоря о том, что «не должно пристращаться к имуществу и деньгам», ссылается на «Соломонову книгу Екклесиаста: **любяй серебро не насытится сребра**» [75; Три книги свидетельств против иудеев, кн. 3, гл. 61].

Св. Василий Великий говорит о том, что любовь к богатству отвлекает от любви к Богу: «Так и в душе, сколько расточается любви к чему не должно, столько по необходимости оказывается недостатка в любви к Богу. Ибо кто однажды начал любить серебро, тот изливает на сие всю любовь свою. Ибо **любяй серебро не насытится сребра**» [34; Толк. на прп. Исайю, гл. 1, 23]. Невозможно немного полюбить серебро, а потом Бога. От серебра не оторвёшься.

Василий Великий укоряет тех, кто свою страсть к обогащению прикрывает заботой о детях: «Но богатство необходимо для детей» – это благовидный предлог любостяжательности; ссылаются на детей, а удовлетворяете собственному сердцу... Не слышишь ли, что говорит Екклесиаст: видел я недуг великий и страшный, **богатство хранимо от стяжателя во зло ему (Еккл. 5:12)**» [35; Беседа 7, К обогащающимся].

Блж. Иероним так выражает основную мысль соломонову: «Итак, изображается здесь скупец – что он никогда не удовлетворяется богатством и чем больше будет иметь его, тем больше желает» [64; 5, 9–16]. Святой отец приводит интересное изречение историка Саллюстия: «Скупость не от нищеты, ни от изобилия не уменьшается» [там же].

"Сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он поест. А пресыщение богача не даёт ему уснуть. Речь опять о богаче и скупце, и он приравнивается с трудящимся, который спит без заботы, мало ли или много он поет» [там же]. Но святой отец продолжает свою мысль за пределы смерти: «Далее, так как под сном разумеется и общий исход из этой жизни: то лучше будет покой того, кто теперь трудится и по силам своим подвизается в добрых делах, чем богатство тех, о коих написано: **«горе вам богатым, яко отстоите утешения вашего (Лк. 6:24)»**».

И ещё *блж. Иероним*: «Екклесиаст изображает богача, который ни сам не может пользоваться своим богатством и часто терпит из-за него бедствия, ни наследнику не оставляет собранного; но и сам, и сын его как пришли нагими, так наги же возвратятся в землю, и ничего из трудов их не пойдёт с ними» [там же]. Это святой отец называет толкованием простым. «Но если мы поднимемся выше, то, мне кажется, Екклесиаст говорит о философах или еретиках, которые собирают богатство учений на зло себе, и ни сами изобретатели их не могут получить от них какой-либо пользы, ни последователям своим не могут оставить прочного плода» [там же].

Ученик прп. Антония Великого и сподвижник св. Афанасия Великого св. *Серапион Тмуидский* восхваляет монашеский образ жизни: «Жена не надоедает вам хлопотами о своих нарядах, сыновья и дочери не удушают вас различными просьбами, слуга не убегает от вас, похитив всё ваше богатство, суетная забота о деньгах не крадёт ваш сон. **Насытившагося богатством, – как говорит Екклесиаст, – не оставляет уснути**» [91; Послание к монашествующим, 5]⁵³. Суетность ценностей этого мира, пережитая и познанная Екклесиастом, убеждала многих уходить в пустыни, ища монашеского уединённого жития.

Усреднённое счастье

И вновь, как это уже и раньше было, ничего не найдя вечного, остающегося человеку от трудов своих, наш странствующий философ сник и, опустив руки, согласился с умеренным счастьем обывателя.

Еккл. 5:17 Вот ещё, что я нашел доброго и приятного: есть и пить и наслаждаться добром во всех трудах своих, какими кто трудится под солнцем во все дни жизни своей, которые дал ему Бог; потому что это его доля.

Еккл. 5:18 И если какому человеку Бог дал богатство и имущество, и дал ему власть пользоваться от них и брать свою долю и наслаждаться от трудов своих, то это дар Божий.

Еккл. 5:19 Недолго будут у него в памяти дни жизни его; потому Бог и вознаграждает его радостью сердца его.

В толковании на Еккл. 3:12–13 мы уже рассуждали вместе с Соломоном на эту тему. Бессилие философа вновь привело его к счастью благочестивого обывателя. Такое счастье – **это дар Божий**. Философ похвалит этот дар, но в том-то и беда, что сам он этим даром не обладает, хотя временами пытается утешить себя и других подобных себе искателей восхвалением этого дара.

Раши, как это свойственно иудейской экзегетике, не стремится вникнуть в философские муки Соломона, но возводит слова Екклесиаста о земном счастье к более возвышенному счастью исполняющего свой религиозный долг иудейского праведника.

Есть и пить и наслаждаться добром (Еккл. 5:17), согласно Раши, означает «заниматься Торой, которая суть **приятное доброе, благое** (Притч. 4:2), и не копить богатство великое, но довольствоваться долей, которая дана ему, ибо это – его доля» [23; 5, 17–19]. И далее: «**И власть ему дал есть от того при жизни и брать свою долю** после его смерти. То есть, Он [Бог. – Г. Ф.] даёт ему возможность заниматься Торой и заповедями при его жизни, чтоб ему вознаграждение получить после смерти» [там же].

Св. Григорий Чудотворец противопоставляет бессмысленное накопление богатств неправедным путём, о чём Екклесиаст говорил ранее (Еккл. 5:9–16), праведному достатку, нажитому честным трудом: «Но вот что благо и не должно быть отвергнуто: Божий дар есть то, что человек может в радости наслаждаться своими трудами, принявши Богом данные, а не похищенные сокровища» [44; 5].

Блж. Иероним находит в словах Екклесиаста указание на преимущество человека, с довольством пользующегося тем, что имеет, по сравнению с тем, кто постоянно стремится увеличить своё богатство. «По сравнению с тем, который пользуется своим имением во тьме забот и с великою скорбью жизни собирает богатство приходящее, лучше тот, кто пользуется настоящим. Ибо здесь есть, по крайней мере, хоть небольшое удовольствие в пользовании, а там только великие заботы» [64; 5, 17–19]. Это то, о чём говорил Господь Иисус: **итак не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?» или: «во что одеться?»... потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом (Мф. 6:31–32)**, а апостол говорил так: **Великое приобретение – быть благочестивым и довольным (1Тим. 6:6)**.

Кроме прямого значения еkkлесиастовых слов, *блж. Иероним*, подобно Раши, находит в них значение духовное: «Но лучше, по апостолу (1Кор. 10:3), разуместь здесь дарованную Богом духовную пищу и духовное питье и видеть благо во всяком труде своём: ибо с великим трудом и подвигом мы можем созерцать истинное благо» [там же].

Св. Григорий Двоеслов в соответствии со своей концепцией книги Екклесиаста видит в одних изречениях Соломона мысли человека, колеблющегося умом и приверженного этому миру, а в других – мысли, удовлетворяющие уму человека совершенного. В данном случае св. Григорий относит эти слова к уму несовершенных в Боге. «Соломон говорит в сей книге: **Се видех аз благое, еже есть изрядно, еже ясти и пити, и видети благостыню во всем труде своем...** говорится от лица несовершенных» [39; кн. 4, гл. 4]. Такой итог, к которому здесь приходит Екклесиаст, не видится св. Григорию целью, к которой Соломон хочет привести своего читателя, скорее, наоборот – это неверный итог, к которому приходит человек, несовершенный в Боге.

Глава 6

Тщетность богатства и славы

Недолго философ наслаждался счастьем и покоем в доме довольного всем и благочестивого обывателя. Какая-то сила его так и тянет к тем, кто ищет большего и не находит ничего.

Не философское это дело сидеть в доме обывателя.

Не философское это дело наслаждаться счастьем умеренности.

В руках опять страннический посох...

И опять суета и томление духа.

Еккл. 6:1 Есть зло, которое видел я под солнцем, и оно часто бывает между людьми

Еккл. 6:2 Бог даёт человеку богатство и имущество и славу, и нет для души его недостатка ни в чём, чего не пожелал бы он; но не дает ему Бог пользоваться этим, а пользуется тем чужой человек: это – суета и тяжкий недуг!

Еккл. 6:3 Если бы какой человек родил сто детей, и прожил многие годы, и ещё умножились дни жизни его, но душа его не наслаждалась бы добром и не было бы ему и погребения, то я сказал бы: выкидьш счастливее его,

Еккл. 6:4 потому что он напрасно пришёл и отошёл во тьму, и его имя покрыто мраком.

Еккл. 6:5 Он даже не видал и не знал солнца: ему покойнее, нежели тому.

Еккл. 6:6 А тот, хотя бы прожил две тысячи лет и не наслаждался добром, не все ли пойдёт в одно место?

Еккл. 6:7 Все труды человека – для рта его, а душа его не насыщается.

Еккл. 6:8 Какое же преимущество мудрого перед глупым, какое – бедняка, умеющего ходить перед живущими?

Еккл. 6:9 Лучше видеть глазами, нежели бродить душею. И это – также суета и томление духа!

Еккл. 6:10 Что существует, тому уже наречено имя, и известно, что это – человек, и что он не может препираться с тем, кто сильнее его.

Еккл. 6:11 Много таких вещей, которые умножают суету: что же для человека лучше?

Еккл. 6:12 Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни, во все дни суетной жизни его, которые он проводит как тень? И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?

Вновь и вновь взгляд славнейшего и богатейшего царя Востока не

может скользнуть мимо славы и богатства, однако вновь и вновь остановиться при этом ни на чём не может – всё **суета и томление духа**, пар и погоня за ветром. **Есть такое зло под солнцем, что Бог даёт человеку богатство и славу, но не даёт ему Бог пользоваться этим.** Не было бы богатства, не обидно было бы, что и пользоваться нечем. Что это за круг – Бог даёт тебе и не без твоего труда и заслуг, **а пользуется тем чужой человек?** Это не вписывается в правду, а праведности ещё нет. Где смысл? Нет, **это – суета и тяжкий недуг!** И нет от него исцеления. Сколько раз достигшему богатства и славы пели «многая лета», но сколь бы ни **умножались дни жизни его**, даже если произошло бы совершенно невероятное и **прожил бы две тысячи лет**, но при этом **не наслаждался добром** своим, счастливее была бы участь **выкидыша!** Да, выкидыш – это очередная бессмыслица! **Он напрасно пришёл** в мир сей и тут же **отошёл во тьму** могилы и шеола. **Его имя покрыто мраком**, ведь оно и не было наречено. **Он даже не видал и не знал солнца.** Но даже при этой бессмыслице выкидышу **покойнее, нежели тому богачу**, который много обрёл, много пожил и **не наслаждался добром.** Богачи и славные цари вместе с выкидышами **пойдут в одно место.** Земля и шеол поглощают всех одинаково. Только одним при этом горе от ума, а другим всё равно. Одним на земле **томление духа**, а другим **покойнее.** А что будет там? ...Нет! **Всё это – суета и тяжкий недуг!** Выкидышу покойнее, чем славному Соломону. Приехали.

Все труды человека для рта его, а душа его не насыщается.

Эти слова можно понимать двояко, смотря чей **рот** имеется в виду. Если рот **человека**, то ясно – **все труды** направлены на удовлетворение гортанобесия и чревоугодия. Гортань и чрево человека богато пируют, **а душа его не насыщается**, она бедствует и томится. Если же **рот**, в связи с предыдущими словами, относится к **одному месту**, к всепожирающей пасти земли и шеола, куда одинаково отходят и богач, и выкидыш, то там **душа богача не насыщается**, в том царстве теней она вечная скиталица, не имеющая никакого пристанища.

Какое же преимущество мудрого перед глупым? Или проще: «Чем мудрый лучше глупого?» Всепоглощающая пасть могилы делает эту разницу неочевидной. **Какое преимущество бедняка, умеющего ходить перед живущими?** А.Э. Графов переводит яснее: **Что пользы бедняку, если он и знает, как поступать в жизни?** Житейская мудрость не прибавила счастья бедняку.

Лучше видеть глазами, нежели бродить душою. И опять яснее переводит А.Э. Графов: **Лучше то, что видят глаза, чем то, к чему**

влечётся душа. Это вполне соответствует русской поговорке «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Однако в этом **лучше** лучшего-то ничего нет. Всё это **также суета и томление духа**, пар и погоня за ветром.

Что существует, тому уже наречено имя праотцем Адамом в Эдемском саду. Природа познана человеком в её богоустановленной предначертанности. Это познание, кстати, более ведомо святым, нежели учёным мудрецам мира сего. Серафиму Саровскому больше есть что сказать Ломоносову, чем наоборот. Адамово познание есть познание логосов вещей, научное познание раскрывает лишь их номосы. Логос – суть и предназначение, номос – закон и устройство.

...и известно, что это – человек. (אָדָם – адам). Либо известно, **что это человек** нарекал имена; либо известно, что имя нарекавшего – Адам, то есть «земля», «прах». В любом случае **он не может препираться с тем, кто сильнее его.** С кем? Кто этот сильнейший? Не вполне ясно. Речь ли о более сильном человеке, а потому «каждый сверчок знай свой шесток». Или это Сам Бог, перед Которым да молчит всякая плоть, знатный и богатый да вспомнят своё ничтожество.

Имеет арабское предание, согласно которому Адам даже ангелам нарекал имена, и они должны были поклониться ему. «Вот сказал Господь твой ангелам: «Я создаю человека из глины, а когда Я его завершу и вдуну в него от Моего духа, то падите, поклоняясь ему!» И пали ниц ангелы все вместе» [20; 38; 71–73]. Все ангелы и поклонились образу Божию, кроме иблиса, дьявола. Так по этому сказанию.

И вот, нарекавший имена стоит перед своим бессилием. **Он не может препираться с тем, кто сильнее его.**

Много таких вещей, которые умножают суету: что же для человека лучше? Выбор не вдохновляющий. Из двух вещей, умножающих суету, какую выбрать? Ту, от которой суеты поменьше, или ту, от которой суета не так обидна?

Использованное слово אִבְרִי (дебарим) некоторые переводчики переводят не как «вещи», а «слова». Еврейское слово позволяет оба употребления. Тогда получается: **Много есть слов суетных** (пустых) – **что пользы в них человеку?** Многословие и пустословие ещё никого не украсило.

Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни, во все дни суетной жизни его, которые он проводит как тень? Дни жизни скользят, как тень – может ли в них быть что доброе? ...Тень неуловима, тень ненакопляема, несберегаема – она незаметно исчезает. Автор помнит, как в детстве пытался поймать свою тень, хотя бы прикоснуться к ней. Это

никогда не удавалось. Умаяясь, тень в момент прикосновения исчезает вовсе. Таковы наши дни.

Может, что-то лучшее в днях грядущих? Но **кто скажет человеку, что после него будет под солнцем?** Не от одного Навуходоносора удалился сон видений главы его на ложе его (Дан. 2:1, 28). Какой Даниил откроет, **что будет после сего?** Прошлого уже нет, сегодняшнее исчезает, как только прикасаешься к нему, а будущего ещё нет, всегда нет. Наступившее будущее мгновенно уносится в прошлое.

Стремительный темп времени, невероятная занятость не дают продохнуть, особенно в мегаполисах. Водоворот и гуща жизни и при этом полное отсутствие её. Ещё А.И. Герцен заметил: «В Петербурге вечный стук **суеты суетствий**, и все до такой степени заняты, что даже не живут» [125; с. 612, «Москва и Петербург»].

Приведём некоторые размышления толкователей и святых отцов.

Человек обрёл много богатства и долго жил, **но душа его не насытится** (Еккл. 6:3) «тем благом, потому что он недоволен долей своей... **и также погребения не было у него**. Порою такой погибнет, и псы обглодают его. Всё это относится к Ахаву, который произвёл на свет многочисленных сыновей, и богатство его великим было, а он желал принадлежавшего другим⁵⁴ и не испытал удовлетворения от своего богатства, и псы обглодали его труп». Так рассуждал Раши [23; 6]. Случается и такое, что богатого человека похоронить некому.

Слова Екклесиаста: **Что существует, тому уже наречено имя, и известно, что это – человек, и что он не может препираться с тем, кто сильнее его**. Раши толкует так: «Значимость и величие, присущее ему [богачу. – Г. Ф.] при жизни, уже наречено имя тому. Иначе говоря: такое было уже и прошло. Прежде он прославился как властелин, а ныне то миновало, и стало известным, что он **человек**, не Бог. Ему предстоит умереть, и **не может он спорить** с ангелом смерти, **который сильнее его**» [там же]. Смерть уравнивает всех и показывает, что великие мира сего – такие же люди (люди), как все.

Ибо кто знает, что хорошо для человека **во все дни суетной жизни** его. Раши указывает буквальное значение фразы: «**В считанные дни его суетной жизни**, которые малы числом» [там же]. Эти дни человек **проводит как тень**. Не как «тень от пальмы или от стены, которые в какой-то мере постоянны, ...это тень птицы на лету». Так истолковано в мидраше [там же].

Пересказ екклесиастова текста (гл. 6) св. Григорием Чудотворцем можно сосредоточить в словах: «Впрочем, неразумный изобличается

особенно тем, что не получает удовлетворения никакому пожеланию. Мудрый же не подвержен этим страданиям» [44; 6].

Блж. Иероним, толкуя Екклесиаста, поясняет: «Изображает [Соломон. – Г. Ф.] скупого богача и говорит, что вот какое частое зло у людей: нет у него недостатка ни в чём, что в мире считается благом, а тем не менее он мучится глупейшею скупостию, сберегая богатства на растрату другим» [64; 6].

Образ скупого богача, не попользовавшегося своим богатством, которое досталось совсем другим людям, наводит святого отца на историческое сравнение: «Можно понимать это и в отношении к Израилю, – что Бог дал ему закон и пророков, завет и обетование, а между тем Спаситель говорит: **Яко отыметя от вас царствие Божие и дастся языку, творящему плоды его (Мф. 21:43)**. Всё это будет передано чуждому и собранному из язычников народу, а те израильтяне видят блага свои и не пользуются ими. И мы в гораздо лучшем положении, мы, считавшиеся как мёртворождёнными и последними в глазах тех, которые хвалились древностию» [там же].

"И даже погребения не будет ему... означает то, – говорит *блж. Иероним*, == что он ничего не сделает доброго, чем бы мог оставить себе память в потомстве и не прожить своего века бесследно, подобно скотам, хотя имел средства, которыми мог бы заявить о своём существовании» [там же].

Блж. Иероним, приводя различные понимания не вполне однозначных слов Екклесиаста, толкует и так в ярком образном сравнении: «**Все труды человека во рту его, и даже душа не наполнится...** Всё, что приобретают люди трудом в мире сем, истребляется ртом, и, пережёванное зубами, передаётся для сварения желудку. Несколько улаждая горло, оно, по-видимому, даёт удовольствие, но только до тех пор, пока находится во рту, а когда перейдёт в желудок, то перестаёт ощущаться различие между пищею. И после всего этого душа ядущего не наполняется» [там же]. Далее Иероним толкует более классически, без иронии.

Слова что есть, что будет – уже названо имя тому, и известно, что это человек, и не может он судиться с сильнейшим его, *блж. Иероним* в первую очередь толкует, как ветхозаветные пророчества о Христе, Сыне Человеческом. «Известно, что Он есть человек, и по человеческой стороне не может равняться Отцу» [там же]. Приводит *блж. Иероним* и своеобразное толкование: «Некоторые думают, что в этом месте указывается то, что Бог уже знает имя всех людей, кои имеют быть и будут

облечены телом, и что человек не может препираться с Творцом своим, зачем Он сделал так или иначе» [там же].

Св. Григорий Двоеслов, произнося проповедь на евангельскую тему о богаче и Лазаре (Лк. 16:19–31), рассуждает о том, почему в аду у богача «жар преимущественно обнаруживается в языке, когда он говорит: **посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и устудит язык мой, яко стражду в пламени сем...** Следовательно, преимущественно горячо ему будет там, где он показывает, что знал то, чего не хотел исполнять. Поэтому об учёных и нерадящих через Соломона хорошо говорится: **весь труд человекъ во уста его, и душа его не исполнится** (Еккл. 6:7), потому что кто старается только о том, чтобы знать то, о чём должно говорить, тот пустым умом воздерживается от самого выражения на деле своего знания» [39; Беседа 40 в храме св. Лаврентия в 3-ю неделю по Пятидесятнице, Лк, 16:9–31, п. 2].

Св. Григорий Двоеслов, обращаясь к словам Екклесиаста **кое изобилие (человеку) мудрому паче безумного? понеже нищ позна ходити противу живота** (Еккл. 6:8), находит, «что мудрый имеет нечто более... глупого человека, именно то, что он стремится туда, где есть жизнь» [39; кн. 4, гл. 4]. Потрясающе, что у человека бывает такая глупость устремляться к тому, что ведёт к смерти и гибели.

Изберите жизнь! Однако на этот призыв не откликается глупость человеческая.

Глава 7

Потрясающая мудрость жизни изложена Екклесиастом в седьмой главе его книги. Множество святых отцов и учителей церкви ссылаются в своих рассуждениях на тексты этой главы. Нами будут приведены выдержки из творений девятнадцати отцов-толкователей Писания.

Плач и смех

В доме яркий свет и громкий хохот.

В жилище сумрачно и слышен плач.

Философ смотрит туда и сюда, останавливается, размышляет.

Еккл. 7:1 Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти – дня рождения.

Еккл. 7:2 Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира; ибо таков конец всякого человека, и живой приложит это к своему сердцу.

Еккл. 7:3 Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше.

Еккл. 7:4 Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья.

Еккл. 7:5 Лучше слушать обличения от мудрого, нежели слушать песни глупых;

Еккл. 7:6 потому что смех глупых то же, что треск тернового хвороста под котлом. И это – суета!

Человек может умастить себя драгоценным елеем и ароматами, но гораздо ценнее его доброе имя. **Доброе имя лучше дорогой масти.** Не имеющий доброго имени пытается возместить его дорогой мастью, наградами и званиями, украшениями, одеждой, косметикой. О **добром имени** русский народ давно заметил: «береги честь смолоду...» Философ видел нарядно одетых, умащённых многоценными духами преступников ярко разукрашенных блудниц. Мы видели геройские звёзды, маршальские звания, все мыслимые награды, чины и должности на тех, чьи имена не отмечены в стране значимых дел и подлинной добродетели.

И дальше резкое сопоставление доброго имени и дорогой масти со смертью и рождением. **День смерти лучше дня рождения!** Как это так? Разве такое может быть? Про **имя** и **масть** – там мы согласны. Но здесь?!.. Кто может с этим согласиться?! Успокойся. Успокойся и подумай. **День рождения** – это часто всего лишь **дорогая масть**. Честь отцовства и материнства. Праздник. Застолье. Приятные подарки и речи. Но никто при этом не хочет вспомнить, что **не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда, но человек рождается на страдание...** (Иов. 5:6–7). Кто в день рождения скажет: **И как быть чистым рождённым женщиною** (Иов. 25:4)? Кто в этот день не забудет вместе с Давидом: **И во грехе родила меня мать моя** (Пс. 50:7)?

В 1925 году в приволжском немецком селе родилась маленькая девочка. В комнату зашла её тётя и, заглянув в детские пелёнки, грустно сказала: «Ты бедный червячок, зачем ты пришла в этот мир?» Времена наступали тяжёлые. Услышавшая тётины слова сестрёнка новорождённой очень испугалась и подумала, что это родился, наверное, уже последний ребёнок, так как мир стал ужасно злым,

О дне смерти Писание говорит другое: **Блаженны мёртвые, умирающие в Господе (Откр. 14:13)**. Правда? об этом Екклесиаст ещё не знал. Апостолу-тайнозрителю было сказано с неба, что блаженство умирающих **отныне**, со времени Христа; при Соломоне этого ещё не было, но Соломон это чувствовал.

Память всех святых **в день их смерти**, а отнюдь не **в день их рождения**. В рождении человек становится смертным, в смерти он переходит в бессмертие. Кстати, можно отметить, что и мусульмане чтят своих праведников в день их кончины, а не в день рождения. Только атеистическое сознание пришло к тому, чтобы праздновать память усопших видных деятелей в дни их рождения. Не веруя в духовный мир, не зная вечности, на них сбывается слово **прах ты и в прах возвратишься (Быт. 3:19)**. Пришёл в мир этот «бедный червячок», в нём и остался. Так в атеистическом, светском сознании. Умер человек, и поминают его в день рождения на смерть.

В день смерти близких человек очищается, подтягивается, становится лучше; в день рождения – часто наоборот, особенно отцы, водки напившись.

В глазах Соломона ни день рождения, ни день смерти ещё не были просвещены светом Христовым. Для христианина слова Екклесиаста остаются в силе, но день рождения освящается днём крещения, а день смерти ублажается, как переход в Царство Небесное. Соломон же стоит перед жёсткой правдой земной жизни и смерти.

Из того, что уразумел Екклесиаст о дне рождения и дне смерти, становится ясно, как следует поступать и чему отдавать предпочтение в жизни. **Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира. Это так, ибо таков конец всякого человека, и живой приложит это к своему сердцу.** Это постигнет и нас, как уже постигло других. К этому следует приложить своё сердце.

Одна матушка вспоминает, что ещё в юности предпочитала идти на похороны, а не на день рождения или другой праздник, если таковые происходили в один день. Не все в молодости делают такой выбор. Кстати сказать, та матушка в юности вовсе не отличалась отсутствием присутщего

возрасту жизнелюбия и весёлости. Почему же так бывает? Потому что **сетование лучше смеха, потому что при печали лица сердце делается лучше**. Вот поэтому **сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья**. Родители замечают, что когда дети смеются и безудержно хохочут – скоро будут слёзы, порой даже не успевают предотвратить ситуацию. Христос же сказал: **Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеётесь**, и Он же сказал: **Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете** (Лк. 6:21, 25). Как часто лицо **смеющегося** выдаёт внутреннюю пустоту и растление. Это мы видим, особенно на экранах телевизоров в наших комедиантах. Юмор редко поднимается выше пояса, но у этих же людей **при печали сердце делается лучше**. Это знали все преподобные отцы и преподобные матери. Это происходит со всеми **при печали лица**. Можно сравнить ничего не выражающие лица с широкой американской⁵⁵ улыбкой и рядом белых зубов и лики святых, глаза которых промыты покаянными слезами.

Бельгийский поэт *Метерлинк* сказал: «Хотя ангелы прекраснее людей, но в их очах нет слёз...» [101; с. 24].

У Иванушки-дурачка в русских сказках всё кончалось всегда **домом пира**, но далеко не всё в нём достойно подражания – хотя бы то, что ему частенько удавалось побездельничать и, кого надо, обдурить.

Плач и смех. Мудрый философ находит случай в жизни, весьма к этому подходящий. Укоризна и похвала – ясно, что из этого человеку приятно. А что полезно? **Лучше слушать обличения от мудрого, нежели слушать песни глупых**. Тяжко выслушивать **обличения**, душа при этом заключается в **дом плача**. однако это полезно, если исходит **от мудрого**, могущего наставить на добро. Пусть обидно, нелегко **слушать обличения**, однако это намного **лучше**, чем спешить в **дом веселья** и там **слушать песни глупых**. Эти песни ублажают тебя, может, даже возвеличивают или просто доставляют наслаждение, но не забудь, **что смех глупых то же, что треск тернового хвороста под котлом**. Не становись таким **котлом**, что разогревается при **треске** горящего **тернового хвороста!** Всё это – **суета!** Правда, приятная, вот и покупается на неё человек, а если при власти и деньгах, так намеренно окружает себя терновым хворостом **глупцов**, наслаждается **треском** их похвальных речей и тостов, а уж об **обличении от мудрого** и речь быть не может. Мудрых держат вдали и держат их так, что обличать им и самим в голову не придёт.

Пир. Веселье. Смех.

Треск тернового хвороста.

Кажется, что это надолго, но **и это – суета**, пар – пройдёт, рассеется.

Обратимся теперь к толкованиям святых отцов и учителей.

Вот толкования иудейского предания.

Раши: "**Лучше доброе имя, чем елей добрый**. Добрый елей стекает вниз, как сказано: **как добрый елей на голове, стекающий на бороду** (Пс. 133:2), а доброе имя поднимается вверх, как сказано: **И возвеличу Я имя твоё** (Быт. 12:2). Добрый елей – на время, а доброе имя – навеки» [23; 7, 1–6].

Раби Йехуда сын Симона приводит исторический библейский пример: «Мы знаем, что носители **добротого елеса** вступили на место жизни и покинули его сожжённым. Это Наддав и Авигу, помазанные на священнослужение елеем помазания. И мы знаем также носителей **добротого имени**, которые вступили на место гибельное и вышли живыми. Это Ханания, Мишаэль и Азария, которые живыми вышли из горнила огненного» [там же].

Раши: "**Лучше гнев, чем смех**. Когда человека преследует строгий суд, пусть не печалится... Для Адониягу лучше было бы, если отец его Давид огорчал бы его за каждый совершённый поступок и не улыбался ему. Ведь впоследствии Адониягу погиб за всё, им содеянное» [там же].

По поводу **голоса терниев под котлом раби Йегошуа сын Леви** не без иронии замечает: «Всякое дерево горит тихо, и только шипы [хворост. – Г. Ф.] подают голос, говоря: «Мы тоже из деревьев и в нас нуждаются». Так и глупцы отличаются многословием, утверждая: «Мы тоже из числа важных людей» [там же].

Св. *Григорий Чудотворец* прекрасно перелагает Екклесиаста. «Добрая же память для души приятнее, чем елей для тела, и конец жизни лучше рождения» [44; 7]. В созвучии с библейским примером Давида и сына его Адонии св. Григорий говорит: «Подобным образом разумный гнев предпочтительнее смеха, ибо суровым выражением лица приводится в порядок душа» [там же]. «И гораздо более желательно подвергнуться прещению одного мудрого, чем стать слушателем хвалебных песен целой толпы людей дурных и жалких» [там же].

Св. *Василий Великий* в слове на память мученицы Иулиты рассуждает о языческом, мирском оплакивании умерших, воплях отчаяния и причитаний. Как должно поступать христианину, видя такую скорбь у ближних, и как исполнить слова Екклесиаста, что **лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира**. Св. Василий говорит о благочестивой мере, которую следует соблюсти христианину-утешителю. Не быть безразличным, не вдруг призывать скорбящего к благодарению и радости и самому не заразиться безмерной печалью неверующего об

умершем. И в первом, и во втором, и в третьем случае пользы скорбящему не принесёшь. *Св. Василий*: «Не хвалю того врача, который не помогает страждущим, но сам заражается болезнями... таков и тот, кто, приходя к плачущим, не пользу подаёт им словом своим, но принимает на себя безобразие чужих страстей. Печалиться о бедствиях людей плачущих – следует, ибо таким образом сблизись со страждущими, не показывая ни веселия по причине бедствий, ни равнодушия к чужим горестям. Но неприлично вместе со скорбящими вдаваться в излишества... Так да будет по слову соломону, благо ходити в дом плача, нежели в дом пира» [35; с. 117–118, Беседа 5, На память мученицы Иулиты].

Блж. Иероним чётко раскрывает значение еkkлесиастовых слов.

Вот три причины, почему **день смерти лучше дня рождения**. «Или то, что лучше выходить из мира и освобождаться от треволнений и превратностей жизни, чем, вступая в мир, терпеть всё это; или то, что при смерти нам известно, каковы мы будем, а в начале, при рождении, мы не знаем, каковы мы будем; или то, что рождение свободу души связывает телом, а смерть разрешает» [64; 7, 1–6].

Из того, что Еkkлесиаст предпочитает дом плача дому пира, *блж. Иероним* заключает, что там, где Соломон похваляет **есть и пить и наслаждаться добром** (Еккл. 5:17), там «не наслаждение предпочитает всему, как некоторые несправедливо думают, а только говорит, что по сравнению со скупостью и излишнею бережливостью лучше», если будет пользоваться своим именем. Если бы ястие и питье для Соломона были самоценны, «он никогда не предпочёл бы скуки плача веселью пира».

Блж. Иероним: "**Лучше гнев, чем смех, ибо в печали лица улучшится сердце**. Смех нравственно расслабляет смеющегося, гнев исправляет и улучшает. Будем гневаться и на себя, если когда грешим, будем гневаться и на других» [там же]. Святые отцы чаще призывают к неосуждению согрешающего, здесь же *блж. Иероним* похваляет праведный гнев, которым опечаливается лицо, но улучшается сердце. Это путь более пророческий, чем преподобнический.

Учителю и наставнику полезнее произвести в слушающем его **плач**, нежели вызвать ободрение, а потом наслаждаться **слушанием песен глупых**. Мудрый «пусть идёт в дом такого мужа, который, согрешив, укоряет себя; пусть идёт, чтобы он привёл его к слезам... и пусть не идёт в дом веселия, где учитель льстит и обманывает, где он ищет не обращения слушателей, а рукоплескания и похвалы» [там же]. А как приятно быть таким учителем, которому рукоплещут слушатели! За этот миг рукоплесканий можно жизнь отдать! Артисты этого и не скрывают. **И это**

– суета!

Св. Амвросий Медиоланский призывает к покаянию оставивших веру. Святой отец приводит ряд библейских примеров покаяния. «Приказано было плакать Иезекиилю об Иерусалиме, почему принял книгу, в начале которой написано: **плач, и стон, и горе** (Иез. 2:10). В этом случае две вещи печальны [стон и горе. – Г. Ф.], а одна радостна [плач. – Г. Ф.], ибо в будущем веке спасён будет тот, кто в этом много изливает слёз, ибо **сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья** (Еккл. 7:5), и Сам Господь говорит: **Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеётесь** (Лк. 6:21)» [29; Две книги о покаянии, кн. 2, гл. 6].

Блж. Августин в книге «О граде Божием» продолжает мысль блж. Иеронима о том, что Екклесиаст не считает подлинным благом есть и пить, хотя и говорит об этом: **И похвалил я веселье; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться** (Еккл. 8:15, а также Еккл. 5:17). Но Августин в своём уמוzakлючении идёт гораздо дальше Иеронима, восходя к таинственному новозаветному ястию и питию тела и крови Христовых. «Что сам Екклесиаст в изречении о ядении и питии, которое часто повторяет, и говорит: **Сердце мудрых в дому плача, а сердце безумных в дому пиршеств**» [28; кн. 17, гл. 20]. Коль скоро Соломон не ублажает доподлинно ястие и питье земного хлеба и вина, то «что другое... хочет сказать, как не то, что относится к причастию той трапезе, которую предлагает из Тела и Крови своей этот Посредник Нового Завета, священник по чину Мельхиседекову» [там же]?

Прп. Исидор Пелусиот разъясняет запрет, данный назорею: **не должен он подходить к мёртвому телу** (Числ. 6:6). Запрет этот, имевший в ветхозаветные времена, конечно же, и прямое значение, прп. Исидор целиком относит к области духовно-нравственной. Он говорит, что смысл сказанного: «С душою согрешившего не входи в общение» [73; кн. 3, Письмо 59, диакону Анатолию]. Исидор Пелусиот приводит пример, что Моисей сам перенёс кости Иосифа из Египта в Обетованную Землю, не нарушая запрета подходить к мёртвому телу. И далее: «Если мёртвое тело скверно, то почему же Соломон (и нам надлежит присовокупить нечто в оправдание Моисея) сказал: **благо ходити в дом плача, нежели ходити в дом пира** (Еккл. 7:3)? Для чего мёртвым телам воздаётся честь и совершается их погребение» [там же]?

Прп. Исидор проявляет здесь, как толкователь, пример крайнего аллегоризма, отрывается от исторического контекста. Речь идёт о днях назорейства, посвящавшего себя Ягве, а не о всеобщем запрете. Потому всякий благочестивый израильтянин мог исполнить свой долг перед

умершим, войдя в дом плача и совершив погребение умершего тела.

Св. Григорий Двоеслов считает, что в книге Екклесиаста одно сказано от разума, а другое от лица несовершенных: «Так Соломон говорит в сей книге: **Се видех аз благое, еже есть изрядно, еже ясти и питии, и видети благостыню во всём труде своём** (Еккл. 5:17); а гораздо ниже прибавляет: **благо ходити в дом плача, нежели ходити в дом пира** (Еккл. 7:3). Если хорошо есть и пить, то лучше, по-видимому, ходить в дом пира, нежели в дом плача. Отсюда видно, что первое говорит от лица несовершенных, а последнее прибавляет от разума» [39; кн. 4, гл. 4].

Св. Григорий Двоеслов своеобразно рассуждает о волхвах. Одним путём они ушли из своей страны. Поклонившись Христу в Вифлееме, вернуться домой они уже должны совсем другим путём. «Наша страна есть рай, в который по познании Иисуса возвращение тем путём, которым мы идём, нам возбраняется... Мы возвращаемся в страну свою иным путём, потому что, отшедшие от райских радостей через наслаждения, призываемся назад к ним через рыдания... Поэтому и Соломон говорит: **сердце мудрых в дому плача, а сердце безумных в дому веселия**» [39; Беседа 10 на Мф. 2:1–12, п. 7].

Мудрость и глупость

Где мудрец? – где глупый?

Где мудрость переходит в глупость?

Еккл. 7:7 Притесняя других, мудрый делается глупым, и подарки портят сердце.

Еккл. 7:8 Конец дела лучше начала его; терпеливый лучше высокомерного.

Еккл. 7:9 Не будь духом твоим поспешен на гнев, потому что гнев гнездится в сердце глупых.

Еккл. 7:10 Не говори: «отчего это прежние дни были лучше нынешних?», потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом.

Еккл. 7:11 Хороша мудрость с наследством, и особенно для видящих солнце

Еккл. 7:12 потому что под сенью её то же, что под сенью серебра; но превосходство знания в том, что мудрость даёт жизнь владеющему ею.

Много философ размышлял о мудрости и глупости. Как дар Божий он имел мудрость от юности, а жизнь с её делами и искушениями не раз пыталась обратить его мудрость в глупость, и ей это порой удавалось. Казалось, с годами должна возрастать мудрость, но преуспевала глупость. Философ был этим обескуражен, он любил мудрость, но глупость, глупость, что же ты ходишь за мной по пятам. Видел он и в людях, как состязаются эти две сестры – мудрость и глупость, видел, как люди не могли их отличить друг от друга.

Притесняя других, мудрый делается глупым.

Мудрость помогла обрести власть, возвыситься над другими. Соломон достиг царской власти и величия. Неосторожно воспользовавшись властью, начинает притеснение других. И мудрый уже делается глупым.

Мудрость Соломона позволила ему построить храм, дворец и многие здания. Чем больше воплощалась мудрость в строительные дела, тем больше притеснялся рабочий непомерностью труда. Уже при сыне это привело к разделению царства.

Мудрость Соломона привлекла царей земли, искавших послушать его мудрости, открылись врата иноземных царств, и уже соорудила глупость гарем из жён иноземных в Иерусалиме, и впал царь в безумие идолопоклонства.

Мудрость Бонапарта сделала офицера императором. Не удержался Наполеон и, притесняя народы, завоёвывая их один за другим, сделался

глупым. Пролил крови немерено и кончил ничем.

И подарки портят сердце.

Как не отблагодарить мудрого, как не прийти к царю с приношениями?! Скольким обиженным и угнетённым судейская мудрость Соломона вернула честь и достоинство. Сколько подарков благодарности получил он! И цари земные, приходя послушать мудрость его, **подносили ему, каждый от себя, в дар: сосуды серебряные и сосуды золотые, и одежды, и оружие, и благовония, коней и мулов, каждый год (3Цар. 10:4–25).**

А подарки портят сердце.

Уже маленькие дети, завидя возвращающихся родителей, бегут к ним навстречу и, забыв про них, заглядывают в сумку, надеясь на подарки. Так человек устроен. Падший человек. Подарки, подарки от всех, даже от Бога ждёт и ищет человек. А подарки портят человека.

Бывает, мудрость приводит к скорому успеху и забывается, что **конец дела лучше начала его**. Однако это так, и потому **терпеливый лучше высокомерного**. Скорый успех ведёт к высокомерию, но не начало венчает, а конец, потому терпеливый лучше. Апостол Павел советовал Тимофею: **Рук ни на кого не возлагай поспешно, епископ не должен быть из новообращённых, чтобы не возгордился (1Тим. 5:22; 3:6)**. О себе же апостол, терпеливо пройдя многотрудное поприще, сказал перед кончиной: **Течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды (2Тим. 4, 7–8)**. Иисус говорил: **Терпением вашим спасайте души ваши (Лк. 21:19)**. Терпением до конца, а не высокомерием от начала.

Горе от ума.

Трудно мудрому видеть глупость и невежество, неправду и беззаконие. И вот уже гневается сердце. А потом гневается уже просто потому, что что-то происходит не так, как тебе, умному, видится и хочется. И это познал философ и изрёк:

Не будь духом твоим поспешен на гнев, потому что гнев гнездится в сердце глупых. Ум ещё упивается произведённым его мудростью гневом, а гнев этот уже угнездился в сердце глупом. С умных высот несёт птичка веточки гнева и вьёт в сердце гнездо глупости. Пока **духом твоим поспешаешь на гнев, этот гнев уже гнездится в сердце глупом.**

Дух мечет стрелы гнева – мудрые проходят мимо, их не касаются эти стрелы, они гнездятся только в сердцах глупых.

Ещё древние греки говорили своему верховному богу: «Зевс, ты

гневаешься – Зевс, ты не прав».

Гнев многих сделал глупыми. Гнев застилает глаза. Гнев не оставляет места мудрости.

Батюшка с матушкой ворчали на молодых. Всё делают не так, как это делалось раньше. Присутствовавший гость заметил: «Батюшка, матушка, стареть начинаете, коль начали ворчать».

Не говори: «Отчего это прежние дни были лучше нынешних?» Потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом.

Сколько поколений на земле, столько раз и прозвучало: **Отчего это прежние дни были лучше нынешних?** И всё это **не от мудрости**, а ведь вопрошающие всегда уверены, что вопрошают об этом по мудрости своей.

Отцы и дети.

Дети и отцы.

Кто воссоединит цепь времён? И о том есть в Библии. Танах, священные книги Ветхого Завета, завершаются словами пророка Малахии: **Вот, Я, Господь, пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Ягве, великого и страшного. И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием (Мал. 4:5–6).** Пришёл Иоанн в духе и силе Илии, приготовил путь, и возгремело Слово Нового Завета.

Каждое поколение всё переживает вновь, как будто раньше этого не было и никто ничего не пережил.

И ещё. **Отчего это прежние дни были лучше нынешних?** – это вопрос старика, сожалеющего об ушедшей юности. В молодости всё было хорошо – и здоровье, и силы, и память. Нет, старость – это отвратительно, это никуда не годится. **Не от мудрости ты спрашиваешь об этом.** Так рассуждают и спрашивают, кто до старости дожил, а ума не нажил. Ушла сила и яркость юности, пришла мудрость старости. А вот если так и не пришла, то и мается старик вопросом, почему прежние дни были лучше нынешних.

Слова Соломона в 11–12 стихах трудны для понимания, почему разными переводчиками и передаются по-разному. Потому и толкователи рассуждают различно в соответствии с принятым им значением текста.

Перевод синодальный даёт такую мысль:

Хороша мудрость с наследством, и особенно для видящих солнце; потому что под сенью её то же, что под сенью серебра; но превосходство знания в том, что мудрость даёт жизнь владеющему ею.

Видящие солнце – живущие на земле. Для них хороша мудрость... потому что под сенью её всё равно, что под сенью серебра. Ценно быть

осенённым мудростью. Какое **превосходство знания?** – это **мудрость**. И именно **мудрость даёт жизнь владеющему ею**. Кто не владеет мудростью, тот теряет жизнь. Есть такая безжалостная поговорка: «Жил грешно, умер смешно». Мудрость – сосуд, хранящий жизнь. Жизнь и земную, и духовную. Наркоман, алкоголик, табакур не от ума стали такими, легко и быстро теряют жизнь и всё в жизни. Разбойник и блудница – тоже не от ума таковы и тоже всё теряют, и самую жизнь. Даже входя в духовную и нравственную жизнь более тонко, и там обнаруживаем то же самое. Утрата мудрости – утрата жизни.

К соломоновым словам о мудрости и глупости обращались в своих рассуждениях отцы и учителя церкви.

Словам **ибо притеснение безумным делает мудрого Раши** находит пример в случае с надзирателями сынов Израилевых (согласно Раши, это Дафан и Авирон) и Моисеем. «Датан и Авирон досаждали Моше, говоря: **Да воззрит Господь на вас и рассудит...** (Исх. 5:21). Тем самым они привели его в смятение, лишили самообладания, и это по их вине, обращаясь к Пресвятому, он сказал: **а спасти Ты не спас Твой народ** (Исх. 5:23) [23; 7, 7–12]. В результате Моше был наказан и не вступил на землю Израиля.

Раши: "Не скажи: Как случилось, что дни прежние были лучше нынешних?.. Не удивляйся тому благу, которое некогда выпало на долю праведникам, как, например, поколение в пустыне после исхода из Мицраима [Египта. – Г. Ф.], и поколение Йегошуа, и поколение Давида. **Ибо не от мудрости спрашиваешь**. Потому что всё находится в соответствии с заслугой поколений. **Хороша мудрость...** Их мудрость помогала им при наследовании заслуг отцов» [там же]. Преимущество прежних поколений было в том, что мудрее себя вели.

Св. Григорий Чудотворец под **притеснением** в Еккл. 7:7 понимает клевету и в соответствии с этим мысль Соломона передаёт так: «Но также особенно тяжкое и величайшее зло – это клевета, ибо она злоумышляет на души мудрых и стремится погубить благородную твёрдость добрых» [44; 7]. Будучи оклеветан, даже мудрый может поколебаться в добре.

Блж. Иероним под **притеснением** в Еккл. 7:7 понимает обиду, а под мудрым – человека, устремившегося к мудрости, но не достигшего в ней совершенства. «**Обида возмущает мудрого, и потеряет сердце силы его**. Здесь разумеи мудрого, усовершенствующегося сообразно с оным: **обличай премудра и возлюбит тя** (Притч. 9:8). Ибо мудрый, сделавшийся совершенным, уже не нуждается ни в каком обличении, не смущается никакою обидою» [64; 7, 7–12].

Что касается слов **отчего это дни прежние лучше нынешних**, то блж. Иероним находит им три объяснения.

Первое. «Не говори же, что при Моисее и при Христе дни были лучше, чем теперь. Ибо и в то время было очень много неверующих, и дни их были злы, и теперь есть много верующих, о которых Спаситель сказал: **блаженны не видевшие и веровавшие** (Ин. 20:29)» [там же].

Второе. «Ты так должен жить, чтобы дни настоящие для тебя всегда были лучше прошедших» [там же].

Третье. «Не говори, что лучше были некогда времена Моисея, чем ныне Христа, – закона, чем благодати. Если захочешь утверждать это, то делаешь неблагоразумно, не видя, насколько Евангелие превосходнее Ветхого Завета» [там же].

Прп. Ефрем Сирин поучает братьев не приказывать другим, а в случае возражения не смущаться в сердце своём, но уступать, потому что «упорство и настойчивость в своей воле возбуждают смятения и неукротимую раздражительность; **ярость же в недре нечестивых почиет** (Еккл. 7:10)» [56; О том, как приобретается человеком смиренномудрие, гл. 93].

Против гнева как смертоносного яда пишет прп. Иоанн Кассиан Римлянин: «Не можем быть участниками мудрости, хотя бы мнением всех мы признаваемы были мудрыми, ибо сказано: **ярость в недре безумных почиет**» [67; кн. 8, гл. 1]. Воистину, не в гнев и ярости мудрость.

Прп. Феодор Студит пишет против гневных помыслов, возмущающих душу: «Впрочем, не эта одна страсть (то есть похоть) возмущает и изменяет душу, но и ещё более гнев, ибо говорится: **...ярость в недре безумных почиет...** Отчего же рождается такая страсть? От горделивого о себе и презрительного о других мудрования» [53; Наставления монахам, 266]. Гнев – это буря в душе. Люди оправдываются своей отходчивостью, но, по прп. Феодору, гнев не только возмущает, но и изменяет душу. Да, от гнева отошёл, но душа уже не та, изменилась, повредилась.

Св. Василий Великий, согласно с блж. Иеронимом, в словах Екклесиаста о предыдущих и нынешних днях находит побуждение к духовному усовершенствованию в жизни: «Посему так будем жить, чтобы прошедшее никогда не было лучше будущего или настоящего. Сие запрещает и Екклесиаст: **да не речеши, яко дние прежни беша блази паче сих, яко не в мудрости вопросил еси о сем** (Еккл. 7:11). Ибо если предыдущие лучше последующих, то нам будет сказано: напрасно вы столько потерпели, добрые дела обратив в ничто последующим нерадением» [34; Толк. на пр. Исая, 1, 4].

Действование Божие в мире сем

Много размышлял философ о мудрости и понял – не видать тебе этой мудрости, пока сам мудришь. Смирить надо своё мудрование пред Всевышним. Признать надо, что в этом мире действует Бог, совершается Его промысл. Он – Хозяин. Не от меня – от Него всё зависит. Всё будет не как я, а как Он хочет. Не будет Он отчитываться мне в Своих деяниях, мудрый примет Его, как Он есть, и дела Его, каковы они есть. Не понять пути Божии, а принять их – в том высшая мудрость.

Еккл. 7:13 Смотри на действие Божие: ибо кто может выпрямить то, что Он сделал кривым?

Еккл. 7:14 Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй: то и другое соделал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него.

Еккл. 7:15 Всего насмотрелся я в суетные дни мои: праведник гибнет в праведности своей; нечестивый живёт долго в нечестии своём.

Смущает то, что в этом мире так многое **криво**, так многое не так, как надо. Так и хочется **выпрямить то, что Бог сделал кривым**. Нет, так дело не пойдёт, миру нужна пластическая операция. Кривой нос надо выпрямить, сибирские реки надо развернуть в казахские степи, брови на лице надо подвыщипать, в заповеди Божии надо внести конструктивные поправки. Сколько гениев уже бралось за это дело! Не пора ли и Соломону?

Но мудрейший из людей грозит нам пальцем: **Смотри на действие Божие: ибо кто может выпрямить то, что Он сделал кривым?** В этом мире действует Бог. Успокойся и смирись! Да, Он многое **сделал кривым**. Ты хочешь выпрямить? Ты хочешь исправить то, что, как тебе кажется, испортил Бог? У тебя ничего не получится. Ведь так благоволил Бог. Мудрец средневековья **Фома Аквинский** утверждал, что Бог выбрал лучший из миров. Геометрия прямых линий и плоских фигур скучна, всё ожило, когда появились кривые, именно им обязана красота. Будучи студентом, автор встречался с замечательным математиком, написавшим свою диссертационную работу о кривизне линий. Как же совершенный Творец, творя красоту, творя *хόσμος* (= красоту, порядок, вселенную), не обошёлся без кривых? **Блж. Августин** видел мироздание Божие, как мозаичную картину, о чём писал в своём сочинении «О порядке» [100; с. 307–308]. Нельзя судить о картине в целом, рассматривая только фрагмент. Поэтому всякий, кто «станет обозревать всё в целом, не

найдёт ничего беспорядочного, но, напротив, увидит всё распределённым и расположенным по своим местам» [100; с. 308, О порядке, II, п. 4]. **Кривое**, столь безобразное в жизни, в цельной картине мира Божия, которую здесь **под небом** никто не видит, служит только ещё большей красоте и совершенству. Прямое и кривое – это те противоположности, посредством которых, говорит блж. Августин, Создатель «украсит ряд веков, как какой-нибудь превосходнейший стих, своего рода как бы антитезами... Итак, как взаимное сопоставление противоположностей придаёт красоту речи, так из сопоставления противоположностей, из своего рода красноречия не слов, а вещей, образуется красота мира» [28; кн. 11, гл. 18].

Замечательно восполняет Екклесиаста другой премудрый: **Как глина у горшечника в руке его, и все судьбы её в его произволе... Как напротив зла – добро, и напротив смерти – жизнь, так напротив благочестивого – грешник. Так смотри и на все дела Всевышнего: их по два, одно напротив другого (Сир. 33:13–14).**

Дальше мудрый философ научает нас ходить по искривлённым путям этой жизни.

Во дни благополучия, пока дорога прямая, **пользуйся благом, а во дни несчастья**, когда дорога искривляется и нас ждут крутые повороты, **размышляй: то и другое соделал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него**. Без кривизны не познаётся прямое. По прямой человек разгулялся бы привольно и даже стал бы дерзить Богу. Так было в ангельском мире, когда светлейший ангел вознёсся и пал. Не так на путях и тропинках земли. **Благо и несчастья** даются для того, чтобы **человек ничего не мог сказать против Бога**. Бог искривляет пути нашей жизни, чтобы, смирившись, мы вышли на прямую вечности, но уже не сами, а Им ведомые.

Ох, сколько кривого в жизни! **Всего насмотрелся я в суетные дни мои: праведник гибнет в праведности своей; нечестивый живёт долго в нечестии своём**. Где тут правда? Где Бог? – парадокс! Ведь в этом и есть Бог. Бог и моё смирение. Праведный Иов на гноище в проказе, прп. Афанасий Афонский погибает в муках, заваленный обломками рухнувшего верха храма, когда он осматривал его во время строительства. Предупреждал ведь преподобный: «Ибо иначе судят люди, иначе устрояет Премудрый» [48: 5 июля]. Огненным столпом ушёл из жизни известный сибирский священник-просветитель, исповедник веры протоиерей Александр Пивоваров: хотя столкнулось в автокатастрофе девять автомобилей, три из них сгорели, но только он и водитель погибли. И тоже

предупреждал, что уйдёт из жизни на огненной колеснице. И это на фоне того, что **нечестивый живёт долго в нечестии своём**. Прожили ведь устроители массового уничтожения народов и святынь в СССР – такие, как В.М. Молотов (1890–1986), Л.М. Каганович (1903–1991), – без малого сто лет, ни в чём не покааявшись. Уже и сталинские репрессии давно ушли в прошлое, и споспешники и ученики его ушли в историю, а они жили и жили через перемены времён.

Мудрый смотрит на всё происходящее и видит **действие Божие**. Замечательно восполняет Екклесиаста другой премудрый: **Как глина у горшечника в руке его, и все судьбы её в его произволе... Как напротив зла – добро, и напротив смерти – жизнь, так напротив благочестивого – грешник. Так смотри и на все дела Всевышнего: их по два, одно напротив другого (Сир. 33:13–14).**

И во всём этом **смотри на действие Божие**. Действование, человеческому уму редко понятное. Только сердце смиряется, приемлет и говорит Богу: «Да!»

О действовании Божьем рассуждает великий *Раши*: **"Смотри на деяние Божье**. Смотри, как оно устроено – всё в соответствии с действием человека: сад Эдемский для праведных и преисподняя для преступных. Смотри же, к чему тебе приобщиться. **Ибо кто может выправить**, кто сумеет исправить после смерти то, что было искривлено при жизни» [23; 7, 13]. Раши находит высшую правду и справедливость действования Божия в загробном воздаянии.

Св. *Григорий Чудотворец* стоит пред непостижимостью путей Божиих: «Кто же, скажи мне, в состоянии будет выразить словами столь великое и столь благодетельное промышление Божие? Или кто может воззвать то, что, по-видимому, праведно пренебрежено Богом» [44; 7]? Так и апостол Павел воскликнул: **А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?» Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почётного употребления, а другой для низкого (Рим. 9:20–21)?**

Блж. *Иероним* подробно изъясняет слова Екклесиаста. Слова о прямом и кривом в этом мире он передаёт в переводе Симмаха: **«Поучись делам Божиим, ибо никто не сможет исправить то, что Он ограничил**. То есть, пусть будет для тебя достаточно из святых Писаний или из самого созерцания мира знать и разуметь сотворённое, но не ищи причин и оснований, почему то и другое сотворено так, и не говори, что оно должно быть иначе, чем оно сотворено» [64; 7, 15–17].

Блж. Иероним приводит своё рассуждение о том, что **прямое и кривое** зависит, собственно, не от Бога, а от свободы человека. Действование Бога в мире всегда одно и то же, а вот результат его в людях разный – прямой или кривой. Это «может объяснить и то, почему Бог ожесточил сердце фараона [сделал его кривым! – Г.Ф.]. Ибо как одно и то же действие солнца воск расплавляет, а глину делает твёрдою; и воск расплавляется, а глина твердеет в силу своих собственных свойств: так одно и то же совершение чудес в Египте и смягчало сердца верующих, и ожесточало неверующих» [там же].

Подобно Раши, через вечную участь разумеет *блж. Иероним* смысл скорбей праведников и долгоденствие грешников: «Божье долготерпение – тайна; ныне Он и святых подвергает испытаниям, чтобы они приняли злое в жизни своей, и грешников не посещает за беззаконие, но как бы сохраняет для жертвы, чтобы как первым даровать вечные блага, так последних подвергнуть бедствиям нескончаемым» [там же].

Сибирский святой Иоанн, митрополит Тобольский († 1715 г.), всю жизнь размышлял о сообразовании человеческой воли с Божественною волею. *Св. Иоанн Тобольский* говорил о том, что невозможно, чтобы кто-либо не подвергался никогда скорбям. «Скорбей и неприятностей не избегает даже и тот, кто сообразует свою волю с Божественною волею... Соломон, ведя разговор о днях благополучных и днях несчастья, сказал: **Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй... то и другое сделал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него**» [69; кн. 4, гл. 2, отдел. 2].

Св. Григорий Двоеслов, пользуясь латинским переводом Екклесиаста, использует соломоновы слова, предостерегая от беспечности во дни благополучия, как это было с Иерусалимом во дни Христа. «Ибо развратная душа, преданная настоящим благам, утопающая в земных удовольствиях, скрывает от себя последующие бедствия, потому что та избегает предвидения будущего, которая развлечена настоящею радостью; и когда она предаётся наслаждениям настоящей жизни, тогда что другое делает, если не с закрытыми глазами идёт к огню? Потому хорошо написано: **в день благостыни (его) живи в блазе и виждь в день зла (Еккл. 7:15)**» [39; Беседа 39 на *Лк. 19:42–47*, п. 3]. В благой день живи во благе, но смотри и в грядущий день зла.

Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй: то и другое сделал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него. Для того даёт Бог пользоваться благом во дни благополучия, чтобы потом во дни несчастья не роптать на Него, ведь то и

другое приходит к нам из одних рук Небесного Отца.

Подлинная мудрость

Не рассуждая об итрон, о конечных целях и смысле жизни, Екклесиаст являет себя мудрейшим во всём, что касается того, как следует жить. Здесь он на твёрдой почве. Мудрец в искусстве жизни, философ, не ведающий её назначения под солнцем, и уж вовсе не пророк, прозревающий Солнце правды. Таков дар и таков крест Соломона.

Нам жить на земле – и вот мы уже у ног Соломона, ожидая поучений от его мудрости.

И сказал мудрец:

Еккл. 7:16 Не будь слишком строг, и неставляй себя слишком мудрым; зачем тебе губить себя?

Еккл. 7:17 Не предавайся греху, и не будь безумен: зачем тебе умирать не в своё время?

Еккл. 7:18 Хорошо, если ты будешь держаться одного и не отнимать руки от другого; потому что кто боится Бога, тот избежит всего того.

Еккл. 7:19 Мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей, которые в городе.

Еккл. 7:20 Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы;

Еккл. 7:21 поэтому не на всякое слово, которое говорят, обращай внимание, чтобы не услышать тебе раба твоего, когда он злословит тебя;

Еккл. 7:22 ибо сердце твоё знает много случаев, когда и сам ты злословил других.

Еккл. 7:23 Всё это испытал я мудростью; я сказал: «буду я мудрым»; но мудрость далека от меня.

Еккл. 7:24 Далеко то, что было, и глубоко-глубоко: кто постигнет его?

Еккл. 7:25 Обратился я сердцем моим к тому, чтобы узнать, исследовать и изыскать мудрость и разум, и познать нечестие глупости, невежества и безумия.

Соломон научает подлинной мудрости жизни.

Еккл. 7:16 Не будь слишком строг, и неставляй себя слишком мудрым; зачем тебе губить себя?

Выражение **не будь слишком строг** иначе переводят **не будь слишком праведен**, то есть речь идёт о строгости к себе, завышенной претензии на собственную праведность. Человек, берущий не свойственную себе высоту подвигов праведности и святости, выставивший себя не по своему уму мудрым, впадает в состояние

прелести и губит себя. Таким образом некоторые погубили себя физически, а другие повредили свой ум и психику. Это и болезнь младостарчества, и уклонение иных старцев в ересь и прелесть.

Раши поясняет соломонову мысль примером: **«Не будь праведным премного, подобно Шаулю, который возомнил себя праведным и пощадил преступных, и не мудрствуй чрезмерно.** Не делай абсурдного вывода от лёгкого к тяжёлому» [23; 7, 16]. Попросту по-русски: не мудри!

Св. Григорий Чудотворец: «Но тому, кто действительно праведен, не нужно сильно показывать себя таковым и слишком выше меры мудрым, чтобы, преткнувшись в чём-либо, он не погрешил гораздо более» [44; 7].

Св. Киприан Карфагенский говорит о том, что «невозможно постигнуть Таин Божиих, и потому вера наша должна быть проста... **не будь правдив вельми, не мудрися излишне** (Еккл. 7:16)» [75; Три книги свидетельств против иудеев, кн. 3, 53].

Св. Афанасий Великий говорит о тех, кто чрезмерно пытается умом постичь тайны Святой Троицы и приходит к еретическим утверждениям: «Вся Троица есть единый Бог... До сего простирается в людях ведение; здесь предел того, что херувимы закрывают крылами. А кто домогается и хочет исследовать паче сего, тот противится сказавшему: **не мудрися излишне, да не когда изумишися** (Еккл. 7:16). Что предано вере, то прилично постигать не человеческою мудростию, но слухом веры» [32; К Серапиону послание 1, п. 17].

Св. Василий Великий говорит, что еретики-любопытатели производят смущение в церкви, превозносясь своим знанием. «Такое смятение простирается не только на познание, но и на дела, так что... **есть праведный погибая в правде своей, и нечестивый пребывая в злобе своей** (Еккл. 7:16). Ибо если есть что неудобопостижимое, то к сему роду принадлежит и истинная праведность» [34; Толк. на прор. Исайю, гл. 5, 20]. Опрометчивые суждения и поступки ещё далеко не мудрость и праведность.

Св. Григорий Богослов, говоря о том, что не всякий человек и не во всякое время может рассуждать о Боге, напоминает слова Екклесиаста: **«Не буди правдив вельми, не мудрися излишне.** Ибо и для праведности, и для мудрости одно опасно – горячность в делах и слове, от излишества преступающая пределы совершенства и добродетели... посему никто да не будет ни мудр более подлежащего, ни законнее закона, ни блистательнее света, ни прямее правила, ни выше заповеди» [37; Слово 32, О соблюдении доброго порядка].

Св. Амвросий Медиоланский произносит «Похвалу умеренности». Без

этой добродетели развиваются «гордость и немилосердие». Таковы новациане. Евангельский же пастырь иной, «ибо кто старается исправить пороки человеческой слабости, тот должен самую эту слабость на собственных своих плечах держать и как бы взвешивать, а не отвергать... И Соломон говорит: **Не будь слишком строг**, – потому, что правда должна быть смягчена умеренностью» [29; Две книги о покаянии, кн. 1, гл. 1].

Св. Амвросий Медиоланский рассуждает также о том, что, не уничтожая правду и справедливость, у Бога преобладает милость и во всём соблюдена мера: «У Господа... правда соединена с милостью, милость же с правдой; ибо написано: **Не буди правдив вельми** (Еккл. 7:17), то есть излишне. Что выше меры, то хотя и добро, но не зачтётся тебе за настоящее добро. Храни меру, чтобы воспринять по мере» [29; Слово на смерть Феодосия Великого].

Об умеренности подлинного благочестия говорит и блж. Иероним: "**Не будь слишком справедлив и не ищи большего, чтобы не обезуметь**. Если увидишь, что кто-либо суров и жесток ко всем поступкам братьев, так что не прощает ни согрешившему словом, ни медлительному по естественной иногда лени, то знай, что такой более справедлив, чем сколько справедливо... Справедливость, не прощающая слабости человеческой природы, бесчеловечна» [64; 7, 16].

Интересно, что блж. Иероним упоминает еврейское толкование, в котором этот текст из Екклесиаста прилагается к истории царя Саула и Агага. Мы находим это в толковании Раши, жившего от Иеронима спустя семь веков. Такова устойчивость экзегетической традиции иудейского предания.

Размышляя над словами Екклесиаста **не буди правдив вельми**, прп. Исидор Пелусиот, как и другие отцы, говорит о «соразмерности добродетели». Также видит он в этих словах ограду осуждению и жестокости. «И премудрый справедливо советовал: **Не буди правдив вельми**. Если же советует он это, то не будь жестоким и строгим судией того, в чём погрешают против тебя ближние, но препобеждай справедливость благостию и оказывай снисхождение тем, которые делают против тебя что-либо и превышающее меру снисходительности» [73; письмо 221, Епископу Лампетии]. Преподобный Исидор в письме епископу Асклипию [73; Письмо 410] приводит замечательный афоризм древнего мудреца: «Ничего слишком»! И говорит Давид-псалмопевец: «**Не ревнуй до того, чтобы делать зло**» (Пс. 36:8)! Царь Иван Грозный, ревнуя о правде Божией, сажал людей на кол.

Св. Кирилл Александрийский, говоря о любви к братьям, вспоминает осмеяние фарисеев Христом за то, что поступали по славолюбию, а не по ревности о законе. «...Таким образом, несомненно, можно, исполняя закон, беззаконовать, если кто неправильно пользуется законом. И об этом-то, я думаю, сказал Соломон: **есть праведный погибая в своей неправде**. Итак, надобно написать божественную заповедь в уме и сердце» [76; О поклонении и служении в духе и истине, кн. 7, с. 343].

Слова Екклесиаста **не буди правдив вельми** учитель Русской церкви XVI века прп. Максим Грек обращает против некоего западного толкователя книг блж. Августина Иоанна Людовика, который отвергал возможность второго брака. Прп. Максим Грек: «Второй брак допущен святыми семью Вселенскими соборами, ради немощи плотской оставшейся половины [вдовца или вдовы. – Г. Ф.], особенно если это случилось в молодых летах... То, что соборы установили духом Святым, то и Владыко всех – Бог утвердил свыше. Не следует, о Людовик, забывать сказанного в Божественном Писании: **не будь правдив вельми**, чтобы не оказаться нечестующим предо Мною» [81; 27, Возражения против Иоанна Людовика].

Обращает на себя внимание, как много святых отцов указывают на слова Екклесиаста: **не буди правдив вельми**. Значит, это было для них важно. Соразмерность добродетелей – ограда от прелести и даже ереси.

И далее поучает премудрый Соломон:

Еккл. 7:17 Не предавайся греху, и не будь безумен: зачем тебе умирать не в своё время?

Грех есть безумие, и вкусивший его должен умереть. Умирают все, но зачем умирать не в своё время? А случается это часто именно потому, что человек предаётся греху. Предан алкоголю – преждевременная смерть; предан табаку и наркотикам – преждевременная смерть. Кто хулиган – жди преждевременную смерть. И долго можно продолжать этот перечень.

Речь идёт не просто о грехе, а о том, чтобы **предаваться греху**. Все грешны, но не все преданы ему, иные ратоборствуют против него.

Еврейский текст даёт и иной оттенок мысли: **не преступай премного**. Раши: «Если уж совершил преступление малое, не продолжай и не прибавляй к нему» [23; 7, 17]. Для чего тебе умереть не в свой срок? Этому Раши находит пример в Сауле. По причине Нова, города священнослужителей и Амалека, умер **Шауль за свою неверность**.

Св. Афанасий Великий говорит о том, «что всякому человеку измерено время, и измерено не случайно... как определил сам Он [Логос. – Г. Ф.], зиждитель по воле Отца» [31; Защитительное слово, в котором св.

Афанасий оправдывает бегство своё,,, п. 14]. Далее св. Афанасий приводит библейские примеры, как одним Бог продлял сроки жизни, а другим сокращал, «почему (и) увещевает в Екклесиасте, говоря: **не нечествуй много, и не буди жесток, да не умрешь не во время своё**» [там же].

Блж. Иероним по поводу слов Соломона рассуждает: «Пусть будет достаточно согрешить однажды; после падения мы должны восстанавливать себя» [64; 7, 17]. И он же говорит: «Смысл этих слов такой: не прилагай грехов ко грехам, чтобы не подвигнуть Бога на наказание тебя ещё в этой жизни» [там же]. Безрассудно спадать в один и тот же грех многожды. Как пример смерти **не в своё время** Иероним упоминает Корея, Дафана и Авирона, возмущившихся против Моисея и Аарона. Их живыми поглотили разверзшаяся земля.

Египетский подвижник V века *Стефан Фиваидский* поучает словами Екклесиаста: «Не будь неслухом, **да не умрешь не во время своё**» [91; Аскетическое слово, п. 10]. Детское непослушание ведёт малышней-неслухов к синякам и ссадинам и прочим детским бедам. И недетские беды всё от того же. Непослушные умирают не во время своё!

Еккл. 7:18 Хорошо, если ты будешь держаться одного и не отнимать руки от другого; потому что кто боится Бога, тот избежит всего того.

Здесь диалектика мудрости екклесиастовой. Истина в синтезе тезиса и антитезиса. **Хорошо, если ты будешь держаться одного** правила в жизни **и не отнимать руки от другого**. Есть вещи, взаимоисключающие друг друга, например, истина и ложь, любовь и злоба и так далее. В таких вещах невозможно **держаться одного** и тут же **не отнимать руки от другого**. А есть вещи взаимодополняющие: вера и дела, малое и великое, наука и искусство, молитва и чтение Писания. В таких вещах не должно избирать одного, а другое оставлять, наоборот, следует **держаться одного и не отнимать руки от другого**. Такую диалектику проповедовал и Екклесиаст Нового Завета Христос, обличая фарисеев в том, что они давали необходимые десятины, а оставили в забвении суд, милость и веру. По этому поводу Христос сказал: **Сие надлежало делать и того не оставлять (Мф. 23:23)**. Раши эту мысль обостряет. По его мнению, праведен тот, кто «долг свой выполнит, как следует по отношению к тому, что оправдано по его мнению, и к тому, что по его мнению не оправдано и является несправедливым» [23; 7, 18]. В качестве примера Раши приводит пример Саула и Самуила. Саулу слово Самуила показалось несправедливым, и он его не выполнил, а надо было выполнить, и не был бы отвержен Богом.

Блж. Иероним высказывает по поводу слов Екклесиаста мысль, что дух праведного человека должен быть готов ко всем превратностям жизни – и к хорошему, и к дурному, «ибо боящийся Бога ни от счастья не превозносится, ни от несчастья не падает духом» [64; 7, 18].

Своеобразен антифон Соломона: мысли о том, что следует держаться одного и не отнимать руки от другого, сопоставлено выражение **потому что, кто боится Бога, тот избежит всего того**. Причём тут страх Божий и что есть **всё то**, чего избежит боящийся Бога?

Отказ от божественной диалектики – признак отсутствия страха Божия. Это – ересь. 'Ерёω – «выбираю». Еретик выбирает из божественной сокровищницы, что ему по вкусу, по душе. Православный держится одного и не отнимает руки от другого. Это иногда трудно, даже мучительно. Но к этому призывает страх Божий, берёшь то и другое, нравится тебе это или нет.

Проще толковать только Ветхий Завет, не соотнося его с Новым (иудеи), проще и толковать только Новый Завет, не соотнося его с Ветхим (маркиониты, да и многие христиане). Трудно, мучительно – **держаться одного Завета и не отнимать руки от другого**, и но радость потом великая! **Тот избежит всего того**, чего не избежит еретик, держащийся только чего-то одного.

Нет страха Божия, выбрал по своему вкусу и не **избежишь всего того**, что бывает, когда выбираешь одно, отвергая другое. Сладкое без горького, солёное без пресного ведёт к болезням.

Еккл. 7:19 Мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей, которые в городе.

Вся городская элита не стоит одного мудреца. Мудрость превознесла человека разумного (homo sapiens) над тиграми и львами, слонами и китами. Так бывает и в жизни среди людей.

Раши толкует слова Соломона и приводит пример царя Иосии в сопоставлении с десятью другими в Иерусалиме.

"Мудрость – оплот для мудрого, ведь она ему советует совершить возвращение (раскаяние). **Больше чем десять**. Писание свидетельствует о Йошиягу (Иосии): И не было до него царя, ему подобного... (4Цар. 23:25). И мудрость его была ему в помощь, ибо он задумывался над своими поступками, и лучше ему было, чем десяти царям, которые преступления не совершали и не раскаивались. **Бывших в городе** в Иерушалаиме, и это Рехавам, Авия, Ахазия, Йоаш после смерти Йегояды, Амация, Ахаз, Манаше, Амон, Йегояким, Цидкиягу» [23; 7, 19]. Раши перечислил десять неблагочестивых царей в Иерусалиме от Давида и до последнего –

Седекии. На их фоне возвышается Иосия, мудростию наученный приводить свой народ к покаянию и возвращению в благочестие.

Почему **мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей**? Блж. Иероним рассуждает об этом так. Возможности **десяти властителей** всё-таки ограничены, иногда их недостаточно для помощи всем нуждающимся, а потому, прибегая к **мудрости**, «помоги советом, облегчи утешением».

Блж. Иероним даёт и таинственное толкование. «**Десять властителей**, находящихся в **городе**, суть ангелы, достигшие совершенного десятиричного числа и помогающие роду человеческому», но они не могут всё. «Человек, находящийся в грехах и погружённый в скверны ада, требовал большей помощи, посему и пришла Сама Премудрость» [64; 7, 19–20], то есть Господь наш Иисус Христос.

Еккл. 7:20 Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы;

Еккл. 7:21 поэтому не на всякое слово, которое говорят, обращай внимание, чтобы не услышать тебе раба твоего, когда он злословит тебя;

Еккл. 7:22 ибо сердце твоё знает много случаев, когда и сам ты злословил других.

Жизнь свидетельствует о том, что **нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы**. Таким праведным не являешься ни ты сам, ни те, с кем вместе живёшь и трудишься. Самообман – кто мнит себя без греха и не знает, в чём каяться, обольщение – кто видит другого без греха и очарован им. **Поэтому** премудрый рекомендует некую среднюю линию поведения: **Не на всякое слово, которое говорят, обращай внимание**, всего, что говорят, не бери в сердце, **чтобы не услышать тебе раба твоего, когда он злословит тебя**. Раб твой злословит тебя, потому что не свободен от духа осуждения, а ещё потому, что и сам ты не безгрешен и действительно есть повод говорить о тебе худое. Так не распаляйся на злословящего тебя, да и уши не развешивай, а занимайся своим делом. К тому же не забывай, и **сердце твоё** подскажет тебе **много случаев, когда и сам ты злословил других**. Вот и получаешь, что посеял. Всё уравнивается в этом мире.

Раши помимо нравственного значения текста приводит из мидрашей исторические примеры. «**Чтоб не слушать тебе, как твой слуга проклиная тебя**. Нехорошо тебе вслух обратиться и слушать, как твой слуга тебя проклиная (как, например, Давид слушал Шимми)» [23; 7, 21]. Во время восстания Авессалома Давид бежал из Иерусалима. **И шёл Давид и люди его своим путём, а Семей (Шими) шёл по окраине горы,**

со стороны его, шёл и злословил, и бросал камнями на сторону его и пылью (2Цар. 16, 13).

Св. Григорий Чудотворец: «Речам же нечестивых ни в чём не должно внимать, чтобы тебе собственными ушами не слышать речей против тебя, как, например, пустословие лукавого раба, и чтобы, тогда уязвлённый в сердце, ты впоследствии и сам не склонился воздать ему многими действиями» [44; 7]. Интересна мысль св. Григория – уклонись от слушания злословия в свой адрес со стороны нечестивого, чтобы самому не воспламениться ответной страстью. Мы же любим, чтобы нам передавали, что худого говорят о нас, и варимся потом в котле своей собственной ответной злобы. И это нравится нам, а – зря!

Блж. Иероним, толкуя Соломона, говорит о том, что неумно слушать пересуды о себе, к тому же «совесть твоя знает, что ты сам говорил о многих и часто злословил других; то и другим злословящим ты должен прощать» [64; 7, 21–22].

О невозможности быть без греха, но и о неоправданности по этой причине прилагать грех ко греху говорит св. Василий Великий: «Хотя в природе человеческой невозможно не грешить, а **потому несть праведен на земли, иже сотворил благое и не согрешит**, однако же возможно, согрешив по опрометчивости или по увлечению злокозненного, тотчас измениться, покаяться и не собирать зла к злу» [34; Толк. на пр. Исаяю, 5, 18].

Прп. Иоанн Кассиан Римлянин идёт в своих рассуждениях дальше, он говорит не о невозможности всегда делать добро и не грешить, а о невозможности всегда пребывать в созерцании Бога и жизни будущего века. От такого состояния отвлекают не только грехи, но и самые добрые дела. «Кто, доставляя пропитание бедным или с услужливым человеколюбием принимая толпы пришельцев, в то самое время, когда озабоченным духом развлекается услугами братьям, будет созерцать безмерность вышнего блаженства? И когда скорбями и заботами настоящей жизни возмущается, будет ли рассматривать состояние будущего века сердцем, возвышенным от земных привязанностей?.. И Екклесиаст, утверждая, что этого никто из праведных не может совершать безусловно, говорит: **Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы**» [67; Собеседования египетских подвижников, 23, гл. 5].

Св. Григорий Двоеслов рассуждает о том, что злые духи приступают к умирающим и отыскивают в их душах нечто своё, чтобы поставить на вид и погубить. «Но для чего мы говорим только о грешной душе, когда они

приходят даже к избранным умирающим и в них отыскивают своё, в чём успели» [39; Беседа 39 на Лк. 19:42–47]. Только к Одному они приступили и не нашли ничего. Христос сказал накануне Своих страданий: **Ибо идёт князь мира сего, и во Мне не имеет ничего** (Ин. 14:30). Не могли о себе сказать такое ни Пётр, ни Павел, ни Иоанн. Поэтому и Соломон говорит: **несть человек праведен не земли, иже сотворит благое и не согрешит** (Еккл. 7:21). Однако у нас есть упование! «Ибо нас освободил от должной смерти душевной Тот, Кто заплатил за нас недолжной смертью телесной» [там же].

Сказанное Екклесиастом о подлинной мудрости жизни было для него уже давно не новостью.

Еккл. 7:23 Всё это испытал я мудростью; я сказал: «буду я мудрым»; но мудрость далека от меня.

Еккл. 7:24 Далеко то, что было, и глубоко-глубоко: кто постигнет его?

Еккл. 7:25 Обратился я сердцем моим к тому, чтобы узнать, исследовать и изыскать мудрость и разум, и познать нечестие глупости, невежества и безумия.

Правда жизни уже давно была испытана мудростью царя, мудростью философа. Ещё в юности он испросил себе у Бога мудрости. Ягве, явившемуся в Гаваоне во сне, юный царь сказал: **Буду я мудрым!** И, щедро одарённый Богом, он купался в потоках вод премудрости. Но и это прошло. Нищий странник, опираясь на посох, устало шепчет: **Но мудрость далека от меня.** Не обманут меня похвалы ищущих своей мудрости. Ведаю жизнь, разумею язык животных, птиц и демонов, но не обольщусь! **Мудрость далека от меня,** далеко от обладателя гарема и поклонника богов чужих. **Далеко то, что было** в юности, когда я пел свою Песнь Песней, **далеко то, что было,** когда я изрекал притчи житейской премудрости. Смотрю я в бездну премудрости Божией, смотрю я в глубину своего падения и **глубоко-глубоко** то, что я искал, **кто постигнет его?..**

Обратился я, Соломон, сердцем моим к тому, чтобы узнать, исследовать, изыскать мудрость и разум, как нищий странник хожу я для этого по пыльным дорогам земли царства своего, хочу **изыскать мудрость... и познать нечестие глупости, невежества и безумия.** Хочу, но не могу. Теряю нить, перестаю видеть разницу мудрости и глупости. Всё суета, всё рассеивается, как пар. Я гоняюсь за ветром, я томлюсь духом. **Всего насмотрелся я в суетные дни мои.**

Вот из толкования *Раши*: "**Я испытал в мудрости.** В Торе... **Далеко то, что было.** То удалённое, что было при сотворении мира. **И глубоко-глубоко.** Глубоко оно, кто найдёт его, ведь не вправе я размышлять о том,

что выше и что ниже действительности... И к тому же **обратился я... познать и разведать**. И изыскать... счёт, то есть исчисление срока окончательного избавления. **И познать нечестивую дурь**. Понять до конца вероотступничество и безумную глупость, с ним смешанную» [23; 7, 23–25].

Великий *Ориген*, мудрейший в своём времени, говорил о совершенной непостижимости путей Божиих. Постичь их не то, что трудно, нет – это невозможно: «В самом деле, сколько бы кто ни подвигался вперёд в исследовании, сколько бы ни преуспевал с самым искренним усердием, однако даже вспомоществуемый благодатью Божией и просвещённый умом, он не будет в состоянии совершенно и до конца постигнуть то, что исследуется... Поэтому и мудрейший Соломон, премудростью созерцая природу вещей, говорит: **сказал, умудрюся: и сия премудрость удалилась от меня, дальше, нежели был, и бездны глубина, кто обретёт её**» [84; кн. 4, п. 26].

Великий *Афанасий*, отец Православия, намереваясь написать инокам египетской пустыни о божестве Слова, недоумевал и трепетал: «Как скоро намеревался я писать и принуждал себя мыслить о божестве Слова, – всякий раз далеко от меня отступало ведение, и сознавал я, что в такой мере остаюсь я позади, в какой думал постигнуть. Ибо не мог написать того, что, по-видимому, представлял умом; а что писал, то делалось слабее даже и той малой тени истины, какая была у меня в мысли. Посему, видя, что написано в Екклесиасте: **рех, умудрюся: и сия удалилась от мене далече, паче неже бех, и бездны глубина, кто обрящет ю...** не раз, поверьте в этом, намеревался я удержаться и перестал писать» [32; Послание к инокам, пп. 1–2].

Ученик *Оригена*, предшественник *Афанасия*, св. *Григорий Чудотворец*: «Ибо мудрость убежала от меня в беспредельную даль и в неизмеримую глубину, так что мне уже невозможно овладеть ею...» [44; 7]. Таков всякий философ, ищущий Бога. Бог богат – философ нищ; Бог на престоле – философ в нескончаемом странствии.

О непостижимости Божией говорил и другой учитель церкви – св. *Василий Великий*: «Ибо понятия, которое бы вполне было достойно Его [Бога], как сказал я, никто никогда не достигнет... Сию же мысль ясно представляет нам и премудрый Соломон, говоря: **рех, умудрюся: и сия удалилась от мене далече, паче неже бех**, то есть не сокрылась, но для тех, в ком по благодати Божией воспреизбыточествовало ведение, наипаче уяснилась её непостижимость» [35; О подвижничестве, слово о вере, с. 300]. Бог не скрылся, а по сути непостижим. Это знал Соломон, и знают

все, имеющие богомудрие.

Великие отцы тринитарного богословия Ориген, св. Афанасий Великий, св. Василий Великий, св. Григорий Богослов один за другим говорят о непостижимости Божией. Св. Григорий Богослов: «Итак, всякая истина и всякое слово для нас недомыслимы и темны... А слово о Боге чем совершеннее, тем непостижимее... так Соломон, который до преизбытка был умудрён паче всех, и до него живших, и ему современных... чем более погружается в глубины, тем более чувствует кружения и почти концом мудрости поставляет найти, сколько она удалилась от него (Еккл. 7:24)» [37; с. 404, Слово о богословии второе]. **Но мудрость далеко от меня. Далеко то, что было, и глубоко-глубоко!**

Женщина

Мысли убежали в гарем к семистам жёнам, к трёмстам наложницам, к девицам без числа, к чужестранным жёнам из Египта, Моава, Амона, Идумеи, Сидона, царства Хеттейского, а от них к чужим богам: Астарте Сидонской, Милхому Аммонитскому, Хамосу Моавскому, к мерзкому Молоху. Из женской сети – в сеть идольскую. И это он – сын Давида, чьё сердце было безраздельно предано Ягве Богу. Содрогнулся от воспоминаний мудрец и простонал:

Еккл. 7:26 И нашёл я, что горше смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце её – силки, руки её – оковы; добрый пред Богом спасётся от неё, а грешник уловлен будет ею.

Еккл. 7:27 Вот это нашёл я, сказал Екклесиаст, испытывая одно за другим.

Еккл. 7:28 Чего ещё искала душа моя, и я не нашёл? – Мужчину одного из тысячи я нашёл, а женщины между всеми ими не нашёл.

Сладострастие увлекло мудреца к женщинам. Обаяние и красота, ласки и страсть увлекли Соломона. Вкусив сладость женской прелести, **нашёл он, что горше смерти** то, на что покусился. **Женщина** нечестивая, женщина позорищная, чьё тело отдано публике, **она – сеть, и сердце её** не любовь, а **силки, руки её**, обвивающие искателя приключений, – **оковы**. Попавший в эту **сеть**, оказавшийся в этих **силках** и стеснённый этими **оковами** – несчастный пленник, раю страстей, сын гибели. И только **добрый пред Богом спасётся от неё**. Забывающий Создателя пусть не обольщается крепостью своей воли, ведь **грешник уловлен будет ею**. Многих погубили женщины – Адама-праотца, Самсона-богатыря, царя-воина Давида, Соломона-мудреца и сколько их ещё, сколько!

Пришла беда – открывай ворота; грех не приходит один. Почти никогда женщина не совращает ради того, чтобы совратить. Мужчина ей нужен меньше всего, ей нужно что-то от него. И вот мудрейший царь, строитель единого во Израиле храма единому на небе и земле Богу Ягве уже воскуряет жертвы чужим богам жён чужестранных. Великий Моисей запрещал брать жён иноземных и запрещал по одной причине: чтобы сохранился народ Божий в верности Тому, Кто вывел его из Египта, и чтобы сохранился в благочестии.

Всё потерял Соломон – ноги в силках, руки в оковах, сам в сети.

Того ли хотела душа его?

И вот он – странник. Всё оставил, посох приобрёл. **Вот это нашёл я,**

сказал искатель того, что может быть остающегося, полезного под солнцем, **испытывая одно за другим**. За мудростью испытал власть, за властью – богатство, за богатством – славу, за славой – женщин, за женщинами – богов чужих. Какова тайна женщины? **Чего ещё искала душа моя, и я не нашёл?** Много чего искал, много чего не нашёл. Всюду – суета и томление духа. Чего ещё искал? Чего ещё не нашёл? **Мужчину одного из тысячи я нашёл, а женщины между всеми не нашёл.** Что это значит?

Мало праведников на земле. Из тысячи отборных одного мужчину нашёл **доброго пред Богом**. А женщину? – ни одну! Как так?! – а Сарра? а Рахиль? а Девора? а Анна?..

Праведницы есть. Что же не нашёл Соломон? От Евы произошло искушение Адаму. Есть ли этому исключение? Соломон не нашёл. Это правда жизни. Кто же тот один, кого философ нашёл среди тысячи мужчин? Не знаю никого, кроме Мужа, родившегося от Девы, Того, Кто один без греха. Это в таинственном значении слов Екклесиаста. В практическом же значении, скорее всего, философ нашёл некую большую крепость духа Божия в мужчинах, сильном поле, хотя и среди них всего один из тысячи.

В наше время ослаблено мужское начало и бывает ощущение духовного превосходства женщин. Начиная с того, что в церкви – бабушки, в школе – женщины, мужики у пивной. Уже давно сказано, что Русь спасётся платочками. Слова Соломона хочется переставить местами. Женщина из тысячи одна, а мужчину и между всеми не найдёшь. Это желание всё переставить – преждевременно. Всё осталось, как во времена Соломона, только теперь во Христе – новая тварь, и ни мужского пола, ни женского, теперь для мужей и жён «иног жития вечнаго начало» [115; Пасхальный канон, песнь 7].

Раши в словах, **что горше смерти женщина**, под женщиной понимает «вероотступничество». В трактате «Бава батра» говорится, что существует десять тяжких вещей в мире, но хуже их – смерть, а хуже смерти – женщина, то есть вероотступничество.

"Чего ещё искала душа моя?.. душа моя искала ещё благочестивую среди женщин, но я такой не нашёл, ибо все они легкомысленны», – итог бесплодных поисков Соломона. Что касается мужчин, то Соломон **одного из тысячи** всё-таки **нашёл**. Прилагая к современному себе иудейству, *Раши* об этом так пишет: «Так повелось в мире: тысяча приступает к изучению Писания, но лишь сто из них добьются успеха настолько, что способны приступить к изучению Мишны. Из ста, приступивших к

изучению Мишны, только десять перейдут к изучению Гемары; из десяти приступивших к изучению Гемары лишь один добьётся успеха, что до законоучения станет раввином» [23; 7, 26–28].

Раши указывает на словосочетание **сказал Екклесиаст** לָלַק הַמָּחָא (амерах когелет). Глагол здесь стоит в женском роде «сказала». Слово Когелет употребляется и в мужском, и женском роде. Согласно Раши, слово Когелет женского рода означает Премудрость, Хокму. «Сказала собранная воедино мудрость и сказала его душа разумная, собирающая мудрость» [там же]. В других случаях, «когда же его [слово «Когелет». – Г. Ф.], употребляют в мужском роде, в виду имеют собирателя мудрости, то есть Шломо» [там же]. Итак, Когелет (мужского рода) – Соломон, Когелет (женского рода) – Премудрость. Говорит то сама Премудрость Божия, то её проводник Соломон.

Своеобразен перифраз Екклесиаста **св. Григорием Чудотворцем**. У него более неприглядным выглядит он сам, а не женщины. Со скорбью и стыдом Соломон признаётся, что когда «мудрость убежала от (него) в беспредельную даль», то «будучи так настроен, я этим отличался от других, и одержимый смертною похотью, я познал, что женщина есть некоторого рода сеть» [44; 7]. Причина женского уловления не в ней, а в собственной мужской похоти. Как-то понятнее звучат у св. Григория слова об одном мужчине из тысячи и ни одной женщине: «Искал я среди всех женщин скромности их и не нашёл ни в одной. Мужчину благонравного из тысячи можно найти, женщины же нет» [там же]. Можно ещё добавить, что Соломон искал скромность среди женщин не в современной Европе или Америке, а в странах Древнего Востока, которые кажутся нам краем женской стыдливости и скромности.

Соломон, что ж ты ничего не находишь?

Слова о женщине в **Еккл. 7:26** связаны с предыдущим 25-м стихом. **Обратился я сердцем своим к тому, чтобы... познать нечестие глупости, невежества и безумия. И нашёл я, что горше смерти женщина...** Екклесиаст нашёл во всём нечестии самое худшее. *Блж. Иероним*: «Какое зло в делах человеческих превосходит все прочие явления зла, и какой предмет занимает первое место в нечестии, глупости, заблуждении, безумии? – и говорит [Екклесиаст. – Г. Ф.], что он нашёл, что глава всех зол – женщина, потому что и смерть вошла в мир через неё, и драгоценные души мужей она уловляет» [64; 7, 25–29]. Женщиною был обольщён Адам и обольщается ею поныне. Вот поэтому не о чём другом, а о женщине Соломон говорит, **что она горше смерти**.

Мужчину одного из тысячи я нашёл, а женщины между всеми

ими не нашёл.

Если это факт, то кто виноват – женщина или Бог, её сотворивший? *Блж. Иероним* чувствует это обострение вопроса и рассуждает так: «И чтобы не показалось, что он [Екклесиаст. – Г. Ф.] осуждает общую природу людей и делает Бога виновником зла, он нарочно высказался об этом, сказав, что мы созданы Богом добрыми, но так как предоставлены свободной воле, то по своей вине падаем на худшее» [там же]. Беда в недолжном пользовании свободной воли.

Кроме того, *блж. Иероним* предлагает иносказательные толкования. Вот одно из них: «Можем также под **мужчинами** разумеать помыслы, а под **женщинами** дела и объяснять в том смысле, что с трудом можно найти у кого-нибудь и помысл чистый, а дела, так как они совершаются посредством тела, всегда соединены с каким-нибудь недостатком» [там же].

Св. Кирилл Александрийский говорит о том, какой великий грех делают те, кто отдают дочерей своих на позор и растление. Такая отроковица по вине отца или педагога становится **сетью, силком и оковами**. «И кто отдал свою отроковицу на открытый позор желающим, тот по справедливости не за неё только одну обвинён будет и подвергнут наказанию от Судии всех, но и за всякого, впадшего в позор. Ибо, поставивши как бы некие тенета и сеть смерти, он всех держит в облаве... О такой женщине и премудрый Соломон пишет: **жену, яже есть ловитва, и сети сердце ея, узы в руку ея**» [76; с. 362, О поклонении и служении в духе и истине, ч. 2, кн. 7].

И остался вопрос:

– Так что же есть женщина?

Женщина – сеть, силки, оковы и среди тысячи нет ни одной, какую искал Соломон. Что скажет на всё это?

Или это неудачный опыт Соломона, который не относится к другим? Возможно, и так. Ведь говорил ещё *св. Григорий Двоеслов*, что в Екклесиасте нечто относится к слову Божию, а нечто к колеблющемуся духу человека. Соломон имел семьсот жён чужеземных да триста наложниц. Тысяча женщин, да не те! Не среди тех искал!

Объяснение второе.

Слова Соломона означают, что грех начался от женщины, а в муже образ Божий. Потому и священство мужское, и Сама Премудрость воплотилась в Мужа совершенна.

Возражение Соломону:

А как праматери Сара, Ревекка, Лия и Рахиль? А как Мариам, сестра

великого Моисея? А как Девора, как Юдифь и как Есфирь? Не жёны ли мироносицы следовали за Христом на Голгофу, не они ли первые спешили потом к Его гробу? Не Моника ли вымолила беспутного Августина? Не велик ли сонм жён непорочных и святых девственников в церкви? Не бабушки ли наполняли храмы в годину безбожного лихолетья в СССР? Не они ли сохранили храмы и святыни, да и саму веру? Не платочками ли спасалась Россия? Кто молится за пьяных мужей и заблудших сыновей? Соломон, не проглядел ли ты святость материнства?

О жене добронравной сказано в книгах Соломона немало. Ничего он не проглядел! Святость женскую он знал.

Что же тогда он такое сказал?

– Горькую правду греховного, падшего мира. Того, что под солнцем и даже под луной. Того, что во тьме. Горькую правду мира, не освещённого светом Торы, не освящённого благодатью Святого Духа, не просвещённого светом Евангельской истины и любви. Совершенно иначе зазвучит слово новозаветного Екклесиаста – Христа и его глашатаев апостолов.

А по греховой природе всё так, как у Соломона.

Что в итоге?

Еккл. 7:29 Только это я нашёл, что Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы.

Много недоброго видел философ. Что же думать о людях? Неужели что ни человек, то дерьмо?! Из тысячи только один путный мужик, а остальные девятьсот девяносто девять что?.. А весь женский род что?!

Несмотря на всё нелестное, что сказал философ, он поясняет: **Только это я нашёл, что Бог сотворил человека правым.** Прекрасен человек, вышедший из рук Творца. **Бог сотворил человека правым.** Нет никакого повода хулить творение Божие. Слова Соломона можно прочитать и так: **Только то я и нашёл в человеке правым, что сотворил Бог.** А всё остальное? Про остальное сказать что-либо доброе трудно. Всё остальное – это то, что **люди пустились во многие помыслы.** И доброго от этих помыслов получилось мало, **потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его (Быт. 8:21).** Именно в помыслах рождаются все грехи человеческие. Христианская аскетика – это в первую очередь очищение помыслов и освобождение от страстей.

А люди пустились во многие помыслы. Только философских учений сколько! а религиозных?.. **Пустились** и не остановились. Далеко ушли. Далеко от Бога. Вся цивилизация – это история того, как **люди пустились во многие помыслы.** Это так звучит в переводе А. Графова: **Бог создал человека праведным, но тот слишком многого ищет.** Многого и не там.

Неожиданно и своеобразно толкование слов соломоновых в *мидраше*. "**Лишь то, смотри, я нашёл,** что преткновение явилось и первый грех был совершён из-за неё. **Что содеял** Пресвятой – создал первого человека прямым. **Они же** – после того, как парой ему стала Хава, жена его, и их стало двое, и называться стали **они, искали счета многочисленные** – это козни и помыслы, связанные грехом» [23; 7, 29]. Пока человек был один, грех не появился. **Бог сотворил человека правым.** Когда их стало двое, тогда и **пустились во многие помыслы** непослушания, подозрения к Богу, страхования, плотское нечистоты, самооправдания, перекладывания вины и нераскаянности. Всё это ещё в саду Эдемском.

Не от такого ли суждения исходит тайна монашества, в котором единый стоит пред Единым?..

Св. Григорий Чудотворец так передаёт слова нашего философа: «Больше же всего я уразумел то, что люди сотворены Богом правыми по

душе, но они сами увлеклись в разнообразные помышления и в бесконечные искания, заявляют притязание на изыскание мудрости и проводят время в занятии ничтожными речами» [44; 7].

Св. Кирилл Иерусалимский разъясняет оглашаемым, что «зло есть произведение свободного произволения. И что грешим самопроизвольно... Насаждение прекрасно, плод худ, зло от произволения. Насадитель не виновен, а виноград пожжён будет огнём, потому что насаждён на добро, плод же принёс по произволению зло. Ибо по слову Екклесиаста **сотвори Бог человека правого, и сии взыскаша помыслов многих** (Еккл. 7:29)» [77; Слова огласительные, 2, п. 1].

Св. Василий Великий говорит словами Писания: «**Бог сотвори человека правого** и создал нас **на дела благая, а в них ходим** (Еф. 2:10)» [34; Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах, вопр. 55]. По природе человек добр и праведен. Откуда в нём худое? На это ответил св. Кирилл Иерусалимский – от произволения.

Св. Иоанн Кассиан Римлянин также говорит, что «мы не должны приписывать это развлечение [пороками. – Г. Ф.] нашего сердца ни человеческой природе, ни Богу, Творцу её. Ибо истинно изречение Св. Писания, что **Господь сотворил человека правым, а люди вдалились во многие помыслы**. Следовательно, от нас зависит качество помыслов» [67; Собеседование 7, гл. 4].

Св. Иоанн Кассиан утверждает, что познание добра у человека было изначально, а добра и зла – по падении: «Бог создал человека правым, то есть он непрестанно обладал знанием только добра, но сами люди взыскаша помыслов многих, потому что стали разуметь лукавое и доброе; посему Адам получил познание зла после падения, не утратив, впрочем, познания добра» [67; Собеседование 13, гл. 12].

Глава 8

Дела Божьи непостижимы – знай своё место

Не кончается тропа философа – за поворотом поворот. Куда ведёт дорога?.. Или в том и дело, что никуда?! Божье не познать – знай своё. Не можешь постичь дела Божии – в простоте, не мудрствуя, делай свои. Не знаешь того, что наверху, знай своё место внизу.

Философ искал горнее. Небо молчало, земля обескураживала.

Оставалась только золотая середина, иначе – яма.

Еккл. 8:1 Кто – как мудрый, и кто понимает значение вещей? Мудрость человека просветляет лицо его, и суровость лица его изменяется.

Мудрый понимает **значение вещей**, то есть знает не только саму вещь, а её значение, её предназначение, её логос и её смысл. Прп. Максим Исповедник находил истинное познание мира в познании логосов каждой вещи. Физик постигает вещь, богослов – её логос. **Всё** через Слово **начало быть**, значит, во всём своё слово, свой логос. Первоначально вещь именуется; Адам нарекал имена животным, а некоторые думали, что и ангелам. Назвать вещь – это не обозначить её, не словесный жетон на неё нацепить, а познать её, постичь её смысл и значение.

В начале было Слово (Ин. 1:1). Кстати, что такое физика или история? Чему научились физики на физфаке, а историки на истфаке? Физики научились говорить о природе, а историки – о событиях, происшедших с людьми. Открыть закон природы – это в конце концов не что иное, как научиться словесно выражать нечто, в ней происходящее, мыслить об этом. Да и «мысль» содержит в своём корне «слово»⁵⁶. Мысль есть слово. Законы Ньютона – это слова, произнесённые по поводу движения тел. Филолог изучает сами слова. Богослов находит в словах отражение Слова. Молящийся словом восходит к Слову и изумевает в молчании пред Молчанием. Изумление – «из-ума» исхождение. Ум витает в слове. Изумление – то, что за словом. В молитве это исихия, смолкает слово, дух молчит пред Молчащим.

Кто – как мудрый? Есть хотя бы один? Наш философ-странник ищет его. **Кто понимает значение вещей?** Вещи – их так много, а где их смысл? Кто откроет?..

Мудрость человека просветляет лицо его, и суровость лица его изменяется. Само лицо мертво. В анатомических атласах лицо ничего не выражает, как, кстати, и на манекенах. Улыбающиеся лица реклам и цветных журналов – ничему не радующиеся, несмотря на блеск открытых зубов, и ничему не сострадающие. Но есть и другое – **мудрость человека**

просветляет лицо его, и суровость лица его, которая не от мудрости, изменяется. В переводе А.Э. Графова: **Мудрость освещает лицо и смягчает его черты**. Глупость напрягает и придаёт чертам лица ненужную суровость. Каков человек, какова его жизнь – таково и лицо. В старости лицо человека – отражение всей его жизни, лучше: образа всей его жизни. Когда божественная София осеняет человека, искорёженные черты лица его выпрямляются, уходит ожесточённость, изнеможённость, обида, **смягчаются черты** лица, и оно начинает **просветляться**. Оглянись – сколько вокруг светлых лиц и сколько мрачных, столько же вокруг мудрости и неразумия. Мудрость просвещает, и лицо становится ликом, глупость и безумие омрачают лицо, и вырисовывается безучастная суровость рожи и физиономии. Как часто люди, напуская на себя **суровость**, кажутся себе мудрыми. Особенно при наличии должности, звания или сана.

Замечательные библейские образы подбирает словам Екклесиаста Раши: **"Кто подобен мудрому... и кто знает смысл вещи (или: кто умеет достичь соглашения)**. Это разгадка. Так относительно Даниэля находим, что благодаря его мудрости, которая проистекала от страха пред Небом, ему были открыты тайны. И кто, как Моше, достигал соглашения между сынами Исраэля и их небесным Отцом! **И крепость лица его изменится**. Моше отличался от других людей настолько, что боялись к нему приблизиться, ибо **лучезарным стало его лицо (Исх. 34:39)**» [23; 8, 1–2].

Интересно, что еврейский текст **יָדָא פֶּשֶׁר דַּבָּר** (йода пешер дабар), буквально переводимый как **понимает смысл вещей**, может быть понят и как **умеет достичь соглашения**. Кто не умеет достигать соглашения, тот не понимает смысла вещей, тот не мудрец. Так в семье, так в обществе, так в церкви. Но мыслит-то такой себя правдолюбом. Так и хочет мудрость сказать ему: «Смягчи черты лица своего, поубавь суровость, расслабься!»

Св. Григорий Чудотворец: «Мудрость же, если она оказывается в человеке, видна даже по лицу, так как она освещает стяжавшего её; как и напротив, бесстыдство изобличает того, в ком оно вселилось, как достойного ненависти, с первого же взгляда» [44; Переложение Екклесиаста, 8].

Св. Афанасий Великий рассуждает о Софии нетварной, зиждительной, относя её к Логосу, и о Софии тварной, то есть об отпечатке Премудрости Божией в творении. По принципу общения свойств премудрость нетварная усваивает себе иногда нечто присущее тварной, и наоборот, премудрость тварная возводит к своему архетипу – Премудрости нетварной. Св.

Афанасий приводит из Писания различные примеры наличия премудрости в тварях, в том числе вспоминает, как «и Екклесиаст говорит: **мудрость человека просветит лице его (Еккл. 8:1)**» [31; На ариан слово второе, п. 79].

Блж. Иероним переводит: **Кто как мудрый, и кто знает разгадку слова?** И высказывает мысль, что Соломон «косвенно говорит и о себе, что никто не был так мудр, как он, и никто не знал решения загадок, и что мудрость... больше всех людей дарования умственные отображала на лице его» [64; 8, 1]. О, если бы это помогло ему в поисках его!

Далее блж. Иероним, как и другие отцы, относит слова Екклесиаста ко всем людям, причастным божественной мудрости. Мудрость человека отображена на лице его, «а всякий еретик и защищающий ложное учение бесстыден лицом» [там же], как семьдесят толковников переводят поеледние слова Екклесиаста: **И бесстыдный по лицу своему ненавистен будет.**

Философ-царь знает, что есть **слово царское**, и чувствует он его не только с позиции царской, но и с позиции подданных царя.

Еккл. 8:2 **Слово царское храни ради клятвы пред Богом.**

Еккл. 8:3 Не спеши уходить от лица его, и не упорствуй в худом деле; потому что он, что захочет, все может сделать.

Еккл. 8:4 Где слово царя, там власть; и кто скажет ему: «что ты делаешь?»

Верноподданные дают **клятву пред Богом** в верности царю, а потому **слово царское храни**. Соломон утверждает божественное происхождение земной власти, **ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены (Рим. 13:1)**. В христианских монархиях божественность власти утверждается священным миропомазанием на царство. Однако это не означает, что в случае отсутствия помазания отсутствует божественное начало власти. Так апостол Павел утверждал богоустановленность Римской власти, когда императорами были язычники. Римские императоры были к тому же верховными языческими жрецами (*pontifex maximus*) и даже объявляли себя богами (император Домициан). Есть разница между божественными помазанниками и языческим правителем или президентом республики, но в любом случае остаётся некая богоустановленность власти. В связи с таким отношением к власти человек должен повиноваться ей не за страх, а за совесть, и более того: **будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа (1Пет. 2:13)**. Хождение под властью – хождение пред Богом. По Соломону, **слово царское храни** не ради выгоды или страха, а **ради клятвы пред**

Богом. Естественно, всё это ограничивается областью веры и благочестия. Не может быть подчинения власти, если требуется совершение греха или отречение от Бога. С этого момента начинается свидетельство и мученичество.

Указав на подчинение царю пред Богом, Соломон взывает и к обычному благоразумию: **Не спеши уходить от лица царя и не упорствуй в худом деле; потому что он, что захочет, всё может сделать. Где слова царя, там власть; и кто скажет ему: «что ты делаешь?»** Глупо не считаться с силой. Глупо получать удары не за Бога, не за истину, а за собственную настырность и упрямство, за своеволие. Не можешь противиться силе – подчинись ей, если это не противоречит совести. Уступить силе – это не слабость характера, а благоразумие. Бодаться с силой – глупость неразумия. Стояние за истину – святость исповедничества.

Раши размышляет словами Екклесиаста о Царе царей и Боге Всевышнем: **«Уста царские соблюдай.** Поэтому я обязан и готов блюсти изречённое Царём вселенной, что является наивысшим благом. **И по речению клятвой Богу.** То, как мы клялись Ему на Хореве (на горе Синай) соблюдать Его заповеди» [23; 8, 2–4].

С другой стороны, *Раши* относит слова Екклесиаста и к земной власти: «Я готов соблюдать повеленное царями народов, которые властвуют над нами при посредстве податей подушных и налогов на собственность во всех делах государственных» [там же]. При этом *Раши* строго оговаривает ограничение: **«По речению клятвой Богу** – при условии, что не будут нас принуждать нарушить клятву, которую мы дали Вездесущему» [там же].

Св. Григорий Чудотворец также прилагает слова Екклесиаста и к Царю Небесному, и к царям земным. Своеобразно *св. Григорий* в словах Екклесиаста о клятве находит возбранение всякой клятвы: «Должно со всем усердием внимать речам царёвым и всяким образом избегать клятвы, в особенности клятвы именем Божиим» [44; 8]. Не совсем ясно, что дало *св. Григорию* основание так перелагать слова Екклесиаста.

Блж. Иероним, как и предшествовавшие ему толкователи, относит слова Соломона к земному «царю и властям», но и к «тому Царю, о котором Давид сказал: **Господи, силою Твоею возвеселится царь (Пс. 20:1)**» [64; 8, 2–4]. *Блж. Иероним* уточняет: «Царь сей есть Сын Божий, Сын Отца-Царя. Его-то заповеди должно хранить, Его-то волю исполнять».

В отличие от *св. Григория Чудотворца*, *блж. Иероним* в словах Соломона находит утверждение правомочности клятвы: «А поскольку

Семьдесят перевели иначе, поставив: **и о клятве, и о слове Божиим не спеши от лица Его ходить**, следует знать, что клятва Божия определена в книгах божественных [там же]. Церковь на практике следует мнению блж. Иеронима, допуская и практикуя клятву именем Божиим.

Очень интересна мысль блж. *Иеронима* в связи с советом Екклесиаста: **Не спеши уходить от лица царя**. «И не спеши, как Моисей, видеть лицо Божие, и терпи до тех пор, пока Сам Он не пройдёт пред тобою, и смотри только **задняя Его**» [там же]. В молитвенном созерцании пред Богом не будь нетерпелив. Ты хочешь видеть лицо Божие и не видишь, и с того момента прекращает молитву, уходишь от лица Божия. **Не спеши**, не торопись! Не может человек видеть Бога и остаться живым. Продолжай молитвенно стоять пред Царём Небесным. Как Моисею, Он явит тебе **задняя Своя**, ты узришь свет неприступный, тебя осенит облако благодати Божией. Лицо Божье, сущность Его ты так и не увидишь, но не уходи, стой пред незримым Ликом Его! Здесь тайна жизни духовной и тайна чистого сердца, зрящего Бога, не видя Его. Только **не упорствуй в худом деле**. Сердце нечистое ничего не получит, не узрит.

Философ размышляет дальше:

Еккл. 8:5 Соблюдающий заповедь не испытает никакого зла: сердце мудрого знает и время и устав;

Еккл. 8:6 потому что для всякой вещи есть своё время и устав; а человеку великое зло оттого,

Еккл. 8:7 что он не знает, что будет; и как это будет – кто скажет ему?

Еккл. 8:8 Человек не властен над духом, чтобы удержать дух, и нет власти у него над днём смерти, и нет избавления в этой борьбе, и не спасёт нечестие нечестивого.

Еккл. 8:9 Всё это я видел, и обращал сердце моё на всякое дело, какое делается под солнцем. Бывает время, когда человек властвует над человеком во вред ему.

Царь Небесный, царь земной – **соблюдающий заповедь не испытает никакого зла**, или лучше по переводу А.Э. Графова: **Исполнив приказ, не попадёшь в беду**⁵⁷. Делай, что тебе делать должно, и всё управится к лучшему. Преподобный старец Анатолий Оптинский говорил, что есть скорби от Бога, и есть скорби собственного сочинения. Несоблюдением **заповеди** Божией и неисполнением **приказа** царского человек сам себе придумывает беду, только доходит до него это с опозданием.

Сердце мудрого знает и время и устав, или точнее: **время и суд**⁵⁸, потому что **для всякой вещи есть время и устав**, или: **время и суд**. Всякой вещи и всякому делу своё время, а потом – суд, то есть испытание.

Неразумный не знает времени делам и вещам и уж вовсе не думает о суде, а том, что всё будет испытано. Не таков мудрый – его сердце знает, когда и что уместно, и не забывает о суде.

Про **всякую вещь** философ-странник хорошо понимает, что ей **своё время и суд**, но вот беда: **Человеку великое зло оттого, что он не знает, что будет, и как это будет – кто скажет ему?** Мудрец про всё знает время, устав и суд, про всё, кроме себя! Человек не знает ни что будет, ни как это будет. Кто скажет ему? Сам всем и обо всём сказал, а кто ему скажет? Вокруг – молчание. Никто не скажет. Вот беда и великое зло, и кому до этого дело?..

Человек не властен над ветром, и нет власти у него над днём смерти. Еврейское **רוח** (руах) означает и «ветер», и «дух». Человек не властен над ветром, ещё никто его не поймал, так **не властен он и над духом, чтобы удержать дух.** Настаёт день, и дух покидает тело, и никто не может удержать его. **Нет власти у человека над днём смерти, и нет избавления в этой борьбе.** Все борются за жизнь, и все умирают. **И нет избавления в этой борьбе.** В делах и успехах этого мира часто помогает наглость, сила, лукавство. С их помощью иные многого добились в земной жизни. Но от смерти **не спасёт нечестие нечестивого.** Никакие происки не помогут. Ни власть, ни ум, ни сила не помощники. Не помогут и деньги – смерть придёт, **день** настанет, дух не удержать.

Премудрый пискарь в сказке Салтыкова-Щедрина за сто лет прожил, дрожа и ни разу не подвергнув свою жизнь опасности. Его так никто и не съел. Исчез ненужный неизвестно куда. А дух всё-таки испустил, не удержал.

Уже много веков учёные бьются над тайной смерти. Как сделать человека бессмертным или воскресить мертвеца? **И нет избавления в этой борьбе.** Нет власти над днём смерти. **Ягве умерщвляет и оживляет (1Цар. 2:8),** и никто не может противиться этому. Французская академия наук в своё время правильное решение приняла – проекты вечного двигателя к рассмотрению больше не принимать.

Всё это, странствуя с посохом, **видел философ и обращал сердце своё на всякое дело, какое делается под солнцем.** Стал мудрым, но не нашёл, что искал. Нет итрон, нет остающегося блага. Всё проходит, и нет силы, **чтобы удержать дух.** Как ветер уносится, и его уже нет.

Приземлилась мысль, и увидел царь, что **бывает время, когда человек властвует над человеком во вред ему.** Божественный дар власти обращён во зло. Не ко благу, а ко злу властвуют порой люди. Власть, призванная хранить человека, руководить его ко благу, используется **во**

вред ему. Не случайно и не без основания во все времена были бунты, восстания и революции. Да, их было много, только пользы не принесли. Кровь и слёзы в избытке, а **человек** по-прежнему **властвует над человеком во вред ему.**

Вот суждения *Раши* о словах Соломона.

"И пору, и суд знает сердце мудрого. Мудрый знает, что существует установленный срок для взыскания с преступных, и суды имеются пред Пресвятым» [23; 8, 5–9]. Всему срок и всему время взыскания. Особенно это касается людей преступных. Но увы – преступник **не знает, что будет.** Совершая преступление, нечестивый не задумывается над тем, что в грядущем Пресвятой призовет его к ответу. И в том его беда.

Своеобразно толкует *Раши* о дне смерти: **«Человек не властен над духом.** Не властен над духом и порывом ангела Вездесущего, чтобы удержать и закрыть от него дух в собственном теле, чтобы не отнял его ангел смерти». В больнице умирает человек. Привычным движением руки медработник накрывает его простынёй. Вокруг всё буднично – врачи, больные, суета, дела. Никто не заметил, что от Всевышнего слетел сюда, в больничную палату, ангел и забрал дух человека, оставив бездыханное тело.

И **нет власти** на земле в этом деле. «Никакому царю не обнаружить власть в день смерти своей. Везде, где речь идёт о царе Давиде, его называют **царь Давид**, однако в день смерти сказано: **И приблизились дни Давида к смерти** (3Цар. 1:2), и не упомянуто здесь его царское достоинство» [там же].

О времени и суде для всякой вещи св. Григорий Чудотворец говорит, что «мудрый муж знает и предвидит, что суд, который будет в надлежащее время, будет праведный» [44; 8].

Как и еврейское предание, св. Григорий в словах Екклесиаста видит указание на ангела смерти: «Никто не будет так силен, чтобы мог воспрепятствовать ангелу, который будет брать у него душу, и совершенно невозможно найти никакого способа, чтобы отменить время смерти».

Прп. Исихий Иерусалимский († 432 г.), ученик св. Григория Богослова, подвижник палестинский и толкователь Св. Писания, использует слова Екклесиаста, говоря об отрезвлении ума и освобождении его от помыслов: «Опять восколеблется (монах), видя бездну помыслов и толпу младенцев вавилонских: но и это колебание рассеивает Христос, если основанием ума непрестанно в Нём утверждаемся и младенцев вавилонских отбрасываем, разбивая о камень сей (Пс. 136:9), – исполняя, как говорится, желание своё на них (своё против них негодование). Ибо, как говорит

Премудрый, **соблюдающий заповедь не испытает никакого зла**» [51; О трезвении и молитве, п. 158].

Блж. Диадок, епископ Фотики в Иллирии, святой отец середины V века, в слове о хранении себя от пустых, худых помыслов и речей говорит, что мирские люди от помыслов переходят к падениям, а подвижники благочестия от падений переходят к злым помыслам и речам. «Почему должно всегда упражнять ум в соблюдении святых заповедей и в глубоком памятовании славы Господа. Ибо **храняй заповеди**, говорит Писание, **не увестъ глагола лукава** (Еккл. 8:5), то есть не уклонится к непотребным помыслам или словам» [52; Подвижническое слово, 96].

Авва Евагрий, философ пустыни († 399 г.), говорит о том, что «новоначальным нельзя ничего говорить о вещах умозрительных... поскольку они не могут противостоять падениям, бывающим следствием подобного созерцания. Поэтому тем, с кем ещё ведут брань страсти, следует говорить не слова мира, но держать речь о том, как они могут одолеть своих противников, ибо, как говорит Екклесиаст, **несть посла в день брани** (Еккл. 8:8). Ведь люди, одолеваемые страстями и стремящиеся исследовать логосы телесных и нетелесных вещей, подобны больным, которые рассуждают о здоровье» [55; Умозритель, п. 25]. В день брани не ведут переговоры.

Что день грядущий мне готовит?..

Так в беспросветье вопрошал тревожный ум Ленского накануне дуэли⁵⁹.

И кто уже не задал себе этот вопрос?

Блж. Иероним: "**А человеку великая досада на то, что будет; ибо как оно будет, кто возвестит ему** (Еккл. 8:6–7)?.. Это великое томление для рода человеческого, что, как говорит поэт: «Ум человека не ведает будущей участи, жребия», – что надеется одного, а происходит другое, ожидает врага в одном месте, а получает удар от врага иного» [64; 8, 6–7]. В таких обстоятельствах, по блж. Иерониму, для праведного одно утешение – глубокое убеждение в том, «что всё устроится от Бога на пользу людей и всё располагается не без Его воли» [там же].

Долго царствовал царь, долго вопрошал философ – вот что открылось ему об **участи нечестивых**.

Еккл. 8:10 Видел я тогда, что хоронили нечестивых, и приходили и отходили от святого места, и они забываемы были в городе, где они так поступали. И это – суета!

Еккл. 8:11 Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло.

Еккл. 8:12 Хотя грешник сто раз делает зло и коснеет в нём, но я знаю, что благо будет боящимся Бога, которые благоговеют пред лицом Его;

Еккл. 8:13 а нечестивому не будет добра, и, подобно тени, недолго продержится тот, кто не благоговеет пред Богом.

Перевод «забываемы были» в Синодальной Библии следует масоретскому тексту וַיִּשְׁתַּכְּחֻם (вейштакеху). Септуагинта, Вульгата, Церковнославянская Библия дают «похвалены быша», что может быть переводом слова וַיִּשְׁתַּבַּח (вейштабаху). Масоретские правщики или переводчики допустили ошибку, перепутав буквы ט и ח, весьма похожие. Согласно свидетельству LXX и Вульгаты и смысл текста (суетность восхваления нечестивых, над которыми нескоро совершается суд), склоняют к предпочтению слова «похвалены были», хотя и изречение «забываемы были» может вписаться в текст.

Раши, ссылаясь на мудрецов, тоже говорит, что вместо «вейштакеху» (= и забыты были) следует читать «вейштабаху» (= похвалены были). Однако в Агаде используется «вейштакеху»: «В конце концов, забвению будет предано их имя и память о них в самом городе, где такое было ими соделано» [23; 8, 10].

В Еккл. 8:11 в еврейском тексте использовано слово פִּתְגָם (питгам), означающее «суд» или «приговор», возможно, персидского происхождения, встречающееся ещё в книгах позднего происхождения 1Ездр. 4:17; 6:11; Дан. 3:16. Современные текстологи находят в наличии этого слова свидетельство в пользу позднего происхождения книги. Однако заимствование слов с Востока могло быть ещё и во времена Соломона.

В этом мире правда не находится на поверхности, за ней надо нырять глубже. А видно вот что: **Хоронили нечестивых, и приходили и отходили от святого места, и они восхваляемы были в городе, где они так поступали.**

Похоже, что речь идёт не прост о **нечестивых**, а о конкретных людях во времена Соломона, известных своим нечестием **в городе** Иерусалиме, названном здесь **святым местом**. На святом месте, во святом городе беззаконничали и сподобились почётных похорон. Люди приходили и отходили, и нечестивцы **восхваляемы были в городе, где они так поступали**. Сколько раз уже такое случалось в истории. Противно. Философ махнул рукой: **И это – суета!** Всего лишь пар, сегодня затмивший глаза толпы, но имеющий рассеяться. Однако по жизни **нескоро совершается суд над худыми делами**. Ждать, пока рассеется туман и всё встанет на свои места, придётся долго. Некоторые так и не

дождутся.

Хоронили нечестивых на Красной площади. Семьдесят лет люди **приходили и уходили** от мавзолея и **восхваляемы были** богоборцы и разорители святынь **в городе** Москве и до самых до окраин, **где они так поступали.**

И ещё есть много примеров.

Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло. Безнаказанность порождает наглость. Грешник становится дерзким и коснеет во зле. Один безбожник в советское время собрал на поле множество народа и кричал небу всякое непотребство в адрес Бога. Ничего не случилось.

Один епископ в присутствии священников плеснул из рюмки водку к небу со словами: «Ты – Кто на небе, а я – епископ на земле!» Небо молчало.

Гомосексуалисты венчаются, устраиваются гей-парады, сыграли свадьбу друг с другом два пастора – небо молчит.

На всём пространстве России уже десятилетиями всё, что построено, всё обматерено, почти каждый кирпич, каждое бревно, ведь на стройке все матерятся и по-другому не разговаривают. Если бы маты материализовывались в капли воды, то густой непроглядный туман обволокло бы нашу Родину. А небо молчит.

Из материнских утроб большинство детей отправляется на медицинскую свалку, а не в любящие руки матерей. Дамы, совершающие такое, ходят на работу и отдыхают на побережье Чёрного моря. А небо всё молчит.

Не скоро совершается суд над худыми делами, теряется страх Божий, и не страшится сердце сынов человеческих делать зло.

Невесёлая картина.

Однако наш философ не теряет надежды, не отчаивается и разницу между добром и злом продолжает ясно видеть: **Хотя грешник сто раз делает зло и коснеет в нём, но я знаю, что благо будет боящимся Бога, которые благоговеют пред лицом Его; а нечестивому не будет добра, и, подобно тени, недолго продержится тот, кто не благоговеет пред Богом,**

Весы правды Божией выровняются. Как бы беспечно ни **коснели** в грехах нечестивцы, хотя бы **сто раз делали зло** безнаказанно – не это конец. Всё равно **благо будет боящимся Бога, которые благоговеют пред лицом Его, а нечестивому не будет добра, и, подобно тени, недолго продержится тот, кто не благоговеет пред Богом.** Успех и

безнаказанность грешника **подобно тени** исчезают и суть ничто. И только кажется, что **нескоро** совершаются суды Божии. **Недолго продержится тот**, кто коснеет во зле, имея мнимый успех. Во время безнаказанности кажется грешнику, что всё это будет всегда. Но это не так. **Благо будет боящимся Бога**, хотя так часто именно они остаются без всяких благ. **А нечестивому не будет добра**, сколько бы ни грёб он своими нечестивыми руками. И во времени, и в вечности вершатся суды Божьи. Есть тому и свидетели: никому ныне не нужный мавзолей на Красной площади; искривлённое лицо пристава, циничного хулителя Даниила Ачинского; Мёртвое море над Содомом и Гоморрой; ремонт, нужный обматерённому строителями зданию ещё до ухода строителей; раковые опухоли после абортот. И, напротив, слава и честь святых Божьих угодников, в своё время претерпевших скорби.

Следует отметить, каким качеством определяется по Соломону благочестие и нечестие – **благоговение пред Богом**. У одних оно есть, у других его нет. Римский оратор и философ Цицерон (I в. до Р. Х.) считал, что латинское слово *relegere*⁶⁰, от которого производится слово «религия», означает «благоговеть» или «относиться к чему-либо с особым вниманием, почтением» [106; с. 15]⁶¹. Религия – благоговение пред Богом. Поэтому после первых двух богословских заповедей Божиих следующая третья заповедь, относящаяся к нравственной стороне, запрещает неблагоговейное употребление имени Божия. Религиозен человек или нет, определяется тем, благоговеет он пред Богом или нет. Противоположность религии – цинизм. Верующий иногда согрешает, но он не может цинично относиться к Богу и всему святому. В пастырском богословии, кстати, наставляют семинаристов, что народ может простить всякую слабость и даже грех батюшке, но никогда не примет его неблагоговейного к Богу и святыне отношения. Отсутствие благоговения пред Богом – духовная смерть.

Раши под **нечестивыми** понимает завоевателей Иудеи, а **город** – это их столица (Вавилон?). «Однако они [нечестивые. – Г. Ф.] овладели Домом Пресвятого, местом святым, а когда ушли оттуда на свою землю, похвалялись у себя **в городе**, что такое-то и такое-то содеяли в Доме Вездесущего» [23; 8, 10–13]. Это явно означает халдеев и разорение ими святого Иерусалима в 587 г. до Р. Х. В Вавилоне **были похваляемы**, но потом «презренны были среди других народов, и о них сказано: «Сего народа как бы и не было».

В этом же мире так: «Хотя Он (Бог) не спешит взыскать с нечестивых и тем самым отличить праведных от нечестивых, я знаю, что в конце

концов каждый получит должное воздаяние, и тем, кто Его страшится, будет благо» [там же].

Св. Григорий Чудотворец говорит о благоговении: «Величайшее же – благоговейный страх пред Богом, потерявши который, нечестивые не много времени будет пользоваться своей глупостью» [44; 8].

С горечью говорит по поводу слов Екклесиаста *блж. Иероним*: «Я увидел, что нечестивые умирают с таким мнением и погребаются так, как бы они считались на земле святыми... А происходит это оттого, что никто не осмеливается противоречить грешникам, и что Бог не тотчас воздаёт за беззаконие» [64; 8, 10–13]. Отсюда и упорство в беззаконии. *Блж. Иероним* приводит нелюбезный для церкви пример: «Свидетельством этим можем пользоваться против епископов, которые получили власть в церкви, а между тем более соблазняют тех, кого они должны учить и возбуждать на лучшее. Такие после смерти часто восхваляются в церкви и то преемниками, то народом публично провозглашаются блаженными за поступки неодобрительные. Но и это суета... Трудно обвинение на епископа: ибо если он согрешит, то не верят, и если будет обличён, то его не наказывают» [там же].

Однако восхваление нечестивых в городе не навсегда. Екклесиаст видит и конечный результат: **А нечестивом не будет добра, и, подобно тени, недолго продержится тот, кто не благоговеет пред Богом.** *Блж. Иероним* отмечает, что в еврейском подлиннике здесь говорится в повелительном наклонении: **А нечестивому да не будет добра, и, подобно тени, да не продлит дней тот, кто не благоговеет от лица Божия.** Екклесиаст «просит зла тем, кои не имеют страха Божия, и желает, чтобы не отлагалось надолго наказание им» [там же]. Это страшная молитва, которая иногда срывается с уст святых. Переводчики же вслед за семьюдесятью толковниками обычно переводят эти слова, как в синодальном переводе, просто как констатацию факта, что **нечестивому не будет добра, и что недолго продержится тот, кто не благоговеет пред Богом.**

Прп. Иоанн Кассиан Римлянин переводит мысль Екклесиаста о том, что раз нескоро совершается суд над нечестием и сердце бесстрашно порождает зло, в область внутренней жизни: «Итак, верно, что никто не может быть обольщён диаволом, если кто не захочет дать ему согласие своей воли. Екклесиаст это ясно выражает такими словами: **поелику не бывает пререкания от тех, которые скоро делают зло, то и наполнилось сердце сынов человеческих, чтобы делать зло** (Еккл. 8:11). Итак, отсюда очевидно, что всякий согрешает оттого, что при

нападении худых помыслов не отвергает их тотчас противоречием» [67; Собеседование седьмое, гл. 8].

На земле несправедливость, и что же делать?

Всего насмотрелся философ во дни странствия своего:

Еккл. 8:14 Есть и такая суета на земле: праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников. И сказал я: и это – суета.

Коль скоро в жизни всё так наоборот – **праведников постигает беда и скорбь, а то и наказание, которого заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает успех, благо и награды, чего заслуживали бы дела праведников**, то, конечно же, всё это – **суета на земле**. Совершенная бессмыслица. Какой резон быть праведным и какая беда быть нечестивым? – Да никакой! И что же дальше? Как жить-то? – да очень просто! Махни рукой и скажи: **И это – суета!** Будь попроще, а я уже сделал так:

Еккл. 8:15 И похвалил я веселие; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться; это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему Бог под солнцем.

Принцип среднего мещанского счастья – не стремись в облака, там правды нет; не твори зла, хоть и наказан не будешь свыше, но хорошего в этом нет ничего. Похвали веселье и успокойся. Нет ничего лучшего под солнцем. Лучше синица в руке, чем журавль в небе. Трудись и не забывай есть, пить и веселиться.

Под солнцем и правда ничего лучшего, может, и нет.

А солнце правды ещё за облаками...

Три недели шёл суд в годы советского лихолетья над исповедником веры и свидетелем истины Игнатием Лапкиным. В эти дни за торжественным богослужением руками архиерейскими возложен был крест с украшениями на предавшего его священника. Один пошёл в тюрьму и лагеря, другой – на повышение по служебной лестнице.

Праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников.

Мало что изменилось со времён соломоновых.

Но неужели ничего, кроме радости есть и пить?..

Раши обращает внимание на то, что принцип среднего счастья предполагает нравственное начало, без которого оно быть не может. **«Веселие.** Чтоб человек доволен был долей своей и занимался велениями прямыми, которые радуют сердце, и не гнался бы за богатством посредством лихвы и грабежа. Кто недоволен долей своей и, не разбирая

средств, гонится за богатством, неизбежно дойдёт до преступлений, связанных с грабежом, притеснением и лихвой. Кто не довольствуется долей своей в семейной жизни, станет преследовать женщин и помышлять о замужних» [23; 8, 14–15]. Это принцип благоденствия земных государств. Безнравственная экономика не может быть успешной, а если бывают у неё взлёты, то это всегда перед падением.

В *мидрашах* даётся иносказательное толкование сомоновых слов: «Везде в этой свитке еда и питье означают изучение Торы, подобно сказанному: **Идите, обретайте и ешьте...** (Ис. 51:1)» [там же].

Св. Григорий Чудотворец сетует: «Часто же распространяется между людьми самое худшее и самое ложное мнение, как о праведных, так и о неправедных. Ибо о том и о другом думают противоположное действительности» [44; 8]. Хуже не придумать. Праведного поносят, нечестивого возносят.

Что касается среднего счастья, то, по мнению св. Григория Чудотворца, Соломон сначала купился на него, по последующими словами (Еккл. 8:16–17) показывает тщетность его: «И узнал я только то, что кто осквернился этим, тот, даже много потрудившись, никак не сможет обрести подлинного блага» [там же].

О несоответствующей участи праведников и нечестивцев Соломон говорит: **Есть и такая суета на земле.** *Симмах* эту фразу переводит: **Трудно понять, что бывает на земле...** [64; 8, 14–15]. Человеку многое кажется в этой жизни бессмысленным и нелепым. **Трудно понять, что бывает на земле!**

Блж. Августин, рассуждая о суете этого мира, что **праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых**, и наоборот, остаётся однако при мнении, что «в высшей степени важно... во дни этой суеты непричастен или причастен (человек) истинному благочестию». Почему важно, если толку нет? – ради будущего суда, вследствие которого добрые получают благо, а злые зло, имеющее пребывать без конца» [28; кн. 20, гл. 3]. Только последний суд (*Endgericht*) расставит всё на свои места, а сейчас надо принимать ребус этой жизни, в которой всё бывает кувирком.

Блж. Иероним говорит о том среднем счастье, к проповеди которого привели бесплодные поиски Екклесиаста. Однако, как христианин, как подвижник, святой отец не может удержаться от реплики: «Но такое объяснение, если оно принимается в буквальном смысле, представит жалкими постящихся, алчущих, жаждущих и плачущих, которые в Евангелии Господь называет блаженными» [там же]. С этим Иероним согласиться не может, а потому переходит к пониманию, как и в

мидрашах – там еда и питьё суть изучение Торы; по *Иерониму*, «будем же ядение и питье принимать духовно, и выше их радость, которую едва можем находить в труде жизни нашей» [там же]. И дальше: «Люди на земле и дни, и ночи проводят в изучении Писаний, так что ради исследования истины и сон бежит от глаз», – вот в этом, по *Иерониму*, подлинно **веселье**, да и **нет ничего лучшего для человека под солнцем!**

Но Соломон не *Иероним*, ещё не взошло солнце правды. Ещё ночь.

Блж. Августин ещё откровеннее, чем его предшественники, даёт духовное, христианское толкование словам Соломона о веселии в пище и питии: «Екклесиаст, когда говорит: **Несъ благо человеку, но токмо еже ести и пити**, что другое вероятнее всего хочет сказать, как не то, что относится к причастию той трапезы, которую предлагает из Тела и Крови Своей этот Посредник Нового Завета, священник по чину Мельхиседекову» [28; кн. 17, гл. 20]? Воистину, блажен имеющий участие в таинственной трапезе верных! Всякий философ любого времени и любой школы раньше или позже махнёт на всё рукой, как на суету, томящую дух, и отправится **есть, пить и веселиться**, ладно, если ещё не в ночной кабаке. Верным же уготована трапеза иная и веселие иное, но не ведал ещё того Соломон.

Пути Божии неисследимы

Ум Екклесиаста отказывается понимать происходящее в этой жизни. Если правильно так, как оно в этой жизни, то прощай справедливость. Если всё-таки справедливость, то нет её в этой жизни. Но как тогда жить? Где мудрость Божия? Она была **прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, когда ещё Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной** (Притч. 8:25–26). И куда же она делась, когда мир оказался сотворён? Вот вопрос и мука философа, вот такая **суета на земле**.

Еккл. 8:16 Когда я обратил сердце моё на то, чтобы постигнуть мудрость и обозреть дела, которые делаются на земле, и среди которых человек ни днём, ни ночью не знает сна, –

Еккл. 8:17 тогда я увидел все дела Божии и нашёл, что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он всё-таки не постигнет этого; и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть этого.

Величайший философ, а ныне нищий странник признаётся, что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Соломон не сразу сдался. Сначала он обратил сердце своё, чтобы постигнуть мудрость и обозреть дела, которые делаются на земле. Этим он занимался много и не без помощи Божией. Соломон видел, что среди этих дел человек ни днём, ни ночью не знает сна. Бежал сон и от самого искателя смысла и нетленного остатка во всех делах на земле. И одно только нашёл, что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Цель и смысл жизни и истории неуловимы. Философия Маркса, Энгельса, Ленина, не зная и даже отвергая Бога, справедливо будет утверждать: у истории цели нет, цель может быть только конкретно-историческая. Беда! – мы знаем, что делать сегодня, но мы не знаем, зачем нам это сегодня дано. Однако, по крайней мере, честно...

Может, просто ещё недостаточно потрудились в поисках? Может, надо ещё получше поискать? – **Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он всё-таки не постигнет этого**. Так припечатывает Соломон. Труды исследования напрасны. Ответа не найдёшь. Только ещё больше вопросов выкопаешь.

А может, не те трудились? Ещё не родился тот гений, которому дано будет найти ответ. О, нет! – **если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть этого**. Обманется тот мудрец, который

подумает, что нашёл смысл во всём, что делается под солнцем. Такому мудрецу на земле не быть.

Вот беда так беда!..

Всё это бесплодные умственные упражнения того, кому делать больше нечего? Несостоятельность рациональной спекулятивной философии? Не совсем так. Наш философ говорит: **Когда я обратил сердце моё на то, чтобы постигнуть мудрость и обозреть дела...** Речь идёт о **сердце**. Это не бесплодное искание ума, это – мука, тоска, боль **сердца**. Это – прошедшее через сердце оружие. Вопрос смысла всех **дел, которые делаются под солнцем**, это не столько проблема ума, сколько болезнь сердца. Сердце ищет покоя, опоры и радости во всех делах житейских и не находит. Не находит, мучится и томится.

Почему же Бог делает мир таким, **что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем**? Да ещё и так, что **праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников**. На это еkkлесиастово отчаяние отвечает *блж. Августин*. Мир несовершенен и даже абсурден потому, что человек не видит его целиком. И человеческая жизнь, и история, и космос – всё это только части мироздания Божия. В этих частях, отдельно взятых, порой теряется смысл или его вовсе нет; в этих частях бывает безобразие. Но что непонятно в части, то приобретает смысл и красоту в целом. *Блж. Августин* говорит, что всякий, кто «станет обозревать всё в целом, не найдёт ничего беспорядочного, но, напротив, увидит всё как бы распределённым и расположенным по своим местам» [100; О порядке, II, 4]. Однако прав Соломон: **если бы какой мудрец сказал, что он знает** ответы на проклятые вопросы жизни, то всё-таки и он **не может постигнуть этого. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он всё-таки не постигнет этого**.

Дороги и бездорожье нашего нищего странника не ведут к цели. Ничего, кроме малых привалов, где можно **есть, пить и веселиться**.

Непостижимыми являются дела, **среди которых человек ни днём, ни ночью не знает сна**. *Раши* по этому поводу говорит, что «сна не видит преступный в своей погоне за богатством и связями запретными» [23; 8, 16–17], то есть речь идёт о делах худых, а не о делах вообще.

О бесплодности человеческих поисков осмыслить пути Божии свидетельствует, согласно *Раши*, то, что «даже нашему учителю Моше не удалось то постичь, когда он просил: **дай познать мне пути Твои (Исх. 33:13)**» [там же]. даже такой мудрец, как Моисей, не смог сказать, **что он знает** пути Божии.

Глубокое понимание еkkлесиастовых слов мы находим у блж. *Иеронима*. В основе – горе от ума: «Кто изыскивает причины и основание вещей [почему один зрячий, а другой слепой и прочее. – Г. Ф.]... такой делает не что иное, как только мучится в своём допытывании, имеет для себя пытку в этом расследовании, и тем не менее не постигает того, чего добивается» [64; 8, 16–17]. Если же кто думает, что узнал причину, то «он находится в глубоком заблуждении». Так друзья многострадального Иова были уверены, что Иов страдает по своей греховности. Всё у них было логично и всё неверно. Уверенные в своей правоте мудрецы были совершенно не правы. Подлинная причина страданий Иова была им совершенно неведома. Они не предстояли с сынами Божиими пред Ягве Богом, не слышали претензий сатаны, они видели только часть происходящего, картину в целом знал только Бог. Не знал её и Иов, а потому и бунтовал. Но Иов, как и Еkkлесиаст, был предельно честен и не выдумывал логичных объяснений, подобно друзьям-мудрецам. Бунт Иова и пессимизм Соломона приятны Богу; приятны, потому что честны и искренни, а ведение – только Богу. О том блж. *Иероним* говорит, толкуя текст Еkkлесиаста: «Намекает однакоже, что есть причины всех вещей и есть справедливость, почему всё происходит именно так; но причины эти сокрыты в тайне, и людьми не могут быть постигаемы» [там же].

Св. *Григорий Палама* в эпоху споров об исихазме (XIV в.) искал причину почему философ Варлаам и единомысленные с ним не могли принять учение о нетварном свете и возможности видеть его священно-безмолвствующими. Причину он находил в том, что Варлаам не знал никакой другую мудрость, как мудрость внешнюю. Внешняя мудрость, по св. *Григорию Паламе*, есть только часть мудрости, и познать Божьи дела не может: «Тот же Соломон говорит: Не сможет человек постичь дело, произведённое под солнцем, сколько бы он ни трудился постичь его; и о чём бы мудрец ни сказал, что он знает, он не сможет постичь этого (*Еккл. 8:17*)... Поэтому кто не признаёт... что тварная Божия премудрость непостижима, а надеется досконально разузнать истину всего в мире с помощью внешней мудрости [с помощью науки. – Г. Ф.], тот не замечает, что возводит строение своего знания на песке, вернее, на волнующейся зыби, столь важное дело вверяя словесным плетениям наук» [42; Триада II, ч. 1, п. 41].

Глава 9

Ненадолго хватило философу-страннику среднего счастья. Загнанные вглубь без ответа острые вопросы бытия заныли старой неисцелимой раной, неизбывной болью, выплеснулись горькой водой.

Переполненный людьми и событиями мир пуст.

Где ответы на последние вопросы бытия?

Всему и всем – одно, мирозданье безразлично к праведности и нечестию

Вселенная – заведённый однажды механизм, ему совершенно всё равно, что в нём происходит. Скажем больше – ему просто на всё наплевать. Коса смерти одинаково подрезает добрых и злых, участь всех одна. Екклесиаст, кто ты? – деист? материалист? нигилист?..

Еккл. 9:1 На всё это я обратил сердце моё для исследования, что праведные и мудрые и деяния их – в руке Божией, и что человек ни любви, ни ненависти не знает во всём том, что перед ним.

Еккл. 9:2 Всему и всем – одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злому, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы.

Еккл. 9:3 Это-то и худо во всём, что делается под солнцем, что одна участь всем, и сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их; а после того они отходят к умершим.

Еккл. 9:4 Кто находится между живыми, тому есть ещё надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву.

Еккл. 9:5 Живые знают, что умрут, а мёртвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению,

Еккл. 9:6 и любовь их и ненависть их и ревность их уже исчезли, и нет им более части во веки ни в чём, что делается под солнцем.

Поел, попил, повеселился Соломон. Надоело. Он – снова философ. Он снова в пути, в пути по бездорожью. Не дают покоя старые вопросы.

На всё я, Екклесиаст, обратил сердце моё для исследования, что праведные и мудрые и деяния их – в руке Божией. Это нормально, это хорошо. **исследования** жизни убедили Екклесиаста в том, что **праведные и мудрые и все деяния их**, а дела их добрые и мудрые, – **всё в руке Божией**. Казалось бы, религиозное чувство удовлетворено, всё происходит так, как надо. Но не тут-то было. **Всё в руке Божией**, но в том смысле, что твоего-то ничего и нет, и рассчитывать тебе не на что. **Человек ни любви, ни ненависти не знает во всём том, что пред ним** в качестве воздаяния. Яснее переводит эти слова А.Э. Графов: **Любовь или ненависть ждёт его – ничего человек не знает. Деяния твои – праведные и мудрые**, и ты вправе ожидать за них **любовь**. Но не торопись! Законы справедливости, похоже, не работают. **Всё в руке Божией**, и за добро и мудрость твою с одинаковой вероятностью ты можешь ждать в жизни как **любовь**, так и

ненависть, а что именно будет – ты **ничего не знаешь**. Праведные и мудрые деяния Давида-царя завоевали любовь его соратников и не уберегли от ненависти восставшего на него сына. Как знать, когда и что ждать? Закон кармы⁶² не срабатывает вообще никак. Никак не просматривается и справедливость Божьего воздаяния. Где и в чём промысел Божий?

Не отчитался Бог Иову Многострадальному, не отчитался и Соломону Премудрому.

И дальше честный и страшный приговор: **Всему и всем одно!**

Беспощадный приговор деизма: Бог всему дал начало и бытие, но дальше всё существует само по себе по однажды вложенным в мирозданье ко всему безразличным законам. **Одна участь** всем.

Разбился в Саянах вертолёт. Гибнет знаменитый генерал-губернатор, выдавший жизнь и смерть, гибнет юная журналистка, почти ничего ещё не выдавшая. Сминающемуся в ком металлу всё равно.

С гор сходит сель, сметает с лица земли дворцы и лачуги.

В землетрясении под обломками – благодетели и воры. Пришедшая в движение земля ничего не понимает. Электрический ток убивает умных и глупых. В автокатастрофах погибли и гениальный Ландау, и бездарные пьяницы, во время стройки с лесов упал святой Афанасий Афонский. Разбился. Ангел не уберёг.

Горе уму, ищущему во всём какой-либо смысл.

Ожидание справедливого воздаяния – всего лишь пустая трата времени.

Одна участь праведнику и нечестивому – в тюрьме и целомудренный Иосиф, и блудник-насилльник.

Одна участь... доброму и злему, ведь оба заканчивают свой путь под могильным холмом.

Одна участь... чистому через покаяние **и нечистому** в нераскаянности.

Одна участь приносящему жертвы Богу и не приносящему жертвы. Бог далёк и молчит. Ничто остающееся и подлинное один не приобретает и другой не теряет.

Одна участь как добродетельному, так и грешнику – где те, где другие? Кто помнит их? Зато труды и болезни обоим без скидок.

Как клянущемуся без совести во лжи, так и боящемуся клятвы кто поверит? Известное дело – всяк человек ложь (Пс. 115:2)!

Это-то и худо во всём, что делается под солнцем, что одна участь всем! И не поспоришь с Екклесиастом, не возразишь ему, будто бы дело

это хорошее. И вот – результат: **сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их.** Если в мире всё безразлично к добру и злу, к уму и безумию, то не в гору полезет человек, а покатится под гору. Умножатся зло и безумие. Добро и мудрость – сиротливо в стороне.

Да и как не озлобиться сердцу, как не перестать уму что-либо понимать, если **всему и всем – одно**, если **одна участь праведнику и нечестивому?**..

Так что – Соломон прав? Как такие мысли могли попасть в Библию? Соломон прав, но правота его касается всего, **что делается под солнцем**, то есть здесь, в этой земной жизни, не освещённой Солнцем правды, не просвещённой святым Евангелием. Земная жизнь без Бога именно такова, как всё это видит Екклесиаст. Жизнь, когда **всему и всем – одно**, когда **одна участь и праведнику, и нечестивому**, – невыносима. Однако жизнь такая нужна. Только пройдя через это, отречёшься от закона кармы, от бездушного принципа справедливого воздаяния по-земному. Только пройдя через Божье безразличие к нашей правде, взыщешь правду Божью и Царство Его (Мф. 6:33). Только ощутив пустоту земли, взыщешь полноту неба. Только бесплодно набродившись под солнцем, взглянешь на само Солнце правды. Вселенская пустота Екклесиаста ведёт к евангельской радости Христа.

А пока в этой жизни **одна участь всем**, а пока печальный результат – **сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их.** Так оно происходит в жизни их. Может, так оно в этой жизни, а в той, по смерти, что-то лучшее? Да, действительно, **после того они отходят к умершим.** Вот пример праотца. **И скончался Авраам, и умер в старости доброй, престарелый и насыщенный (жизнью), и приложился к народу своему (Быт. 25:8).** Так же и Исаак (Быт. 35:29), так же и Иаков (Быт. 49:33). так же и все **отходят к умершим.** И что? – им лучше? там лучше? Не тут-то было? **Кто находится между живыми, тому есть ещё надежда**, не зря говорят: «Надежда умирает последней», – так что **и псу живому лучше, нежели мёртвому льву.** Ничего хорошего Соломон по смерти не видит. Даже **лев**, будучи **мёртвым**, всего лишь гниль, ничего не знает, ничего не чувствует. Бегаёт шавка – и той **лучше.** Хоть и **пёс**, а **живой**, всё какая-то радость. Древние евреи считали собаку самым низким существом, а льва – царём зверей. И дальше – **живые знают, что умрут.** От этого, конечно, радости мало, но и у мёртвых и этого нет – **мёртвые ничего не знают.** Вся жизнь течёт дальше уже без них. Один парень осердился на телеграфный столб. Вот я помру, а он так и будет стоять,

исполняя своё назначение. Мёртвые ничего не знают, **и уже нет им воздаяния**. Где? В этом мире или в том? Про тот мир Екклесиаст ничего не знает или ничего не говорит, мысль философа не простирается далее того, **что делается под солнцем**⁶³, а здесь **псу живому лучше, нежели мёртвому льву**. Здесь, на земле, мёртвым **уже нет воздаяния**. О загробном воздаянии философ ничего не знает и не говорит. Мёртвым нет воздаяния, потому что на земле им уже ничего не надо, да и **потому, что и память о них предана забвению**. Мёртвых забыли. Исчезли могильные холмы, лишь ветер дует, а их уже нет. Пока жили – любили и ненавидели, радовались и страдали, а теперь **и любовь их, и ненависть их, и ревность их уже исчезли, и нет им более части во веки ни в чём, что делается под солнцем**. Всё будет происходит без них.

Раши, размышляя над словами Екклесиаста, отмечает, как часто в этой жизни одна участь у праведного и нечестивого, однако в той жизни участь их разная. Только в этой жизни можно сделать что-то полезное для той жизни.

Раши: "**Участь одна**. Они [праведники. – Г. Ф.] знают, что у всех, будь то праведный или нечестивый, один конец – смерть, и участь одна в этом мире для всех. Всё это знают они и вопреки всему для себя избирают путь добра, сознавая, что между праведным и нечестивым есть различие для мира грядущего» [23; 9, 1–6]. То, что в этой жизни участь праведных и нечестивых одна, ещё более возвышает подвиг праведных. Стимулом для праведности, согласно Раши, является различие участи в будущей жизни.

Раши приводит библейские примеры **одной участи** праведных и нечестивых. Так он отмечает, что охромел **праведный** Ной (Ноах) и **нечестивый** фараон Нехо. **Добрый** Моисей (Моше) и **чистый** Аарон так же не вошли в Обетованную Землю, как **нечистые** соглядатаи, посланные из пустыни осмотреть землю Израиля. Принесший жертву царь Иосия (Йошиягу) и препятствовавший сынам Израиля входить для жертвоприношений в храм царь Ахав одинаково погибли, сражённые стрелами. **Добрый** царь Давид, положивший основание строительству храма, так же, как **грешный** Навуходоносор, разрушивший тот храм, царствовали одинаково по сорок лет. Клявшемуся во лжи Седекии (Цидкиягу – 2Пар. 36:13) и считавшему клятву непреложной Самсону (Шимшону) досталось умереть с выколотыми глазами.

Отхождение **к умершим** (Еккл. 9:3) Раши считает схождением в шеол.

Живому псу лучше, чем мёртвому льву. Притом, что оба они нечестивы, первый имеет ещё возможность покаяния, а второй уже нет.

Раши напоминает, что Навузардан, слуга Навуходоносора, непосредственно разорявший, как пёс, Иерусалим и храм, обратился к Ягве Богу и теперь в саду Эдемском, а Навуходоносор-царь, которые **вышел как лев из своей чащи** (Иер. 4:7), умер в нечестии и теперь в преисподней. Как видим, Раши не только признаёт загробную жизнь, но и различает шеол и Эдемский сад.

Св. Григорий Чудотворец прослеживает в словах Екклесиаста переход от некоего начального нравственного нигилизма к осознанию его несостоятельности. *Св. Григорий*: «Ибо когда неправедный и добрый, когда клянущийся и совершенно отвращающийся от клятвы, как я полагал, устремляются к одному и тому же концу, то закрадывается какая-то недобрая мысль, что все оканчивают жизнь одинаковым образом. Но я теперь знаю, что это помышления неразумных, и заблуждение и обман» [44; 9]. Кажущееся безразличие участи в жизни для праведных и нечестивых – всего лишь заблуждение и обманчивое помышление неразумных. Мудрый видит иное.

«Ушедший однажды из этой жизни ни в чём не имеет участия» [там же]. *Св. Григорий*, как и *Раши*, находит, что на загробную участь влияют только дела, совершённые при жизни, по смерти же влиять уже ни на что невозможно. Воздаяние определяется делами при жизни, потому живому, хотя и псу, всё же лучше, чем мёртвому льву.

Блж. Иероним находит в безразличии участи праведных и нечестивых особый испытующий промысел Божий. **«И даже любовь, и даже ненависть: не знает человек всего в лице их.** Смысл такой: и к этому я приложил сердце моё, и хотел знать, кого Бог любил и кого ненавидел⁶⁴. И нашёл я, что хотя дела праведных в руке Божией, однакоже теперь они не могут знать, любит ли их Бог или нет, и колеблются в сомнении – в испытание ли терпят они то, что терпят, или в наказание. Узнают же они в будущем; и всё в виду их, то есть знание этого ожидает их, когда они отойдут из этой жизни; ибо суд тогда, а теперь – борьба» [64; 9, 1–6]. Что-то происходит с человеком, но где любовь, где ненависть Божия – остаётся неведомым. И «это смущает некоторых простецов, почему оно так бывает; и поэтому они думают, что нет суда, когда в будущем должно быть различие во всём, а здесь всё соединено вместе» [там же].

Блж. Иероним: **"Пёс живой лучше мёртвого льва...** бедный и самый презренный может быть лучше того, кто хвалился во зле, могуществе и нечестии, и умер. Почему? Потому что живые из-за страха смерти могут совершать добрые дела, а мёртвые ничего не могут прибавить к тому, что однажды с собою унесли из жизни» [там же].

Далее *блж. Иероним* приводит другое мнение, имеющее место среди христиан, согласно которому состояние душ умерших после смерти вовсе не фиксировано их состоянием в момент смерти. «И по переселении из сего мира мы, разумные существа, может и падать, и усовершаться». Слова же Соломона означают только то, что мёртвые «не имеют никакого общения в этом мире и под этим солнцем». Возможность духовного восхождения в том мире действительно следует признать, а вот возможность «падения» – нет. Или надо уточнить. Падение в аду находящихся там падших возможно, падение же праведных в той жизни невозможно.

Блж. Иероним приводит также аллегорию по поводу живого пса и мёртвого льва: «Пёс, по Евангелию, это та хананеянка, которой сказано: вера твоя спасла тебя (Мф. 9:23), а мёртвый лев – это народ обрезания, как говорит Валаам-пророк: **Вот, народ как львица встаёт и как лев поднимается** (Числ. 23:24). Итак, пёс живой – это мы из язычников, а лев мёртвый – это народ иудейский, оставленный Господом. И лучше пред Господом этот пёс живой, нежели тот лев мёртвый» [там же].

Св. Иоанн Тобольский много рассуждал о действии воли Божией в этом мире, который кажется таким глухим к ней. «Екклесиаст говорит: **Всему и все – одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злему, чистому и нечистому, приносящему жертвы и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы** (Еккл. 9:2). Всё это кажется нам, бывающим без разумного устройства, случайно происходящим: подобно тому, как селянин или вообще простец⁶⁵ видит часы, показывающие время: он видит поверхность часов и думает, что стрелка сама собою движется и обращается случайно, а не по преднамеренному устройству. Но механизмы часового устройства весьма хорошо понимает механик. Так точно провидение Божие для нас, простецов, непостижимо, скрыто от нас; но оно включает в себе всеобъемлющий порядок разумного и справедливого мироправления: мы видим внешний порядок мирровой и частных происшествий и явлений; но чудное, премудрое провидение Божие, приводящее к движению всемирный механизм и его сохранение, и направление его деятельности, для нас скрыты, и видеть их мы не можем» [69; кн. 5, гл. 11, отд. 5]. За всемирным хронометром стоит Бог, Великий Мастер этого мира. Так мыслил себе законы исторического развития и великий философ Гегель. Потом «селянин», но весьма образованный, Карл Маркс, не разглядев никого за циферблатом мировых часов, создал учение об историческом материализме. История развивается самопроизвольно по

своим законам. Прекрасный образ хронометра ограничен в своём применении, как и всякий образ. Кроме устройства часового механизма в реальной истории есть ещё свобода Мастера, и даже свобода такой секундной стрелки, как человек. Но то, что на первый взгляд видел **под солнцем** Екклесиаст, то прекрасно проиллюстрировал св. Иоанн Тобольский, сибирский святитель.

Радости земной жизни вместо вечных ценностей

За пределом смертного часа философу-страннику не открыто ничего. Там ничего не знают, там нет воздаяния, а потому живи здесь. И счастлив будь здесь, не ища блаженства иного⁶⁶.

Земля, земля, земля.

Всё здесь, всё по эту сторону жизни.

Еккл. 9:7 Иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твоё, когда Бог благоволит к делам твоим.

Еккл. 9:8 Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей.

Еккл. 9:9 Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это – доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем.

Еккл. 9:10 Всё, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдёшь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости.

Пища, одежда, жена, труды – вот всё, чем ты можешь заполнить дни своей жизни. Делай это **с весельем**, не переходя черту умеренности, делай это **во все суетные дни** земной жизни, **потому что в могиле, куда ты пойдёшь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости.**

Пища: **Иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твоё, когда Бог благоволит к делам твоим.**

Хлеб и вино должны быть **твои**, не ворованные, не отнятые у других, за счёт чего их может постигнуть нищета. Безмерное обогащение одних и крайняя нищета других – не воля Божия. Революционные движение возникали не на пустом месте. Хлеб – **веселье**, вино – **радость сердца**. Так устроен человек. Обывательский мажор ядущего свой хлеб и пьющего в радости своё вино – это то лучшее, что даёт человеку земля, когда небо молчит.

Европа и Америка едят с весельем хлеб и пьют в радости сердца вино. Улыбка не сходит с их лиц. Земное счастье. С небесным – сложнее.

Екклесиаст говорит, что веселье хлеба и радость вина бывают, **когда Бог благоволит к делам твоим**. Без Божьего благоволения это недостижимо. Труда и смекалки тут не хватит, только наглостью и наживой тоже не возьмёшь. Однако ядущему с весельем и пьющему с радостью так легко забыть Бога и лишиться благоволения Его. И тогда

исчезают хлеб и вино, а за ними исчезают веселье и радость. Наступают безотрадные дни. Это в истории уже тоже много раз было.

Одежда. **Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей.** Белые одежды и умащённая елеем голова – это Восток, это – Израиль, это – радость жизни и бодрость духа. Всё это вполне может иметь человек, достойно проводящий дни своей жизни и не мучающийся проклятыми вопросами, не дававшими покоя философу. Кстати, светлые одежды предлагаются **во всякое время**. Радость жизни – преимущественное состояние духа, предлагаемое Соломоном вместо томления духа и погони за ветром.

Одежды Христа на Фаворе сделались белыми, как снег, и даже – как свет. Постящимся Иисус советует помазать елеем голову свою. Почему же христианские монахи да и священнослужители облеклись в чёрный цвет? Ведь сказал же Христос ученикам: **вы свет мира (Мф. 5:14)**. Черные ризы появились как свидетельство умирания для мира (Соломон советует жить для него, хотя и по-Божьи!), как неотмирность и несветскость, как знак покаяния, как вхождение в Божественный Мрак, где Бог. Чёрные ризы – угасание земного света, чтобы воссиял свет незримый. Однако у христиан **одежды** тоже бывают **светлы**. Светлые облачения на богослужениях, светлая пасхальная заутреня, белые подрясники и подризники, белые платочки прихожанок в храме, светлые одежды. **Одежды светлы** – Феофания, Богоявление во свете, катафатика. Чёрные одежды – неотмирность и незримость лика Божия, апофатика.

А ещё бывает «чёрное» ханжество и манихейство⁶⁷, а также белые одежды, прикрывающие порочную жизнь. Первые на весь мир, на веру и даже на Бога смотрят через чёрные очки, вторые веселятся и именуются звёздами, растлеваясь и растлевая народ.

Христианину трудно удержаться, чтобы не привести иносказательное толкование слов Соломона. **Одежды светлы** даруются покаявшемуся грешнику в таинстве крещения. Отец сказал рабам своим по поводу возвращения блудного сына: **принесите лучшую одежду и оденьте его (Лк. 15:22)**. Со словами «ризу мне подаждь светлу, одеяйся светом яко ризою, многомилостиве Христе Боже наш» облачает священник новокрещённого в белую одежду. При рукоположении епископ облачает в белые одежды новопосвящённого. Христос говорит грешнику: **Советую тебе купить у Меня... белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей (Откр. 3:18)**. Да и в течение всей жизни **во всякое время** да будут **одежды твои светлы**. Живи праведно.

И да не оскудеет елей на голове твоей. Елей радости – это Святой

Дух, Которым помазал Иисуса Бог (Евр. 1:9), а теперь Иисус крестит Духом Святым верных Своих (Мф. 3:11). Печать дара Духа Святого получает человек в таинстве миропомазания. И всегда, исполняясь Духом Святым (Еф. 5:18), **да не оскудеет елей на голове твоей**. Кто молятся в духе языками и пророчествует, исполняет волю Отца и бывает водим Духом Святым, для того **не оскудевает елей радости на голове твоей**. Елей Святого Духа – аромат Неба и жизнеподательная сила, отблеск славы Ягве на ликах просвещённых. И ещё: **Пусть наказывает меня праведник – это милость; пусть обличает меня – это лучший елей, который не повредит голове моей** (Пс. 140:5). Это – чтобы утвердиться в смирении, а смиренным Господь даёт благодать.

И, наконец, **иди, ешь с весельем хлеб твой и пей в радости сердца вино твоё**. Это потому, что Иисус сказал: **Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдал за жизнь мира**. К тому же: **Кровь Моя истинно есть питье**. Иисус – истинная виноградная лоза (Ин. 15:1). Евхаристический хлеб **ешь с весельем** и евхаристическое вино **пей в радости сердца твоего**. О, божественная, о таинственная трапеза Господня! Нет большего веселия и большей радости, как быть причастниками хлеба Плоти Его и вина Крови Его! Евхаристия – пир Христов, брачная вечеря Агнца Божия⁶⁸.

Жена. **Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои: потому что это – доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем**. Не так уж весело выглядит жизнь человека. **Суетные дни** наполнены **трусами**, которыми **трудишься** ради хлеба земного. Отрадою дана человеку жена, которую он любит. Она дана, чтобы скрасить однообразное течение **суетных дней**, чтобы оживить любовью монотонность повседневных трудов и дел. **Утешайся женою юности твоей** (Притч. 5:18). Вдвоём идёт человек по жизни. Трепетное познание друг друга в юности; совместный пот в трудах зрелых лет; общие переживания и радости о детях; а потом – вдвоём в вечерние сумерки угасающего дня, когда исчезает заходящее солнце жизни.

В простоте **наслаждайся жизнью с женой**, ничего не ища и не устремляясь к тому, чего в жизни всё равно не достичь, не постичь, и не гоняться за ветром. Хватит тебе цветов, которые под ногами на поляне, не тянись за звёздами над головой – их всё равно не достать.

Труды. **Всё, что может рука твоя делать, по силам делай: потому что в могиле, куда ты пойдёшь, нет ни работы, ни размышления, ни**

знания, ни мудрости. Пища, одежда, жена – всё это на фоне труда. Мужчине дано трудиться в поте лица своего. Праздность и лень – плохое дело, источник всех пороков. Однако и тяжело трудиться сверх сил – каторга. Вот прекрасный совет Екклесиаста к неленостному и умеренному труду: **Всё, что может рука твоя делать, по силам делай.** Не ленись, не закапывай свой талант, трудись по силам. Таков секрет спокойной и довольной жизни.

К тому же помни – всё надо успеть при жизни. **Всё, что может рука твоя делать... делай, не зевай, потому что в могиле, куда ты пойдёшь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости.** Умер мастер, загляни в его гробницу – нет у него там работы, ни о чём он не думает, исчезли знания, где мудрость? Всё тихо. Одиноко и без дела лежат косточки. Лежит череп – где его знания? Сердце истлело – где его мудрость? Так оно **в могиле**, в дальше могилы Екклесиаст ничего не видит.

Нигилизм Екклесиаста усиливается тем, что в тексте употреблено именно слово לֵאשׁוּ (шеол), а не просто פְּתִיחַ (шахат) – «яма», «могила». Екклесиаст не видит ничего не только в гробной яме, но и вообще в месте, куда отходят души умерших. Трагизм загробной безысходности он предлагает глушить трудами и довольством земной жизни.

Обратимся теперь к толкованиям учителей и отцов.

В трактате "**Шабат**" иудейские мудрецы приводят притчу Шломо (Соломона), поясняющую духовный смысл слов **во всякую пору да будут одежды твои белы.** Притча такова: «Царь пригласил человека на пир, однако время не объявил. Если тот человек умён или сообразителен, немедленно выстирает своё платье и омоется и умастит. И так же на следующий день. Пока его не позовут на пир, во всякую пору одежды его будут белы, сам умыт и умащён елеем» [23; с. 40].

Масоретский текст указывает последовательно, чего не будет в шеоле: פְּתִיחַ (асех), то есть **работы**, חֶשְׁבֹן (хешбон) – буквально **счёта** или **суда** («счёт», как «считаться», «судиться»), דָּאָת (даат) – **знания** и חָכָמָה (хакама) – **мудрости.** В *мидрашах* «хешбон» выносится отдельно, и тогда смысл получается такой, что в шеоле нет счёта, то есть суда, для праведных – им нечего там бояться, а для нечестивых нет дела, знания и мудрости, которые могли бы там вмениться в заслугу [23; с. 40]. Как видим, мидраши не видят в словах Соломона никакого указания на небытие души в шеоле.

Слово «хешбон» может быть воспринято и как «помыслы», что соответствует синодальному переводу. Но и в таком значении *Раши*

считает, что это помысл о том, «что же делать, чтобы избавиться от суда?» Речь идёт не об отсутствии всего в шеоле, а об отсутствии возможности там что-либо изменить в отношении Божьего воздаяния. Так понимал Раши.

Св. Григорий Чудотворец в своём «Переложении Екклесиаста» находит, что Соломон вкладывает указанные слова (Еккл. 9:7–10) в уста обольстителя⁶⁹. «Это – обольщение, продолжающее очаровывать, и оно подаёт такого рода совет: эй, ты, что ты делаешь и не наслаждаешься разнообразной пищей и не переполняешься вином? Разве не понимаешь, что это дано Богом для беспрепятственного наслаждения? Почему бы тебе не надевать чистой одежды и, благовонным маслом помазавши голову, не смотреть на ту или другую женщину и суетно проводить суетную жизнь?» [44; 9]. Всё это обосновывается тем, что «кроме этого тебе не осталось ничего иного ни здесь, ни после смерти». Чисто эпикурейская проповедь: «Ешь, пей, веселись – завтра умрёшь!» Или: «Бери от жизни всё!»

Христианский аскет III века не может воспринять всерьёз слова Екклесиаста, и ему ничего не остаётся, как вложить их в уста эпикурейца.

Св. Кирилл Иерусалимский, произнося тайноводственные слова новопросвещённым, восхваляет таинства церкви словами Екклесиаста, относя их к Евхаристии и миропомазанию: «Поэтому и Соломон, давая разуметь благодать сию, говорит в Екклесиасте: **приди, яждь в веселии хлеб Твой**, хлеб духовный. Словом же **приди** означает спасительное и блаженнотворное призвание. **И пей во блазе сердца вино Твоё** – вино духовное. **И елей на главу Твою да излиется**. Видишь, даёт он разуметь и таинственное миропомазание. **И всегда да будут ризы Твоя белы, яко угодно Богу творения Твоя**» [77; Слова тайноводственные, сл. 4, п. 8].

Св. Василий Великий, толкуя слова книги пророка Исайи: «**И сказал Ягве Исайи: выйди ты и сын твой Шеар-ясув навстречу Ахазу, к концу водопровода верхнего пруда, на дорогу к полю белильничьему**» (Ис. 7:3), даёт им, кроме исторического, значение духовно-поучительное. «Но может быть, слово сие заключает в себе и поучительное нечто к образованию нравов, а именно, что надобно удаляться низкого и долу лежащего, поспешать же к горнему, где достигшие туда найдут и воду очищения, и село Белильника, очищающего скверну, что полезно там по заповеди Екклесиаста, сказавшего: **во всяко время да будут ризы твои светлы** (Еккл. 9:8)» [34; Толк. на пр. Исайю, 7].

Блж. Иероним находит общую мысль Екклесиаста в том, что он говорит здесь от лица «риторов и поэтов», выражающих «людское заблуждение»: «О, человек, если таким образом после смерти ты ничто, и

сама смерть ничто, то послушай совета моего и, пока живёшь в этой краткой жизни, пользуйся наслаждениями...» [64; 9, 7–12]. Отношение самого Иеронима к таким философам крайне неприязненное: «Так... говорит какой-нибудь Эпикур, Аристипп, Киринеики и другие скоты из философов» [там же]. Выражение «скоты» и Иеронима не столько ругательное слово, сколько указание на людей, что, подобно скотам, смотрят только вниз на землю и жуют земную траву, не видя ничего иного. Сам же блж. Иероним считает, что «не один исход всем, и не случаен порядок жизни этой».

Рассуждая о словах Екклесиаста подробно, блж. Иероним находит в них два смысла. Один – призыв к умеренному пользованию благами земной жизни, другой – иносказательный призыв к духовной жизни. Так «тот не имеет истинной радости и доброго сердца, кто сверх меры злоупотребляет сотворённым» [там же], а лучше: **«Иди, ешь в радости хлеб твой** есть голос того Екклесиаста, Который говорит в Евангелии: **кто жаждет, иди ко Мне и пей (Ин. 7:37)...** **Да будут во всякое время белы одежды твои...** Облекай внутреннее своё милосердием, благостию, смирением, кротостию, терпением... А касательно сказанного: **да не оскудеет елей на голове твоей... есть и елей духовный, елей радости**" [там же].

Говоря о жене, с которой надлежит проводить суетные дни свои, блж. Иероним указывает и на супругу, спутницу жизни, и советует, «чтобы во дни суеты нашей мы искали истинной жизни с женою-мудростию» [там же].

Что касается загробной участи, выраженной словами Екклесиаста **потому что в аде⁷⁰, в который ты идёшь, там нет ни дела, ни заботы, ни знания, ни мудрости**, блж. Иероним говорит: «Делай теперь всё, что можешь, и подвизайся, потому что когда сойдёшь в ад, не будет уже места покаянию» [там же]. Ад не есть небытие, но там нет дел, забот, познания и мудрости, которые могли бы вести ко спасению. К тому же, блж. Иероним выражает мысль, «что до пришествия Христова все, хотя бы и святые, подлежали закону ада» [там же]. Ситуация изменилась, когда Христос открыл двери прежде затворённого рая.

О **светлых одеждах** рассуждает св. Кирилл Александрийский как об одеждах души: «Пишет также и Соломон: **во всякое время да будут ризы твои светлы (Еккл. 9:8)**. Думаю, – и, рассудив, очень правильно, – что не дошёл бы мудрый Соломон до такого пустословия, чтобы убеждать по-детски услаждаться светлостью одежд; но светлой одежде уподобляет как бы омовенную и свободную от всякой нечистоты жизнь. Иначе как мог бы

кто-либо облечься в Господа нашего Иисуса Христа? Не полагаешь ли, друг мой, что вполне достигает этого облечённый в красоту евангельского жития» [76; с. 620, О поклонении и служении в духе и истине, кн. 14]. Александрийский богослов, следуя традиции александрийской школы, мало озабочен прямым смыслом текста, это для него детство. Св. Кирилла волнует духовный смысл, достигаемый иносказаниями.

Св. Григорий Двоеслов объясняет слова Екклесиаста о бездействующем состоянии души в шеоле (аде), как о невозможности что-либо сделать по смерти для мздовоздаяния на суде Божиим: «Слушайте, что говорит премудрый Соломон: **Вся, елика аще обрящет рука Твоя сотворити, якоже сила твоя, сотвори: зане несть сотворение и помышление и разум, и мудрость во аде, аможе ты идещи там.** Поскольку же мы и времени грядущей смерти не знаем, и после смерти действовать не можем, то остаётся нам прежде смерти пользоваться благоприятными временами» [73; Беседа 13 на Лк. 12:35–40, п. 6]. Другой раз св. Григорий, приводя эти же слова Соломона, толкует: «Из этих свидетельств видно, что каковым кто здесь умирает, таковым и на суде является» [39; кн. 4, гл. 39].

Несмотря на то, что св. Григорий Двоеслов находит возможным объяснить слова Екклесиаста о бездействии души во аде, он, оставаясь верным своему подходу к пониманию книги, вновь говорит по поводу этих слов: «Такие противоположные мысли [в книге Екклесиаста. – Г. Ф.] показывают, что истинный проповедник говорит одно от лица колеблющихся плотских людей, а другое от лица духовной истины» [39; кн. 4, гл. 4]. Плотской человек колеблется в духовной истине и, глядя на покойников, не понимает иной жизни. В его сознании всё кончилось, и больше **нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости.**

Успех в жизни – дело случая

...А случай – дело изменчивой погоды, настроения мелкого чиновника, неожиданной болезни, случайной встречи. Так от чего же зависит успех? Очень часто не от таланта и не от вложенного труда. Родился в Якутии – сиди тихо, оказался в нужных кругах в Москве – увидит тебя вся страна.

Еккл. 9:11 И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достаётся успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их.

Еккл. 9:12 Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них.

Соломон только что призвал к счастью земной жизни, так как высшее благо недостижимо, да и есть ли оно вообще. Установка мудреца дана, установка на то, как жить **под солнцем**. Достижимо ли это? И тут – проблема. Оказывается, не всё в твоих руках. Досадно, но в земной жизни **под солнцем** всё бывает наоборот.

И обратился философ, приостановившись и присмотревшись, и увидел под солнцем, что всё не так просто, не так очевидно. Вот ристалище, но не проворным достаётся успешный бег. Не проворнейшие возвращаются с олимпийскими медалями, **но время и случай для всех их.** Ирина Слуцкая упала на льду, и медаль у тех, чья проворность далека уступала её мастерству. Виктор Корчной так и не стал чемпионом мира по шахматам, а Анатолий Карпов уже в юности стал им без надобности победить предыдущего чемпиона (закапризничал Фишер, не явился на матч). **Человек не знает своего времени,** когда ему повезёт, да и повезёт ли вообще. Конь ли захворал не вовремя, сам ли неожиданное известие получил, расстроившее его, и **проворность** его не превратилась в **успешный бег.**

Не храбрым – победа. Велик и храбр был Ганнибал, но конечная победа досталась Сципиону. Всю свою жизнь Ганнибал только побеждал, конечный итог – поражение. Гений и мужество Ганнибала не взяли Рим, не уберегли Карфаген. Карфаген изучается в истории Рима, а не наоборот.

Не мудрым – хлеб. Мудрость не родит хлеб в зной и засуху. Израиль в дни Ильи-пророка три года с половиной не видел хлеба, когда Господь

затворил небеса.

И не у разумных – богатство. Один разумно ведёт дело, а другой получает прибыль.

И не искусным – благорасположение. Человек искусен и знающ в своём деле, а благорасположение начальства даётся другому, порой бездарному.

Видел философ в своей жизни, что успех и победа, хлеб и богатство, благорасположение зависят далеко не только от дарования, воли и труда человека. Всему и всем – **время и случай**. Победил человек на выборах, стал главой города, региона, страны – не обольщайся, не считай себя выше других, помни, **время и случай** сработали на тебя. И приходит успех порой не когда ждёшь его, не когда уверен в нём, **ибо человек не знает своего времени**. Более того, часто, **как рыбы попадают в пагубную для них сеть, и как птицы запутываются в силках**, расставленных птицеловами, **так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них**. Когда офицера Красной Армии Александра Солженицына арестовали, он, знавший о злоупотреблениях сталинского режима, всё-таки воскликнул: «Меня? За что?» А ни за что. Просто **бедственное время** внезапно нашло на него, беспомощно забила крыльями птица, запутавшаяся в силке. Всему – **время и случай**.

Завершалась эпоха строгого детерминизма (причинно-следственной связи), стройных уравнений, по которым великий Лаплас мог всё рассчитать и историю вселенной предсказать наперёд. Снова вспомнился Соломон: **время и случай для всех их**. И вот уже восклицает другой гений – Джеймс Максвелл: «Истинная логика мира – подсчёт вероятностей». Всё в этом мире дела случая, и наше дело только подсчитывать вероятность того или иного. К стройной теории дифференциальных уравнений добавилась теория вероятностей. И более того – немного проходит времени, и Вернер Гейзенберг пишет своё соотношение неопределённости $(\Delta x \cdot \Delta p_x \geq \hbar/2)$ ²¹. Сама казавшаяся неизблемой материя – суть волна вероятности. Дело учёного – подсчёт вероятностей событий, которым **время и случай для всех их**. Не мог с этим смириться Эйнштейн – неужели Господь Бог прежде, нежели чему-то произойти, бросает кубик – и всё определит случай. О Господе Боге не нам говорить, никому не ведомо Его всеведение, а вот нам поглядывать на выпавшую грань кубика, которую определяет случай и время, приходится.

И каково оно – быть игрушкой в руках **времени и случая**?! А никакого, оно просто так и есть. Тебя не спросили. И не тебе знать –

настанет ли вообще твоё время и представится ли тебе вообще случай. Такова суэта нашей жизни. Таков пар и такова погоня за ветром.

И ещё: что ты ждёшь и что ищешь – не факт, что к этому будет случай и время, но в жизни всякого человека бывает **время и случай**. Эти моменты надо не упустить, не прозевать. Сколько упущенных шансов! Следует быстро и живо реагировать на своё время и свой случай. Сегодня или никогда! Вчера было рано. Завтра будет поздно. Кстати, именно так формулировал В.И. Ленин революционную ситуацию и реально чувствовал её, потому имела успех его революция. Генералы и аристократы, профессора и митрополиты при этом ничего не чувствовали. Их время ушло. Их случай упущен. Пришло время разгрома и страданий.

Каждому человеку в жизни дано его **время** и представлен его **случай**.

Раши, как обычно, иллюстрирует слова Екклесиаста библейскими примерами [23; 9, 11–12].

"Не легконогим бег. Не помогла Асаилу его лёгкость, когда настала пора взыскания (2Цар. 2:18–23)». Лёгкий на ноги Асаил, воин Давидов, настигал обратившегося в бегство Авенира, воина сына Саулова Иевосфея. Авенир дважды давал Асаилу шанс спастись. Асаил продолжал бег-погоню и погиб.

"И не героям война. Не помогло Авениру его геройство, когда настал его час».

"И также не мудрым хлеб. Как, например, я [Соломон]. Ведь у меня хлеба в день было шестьдесят коров тонкой муки, а ныне вот моя доля от всех трудов моих – мой посох и чаша».

"...а также не разумным богатство. Как, например, Иов». В начале было скота его множество и, хотя был он разумен, потерял всё. **И был день...** настали время и случай, и Иов потерял всё.

"И не сведущим приязнь. Нет более сведущего и проницательного, чем Моше среди сынов Исраэля, однако молитвой своей он не обрёл приязни, чтоб ему вступить на землю Исраэля».

Св. Афанасий Великий отмечает, что каждому отмерено время его жизни. «Святые знали, что время измерено каждому. Но никто не знает конца этого времени... И Екклесиаст, дерзая Духом Святым, произносит решительный приговор и говорит: **не разуме человек времени своего** (Еккл. 9:12)» [31; Защитительное слово, в котором оправдывает бегство, п. 14]. Так и св. Афанасий оправдывал своё бегство из Александрии тем, что время смерти его ещё не пришло.

Блж. Иероним слышит в словах Екклесиаста не только досаду, что успех достаётся не достойному, а есть дело случая, но и таинственное

указание на то, что бег, победа, хлеб, богатство даются не по усилиям человека, а по благодати. Всё это даже «муж мудрый может собирать... не иначе, как получив от Господа [64; 9, 11–12].

Что касается **пагубной сети**, о попадании в которую **не знает человек своего времени**, то это и «несчастья или смерть», и «еретики (которые) имеют невод, чтоб ловить им рыб на погибель» [там же].

Превосходство мудрости

Всему время и случай. Однако есть и в этой жизни вещи превосходнейшие над другими. Такова мудрость.

Еккл. 9:13 Вот ещё какую мудрость видел я под солнцем, и она показалась мне важною:

Еккл. 9:14 город небольшой, и людей в нём немного; к нему подступил великий царь и обложил его и произвёл против него большие осадные работы;

Еккл. 9:15 но в нём нашелся мудрый бедняк, и он спас своею мудростью этот город; и однако же никто не вспоминал об этом бедном человеке.

Еккл. 9:16 И сказал я: мудрость лучше силы, и однако же мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают.

Еккл. 9:17 Слова мудрых, высказанные спокойно, выслушиваются лучше, нежели крик властелина между глупыми.

Еккл. 9:18 Мудрость лучше воинских орудий; но один погрешивший погубит много доброго.

Царь-мудрец хвалит мудрость. Он знает её превосходство и приводит тому три примера.

Соломон вспоминает случай, когда некий великий царь осадил небольшой город, произвёл все необходимые осадные работы, и осталось уже самое малое – решительным штурмом овладеть городом. Силы были неравные, сопротивление города бессмысленно. Но тут в городе нашёлся некий мудрый бедняк и своей смекалкой спас город! Однако слава ему не досталась. Бедняка быстро забыли. И что ж? Даже в таком случае остаётся факт – **мудрость лучше силы!** Мудрый бедняк спас свой город, а великий царь со своей несметной силой посрамлён. Но мудрый пусть не надеется на славу, пусть всегда помнит: **мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают.** Так эта жизнь устроена.

Какой исторический случай вспомнился престарелому царю? Трудно сказать. Подобное происходило не раз. Можно привести удивительный пример великого мудреца античности Архимеда. Благодаря его смекалке и механизмам два года держались Сиракузы, осаждённые римлянами во время второй Пунической войны⁷². Однажды Архимед выставил на берег женщин с бронзовыми зеркалами. Они направили солнечные лучи на корабли римлян, отчего смола на них вспыхивала и корабли загорались.

Мидраши предлагают иносказательное толкование: «**Малый город** –

это организм человеческий; **и людей в нём немного** – это части тела, органы; **царь великий** – дурное побуждение, ощутимое всем телом; **муж убогий** – это доброе побуждение» [23; 9, 15–18]. Это толкование слышал блж. Иероним ещё в IV веке от своего еврея-наставника. Ясно, что тот еврей пользовался толкованиями, вошедшими в мидраши. Сам блж. Иероним предлагает ещё одно, собственно христианское, иносказательное толкование: «**Город небольшой и людей в нём немного** – это церковь по сравнению с целым миром; против неё часто восстаёт **царь великий** – диавол (не потому, чтобы он был велик, но потому, что хвалится своим величием) и **облагает** её осадой – или гонения, или другого рода бедствия; но находит в ней **человека бедного и мудрого** – Господа Иисуса Христа, Который и обнищал ради нас (2Кор. 8:9), и есть сама Премудрость, и этот Муж Бедный освобождает город своею мудростию» [64; 9, 13–15].

Похваляя мудрость, царь-мудрец предлагает второй пример: **Слова мудрых, высказанные спокойно, выслушиваются лучше, нежели крик властелина между глупыми.**

Давно известно – **мудрые** высказываются спокойно, и слова их имеют вес, по крайней мере, они **выслушиваются** гораздо **лучше, нежели крик властелина между глупыми**. Когда мудрец говорит спокойно и тихо, все сидят ещё тише, когда властелин кричит громко, все шумят ещё громче. Но и **властелину** можно посочувствовать – находясь **между глупыми**, как донести до них свою волю?! Однако **крик** властелина между глупыми глупее самой глупости. Неизвестно, чтобы Соломон кричал, и уж вовсе не кричал Иисус, истинные Екклесиаст.

Интересны другие переводы:

Тихая речь мудреца слышнее, чем крики начальника над глупцами (А.Э. Графов).

В спокойствии слышнее... (Фрима Гурфинкель).

Раши слова Екклесиаста **в спокойствии слышнее, чем крик правителя над глупцами** толкует вполне в угоду иудейской диаспоре: «Спустя много лет после смерти Моше его указы общепринятыми являются для сынов Исраэля. В то время, как цари народов выносят указы относительно сынов Исраэля, но их повеления не исполняются» [23; 9, 17].

Св. Василий Великий сетует о нестроении в церковных делах своего времени. Люди рвались к председательским местам, «а от такого любоначалаия напало на людей какое-то страшное безначалие... посему полагал я, что полезнее слова молчание, потому что голос человеческий не может быть и слышим среди такой молвы. Если справедливо изречение Екклесиаста, что **слова мудрых в покое слышатся**, то при настоящим

положении дел весьма было бы неприлично сказать это о сих людях» [34; О Св. Духе к св. Амфилохию, гл. 30]. Не было того покоя, в котором св. Василий мог бы произнести своё слово мудрости. Так бывает.

Блж. Иероним противопоставляет крикливое позёрство и слова мудрых в церкви: **«Слова мудрых выслушиваются спокойно, лучше, нежели крик властелина между глупыми.** Если увидишь в церкви, что какой-либо вития угождением народному вкусу и красными словами возбуждает рукоплескания, вызывает смех, приводит слушателей к взрывам восторга, то знай, это признак неразумия как оратора, так и слушателей. Ибо слова мудрых выслушиваются спокойно и в скромном молчании» [64; 9, 17]. Крикливая проповедь и необузданность слушателей подменяют собой подлинную духоносность проповедника и движение духа среди слушающих. Такая псевдохаризматичность встречается у христиан и не поощряется святым отцом. Не от ума это. В свою очередь, не оправданы нудно-скучные проповеди и елейно-благочестивое их выслушивание. Где Господь, где мудрость – там дух и жизнь.

И, наконец, царь-мудрец предлагает третий пример превосходства мудрости: **Мудрость лучше воинских орудий; но один погрешивший погубит много доброго (Еккл. 9:18).**

Существует поговорка: «Сила есть, ума не надо». Горькая ирония в этой поговорке. **Мудрость лучше воинских орудий.** Генерал-воин, участник Афганской и Приднестровской войн, участник вооружённых конфликтов в Баку, Тбилиси, Риге, Москве Александр Лебедь рассказывал, что до него как-то отчётливо дошло – все войны кончаются переговорами и заключением мира, так не лучше ли с этого начинать?! Человеку дан разум для разрешения конфликтов и споров. **Мудрость лучше воинских орудий.** Да, в мире зла без воинских орудий не обойтись, но всё-таки мудрость лучше. А спорят с этим обычно те, кто на войне не бывал.

И, наоборот, если **мудрость лучше воинских орудий**, то **один погрешивший** (значит, безумец) **погубит много доброго.** Мудрость молодой вдовы Иудифи спасла город иудеев от воинских орудий могущественного Олоферна, военачальника ассирийского. Но **один погрешивший** – Ахан – посягнул воровски за заклётое⁷³, и победитель Иерихона Иисус Навин потерял под Гаем три тысячи человек. **Один погрешивший погубил много доброго.** За грех одного Ягве воинств отступил от народа израильского, и поражение было немалое, **отчего сердце народа растаяло и стало, как вода (Нав. 7).**

Раши в своём толковании также обращается к библейским примерам. **«Мудрость лучше снаряжения боевого.** Это мудрость Серах. Как

сказано: **и пришла та женщина к народу** (2Цар.20:22) – своей мудростью она помогла им больше, чем оружие, которое было у них в руках для битвы с Иоавом. **А грешник один погубит блага премного.** Если по её совету не умертвили бы Савея (Шеву), сына Бихри, все погибли бы из-за него» [23; 9, 18]. Савей восстал против царя Давида. Иоав, военачальник Давида, пошёл поразить Савея, сына Бихри. Одна умная женщина в осаждённом Иоавом городе уговорила свой народ выдать мятежного Савея и тем спасти весь город от разорения. Примечательно, что в обоих библейских случаях военную мудрость проявила женщина.

Блж. Иероним отмечает, что еврейский текст можно читать: **а кто грешит в одном, тот потеряет много доброго.** Исходя из такого прочтения, святой отец предлагает нравственное толкование: «Из-за одного греха погибает много дел праведности; добродетели соединены между собою, и кто имеет одну, имеет все, а согрешит в одном, тот подлежит всем порокам (Иак. 2:10)» [64; 9, 18]. Великий Моисей сделал много доброго, но однажды согрешил и не вошёл в Обетованную Землю. Подобным образом толкует *прп. Исихий, пресвитер Иерусалимский* († 432 г.), подвижник Палестинский и ученик св. Григория Богослова: **«Согрешай един погубит благостыню многу,** – говорит Божественное Писание (Еккл. 9:18); и ум, согрешая, погубляет то, о чём написано в предыдущей главе, – это небесные пития и брашна» [51; О трезвении и молитве, п. 36]. Стоит погрешить умом – и человек теряет множество своих духовных приобретений.

Глава 10

Пагуба от глупости и помощь от мудрости

Посмотрел философ направо – увидел мудрость, посмотрел налево – там глупость. Слева – яма, справа – лестница. Можно упасть, можно и подняться – что выберешь.

Еккл. 10:1 Мёртвые мухи портят и делают зловонною благовонную масть мироварника: то же делает небольшая глупость уважаемого человека с его мудростью и честью.

Еккл. 10:2 Сердце мудрого – на правую сторону, а сердце глупого – на левую.

Еккл. 10:3 По какой бы дороге ни шёл глупый, у него всегда недостаёт смысла, и всякому он выскажет, что он глуп.

Еккл. 10:4 Если гнев начальника вспыхнет на тебя, то не оставляй места твоего; потому что кротость покрывает и большие проступки.

Еккл. 10:5 Есть зло, которое видел я под солнцем, это – как бы погрешность, происходящая от властелина

Еккл. 10:6 невежество поставляется на большой высоте, а богатые сидят низко.

Еккл. 10:7 Видел я рабов на конях, а князей ходящих, подобно рабам, пешком.

Еккл. 10:8 Кто копает яму, тот упадёт в неё, и кто разрушает ограду, того ужалит змей.

Еккл. 10:9 Кто передвигает камни, тот может надсадить себя, и кто колет дрова, тот может подвергнуться опасности от них.

Еккл. 10:10 Если притупится топор, и если лезвие его не будет отточено, то надобно будет напрягать силы; мудрость умеет это исправить.

Еккл. 10:11 Если змей ужалит без заговаривания, то не лучше его и злоязычный.

Мёртвые мухи... По-еврейски זבובי מות (цебубей мавет), что дословно значит «мухи смерти». Elberfelder-переводчики предлагают даже вариант «giftige Fliegen», то есть «ядовитые мухи». «Мёртвые» или «дохлые мухи» следовало бы писать זבובי מת (цебубей мет). Такой вариант допускается в Biblia Hebraica.

Философ сопоставляет мудрость и глупость, он видит, что одно изничтожает или портит другое.

Мироварник приготовил **благовонную масть**, в которую попали **дохлые мухи**, и **всё испорчено**. Этим миром уже никто не умастит себя.

По-русски говоря, «ложка дёгтя портит бочку мёда». **То же делает небольшая глупость уважаемого человека с его мудростью и честью.** И это потому, что малая глупость перевесит мудрость и почёт (таков более точный перевод А.Э. Графова). Сам Соломон с его великой мудростью и честью, которую он имел от всех царей Востока, всё подпортил своей малой глупостью – гаремом чужестранных жён, превратившимся в идольский пантеон в Иерусалиме. И перевесила малая глупость – во дни царствования его сына царство Израильское распалось. Малая глупость Соломона превратилась в большое скудоумие его сына,

Сердце мудрого по правую сторону, а сердце глупого по левую. Справа – правда и благочестие, пусть спасения, слева – ложь и беззаконие, путь погибели. Так устроены мудрость и глупость – одна избирает первое, а другая – второе.

«Затем прислали греки к Владимиру философа», – сообщает «Повесть временных лет» *прп. Нестора Летописца*. После своего слова князю «философ показал Владимиру занавес, на котором было написано судилище Господне, направо указал ему на праведных, в веселии идущих в рай, а налево – грешников, идущих на мучения. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». Философ же сказал: «Если хочешь с праведными справа стать, то крестись» [105; Повесть временных лет]. **Сердце мудрого на правую сторону.**

Через девятьсот лет другой Владимир увидел другой рай, рай Карла Маркса, утопию коммунизма. И выбор был другой. И раскрестилась Русь, расхристанная пошла налево. Малая глупость перевесила мудрость и почёт. Всё покатилося в тартарары, **а сердце глупого по левую.**

Можно ли помочь глупому?

По какой бы дороге ни шёл глупый, у него всегда недостаёт смысла, и всякому он выскажет, что он глуп.

Всё-таки глупому ничто не поможет, нет дорог, на которых он хотя бы казался умным, ему всегда и везде **недостаёт смысла**, и он не преминёт **всякому высказать, что он глуп.**

Беда великая – глупость.

В оригинале говорится не о нехватке **смысла**, а о нехватке לֵב (леб), то есть сердца. Это далеко не Vernunft (разум, смысл), как в немецких переводах. Зато точно передано в LXX: καρδιά = сердце. Вот чего не хватает глупому – не ума, а сердца! Даже при малых умственных способностях человек бывает мудрым, а вот если **недостаёт сердца**, то и гений глуп. **Недостаёт смысла** – это проблема сердца, а не ума. И вот такой не забудет **всякому высказать, что он глуп**, то есть

продемонстрировать свою глупость, чтобы всем была видна. Только сам он её не видит.

Если гнев начальника вспыхнет на тебя, то не оставляй места твоего; потому что кротость покрывает и большие проступки.

Бывает, провинится человек, бывает, совершит и **большой проступок**. Бывает, что гнев начальника вспыхнет на тебя, а тобой овладеет или страх, или обида. В результате хлопнула дверь, и только видали тебя. Ты ушёл. Ушёл – и неправильно сделал. Твой характер, а то и гордыня заставили тебя уйти. Мудрость говорит иначе: **Если гнев начальника вспыхнет на тебя**, сколь неприятно это бы тебе ни было, **не оставляй места твоего, потому что кротость** твоя, смирение и постоянство **покрывают** в глазах начальника **и большие проступки** твои. Воистину, **претерпевший же до конца спасётся** (Мф. 10:22). Потерпи **гнев начальника**, и всё уладится, а кто бежит этого гнева, тот и всю жизнь бежать будет, ведь где начальника без гнева и покладистого найти хочешь?! Всё решает **кротость**, она и **гнев начальника**, и твои **большие проступки** покроет. Прав истинный Екклесиаст: **Блаженные кроткие, ибо они наследуют землю** (Мф. 3:5). А не кроткие, необузданные? – те перекаати-поле, места им постоянного на земле нет. Кротость опального – она и начальнику даёт шанс отойти от вспышки своего гнева и исправить ситуацию.

Бывает и обратная ситуация. Начальник погрешает и управляет неразумно. **Есть зло, которое видел я под солнцем, это как бы погрешность, происходящая от властелина: невежество поставляется на большой высоте, а богатые сидят низко. Видел я рабов на конях, а князей, ходящих, подобно рабам, пешком.** Бестолковый способ управления. У такого **властелина невежество поставляется на большой высоте**. Так бывает у тоталитарных владык, им нужны высокопоставленные невежды – и сам смотришься тогда неплохо, и беспокойств поменьше. Зато **богатые сидят низко**. Этих надо усмирять, этих надо держать подальше, чтобы властелину не мешали. У такого властелина **рабы на конях, а князя ходят пешком**. То ли погрешность властелина, и он сам не понимает, кому какое место приличествует, то ли слишком хорошо понимает, но собственная недалёкость и чванство требуют такой расстановки.

В советское время кухарки, по ленинскому завету, летали в столицу заседать в Верховном Совете и их возили на легковых автомобилях, а князя ходили пешком. Всё сдвинулось с мест.

Далее рядом образных примеров философ показывает, что глупость

создаёт в жизни проблемы, трудности, мудрость же может всё это исправить. Так и видится, что для того и есть глупцы, чтобы мудрым было чем заниматься.

Кто копает яму, тот упадёт в неё.

Глупый обязательно где-нибудь выкопает яму, чтобы потом самому в неё же и упасть. Варварское покорение природы с использованием достижений науки и техники – вот экологическая яма, в которую люди сами падают потом.

Кто разрушает ограду, того ужалит змей. Ограда призвана не допустить змею на участок. Глупому обязательно придёт в голову мысль эту ограду разрушить. Потом он будет ужален змеей.

Кто передвигает камни, тот может надсадить себя. Это очевидное дело. глупый же – не по необходимости, а чтобы кому-то что-то доказать и себя показать – будет это делать специально напоказ. Результат понятный – надсадил себя.

Кто колет дрова, тот может подвергнуться опасности от них. И топором можно ранить себя, и полено может прилететь в лоб. Но глупый ведь именно так и будет колоть дрова, чтобы эта беда не преминула случиться.

И другое бывает: **Если притупится топор, и если лезвие его не будет отточено, то надобно будет напрягать силы.** Умный пойдёт и наточит топор, а глупый так и будет колоть притупившимся. Ненужное напряжение и трата сил, а потом время и средства на их восстановление.

Вот такова глупость в жизни – и в бытовой, и в деловой, и в общественной, и в духовной. И трудно с ней что-либо поделать.

В противовес же этому – **мудрость умеет это исправить.** Мудрость не копает ямы, где они не нужны, она не разрушает ограду от опасного нападения. Мудрость не ищет себе неподъёмных камней, не подвергает себя неразумной, неоправданной опасности. Мудрость не ленится сначала наточить топор, а потом работать с ним. И более того – если глупость все эти проблемы создала, то **мудрость успевает их исправить!**

Вот две чаши – в правой руке чаша наполнена мудростью, в левой – глупостью. К которой припадёшь? Которую пить будешь?

Если змей ужалит без заговаривания, то не лучше его и злоязычный.

Точнее будет перевод:

Если змей ужалит до заговаривания, то не имеет никакой пользы заклинатель.

Хорошо передаёт смысл текста перевод А.Э. Графова:

Если ещё до заклинания укусит кого змея, то уже не нужен заклинатель.

В Израиле были заклинатели змей. Об этом свидетельствует данный текст (Еккл. 10:11), а также псалмопевец в Пс. 57:5–6, где говорится **об аспиде, который затыкает уши свои и не слышит голоса заклинателя, самого искусного в заклинаниях.**

Слово שִׁפְלִי (лахаш) означает «заклинатель», а также «шёпот», «заговаривание» или даже «амулет». Заклинатели путём нащёптываний и насвистываний, а может, и магических действий очаровывали змей, так что они становились бессильными жалить. Псалмопевец указывает на ситуацию, когда змея (аспид) умеет отключить свой слух, чтобы не оказаться заговорённой.

У Екклесиаста отмечается случай, когда змей опережает заклинателя и жалит прежде, нежели тот успевает совершить заклинание. Тогда заклинатель уже не нужен, беда успела прийти.

Можно отметить и созвучие слов שִׁפְלִי (нахаш) – змей и שִׁפְלִי (лахаш) – заклинатель, заговаривание.

Было ли заклинание змей делом богоугодным? В Писании, в Торе мы не видим повеления Божия это совершать. Святые отцы усматривали в этом заимствование у языческого Востока. Однако в самих текстах псалмопевца Давида (Пс. 57:5–6) и Соломона-Екклесиаста (Еккл. 10:11) порицание дела заклинателей не звучит. Факт тот, что заклинатели у израильтян были. Встречаются они даже и в Новом Завете (Деян. 19:13), только там они заклинают уже бесов ради изгнания их из бесноватых людей и именуются экзорцистами (от ἐξορκίζω = изгоняю). Видя власть апостолов изгонять бесов именем Иисуса Христа, они пытаются им подражать. Служение экзорцизма перешло от Христа в христианскую церковь. В церковных православных требниках есть молитвы заклинания на гадов и насекомых, вредящих людям и земледелию. В Ветхом Завете власть над нечистыми духами ещё не была дана народу Божию. Израильские заклинатели змей, видимо, действительно многое заимствовали у язычников.

Что же нам хочет сказать Екклесиаст? Глупый жалит языком своим, как змей. **Злоязычный не лучше** змея. Он успевает уязвить словом прежде, нежели мудрый (означенный заклинателем) успевает это предотвратить. «Злые языки страшнее пистолета», – сокрушался Молчалин у *Грибоедова* [146]. Рана нанесена злым языком душе человека, пущен яд. Мудрый не успел и уже не нужен. Слово убило душу уязвлённого. Помощь не подоспела. Вот как бывает! После драки

кулаками не машут.

Еккл. 10:1 Мёртвые мухи портят и делают зловонною благовонную масть мироварника: то же делает небольшая глупость уважаемого человека с его мудростью и честью.

Раши передаёт слова Екклесиаста о **мёртвых мухах** (Еккл. 10:1) таким образом: **Из мёртвых мух одна смрад и брожение вызывает.** Раши отмечает, что глагол ל'ב' (йабиа) от того же корня, что ל'בוי' (бабойт), то есть «пузырёк». «Если муха попадёт в благовонное масло и смешается с благовониями, то появится смрад и пена, на которой видны пузырьки. Итак, ничтожным в негодность приведено нечто ценное» [23; 10, 1]. *Мидраш* «уподобляет мёртвым мухам дурное побуждение, которое зловонным и пенистым делает доброе имя, то, что благовонного еля драгоценнее» [там же].

Св. Григорий Чудотворец так передаёт слова Екклесиаста: «Ибо даже мухи, упавшие в благовонное масло и задохнувшиеся в нём, делают непристойным и вид, и помазание того приятного состава: так несколько не следует вспоминать в одно и то же время о мудрости и глупости» [44; 10]. Глупость и мудрость несовместимы, как дохлые мухи и благовонное масло. И не мудростью облагородится глупость, но глупостью испортится мудрость.

Прп. Ефрем Сирий говорит об утончённости врага, уготовляющего пагубу и праведникам, могущим почитать себя безопасными: «Муха уничтожает **еляя сладость** (Еккл. 10:1), чтобы святые разумели ничтожность и нечистоту врага, а нерадивые – его злокозненность и утончённость» [58; 105, Наставления братьям]. Муха – ничтожна и нечиста. Таковы привычки к маловажному, и вот они-то и могут испортить еляя сладость, потому и не должно быть никакого нерадения.

Св. Григорий Богослов произносит слово по поводу состоявшегося примирения между православными, которые разногласили не по вере, а по каким-то другим делам. Еретики завидовали этому единению православных, но эта зависть, по слову св. Григория, не могла повредить православным: «**Мухи умершие** и загнившие **сгоняют елей**, говорит некто (Еккл. 10:1), но зависть не может повредить добру, хотя и захочет» [37; Слово 22, О мире...]. Таким образом св. Григорий рассуждает противоположно Екклесиасту. Подлинная мудрость крепче зависти. Зависть, подобная мёртвым мухам, мудрости и истине повредить не может. Святитель ссылается при этом на Ездру: **Истина велика и сильнее всего** (2Езд. 4:35).

По поводу мёртвых мух, что портят благовонную масть (елей), *блж.*

Иероним говорит, что «худой человек, примешавшись к хорошим, заражает многих, подобно тому, как мухи, если умрут в благовонной масти, портят и запах, и цвет её» [64; 10, 1–3].

Блж. Иероним отмечает также, что «от этих-то муж и получил название князь бесовский Вельзевул (Мф. 12:24)» [там же]. זבול-בעל (Ваалцевул). Филистимский Бог Вельзевул (= господин мух) олицетворял для израильтян сатану, князя бесовского.

Еккл. 10:2 Сердце мудрого – на правую сторону, а сердце глупого – на левую.

Блж. Иероним, как неоднократно и в других местах, указывает на букву V и «подробно рассуждает о правом и левом, то есть о добродетелях и пороках» [там же]. Левая сторона этой буквы служит аллегорическим выражением порока (\), а правая – добродетели (/), пути падения и восхождения.

Еккл. 10:4 Если гнев начальника вспыхнет на тебя, то не оставляй места твоего; потому что кротость покрывает и большие проступки.

Следует отметить, что в тексте употреблено, собственно, не слово «гнев», а נפח (руах), то есть «дух», так и в LXX: πνεῦμα. Можно перевести: **Если дух начальника вспыхнет на тебя.**

К этому тексту обращаются многие толкователи Писания.

Раши поясняет: «Строгий суд [начальника. – Г. Ф.] при посредстве страданий, которые на тебя обрушились [от начальника. – Г. Ф.], исцелением будет за твои провинности и облегчит тебе грехи великие» [23; 10, 4].

Ориген рассуждает о том, что «противные силы или сам диавол ведут борьбу с родом человеческим», но Господь иногда пользуется этим духом для достижения своих целей. Так Господь попускает лживому духу прельстить пророков Ахава, чтобы предать его достойной смерти (3Цар. 22:19–23). Так и «в Экклесиасте Соломон говорит: **аще дух владеющего взыдет на тя, места твоего не остави, яко исцеление утолит грехи велики**» [84; кн. 3, гл. 2, п. 1]. Далее *Ориген* говорит, «что помыслы, исходящие из нашего сердца, ...иногда происходят от нас самих, иногда возбуждаются противными силами, иногда же внушаются Богом иди святыми ангелами» [там же, п. 4]. В качестве примера помысла от противных сил александрийский учитель указывает на слова Соломона: **аще дух владеющего взыдет на тя...** (Еккл. 10:4). Дух владеющего, по *Оригену*, не гнев начальника, а злой дух, овладевающий человеком. Если такой дух **взыдет на тя**, тогда не беги с своего места. Здесь можно вспомнить многих отшельников, которыми овладевал искусительный дух

через помысел оставить место своего уединения. И вот тогда действовал совет Екклесиаста: **места твоего не остави, яко исцеление утолит грехи велики**. Выстояв, эти люди исцелялись от своих грехов и становились способными помочь другим. Таковы были прп. Сергей Радонежский, прп. Нил Столбенский. Последний для этого даже вбил в стену два крюка и опирался на них, но стоял и места своего не оставил.

Св. Григорий Чудотворец так передаёт слова Екклесиаста: «Если же на тебя, друг, когда-либо нападёт даже враждебный дух, то ты мужественно противостань ему, зная, что Бог может покрыть своею милостию и великое множество прегрешений» [44; 10]. Св. Григорий и вовсе говорит не о гневе и не о духе начальника, а о «духе враждебном», нападающем на человека. И опять главное – выстоять!

Прп. Ефрем Сирин, рассуждая о покаянии, говорит: «Святой закон повелевал священные вещи устроить все из золота... не допустил в святых утварях своих пустых промежутков, чтобы не мог враг вкрасться и где-либо укрыться. И некто из мудрых сказал: **аще дух владеющего възидет на тя, места твоего не остави** (Еккл. 4:10)» [58; с. 169, Слово 96, О покаянии]. Христианин не должен **оставлять места своего** в сердце пустым, золото святости должно целиком заполнять его.

Св. Кирилл Иерусалимский рассуждает об источнике греха и находит таковых два. Один – внутри самого человека, другой – извне. «Не ты один главный виновник дела [греховного. – Г.Ф.]; напротив того, есть иной некто, самый злой советник – диавол. Он всех подушает, но не преодолевает не покоряющихся ему. Поэтому Екклесиаст говорит: **Аще дух владеющего възидет на тя, места твоего не остави**» [77; Слова огласительные, 2, п. 3].

Св. Василий Великий, толкуя псалмы, рассуждает о том, что сердце человека должно быть вместилищем Господа, и не место в нём диаволу: «А грешник даёт в себе место диаволу, не внимая говорящему: **ниже дадите места диаволу** (Еф. 4:27) и Екклесиасту: **аще дух владеющего възидет на тя, места твоего не остави** (Еккл. 10:4)» [34; Беседа на 32-й псалом, ст. 1].

Святые отцы спасение грехов рассматривали не столько как их прощение и освобождение от наказания, сколько как уврачевание и исцеление души. Так св. Василий Великий говорит, чтобы в Св. Писании «все мы человеки находили врачество – каждый от собственного своего недуга. Ибо сказано: **исцеление утолит грехи велики** (Еккл. 10:4)» [34; Беседа на Пс. 1]. Таким образом этот текст переведён в Септуагинте. Другой раз св. Василий примечает этот текст конкретно: «Ибо сказано:

исцеление утолит грехи велики (Еккл. 10:4). Пост да уврачуует пьянство; псалом – срамные песни; слёзы да будут врачевством смеха» [35; с. 210; Беседа 14, На упивающихся].

Блж. Иероним говорит, ...что если (диавол) войдёт в сердце наше, и дух получит рану злого помысла, то мы не должны дальше давать ему места» [64; 10, 4]. Это и означают слова Екклесиаста: **если дух имеющего власть взойдёт на тебя, то не оставляй места твоего.**

Кроме того, блж. Иероним отмечает, что Симмах слово חַמַּח (марпе) переводит не יָרָא, то есть «исцеление», или «врачевание», а «целомудрие». Конец екклесиастова изречения: **потому что целомудрие сдерживает грехи великие.** Если диавол будет «возбуждать тебя к похоти», то «холодом целомудрия гаси пламя похоти».

Еврей, учитель Иеронима, толковал слова Екклесиаста своеобразно: «Если в мире ты получишь какой-либо высокий сан и будешь поставлен начальником, ...то не начинай забывать о прежних добродетелях, не ослабевай в прежнем подвиге: ибо врачевание грехов проистекает из доброй жизни, а не из гордой и надменной сановитости» [там же]. Очень полезное наставление всякому, получившему высокий сан!

К духовной жизни, к брани со страстями относит слова Екклесиаста и св. Кирилл Александрийский: «Так понимать должен ты, когда слышишь слова: **аще дух владеющего взыдет на тя, места твоего не остави, яко исцеление утолит грехи велики...** нам должно обуздывать порочность, так, чтобы наша трезвенность укрощала её восхождением к лучшему и уничтожала мало-помалу» [76; О поклонении и служении в духе и истине, ч. 2, кн. 12, о священстве].

Брат спросил старца: «Как должен я стяжать трезвение ума?» Старец ответил: «Полное отсутствие суетного попечения о земных вещах и непрерывное поучение в Божественном Писании приводит душу к страху Божию, а страх Божий приносит трезвение ума – и тогда душа начинает видеть бесов, борющихся с ней посредством помыслов, и давать отпор им... И Екклесиаст говорит: **Аще дух владеющего взыдет на тя, места твоего не остави.** Место же ума есть добродетель, ведение и страх Божий» [82; св. Максим Исповедник, Слово о подвижнической жизни, п. 18]. За отсутствием страха Божия следует отсутствие трезвения ума, и тогда ум оставляет своё место и уносится духом, овладевшим им, в неизвестные края. Митрополит Смоленский Кирилл (Гундяев), ныне Патриарх Московский и Всея Руси, как-то отметил проповедующих от ветра головы своя. И этот ветер иные выдают за голос Духа Святого.

Вполне согласно с прп. Максимом Исповедником рассуждает о

внутреннем человеке *прп. Филофей Синайский*. Когда душа «станет по силе трезвенствовать в молитве, ...в это время познает она, что есть внутри в сердце иное борение, иное сокровенное противоборство, иная война в помыслах, от духов злобы возбуждаемых, как свидетельствует и Св. Писание, когда говорит: **аще дух владеющего взыдет на тя, места твоего не остави**. Место же ума есть твёрдое стояние его в добродетели и трезвении» [52; Сорок глав о трезвении, гл. 19].

И далее об этом говорит другой подвижник *прп. Феодор Студит*: «Паче же всего будем держать бодренное внимание к прилогам помыслов, чтоб не отворить дверь страстям и не дать входа диаволу, как учит Писание, говоря: **аще дух владеющего взыдет на тя, места твоего не остави**. Ибо враг имеет власть подлагать помыслы, но не имеет власть входить. Мы сами себе господа; не отворим двери, и не войдёт» [53; Наставления монахам, 207].

Причиною падения, говорит *прп. Никита Стифат*, бывает бес блуда, который оскверняет даже без общения с другой плотью. Таковые духовно гибнут. «Врачевство для тех из них, кои пожелают, тёплое раскаяние и рождающееся от него слёзное сокрушение, которое и бегать зла сего располагает, и душу очищает от скверн его, и наследницею её делает милости Божией. О нём-то, гадая, и премудрый Соломон праведно сказал: **исцеление утолит грехи велики (Еккл. 10:4)**» [54; Вторая естественных глав сотница, п. 17]. Здесь уместно вспомнить, что Симмах и переводит не «исцеление», а «целомудрие». Целомудрие утоляет и гасит блудные похоти.

Прп. Симеон Новый Богослов говорит о трёх образах внимания на молитве. Первый вид – сосредоточение ума на Божественном; второй вид – внимание ума в противостоянии помыслам; третий вид – в состоянии полного послушания духовному отцу, хранение ума в сердце и взывание оттуда к Богу. Кто остановится на первом внимании, тот легко попадает в прелесть, воображаемое принимая за благодатное. Кто остановится на втором внимании, тот борется с последствиями (помыслами), не искореняя их причины (страсти); сосредоточившись умом в уме, легко впадает в гордыню. И только третье внимание подлинно открывает Бога и низводит на душу и тело Божью благодать. «О сем же самом говорит (Екклесиаст)..., что если найдёт на тебя прилог диавольский, то не позволяй ему войти в **место твоё**, разумея под **местом** сердце (Еккл. 10:4). И Господь нам говорит во святом Евангелии: **не возноситея** (μη μεγεωρίζεσθε, – не носитесь, как метеоры, – Лк. 12:39), то есть не носитесь умом своим туда и сюда» [89; Слово 68 О трёх образах внимания и

молитвы, п. 4]. Так прп. Симеон прилагает слова Екклесиаста к раскрытию образа благодатной молитвы.

Другой исихаст-молитвенник, св. Григорий Палама, подобно прп. Симеону Новому Богослову, говорит о внимании в священном безмолвии. «**Внемли себе**, говорит Моисей, то есть всему в себе, а не чему-то да, чему-то нет... **Если дух начальствующего**, – то есть, надо понимать, дух лукавства и страстей, – **найдёт на тебя**, говорит Екклесиаст, **места своего не покидай**, то есть не оставляй без надзора ни одной части души, ни одного телесного члена; как ты и над грозящими снизу духами поднимешься и перед Испытующим сердца и утробы смело предстанешь, не подлежа испытанию, раз сам всё уже подверг испытанию» [42; Триада 1, ч. 2, п. 9].

Так четырнадцать отцов и учителей толковали слова одного стиха Екклесиаста (Еккл. 10:4). Ожидал ли сам Соломон, что слово его в стольких значениях в сердцах людских отзовется?! Такого благодатное слово Бога, звучавшее, казалось бы, в столь безуспешных поисках смысла в чём-либо нищего философа, а некогда царя. Скепсис философа-мудреца был рупором трубы Духа Святого. И так бывает.

Не всякому должно рассуждать о высоких догматах – мысль св. Григория Богослова, звучащая во многих его словах. Не волне ясно, каким переводом пользовался св. Григорий, но текст Екклесиаста 10:5 звучит у него именно так. Греческий мудрец Сократ чертил круг и то, что в нём, называл ведомым, а что вне его – неведомым. Чем больше круг, тем больше прикосновения к тому, что за кругом, и – наоборот. Чем больше знаешь, тем ничего не знаешь. Чем меньше знаешь, тем более кажется, что много знаешь. Св. Григорий Богослов: «И мне кажется, прилично сказать о них соломонова слово: **Есть лукавство, еже видех под солнцем, мужа непщевавши** (измыслившего, выдумавшего) **себе мудра быти** (Еккл. 10:5; Притч. 26:2), и, что ещё хуже, получившего право учить других, когда не чувствует собственного невежества. Если какой недуг, то сей именно достоин слёз и рыдания» [37; с. 42, Слово 3, в котором оправдывает удаление своё в Понт].

Неправильно поступают властелины, если у них Еккл. 10:6 Невежество поставляется на большой высоте, а богатые сидят низко.

Еккл. 10:7 Видел я рабов на конях, а князей ходящих, подобно рабам, пешком.

Блж. Иероним отмечает, что такая ситуация бывает даже в церкви: «Кои богаты и словом, и мудростью, богаты даже добрыми делами, сидят

безвестными, а какой-нибудь глупец занимает в церкви первое место» [64; 10, 5–7]. Блж. Иероним при этом добавляет, «что это делается дьяволом». Ещё более так происходит в миру, а потому имеющий богатство и положение в обществе не должен этим обольщаться. *Прп. Ефрем Сирин*: «Если имеешь у себя богатство, не высоко о себе думай; потому что не избавился ты ещё от опасностей и злоумышлений, а потому и наслаждение богатством не прочно, так как весьма скоро и непредвиденно может произойти перемена, по написанному: видех рабы на конец, и князей идущих, яко рабов на земли (Еккл. 10:7)» [56; Советы новонаначальному монаху, 26, гл. 60]. «Кто был никем, тот станет всем, кто был всем, тот станет никем», – так было в революцию.

Еккл. 10:8 Кто копает яму, тот упадёт в неё; и кто разрушает ограду, того ужалит змей.

Так поступает глупый, желая досадить другому, и сам попадаясь на собственную уловку.

Раши: «Порой человек замышляет зло, которое в конце концов против него самого обернётся. Так потомство Невухаднецара было истреблено из-за сосудов священного храма, как сказано: **И против Властелина небес ты поднялся** (Дан. 5:23)» [23; 10, 8]. О **змее** и **ограде** Раши поясняет, что змея живёт в щелях и углублениях строений, не защищённых оградой. «**Кто ломает ограду**, (то есть), ограждения, установленные мудрецами, и преступает их слова, **того ужалит змея**. Это смерть от руки Небес» [там же].

Св. *Григорий Чудотворец* так понимает слова Екклесиаста: «Если же кто злоумышляет против другого, то он забывает, что причиняет козни себе же первому и только одному себе» [44; 10].

Св. *Афанасий Великий* относит слова Екклесиаста к иудеям, «поскольку они поставили смертный приговор от отношению к Источнику жизни и безумие замышляли против Разума Отчего». Оттого и ныне «рассеяние их и запустение града их... Ибо, поскольку они заблуждались касательно смысла Писания, то не уразумели и того, что **изрывай яму искреннему, впадётся в ню** и что **разоряющего ограду, угрызнёт его змий**» [33; Одиннадцатое праздничное послание, п. 5]. Так печальная история иудеев, распявших своего Мессию, оправдала слова премудрого Соломона.

В мире всегда было место подсиживанию. Один строил козни другому, чтобы занять его место. Такое случалось даже у монахов ещё в IV веке. *Прп. Ефрем Сирин* предостерегает в Подвижнических наставлениях: «Не слушай, монах, зависти, не строй козни брату своему, и не давай ему

укоризненного имени. Желая со стыдом согнать его с места его, смотри, сам не подвергнись тому же, что умышляешь другому. **Копаяй яму ближнему впадёт в ню (Еккл. 10:8)**» [51; Подвижнические наставления, 5, О борьбе с гневом, п. 151].

«Не давай ему укоризненного имени», – говорит прп. Ефрем Сирин. А вот наши фамилии: Дураков, Баран, или Dubs (нем.). Доставило же некоторым барам удовольствие записать это в паспорта своих подопечных. Пришло время, когда всё это на барскую голову и выплеснулось.

Блж. Иероним указывает на простой, житейский смысл слов Екклесиаста, но отмечает и таинственный: «А разрушение ограды или стены – это церковные догматы и постановление, основанное апостолами и пророками; кто разрушит их и захочет обойти, тот в том самом, чем он пренебрегает, поражается змием» [64; 10, 8]. Так, например, Мартин Лютер разрушил ограду Предания, желая пресечь человеческие выдумки и основать всё на Слове Божиим (Писании), и был ужален змием человеческих выдумок, которым в протестантизме нет конца. Что ни протестант, то мнение; и конца протестантским дроблениям, течениям и конфессиям не видеть.

Еккл. 10:9 Кто колет дрова, тот может подвернуться опасности от них.

Отсечённая от полена часть может прилететь дровосеку в лоб. Такое бывает. Это может случиться, **если притупится топор, и если лезвие его не будет отточено (Еккл. 10:10)**. Такова плата за глупость, но **мудрость умеет это исправить**. Св. Киприан Карфагенский обращается к этим словам Екклесиаста в связи со столь важным для него учением о единстве церкви. Святитель пишет: «Не надобно делать раскола; но должно стараться, чтобы уклоняющийся от нас пребыл в одной вере с нами и хранил то же предание. У Соломона в Екклесиасте: **разсекаяй дрова беду примет в них, аще спасёт сечиво**» [75; Три книги свидетельств против иудеев, кн. 3, гл. 86]. Колющий дрова – образ учиняющего расколы в церкви. Отделившиеся учинят беду творящему раскол. *Блж. Иероним* рассуждает как и св. Киприан, на ту же тему: «**Кто колет дрова, подвергнется опасности от них**. Бесплодные дрова и бесполезный лес – это еретики... Тот муж, который колет эти дрова мечом своего слова, он подвергнется от них опасности, если не будет достаточно внимателен, особенно если с ним случится то, что далее следует: **если притупится топор и лице его смутит**, то есть, если его опровержение будет найдено несильным, если оно не будет иметь острия, чтобы посекать им всё противное; но если внутреннее сердца его притупится, то он перейдёт на противную сторону, и укрепит его сила превратная» [64; 10, 9]. Кто

борется с ересью, а лезвие топора слова его не отточено, легко повреждается учением, с которым борется, либо впадает в противоположную крайность. Св. митрополит Пётр Могила противостоял католичеству на Украине, но сам стал проводником католической схоластики в богословие православной церкви. Или, наоборот: св. Кирилл Александрийский боролся с несторианством, но многие его последователи впали в противоположную ересь монофизитства. Вполне православная формула св. Кирилла о единой природе воплотившегося Бога Слова стала знаменем монофизитов.

Еккл. 10:11 Если ещё до заклинания укусит кого змея, то уже не нужен заклинатель.

Слова Екклесиаста о невозможности помочь отравленному человеку, если его уже укусил змей, св. Иоанн Кассиан Римлянин применяет к духовной жизни человека. Так бывает с человеком, уязвлённым змием зависти, «ибо кого она однажды повредила своим ядом, для того, почти можно сказать, нет лекарства... Об этом премудрый хорошо сказал: **если змий ужалит не в заговоре, то после нет пользы в заговорщике**. Это суть тайные угрызения, которым одним не помогает врачевство мудрых. Даже до того неисцельна эта погибель (то есть зависть), что от ласки ожесточается, от услуг напыщается, подарками раздражается» [67: Собеседование 18, гл. 17]. Десятая и последняя заповедь Божия запрещает зависть. Нарушающий её раньше или позже приходит к нарушению всех предыдущих заповедей. По зависти и лгут, и крадут, и прелюбодействуют, и убивают. Как помочь человеку, если он уже ужален или отравлен завистью?..

Блж. Иероним: «Если змей ужалит молча, то не лучше его злоязычный. Простой смысл таков: змей и злоязычный одинаковы: как первый, тайно жаля, впускает яд, так последний, тайно злословя, изливает на брата яд своего сердца и ничем не лучше змея» [64; 10, 11].

Глупость пустословия

Еккл. 10:12 Слова из уст мудрого – благодать, а уста глупого губят его же

Еккл. 10:13 начало слов из уст его – глупость, а конец речи из уст его – безумие.

Еккл. 10:14 Глупый наговорит много, хотя человек не знает, что будет, и кто скажет ему, что будет после него?

Еккл. 10:15 Труд глупого утомляет его, потому что не знает даже дороги в город.

Одна из главных бед глупого – это недержание уст и понос слов.

– Неприятно?

– Очень неприятно!

Для контраста Екклесиаст изначально противопоставляет глупому речи мудрого. **Слова из уст мудрого – благодать.** Так в синодальном переводе: «благодать» – слово духовно-богословское. А,Э. Графов переводит проще – «услада». У Раши: **речи из уст премудрого приязненны.** Таким образом, слова из уст мудрого – это благодать и услада для слушающего их. Эти слова приязненны, их хочется слушать, и они делают притягательными говорящего.

И всё напротив у глупого. **Уста глупого губят его же,** или иначе: **глупого поглотят его собственные уста.** Уста открываются, чтобы нечто поглотить. Это нечто должно быть вне уст поглощающего. Но как могут уста поглотить того, кто сам их отвергает?! Какому чудовищу это уже удалось? Это удалось глупому человеку. Поток слов, извергнутых из уст глупца, есть та пучина, которая его же и поглощает, его же и губит.

Дальше премудрый Соломон показывает, каким образом это происходит. Вот глупый открыл рот, и сразу же **начало слов из уст его – глупость.** Кто-то однажды сказал: «Когда молчишь, то хоть вид умный». Слова же сразу являют глупость говорящего, если кроме глупости ему сказать нечего. Однако это только начало, это ещё не самое страшное. **Глупость** сама по себе почти что невинна, но не так дальше. **Конец речи из уст** глупого – **безумие.** Это уже хуже. 𐤒𐤆𐤕 (раа) не просто «безумие», но «злое безумство» (у Графова), или verderbliche Torheit (нем.) – «пагубное безумие». Чем-то недобрым, злым, пагубным кончаются эти речи. Знал это мудрейший Соломон, знал проповедник, ведь и сам много говорил. Много говорил и слушать умел речи иных. Разговорились философы ещё в древности, забыли слушать то Слово, которое было в начале и которое

было Бог (Ин. 1:1). Сами решили поговорить. Уста открыли. Поговорили. **И сказал безумец в сердце своём: нет Бога (Пс. 13:1)**. Это сказали не неучи, это говорили учёные безумцы с древнейших времён. Ван Чун в Китае (I в.) первоначально мира находил не в Боге, а в эфире. Чарваки в Индии богов заменяли естественными стихиями. Ксенофан в Греции полагал, что люди создали богов⁷⁴. Для Эпикура религия – «лживый домысел». Дидро, Гельвеций, Ламетри, Гольбах и многие из эпохи Просвещения (XVIII-XIX вв.) утверждали: Бога нет! И это была уже не философия – открылась дверь **злому безумству**. Жан Мелье, умерший в 1729 г., сорок лет был сельским священником и «всей душой ненавидел нелепые обязанности своей профессии» [102; с. 77]. Посмертно обнаруженное «Завещание» открыло, что священник Жан Мелье не верил в Бога. Вся жизнь – обман. Вольнодумец Вольтер просил друзей не говорить своему слуге, что Бога нет.

– Почему? – удивились друзья. – Ты же сам это только что говорил.

– Да ведь он меня убьёт, – заявил безбожник.

А потом ангелы не успевали относить души верующих к Богу, убитых за веру безбожниками (Россия, век XX).

Не невинное занятие говорить глупости, конец этих речей – злое, пагубное безумие.

Есть ещё одна хорошая возможность поговорить глупому, и даже много поговорить. Это про будущее – благо, оно непроверяемо, по крайней мере, во время речи.

Еккл. 10:14 Глупый наговорит много, хотя человек не знает, что будет, и кто скажет ему, что будет после него?

Будущее сокрыто от человека, а потому, если хочется поговорить много, – мели, Емеля, твоя неделя! Сколько наговорили гадалки, цыганки, ворожеи! А про конец света или об антихристе сколько наговорили во все века! Адвентисты, свидетели Иеговы, Мария Цвигун, Виссарион сколько наговорили о том, о чём **человек не знает, что будет**. Ангелы на небе не знают времени кончины века, **кто скажет человеку, что будет после него?** А люди всё говорят и говорят...

Глупый любит говорить про будущее, потому что сказать о нынешнем ему нечего. Пустота в настоящей жизни ведёт к разговорам о будущей. Лучше говорить о том, что никто не знает – не так заметна будет глупость; говорить о нынешнем опасно – слишком скоро выползет глупость наружу. Так бывает в быту, в политике, в религии.

И сколь лёгок глупый на речи, столь неподъёмен он на труд. **Труд глупого утомляет его**. Это доходит иногда до смешного – он **не знает**

даже дороги в город. Или яснее в переводе Графова: **Работа утомляет глупца – он не знает, как дойти до города.** Это для него слишком. Глупый умрёт с голода, но не найдёт дорогу в город, где можно выжить. Глупому утомительно искать эту дорогу, утомительно пройти её, утомительно потрудиться там, где эта работа есть. Глупому утомительно добраться до пищи, до нормального, обычного земного счастья.

Обломов умер на диване, он так и не пересилил себя, чтобы встать с него.

Раши весь этот текст (Еккл. 10:12–15) иллюстрирует на примере пророка Валаама (книга Чисел), в еврейском звучании – Билама.

Уста глупца его приводят в смятение. Глупец, по *Раши*, и есть Билам. Язычники «оградили себя от кровосмешения и разврата после потопа и далее, он же дал им совет предоставить своих дочерей для блуда» [23; 10, 12–15.]. **А окончание из уст его – безумство.** Билам говорит Балаку: «Пойдём, я дам тебе совет», и этот совет не иное что, как «глупейший разврат». До такого безумства дошли уста Билама. **И глупец множит речи.** Так Билам хвастался, что знает помыслы Всевышнего. Однако на самом деле **не знает никто, что будет.** Вот и Билам шёл в Мидьян (Мадиям) получить вознаграждение и не знал, что погибнет от меча.

Слова **труд глупцов утомляет их** *Раши* толкует так: «Их глупость доставляет им трудности, которые их утомляют. Поскольку не были изучены подходы к городу, глупец утруждает себя, пытаясь пройти через овраги и болота, и утомляется, когда его ноги вязнут в трясине. Иными словами: леность оставивших занятие Торой доставляет им тягостный труд в преисподней» [там же].

Слова из уст мудрого – благодать, а уста глупого погубят его. *Блж. Иероним* замечает по этому поводу: «Глупость причиняла бы несколько меньше вреда, если бы довольствовалась своим невежеством. Но она ведёт ещё войну против мудрости и из зависти не терпит ничего, что бы не заметила умного в человеке учёном» [64; 10, 12–15]. По поводу слов **труд глупых утомит тех, которые не знают дороги в город**, *блж. Иероним* говорит, что это «или вообще о всех глупых, которые не знают Бога, или в частности о еретиках». Так Платон, Аристотель, Зенон, Карнеад, «хотя... со всею ревностью искали истину, но так как не имели руководителя и указателя пути и думали, что они могут постигать мудрость человеческими чувствами, то вовсе не достигли того города, о котором говорится в псалме: **Господи, во граде Твоем образ их уничижиши** (Пс. 72:20)» [там же]. Так и великие философы оказались в глупцах, труд

которых утомил их и последовавших за ними, ибо не знали дороги в город, **которого художник и строитель – Бог (Евр. 11:10)**. «То же самое, – говорит блж. Иероним, – должно думать и о еретиках, что напрасно они трудятся и утомляются в изучении Писаний, когда блуждают в пустыне и города найти не могут» [там же].

Св. Иоанн Кассиан Римлянин рассуждает согласно с блж. Иеронимом, только относит слова Екклесиаста не к философам и еретикам, а к христианам и даже монахам, не желающим оставить страсти и пороки. «Это, очевидно, относится к нам..., которые царский путь, упроченный апостольскими и пророческими камнями, уровненный стопами всех святых и Самого Господа, безумно оставляем, ходим по распутиям и местам, покрытым колючим кустарником, и ослеплённые прелестями настоящих утех... И таким образом от царского пути уклоняясь, не могут достигнуть города митрополии, куда всегда неуклонно должно быть направлено наше шествие. Это и Екклесиаст довольно знаменательно выразил, говоря: **труд глупого утомит его, потому что он не умеет ходить в город**, именно небесный Иерусалим, который есть мать всем нам (Гал. 4:26)» [67; Собеседования, 24, гл. 24]. Греховные пути утомляют идущих ими, а дороги в город, где царствует Бог, они не знают.

Цари и князья

Еккл. 10:16 Горе тебе, земля, когда царь твой отрок, и когда князья твои едят рано!

Еккл. 10:17 Благо тебе, земля, когда царь у тебя из благородного рода, и князья твои едят вовремя, для подкрепления, а не для пресыщения!

Еккл. 10:18 От лени обвиснет потолок, и когда опустятся руки, то протечёт дом.

Еккл. 10:19 Пирьи устраиваются для удовольствия, и вино веселит жизнь; а за всё отвечает серебро.

Еккл. 10:20 Даже и в мыслях твоих не злословь царя, и в спальне твоей не злословь богатого; потому что птица небесная может перенести слово твоё, и крылатая – пересказать речь твою.

Царь-философ сидел на троне, советовался с князьями и вельможами в царских палатах, исходил землю с посохом нищего. Управлял и веселился, странствовал и думал.

Над головой пролетела птица, размашисто прошумела крылатая.

В уме теснились мысли.

Горе тебе, земля, когда царь твой отрок, или иначе – из слуг. Давно замечено, что ничего хорошего, когда «из грязи в князи». Революции всегда стремились отроков-слуг поставить у власти. Некоторая унаследованная никчёмность начинает кичиться от головокружения, с которым справиться не может. Дорвавшись до бесплатного, бывший слуга, став царём, с головой окунается в бездарный мир наслаждений. Он и окружает себя **князьями, которые едят рано. С утра пирьи устраиваются для удовольствия, и вино веселит жизнь.** А дела в стране приходят в запустение. **От лени обвисает потолок, и когда бездельно опустятся руки, то протечёт дом** вверенного такому царю.

И наоборот, **благо тебе, земля, когда царь у тебя из благородного рода** и царствовать, быть наверху ему естественно. Когда царствование воспринимается, как ответственность и служение, а не пустопорожнее наслаждение. Не гордыня оттого, что я, бывший слуга-отрок, стал царём, а ответственность перед землёй, страной и особенно перед отцами и предками благородного рода. Не испорчу ли я то, что приобрёл, собрал, создал, взлелеял тот или иной мой предок. Вереница предшественников – не стану ли я позором и унижением рода моего. Такой и **князей найдёт, которые едят вовремя, для подкрепления, а не для пресыщения. У таких за всё отвечает серебро,** которое они накопили для своего народа

и подопечных. Такой царь и такие князья – слава и благо своей земли!

Соломон – всю жизнь царь, но он хорошо знает и понимает, как должно вести себя подопечному. В руках царя и богатого жизнь и успех подчинённого. Надо быть очень осторожным. Не злословь царя и богатого по секрету с кем-нибудь, более того – не делай этого даже в мыслях, не решайся на это даже в спальне. **Даже и в мыслях не злословь царя и в спальнной комнате твоей не злословь богатого.**

– Почему?

– Опасно!

Потому что птица небесная может перенести слово твоё, и крылатая – пересказать речь твою. Ты абсолютно уверен, что никак твоё слово не дойдёт до начальства. Дойдёт! Обязательно дойдёт. Шорох крыл пернатой передаст речь твою. Нет человека – птица перенесёт слово твоё. Один есть надёжный способ – не думай, молчи! Скажешь тайно – разнесётся явно. Скажешь другу – узнает враг. Даже и предатели для этого не обязательны. Как-то само получится, а потом уже поздно.

Так думал царь.

Земля – «адама» – есть человек. **Царь** – это ум, **князья** – вождения. **Горе** тебе, человек, если ум твой младенчеству (1Кор. 13:11), как слуга, раболепствует этому миру. **Горе** тебе, человек, если вождения твои **едят рано**, не зная, никакого воздержания. И благо тебе, человек, если ум твой помышляет благородное, если он благого рода в Царствии Божиим, если вождения твои **едят вовремя, для подкрепления, а не для пресыщения**, если попечения о плоти не превращаешь в похоть (Рим. 13:14). Если ты неблагоразумен, то **от лени обвиснет потолок**, не будет у тебя помышления о горнем (Кол. 3:2), и **когда опустятся руки** в лени и безнадёжности, **то протечёт дом** – в негодность придёт храмина души твоей.

Так думал нищий философ.

Даже и в мыслях твоих не злословь Царя царей, что на небесах, **и в спальнной комнате твоей**, во внутренних чертогах своей души, во внутреннем человеке своём **не злословь богатого** у Бога (Лк. 12:21), у Бога праведного и святого, **потому что птица небесная** – воздыхание твоей души – **может перенести слово твоё** негодное к престолу Божию, и **крылатая** фраза твоя уже **пересказала речь твоего сердца** негодную Тому, Кто всегда бдит над тобою. Потому и в помыслах и вождениях своих храни чистоту, кротость и целомудрие. Цари земные судят внешнее, Царь царей зрит внутреннее наше.

Так думал премудрый.

Взяв страннический посох, Екклесиаст пошёл дальше.

А мы спрашиваем вас, учителя и отцы, что скажете вы об изречённом здесь Соломоном-проповедником.

Раши даёт как буквальное житейское понимание слов Екклесиаста, так и духовно-иносказательное. Буквально – тут всё понятно. Плохо, «когда твой царь и судьи ведут себя, как малолетние», ты же «опасайся всякого человека, как бы тебя не услышали и не предали другим» [23; 10, 16–20].

В духовном значении *Раши* так рассуждает над словами Екклесиаста. От лени **провиснет потолок**, а потом и дом **протекать станет**. «Иначе говоря: когда сыны Исраэля ленятся заниматься Торой, они истаивают, и возвышенный дом их могущества разрушается и падает» [там же].

"В радости устраивают трапезу, буквально: **хлеб**. Для услад и пения перед женихами и невестами устраивают трапезу. А всякая трапеза великая называется **хлебом... И вино**. Во время трапезы подают вино, которое увеселяет жизнь. **А серебро отвечает всему**. При отсутствии серебра нет трапезы. Поэтому человек не вправе лениво относиться к ремеслу, чтобы иметь, что тратить» [там же]. Благословение бизнеса и жизни в достатке. В этом иудеи весьма преуспевают. И далее: **«Царя не кляни**. Не гневи Царя вселенной...**Птица небесная**. Душа, которая пребывает в тебе (в твоём теле), и ей предстоит лететь на небеса. **А крылатый** – это ангел, тебя сопровождающий, подобно сказанному: **Ибо Своим ангелам Он даст повеление о тебе (Пс. 90:11)»** [там же].

Св. *Григорий Чудотворец* поэтично пересказывает Екклесиаста. Например, так он передаёт слова о пирах, вине и серебре, увязывая их с предыдущими словами о ленивце: «Но ленивый и праздный наносит ущерб дому, сделавшись праздношатающимся, и для своего прожорства они пользуются всем, легко увлекаемые серебром, за малую плату они постыдно и малодушно решаются делать всё, что угодно» [44; 10]. Говоря дальше о должном повиновении царям и князьям, св. *Григорий*, подобно *Раши*, находит в птицах-переносчиках указание на ангелов Божиих: «Ибо должно опасаться, что сказанное даже наедине как-нибудь сделается явным. Ибо единому и богатому и великому Царю быстрые и крылатые ангелы переносят всё, совершая духовное и разумное служение» [там же].

Св. *Василий Великий*, толкуя слова пророка Исайи: **И дам им отроков в начальники, и дети будут господствовать над ними (Ис. 3:4)**, опирается на подобные слова Екклесиаста и утверждает, что речь идёт не о младости возраста, а младости ума: «Посему и Екклесиаст говорит: **горе тебе, граде, в немже царь твой юн, и князи твои рано едят**. И здесь

называется юным не тот, кто юн возрастом, но кто несовершенно по душе» [34; Толк. на пр. Исаяю, гл. 3, ст. 4]. Уместно вспомнить царя Петра III, сына герцога Гольштейн-Готторпского, который, будучи взрослым, играл в солдатики, а с Пруссией заключил в 1762 г. мир, потеряв плоды русских побед. Горе земле Русской от этого царя, умом отрока, не закончилось и по его кончине. Стали появляться лжепетры и наводить смуту в народе, известнейший из них – Емельян Пугачёв.

Св. Афанасий Великий Александрийский отлучил некоего военачальника Ливии, бывшего родом из Каппадокии, о чём известил и Каппадокийскую церковь. По этому поводу св. Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, отвечает св. Афанасию: «Сетуем и мы о своей родине, что она – мать и воспитательница таких худых людей, и о соседственной с нашей родиною Ливии, которая терпит от нас вышедшее зло и предана зверскому нраву человека, живущего жестокостию и вместе распутством. В сём, конечно, исполняется премудрое изречение Екклесиаста: **Горе тебе, граде, в немже царь твой юн** (а здесь есть нечто и этого худшее), **и князи твои не с ночи едят**, но среди дня предаются распутству, несмысленнее скотов посягая с неистовством на чужие брачные ложа» [36; Письмо 57, к Афанасию арх. Александрийскому].

Св. Григорий Богослов в своё время, по рукоположении во пресвитера, бежал в Понт. Этого иные не понимали, иные осуждали. Св. Григорий оправдывается, указывая, что и наличие таланта – не повод к поспешности при возведении в духовный сан: «В таком деле и глубокая старость – не долговременная отсрочка. Ибо седина с благоразумием – лучше неопытной юности... А что касается до сей поспешности, поползновенности и излишней ревности, – опасно... **Горе тебе, граде, в немже царь твой юн**, говорит Соломон (Еккл. 10:16)» [37; с. 51, Слово 3, в котором Григорий Богослов оправдывает удаление своё в Понт]. Не случайно и канон церковный для пресвитеров и епископов определяет тридцатилетний возраст, что, однако, часто нарушается. Есть такая беда в церкви, как младостарчество.

Блж. Иероним отмечает буквальный смысл сказанного Екклесиастом, который «не одобряет правление юношей и осуждает властолюбивых судей, – что у юного князя по его летам не твёрд ум, а у судей и зрелый возраст расслабляется от вожделений» [64; 10, 16–20] и так далее. Однако Иерониму «под смыслом буквальным представляется нечто более таинственное», а именно: «в Писании юношами называются те, которые уклоняются от авторитета старины и пренебрегают седыми заповедями

предков». Далее Иероним отмечает, что и Сам Бог изображён **Ветхим днями** (Дан. 7). Юный царь – «Диавол, который, всегда замышляя новое, и Авессалома вооружает против отца». И, «напротив, блаженна земля церкви, царь коей есть Христос, Сын благородных, происшедший из рода Авраама, Исаака, пророков и всех святых... Князья земли этой – апостолы и все святые, имеющие царём Сына благородных... Не едят они ни рано, ни скоро, ибо не в настоящем веке ищут наслаждений, а будут вкушать в своё время, когда наступит время воздаяния» [там же].

И далее блж. Иероним приводит толкование как в прямом значении, так и в иносказательном. О том, что не должно злословить царя и начальников – исполняй в жизни сей. Тем более «ничего не должно говорить неразумное против Христа, но и в тайне сердца не должно помышлять ничего нечестивого, ничего богохульного... потому что ангелы, наподобие птиц, доносят на небо слова и помышления наши, и от ведения Божия не сокрыто, чт мы помышляем втайне» [там же].

Блж. Августин, вполне следуя предыдущим ему отцам, прилагает сказанное Екклесиастом к своему учению о двух градах в этом мире: **«Горе тебе, Граде, – говорит Екклесиаст, – в немже царь твой юн, и князи твои рано едят. Блаженна ты, земле, еяже царь твой сын свободных, и князи твои во время едят, в крепости и не постыдятся.** Юным называет он диавола по причине глупости, гордости, безрассудства, наглости и других пороков, обыкновенно в изобилии присущих этому возрасту, Христа же называет сыном свободных, то есть святых патриархов, принадлежащих к Граду свободному, от которых по плоти произошёл Он. Князья первого Града едят рано... потому что не ждут благовременного... счастья в будущем веке, желая насладиться поскорее блеском этого века. Князья же Града Христова терпеливо ожидают времени нелживого блаженства» [28; кн. 17, гл. 20]. Ядущие рано – наслаждающиеся в этом веке, ядущие вовремя – ожидающие вечери Агнца в будущем веке.

Прп. Исаак Сирийск. раскрывает, как ум и тело должны соподчиняться Богу, используя при этом изречение Екклесиаста: «Есть два способа взойти на крест: один – распятие тела, а другой – вхождение в созерцание; первый бывает следствием освобождения от страстей, а второй – следствием действенности дел духа. Ум не покоряется, если не покорится ему тело. Царство ума есть распятие тела: и ум Богу не покоряется, если свобода не покорена разуму. Трудно что-либо высокое преподать ещё новонаначальному и младенцу возрастом. **Горе тебе, граде, в немже царь твой юн** (Еккл. 10:16). Кто покорит себя Богу, тот близок к тому, чтобы

покорилось ему всё» [71; Слова подвижнические, Слово 74].

Прп. Ефрем Сирийский осуждает праздность и лень, случавшуюся среди монахов: «Ленивый монах представляет в предлог и говорит: «Сегодня здесь живу, а завтра пойду в другое место, для чего же мне трудиться?» ... **В празднестве рук прокаплет храма (Еккл. 10:18)** и живущий в ней, когда захочет, убежит из неё» [56; с. 109, В подражание притчам]. А и правда, поленился – потолок кельи обвис, дом протекает – зачем что-то делать? Иди в другое место, ещё и на странника-аскета похож будешь!

Прп. Иоанн Кассиан Римлянин утверждает, что падение человека никогда не происходит внезапно. «Сперва он или обольщается каким-либо злым внушением, или от продолжительной невнимательности к самому себе теряет мало-помалу душевную силу, а страсти мало-помалу растут, и он подвергается бедственному падению... Дом никогда не разрушается внезапным падением, но прежде этого или повреждается его основание, или ветшает его кровля, в которую сперва от продолжительного небрежения живущих проникают малейшие капли дождя, а потом, когда он в большей мере раскроется и распадется, льётся дождь уже ручьями из многоводных туч. **Ибо от лености обвиснет потолок; и когда опустятся руки, то протечёт дом (Еккл. 10:18)**. Это самое в духовном смысле бывает и с душою» [67; Собеседование 6, гл. 17]. Не сразу Иуда стал предателем, не сразу Арий стал еретиком, не сразу семья распадается. Дом души постепенно приходит в запустение. Один не обращал внимания на ростки сребролюбия, другой не хотел замечать своё самомнение, третьи оставляли открытыми трещины во взаимоотношениях. И обвис потолок. И протёк дом. Предан Христос, разбушевалась в церкви ересь, муж и жена уже не вместе.

А за всё отвечает серебро.

Св. Марк Подвижник (Египет, IV век) в своих духовных наставлениях пишет: «**Всё покорится злату**, говорит Писание (Еккл. 10:19). Благодатию же Божией мысленное (духовная жизнь) управлено будет» [51; Двести глав о духовном законе, гл. 197]. Как в этом мире всё управляется золотом и серебром, так в духовном мире всё управляется благодатью Божией.

Не совсем ясно, откуда взялся перевод «злато», тогда как в еврейском тексте и в Септуагинте стоит слово «серебро».

Можно отметить и то, что слова Соломона о недопустимости злословия на царя св. *Афанасий Великий* приводит, когда ему пришлось оправдываться перед царём Констанцием. Дело в том, что недоброжелатели св. Афанасия наклеветали на него, что якобы ещё ранее он, Афанасий, говорит царю Констансу, брату Констанция, плохо о

Констанции. Оправдываясь, св. *Афанасий* говорит царю: «Не обезумел я ещё, царь, и не забыл, что говорит Божие слово: **И в совести твоей не клени царя; и в клети ложницы твоея не клени богатого; яко птица небесная донесёт глас твой, и имей криле возвестит слово твоё** (Еккл. 10:20). Если же не остаётся скрытым, что и наедине говорится о Вас, царях, то вероятное ли дело, чтобы я стал говорить о тебе в присутствии царя и при стольких предстоящих [31; Слово 11, Защитительное пред царём Константином, п. 3]. Слова Екклесиаста учили мудрости в общении с царями через века.

Глава 11

Текст одиннадцатой главы не просто толковать по двум причинам. Во-первых, не всегда ясен прямой смысл слов, есть проблема для текстологов, как правильно их прочесть и перевести. Во-вторых, мы плохо знаем те словосочетания и даже поговорки, которые кроются за речью Соломона. Понятное для современников Екклесиаста, для людей той эпохи и речевой культуры, составляет предмет догадок и предположений для позднейших читателей. Только Дух божий, говоривший устами стареющего царя и проповедника – тот же самый, что в святых отцах, толкователях Писания, и ныне в церкви.

О добродетели, об утре и вечере нашей жизни

Еккл. 11:1 Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдёшь его.

Еккл. 11:2 Давай часть семи и даже восьми, потому что не знаешь, какая беда будет на земле.

Еккл. 11:3 Когда облака будут полны, то они прольют на землю дождь; и если упадёт дерево на юг или на север, то оно там и останется, куда упадёт.

Еккл. 11:4 Кто наблюдает ветер, тому не сеять; и кто смотрит на облака, тому не жать.

Еккл. 11:5 Как ты не знаешь путей ветра и того, как образуются кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога, Который делает всё.

Еккл. 11:6 Утром сей семя твоё, и вечером не давай отдыха руке твоей, потому что ты не знаешь, то или другое будет удачнее, или то и другое равно хорошо будет.

Еккл. 11:7 Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце.

Еккл. 11:8 Если человек проживёт и много лет, то пусть веселится он в продолжение всех их, и пусть помнит о днях тёмных, которых будет много: всё, что будет, – суета!

«Волков бояться – в лес не ходить», – говорит старинная русская поговорка. Без риска нет успеха. «Кто не рискует, тот не пьёт шампанское». – шутливо замечают другие. За всем этим стоит житейская и даже духовная мудрость.

Еккл. 11:1 Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдёшь его.

Отпустить хлеб по водам – это навсегда с чем-то попрощаться. Причём, не просто с чем-то, а с насущно важным для тебя. Житейский скепсис не ждёт от морских вод ничего назад. Однако где-то в глубине не исчезает мысль, тень надежды – а вдруг?!.. А вдруг по прошествии многих дней вернётся, ведь может же и такое быть!

Некоторые толкователи находят в словах Екклесиаста вполне конкретное значение. Это совет заняться доходной морской торговлей, которая, хотя и связана с большим риском, однако приносит в результате немалую прибыль. Другие говорят ещё конкретнее. Речь идёт о приманке для рыб, которая возвращается в виде богатого улова.

Соломон продолжает свою мысль:

Еккл. 11:2 Давай часть семи и даже восьми, потому что не знаешь,

какая беда будет на земле.

Рискуй, и твой риск приумножит надёжность. Будешь всё делать с опаской – и приумножишь ненадёжность своего положения. Отдать кому-то часть своего достатка, казалось бы, ненадёжно, лучше попридержаться у себя. Но нет! Премудрый учит иначе: **Давай часть семи**, то есть всем (семь – число полноты), и даже более того – **восьми**, сверх того ещё. Не скупись, вкладывай сразу во многие дела, **потому что не знаешь, какая беда будет на земле**. И тогда во дни бедствия ты получишь спасительный для себя возврат, а иначе потеряешь всё. Неверный управитель евангельской притчи обогащался сам, расточая имение хозяина, и оказался в бедственном положении на суде. Когда же догадливо сбросил долги должникам господина своего, то сделал так, чтобы приняли его в дома свои, когда оставлен будет от управления домом. А Иисус добавляет: **приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете** (то есть, умрёте и наступят дни тёмные), **приняли вас в вечные обители (Лк. 16:9)**. **Давай часть семи и даже восьми, потому что не знаешь, какая беда будет на земле**. Прогоришь с одним, поможет другой.

К автору сих строк как-то пришла женщина и попросила в долг не по нужде, а чтобы съездить на курорт. У меня эти деньги были, но я дал ей только половину просимого. В следующую же ночь грабитель похитил оставшееся. женщина же возвратила свой долг. Половина мне вернулась, таким образом, а могло бы вернуться всё. Поэтому – давай семи и даже восьми! Не уподобляйся евангельскому слуге, который закопал свой талант, надеясь вернуть его господину, но вкладывай его в оборот, и в день беды будешь иметь прибыль.

Такова жизнь земная.

Такова же и жизнь духовная.

И дальше мудрый царь и странствующий философ говорит о бесполезности человеческой нерешительности. Дожди и ветры мешают земледельцу начать посев. Кто с опаской смотрит на облака и следит за ветром, тот может так и не приступить ни к посеву, ни к жатве.

Еккл. 11:3 Когда облака будут полны, то они прольют на землю дождь; и если упадёт дерево на юг или на север, то оно там и останется, куда упадёт.

Ветер разносит семена и не даёт сеять, проливные дожди не позволяют собрать урожай. Кто этого боится, тот так и будет стоять в нерешительности.

Еккл. 11:4 Кто наблюдает ветер, тому не сеять; и кто смотрит на

облака, тому не жать.

Прп. Серафима Саровского спросили: «Почему сейчас мало подвижников?» Он ответил: «От того, что нет решимости». И сейчас всё, как всегда: весна – осень, посев и жатва. И люди те же, и ветры, и дожди. Решимости нет. Решайся сеять слово Божие – и пожнёшь обращение душ ко Христу. Сей со слезами, пожнёшь с радостью (Пс. 125:5), а прстоишь – ни с чем останешься. Уповай на Бога и трудись! Глаза боятся, а руки делают.

Дождь прольётся, **когда облака будут полны**, а мы боимся, когда они ещё только едва обозначились на небе. Да и лукавство в этом. Увидели облачко – и опять можно целый день по праву бездельничать. Хорошо нам – и дела нет, и причина тому есть. Кольнуло в животе – и пост необязателен, заныли ноги на службе – и в храм уже можно не ходить.

Слова Екклесиаста **если упадёт дерево на юг или на север, то оно там и останется, куда упадёт**, можно приложить к утверждению, которое в данном контексте не просматривается. Иисус Христос сказал: «В чём Я найду вас, в том и буду судить» [74; Разговор с Трифоном, 47]⁷⁵. Ветер ломает деревья. Если **упадёт дерево на юг или на север, то оно там и останется, куда упадёт**, пока не сгниёт. Умирает человек, упал на юг, где теплота Духа Святого, в том и застаёт человека Христос и возносит душу его в небесные обители. Умер человек, упал на север, где холод души, в том и будет судить душу Христос, низвергая её в холод тартара.

Проходит время, и его не вернёшь, юг и север местами не поменяешь, дерево лежит, как упало.

Дожди и ветры – кажется, Бог противится нашим замыслам. Но неведомы они нам.

Еккл. 11:5 Как ты не знаешь путей ветра и того, как образуются кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога, Который делает всё.

Не торопись откладывать своё дело. Тебе видятся трудности, могущие помешать тебе, но ведь ты **не можешь знать дел Бога. Ты не знаешь путей ветра**, ты не знаешь, **как образуются кости во чреве беременной**, поэтому доверься Богу. Он и при ветре благословит твой посев. Он и при облаках и тучах благословит жатву. Не отговаривайся объективными препятствиями, дерзай, ведь с нами Бог!

Философ вспоминал: в царствование своё он строил дворцы и храмы, затевал торговлю, его отец отправлялся в дальние походы. Дули ветры, сгущались тучи, но Бог помощью Своею спешил навстречу дерзновенным. Царство расширилось, царство украсилось.

Использованное Екклесиастом слово פֶּחַח (руах), как и в предыдущем

тексте, обычно переводят «ветер». Это вполне согласуется с использованием этого слова в предыдущих стихах. Однако «пути ветра» и образование «костей во чреве беременной» сочетаются не очень естественно. Есть другой вариант перевода, в котором слово $\pi\iota\tau$ (руах) прочитывается как «дух», или «дыхание». Так, И. Дьяков переводит: **Точно так, как не знаешь ты, откуда стало дыхание и кости откуда в беременной утробе...** [44]. Таким образом, возникает цельный образ непостижимости формирования человека в материнской утробе – откуда дыхание? откуда кости? Не исключает возможность такого перевода и А. Графов [12].

Пути Божьи неведомы, порой не поняты – это не причина откладывать дела и бездействовать.

Екклесиаст поучает далее:

Еккл. 11:6 Утром сей семя своё, и вечером не давай отдыха руке твоей, потому что ты не знаешь, то или другое будет удачнее, или то и другое равно хорошо будет.

А это уж и совсем интересно. Вышел земледелец утром, вроде бы время сеять. Не решился – зачем сейчас сеять, вдруг вечернее рукоделье будет удачней. Сел вечером за рукоделье своё и отложил его – вдруг утренний посев принесёт больше пользы. И результат: утром – сон, вечером – безделье. Видел философ-царь таких умельцев и таких земледельцев. Так не пойдёт! И учит премудрый: **ты не знаешь, то или другое будет удачнее, или то и другое равно хорошо будет, а потому утром сей семя своё, и вечером не давай отдыха руке твоей.**

Почему-то вспомнился буриданов осёл. Две копны сена перед ним, обе одинаковые. С которой начать? Засомневался, забоялся прогадать. С одной начнёт, а вдруг другая больше. Так и не решился.

Стояли две копны сена.

Стоял осёл.

Кто-то уже после древних греков додумал эту ситуацию, а именно: сено сгнило, осёл сдох. Может, так и было.

Решайся и живи!

Но не всё так как безотрадно: **Сладок свет и приятно для глаз видеть солнце (Еккл. 11:7)**, а потому, если **человек проживёт и много лет, то пусть веселится он в продолжение всех их**, при этом, однако, **пусть помнит о днях тёмных** (в старости ли, или по смерти в шеоле), **которых будет много**. И никак не забывай – сладость ли света и многолетия на земле или нескончаемые **дни тёмные, которых будет много: всё, что будет, – суета! (Еккл. 11:7–8)**. Суета – старость, суета и в

царстве теней. Взгляд философа идёт всё дальше. Он уже давно рассмотрел, что в этой жизни здесь под солнцем всё суета. Но суета и дальше. Суета, рассеивающийся пар – всё, что в этой жизни, и всё, что было в веках. Но более того – и **всё, что будет**, тоже **суета!** Пессимистическая футурология. Из суеты и пустоты ты идёшь, в суете и пустоте проводишь время, и ждёт тебя суета и пустота, да ещё на многие тёмные дни.

Вселенскую суету можно разогнать только повседневным весельем во всех малых делах. Только не разгонишь её, а просто перестанешь ощущать...

Обратимся к рассуждениям над словами Екклесиаста отцов и учителей церкви. Сначала из комментария Раши [23; 11, 1–8]. Раши в словах Соломона находит побуждение к добродетели и милости. «**Пускай хлеб твой по водам**. Твори добро и милость человеку, о котором сердце тебе подсказывает, что больше никогда его не увидишь. И это, как если бы человек бросил пищу свою в воду». Побуждение к этому в том, что спустя много дней ты найдёшь его (пущенный по воде хлеб). В качестве примера Раши приводит Иофора (Итро), тестя Моисея. Иофор предложил Моисею хлеб, полагая, что он египтянин и больше его никогда не увидит. Пришелец же стал зятем Иофора и вождём Израиля и «ввёл своего тестя Итро под сень Шекины и его потомки удостоились заседать в верховной Судебной палате в храме».

Св. Григорий Чудотворец, перелагая Екклесиаста, также говорит о побуждении к милостыне, ибо она воздастся в трудный для тебя час, и о нерешительности, когда в выжидании удобного случая человек так ничего и не делает. «Давай щедро и разделяй своё имущество многим, ибо ты не знаешь, что принесёт следующий день» [44; 11].

Св. Григорий Богослов, похваляя в подаянии и милости, говорит: «Ибо гораздо лучше для достойных простирать руку и недостойным, нежели из опасения встретиться с недостойными лишать благодеяния и достойных. Сие, по моему мнению, и означает то, что надобно **посылать хлеб свой даже на воду** (Еккл. 11:1); он не рассыплется и не пропадёт пред праведным Судиею, но достигнет туда, где положено будет всё ваше, и где найдём его во время своё» [37; с. 273, Слово 18, В похвалу отцу и в утешение матери Нонне].

Подобно св. Григорию Богослову толкует и блж. Иероним: «**Бросай хлеб твой на лице воды, потому что по прошествии многих дней найдёшь его**. Увещевает к милостыне, что всякому просящему нужно давать и благодотворить без разбора» [64; 11, 1].

Еккл. 11:2 Давай часть семи и даже восьми, потому что не знаешь, какая беда будет на земле.

В словах **дай долю семерым и также восьмерых Раши** находит побуждение к милости. В раввинистических толкованиях эти слова толкуются и иносказательно. Так «**дай долю семи** – это семь дней сотворения мира, дай один из них в качестве доли Создателю, чтоб отдыхать в субботу. **И также восьми** – это восемь дней для обрезания» [23; 11, 1–8].

Толкование, приведённое у Раши, мы ещё ранее находим у еврейского учителя блж. Иеронима. Иероним отмечает: «Еврей это место понимает так: соблюдай и субботу и обрезание, чтоб не постигло тебя неожиданное бедствие» [64; 11, 2].

Даётся раввинами и другое объяснение: «**Дай долю семи** – это жертвы общественные в семь дней праздника Песах; **и также восьми** – восемь дней праздника Кущей. **Ибо ты не знаешь, какому быть бедствию** – если храм будет разрушен и вы больше не сможете совершить жертвоприношение, то жертвы прежние будут способствовать отмене бедственного предопределения» [там же].

Св. Григорий Богослов похваляет добродетели своего отца-епископа. Был он нищелюбив. «Не только по закону Соломонову давал **часть семи**, но не рассчитывал, если приходит и осьмый; охотнее расточал, чем иные собирают» [37; с. 272, Слово 18, В похвалу отцу и в утешение матери Нонне].

Св. Василий Великий даёт иносказательное значение этих слов. «Сказано: **даждь часть седмим и осмим**. Ибо и Ветхому и Новому Завету надлежало иметь какое-либо свидетельство о своём происхождении от Бога и о взаимном между собою согласии» [34; Толк. на пр. Исайю, гл. 4, 1]. Св. Василий говорит, что «во многих местах под словом **седмь** разумеется **и иже яве иудеи** (им. 8:28)», то есть, всё относящееся к Ветхому Завету. Число **осмь** «значит о веке, который будет после сего времени», потому и можно его относить к Новому Завету.

Блж. Иероним слова Соломона, как и св. Василий Великий, относит к двум заветам: «**Давай часть семи и даже осми, потому что не знаешь, какая беда будет на земле...** Итак, заповедуется, чтобы мы с равным благоговением веровали в оба завета, то есть, как в Ветхий, так и в Новый» [64; 11, 2]. Далее святой отец укоряет иудеев, которые «дали часть семи, веруя субботе, но не дали осми, отвергая воскресение дня Господня». Не лучше поступили еретики Маркион и Манихей, которые «дают часть осми, принимая Евангелие, но не дают этой части в седмичном числе,

отвергая Ветхий Завет».

Другой раз св. Григорий Богослов относит число **семь** к плоти и жизни земной, а **восемь** – к духу и жизни будущей: «Дай часть и душе, не всё одной плоти, дай часть и Богу, не всё одному миру... **Даждь часть седьмым**, то есть сей жизни, **и осьмым**, то есть той жизни, в которую мы прейдём из здешней» [37; с. 218, Слово 14, о любви к бедным]. Эту же мысль св. Григорий раскрывает в Слове 41 на святую Пятидесятницу. Семь означает эту жизнь потому, что Бог за шесть дней создал сей мир, а на седьмой почил.

Мысль св. Григория Богослова повторяется и у *прп. Иоанна Дамаскина*: «Ещё же должно знать, что число **семь** обозначает всё настоящее время, как говорит мудрейший Соломон: **даждь часть седьмым и даже осмым**. И богоглаголивый Давид, воспевая **о осмом**, пел о будущем состоянии после воскресения из мёртвых» [66; кн. 4, гл. 23].

Так же разъясняет слова Соломона *прп. Иосиф Волоцкий*⁷⁶: «Итак, рассмотрим пророческое изречение премудрого Соломона. Соломон сказал: **Давай часть семи** – то есть этому, седмочисленному веку, ибо от начала этого мира Бог предпочёл число семь всем прочим числам. Век сей именовался седмочисленным потому, что Он за шесть дней сотворил этот мир, создав, образовав и разнообразно украсив его, а в седьмой день, то есть в субботу, почил от дел... Для полноты недоставало одного дня, и мы взяли его от будущего века; день этот и **восьмой**, и первый по седьмом. Ибо сей век – седьмой, исчисляемый седмицами, а будущий век, которые не исчисляется ни седмицами, ни днями, ни ночами, и солнце в нём не склоняется к западу и никогда не заходит, – мы назвали восьмым веком, потому что он наступит после этого, седмочисленного века [70; Слово 8].

Другой русский богослов XVI века *прп. Максим Грек* так рассуждает о словах Соломона по поводу «семи» и «восьми», продолжая мысль предшествовавших ему отцов и присоединяя своеобразный расклад по поводу семи: «Младенец до трёх лет, детище до шести лет, ребёнок до девяти лет, отрок в двенадцать лет, юноша в двадцать лет, муж в тридцать лет, старый в пятьдесят лет. **Даждь часть седьмым, даждь и осмым** (Еккл, 11:2), то есть, восьмому будущему веку соответствующие духовные дела» [81; т. III, гл. 45, Семь степеней человеческого возраста].

Итак, слова Соломона толкуются в трёх значениях.

Первое значение – прямое. Будь милостив и не бойся. Давай многим и ещё большим. Это значение отмечают все толкователи Екклесиаста.

Однако некоторые толкователи переходят ещё и к иносказательному значению.

Второе значение: **Давай часть семи**, то есть принимай Ветхий Завет, **и даже восьми** – принимай Новый Завет. Так толковали св. Василий Великий, блж. Иероним. Третье значение: **Давай часть семи**, то есть нынешнему веку, **и даже восьми**, то есть жизни будущего века. Так разумели св. Григорий Богослов, прп. Иоанн Дамаскин, прп. Максим Грек.

Блж. Иероним и далее толкует текст Екклесиаста как буквально, так и иносказательно.

Еккл. 11:3 Когда облака будут полны, то они прольют на землю дождь.

Блж. Иероним находит подобные образы Писания: «В псалме говорится к Богу: **истина Твоя до облаков** (Пс. 35:6), и у Исаяи согрешившему виноградику Бог угрожает: **облакам заповедую, чтобы не одождить на него дождя** (Ис. 5:6). Итак, **облака** – это пророки и всякий муж святой, который, собравши в сердце своём много познаний, будет в состоянии дождить учительные наставления» [64; 11, 3].

И если упадёт дерево...

Глагол פֹּל (ипол) **падёт** Раши, сопоставляя с текстом **пред лицом всех братьев своих расположился** (буквально – **пал**) (Быт. 25:18), разъясняет как «защищать». Пал, расположился [= устроился на ложе, естественно, лёжа], чтобы защищать – оборонная позиция. В таком случае «**дерево** – это мудрец, который заслугой своей защищает, подобно тому, как дерево даёт защитную тень земле» [там же].

В соответствии с аграфом Христа блж. Иероним прилагает иносказательное толкование и к словам Екклесиаста об упавшем дереве: «Итак, дерево⁷⁷, которое упадёт в этой жизни и по закону смерти будет срублено, дерево это или грешило, пока стояло, и потому впоследствии будет положено на северной стороне, или, если принесло плоды достойные юга, то будет лежать на стороне южной» [64; 11, 3].

И далее блж. Иероним следует прямому и иносказательному толкованию.

Еккл. 11:4 Кто наблюдает ветер, тому не сеять; и кто смотрит на облака, тому не жать.

Буквальное толкование блж. Иеронима: «Кто смотрит на то, кому благодетельствует, и не даёт всякому просящему у него, тот часто обходит достойного подаяния» [64; 11, 4]. Будешь смотреть на достоинство просящего – никогда не подашь милостыни.

Раши также отмечает человеческую нерешительность, как тормоз к активному действию. «И кто смотрит на тучи... Кто следит за тучами и, видя, что они мрачны, опасается убирать хлеб из-за дождей. Такой никогда

не пожнёт ввиду опасения постоянного» [23; 11, 1–8].

Иносказательно блж. Иероним прилагает еkkлесиастовы слова к делу проповеди: «Кто проповедует слово Божие лишь в то время, когда народ охотно слушает и когда проповедник пользуется благоприятным мнением, тот есть сеятель нерадивый и земледелец ленивый... Но слово Божие должно быть проповедуемо своим порядком **благовременно и безвременно** (2Тим. 4:2)".

Ведёшь библейские беседы на приходе – не смотри на благоприятность погоды. Валом идёт народ – внутренне не обольщайся, пришли две глуховатые бабушки – води беседу с тем же усердием и не смущайся.

Еккл. 11:5 Как ты не знаешь путей ветра и того, как образуются кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога, Который делает всё.

Или другой вариант прочтения текста:

Точно так, как не знаешь ты, откуда стало дыхание и кости откуда в беременной утробе, так не можешь знать дело Бога, который делает всё.

Дела Божьи непостижимы, потому не бойся, но только делай. Блж. Иероним: «Как не знаешь пути духа и души, входящей в младенца, и не знаешь различных состояний костей и вен во чреве беременной... так не можешь знать дел Божиих, Который есть творец всего. Научает этим, что не должно бояться неблагоприятных обстоятельств и что неразумно рассуждать о ветрах и тучах... потому что сеятель должен идти своим размером и поступью, а результат представлять воле Господа» [64; 11, 5].

Египетский отшельник прп. Исайя, авва Нитрийский († 370 г.) сопоставляет два рождения – плотское в страстях и духовное: «Итак, когда носили мы образ перестного, мы познавали, что мы сыны его из бесчестной материи помыслов его, живущих в нас, – кои суть страсти. Облекшиеся же во образ небесного познают себя, что сыны Его суть, чрез Духа Святого, в них живущего... Написано и в Екклесиасте: **якоже кости во чреве рождающия, тако путь Духа** (Еккл. 11:5). Ибо как Святая Дева чревоносила Его во плоти, так приявшие благодать Святого Духа носят Его в сердце своём» [50; Слова к своим ученикам, Слово 19, п. 2]. Обращает на себя внимание дерзновенность сравнения аввы Исайи, что, как Дева носила во утробе Своей Христа-Бога, так и носят его в сердце своём имеющие Духа Божия. Через сто лет, во времена монофизитских споров и после отторжения несторианства, египетскому отшельнику произнести такое сравнение будет уже гораздо сложнее,

Св. Григорий Палама в XIV в. Полемизирует с философом Варлаамом.

Варлаам считает познание подлинно Божественного вообще невозможным, зато идеализирует возможности внешнего знания, способные полностью и в точности постичь внешний мир. Так будут думать, начиная с Лапласа, многие учёные последних веков (а может быть, уже и начиная с самого св. Фомы Аквинского). Если ещё что-то и не постигнуто, то может быть постигнуто. Ещё студентом-математиком Александр Исаевич Солженицын воскликнул:

*Рассверкалась премудрость книжная,
Мой надменный пронзая мозг,
Тайны мира явились – постижными,
Жребий жизни – податлив, как воск.*

Не так думал великий богослов Палама. Он видел возможность реального постижения нетварного фаворского света чрез священнобезмолвие и одновременно не считал методы внешнего (научного) знания достаточными для постижения внешнего видимого мира. Как невидимый, так и видимый мир далеко выходят за пределы подвластного внешнему научному знанию. Св. Григорий с сожалением сетует по поводу философа Варлаама, который «не захотел подумать о том, что совершенное познание сущего бесполезно и для души в теперешнем веке недостижимо, потому что, **как образования костей в чреве плодоносящей жены**, говорит Соломон, **так не можешь ты познать всех произведений Бога, которые Он произведёт (Еккл. 11:5)!**» [42; Триада II, ч. 1, п. 41]. Интересно, что св. Григорий внешнее научное знание считает не только недостаточным, но и бесполезным для души, что нелегко выслушать интеллигентному уму.

Премудрый учит:

Еккл. 11:6 Утром сей семя твоё, и вечером не давай отдыха руке твоей, потому что ты не знаешь, то или другое будет удачнее, или то и другое равно хорошо будет.

Раши: "**Утром сей твои семена...** Если ты изучал Тору в юности, изучай Тору и в старости» [23; 11, 1–8].

Блж. Иероним находит в словах Соломона побуждение благодетельствовать во всякое время: «Правду утреннюю пусть застаёт и вечер, и вечернее милосердие пусть восполняется и при восходе солнца» [64; 11, 6]. Этот общий принцип святой отец прилагает к утру юности и вечеру старости: «И в юности, и в старости у тебя должен быть одинаковый подвиг. Не говори: я трудился пока мог; должен отдохнуть в старости... И не приносит пользы воздержание в юности, если старость проводится в излишествах» [там же]. Правда, в наше время, наоборот,

люди юность проводят, не заботясь о вечном, всё отлагая на старость. Мать урезонивает свою дочь, а та ей в ответ: «Сама в каком возрасте в храм пошла, вот и я так же сделаю!»

Великий учитель умной молитвы *прп. Григорий Синаит* (XIV в.) обращается к словам Соломона, научая молитве: «Соломон сказал: **Утром сей семя твоё** – разумеется, молитвы, – **и вечером не давай отдыха руке твоей**, чтобы молитва, имея случайный перерыв своего постоянства, не лишилась заслуженного жребия в час услышания, **потому что ты не знаешь, то или другое будет удачнее** (Еккл. 11:6)» [43; О безмолвии и двух образах молитвы, гл. 2]. Здесь основная мысль – молитва не должна прерываться (ни утром, ни вечером), чтобы не пропустить «час услышания»! Как мало думает порой молящийся о «часе услышания»! Дальше св. Григорий советует уже конкретно: С **утра**, сидя на скамье вышиной в одну пядь (= 25 см), принудь ум из места начальствования или из головы сойти в сердце и удержи его в нём, и так далее.

А уж в простоте для всех – **утром сей семя** твоей молитвы утренней **и вечером не давай отдыха руке твоей** – крестись и молись на ночь глядя.

Есть и результат труда утреннего и труда вечернего, труда во всякое время:

Еккл. 11:7 Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце.

К концу клонилась эпоха великой Огласительной школы г. Александрии. Школа дала величайшие имена Пантена, Клименты Александрийского, Оригена, Дионисия Великого, Петра Александрийского, Великого Афанасия. От этой школы напитались отцы и учителя Востока и Запада. Великие учителя пойдут в Александрии дальше по линии святительской, а школьную плеяду завершит Дидим Слепец, учивший долгое время в Александрии с 345 по 395 гг. Не видевший света земного, он созерцал умный свет и был одним из лучших толкователей Св. Писания в золотом веке патристики. В 1941 г. около Туры были найдены папирусы, в основном хранящиеся теперь в Каирском музее. В этих папирусах содержится толкование Дидима Слепца на 11-ю и 12-ю главы книги Екклесиаста (Еккл. 11:7–12:6). Издан и обработан был этот текст в 1965 г. в г. Кёльне Лео Лизенборгсом. Мы воспользовались его изданием греческого текста и переводом на немецкий язык. В нашей книге текст толкования Дидима Слепца приводится в авторском переводе с немецкого языка на русский при использовании греческого оригинала.

Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце.

Дидим Слепец говорит в связи с этим об откровении Незримого: «И то, что невидимо, открывает себя само. И поскольку Моисей это

действительно осознавал и точно знал, он сказал: «Откройся⁷⁸ мне», – никто иной ведь не может Тебя мне открыть; как если бы кто солнцу сказал: «Откройся мне»; ведь ничто другое не может Тебя открыть» [47; 11, 7]. Никто не может открыть и явить бога, только Он Сам может это сделать. Далее учитель рассуждает о том, что, так как у Отца и Сына существо одно, то Сын может явить Отца, а Отец – Сына. Так истинный свет Солнца правды являет себя сам человеку, и никто иной не может его ни явить, ни открыть.

Так и блж. Иероним, младший современник Дидима, говорит: «Если... ты будешь благотворить постоянно и во всяком возрасте будешь иметь одинаковый подвиг, то узришь Бога Отца – сладчайший свет, узришь Христа – Солнце правды» [54; 1, 7]. Путь непрестанной добродетели во время и не во время и во всякое время приводит к созерцанию нетварного света славы Отца Небесного и Христа Его.

И некоторый вывод:

Еккл. 11:8 Если человек проживёт и много лет, то пусть веселится он в продолжение всех их, и пусть помнит о днях тёмных, которых будет много: всё, что будет, – суета!

Пусть человек веселится в дни жизни своей, но и пусть помнит о днях тёмных, **которых будет много**. По *Раши*, «дни мрака – это дни смерти вечной для нечестивых. **Ибо много их будет**. Тех дней (мрака) больше, чем дней жизни» [23; 11, 1–8].

Всё довольно безотрадно. Как и ранее Екклесиаст говорил: **Он напрасно пришёл и отошёл во тьму (Еккл. 6:4)**.

Дидим Слепец даёт глубокое, в стиле александрийской школы, толкование сомоновых слов. В нём чувствуется дух великого Оригена, несколько выправленный однако позднейшими православными отцами. Дидим приступает в своих рассуждениях к тайне жизни, времён, вечности, дней тёмных.

В словах Екклесиаста **если человек проживёт и много лет...** *Дидим Слепец* подчёркивает, что при этом «он всё-таки есть человек, который «по образу и подобию» сохранил и так является полноправным человеком» [47; 11, 8]. *Дидим* дальше противопоставляет эти два образа: «Если он как человек себя проявляет, если он не становится сравнимым с животными, зверообразным, если он не становится необузданным лошадом, непонятливым, по типу мула» [там же]. *Дидим* даже задаётся вопросом – почему Екклесиаст начинает своё изречение со слова **если**. «Вопрос: Что означает это **если**? – Ответ: Это он говорит, потому что не все **проживают годы**; кто только по естеству живёт, то не проживает их» [там же]!

Итак, обозначив не просто проживание дней и лет, а их благочестивое проживание по образу и подобию Божию, Дидим приступает к глубокому рассмотрению **дней** и **лет**. Этих дней и лет **много** (πολλὰ), однако Дидим спокойно заменяет **многие** (πολλὰ) на **вечные** (αἰώνια).

Дидим Слепец: "**Много лет** возникают из кругооборота Солнца правды, ибо как чувственное солнце, когда оно несколько кругов пробежит, производит годы и времена года, так и истинный Свет. Об этих-то и говорит святой, который был Им освещён: **Вечные**⁷⁹ **лета помышляя, и двигались они в моём сознании** (ср. Пс. 76:6; 2Кор. 4:18). Если же всё то, что относится к нам, преходяще, как же заслуживает тогда то, что у нас происходит, наименование **вечных лет**? И далее сказано ведь тоже: **Я вспоминал вечные дни, помысли о летах прежних родов** (Втор. 32:7). Из **вечных дней** появляются **вечные годы**» [там же]. Потрясающе! – в днях и летах благочестивого человека, человека по образу и подобию Божию, текут оламы и эоны, в них сама вечность!

Далее *Дидим Слепец* переходит к размышлениям над словами Екклесиаста о том, чтобы человек не просто жил много лет и веселился, но ещё **и пусть помнит о днях тёмных, которых будет много**.

Сначала *Дидим* говорит о нравственном значении екклесиастова наставления. Полезно помнить о Божьих наказаниях, чтобы избежать их. «Посему, кто помнит (их), тот их не испытает» [там же].

Далее *Дидим* переходит к философско-богословским размышлениям. Так он говорит: «Мы воспринимаем, с одной стороны, употребление именно как воспоминание и, наоборот, неупотребление как забывание» [там же]. Дидим иллюстрирует это словами из пророка Исайи: **Потому что прежние скорби будут забыты** и далее: **и не придут на сердце** (Ис. 65:16–17). Это означает не забывание дней скорби, а их отсутствие, потому что будет новое небо и новая земля. Дидим ещё добавляет: «Это не означает ни в коей мере, что тот, кто испытал добрые и светлые дни, забыл, что он некогда испытал худшие, но что он не вспоминает их уже так живо» [там же]. Они прошли, забылись. Теперь хотелось бы услышать, что *Дидим* думает о **соломоновых днях тёмных, которых будет много** и о которых человек **пусть помнит**. Но в тексте Дидима об этом уже ничего нет. Случайно ли это или он уже был скован учением отцов против Оригена, не допускавшего утверждения о вечных муках, остаётся за занавесью.

Блж. Иероним приводит перевод соломоновых слов по Симмаху: **Если человек поживёт много лет и в продолжение всех их будет веселиться, то он должен помнить и о днях тьмы, ибо они будут**

многие, и в продолжение всех их наступит то, что он существовать не будет. В своём толковании святой отец говорит, что тот, кто чтит Ветхий завет (**утром сеет**) и Новый (**вечером не опускает руки своей**), тот «будет проводить жизнь в высочайшей радости и наслаждении и к этому труду своему особенно будет побуждаться памятованием будущего суда, потому что наступит нескончаемое время тьмы, и вечные муки уготовляются тем, которые не сеяли утром и вечером, не соединяли того и другого (завета) и не видели ни света, ни Солнца, от которого исходит самый свет» [64; 11, 8]. Блж. Иероним видит в **днях тьмы**, которых **будет много**, нескончаемое время тьмы и вечные муки. У Соломона в контексте скорее усматриваются мрачные и многие дни шеола, безотрадного места умерших, а то и невесёлые дни старости.

– Утро и вечер,

– утро и вечер.

Философ долго сидел в раздумье.

Утром сей семя твоё, и вечером не давай отдыха руке твоей...

– Утро и вечер.

Философ встал, посмотрел на восток – там утром восходило солнце, творческая энергия вливалась в грудь, в каждую клеточку тела, во все поры пробуждающегося сознания. Хор птиц пел, звенели жаворонки. Солнце подымалось, а философ ещё долго не мог оторвать взгляд от востока, к тому времени уже бесцветно поблекшего. Взгляд стал безучастным и лениво повернул на запад. Вечерело. Тихо угасало солнце. Природа умиротворилась, деревья и цветники тёмными силуэтами предстояли пред Богом. Как день прошёл? Ночные тени покрывали отходящих ко сну. Совы широко открыли глаза.

Утро и вечер.

Юность и старость.

Мысль шла по кругу, озаряемая всполохами откровения. Едва проснувшись, засыпала земля. **Идёт ветер утром к югу и переходит вечером к северу, кружится, кружится на ходу своём...**

Мальчишка с сачком пытался догнать ветер, уловить развевающиеся косы его.

Всё пар и даже пар пара и погоня за ветром.

Суета сует, – всё суета! и томление духа.

Утро юности

Еккл. 11:9 Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твоё радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за всё это Бог приведет тебя на суд.

Еккл. 11:10 И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и юность – суета.

Еккл. 12:1 И помни Создателя твоего в дни юности твоей...

Престарелый Соломон-проповедник воспеваёт гимн дням юности. Он его уже воспел во молодые лета, когда прекрасная Суламифь внимала чарующим звукам Песни Песней. Весенние перезвоны ласкали её слух, ароматы насыщали воздух благоухающего сада, зеленели поля, покоряли красотой цветы. божественная Премудрость, нетварная София осеняла сердце юноши, восплавленное любовью, что крепче смерти. Летали огненные стрелы лютой ревности. С зеленью полей сливались лани, стелющиеся в беге, в бальзамические горы уносился олень.

– Что ты теперь, старый, делаешь? Хочешь новую Песнь Песней воспеть? Нет, она умолкла, ей больше не звучать. Соломон прожил на земле один раз, и больше молодым он не будет.

Немалая жизнь прожита, юность ушла, но Соломон нечто приобрёл. Он умеет теперь любоваться юностью, она ласкает его слух и радует сердце. С какой добротой и нежностью он видит в ней то, чем сама юность может только наслаждаться, а видеть ещё не может. Большое видится на расстоянии.

Соломон прошёл свой путь по жизни небезупречно. Мудрец видел много раз, чем всё кончается. Соломон любит юность и предостерегает. Тревожные нотки сменяются сухими, безучастными. Страх суда и пустота суеты. Юность, юность, знаешь ли ты об этом? Что цветёт, то и гниёт.

Научи нас так счислять дни наши, чтоб нам приобрести сердце мудрое (Пс. 89:12).

Так молился ещё великий Моисей. Ему вторил великий Соломон.

Вот обращается Екклесиаст к юности: **Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твоё радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих.** Что это? Что Предвечное Слово говорит устами земного проповедника? Это проповедь наивного эпикурейства: «Ешь, пей, веселись, завтра всё равно умрёшь»? во-первых, такой принцип несколько упрощает само эпикурейское учение.

Юлиан Отступник, вернувшись от Христа к Эпикуру, не так наивен, как это иногда кажется. Во-вторых, такое эпикурейство отвергается Словом Божиим (1Кор.15:32). К чему призывает святой Екклесиаст? Если посмотрим в жития святых (св. Дмитрий Ростовский), то найдём практически только одну «детско-юношескую» добродетель – в среду и пятницу материнскую грудь не брал, мяса не ел вовсе, шумных детских игр и забав избегал. И не было девичьей красоты, к которой любовью распахнулось бы сердце юноши. Таковы были избранники Божии, скопцы от чрева матери своей для Царства Небесного (Мф.19:12). А другой добродетели как и нет. На этой манихейской закваске о греховности всего земного молодёжь стала бесплатным или, наоборот, платным приложением к церкви. Так и не прославлена святость детств и во многом даже отказано в праве на него. Ребёнок – это просто неполноценный взрослый. Веками думали так. Так и не ощутили особый Божий мир детства. Детское мироощущение не выросло за пределы неполноценного, не стало самоценным в Боге. Не возникла до XIX века детская литература, не возникло детское богослужение. Не были услышаны слова Учителя: **Кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдёт в него (Лк. 18:17)**. Детям было предложено входить в Царствие Божие, как взрослым. И ещё их ругали, когда у них плохо получалось. Не разглядели маленького Игнашу, которого Учитель поставил посреди круга взрослых мужей и сказал им: **Если не будете, как дети, и даже именно, как это дитя, не войдёте в Царство Небесное (Мф. 18:2–4)**. Неразумные, мы грозили пальцем детям, чтобы они были, как взрослые. Наша Русская церковь только сейчас это начала осознавать и, проторя новые, неведомые тропы, учиться говорить: **Веселись, юноша, в юности твоей... и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих**. Веселись, вкушай радость твоей юности – это Божий дар! **Ходи по путям сердца твоего** – это творческий прорыв в будущее. Мальш, **рисуй по видению очей твоих**. Нет ничего замечательней детского рисунка. Да, да, тот самый:

*Солнечный круг,
небо вокруг –
это рисунок мальчишки,
нарисовал он на листке
и подписал в уголке:
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я.*

На детском рисунке всё это всегда есть!

Юноша, **ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих!** А не это ли чаще всего и называли всяческой скверной?! О, мудрый Соломон, какие лучи небесной славы осияли тебя, когда ты это сказал ещё тридцать веков тому назад! Первопроходцы нашей церкви – первые учителя воскресных школ ещё в советское время, а потом иерей Алексей Сысоев, протоиерей Артемий Владимиров, диакон Андрей Кураев и другие стали протаптывать пути благочестия для юных членов церкви Божией православной. Сказки Пушкина и Одоевский, Толкиен и Гарри Поттер, молодёжные моды, рок-музыка и танцы. Мы учимся, как во всём этом **юноше содержать в чистоте путь свой (Пс. 118:9)?** Ходить в чистоте, не отвергая увлечения юности, а освящая их. В церкви явлены и прославлены святые старцы. Однако церковь имеет обетование: **И будет... излию от Духа Моего на всякую плоть; и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения...** (Иоил. 2:28; Деян. 2:17). Харизма юности – она имеет место быть! Отрок Варфоломей в Радонеже, отрок Артемий Веркольский, праведный юноша Пётр Томский. Однако не только эти, они уже были, но и молодая поросль нашей церкви, ныне устремляющаяся в будущее, осваивает святость юности в новые времена.

Соломон благословляет земную радость юности. Но сама по себе эта радость может далеко завести, может превратить юношей в блудных сыновей, ушедших из Отчего дома, и довести их до свиных корыт. Сам Соломон имел горький опыт. Озарённый Божественной мудростью в юности, воспевший несравненную Песнь Песней, он отяжелел позднее и много согрешил. Оставшись с посохом странника, одряхлев, он думал теперь, как юноше сохранить в чистоте путь свой. Философ указывает юноше на три момента.

Во-первых, веселись, вкушай радости юных дней, **только знай, что за всё это Бог приведёт тебя на суд.** Библейская критика находит здесь возможной позднейшую вставку ортодоксального автора [107; с. 64]. Это утверждение вытекает из концепции подобных комментаторов, а не из текста. Мы рассматриваем текст таким, какой он есть. Вкушай радость твоей юности, радость жизни, любви и творчества, но **знай, что за всё это Бог приведёт тебя на суд.** Одна мама, благословляя своего сына идти на какие-то молодёжные дела, в которых сама не очень-то и толк знала, всегда говорила ему: «Только думай, сынок, как ты себя будешь чувствовать, если туда придёт Христос». Радуйся, юноша, – говорит Екклесиаст, – но знай, за предмет твоей сиюминутной радости Бог

приведёт тебя на суд. Не исчезнет ли тогда радость с твоего лица?

Во-вторых, – веселись, юноша, **и удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и юность – суета.**

В этом тексте есть *hara*х legomenon, то есть единственный раз встречаемое в Библии слово *לִחְיָוִת* (шаряхут). По смыслу это слово переводят «юность», потому что оно так сочетается с предыдущим словом «детство». Получается: «детство» и «юность». Слово *לִחְיָוִת* (шаряхут) наверняка образовано от слова *חָיִי* (шайи), что значит «чёрное». Поэтому некоторые переводчики, как А.Э. Графов, И. Дьяконов, переводят «чёрные волосы». Суета *לֵבָנָה* (гебель) в свою очередь означает не просто «пар», а нечто быстро рассеивающееся, проходящее. Итак, можно перевести слова Соломона: **И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и чёрные волосы быстро исчезают.**

С одной стороны, наставление Екклесиаста можно понять так. Печаль вредит сердцу твоего и огорчает его, злые обстоятельства вредят телу – избегай всего этого, ведь детство и твои чёрные волосы быстро исчезнут, ты будешь скоро седым стариком. Удалились от печали и зла, да вкушает сердце твоё радости, а тело – доброе, скоро всё это ускользнёт от тебя. Уж совсем грубо: спеши от жизни взять всё. Однако это можно делать по плоти, а можно – по духу. В первом случае это эпикурейство, во втором – спешите вкушать и дарить добро. Христианская радость на пире земной жизни, который даёт человеку Бог. неомрачённая радость брака Каны Галилейской. Придёт время – будешь пить воду, придёт старость, но сегодня радуйся – **чаша твоя переполнена вином (Пс. 22:5).**

И при этом не забывай: **детство и чёрные волосы быстро исчезают**, они всего лишь пар, суета. Ветер ещё играл в чёрных волосах маленького Соломона, бегающего по цветочной поляне и взгляд свой устремляющего к неприступности скал, а его стареющий отец, псалмопевец Давид, перебирая струны старой арфы, пел: **Ибо Он знает состав наш, помнит, что мы – прах. Дни человека – как трава; как цвет полевой, так он цветёт. Пройдёт над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его (Пс. 102:14–16).**

В детстве я не раз слышал, как пели эти псаломские слова над усопшими на похоронах.

В-третьих, веселись, юноша, **и помни Создателя твоего в дни юности твоей.**

В оригинале использовано слово *בֹּרֵא* (Борейх), что точнее было бы перевести «Творца», а не «Создателя». Почему на еврейском это слово стоит во множественном числе, объяснить трудно. Некоторые текстологи

пытаются объяснить это возможной опiskeй или даже позднейшей вставкой, но доказать такие утверждения не представляется возможным.

Существует такое мнение, что античность (язычество) была ориентирована на юность, а христианство – на старость. Беломраморные юноши и девушки – боги древней Эллады; святые старцы – хвала церкви, а её исполнение в последний век в России – бабушки. «Россия спасётся платочками» – почти догмат. Да, мир в своём языческом детстве радовался юности и краскам жизни, а стариков кое-где и в ущелье сбрасывали, чтобы не мешали. Библия показала суетность всех благ мира сего, пожилой человек познаёт это опытно. Что же остаётся юному человеку? Через всю полноту жизни пройти, как через туман, через суету сует? Зачем тогда создано Богом всё многоцветье земной жизни? Только для того, чтобы от этого отказаться? Героев Эллады и Рима сменить мрачными нигилистами? И это назвать христианством, радостной вестью?

На практике иногда так и случалось. К тому вела порою аскеза Востока. переусердствовать восточную аскезу стремился Запад. И не свет Евангелия, а сумерки манихейства бродили тогда по Европе и Азии.

Всё суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – всё суета!

Сказал и не отрёкся.

– Чу! Прислушайся к Проповеднику:

– **и помни Творца твоего в дни юности.**

Одна старушка похвалилась сыну своему:

– У нас молодых в храме стало много!

– Да откуда же они взялись? – удивился сын.

– А как же! Акси́нья вон на пенсию вышла, и Марфа тоже, да Прасковья. Много молодых в храме-то стало!

Этот печальный юмор 1970-х годов прерывает Екклесиаст: **Помни Творца твоего в дни юности твоей!** Суть проблемы в том, что детство и юность, чёрные волосы – суета, если человек делает их самооценностью. непосредственность детства, сила, красота и любовь юности, весь пир жизни – он ничто сам по себе. Сорвал красивый живой цветок, а в руке уже пожухлая трава. Набрал самоцветы, а в мешке ни к чему не пригодные камни – ведь когда собирал, ты забыл, что не в Индии, а на необитаемом острове один живёшь. Душа один на один с жизнью. Ты имел власть, а тебя топчет твой подчинённый. Милая девушка сегодня – и вот ты уже неприглядная старуха. Недавно юный молодец, а сегодня ты беззубый старик. И вот прошамкал ты разочарованно: **детство и юность – суета.** В том мудрость жизни.

Есть выход! Философ уловил его вместе с странническим посохом,

который не выпустил из руки. **Помни Творца твоего в дни юности.** Прекрасен пир юности – это Божий дар! Но красоту придаёт ему не сама юность, а памятование Создателя своего. Забудешь в юности Творца, и вся она – разгул страстей и карнавал пороков. После веселья и хохота – горечь и пустота суеты. Вспомни Создателя, и юность – твоя драгоценная жемчужина Царства Небесного, которую у тебя никто не заберёт. Сколько юных дев украшают венец лика святых Екатерины и Варвары – они, как фата, на теле церкви Христовой. Гераклы и Ахиллесы сменяются Иоаннами и Тимофеями. **Никто да не пренебрегает юностью их (1Тим. 4:11).** Они – юность Христа на земле. Они **юношеских похотей убегают, а держатся правды, веры, любви, мира со всеми призывающими Господа (2Тим. 2:22).** К тому же, они **пребывают в том, чему научены и что им вверено, зная, кем они научены. Притом же они из детства знают священные писания, которые могут умудрить их во спасение верою во Христа Иисуса (2Тим. 3:15).**

Geretten sein und zu gleich, das macht so glücklich und so reich!

По-русски дословно: Спасённым быть и юным притом – это делает счастливым и столь богатым!⁸⁰

Когда юные помнят Создателя, та суета рассеивается, как пар. Царство Божие щедро раскрывает свои сокровищницы.

Там, где это проповедуют, там это и есть. Там не редуют ряды юных христиан ни в гонениях, ни при самодовольстве комфортных времён. Порыв юности – паруса корабля Христовой церкви, наполняемые ветром Святого Духа. Кстати, в 1960–1970-е годы, когда храмы были наполнены бабушками, самым юным отрядом служителей культа всех конфессий СССР было православное духовенство. Это были двадцатилетние юноши и тридцатилетние молодые люди, священники и немногим их старше епископы-архиереи⁸¹.

Обратимся к толкованиям древнего предания, а также к отцам и учителям церкви.

Раши в словах Соломона не слышит никакой Божьей радости о юности человека, а только лишь строгое предостережение великого мудреца-старца. **«Радуйся, юноша, в детстве своём.** Подобно тому, как человек говорит своему слуге или сыну: «Греши, греши, пока не будешь наказан одновременно за всё» [23; 11, 9–12, 1]. Радуйся в молодости и «будь уверен, что за всё это Судья привлечёт тебя к суду» [там же].

Что касается слова *לִוְרֹשׁ* (шарахут), то *Раши* тоже понимает его, как **черновласие**, «потому что голова человека черна без проседи в дни его юности».

И помни Творца своего... По этому поводу *Акавия, Бен Махалалэля* говорит: «Присмотрись к трём вещам, и ты не совершишь преступления: знай, откуда ты пришёл, и куда идёшь, и пред Кем тебе предстоит дать отчёт» [23; 3, 1]. Эти три вопроса удержат юношу от греха и помогут ему в чистоте сохранить путь свой.

Слово **בֹרֵא** (борейх), переводимое как «Творец» или «Создатель», обращает на себя внимание толкователей. Сходное по написанию слово **בֹרַח** (борха) означает «могила». В таком случае Екклесиаст призывает юношу во дни своей юности помнить не творца, а могилу; **И помни могилу твою в дни юности твоей**. На такое значение указывает ещё *Раши*: «И помни «борха», твою могилу, место праха и тлена [там же]. Такое изречение вполне в духе Екклесиаста. Указывает на возможность такого прочтения екклесиастовых и М. Рижский [107; с. 64].

Св. Григорий Чудотворец вполне аскетично в юности ничего доброго не видит. В своём переводе Екклесиаста он выстраивает слова Соломона в форме дискуссии некоего эпикурейца с мудрецом: «Он [эпикуреец. – Г. Ф.] советует и юношам пользоваться своим возрастом, предавши свои души всякому удовольствию, и удовлетворять всякие пожелания, и делать то, что им угодно, смотреть на то, что услаждает, и отвращаться от того, что не таково. Такому я [тут уже говорит святой отец устами Екклесиаста. – Г. Ф.] скажу следующее: безумствуешь ты, если ты не ожидаешь, что за всё это постигнет суд от Бога. Худое дело разврат и распутство, и гибельна нечистая необузданность наших тел. Ибо юности сопутствует безумие; безумие же ведёт к гибели» [44; 11–12]. Святой отец говорит о юношеских похотях. Потакающего им св. Григорий называет безумцем. Безумство в глазах святого отца сопутствует и самой юности. Есть у него для юноши и совет: «Должно же, ещё будучи юным, бояться Бога» [там же]. О положительной стороне юности ни слова. Так и хочется сказать, что св. *Григорий Чудотворец* – хороший аскет, но какой из него молодёжный лидер, миссионер?! Для работы с молодёжью едва ли пригоден. Но история свидетельствует в пользу святого отца. Когда он стал в Неокесарии епископом (III в.), в городе было всего семнадцать христиан. Когда святитель завершил своё служение, в городе осталось всего семнадцать язычников! Юноши вместе со всеми обратились к Творцу и Создателю своему!

Прп. Ефрем Сирий разделяет помыслы и пороки естественные и произвольные: «И Бог наш умеет различать помыслы естественные и произвольные. Потому и Екклесиаст говорит – **всё суетство и произволение духа** (Еккл. 1:14), под суетством разумея естество, а под

произволением – дело противоестественное. Посему говорит: что от **суетства**, то **минует**, а что от деятельности, то Бог **приведёт на суд** (Еккл. 11, 8–9)» [56; с. 173, Обличение себе самому]. Детство и юность – суета, за них Бог никого судить не будет, они просто пройдут, а вот похоти юности, похоть очей и прочее будут осуждены на суде Богом.

Дидим Слепец довольно детально (детальнее других отцов) анализирует слова Екклесиаста. Толкует он не оригинал, а его греческий перевод, применяя средства диалектики и филологии.

Если св. Григорий Чудотворец, прп. Ефрем Сирин слышат в словах Екклесиаста апостольское предостережение о юношеских похотях, то мимо внимания слепого Дидима не прошло положительное начало, вложенное Богом в юность, и при этом, конечно же, он не остаётся в стороне от старческого увещания юноше об опасностях.

Веселись, юноша, в юности твоей. Исследуя различные обороты речи, когда женский пол включается в слова мужского рода, *Дидим* утверждает: «**Веселись, юноша**, так мы обращаем внимание только на возраст, ибо и женщина в это включена» [47; 11, 9–12, 1]. Слова Екклесиаста относятся как к юношам, так и к девушкам.

Далее *Дидим* толкует слова Екклесиаста буквально и иносказательно. «По буквальному разъяснению можно сказать следующее: **Юноша**, если ты однажды положил начало в познании того, о чём следует веселиться, то **веселись!** Делай это не единожды... опущение того, что достойно похвалы, порицательно» [там же]. По Дидиму, речь идёт у Екклесиаста не о греховных увеселениях, а о подлинно достойном веселия познании. Призыв веселиться – призыв пребывать в познании праведности.

«В переносном значении же оно значит много больше», – утверждает *Дидим Слепец*. Екклесиаст обращается не к юности в физическом смысле, но к обновлённой душе, которая **облеклась в нового человека** (Кол. 3:10). О таком юноше говорится в Писании: **Юноша со святыми, и прям его путь** (Притч. 20:11; 2:15). [там же]. Итак, это те, кто от юности во Христе, в ком от юности обновилась душа и кто ходит путями правды. В том и веселье, этим веселием и должно веселиться.

И да вкушает сердце твоё радости во дни юности твоей.

И здесь *Дидим Слепец* видит не порочные улады юного сердца, а находит духовное содержание. *Дидим*: "**Сердце** должно радоваться, а не внешнее. Часто мы слышали о разнице между счастьем и блаженством... Богатство не насытит радостью... и не обладание почётом и славой, но обладание благочестием души радует сердце» [].

Текст **ходи по путям сердца твоего** *Дидим Слепец* читает в

греческой редакции: καὶ περιλάττει ἐν ὁδοῖς ἁμωμοῦς, то есть **ходи по путям твоим непорочно**. Отсюда *Дидим* заключает: «Иди (шагай) по **прямым путям**, о которых я только что говорил» [там же].

Дидим подводит итог о вкушении сердцем радости во дни юности: «Твое сердце, таким образом, должно **напитать тебя радостью** не случайным, не телесным. Тогда у тебя будут **пути непорочные**, так что ты и станешь причастным блаженства: **блаженны непорочные в пути** (Пс. 118:1)» [там же].

И ходи... по видению очей твоих.

Дидим Слепец: «По толкованию буквальному: ты не озабочен чужой красотой. Ты отвращаешь свои глаза от бесчестной женщины, ты не смотришь на женщину в постыдном вожделении: так у тебя непорочен взгляд твоих очей.

Если же **очи** разумеешь в духовном смысле, так называемые **просвещённые очи сердца** (Еф. 1:18), то звучит это **непорочно** ещё в гораздо более высокой степени» [там же].

Исходное $\mu\eta\tau\alpha$ (шарахут) в Еккл. 11:10 переведено на греческий ἄνοια и от «чёрных влас» переходит на «неразумие». В таком значении и толкует этот текст *Дидим Слепец*: «Если юноша не ходит непорочно по путям своим и остальное не делает, что ему поручено было исполнять, то он находится в **неведении**» [там же].

В таком значении *Дидим Слепец* толкует и слова: **В день твоей юности помни, кто тебя создал** (Еккл. 12:1).

Так звучат слова Екклесиаста в тексте у *Дидима*.

«Бог Творец; и Бог не творит с безобразностями [$\mu\epsilon\tau\alpha$ κακίας]. Поэтому возьми во внимание, что «Он тебя сотворил» не для того, чтобы в твоей юности было «неведение», чтобы ты не был невежественным, но чтобы ты, будучи восприимчивым к знанию, это воспринял» [там же].

Так светло воспринимал юность *Дидим Слепец* и словами Екклесиаста ободрял юношу в дни своей юности помнить Создавшего его, отрешиться всего неразумного, греховного и ходить прямыми путями непорочности.

Блж. Иероним толкует согласно с *Дидимом Слепцом*. Радость и пользование благами мира сего не должны превращаться в греховные пожелания.

Блж. Иероним: «О, юноша, прежде чем настанет для тебя старость и смерть, веселись в юности твоей и бери, пользуйся как угодно предметами мира, всем, что кажется тебе добрым для сердца и приятным по виду [смелый призыв святого отца! – Г. Ф.]. Но чтобы подумали, что, говоря

это, он призывает человека к наслаждениям и склоняется к учению Эпикура, отклоняет это предположение, присовокупляя: **и знай, что за всё это приведёт тебя Бог на суд** [64; 11, 9–12, 1]. Необходимость за всё ответить на суде – первый удерживающий фактор. Есть и второй: **И удаляй гнев от сердца твоего, и устраняй злое от плоти твоей...** «Итак пользуйся, говорит, благами мира сего так, чтобы не грешить пожеланием ли или плотию» [там же].

«Шарахут» и *Иеронима*, как и у Дидима, переведено «неразумие» и даже «глупость», а потому «оставь прежние пороки, которыми в юности служил ты суете и глупости, потому что юность соединена с неразумием» [там же].

И в итоге: **"Помни Создателя твоего во дни юности твоей, доколе не пришли злые...** Всегда помня о Создателе твоём и так проходи путь юности твоей, чтобы помнить о конечной смерти» [там же].

Св. *Григорий Двоеслов* обращается к словам Екклесиаста при толковании евангельских слов, побуждающих к бодрствованию в ожидании Господа: **Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдёт бодрствующими; истинно говорю вам, он препояшется и посадит их, и, подходя, станет служить им. И если придёт во вторую стражу, и в третью стражу придёт, и найдёт их так, то блаженны рабы те** (Лк. 12:37–38). На эту тему святитель произносил слово к народу в храме блж. Феликса. Три стражи, в которые может прийти господин, св. Григорий уподобил трём возрастам жизни. «Первая стража есть время первого возраста, то есть детства. Вторая – молодость, или юношество, которые, на основании священного изречения, тождественны, как говорит Соломон: **веселися, юноша, во юности твоей** (Еккл. 11:9). Третья же принимается за старость. Итак, кто не хотел бодрствовать в первую стражу, тот да бодрствует, по крайней мере, во вторую, так, что кто пренебрёг обращением от грехов своих в отрочестве, тот воспрянул на пути жизни по крайней мере во время юности. И кто не хотел бодрствовать во вторую стражу, тот да не опускает средств к вознаграждению во время третьей стражи, так, чтобы кто не становится на пути жизни в молодости, тот опомнился по крайней мере в старости. – Взвесьте, возлюбленная братия, что любовь Божия отовсюду заперла наше упрямство» [39; Беседа 13, на Лк, 12:35–40].

В другом месте, толкуя Екклесиаста, св. *Григорий Двоеслов* применяет свой ключ к этой книге – нечто говорится в ней от плотского человека, а нечто от истины. «Опять там написано: **Веселися, юноше, в юности твоей** (Еккл. 11:9), и немного спустя прибавлено: **яко юность и**

безумие (удовольствия) суета. Если он обличает суету, то к чему прежде, по-видимому, побуждал, то ясно показывает, что первые слова сказаны как бы от лица плотского человека, а последние прибавлены по суду истины» [39; кн. 4, гл. 4].

Прп. Симеон Новый Богослов (XI в.) в учении о трёх образах молитвы, говоря о третьем и высшем образе, основанном на послушании духовнику и сводящемуся к сердечному безмолвию, обращается к словам Екклесиаста. Главное – в чистоте сердца. Ведь **из сердца исходят злые помыслы** (Мф. 15:6-7) и, наоборот, **блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят** (Мф. 5:8). Высшую молитву сердечного безмолвия, согласно *прп. Симеону Новому Богослову*, «разумет и Екклесиаст, когда говорит: **веселися, юноше, во юности твоей, и ходи в путях сердца твоего непорочен** (Еккл. 11:9) и чист, удаляя сердце своё от помышлений злых» [89; с. 187, Слово 68].

Авва Евагрий, ученик обоих Макариев – Египетского и Александрийского, учитель монашества в IV веке, говорил о губительности раздражительности. С укоризной спрашивает авва гневливого инока: «Зачем питаешь пса [гнев. – Г.Ф.], дав обет ничего не иметь? Если он лает и бросается на людей, то явно, что ты имеешь нечто внутри и желаешь то сберечь⁸². Я уверен, что таковой далёк от чистой молитвы, зная, что гнев есть губитель такой молитвы. Сверх того дивлюсь, как забыл он... Екклесиаста, который заповедует: **Отстави ярость от сердца твоего, и отрини лукавство от плоти твоей** (Еккл. 11:10)» [50; Наставления о подвижничестве, О различных порочных помыслах главы, 11, п. 5].

Илия пресвитер и еддик говорит созвучно авве Евагрию: «Иные же о входе яств внимательную блюдут осторожность, а об исходе словес нерадят. Таковые не умеют, по Екклесиасту, исторгать гнев из сердца и похоть из плоти (Еккл. 11:10): чем сердце чисто созидается от обновляющего нас Духа Святого» [52; Цветособрание, п. 52].

Авва Евагрий и Илия еддик согласны в том, что, даже отказавшись от снедей, денег, внешней славы, человек может сохранять в сердце своём и плоти своей прескверный источник гнева, помутняющий молитву и не допускающий к себе Духа Святого. И бывает это от нерадения.

Исследуя вопрос о Мамврийской Богоявлении Аврааму⁸³ в дискуссии с новгородскими еретиками, *прп. Иосиф Волоцкий* († 1515 г.) утверждает, что различные трактовки среди святых отцов различны только внешне, суть же выражается одна. «Много подобных мнимых противоречий можно найти в Священном Писании... Есть у Соломона таки слова: **Веселись, юноша, в юности твоей** (Еккл. 11:9) – а немного подальше он говорит:

Детство и юность – суета (Еккл. 11:10)... Слова **Веселись, юноша, в юности твоей** сказаны царём Соломоном в сердечном веселье. Когда же он говорит: **Детство и юность – суета**, – то осуждает плотские желания детства и юности» [70; Слово 5, с. 129–130]. логически чётко святой отец показывает мнимость противоречия в словах Соломона и раскрывает значение того и другого изречения Екклесиаста.

Чётко разделить одиннадцатую и двенадцатую главы не удалось – текст плавно переходит из одной в другую.

Глава 12

Вечер старости

Ветер перебирает седые волосы странника. Яркой вспышкой мелькнуло утро юности в памяти стареющего философа-царя и угасло в ночи. Догорал костёр. Жизнь подходила к своим последним граням. Да и странствовать уже было некуда и незачем. Всё повидал. Всё вкусил. Не осталось уже мысли, которая бы не прошла через этот сильнейший ум земли. Дважды всполохи божественного откровения – в Гаваоне и в Иерусалиме – освещали его, а, уже помутившись в грехе отступления, он слышал гневный голос Ягве ещё раз. Раскаившийся царь, а ныне нищий философ со странническим посохом уже завершал свой обход земель, которыми правил.

Наступал вечер.

Проповедник изрёк слова, чтобы потом замолчать:

Еккл. 12:1 И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжёлые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: «нет мне удовольствия в них!»

Еккл. 12:2 доколе не померкли солнце и свет и луна и звёзды, и не нашли новые тучи вслед за дождём.

Еккл. 12:3 В тот день, когда задрожат стерегущие дом и согнутся мужи силы; и перестанут молоть мелющие, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в окно;

Еккл. 12:4 и запираяться будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать человек по крику петуха и замолкнут дщери пения;

Еккл. 12:5 и высоты будут им страшны, и на дороге ужасы; и зацветёт миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы;

—

Еккл. 12:6 доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем.

Еккл. 12:7 И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его.

Еккл. 12:8 Суета сует, сказал Екклесиаст, всё – суета!

Больше Екклесиаст уже ничего не говорил.

Это ещё один и теперь уже последний потрясающий гимн Соломона. Отцы и учителя церкви дают четыре толкования этой вечерней

соломоновой песни. Четыре разных глубоких смысла. Первый, следующий прямому тексту Писания, – геронтологический смысл. Это вечерняя песня старости. Корни этого толкования уходят ещё в дохристианское предание. Так истолковано в трактате Шаббат, у Раши, у прп. Ефрема Сирина, у блж. Иеронима. Везде явная опора на ветхозаветное предание. Прп. Ефрем Сирин и блж. Иероним напрямую к нему обращались [обрывочно можно нечто найти у св. Мефодия Патарского и прп. Иоанна Кассиана Римлянина]. Второе толкование – духовное, можно даже по-латински сказать: спиритуалистическое. Образы Екклесиаста раскрывают различные состояния души. Так толковал Дидим Слепец. Третье толкование – историческое. Слова Соломона прилагаются к истории израильского народа. Такое толкование имеется в мидраше Эйха, у Раши, а также у блж. Иеронима. И наконец четвёртое толкование – эсхатологическое, видение последнего времени. Так толковали св. Григорий Чудотворец и св. Кирилл Иерусалимский. Это толкование возникло в чисто христианской среде в чаянии конца мира пред вторым пришествием Христовым.

Толкование первое – геронтологическое⁸⁴

Утро юности не следует упускать, ведь приближается вечер старости. приближаются дни, **о которых ты будешь говорить: «Нет мне удовольствия в них!»**, или, как в переводе у Лютера: **приближаются годы, когда ты будешь говорить: «Они мне не нравятся!»** Графов передаёт слова чувствующего приближение лет, **о которых скажешь: «Не хочу их»**.

Сумерки. Хочешь, не хочешь, нравится ли это тебе или нет, – а вечер твоей жизни пришёл.

Всё делай вовремя – утром, в юности!

Прп. Ефрем Сирин: «И Евангелие сказало: **Молитесь, да не будет бегство ваше зимою или в субботу (Мф. 24:20)**. Зима означает время нужды, а **суббота** – возраст старости, когда жизнь наша по бездействию делается субботой. Итак, будем трудиться летом, пока не настает нужда, чтобы иметь нечто и на субботу. Сам Соломон сказал: трудись в юности, прежде нежели пришло время, в которое **речеши: несть ми в нем хотения (Еккл. 12:1)**» [58; с. 259, Слово 105, Наставление братиям].

Старость – это поразительное время, когда человек ещё жив, и жить хочется, а жизнь бежит от тебя, ей уже с тобой не по пути. Все члены телесные, ещё недавно служившие тебе безотказно, так, что ты и не замечал их, барахлят, не справляются, да ещё и болят. Тело твоё стало, что старая телега – везде и всюду скрипит, разболталась. Жизнь, в которой ты многого достиг и много постиг, уходит, и ты в ней уже ничего не успеваешь. Тот мир, в котором ты не был и в котором ничего не знаешь, реален и близок. Ты простираешь руки к ускользящей земной жизни, а к тебе простирает свои цепкие руки смерть. Отсюда ничего с собой не возьмёшь, оттуда не вернёшься.

Мысль философа-странника почти останавливалась.

А дальше – анатомия старости.

Что есть старость?

Еккл. 12:1 Тяжёлые дни, о которых ты будешь говорить: «нет мне удовольствия в них!»

Синодальный перевод смягчает, говоря о **тяжёлых днях**. יָמַי כָּבֵד (йеми га раа) – это **злые дни**. Так оно и звучит в ряде других переводов. Если кто-то здорового человека сделает таким, каковы бывают старики, то его сочтут за злодея, который нанёс тяжкие телесные повреждения. Такого злодея будут судить. А кто осудит **злые дни**, которые всё это с нами

проделывают?

Раши: "**Злые дни.** Дни старости и немощи» [23; 12, 1–7].

Одна старица, уставая в немощах, но благодушествуя в Боге, по-доброму улыбалась, читая слова Соломона о старости: **годы, когда ты будешь говорить: они мне не нравятся!**

– Надо же, – говорит, – не нравятся ему эти годы!

И особенно человек, полагающий своё благо в земном, стремительно всё это теряет в старости.

Дальше идёт само описание старого человека.

Еккл. 12:3 В тот день, когда задрожат стерегущие дом и согнутся мужи силы...

Раши всё объясняет применительно к телу: «**Хранители дома** (стерегущие дом) – это рёбра и мышцы, которые защищают полости тела. **И согнутся** (буквально: **скорчатся**) – их сведёт судорога, и они искривятся. **Мужи ратные** (мужи силы) – это голени, на которые опирается всё тело» [там же]. Такое же толкование, взятое, скорее всего, от своего учителя-еврея, приводит *блж. Иероним*.

Еккл. 12:3 ...и перестанут молоть мелющие, потому что их немного осталось...

Раши: «Это зубы... На старости лет большая часть зубов выпадает» [там же]. Это же мнение находим и у *блж. Иеронима* [там же].

Еккл. 12:3 ...и помрачатся смотрящие в окно.

Раши: «Это глаза» [там же]. *Блж. Иероним:* «У людей престарелых слепнут глаза, и помрачается взор» [там же]. Своеобразно, что *Раши* называет **окна** «бойницами». В окно только смотрят, а из бойницы стреляют. Глазами не только смотрят. Око мечет взгляды, как стрелы.

Еккл. 12:4 И запираются будут двери на улицу...

Раши: «Это выводные отверстия» [там же]. Уж очень откровенно всё у еврейского толкователя. Однако и это правда. И с мочеточником, и с прямой кишкой в старости проблем немало. *Блж. Иероним* толкует несколько иначе: «Под запертыми на улицах дверями хотят разуметь расслабление ног у старика, – что он постоянно сидит и не может ходить» [там же].

Еккл. 12:4 ...когда замолкнет звук жернова...

Раши: «Это глас жерновов, перемалывающих пищу у него в утробе, то есть в желудке и в кишечнике» [там же]. Желудочно-кишечный тракт перестаёт работать должным образом. Несколько иначе понимает *блж. Иероним:* «А унижение голоса мелющего толкуют в отношении к челюстям, что старик не может пережёвывать пищу и что при стеснённом

дыхании едва слышен его слабый голос» [там же].

И дальше не лучше.

Еккл. 12:4 ...и будет вставать человек по крику петуха...

Раши: «Потому что на старости лет даже птичий щебет пробуждает от сна» [там же]. Старики просыпаются при пении петухов. *Блж. Иероним:* «Старик... пробуждается при лёгком звуке и среди ночи, как только запоёт петух, поспешно встаёт, не будучи в состоянии на постели поворачивать своих членов» [там же].

А бывает и другое. У апостола Петра к старости были на лице две борозды от слёз. Каждое утро в течение всей своей жизни как только он слышал утреннее пение петухов, он просыпался и плакал горько, вспоминая свой грех отречения.

Еккл. 12:4 ...и замолкнут дщери пения.

Раши: «Все звуки музыкальных инструментов кажутся ему [старику. – Г. Ф.] монотонным говором. А в прямом смысле означает принижение [так звучит слово, переведённое в синодальном переводе «замолкнут». – Г. Ф.] – все песенники и песенницы умяются в его глазах. Так Барзилай из Гилада сказал Давиду: **Неужели мне слушать ещё голос песенников и песенниц (2Цар. 19:36)**» [там же]. **Дщери пения** уже неинтересны старику. *Блж. Иероним*, всё толкуя так же (ясно, что источник их толкования один – тщательно передаваемые иудеями мидраши), добавляет ещё, что **оглохнут дщери пения** обозначает уши: что слух стариков делается тяжёл, они не могут понимать различия звуков и наслаждаться пением [там же].

Старость берёт своё.

Еккл. 12:5 И высоты будут им страшны...

Раши: «Из-за выступов и неровностей на дорогах он боится выйти на улицу, как бы о них не споткнуться» [там же]. В горы старику не пойти, да и малейший подъём тяжёл.

Еккл. 12:5 ...и на дороге ужасы...

Ужасы, или ухабы на дороге. *Раши:* «Много ужасного и страшного на дорогах имеется» для старика [там же]. Это уже тор время, когда «не будут в состоянии проходить неудобные места, и расслабленными ногами и неровной поступью нетвёрдо держась даже и на гладком пути, будут бояться преткновения» [*блж. Иероним*, там же].

Еккл. 12:5 ...и зацветёт миндаль...

С наступлением старости «поседеют волосы» [*блж. Иероним*, там же]⁸⁵.

Еккл. 12:5 ...и отяжелеет кузнечик...

Раши: «Это ягодицы, которые покажутся ему тяжёлой ношей» [там же]. У-аа! Как прост и непосредственен великий раввин. *Блж. Иероним* отмечает, что слово גַּחְגַּח (гехагаб) переводимо и как «кузнечики», и как «пята» и «указывает на опухшие и отяжелевшие от влаг подагры ноги стариков» [там же]. Как отяжелевший кузнечик, с трудом передвигается старик.

Еккл. 12:5 ...и рассыплется каперс.:

В тексте употреблено, собственно, слово גַּחְגַּח (эвьона), означающее «желание», «страсть». В древности считалось, что цветущие пучки каперса (или кипера) возбуждают плотскую любовь и влечение. Значение слова «эвьона» и позволило переводчикам перевести это словом «каперс», или «кипер». Приходит старость, и ослабевают, а то и вовсе исчезает сила мужского вождения. *Раши:* "**И нарушится влечение.** Это влечение к женщине, то есть он не будет стремиться к совокуплению» [там же]. Так же и у *блж. Иеронима:* «В еврейском стоит слово «эвьона», что также двусмысленно и переводится: «любовь», «желание», «похоть» и – **каперс:** и этим обозначается, как мы сказали выше, что у стариков охладевает похоть и расслабляются органы соединения» [там же].

На этом завершается образ старости.

Еккл. 12:5 ...Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы.

Или несколько ярче: **Пойдёт человек в дом вечности своей, и плакальщицы по улице кружатся.** [Составлено из переводов блж. Иеронима и А. Графова].

Старость кончилась. Настал день смерти. Человек покинул своё временное пристанище на земле, где погостил некоторое время, и **отходит в вечный дом свой.** Вот там уже не гостиница, там дом **твой**, и он не временный, он – **вечный**. И, как тонко подмечено в другом переводе: **в дом вечности своей.** У каждого **своя** вечность. Какова твоя вечность? Какую из двух ты усвоил себе?.. Блаженную? Мучительную? Есть **дом** и той вечности, и другой. Но едва ли об этом знал уже тогда Екклесиаст.

И отправится всяк в свой последний путь, путь всея земли. **Пойдёт человек в дом вечности своей.** Не один пойдёшь. Уже **готовы окружить** гроб твой **по улице плакальщицы.** Их даже специально наймут – и в те, и в последние времена были наёмные плакальщицы. Каким пронзительным и отчаянно-безысходным было их искусство.

Мимо нищего странника шла процессия с покойником, его несли за город ко гробу.

...и плакальщицы по улице кружатся.

И уже в который раз со времён праотцев **кружится, кружится** хор плакальщиц, как **ветер, и вновь летит на свои круги** (Еккл. 1:6).

А ещё, кроме плакальщиц, будут те, кто плачет.

Блж. Иероним: «И человек будет разрушен смертью, тогда возвратится в землю свою и **в дом вечности своей** – во гроб, и при совершении погребения пред гробом будет идти толпа плачущих» [там же].

Большим кругом в 2000-м году по посёлку Тура был обнесён гроб православного священника Григория Яковлева, обезглавленного в ритуальном жертвоприношении чужому богу Кришне. Вокруг гроба шли плачущие и молящиеся, из домов выходили люди проводить убиенного священника в вечный дом его. Только у одного молитвенного дома инославных, не Кришне поклоняющихся, но и с церковью Христовой не единых, ставни были закрыты. Никто не вышел, и плача не было слышно.

Блж. Иероним толкует, что под **вечным домом** Соломон ещё, собственно, не разумел вечности, а имел в виду гроб. На Соломона падали лучи вечной жизни, но сама она была ещё для него таинственно-непостижима, по ту сторону неба.

Дойдя до грани смертной, Екклесиаст ещё раз напоминает – **помни Творца твоего, доколе** это не произойдёт. И далее следуют четыре ярких драматических образа смерти:

Еккл. 12:6 доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем.

Образы, достойные художника-символиста.

Порвалась серебряная цепочка.⁸⁶

Каждый день жизни – звено непрерывной цепи. Серебро – значимость этого дня. Как по чёткам, пальцы перебирают отведённые нам дни и ночи. И вот – цепочка порвалась. Больше считать нечего. Последнее звёньшко в цепи. *Блж. Иероним* говорит, что «**серебряная цепочка** означает эту светлую жизнь и дыхание, которое даётся нам с неба» [там же]. *Раши* находит возможным анатомическое сравнение. «Это позвоночный столб, белый, как серебро. А после смерти мозг спинной разрушается, позвоночник пустеет и высыхает, и искривляется в позвонках, и уподобляется цепи» [там же].

Разорвалась золотая повязка.

Разорвалась золотая повязка, и покатались нанизанные на неё бусинки ожерелья. Так обрывается жизнь.

Однако еврейский текст в этом смысле тёмен и допускает различные

переводы.

У блж. Иеронима:

И возвратится золотая повязка.

По этому поводу блж. Иероним рассуждает: «А **возвращение золотой повязки** обозначает душу, которая возвращается туда, откуда сошла» [там же].

Раши и многие европейские переводы дают такое значение:

И раскололась золотая чаша.

Сильное сравнение! **Золотая чаша** жизни упала и **раскололась**! Эти две половинки уже не склеятся. Да и после золотой осени всё занесено белым холодным снегом.

Раскололась золотая чаша. Как будто небо опрокинулось, разбилось, выпросталось.

Раши уточняет – не просто «**чаша золотая**», а иначе ещё «**родник золотой**». И уж очень натуралистично толкует: «Это уд, изливающий жидкость и струившийся, как источник» [там же].

И разбился кувшин у источника.

К источнику, к колодцу ходят с **кувшином**, чтобы набрать воду, так потребную в невыносимо жаркий южный день. Вспомним Ревекку, Иакова, Моисея и дочерей Иефора, наконец, Христа и самарянку у сихемского колодца.

И вот **кувшин** прямо **у источника**, источника живительной влаги, выпал из рук **и разбился**. Осколками воду не наберёшь.

Жизнь кончилась.

Где была жизнь, где была надежда **у источника**, остался уже никому не нужный разбитый кувшин. А у осколков кувшина философ-странник с уже ничего не выражающим взглядом.

Немногословен блж. Иероним: «Как кувшин разбитый перестаёт черпать...» [там же]. Для святого отца это «метафорический символ смерти».

Как всегда натуралистичен *Раши*: «**И разобьётся кувшин у ключа**. Это чрево, которое округло, и оно разрывается после смерти» [там же].

Веками мечта человека гнала его через полярные льды и холода туда, где «трутся спиной медведи о земную ось». В 1911 году после чрезвычайно тяжёлого перехода к южному полюсу земли прибыл отчаянный английский полярник Джон Скотт. Силы были на исходе. Но страшнее было другое – там развевался норвежский флаг. Его опередили. Назад Скотт добраться уже не смог. Разбился кувшин у источника.

И обрушилось колесо над колодцем.

Колесо-ворот, с помощью которого черпают воду из колодца, оборвалось и обрушилось. Больше воду брать нечем. Жизнь кончилась. Кстати, использованное в тексте слово כּוּר (бор) может означать не только «колодец», но также и «яма», «могила». Над могилой колеса не бывает, но усугубляет мысль философа сопоставление колодца с могильной ямой. Колесо обрушилось в колодец, как в могильную яму. Таков печальный итог жизни.

В переводе Семидесяти: Καὶ συντροχᾶσθ ὁ τροχὸς ἐπὶ τὸν λακκὸν – слова Екклесиаста звучат несколько иначе: **и колесо запутается в своей верёвке.**

Образ несколько иной – смысл тот же. Больше воду черпать не придётся. Жизнь кончилась.

Художественный образ завершён, Соломон переходит к богословскому осмыслению происходящего. А происходит вот что:

Еккл. 12:7 И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его.

Один из основных текстов Писания, раскрывающий тайну смерти.

Тайна смерти, по Соломону, подобна тайне рождения. Человек живёт и многократно возвращается к мысли-вопросу: «Откуда пришла душа и куда идёт?» Да и вопрос: «Пришла ли душа откуда-то или только появилась при рождении?» Если появилась, то от Бога или от родителей?

На все эти вопросы Писание не отвечает прямо, и ответы приходится искать из загадочно обронённых слов и изречений. Вот и теперь Екклесиаст сказал эти слова, а что за ними?

Ориген учил о предсуществовании душ, о том, что все они были сотворены сразу, а потом вселялись в тела людей. Говорил некогда и Соломон: **Я был отрок даровитый и душу получил добрую; притом, будучи добрым, я вошёл и в тело чистое (Прем. 8:19–20)**. Учение Оригена церковь на V Вселенском соборе (553 г.) отвергла, однако слова Соломона принимает. Не когда-то заранее, а при рождении душа от Бога входит в тело. Так и Екклесиаст говорит, что Бог **дал его**, имеется в виду: дух дал человеку. Св. Мефодий Патарский прямо говорит о «нисхождении и вселении душ с небес в тела» [44; Пир десяти дев, Речь 2, гл. 5]. Иные думали, что душа человека рождается от душ родителей. словами Екклесиаста *блж. Иероним* возражает такому учению: **«Возвратится прах в землю свою, откуда взят, а дух возвратится к Господу, Который дал его**. Из этих слов оказываются весьма достойными смеха те, кои думают, что души сеются с телами и рождаются не от Бога, а от душ родителей. Ибо если плоть возвращается в землю, а дух возвращается к Богу, Который

дал его, то очевидно, что Бог есть производитель душ, а не люди» [64; 12, 1–8]. Есть душевная наследственность от родителей, через это и грех передаётся, но сам дух даётся Богом.

Прп. Иоанн Кассиан Римлянин так же, как и блж. Иероним, на основе слов Екклесиаста учит, что тело человека происходит от родителей (не без действия Божия), а дух даётся непосредственно Богом, то есть плоть от плоти, а дух от Бога. На основании этого расклада и строится духовная жизнь человека. *Прп. Иоанн Кассиан*: «Екклесиаст, показывая природу плоти и души, начало и происхождение, то есть откуда та и другая произошла, к какой цели та и другая стремится, и рассуждая о разлучении души от этого тела, говорит: **И возвратится прах в землю, где он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его.** Что можно сказать яснее того, что вещество плоти, которое назвал перстию, потому что от семени человека получила начало, при посредстве его посеяна, как взятая от земли, опять возвратится в землю; а дух, который не зарождается от сокопления того и другого пола, а присвоается единственно одному Богу, к Виновнику своему и возвратится» [67; Собеседование аввы Серена 8-е, гл. 25]. В этом учении суть христианской антропологии. Плоть и дух возвращаются в своё исходное состояние, в свою первичную стихию. О воскресении мёртвых Екклесиаст ещё ничего не знает.

Батюшка спрашивает врача-анестезиолога:

– Что есть смерть?

Врач, работающий в отделении реанимации, многожды видевший смерть и профессионально занимающийся вопросом жизни и смерти, отвечает:

– Смерть – это когда начинаются необратимые процессы распада жизнедеятельности организма.

С этим спорить невозможно – да, это так. Но что же происходит, в результате чего начинаются эти самые необратимые процессы?

Наука молчит.

Ангел Божий, ангел смерти приходит за душой (Откр. 6:8; Лк. 16:22). Дух разделяется с телом. Тело человека от земли взято, в землю и возвращается. Бог сказал Адаму: будешь жить и трудиться, **доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты и в прах возвратишься** (Быт. 3:19). Тело, оставленное духом, превращается в прах, жизненной силы в нём больше нет. Ведь человек стал **душею живою**, только когда Бог вдунул в лицо человека **дыхание жизни** (Быт. 2:7). И отходит от тела в момент смерти именно дух (дыхание) נִשְׁמָה (руах). Общепринято верить и считать в церкви, что отходит душа. Многие святые

отцы дух и душу не различают, считают за одно. Однако, согласно Писанию, дух и душа различаются. Выразить догматически точно это различие сложно. Св. арх, Лука (Войно-Ясенецкий), хирург и профессор медицины, сводит душу человека к его психофизической природе. Психофизическая деятельность в момент смерти прекращается. Тело уходит в землю, рассыпаясь в прах, дух, как неразрушимая субстанция, возвращается к Богу, Который и дал его. Вот тогда и начинаются необратимые процессы и для тела, и для духа. Тело, становясь трупом, распадается. Дух переходит в бессмертие, в вечность. раскрывают свои врата вечная жизнь и вечная гибель, а решается всё пред Богом и Богом.

Мысль философа, мысль нищего странника, мысль великого царя-мудреца дошла до последней черты напряжения. Горизонт. Дальше не видно ничего. Ветер уныло проносится над могильным холмом. Тело вернулось в землю. Дух – в запредельных высотах, там, где Бог.

А что со смыслом жизни?

Еккл. 12:8 Суета сует, сказал Екклесиаст, всё – суета!

Круг замкнулся. Начальные слова книги оказались и конечными. Еккл. 1:2 и Еккл. 12:8 – одно и то же. *Блж. Иероним*: «Изобразив смерть человеческую, прекрасно повторяет начальные слова своей книги и говорит: **Суета сует, сказал Екклесиаст, всё – суета.** Ибо, если весь труд смертных, о котором рассуждалось во всей этой книге, сводится к тому, что прах возвращается в землю свою, а душа возвращается туда, откуда взята: то трудится в веке сем и добиваться того, что не принесёт никакой пользы, – дело великой суеты» [там же]. Мучительно следуя за философом, мы вместе с ним искали и ждали, ждали и надеялись, ища итрон, нечто высшее и остающееся, ища смысл жизни и цель. Неленостно прошли по всему крушу жизни, по всему, что только бывает. Погнались за ветром, ветер и поймали. Вокруг был пар, вокруг пар и остался.

Потрясающая книга. Великая книга. Страшная книга. В этой жизни и вся эта жизнь – суета сует всё суета. Всё, что ты делаешь – томление духа, погоня за ветром. Линия горизонта замкнулась в круг.

Круг бессмысленности этой жизни, круг суеты сует, который **кружится, кружится на ходу своём** и вновь **возвращается... на круги своя.**

А что же наши семь временнообязанных мужиков? С поисков «кому на Руси жить хорошо» – вернулись? Что выходили?

Кому жить-то хорошо?

– Видать, попу!

Да, встретившись с попом, мужики бедному Луке, завистливо

глянувшему было на поповское житиё, чуть бока не намяли.

И уж вовсе не лучше тому, о ком и в книжечку записали:

В деревне Босове

Яким нагой живёт,

Он до смерти работает,

До полусмерти пьёт!

Добравшись и до помещика,

Крестьяне добродушные

Чуть тоже не заплакали,

Подумав про себя:

«Порвалась цепь великая,

Порвалась – расскочилась:

Одним концом по барину,

Другим по мужику!»

Ну, так кому же жить-то хорошо на Руси?

Наследники с крестьянами

Тягаются доднесь.

Влас за крестьян ходатаем,

Живёт в Москве... был в Питере...

А толку что-то нет!

– А толку что-то нет, – повторили помещик и чиновник.

– А толку что-то нет, – вторят поп и купец.

Боярин и царь шепчут то же самое.

А толку что-то нет!

Всё пар, всё суета сует. Мужики временнообязанные, вы бегали за ветром. Вы искали «покой, богатство, честь», – а толку что-то нет!

Эхом из веков и тысячелетий, из хоромов и лачуг перекликается:

– А толку что-то нет!

Вновь бессмысленно замкнулся круг и **кружится, кружится на ходу своём**. А в центре пустое сердце философа-царя и философа-мужика, ведь толку всё что-то нет!

Толкование второе – духовное

Толкователь Екклесиаста *Дидим Слепец* находит в символическом изображении старости образы духовной жизни человека [47; 12, 1–6].

Старость у Соломона названа **тяжёлые дни**, или точнее с оригинала: **злые дни** (Еккл. 12:1). Дидим пользуется греческим словом *какíας*. **Тяжёлые** или **злые** дни – это **худые** дни. Духовный смысл *Дидим Слепец* находит такой – помни своего Творца, служи Ему, **доколе** – или лучше: «чтобы» – не наступила эта самая худость, злобность, противоречащая добродетели. *Дидим* говорит о худости, которая «враждебна благочестию». «Пока ты восприимчив к благочестию и худости (злости), то не ожидай худости (гадости), не готовься к ней». Опыт показывает, что устойчивое пребывание в грехе лишает человека чувствительности к различению добра и зла. Жизнь в нераскаянности делает человека порой неспособный к покаянию. Некоторые старики и умирающие не могут покаяться, хотя им и предоставляется такая возможность⁸⁷. *Какíας*, или худость, рассуждает Дидим, может означать наказание. В таком случае он выстраивает свою мысль так: «Прежде чем придёт наказание, худость, делай, что я тебе говорю, чтобы когда придёт наказующее повреждение, оно не нашло тебя виновным».

Еккл. 12:1 ...доколе не пришли тяжёлые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: «нет мне удовольствия в них!»

У *Дидима Слепца* эти слова звучат так: **И наступят годы, в которые ты скажешь: Моё желание в них не выполняется.** В дни воздаяния исполняются желания благочестивых, «ведь они желают войти во вкушение обетований». Желания же нечестивых в те дни выполняться не будут, «и кто желает, когда гнев [Божий. – Г. Ф.] обрушится, сгореть?»

И далее в конкретных образах старости *Дидим Слепец* находит указания на недостатки и несовершенства в духовной жизни.

Еккл. 12:2 Доколе не померкли солнце и свет и луна и звёзды.

Дидим: «Пока мы в этой жизни и непоколебимо обладаем свободной волей, можем быть осияны **солнцем правды** и **светом истинным, луной и звёздами**. Под **луной** можно иносказательно понимать учение церкви. Ибо относительно **Солнца правды** [Христа. – Г. Ф.] **луна** [как отражённый свет. – Г. Ф.] может означать научение... Соответственно этому понимай под **звёздами** ангелов, чрез которых Бог возвещает своё слово» [там же]. «**Померкли**, имеется в виду в тебе» – сами светила не исчезают, это мы становимся недостойными быть освещёнными светом

истины.

Еккл. 12:2 Доколе... не нашли новые тучи вслед за дождём.

Дидим "Под **тучами** часто обозначали распорядителей духовного дождя – людей ли ангелов. Они, правда, возвращаются **за дождём**, но уже не изливают никакого дождя, ибо это не приносит уже никакой пользы, чтобы после этого шёл дождь» [там же]. Был дождь, тебе была дана благодать, но ты не явил плоды Духа. После этого раздаятели благодати (люди и ангелы) приходят ещё, но тебе не подают уже никакой благодати, да в этом и не было бы никакой пользы – ты всё равно не плодоносишь.

Еккл. 12:3 В тот день, когда задрожат стерегущие дом.

Дидим Слепец рассуждает: «Церковь может быть **большим домом**, и так же мир.

Стерегущие этого **дома** те, кто поставлены его стеречь, ангелы или учителя. Если под **домом** ты понимаешь церковь, то это учителя. Но им следуют и ангелы... Вопрос: Когда же они **задрожат**?

Ответ: Наступило накопление [предел. – Г. Ф.] пороков в тех, кого стерегут. **Стерегущие** оставят их, даже если они совершенные учителя или ангелы» [там же].

Еккл. 12:3 ...и перестанут молоть мелющие...

Дидим Слепец рассуждает относительно церковной жизни. Кто такие мелющие? Это те, «кто по церковным правилам слова Божии, то есть семя, различают, готовят питательные хлебы и приносят чистую муку к жертвеннику» [там же]. Это учителя церкви. Они **перестанут молоть**, по Соломону, **потому что их немного осталось**. Дидим объясняет это своеобразно. Это произошло не по причине учащих, а по причине невосприимчивости к Слову Божию учащихся. Мало учителей, потому что мало учащихся. «Насколько это вас касается, то это вы сделали их **немногими**, сделали их не востребованными» [там же]. Прп. Серафима Саровского спросили:

– Почему ныне мало старцев-наставников?

Подвижник ответил:

– Это потому, что ныне мало послушников!

Мало слушающих – мало учителей.

Еккл. 12:3 ...и помрачатся смотрящие в окно.

У Дидима Слепца используется не слово «окно», а «щель» (ὀψαῖς), или «отверстие».

Духовно толкуя слова Екклесиаста, Дидим Слепец находит четыре символических значения для **окна (щели)**.

Первое значение **окна** – чувства человека. **Смотрящие в окно** – это

души, воспринимающие мир через свои органы чувств. Чувства затемнены грехом, а души «лишены возможности точного чувственного восприятия» мира. позднейшие святые отцы назовут это состоянием прелести, некоей духовной неадекватности, скажем языком психологии.

Второе значение **окна-щели** – взгляд на Писание, его разумение. В результате оскудения учителей **затемняется взгляд на Писание**.

Третье значение **окна** – несовершенная познавательная способность человека в этой жизни. «Ибо если они [окна. – Г. Ф.] по мере нынешней возможности восприятия затемнены, то в действительности они тем лучше увидят всё, когда то, что **отчасти, прекратится** (1 Кор, 13:10), когда несовершенная щель упразднится, потому что большое отверстие явится» [там же].

Четвёртое значение Дидим Слепец извлекает из того, что слово *ὁλαῖς* может быть и во множественном числе – *ὁλαῖ*. Если **окно** единственно, то человек взирает на единую истину. Многие окна – различные заблуждения.

Еккл. 12:4 И запираются будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова.

Дидим Слепец: "**Двери на улицу** – это двери премудрости. Двери на улицу будут затворены, когда место научения будет убрано» [там же]. Люди лишаются таким образом вразумления Божия.

Это пройдёт, **когда замолкнет звук жернова**, голос духовных учителей.

Еккл. 12:4 ...и будет вставать человек по крику петуха и замолкнут дочери пения;

У Дидима Слепца говорится о крике не петуха, а воробья (τοῦ στρουθίου). **Воробей** у Дидима иносказательно означает «Спасителя в его человеческой природе», или «любого учителя», претворяющего слова Иисуса в дела, или «истинную весть», или «зов к воскресению» (здесь смысл уже эсхатологический). Всё это служит к духовному, а последнее – к телесному **восстанию человека**.

Дочери пения, по Дидиму, голос «не духа, не мудрости, не знания, не света». **Дочерьми** они названы по «изнеженности» и «преходящести», они не мужественны. Эти плотские учителя будут «петь» только до **крика петуха**. При голосе Господа или истинных учителей они замолкнут. Да молчит всякая плоть человеческая – се, грядёт Царь славы.

Еккл. 12:5 и высоты будут им страшны.

У Дидима это звучит так: **И они будут взирать с высоты**.

Дидим Слепец: "Если кто **взирает с высоты** после того, как он достиг

высоты, то его сердце высоко, высоко его помышление» [там же]. Это как апостол Павел учит: **О горнем помышляйте, а не о земном** (Кол. 3:2). Горé имеем сердце и оттуда взираем **на дорогу** земной жизни.

Еккл. 12:5...и на дороге ужасы.

Своеобразно, что эти слова Екклесиаста Дидим Слепец рассматривает, как нечто положительное: «Когда эти провозвестники истины бывают возвышены, ужасаются те, которые ещё на дороге; но они уже должны начать восхождение на высоту» [там же]. Новоначальные в подвижничестве, ещё находящиеся на пути, ужасаются величию Божественной истины, ведомой достигшим высоты. Но кто ещё не начал восхождения, тому этот ужас неведом.

Еккл. 12:5 ...и зацветёт миндаль.

И расцветёт мудрость. Миндаль зацветает в Палестине ранее других деревьев, и тем заметнее его цветение. На фоне мирской жизни «превосходящая сила премудрости стала видимой... Человек цветёт, когда он преуспевает в благочестии и преобразует своё тело так, что оно становится подобным Телу Христову» [Дидим, там же].

Еккл. 12:5 ...и отяжелеет кузнечик.

Отяжелеет, согласно Дидиму, «ожиреет», а это бывает при обильном питании. Питание **кузнечика**, или, согласно Дидиму, саранчи – это бедствие для природы. Дидим: «Саранча [или кузнечики. – Г. Ф.] – это образ наказания... Тогда она отяжелеет, когда обильным будет её питание; её питание – это люди, отданные ей» [там же]. Христос дал нам **власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью** (Лк. 10:19), а мы по нерадению своему поддаёмся ей и питаем её.

Еккл. 12:5 ...и рассыплется каперс.

Поскольку цветущие пуски каперса возбуждают плотскую страсть, то время, когда **рассыплется каперс**, – это время, когда благодатью Божией побеждаются плотские страсти и стяжается святая добродетель целомудрия.

Еккл. 12:5 ...Ибо отходит человек в вечный дом свой.

Дидим Слепец: «Это можно и так понимать: ...Когда упразднится всё, что прилипло к человеку достойное порицания, плохое, тогда он идёт в собственное жилище, в свой эон. Этот эон, соответственно, и есть **дом** для человека, сотворённого по образу и подобию Божию, божественное состояние, в которое он перешёл из нынешнего эона» [там же]. Согрешая, человек покидает свой дом, то есть образ и подобие Божие. По пути святости человек возвращается в свой **вечный дом**, то состояние, которое и есть жизнь вечная.

Еккл. 12:5 ...и готовы окружить его по улице плакальщицы.

Плакальщицы – это те души, которые в состоянии плакать и скорбеть о грехе другого человека, тем самым подвигая его к покаянию. *Дидим Слепец*: «Ибо если при грехе одного другой скорбит и ударяет себя в грудь, то первый, конечно, скажет: «Если этот из-за меня скорбит, то и я должен это делать» [там же].

Еккл. 12:6 Доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем.

Символические образы смерти, приведённые Екклесиастом, описывают и состояние духовной смерти, в которую через грех попадает душа.

Серебро означает Слово Божие. Так у псалмопевца: **Слова Ягве – слова чистые, серебро, очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное (Пс. 11:7)**. **Серебряная цепочка** – учение церкви. Ереси разрывают эту цельную цепочку божественных слов и догматов и тем духовно умерщвляют душу. Апостол Павел называет ересь делом плоти и предостерегает: **Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют (Гал. 5:19–21)**! *Дидим Слепец*, толкуя соломонины слова, говорит: «До тех пор, пока **серебряная цепочка** действительна» [там же]. Когда **серебряная цепочка** Слова Божия и его православного понимания перестаёт быть действительной, тогда душа умирает.

Разорвалась серебряная цепочка Слова Божия, и **раскололась золотая чаша**. По *Дидиму Слепцу*: "Если под **серебром** понимать выраженное⁸⁸ Слово, то под **золотом** надо здесь понимать мысль, значение его» [там же]. Серебро и золото – буква и смысл (дух) Писания. Разрывается одно, раскалывается другое. Повреждено Писание – искажены догмат и благочестие.

Можно рассудить и иначе. **Порвалась серебряная цепочка** богооткровенного учения, **раскололась и золотая чаша** – утрачена истинная Евхаристия, нет подлинного причастия Тела и Крови Христовой. С **золотой чашей** в руке один католический священник (Менно Симонс) усомнился в подлинности Тела Христова и Его Крови. Золотая чаша разбилась... Последователи реформатора лишены Божественного дара.

Еккл. 12:6 ...И ...разбился кувшин у источника.

Дидим Слепец напоминает, что Ревекка напоила жаждущего слугу Авраама, почерпнув воду кувшином, сама же она пила непосредственно из источника. Иносказательно *Дидим* говорит, «что **познание отчасти** и

пророчество отчасти (1Кор. 13:8–10) есть тот **кувшин**, который был наполнен из источника. Когда **то, что отчасти, прекратится, разобьётся кувшин**» [там же]. Теперь Господь Сам даёт воду живую, наполяет жаждущих, а уверовавших делает источниками **рек воды живой** (Ин. 7:38–39). И всё это говорится о Духе Святом. Самарянка оставила теперь уже ненужный кувшин у колодца и поспешила в город, чтобы и её сограждане испили **воду, текущую в жизнь вечную** (Ин. 4:14). Как часто и мы, самоограничиваясь тем, что отчасти, страшась отпустить или даже разбить (!) кувшин ветхости, не припадает к живительному **источнику** Духа Святого! Зубы стучат о кувшин, а в нём иногда только на доньшке, рядом же Сам источник – Христос, крестящий нас Духом Святым. Призванные **ревновать о дарах духовных** (1Кор. 14:1), мы можем их иметь. Сам Дух Святой, подаваемый Господом, освящает нас, очищает от греха, плодоносит обильно, творит молитву, говорит иными языками, пророчествует, преобразует нас в новое творение Божие, соделывает причастными Божеского естества (2Пет. 1:4).

Еккл. 12:6 ...И ...обрушилось колесо над колодезем.

Сначала Дидим Слепец толкует эти слова подобно предыдущим. Если появляется возможность пить непосредственно из **колодца**, то зачем и **колесо**?!

Далее Дидим позволяет себе и христологическое осмысление этих слов. Слово *λάκκων* может означать не только «колодец», но и «яму». Дидим отмечает, что этим словом Писание часто называет преисподнюю. Иисус как человек был распят, положен во гроб, а душою сошёл во ад. Это и означает, что **обрушилось колесо над колодцем**.

На этом и заканчивается дошедший до нас отрывок текста Дидима Слепца с его толкованием на книгу Екклесиаста, а мы прощаемся с этим древним удивительным толкователем всего Священного Писания. Воистину, **Господь умудряет слепцы!**

И что же? Эта замечательная духовная аллегория александрийского учителя, к которой мы приложили и свои размышления, благочестива и истинна.

Но это была всего лишь аллегория.

Едва ли о ней думал Соломон.

Великий мудрец, царь и нищий странник слышал, как разбилось на дне колодца обрушившееся водоподъёмное колесо. Рядом с колодцем валялись осколки кувшина и золотой чаши. В траве серебром поблёскивали рассыпавшиеся звенья порванной цепочки. Философ видел конец, он не постигал его смысл. Вокруг него была суeta суeta, всё было

непрочно, как пар.

Всё – суета!

И добавить к этому он не мог ничего.

Толкование третье – историческое

Образ юности и старости, так ярко начертанный Екклесиастом, иудейские толкователи с глубокой древности прилагали к своей истории. Детали толкований местами различаются, тот или иной образ прилагался к различным событиям и лицам, однако общая картина у всех одна. Дни юности – расцвет Израиля, старость – его упадок и плен.

Историческое толкование приводится в *мидраше Эйха Раба*, на него ссылается *Раши* [23; 12, 1–8]. Подобное толкование имеется у блж. Иеронима, который взял его также у еврейских толкователей [64; 12, 1–8]. Что касается разорения Израиля и Иерусалима, блж. Иероним отмечает одновременно, как плен Вавилонский и царя Навуходоносора, так и разрушение Иерусалима римлянами во главе с Титом и Веспасианом. Для цельности изложения мы не будем рассматривать римское рассеяние иудеев, а только их ветхозаветную историю.

Еккл. 12:1 И помни Создателя твоего в дни юности твоей.

Юность Израиля – счастливое время Давидо-Соломонова царства и прочих великих царей. Время, когда честь и слава была над народом Божиим. «Пока в сохранности избрание...; пока существует служение левитов, о чём сказано: **Ибо его избрал Ягве, Бог твой, из всех твоих колен** (Втор. 18:5), пока существует царство дома Давидова, о чём сказано: **И избрал Давида, раба Своего** (Пс. 78:70), пока существует Йерушалаим, о котором сказано: **Город, который Я избрал** (1Цар. 11:32); пока существует дом избранный (храм), о котором сказано: **Ныне Я избрал и осветил этот дом** (2Пар. 7:16); пока вы существуете, как сказано: **И тебя избрал Ягве** (Втор. 14:2)» [*Раши*, там же]. Пока всё это есть у тебя, Израиль, **помни Творца своего**, внемли Ему во время благоприятное. Помни Создателя Твоего, **пока не пришли злые дни** – дни твоего изгнания.

А злые дни придут, придёт время, о котором ты, Израиль, скажешь: **Нет мне удовольствия в нём!**

Еккл. 12:2 Доколе не померкли солнце и свет и луна и звёзды, и не нашли новые тучи след за дождём.

Пока не померкло солнце – «это царство дома Давидова, о котором сказано: **И его престол, как солнце предо Мною** (Пс. 89:37). **И свет** – это Тора, как сказано: **Ибо свеча – заповедь, а Тора – свет** (Притч. 6:23). **И луна** – это Верховная судебная палата (синедрион), которая располагалась полукругом. **И звёзды** – это учителя, о которых сказано: И обратившие

многих к правде, как звёзды (Дан. 12:3).

И возвратились тучи после дождя – это бедствие после тяжкого бедствия» [*Раши*, там же]. Пророк Иеремия пророчествовал о бедствиях, которые придут ещё после разрушения храма.

Еккл. 12:3 В тот день, когда задрожат стерегущие дом и согнутся мужи силы; и перестанут молоть мелющие, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в окно;

В тот день, когда задрожат стерегущие дом – «когда удалятся ангелы, стражи храма» [*блж. Иероним*, там же]. не иначе мог быть разрушен храм, как после оставления его ангелами, небесными воинами. Раши замечает к тому ещё: «Это смены священнослужителей и левитов» [там же] – земные ангелы храма.

И согнутся мужи ратные – «и смутятся все самые крепкие в войске твоём» [*блж. Иероним*, там же].

И перестанут молоть мелющие – «когда умолкнут слова учителей» [64]. *Раши* добавляет при этом о более поздних временах: «Это учения великих – раби Акибы, и учение раби Хии, и учение бар Капары» [23].

И померкнут смотрящие – «и померкнут пророки, обычно получавшие с неба свет видений своих» [64].

Еккл. 12:4 И запираются будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать человек по крику петуха и замолкнут дочери пения;

И заперты двери на улицу – «когда заключатся двери храма» [64].

Когда замолкнет звук жернова – «из-за того, что не занимались Торой достаточно. Сказал раби Шмуэль: Сынов Израиля сравнивают с работающими жерновами. Подобно тому, как жернова не останавливаются ни днём, ни ночью, так и здесь: **И размышляй над ним день и ночь** (Нав. 1:8)» [23].

И подниматься он будет от голоса птичьего. Кто будет подниматься? – Навуходоносор со своими халдейскими полчищами. Какая птица поднимает его?

Блж. Иероним приводит мнение, что это пророк Иеремия: «И придёт халдей, накликаемый голосом Иеремии, как бы пением птицы» [64].

Раши приводит слова некоего раби Леви: «На протяжении восемнадцати лет раздавался глас с неба и грозно взывал он во дворце Навуходоносора: «Нерадивый слуга! Иди, разрушь дом твоего Господа, потому что сыновья твоего Господа Ему не внемлют!» [23].

Голос, который, согласно преданию, слышал Навуходоносор, говорит то же самое, к чему сводилось пророческое слово Иеремии, обращённое к

иерусалимлянам.

И замолкнут дщери пения – «хоры поющих в храме» [64]. Ещё Давидом установленное пение умолкло. В разрушенном Иерусалиме уже никто не слышал хоры поющих. Не слышно их было и в земле Халдейской. **Там пленившие нас требовали от нас слов песней и притеснители наши – веселья: «Пропойте нам из песней Сионских». Как нам петь песнь Ягве на земле чужой?.. (Пс. 136:3–4).**

Еккл. 12:5 И высоты будут им страшны, и на дороге ужасы; и зацветёт миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы.

И от высоты убоятся и устрашатся на пути. Раши передаёт эти слова даже так: **Вышнего будут бояться.** Эль Элион – Всевышний Бог Израиля внушит страх даже грозному завоевателю Навуходоносору. Он ощущает разницу между прочими покоряемыми им землями и этой. Он чувствует, что вступил во владения Всевышнего Бога. Ему ведомы поражения прежних завоевателей этой Земли, но он идёт, ибо на сей раз он – орудие в руках всевышнего. *Блж. Иероним:* «В то время, когда приходящие в Иерусалим, даже самые враги, убоятся величия Божия и устрашатся гибели Сеннахирима на пути сомнительном» [там же]. По летописям Навуходоносор мог знать о том страшном поражении, которое потерпели войска Сеннахирима сто лет назад здесь, у стен Иерусалима, не от рук воинов иудейских, а от ангела Божия. Раши: "**Вышнего будут бояться** – Всевышнего над миром будет страшиться сердце его, как бы Он не содеял с ним, что сделал с предшественниками. **И страхи на пути** – потому стал он просить знамений и знаков, успешным ли будет тот путь, по которому он пойдёт, как сказано: **Царь Вавилонский остановился на распутье, при начале двух дорог, для гаданья; трясёт стрелы, вопрошает терафимов, рассматривает печень...** (Иез. 21:21)» [там же]. Страх объял Навуходоносора, приближающегося к святому городу. Подобное будет позднее происходить с дальнейшими покорителями Иерусалима – Александром Македонским, римским полководцем Помпеем. Не ведавшие страха железные мужи – Навуходоносор, Александр Македонский, Помпей испытали страх Божественного Присутствия.

И зацветёт миндаль. Раши: «Произрастёт пророчество Иеремии, который сказал: **Вижу жезл миндального дерева** (Иер. 1:11)» [там же]. С этого началось пророчество Иеремии – пророка, возвестившего падение Иудеи и Иерусалима. Он призывал царей Иерусалима подчиниться Навуходоносору. Миндальное дерево зацвело, Иеремия пророчествовал, но

Иерусалим не слышал, устремляясь к своей гибели. И всё это потому, что **отяжелеет кузнечик и рассыплется каперс** – нарушится «содружество Бога с Израилем» [64]. **Рассыпался каперс** – ослабло и исчезло влечение народа Божия к Богу своему.

Ибо отходит человек в вечный дом свой... Раши толкует, что **человек** – «это сыны Израиля». Так у Иезекииля: **Вы – человеки, а Я – Бог ваш, говорит Ягве Бог (Иез. 34:31)**. "В свой извечный дом – из Вавилона пришли они, в Вавилон возвратились. Фара, отец Авраама, был из Заречья». В Авраамовых чреслах Израиль вышел из земли Вавилонской и пленником при Навуходоносоре вернулся туда. Вот и **вечный дом!**

И готовы окружить его по улице плакальщицы. Блж. Иероним: «И при отходе его [из Иерусалима. – Г. Ф.] в дом свой [Вавилон] окружают его на улице плачущие и рыдающие, окружённые вражескою осадой» [там же]. Так и ушли в плен оплакиваемые иудеи. Да и там, **при реках Вавилона, там сидели они и плакали, когда вспоминали о Сионе...** (Пс. 136:1).

Еккл. 12:6 доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем.

Веселись, Израиль, и помни Творца своего, **доколе не порвалась серебряная цепочка**, «то есть пока слава ваша с вами, **доколе не разорвалась золотая повязка**, – доколе, то есть, не отнят ковчег завета⁸⁹; пока **не разбился кувшин у источника...** пока во Святом Святых есть заповеди закона и благодать Святого Духа» [64]. Перед разрушением храма, по свидетельству пророка Иезекииля, слава Ягве ушла из Святого Святых на Елеонскую гору (Иез. 10 гл.), **И устремился ворот в колодец** – это Вавилон, дно мира [23].

Так пал Израиль. Так пал святой город Иерусалим.

Еккл. 12:7 И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его.

И возвратится прах в землю, чем он и был. Раши: «Из Вавилона пришли они, в Вавилон возвратились» [там же].

...А дух возвратится к Богу. Раши: «Это Дух Святой. Поскольку он устранился, они подверглись изгнанию» [там же]. Как глубоко раввин-иудей понимает причину упадка Израиля, поражение Иерусалима и храма и отведение народа в Вавилонский плен! И, конечно, в ещё большей мере это относится к ещё большему падению Израиля, когда Мессия пришёл к своим, а свои не приняли Его. Когда остался их дм пуст, а потом Титом и Веспасианом и разорён совсем. И начался не семидесятилетний плен, как

в Вавилоне, а девятнадцативековое изгнание и рассеяние среди всех народов мира.

Соломон! Соломон! Думал ли ты, как многие цари, о том, что будет после тебя? Соломон! – ты вершина истории Израиля, думал ли ты о тех исторических путях и дорогах, которыми пойдёт твой народ? Да и не повторяет ли народ твой твою собственную историю? В Гаваоне ты был осенён крылами Божественной Премудрости. В Иерусалиме слава Ягве вошла в построенный тобою храм Богу Живому. А потом видели тебя в гареме и приносящего жертвы чужим и мёртвым богам. И вот ты стар и сед. Ты в пыли после долгого странствия. В руках твоих остался один только посох странника-философа. На твоём лице исчезает мысль, ты сидишь, как изваяние, а посох беззвучно и машинально чертит в пыли: **Суета сует, всё – суета!**

Страшно.

Неужели вся священная история народа Божия свернулась в этот замкнутый круг суеты мира сего? И закружилась, закружилась в веках на одном месте... Из Вавилона в Вавилон, хотя бы и через Иерусалим.

Толкование четвёртое – эсхатологическое⁹⁰

Церковь Христова, как невеста, ждёт своего небесного Жениха. Ожидание второго пришествия Христова – внутреннее состояние христианина. Среди христианских толкователей книги Екклесиаста возникает эсхатологическое восприятие символического описания вечера человеческой жизни. С экзегетической точки зрения это образец применения метода асмахты. То же самое можно сказать и об историческом толковании текста Екклесиаста. эсхатологическое толкование имеется у св. Григория Чудотворца, св. Кирилла Иерусалимского и отчасти у Дидима Слепца. Поскольку св. Григорий и св. Кирилл создают цельные и достаточно поэтические толкования, то мы ознакомим с ними нашего читателя, приведя их полностью.

Если первые одиннадцать глав св. Григорий Чудотворец фактически просто пересказывает, перелагает, то текст Еккл. 12:1–7 превращается у святого отца в некую эсхатологическую песнь. Как бард, берущий в руки инструмент, извлекает из него мелодичные звуки и прилагает к ним песнь своего сердца, так Неокесарийский Чудотворец святой Григорий взял текст древнего философа-мудреца, извлёк из него звуки и образы и воспел песнь о грядущем Царе.

Св. Григорий Чудотворец:

«Должно же ещё будучи юным бояться Бога, прежде чем предашь самого себя злодеяниям, прежде чем придёт день Божий, великий и страшный, когда солнце уже не будет светить, ни луна, ни прочие звёзды, когда в то время общего бедствия и смятения поколеблются высшие силы, ангелы, охраняющие мир, так что прекратят свою деятельность мужи-вельможи, и женщины перестанут работать и убегут в сокровенные части домов, заперши все двери; женщина, из страха переставшая молоть, подобно самой малой птичке, будет кричать самым тонким голосом, и падут на землю все нечистые женщины из города и их начальство, запятнанное убийством, ожидая наказания свыше, так как настанёт горчайшее и кровавое время, как бы во время цветения миндаля, и будут теснить непрерывные наказания, как бы когда налетает множество саранчи, и будут выброшены прочь незаконные, подобно тому, как чёрный и презренный каперсовый куст. Добрый муж с радостью пойдёт в вечный свой дом; дурные же наполнят всё своим рыданием, и ни серебро, собранное в сокровищницу, ни золото испытанное больше не принесут им пользы, ибо великий удар постигнет всё до кувшина, стоящего у

источника, и колесо колесницы, которое случайно оставлено в колодце, когда положен будет конец течению времён и мимоидёт уготовляемая водою жизнь века, приносящего омовение. Для людей же, находящихся на земле, одно спасение, если души их узнают и возлетят к Тому, Кем они сотворены.

Итак, я снова говорю то, что сказал в начале: очень суетно настроены люди, и суетность замышляемых ими дел такова, что её невозможно и превзойти» [44; 12].

Так более чем через тысячу лет озвучил соломоновы слова св. Григорий Чудотворец.

Св. Кирилл Иерусалимский кратко истолковывает слова Екклесиаста, прилагая к ним новозаветное учение о последних временах и втором пришествии Господа Иисуса Христа.

Св. Кирилл Иерусалимский:

«О сем пришествии Господнем и о окончании мира знал Екклесиаст, и говорит: **Веселися, юноше, в юности твоей; и за сим: Отстави ярость от сердца твоего, и отрини лукавство от плоти твоея. И помяни Сотворшаго тя, дóндеже не придут дние злобы, дóндеже не померкнет солнце, и свет, и луна, и звёзды, и помрачатся зрящие в скважнях** (даёт разуместь силу зрения), **дондеже не превратится уже серебряное** (указывает на сочетания звёзд; потому что они сребровидны) **и не сокрушится повязка золотая** (даёт разуместь сим золотовидное солнце; потому что повязка (ἀνθήμιον) называется из известного цветка (ἀνθεμίς), у которого много кругом лучевидных листовидных отростков). **И восстанут на глас птицы, и от высоты узрят, и ужас на пути.** Что же узрят? Тогда узрят **Сына Человеческого, грядуща на облацех небесных** (Мф. 24:30), и восплачутся **по племенам** (Зах. 12:12). И что же будет в пришествие Господне? **Процветёт амигдал, отолстеют грузи, и разрушится каппарис.** Но, как говорят толковники, цветущий **амигдал** означает окончание зимы. Ибо тогда тела наши после зимы дадут от себя небесный цвет. **И отолстеют грузи;** это – окрылённая душа, облекаемая телом⁹¹. **И разрушится каппарис,** рассеются подобные тернию беззаконники. Видишь, как все предрекают пришествие Господне. Видишь, как знают **глас и птицы.** Какой это глас? – посмотрим: **Яко Сам Господь в повелении, во гласе архангелове, и в трубе Божии снидет с небесе** (2Фес. 4:16)» [77; Слова огласительные, Слово 15, пп. 20–21].

Так удивительным образом христианская эсхатология находит себе место у Екклесиаста. Слова Екклесиаста были изрекаемы Духом Святым, тем Самым, что говорит и в Новом Завете о кончине времён.

А сам Екклесиаст?

Отшумели пиры, затворён гарем, обесценилось золото. Стали тени длинней. Тихо окутывали вечерние сумерки уставшую землю. Впереди была ночь. Отяжелел Соломон. Тело клонилось к земле. Пахло сыростью. Душа стремилась к звёздам, к Тому, Кто её создал, но, уставшая, падала вниз. Ещё не пришёл Спаситель. Едва шепчут уста: суета сует, всё, всё, всё – суета...

И почил Соломон с отцами своими, и погребён был в городе Давида, отца своего (3Цар. 11:43).

Эпилог

Царь погребён. Проповедник умолк. Сказаниями и легендами покрыта личность, судьба и кончина великого Соломона. Многие внимали словам и учению мудреца. Один из его учеников прочитал **Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме**. Прочитал и был потрясён, потрясён Писанием человека, который имел всё и всё перечеркнул **суею суей** и всяческой суетой. Ученик философа дописал послесловие, он хотел что-то пояснить, хотел что-то досказать, чего не сказал Екклесиаст.

Еккл. 12:9 Кроме того, что Екклесиаст был мудр, он учил ещё народ знанию. Он всё испытывал, исследовал, и составил много притчей.

Еккл. 12:10 Старался Екклесиаст приискивать изящные изречения, и слова истины написаны им верно.

Еккл. 12:11 Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого пастыря.

Еккл. 12:12 А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг – конца не будет, и много читать – утомительно для тела.

Еккл. 12:13 Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека;

Еккл. 12:14 ибо всякое дело Бог приведёт на суд, и всё тайное, хорошо ли оно, или худо.

Скорее всего, ученик Екклесиаста и автор «Эпилога» был одним из тех, благодаря кому книга Екклесиаста признана священной и в своё время включена в канон Танаха (Библии). Для этого нужно было как-то оговориться после познавшего тщету и суету всего сущего философа, как-то даже оправдать его и как будто немного поправить. В этом отношении «Эпилог» обращён к человеческой немощи глубоко религиозного человека. Без оговорки «Эпилога» не ровён час книга могла бы быть отвергнута, а в результате и скорее всего – утрачена. Соломон – непростая загадка. И сегодня ещё многие после первого чтения бывают ошарашены – что делает в Священном Писании «Песнь Песней» и как понять Екклесиаста. Неумелое чтение последнего доводит одних чуть ли не до материализма, других до деизма, а третьих ввергает в пессимизм. С другой стороны, книга Екклесиаста ведёт человека к осознанию суетности этого мира и заставляет его искать Бога. Однако оставим пока свои рассуждения и послушаем автора Эпилога.

Еккл. 12:9 Кроме того, что Екклесиаст был мудр, он учил ещё народ

знанию.

Соломон получил от Бога мудрость в Гаваоне. Сам он просил мудрости не чтобы умничать, **а чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло (3Цар. 3:9)**. Однако этим дело не ограничилось – он получил и **знание**, благодаря которому **говорил он о деревьях, от кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены** (ботаника); **говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах** (зоология) (3Цар. 4:33). Предание свидетельствует, что Соломон знал языки птиц, животных и демонов. Как бы то ни было, Соломон не только **был мудр** и праведно судил людей, но **он учил ещё народ знанию**. Именно это послушать приходила из Аравии царица Савская. Екклесиаст – учитель Израиля.

Раши понимает слова Эпилога так: «**А сверх (того), что был Собиратель⁹² мудр**. И сверх изложенного в этой книге был Собиратель мудр» [23; 12, 9–14]. Сказанное в Екклесиасте – это ещё не всё, что он говорил народу. Нельзя брать сказанное в этой книге обособленно, брать надо вместе, что говорил и чему учил мудрейший царь.

Своеобразно понимал слова Эпилога св. Григорий Чудотворец, к тому же святой отец вкладывает их в уста самого Екклесиаста: «Я же, проповедуя мудро, предпринимаю слишком большой труд, потому что имею намерение учить этот народ, которого нельзя ни научить, ни излечить. Для того, чтобы быть в состоянии уразуметь речи мудрости, нужен муж благородный» [44; 12]. непосильный труд – научить народ, не желающий учиться. Блж. Иероним, как и св. Григорий Чудотворец, вкладывает слова Эпилога в уста самого Соломона.

Екклесиаст не только мудрец и публичный проповедник, он ещё и учёный исследователь Божественной премудрости, её искатель и собиратель, а также писатель, полагавший эту мудрость на письмена.

Еккл. 12:9 ...Он всё испытывал, исследовал, и составил много притчей.

Еккл. 12:10 Старался Екклесиаст приискивать изящные изречения, и слова истины написаны им верно.

Видно, что Екклесиаст писал не как пророки, имевшие видения и откровения и слышавшие голос Божий. Он **испытывал, исследовал, составлял, приискивал**. В Новом Завете так говорит о себе евангелист Лука, который тоже **тщательно исследовал и по порядку описывал** (Лк. 1:1–4). Дух дышит, где хочет – и исследовательские писания могут быть богооткровенными.

Испытывал, исследовал – это можно отнести к самой книге

Екклесиаст. **Составил много притчей** – в Библии есть книга Притчей Соломоновых. Сказано также, что **он изрёк три тысячи притчей**. Кроме того, Екклесиаст **приискивал изящные изречения** – возможно, это относится к Песне Песней, а всего **песней его было тысяча и пять**.

Имеются и позднейшие писания, приписываемые Соломону – книга Премудрости Соломона, восемнадцать од Соломона. Возможно, и эти тексты имеют отношение к Соломону.

Отметив многочисленные труды Екклесиаста, автор Эпилога твёрдо заверяет: **И слова истины написаны им верно**. Это тот вердикт, то решение, которые подтвердила и ветхозаветная синагога, и христианская церковь. Слова книги Екклесиаста **истинны и написаны им верно**. Это Слово Божие. Нам же надо потрудиться, чтобы уразуметь их, чтобы уразуметь, что Бог устами Екклесиаста говорит нам.

Раши отмечает, что слово **и внимал** буквально означает «делал уши», то есть «рукоятки». Екклесиаст «как бы «делал уши», рукоятки для Торы. Для сравнения приводят такой пример: у короба не было ручек, чтоб за них держать, и некто ручки приделал» [там же]. Можно обобщить – все книги Ветхого Завета суть некие ручки к коробу Торы.

Раши находит, что исследования Екклесиаста относятся к Торе. **Изящные изречения** – «это установление, полученное Моше с Синая», а «**писание прямое** – это Тора (Учение письменное) и книги пророков» [там же].

Св. Григорий Чудотворец находит в этих словах Эпилога указание на поиски Соломоном путей богоугождения, «чтобы посредством исследования тайн истины найти угодное Богу» [там же].

Блж. Иероним отмечает, что Екклесиаст «не удовлетворялся правилами древнего закона, но погружался далее в глубокие вопросы и для наставления народа составил притчи и иносказания... Кроме этого, хотел постигнуть причины и сущность вещей, намерение и разум Божий... Силился постигнуть теперь в настоящей жизни, чтобы истину, ведомую одному Богу, обнял ум человеческий, заключённый в оболочке тела» [64; 12, 9–14]. Эти дерзновенные потуги Екклесиаста мы видели, следуя слово за словом по его книге. Он очень хотел постичь тайну бытия Божия и Его промысла в этом мире, но не смог. Он постиг суетность этого мира и жизни в нём, а смысл ему так и не открылся, ведь он «ведом одному Богу». И сколько ещё умов и до, и после Соломона силились это сделать. Они тоже не смогли, но им казалось, что они что-то постигли и учили этому других, часто вводя их в заблуждения. Екклесиаст был предельно честен, не слукавил. Тайну Божию не постиг его бренный, хотя и мудрый ум – но

никто ярче него об этой самой бренности не сказал. Всё суета сует, **и слова истины** (об этой суетности) **написаны им верно**. Конфуция, Заратустру, Платона и иных надо править, а у Соломона править нечего. Радостную же весть о ведомом единому Богу принесёт иной и истинный Екклесиаст из Назарета.

Сказав о философе Танаха, автор Эпилога слышит в сердце своём слова его речей. О, какие это были слова!

Еккл. 12:11 Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого пастыря. לַנִּבְרָכִים (кадарбонот) означает «стрекало» (острия, иглы) погонщика, которым он погоняет и держит в борозде быка при пахоте. Синодальные переводчики переводят «как иглы». **Как вбитые гвозди** может означать буквально гвозди, или же, сопоставив со стрекалом и пастырем, – «вбитые колышки». Такой перевод даёт А. Графов: **Речи мудрых – это стрекало, и собранные пословицы, как колышки, вбитые одним пастухом.**

Пастух направляет и ограждает своё стадо.

Так или иначе – говорится о силе воздействия **слов мудрых**, под которыми в первую очередь понимаются слова Екклесиаста.

Утончённы и остры слова мудрых, нет в них ничего грубого и тупого. Эти слова причиняют боль, **как иглы**, но тем и направляют на истинный путь. Слова мудрых мощны **и как вбитые гвозди**. Тут уж ничего не изменить, и сам ты определён на своё место. Таковы слова Екклесиаста, так говорили пророки. Так говорили бесстрашные обличители неправды, таковы бывали слова юродивых и блаженных во Христе. Грозному царю Московии блаженный Николай Псковский подаёт Великим постом кусок сырого мяса. Царь возмущённо и смущённо отказывается:

– Сейчас пост, я мясо не ем.

А юродивый:

– Иванушка! Мясо не ешь, а кровь-то пьёшь.

Так пригвоздил блаженный немилосердного проливателя крови на Руси. **Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные** (Евр. 4:12).

Составитель эпилога **заботится о признании слов Екклесиаста словами священными. Он говорит о составителях**, или, буквально, о **мужах собрания**. Кто эти мужи собрания и составители слов мудрых? Может, это были те мужи, которые собирали свитки священных книг, полагая их у ковчега завета во Святом Святых, а, может, и мужи Великой синагоги, составлявшие канон Танаха. Едва ли мы можем тут что-либо

сказать точно.

Слова мудрых – все от единого пастыря.

Единый пастырь – это Бог. Составитель Эпилога подчёркивает, что слова Екклесиаста и других мудрых Израиля – так же, как и слова пророков, – все от Единого Бога и, приложенные к Торе, – единое слово Единого Бога.

Размыслим и так. Пастырь пасёт единое стадо и собирает овец воедино. Так Бог собрал воедино слова мудрых – они не разбегаются в разные стороны. А вот слова глупых растекаются по древу и их не собрать. Глупец и в одной речи скажет такие слова, которые собрать воедино невозможно. Сколько философов – столько книг, их никто никогда в одну книгу не соберёт. Одно другому противоречит, одно с другим не согласно, одно другому не нужно. Не так у мудрых Израиля, не так у богооткровенных мудрецов и пророков Библии. Семьдесят семь книг, более сорока пяти человеками написанные в разные времена за полторы тысячи лет, собраны в одну книгу!

Составитель Эпилога явно хочет сказать, что порой столь странные слова Екклесиаста – одно со словами Торы (Закона) и пророков. Это единство слов мудрых продолжается и в новозаветной церкви. Патрологи отмечают «консенсус отцов». Так по-разному говорили святые отцы за двадцать веков, но все их слова от единого ума, ибо все имели ум Христов (1Кор. 2:16). Не так еретики. Сколько ересей и сект, столько не собираемых воедино слов.

Раши поясняет слова Эпилога: «**Речения мудрецов** – они ставили ограду для Торы, чтобы предостеречь и удалить человека от преступления» [там же]. Вообще-то достаточно Торы – в ней всё для Израиля, но оказались нужны и мудрецы. Их слова надёжно хранят человека в исполнении Закона. Подобно и в Новом Завете. Достаточно Евангелия, но святые отцы составляли канонические правила, чтобы сохранить верующих в ограде церкви, чтобы не растеряли Евангелие.

И дальше рассуждает *Раши*: «(Речения мудрецов) **переданы одним пастырем**. Все их речения – речи Бога живого. Он их изрёк, и один пастырь Моше их передал из уст Всемогущего» [там же]. Интересна мысль *Раши*, что для Израиля этим одним пастырем был Моисей, так и в Новом Завете один Пастырь всех – Господь Иисус Христос, добрый Пастырь словесных овец. Моисей передал слова Бога, слышанные им на Синае, а Иисус – Сам есть Слово Небесного Отца.

Св. Григорий Чудотворец: «Я знаю, что наставлениями мудрых души возбуждаются и пронзаются не меньше, чем тела, когда их поражают

воловыми остнами или приколачивают гвоздём. Некоторые, получивши те мудрые уроки от единого доброго пастыря и учителя, преподадут их как бы из единых уст между собою, весьма обильно излагая доверенное им» [там же].

Блж. Иероним также сопоставляет слова Моисея (Тору) и слова Екклесиаста (мудрость соломонову).

"Слова мудрых, как рожны и как гвозди, вбитые вверху; составителям они даны от единого Пастыря. Чтобы не показалось, что после закона Божия он вдруг выступает дерзновенным [дерзким! – Г. Ф.] учителем и принимает на себя учительство, которое и Моисей принял не столько добровольно, сколько сначала вследствие гневного повеления, а потом вдохновения Божия... слова мудрых провозглашаются не во имя авторитета одного, а от собора и с согласия всех учителей. И чтобы не пренебрегали человеческою мудростию, говорит, что она дана от единого Пастыря» [там же]. Так и человеческая мудрость бывает от Бога и не излишня даже после Торы. Эта же мысль переносится далее блж. Иеронимом на новозаветную действительность.

Говорит *блж. Иероним*, согласно Эпилогу, о качестве слов мудрых: «Вместе должно заметить и то, что говорится, что **слова мудрых** колют, а не ласкают, не нежно касаются пороков, но ...согрешающим и медлительным на покаяние причиняют боль и раны» [там же]. Не мягкие подушки, а иглы и гвозди. невозможно, минуя это, познать истину Божию и соделаться причастным Царства Его».

На ранящее свойство слова Божия указывает *св. Василий Великий*, толкуя сорок четвёртый псалом: **«Стрелы Твои изошрёны, Сильне. Изошрённые стрелы Сильного – это меткие слова, которые, достигая от сердца слушателей, поражают и уязвляют чувствительные души. Ибо сказано: Словеса мудрых якоже остны воловыя (Еккл. 12:11)»** [34; Беседа на Псалом 44:6].

О пронзающем действии слов мудрых говорит *св. Григорий Двоеслов* в слове, произнесённом в храме святых Маркелина и Петра на Евангелие от Матфея (*Мф. 11:2–10*): «Впрочем, повествование об Иоанне [Крестителе. – Г. Ф.], что он не одевался в мягкие одежды, по знаменованию может быть понимаемо и иначе. Ибо Иоанн не одевался в мягкие одежды потому, что не имел снисхождения к жизни грешников потачками, но нападал на неё с силою жестокой брани, говоря: **Порождения ехиднова, кто сказал вам бежати от грядущего гнева (Лк. 3:7).** Почему и у Соломона говорится: **Словеса мудрых якоже остны воловии и якоже гвоздие вонзено (Еккл. 12:11).** Ибо слова мудрых сравниваются с гвоздями и бичами потому, что

они не умеют потакать виновным преступникам, но умеют их пронзать» [39; Беседа 6 на Мф. 11:2–10; п. 4].

Сказав об Екклесиасте, о мудром учителе, автор Эпилога обращается, возможно, к своему ученику и в лице его – ко всем будущим читателям книги Екклесиаста.

Еккл. 12:12 А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг – конца не будет, и много читать – утомительно для тела.

Прославлены **речи мудрых**, и кто-то захочет их продолжить. А почему бы и нет? Разве нет и у меня мудрости? Разве нет книг, осенённых Божественной Премудростью – почему бы не расширить Танах да и всю Библию? К тому же, разве не могу и я нечто добавить к книге Екклесиаста? Разве нет и у меня соображений по поводу поднятых им вопросов? Если не поленился писать царь, почему бы не поупражняться в этом и мне?

Составитель Эпилога урезонивает по поводу того, **что сверх всего этого**. Выслушаем его мудрый совет. Да, действительно, можно и ещё что-то написать и добавить, но не нужно. Всё надо вовремя закончить. **Берегись составлять много книг** – берегись многословия, не в нём мудрость. Составлять много книг – **конца не будет**. Нередко человек говорит, когда уже всё сказано; пишет, хотя новых мыслей уже нет. Увеличивается объём написанного, а содержимое не прибавляется. Это болезнь графомании. Предостережение даётся не только пишущему, но и читающему. **Много читать – утомительно для тела**. Проглатываются книги читателем – в уме не прибывает, сердце не очищается, только **утомительно для тела**. Очки, хилое тело – да и только. И как своевременно это теперь, в эпоху информационного взрыва, когда компьютер по сравнению с книгой ту древнюю проблему умножил в десятки, сотни, тысячи раз.

Кто-то из учеников евангелиста Иоанна приписал к Евангелию слова, подобные тем в Эпилоге к Екклесиасту: **Многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг (Ин. 21:25)**. Но делать это уже не нужно. Написанного достаточно, **чтобы вы уверовали и... имели жизнь вечную (Ин. 20:30–31)**, а написанного Екклесиастом достаточно, чтобы осознать, что всё в этом мире суeta суeta и томление духа. Можно вспомнить и более строгое предостережение в конце Апокалипсиса Иоанна Богослова: **И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того**

наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей... (Откр. 22:18). Прилагать что-либо к книге Екклесиаста тоже не стоит, чтобы не преумножать суетной пустоты жизни своей.

Раши подтверждает, что не следует писать сверх «прямых речей истины, изложенных в книгах, названных выше» [там же]. Однажды один пишущий и ещё более читающий иеромонах сказал: «Иногда хочется убрать все книги и оставить одну Библию!»

Раши распространяет предостережение Эпилога и на само Священное Писание: **«И углубление чрезмерное** – утруждение плоти. Когда занятие Учением и накопление мудрости превышает возможности разума воспринимать, такое людей изнуряет своей непостижимостью» [там же]. Своя мера и в чтении, и постижении мудрости Торы, да и всего Писания.

Св. Григорий Чудотворец: «Но во многих речах нет никакой пользы, и я не советую тебе, о друг, записывать бесполезное относительно обязанностей, в котором нет ничего больше, кроме напрасного труда» [там же].

Блж. Иероним: **"И сверх сего, от этого, сын мой, берегись: составлению многих книг нет конца, и многое размышление – труд для тела.** За исключением тех слов, которые даны от единого Пастыря и одобрены собором и согласием мудрых, не делай ничего, не принимай на себя ничего... В противном случае, если ты будешь искать много, то явится бесконечное множество книг, которое тебя самого увлечёт в заблуждение и заставит напрасно трудиться читателя» [там же]. Святой отец воспринимает предостережение Эпилога в контексте богооткровенности Писания и консенсуса отцов и учителей. Не выходи из этих пределов, и не будешь трудиться напрасно и других не подвигнешь на напрасный труд.

Св. Василий Великий пишет в 377 году письма к западным церквям, предостерегая от заблуждений, которые встречаются на востоке не у ариан, а в самой православной среде. Это пример нарушения того, о чём говорит блж. Иероним. Св. Василий именует таких борзописцев поимённо. Сначала сказал о Евстафии из Севастии. «Вторый по нём Аполлинарий; и он немало причиняет огорчения церквям. Ибо при способности легко писать, имея язык, готовый свободно говорить о всяком предмете, наполнил он вселенную своими сочинениями, не вняв осуждения того, который говорит: **Хранися творити книги многи (Еккл. 12:12).** А во множестве, без сомнения, как допущено им много и ошибок... так есть у него и богословские рассуждения, основанные не на доказательствах из Писания, но на человеческих началах» [36; Письмо 255, К западным]. Так

доблестный борец за православие с арианами епископ Аполлинарий, дар слова которого восхищал даже великого Василия, не воздержавшись в слове, оказался сам в еретиках.

Сущность всего сказанного Екклесиастом – всё суета и томление духа. Можно ли оставлять книгу с такой концовкой? Будет ли это правильно осознано и воспринято? Составитель Эпилога пытается сгладить это впечатление, придав книге благочестивое завершение:

Еккл. 12:13 Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека;

Уверив читателя в суетности всего круга жизни под солнцем, Екклесиаст не мог предложить читателю ничего, кроме некоего усреднённого благочестия и умеренного образа жизни. Наслаждайся всем преходящим, ибо остающегося нет ничего. В конечном счёте – всё погоня за ветром. Составитель Эпилога предлагает нечто иное, он говорит, как имеющий опору в жизни. Для него жизнь не суета, не пар и не погоня за ветром, он знает сущность всего. הכול דבר בוך (Моп дабар га-коль) означает, собственно, некое «заключение всего» или «конец всего сказанного». В немецком переводе: die Summe aller Lehre, то есть «Сумма всего учения» в смысле итога и обобщения.

Каким же видит составитель Эпилога итог, сумму учения Екклесиаста?

Бойся Бога и заповеди Его соблюдай.

Итог – страх Божий, который есть **начало мудрости**. Реализуется это в соблюдении Торы, в **соблюдении заповедей** Божиих. Прекрасная сумма учения, но это уже не книга Екклесиаста, это, скорее, итог много ранее написанных Притч Соломоновых. Это суть благочестия израильтянина, вполне приемлемая и для христианина. Страх Божий и соблюдение заповедей нужны ввиду предстоящего суда Божия.

Еккл. 12:14 Ибо всякое дело Бог приведёт на суд, и всё тайное, хорошо ли оно, или худо.

В этих словах чувствуется живая и крепкая вера. Здесь уже не остаётся и тени того, о чём книга Екклесиаста. Здесь речь вовсе не о том, что **под солнцем**. Здесь нет мук философа, искавшего итрон, нечто остающееся и воистину ценное, да так и не нашедшего. Это не Екклесиаст, это – ответ Екклесиасту.

Бойся Бога, соблюдай Его заповеди, **ибо всякое дело Бог приведёт на суд**. Составитель Эпилога видит эсхатологическое завершение конечных судеб мира. Всякая тварь предстанет пред Богом, испытующем **всё тайное, хорошо ли оно или худо**. Эти слова звучат уже в унисон с

напоминанием апостола Павла: **Каждого дело обнаружится, ибо день покажет... каково оно есть (1Кор. 3:13)**. Это уже не последняя страница книги Екклесиаста, а первая той книги, которую Екклесиаст не писал. Это ответ с наднебесной выси тому, кто искал **под небом...**

Ознакомимся ещё с суждениями отцов и учителей об этих последних словах Эпилога.

В толковании *Раши* мы слышим ответ вопрошающему Екклесиасту.

"Конец речения...: Бога страшись. Что можешь, делай, сердце своё к небесам устремляя» [там же]. Екклесиаста сердце было обращено к тому, что под небесами. **«И его заповеди соблюдай, ибо в этом весь человек. Ибо для этого сотворён человек».** Екклесиаст не нашёл, для чего сотворён человек. Ответ приходит из иных уст.

Прп. Ефрем Сирин передаёт беседу иночествующих братьев о том, что есть совершенство. «Брат ответил ему: Совершенство есть предел всякого слова и всякого дела. Ибо написано: **Конец слова, всё слушай; Бога бойся и заповеди Его храни (Еккл. 12:13)**. Всё же, бывающее с каждым из нас в веке сем, скорбное ли то или приятное, имеет конец, потому и проходит со временем. Но что будет по исшествии из жизни, то бессмертно» [58; с. 233, Слово 103, О подвижнике Иулиане].

Св. *Григорий Богослов*, произнося надгробное слово брату Кесарию, приводит слова Екклесиаста о суетности всей земной жизни. Но такие слова производят скорее смятение, нежели утешение. К чему тогда земная жизнь? Тут святитель обращается к Эпилогу екклесиастовой книги: **«Но конец слова, говорит он, всё слушай, Бога бойся (Еккл. 12:13);** здесь предел твоему недоумению. И вот единственная польза от здешней жизни – самым смятением [суетой. – Г. Ф.] видимого и обуреваемого руководиться к постоянному и незыблемому» [37; с. 172, Слово 7, Надгробное брату Кесарию]. Слова Эпилога указывают конец безысходной суетности этой земной жизни. Просматривается тот берег. Земное же плавание самого Екклесиаста затерялось где-то в туманной мгле суетности житейского моря.

Св. *Григорий Богослов* имел неприятности на архиепископском престоле в Константинополе. Святитель рассуждает о возможных обвинениях в его адрес: «Назовут невеждою? – Я знаю одну мудрость – бояться Бога. Ибо **начало премудрости страх Господень (Притч. 1:1)** и: **конец слова, всё слушай, Бога бойся (Еккл. 12:13)**. Так сказал премудрый Соломон. Посему пусть докажут, что во мне нет страха, и тогда победят» [37; с. 381, Слово 29, О себе самом...]. Вот лучший способ оправдаться от обвинения в невежестве. Начало и конец мудрости – страх

Божий. Это мудрость, которая свыше, не земная (Иак. 3:15).

Блж. Иероним отмечает, что многие писания Соломона были утеряны. дальше он говорит, что если «и эта книга казалась бы достойною уничтожения за то, что учит о суете всех тварей, и всё вменяет ни во что, и предпочитаем всему пищу, питье и преходящие наслаждения, то за эту одну главу она достойна того авторитета, чтобы быть поставленною в числе Божественных книг» [там же]. Это не мнение святого отца, а евреев, у которых он учился. Этим подтверждается, что Эпилог был нужен для признания богодухновенности всей книги. Екклесиасту надо было ответить, чтобы его вопрос был внесён в Писание. «Конец речей [книги Екклесиаста. – Г. Ф.] удобен для слуха и не содержит в себе ничего трудного⁹³, то есть, чтобы мы боялись Бога и соблюдали Его заповеди» [там же]. И заканчивает *блж. Иероним* своё толкование книги Екклесиаста её свидетельством о том, что «всё, что ни сделано нами, предстанет пред Судьёй и ожидает долго бывшего сомнительным приговора» [там же].

Блж. Августин так завершает своё обозрение книги Екклесиаста: «Наконец мудрый муж заключает эту свою книгу такими словами: **Бойся Бога, и заповеди его храни; яко сие всяк человек.** Всяк кто есть, есть это, хранитель непременно заповедей Божиих; потому что кто не есть это, тот ничто. Ибо он не преображается по образу истины, а остаётся в подобии суеты. **Яко все творение** сие, то есть что ни делается человеком в этой жизни, **аще благо и аще лукаво, приведёт Бог на суд о всяком презренном**, то есть на суд во всём, что казалось здесь презренным и потому не обращало на себя внимания. Ибо Бог и это видит, и это не презирает, и не обходит его своим судом, когда судит» [28; кн. 20, гл. 3].

Особенно интересны рассуждения Августина о словах **яко сие всяк человек**. Кто не боится Бога и заповеди Его не хранит, тот и не человек, а ничто!

Слова Эпилога к Екклесиасту о суде Божиим св. Афанасий Великий привлекает для своей дискуссии с арианами, доказывая, что Слово (Логос) не могло быть сотворённым: «Смотрите, какая погрешность – называть произведением [чем-то произведённым, сотворённым. – Г. Ф.] Божие Слово. Соломон в одном месте Екклесиаста говорит: **все творение Божие приведёт Бог на суд о всяком погрешении, аще благо и аще лукаво** (Еккл. 12:14). Ужели же и Слово, если оно произведение, по вашим словам, приведено будет на суд? И где, наконец, суд, когда судится Судия» [31; На ариан слово второе, п. 6]? Абсурдно представить себе на суде Того, Кому отдан весь суд (Ин. 5:27).

Прп. Исихий Иерусалимский (ученик Григория Богослова): «Конец же

слова, всё слушай: Бога бойся и заповеди Его храни (Еккл. 12:13), и мысленно, и чувственно. Если мысленно будешь принуждать себя соблюдать их, то редко будешь иметь нужду в чувственных ради их трудах» [51; О трезвении и молитве, п. 85]. Внутреннее благочестие освобождает от принудительных внешних трудов. Добродетель же сама из внутреннего благочестия проистекает.

Св. Григорий Двоеслов слово «Екклесиаст» отождествляет со словом «проповедник». Св. Григорий говорит, что «слово проповедника приводит к единомыслию многих». К какой единой мысли приводит многих Екклесиаст? Об этом св. Григорий рассуждает так: «И истинный проповедник как бы простёртою рукою останавливает волнение всех и заставляет их соглашаться на одну мысль, подобно тому, как говорит он же⁹⁴ в конце этой книги: **Конец слова всё слушай: Бога бойся и заповеди Его храни, яко сие всяк человек**» [39; кн. 4, гл. 4]. Эта мысль, завершающая всё, сумма всего учения.

Прп. Максим Исповедник приводит слова из Эпилога к Екклесиасту (Еккл. 12:13–14) как побуждение к страху Божию, чтобы иметь сокрушение сердечное [82; Слово подвижническое, п. 28].

Св. Феодор Едесский⁹⁵ по поводу слов Эпилога Екклесиаста рассуждает о двух видах страха Божия – вводном и совершенном: «Я, говорит, тебе в кратких словах показываю, в чём состоит путь Божий: **Бойся Бога, и заповеди Его храни**. Страх же разумеется здесь не вводный, страх мучений, но совершенный и совершенство созидающий, который обязаны мы иметь по любви к Давшему заповеди... Такой страх чист, потому что бывает из-за самого добра [а не наказания за зло. – Г. Ф.]; и он очищает души наши, равносителен совершенной любви» [52; Деятельные главы, гл. 100]. Есть страх изначальный, страх гнева Божия. Это полезный страх, но выше – любовь. **В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх** (1Ин. 4:18). Любовь изгоняет страх мучений (первый страх), но, по св. Феодору, она сама есть страх, страх совершенный. Воистину, противоположности смыкаются!

Философ, искавший драгоценный итрон в стихиях мира сего, ничего не нашёл, кроме суеты сует, и вся его философия оказалась беготнёй за ветром. Подлинная мудрость и драгоценная жемчужина сущего, того, что есть и вечно пребывает – не там, где искали. Итрон у Сущего во веки веков, и подлинная мудрость приобретается пред Его лицом. Св. Григорий Палама: «Недаром мы расходимся с внешней мудростью в суждениях о происхождении и составе, распаде и превращении вещей, о свойственном каждому сущему достоинстве... Божья премудрость прежде всего

стремится знать, в чём Божья воля, **благая, совершенная и угодная** (Рим. 12:2), а искать этого так же чуждо внешним философским наукам, как вечно уткнувшимся в землю свиньям – рассматривать прекрасный порядок небесных светил. Стремящийся исследовать волю Божию, познавший о каждой вещи, ради чего она произведена Творцом вселенной, и обращающийся с ней согласно этой Божьей воле – вот кто знает причины и основания сущего, вот у кого знание всего в мире, вот кто истинный философ и совершенный человек по соломонову слову: **Бойся Бога и соблюдай Его заповеди, потому что в этом весь человек** (Еккл. 12:13). Такой имеет уж не сомнительную мудрость, потому что о его разуме свидетельствует его жизнь...» [42; Триада 2, ч. 1, п. 8].

А что Екклесиаст без Эпилога? Да и был ли такой Эпилог в жизни Екклесиаста? В чём божественное откровение такой книги, едва ли различающей между человеком и животным? Почему Соломон не воспринял в мировую философию? Почему он не среди Сократов и Платонов, а среди пророков и мудрых Библии?

Екклесиаст без Эпилога? – вот это и есть Екклесиаст. Священная история умалчивает был ли такой Эпилог в жизни Соломона, или бег его земной жизни так и затерялся где-то в погоне за ветром, в так и не рассеявшемся туманном облаке пара.

В чём божественное откровение Екклесиаста? В том, что он был освобождён от прелести, очки самообольщения были сняты с очей его сердца. Он увидел земной мир таким, какой он есть. Земля без прикрас и ужасов. Екклесиаст увидел пустоту, тщету и суету земной жизни. Он не восхищался ничем не стоящим паром. Он и не впал в осуждение плоти и всякой материи. Он знал, что она – суета, но советовал скромно и безмятежно наслаждаться прекрасными дарами земли. Екклесиаст не носил ни розовые, ни чёрные очки, но открытым оком видел мир таким, какой он есть сам по себе, и никто лучше его не показал это. Екклесиаст задал вопрос, на который не нашёл ответа. Ответ ему – вся Библия и в первую очередь – Евангелие. Проповедник из Назарета ответит проповеднику из Иерусалима. На место вселенской пустоты и безысходности придёт Радостная весть Сына Человеческого.

Нет ничего более скучного, чем отвечать на незаданный вопрос. У кого нет вопросов, тем не нужны ответы. Екклесиаст задал вопрос. Вся вселенная напряглась, но не породила ответа. Слово за Назарянином!..

Один из учеников Назарянина, подвижник Западной церкви, *Фома Кемпийский* начнёт свою книгу о подражании Христу со слов: «**Суета суетствий, и всё суета** (Еккл. 1:2), – разве любить Бога и служить Ему

Единому. Презирая мир, взирать на небесное царство – вот в чём состоит верховная мудрость» [93; гл. 1, 3]. Но это уже другая книга. Её Екклесиаст не писал.

Почему Соломона не подхватили циники или стоики, эпикурейцы и материалисты, диалектики и нигилисты? Почему Соломон не в мировой философии? Да там ему нет места. Там все что-то знают, все чему-то учат, там все делают то, что делать отказался Екклесиаст. Там строят философские системы и научают, а Екклесиаст не стал этого делать. Он стоит немой перед непознанной истиной. Он молчит, когда есть что сказать философам. Им он не нужен. Не нужны и они ему. Он смиренно закрыл глаза и ушёл. Ушёл до времени, когда придёт Истина, когда с необозримых высот снизойдёт Слово, когда изречено будет Иисусом то, что не мог сказать Соломон. Потому наш философ-странник не среди философов, а среди пророков и мудрых Библии.

Богу слава, текст книги Екклесиаста истолкован!

Приложение 1. Г. Фаст. Молебный канон, составленный по книге Екклесиаста⁹⁶

Песнь 1

Ирмос: *К ак фараон за Израилем, я гонялся за ветром, / справа и слева обступила водою меня суета, / мой дух томился, ища здесь остаток и прибыль, / а суета сует поглощала меня.*

Припев: Господи мой, Господи, где же Ты?

Суетою объятый, взывал я: Что пользы человеку от всех его трудов? Над головою на небе солнце светило, а том, что выше, я не знал ничего. Всё, найдённое мною, что пар растворилось, я ветер ловил, цель была далеко.

Господи мой, Господи, где же Ты?

Ушёл мой отец, и ушла моя мать, наставников нет, нет и учителей; едва я сменил их, а сыновья и дочери уже сменяют меня. Род проходит, и род приходит, и, только в прах обратившись, пребываем мы здесь.

Слава: Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где восходит. Всё кругообращается вокруг, а где же Ты, Боже, где Солнце правды, которое не заходит вовек, где свет невечерний?

И ныне: Ветер к югу, ветер к северу – то холод, то зной, то зло, то добро. Всё кружится, кружится, всё возвращается на круги своя. Матерь Божия, Путеводительница, что же вы не выводите из круга сего Ты меня?

Песнь 3

Г осподь свят, / да не хвалится мудрый мудростью своею. / Вот и я предал сердце моё испытать мудростью всё под небом. / И всё это – томление духа. / Умножая познания, только скорби умножил я.

Господи мой, Господи, где же Ты?

Кривое не бывает прямо и не считают то, чего нет. Что было, то и будет, что делалось ранее, то делается ныне. Всё новое было в веках, зачем же трудился я?

Господи мой, Господи, где же Ты?

Нет памяти о прежнем, и вскоре не вспомнят меня. Возвеличился я ныне, мудрость постиг и трудился премного, и вот, всё – погоня за ветром, всё кругом – суета.

Слава: Без Тебя, о Боже, искал я мудрость в этом мире и знания умножал. Хотел постичь, где мудрость, где глупость, дух утомил и скорби обрёл. Горе уму, а вокруг – пустота.

И ныне: Что ныне, что присно, что в многих веках, что было, то

будет, всё умом испытал, вечный смысл искал. Только Тобою рождённый, Мария, вне времени есть, но, его сердцем не зная, я время напрасно терял.

Седален: Искал я в юности мудрость, / но вот при мудрости решил не лишать себя и глупости. / Вино и смех не стал я стороною обходить, / хотел узнать, что благо и что сердце веселит. / Дома построил, сады и рощи насадил. / Всем насладившись, оглянулся я, и вот, всё – томление духа и всюду – суета.

Слава, и ныне: Богородичен

Дева Пресвятая, блаженна Ты в женах, / а я возненавидел труд мой, ведь всё останется человеку после меня. / Он всем распорядится, но будет ли он мудр, будет ли помнить меня? / Почему, как своим, он воспользуется трудом моим, / не потрудившись и ничего не ценя? / Мой труд – моя скорбь, и всё вновь – суета.

Песнь 4

И а стражу мою стал я и, стоя на башне, наблюдал: / хотел узнать, что скажет Бог во мне, и что отвечать по жалобе моей? / И, отвечая мне, Господь сказал: / праведник верою будет жив, / а ныне потерпи, ведь время всему и время всякой вещи на земле.

Господи мой, Господи, где же Ты?

Время рождаться и время умирать, время насаждать и время вырывать посаженное. Время убивать и время врачевать. Господи, научи меня во всём видеть Тебя!

Господи мой, Господи, где же Ты?

Я горько плакал, я весело смеялся. В печали сетовал, а потом вновь плясал, но знал ли я меру и соблюдал ли время? Познал ли Тебя, ублажившего плач и обетовавшего утешенье и радость?

Слава: Троица Святая, Боже Единый, камни храмов Твоих разлетались, и вот время их вновь собирать. Я, веру утратив, тебя искал; а веру обретши, суетою охваченный, Тебя вновь потерял.

И ныне: Всё соделал Сын Твой, Дева, прекрасным. Он века в сердце мне вложил и вселенную, но не могу я постичь Божьи дела, Отцом чрез Слово Своё совершаемые от начала замысла до конца Его промыслительного действия.

Песнь 5

М ёртвые не оживут, рефаимы не встанут. / Душою моею я стремился к Тебе ночью. / Сынов человеческих и животных участь одна. / Взойдёт ли дух человеческий вверх? / Сходит ли душа животных вниз?

Господи мой, Господи, где же Ты?

Если не различны сыны человеческие и животные твари, то где образ

Твой, Господи, в нас? Одна у нас участь: как те умирают, так и мы. Всё возвращается в прах, взойдёт ли дух наш к Тебе, Господи?

Господи мой, Господи, где же Ты?

Псу живому лучше, нежели мёртвому льву. Живые хотя бы знают, что умрут, а мёртвые ничего не знают, им нет воздаянья, их память забвенью предана. О, Господи, где же Ты?

Слава: Суетою окружённый без света будущей жизни предался я умеренному счастью. Я наслаждался пищей и питием, добром от трудов своих, ведь кратки дни моей жизни, но обмануть я не смог себя, мой дух стремился к Тебе.

И ныне: И ублажил я мёртвых, давно умерших, более живых доселе, но блаженнее их обоих, кто никогда не существовал. Ты же, Святая Дева, родила Источник жизни, а я Его совсем не знал.

Песнь 6

В озвал Иона из морской пучины, / в нём изнемогала его душа. / Он раньше не готов был Бога слышать / и только жертвы приношение искал. / Ниневьи хотел Иона разрушение, / а сам в утробу рыбы он попал.

Господи мой, Господи, где же Ты?

Я многословил пред Богом часто, и обеты приносили мои уста, но медлил их исполнить и потом ошибкой объявлял их я. Не благоволишь Ты, Боже, глупым, потому исполню обеты свои. Я умолкну на земле пред Тобою, ведь на небе, Боже, Ты.

Господи мой, Господи, где же Ты?

При множестве суетных работ умножились сновиденья мои, а во множестве снов ещё больше росла суета. Когда же в простоте я трудился, сладок был сон, а достиг я богатства – и он убежал от меня.

Слава: Вот в руке моей достаток от труда, но из утробы матери я вышел наг, и нагим поглотит меня земля. Ничего я не возьму в руку свою, я трудился на ветер, ни с чем предстану пред Тобою, Создатель, и не смогу препираться с Тобой.

И ныне: Хотя бы прожил я две тысячи лет, не видя добра, то выкидыш будет счастливей меня. Он напрасно пришёл и отошёл во тьму, мраком покрыто имя его. Дева, Бога рождающая, что хорошего во все дни этой суетной жизни? А другой не знаю я.

Кондак: Горе тебе, земля, когда царь твой – отрок, и когда князья твои едят рано! / От лени обвиснет потолок. / Утром сей семя твоё и вечером не давай отдыха твоей руке. / Всё в Божьем промысле и в воле Его, / не знаешь, где удача и где благо. / Но и это суета сует, / всё – суета и больше ничего.

Песнь 7

О троки в Халдейском Вавилоне / помнили Творца во дни юности своей. / Идолами не осквернились, / но веселились, вкушая сердцем радости Господни, / и, ходя путями правды Его, / знали, что будут приведены к Богу на суд.

Господи мой, Господи, где же Ты?

Мёртвые мухи портят и делают зловонной масть мироварника, и то же делает малая глупость чтимого человека с мудростью и честью его. Так направь же сердце на правую сторону, а левую оставь глупцу.

Господи мой, Господи, где же Ты?

Кто копает яму, тот сам упадёт в неё, кто разрушает ограду, того ужалит змей. Так, душа моя, не замышляй ближнему злое, да сама не вкусишь его, как и отроки от печи избавились, а пламя огня спалило бросавших их в него.

Слава: Душа моя, помни Создателя во дни юности твоей, пока ты в добрых летах, пока не пришли тяжёлые дни и не наступили годы, о которых ты скажешь: нет мне удовольствия в них.

И ныне: О, человек, если поживёшь много лет, то веселись в продолжение их, но помни о тёмных днях, которых будет много, и Богородицею удали печаль от сердца, уклони злое от тела твоего.

Песнь 8

П ели отроки в печи: / Благословен Ты, Господи, Боже отцов наших, / и всехвален и превозносим вовеки. / Но мёртвые ничего не знают, / и во гробе кто будет славить Тебя? / Так томилась душа моя, слёзно ища Господа.

Господи мой, Господи, где же Ты?

Приближается ночь, вечер жизни настал. Померкли солнце и свет, луна и звёзды, и вот дождь за дождём. Дрожат стерегущие тело руки, и мужи согнулись. Молоть перестали мелющие зубы, их немного осталось, и помрачились глаза, смотрящие в окно.

Господи мой, Господи, где же Ты?

Высоты страшны, на дороге – ужасы. На голове зацвёл миндаль седины, отяжелел кузнечик, плохо движется старик, и рассыпался каперс силы мужской. Уже приближаются плакальщицы, скоро время отойти в вечный дом свой.

Слава: Порвалась серебряная цепочка дней, раскололась золотая чаша жизни, разбился кувшин у источника, обрушилось колесо в колодец. Мой прах возвращается в землю, в дух восходит, Боже, к Тебе.

И ныне: Суета сует, всё суета и томление духа. Вратарница Дева,

отвори мне дверь, я хочу войти, войти туда, где жизнь и свет, и смысл, где святой остаток, что никогда не отыметя от меня! Но есть ли он?

Песнь 9

Благословил Захария Бога Израилева, / что посетил народ Свой / и сотворил избавление ему. / Воздвиг Господь Отрока дому Давидову. / Посетил нас Восток свыше и развеял пар суеты и тщетности. Воссияло Солнце Правды, / и возвестил Екклесиаст истинный смысл и радость царства Своего.

Господи мой, Господи, вот и нашёл я Тебя!

Соломон вопрошал, а ответил Ты – истинный Екклесиаст. Иисусе, Ты явил царство, и я видел всех живущих под солнцем ходящими с Тобою. Ты – таинственный Отрок Господень, занявший место неразумного царя. Ныне царство твоё, Христе, ныне рассеялся пар суеты и разорвался бессмыслицы круг.

Слава: Мне открылась тайна Единородного Сына, и я не ищу уже остаток и прибыль под солнцем, они выше, а здесь – всё суета. Я нашёл Небесного Жениха, душа сочеталась Христу, я уже не гоняюсь за ветром, я обрёл Царя!

И ныне: Мати Дева, Мария, Ты на облаках идёшь, Ты на руках несёшь Отрока Иисуса. Ты отдаёшь Его в дар. Вирсавия родила мудрого Соломона, а Ты родила Саму Премудрость. С Соломоном мы гонялись за ветром, Христос же крестил нас ветром Духа Святого.

Богу слава!

6–8 мая, 2008

Приложение 2. Протоиерей Александр Классен⁹⁷. Научно-педагогический обзор книги Екклесиаст

Книга Екклесиаста привлекает к себе внимание исследователей своим загадочным и трудным для понимания содержанием. Ни одна из книг Ветхого Завета не трактовалась столь противоположно, как эта. Генрих Гейне называл её «Das Hohelied des Skeptizismus», тогда как немецкий учёный Франц Делич увидел в ней «Das Hohelied der Gottesfurcht»⁹⁸ [170; р. 168]. Столь же широк и диапазон вариантов толкований этих замечательных размышлений великого мудреца древности.

Толкование на книгу Екклесиаста сибирского библиста и священника протоиерея Геннадия Фаста подаётся в контексте Священного Предания. Для этого используются как творения святых отцов и учителей церкви, так и источники иудейского предания. Органично и непринуждённо звучит мысль автора Толкования, его собственные размышления богато проиллюстрированы примерами из художественной литературы, мировой истории и жизненного опыта самого священника. При толковании использован древнееврейский масоретский текст книги, его греческий (LXX) и латинский переводы, а также различные переводы на русский и немецкий языки. В изложении своего толкования Геннадий Фаст использовал художественный приём – толкование ведётся на фоне образа Соломона, взятого из Агады, согласно которому стареющий царь был на некоторое время за свои прегрешения лишён престола и с посохом в руках странствовал по дорогам земли Израиля, ища во всём, что он видит, смысл жизни и её высшее содержание. Тщетность его поисков создаёт контраст, на фоне которого открывается зияющая пустота этой жизни. Вся интрига в том, что смысла жизни, кажется, вовсе нет. Что же тогда есть человек и откуда в нём острая боль этого поиска? Что об этом говорит загадочная книга Библии «Екклесиаст»?..

О Соломоне существует много еврейских, арабских, эфиопских преданий, сказаний и легенд. Многие в них сказочно и баснословно, но, как и у других народов, этот народный эпос возникал на исторической основе. Сегодня нет достоверных оснований подтверждать или опровергать то или иное сказание. ничего не знаем мы и про историческую достоверность предания Агады о том, что Соломон, оставшись с одним посохом, стал на некоторое время нищим странником.

Умер он, в любом случае, будучи на царском престоле в Иерусалиме.

Автор книги Екклесиаст и датировка её происхождения

Христианское предание (равно как и иудейское) считает автором книги Соломона, опираясь на первый стих: «Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме». Это относит дату написания книги к середине девятого века до Р.Х.

Реформатор Лютер дал толчок сомнениям в том, что книга принадлежит перу Соломона, и в последующие века эти сомнения только возрастали. В 17 веке нидерландский юрист и философ Гуго Гроций высказал мысль о халдейском колорите книги. «Аргументы мои, – пишет Гроций, – суть слова, которые встречаются только у Даниила, Ездры и халдейских толковников» [162; с. 133]. Стараясь определиться с датой написания книги, исследователи двигались в нескольких направлениях:

- Во-первых, производился лингвистический анализ текста.
- Затем, помимо языка, популярной стала мысль о зависимости автора от греческой философии.
- Важным источником для определения даты написания явились имеющиеся в книге намёки на тот или другой период истории человеческой цивилизации.
- И, наконец, ряд исследователей пытались доказать многочисленные заимствования, сделанные автором из других книг Библии, что могло указывать на послевоенный период написания книги Екклесиаста.

Кумранские находки устанавливают *terminus ad quem* для книги Екклесиаста. Она не могла быть написана позже второго века в связи с обнаружением её текста среди кумранских рукописей. Фрагмент из книги Екклесиаста, найденный в кумранских пещерах, относят к середине второго века до Р.Х.

Даниэль Фредерикс, занимавшийся проблемами датировки книги, утверждает, что исследователи так и не пришли к единому мнению в отношении даты написания. Единственное, в чём наблюдается согласие среди представителей библейской критической школы, что язык книги принадлежит к послевоенному периоду [166; р. 255].

Но и здесь подходы различны и далеко не всё гладко:

- Делич, Бартон и Гордис говорят о влиянии позднего библейского иврита (6–4 вв. до Р.Х.), послебиблейского иврита (1 в. до Р.Х. – 2 в. по Р.Х.), а также указывают на зависимость от арамейского языка. Им вторит известный гебраист Сиу (C.L. Seow), находя заимствования из персидского языка, что указывает на период не ранее конца пятого – начала четвёртого

веков до Р.Х. [178; р. 665].

– Витлей называет время после Иисуса, сына Сирахова.

– Циммерман, Торрей и Гинсберг ищут свидетельств того, что текст Екклесиаста переведён с арамейского языка.

– Дахуд говорит о финикийско-ханаанском влиянии. В частности, он утверждает, что «еврейский язык Кумрана определённо не напоминает язык книги Екклесиаста». Такого же мнения придерживаются многие другие исследователи, как, например, Пиотти, Ду Вриз, Торион-Варди (T. Thorion-Vardi) [171; р. 194]. К этому можно добавить, что экономические связи с финикийцами израильтяне поддерживали как в послевоенную эпоху, так и во времена царя Соломона.

– Исакссон, Акرويد, Кронхольм полагают, что грамматика текста книги Екклесиаста в основном та же, что в библейском еврейском языке, и весьма далека от грамматики послебиблейского иврита, хотя и не считают это доказательством раннего происхождения книги [171; р. 197].

– Глизон Арчер приписывает авторство Соломону, основывая свою аргументацию на отсутствии в тексте Екклесиаста гласных букв, так называемых «матерей чтения» (*matres lectionis*), что характерно для библейского иврита 10 века до Р.Х. [164; pp. 171–173].

Одним из главных аргументов в пользу поздней датировки книги является насыщенность текста арамеизмами. Однако, как считают многие исследователи, этот аргумент является слабым. Дело в том, что еврейский язык до-военного периода насчитывает 151 арамеизм (Вагнер). Это и неудивительно. Ведь Авраам и Сарра, а также жёны Исаака и Иакова имели халдейское происхождение. Империя царей Давида и Соломона была в значительной степени населена людьми арамейского происхождения. Даже чиновники царя Езекии знали арамейский язык (Ис. 36:11). Гордис называет Когелета «пионером в использовании еврейского языка для квази-философских целей, тогда как ранее этот язык не использовался в таких целях» [171; р. 194]. Соломон был искушённым писателем, и в книге, где смешались риторика, поэзия и философия, он вполне мог использовать арамеизмы, чтобы выраженная мысль звучала богаче и ярче. Эту мысль можно подтвердить фактами из ближайшего к нам времени. К примеру, язык второй части «Фауста» Гёте значительно отличается от первой и включает в себя много неологизмов. Никто при этом не сомневается в том, что произведение принадлежит одному автору.

Если есть история языка, то есть ещё и история текста. Трудно представить себе, что текст может сохраняться веками в нетронутom виде. Древние авторы цитировали друг друга достаточно свободно, не заботясь о

точном соответствии текста, как это принято в современном научном мире. Новозаветные авторы, цитируя греческий перевод Ветхого Завета, тоже не особо заботились о точности цитирования. Попытки точного сохранения текста у евреев, когда книжники тщательно исчисляли буквы, слова и строки текста, возникли на более позднем этапе истории текста Библии. По аналогии можно рассмотреть Библию на церковнославянском языке, как её текст менялся с веками, русифицировался. Остромирово Евангелие, Геннадиевская Библия, Острожская Библия, Елизаветинская редакция Библии свидетельствуют о динамике развития церковнославянского языка. Поэтому мысль о том, что и еврейский текст Ветхого Завета дошёл до нас в несколько ревизированном виде, не представляется слишком дерзкой. А вот попытка вывести дату создания текста из анализа языка дошедших до нас манускриптов кажется слишком смелой. Доказательства этому – разброс мнений о времени создания книги среди учёных, занимающихся лингвистическим анализом текста.

Весьма популярной среди исследователей является мысль о зависимости автора от греческой философии. Диапазон мнений здесь колеблется от предположений прямого заимствования у греческих мыслителей до утверждения в «духе эллинизма», который помогает автору сделать шире и свободнее свою мысль. Крайняя позиция в этой области выражена А.Н. Godbey, который писал, что «каждой мысли (Когелета. – А. К.) может быть найден аналог из мыслей ионических философов и античных гуманистов» [166; р. 2]. Среди источников вдохновения Когелета называют эпикурейцев. Феогида и даже стиль диатрибы. Упоминаются также стоики Еврипид, Гесиод, Гомер и Менандр, Фокилид [166; р. 3]. Вот, к примеру, пассаж из Фокилида, где он рассуждает о женщинах (сравни с Еккл. 7:26):

*Так говорит Фокилид: от четвёрки зверей происходят
Женщины все. Так, одна – от пчелы, от собаки – другая.
Та – от свирепой свиньи, та – от лошади с пышной гривой.
Эта легка и быстра, непоседлива, видом пригожа,
Та, что от злобной свиньи, ни худой, ни благой не бывает.
Та, что от псицы, дика, неуживчива, та ж, что от пчёлки,
И к домоводству склонна, и ко всякой работе пригодна.
С женщиной этой ищи, милый друг, возжеленного брака!
(перевод Г. Церетели)*

Однако есть и те, кто отрицает прямое воздействие эллинской философии на автора Когелета, но рассуждают о некотором контакте с духом эллинской философии. Гинсберг в качестве примеров для такого

контакта приводит жёноненавистничество, восхваление молодёжи и наслаждение жизнью. Другие говорят о полемике Когелета с греческими мыслителями. Так, Айхродт видит Екклесиаста, полемизирующего с греческими оптимистами, старающимися понять божественный ум и его цели. Пфайфер находит в сомнениях Екклесиаста по поводу бессмертия реакцию на эллинскую веру в бессмертие [166; р. 3].

Но и здесь всё не безоблачно. Делич и Лоретц отрицали какое-либо влияние греческих мыслителей на Когелета. Многие исследователи признают Екклесиаста как мыслителя семитского и особенно еврейского. Бартон, Мак Нейл, Гордис, Хенгель, Лоретц, Хортон отвергли влияние эпикурейцев, стоиков, Гераклита или Феогида, а также стиля диатрибы на мысль Когелета. А исследователь Дорнсейф, наоборот считал, что эллинизм Когелета говорит о влиянии ближневосточной мысли на греков [166; pp. 4, 5]. Таким образом, «греческий след» в книге Екклесиаста если и существует, то скорее должен быть отнесён лишь к смутным ассоциациям, нежели к твёрдым аргументам.

Исторические аллюзии – ещё один важный источник датировки – находят в следующих текстах:

Лучше бедный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь, который не умеет принимать советы; ибо тот из темницы выйдет на царство, хотя родился в царстве своём бедным. Видел я всех живущих, которые ходят под солнцем, с этим другим юношею, который займёт место того. Не было числа всему народу, который был перед ним, хотя позднейшие не порадуются им. И это – суeta и томление духа! (Еккл. 4:13–16)

[Я говорю]: слово царское храни, и [это] ради клятвы пред Богом (Еккл. 8:2)

Вот ещё какую мудрость я видел под солнцем, и она показалась мне важною: город небольшой, и людей в нём немного; к нему подступил великий царь и обложил его и произвёл против него большие осадные работы; но в нём нашёлся мудрый бедняк, и он спас своею мудростью этот город; и однако же никто не вспоминал об этом бедном человеке. И сказал я: мудрость лучше силы, и однако же мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают (Еккл. 9:13–16).

Горе тебе, земля, когда царь твой отрок, и когда князья твои едят рано! Благо тебе, земля, когда царь у тебя и благородного рода, и князья твои едят вовремя, для подкрепления, а не для пресыщения! (Еккл. 10:16–17)

Наибольшие дискуссии в среде библеистов вызвал текст Еккл. 4:13–

16, где упоминается старый царь и юноша, занимающий его место. Грэтц, Хитциг, Делич, Хаупт, Бартон, Леви, Шунк предлагали следующие кандидатуры, которые могли бы послужить прототипом для этих рассуждений.

- Ирод Великий и Александр
- Ония и Птолемей V
- Астиаг (Иштиагу) и Кир II Великий
- Антиох IV и Александр I Валас
- Птолемей IV и Птолемей V
- Птолемей III и Селевк II
- Антиох II и Селевк II

Текст Еккл. 8:2 считается наиболее выражающим время правления Птолемея и Селевкидов (Хертцберг, Лоуфинк). Осаду небольшого города в Еккл. 9:13–16 относят к различным городам, таким, как Дор, Авел-Беф-Мааха, Беф-Цур, Сиракузы. В тексте Еккл. 10:16–17 видят Птолемея V в качестве благородного и ответственного князя (Хитциг, Плюмтр (Plumtre), Райт, Хаупт, Фридлендер, Селлин).

Легко видеть, что перечисленные выше исследователи относят время создания книги к эпохе Маккавеев. Находятся и те, кто возражает против этого. Например, Баумгартнер, Гордис, Лоадер не видят в книге свидетельств, указывающих на мятежные настроения маккавейской эпохи, а потому относят датировку книги к более ранним временам.

Ещё одним аргументом является «утомлённость» философа-Когелета. Рассуждают так: к такому состоянию философа привело разорение государства и невозможность для традиционной мудрости объяснить этот факт. Ряд исследователей поэтому относят время создания книги к послевоенному периоду (Айсфельдт, Передсен, Форман (1958), Лауха (1954)). Им возражает Креншо (1980), который находит скептическое настроение в произведениях довоенного периода. Кроме того, можно указать ещё и на то, что скептическое настроение свойственно не только отдельной эпохе, но и отдельному человеку. Если учесть, что Соломон писал своё произведение в старческом возрасте, то этим вполне объясняется его скептицизм и утомлённость жизнью.

Влияние на автора Екклесиаста других писателей Ветхого Завета – это ещё один метод датировки книги. В прошлом делались попытки указать на зависимость Когелета от автора книги Бытия⁹⁹. Указывают на то, что космогония Когелета основывается на текстах Быт. 1–3. Маркеллин Олесницкий говорит о влиянии на автора школьных правил формального выражения мыслей, что указывает на происхождение её после плена. «В

этом отношении книга Екклесиаста находится в ближайшем сродстве с книгою пророка Малахии, в изложении которой также примечается формальное построение и которая от начала до конца усеяна вопросами» [162; с. 154]. Вот ещё параллели, предлагаемые различными авторами.

Втор. 23:21–23; Лев. 5:4 Еккл. 5:3–5 Герцберг (1963)

Мал. 2:7

Еккл. 5:5

1Пар. 29:12

Еккл. 2:24, 26а

А.С. Каменский

1Пар. 29:15

Еккл. 1:4; 6:12; 8:13

2Пар. 2:11 и далее

Еккл. 5:18; 6:2

2Пар. 6:36

Еккл. 7:20

1Цар. 15:22

Еккл. 5:1

Гордис (1968), Витлей

3Цар. 8:46

Еккл. 7:20

Как замечает Даниэль Фредерикс, ни один из этих аргументов нельзя считать решающим для выведения даты написания книги, и спор о датировке книги в среде представителей библейской критики так и остаётся незавершённым [166; р. 7].

Итак, можно видеть, что Библия в руках современных библеистов рассыпается на кусочки. Толковать текст, о времени происхождения которого так и не могут договориться исследователи, весьма проблематично, поэтому толкователю Библии не остаётся ничего другого, как продолжить стоять на фундаменте Предания, всегда считавшего автором книги Соломона. Все церковные писатели до 16 века, исключая, может быть, Феодора Мопсуэстийского, соглашались с тем, что автором книги Екклесиаст является Соломон. Аргументы сторонников традиционного подхода к авторству не менее весомы. Мы приведём здесь несколько, озвученных профессором Юнгеровым, не раскрывая их подробно и отсылая более дотошного читателя к его книге «Введение в Ветхий Завет».

Первый аргумент состоит в том, что книга Екклесиаста в иудейском ветхозаветном каноне всегда занимала место между двумя другими книгами Соломона: Притчами и Песнью Песней.

Второй аргумент – это внутренние, в тексте, доказательства соломонова авторства:

– Надписание книги, затем повторяющееся в тексте неоднократно в более сокращённом виде.

– Эпилог книги, который свидетельствует о мудрости Екклесиаста и о том, что он составил много притчей. Сопоставив это свидетельство со свидетельством третьей книги Царств о Соломоне, можно усмотреть много параллелей.

– Вторая глава Екклесиаста указывает на царское достоинство автора.

Третий аргумент состоит в том, что общее содержание книги, её тон, характер и множество исторических указаний легко объясняются личностью и эпохой Соломона. Тут необходимо обратить внимание на возраст и душевное состояние мудреца Екклесиаста, а также и на политическое состояние иудейского царства, которое не могло радовать престарелого царя.

Четвёртый аргумент в том, что книга Екклесиаста имеет значительное сходство с Притчами и Песнью Песней. Например, книги Притчей и Екклесиаста очень сходны в описании мудрости и глупости. Приведём таблицу параллелей, говорящих о сходстве обеих книг.

<u>Еккл. 2:26</u>	<u>Притч. 2:6</u>	Бог даёт мудрость и разум
<u>Еккл. 1–2</u> главы	<u>Притч. 13:11;</u> <u>21:6; 31:30</u>	Учение о суете
<u>Еккл. 4:15–</u> <u>16</u>	<u>Притч. 14:28</u>	О царе и царской власти
<u>Еккл. 5:8;</u> <u>8:3–4</u>	<u>Притч. 16:10–15;</u> <u>19:20</u>	
<u>Еккл. 6:2</u>	<u>Притч. 22:2</u>	О богатстве
<u>Еккл. 7:26</u>	<u>Притч. 5:18–22;</u> <u>22:14</u>	Об увлечении женщинами и распутстве
<u>Еккл. 9:4</u>	<u>Притч. 16:13–14</u>	О кроткой речи и значении её в глазах гневного начальника
<u>Еккл. 9:17</u>	<u>Притч. 18:21–22</u>	Об умных и глупых речах человека
<u>Еккл. 10:6–</u> <u>7</u>	<u>Притч. 19:10</u>	О чести глупых рабов
<u>Еккл. 5:1</u>	<u>Притч. 29:25</u>	О поспешных и необдуманных обетах
<u>Еккл. 7:12</u>	<u>Притч. 12:28</u>	О бессмертии и значении для него мудрости
<u>Еккл. 7:19;</u> <u>9:16</u>	<u>Притч. 24:5</u>	Мудрость есть источник силы
<u>Еккл. 7:1</u>	<u>Притч. 22:1</u>	Доброе имя лучше всяких вещественных благ
<u>Еккл. 7:11–</u> <u>12</u>	<u>Притч. 3:13–15</u>	Мудрость дороже золота и серебра
<u>Еккл. 7:12</u>	<u>Притч. 12:28;</u> <u>21:21</u>	Мудрость даёт жизнь человеку
<u>Еккл. 2:14</u>	<u>Притч. 17:24</u>	Мудрец владеет глазами и имеет свет, а глупец во тьме
		Распутная женщина – «силки» для

Еккл. 7:26 Притч. 7:23 неопытного мужчины

Еккл. 10:8 Притч. 26:27 Кто роет яму другому, тот сам упадёт в неё

Есть сходство и в словоупотреблении между этими книгами.

Еккл. 10:20 Притч. 7:8; Песн. 3:2 улица, площадь – שוק

Еккл. 10:18 Притч. 6:6; 19:15; 31:27 ленивый и леность – גצל גצל, גצל

Еккл. 20:10 Притч. 1:17 словосочетание «птица» – כנף בן

Еккл. 3:5; 4:5 Притч. 6:10; 24:33 обнимать – חבק ידי

Еккл. 10:4 Притч. 14:30; 15:4 кротость, уступчивость – מרפא

Еккл. 2:8 Притч. 19:10; Песн. 7:7 сладость жизни – תענוגות

Библейская наука и впредь будет заниматься вопросами авторства и датировки текста этой священной книги. В предлагаемой читателю Толковании автором книги Екклесиаста в соответствии с традицией считается Соломон.

Каноническое достоинство книги

Корпус книг Премудрости стоит особняком в ряду остальных книг Ветхого Завета. В них мудрость хакамов замещает собой таинственные видения и пророчества боговидцев. В них больше нет откровений Бога Ягве Своему народу. Они перемещают читателя с Неба и прочно усаживают его на землю, хотя и окружая божественной мудростью. Но и это не предел. Из всех книг Премудрости книга Екклесиаста, на первый взгляд, уводит своего читателя ещё дальше. Кратко и лаконично мир Когелета описан у Питера Крифта. Когелет видит этот мир таким:

Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме, – суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – всё суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?

Поэтому человеку не остаётся ничего более, как есть и пить, и это лучшее, чем он может заняться. Потому что всё – суета, חַוָּל (хавэль). Это выражение повторяется в книге снова и снова, более 30 раз. Если мудрецы спорили о том, в чём смысл жизни, то Когелет задаёт себе вопрос: а есть ли он вообще? Он ищет путь, דֶּרֶךְ (дэрэх), которым бы человек мог идти в своей жизни, чтобы получить лучшее, טוֹב (тов), но где бы он ни искал, он ничего не находит. А потому всё – суета. Нет ничего нового под солнцем, и в жизни человека всё остаётся по-прежнему. Разными путями может искать человек смысл в этой жизни, но куда бы он ни пошёл, везде его ждёт смерть, и значит всё – суета. Нет различия и среди людей: бедный ты или богатый, добрый или злой, справедливый или несправедливый – конец всем один. И у человека, и у животных конец один – смерть. Человек считает себя хозяином в этой жизни – и глубоко заблуждается. Всему своё время под солнцем, а это значит, что не человек управляет миром. Им управляет Бог. Но Бог не сообщает человеку секреты Своего управления, а потому, когда что-то случается, человек узнаёт это лишь после того, как это случилось. Единственное различие в жизни – различие между мудрым и глупым. Но различие это не в судьбе их, она у них одна, а во взгляде на жизнь. Мудрец видит суету этой жизни и остаётся спокоен. Тогда так глупец не видит этого, а потому, когда несчастье постигает его, он сердится, печалится и впадает в уныние. Исходя из этого, мудрец и говорит: человеку ничего не остаётся делать, как только есть и пить [98; с. 9].

Непредвзятый читатель не может не видеть, как далеко такие мысли отстоят от того, что мы читаем в других книгах Ветхого Завета.

Екклесиаст, казалось бы, не хочет вписываться в канву ветхозаветной традиции, и уже в среде еврейских книжников его книга вызывала сомнения в своей каноничности. В Мидрашах и Талмуде встречаются обвинения в том, что слова Когелета «противоречат себе» и «имеют привкус ереси» [175; р. 7]. В Мишне¹⁰⁰ есть запись о том, что две великие соперничающие школы Гилеля и Шамая разделились между собой по поводу книг, которые должны быть включены в канон. Школа Гилеля доказывала, что книга Екклесиаста богодухновенна, а школа Шамая это энергично отрицала [177; р. 341]. Тем не менее, книга Екклесиаста осталась в каноне и была признана не только иудеями, но и христианами. Предание не сохранило подробных исторических сведений о том, как и когда Екклесиаст был включён в иудейский канон. Раввинистические дискуссии, известные нам по иудейской литературе, имели характер научных споров об этой книге, завершившихся признанием *fait accompli*¹⁰¹, что иудейская община включила книгу в канон ветхозаветных книг [173; р. 37].

Интересным фактом является молчание ранней Церкви об этой книге. Её не цитируют евангелисты и другие писатели Нового Завета. Мужии Апостольские тоже хранят молчание, за исключением Пастыря Ермы, где приводится увещание бояться Бога и чтить Его заповеди, что близко напоминает слова из эпилога книги Екклесиаста. Только с третьего века христианские писатели обращают внимание на эту книгу, и появляются первые комментарии на неё. Однако каноничность книги Церковью никогда не ставилась под сомнение. 85 Апостольское правило, 60 правило Лаодикийского собора помещают эту книгу в число богодухновенных. В среде церковных писателей только, пожалуй, Феодор Мопсуэстийский отвергал богодухновенность этой книги и был осуждён на Пятом Вселенском Соборе. Святые Отцы смотрели на книгу Екклесиаста через призму Нового Завета и находили в ней прямые указания к духовно-аскетической жизни, а самого Екклесиаста часто отождествляли с Иисусом Христом. Толкуя эту книгу иносказательно, отцы Церкви сумели не только оправдать её место в ветхозаветном каноне, но и гармонично связать её с Новым Заветом.

Ключи к пониманию книги Екклесиаста

Протоиерей Геннадий Фаст предлагает несколько подходов-ключей к пониманию книги.

Ключ первый. Во второй половине шестого века христианской эры писал свои творения св. Григорий Великий, папа Римский. В его «Собеседованиях» мы находим размышления по поводу одной фразы Екклесиаста, где святитель говорит, между прочим, следующее: «Итак, кто говорит в конце книги: **все будем слушать**, тот сам свидетельствует, что, представляя в себе многие лица, он как бы не один говорит. Поэтому в сей книге некоторые мысли высказаны только для рассмотрения их, другие удовлетворяют уму; одни принадлежат духу человека колеблющегося и ещё преданного удовольствиям мира сего; другие, согласные с умом, предлагаются для того, чтобы удержать душу от этих удовольствий». Уже у Иероним мы находим идею, что Екклесиаст говорит на «иностранном языке», т. е. высказывает ложные взгляды и затем опровергает их. Этот экзегетический метод, назовём его *intelligentia dualis*, был систематизирован св. Григорием. Он называет Екклесиаста по-латински *concionator* (публичный оратор), а поскольку в общем собрании высказываются различные мысли, то при помощи *concionator* они объединяются в нечто единое. Как мудрый *concionator*, Соломон позволяет звучать в своей книге самым разным мыслям, которые он затем отвергает в конце своей книги.

Подобного же экзегетического метода придерживался Олимпиодор Александрийский и Алкуин, аббат монастыря св. Мартина в Туре. В своём комментарии на Екклесиаста Алкуин настаивает на том, что книга должна пониматься как диалог между автором и представителями различных мнений: верных и неверных. Основная идея его та, что Когелет научает держаться подальше от богатства этого мира и не привязываться к удовольствиям этого мира [169; р. 82].

Ключ второй. В предисловии к своему комментарию на Екклесиаста, посвящённому двум благородным женщинам, Павле и Евстохии, блаженный Иероним говорит, что будучи в Риме, он имел обыкновение читать книгу Екклесиаста некоей Блезилле «*ut eam ad contemptum istius saeculi provocarum, et omne quod in mundo cerneret, putaret esse pro nihilo*» («с целью возбудить в ней презрение к миру сему, чтобы всё, что видела в мире, вменяла ни во что»). В этой фразе заключается идея, ключ к пониманию книги. Вслед за протоиереем Геннадием Фастом назовём этот

подход духовно-аскетическим. Он включает в себя некоторые экзегетические принципы, которые разрабатывал блаж. Иероним и которые затем стали почти каноном для экзегетов позднего средневековья на Западе. Имеется в виду христологическое толкование текста: «А по разумению духовному... Екклесиаст наш есть Христос» [64]. По выражению прот. Г. Фаста, автор приписывает Соломону мирозерцание монаха-отшельника IV века. «Отцы IV века как будто просмотрели «беду Екклесиаста» и видят в его книге подвижническое пособие».

Подобного же взгляда придерживались и другие отцы Церкви, такие, как св. Григорий Нисский, св. Григорий Агригентийский и проч.

Ключ третий. Анализируя слова, используемые Екклесиастом, можно выделить ещё одно понимание этой книги. Назовём такой подход филологическим. Екклесиаст использует слово, которое нигде в Библии больше не встречается. Это слово יִטְרֹן (итрон). «Что пользы (יִטְרֹן) человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?» (Еккл. 1:3). יִטְרֹן – «остающееся, непреходящее». У блаженного Иеронима мы находим такой перевод приведённой цитаты: «Что остаётся человеку во всём труде его, которым трудится под солнцем».

Итак, высшего блага, высшего счастья, остающегося и непреходящего, здесь, под солнцем, нет. А потому всё – суета сует. «Итрон» есть только у Солнца Правды – Христа, а Им Екклесиаст ещё не освещён.

Другое ключевое слово טוֹב (тов). Тов – это не высшее Благо, которого нет под солнцем, а то лучшее, что может быть в этом мире. Это «тов» и рекомендует Когелет, не имея ничего другого.

Ключ четвёртый. У католического богослова и философа 20 века Питера Крифта находим ещё одно решение проблемы Екклесиаста. Этот подход можно назвать экзистенциальным. По Крифту, Когелет смотрит на этот мир взглядом честным и открытым. Он видит мир таким, каким он подлинно является для человека, не просвещённого светом Евангелия. Екклесиаст задаёт вопрос, а ответом на него является вся Библия. Екклесиаст – это поиск, который должен привести к Богу.

История интерпретации книги

Иудейская традиция толкования книги Екклесиаста

Мидраш Когелет Рабба. Мидраш на еврейском языке означает «изучение, толкование». В иудейской традиции Мидраш – раздел устной Торы, который включает в себя толкование и разработку коренных положений еврейского учения, содержащегося в Письменной Торе. Сборник раввинистических комментариев на текст книги Екклесиаста получил название Мидраш Когелет Рабба. Последнее слово в названии означает, что Екклесиаст читается в синагогах в определённые праздники в субботу¹⁰².

О времени и месте создания Мидраша на книгу Екклесиаста доподлинно неизвестно. Некоторые внутренние свидетельства в тексте говорят о том, что сборник создавался в среде толкователей палестинской школы около 7 века христианской эры [170; с. 79].

Мидраш – это не толкование в обычном смысле этого слова, а, скорее, сборник мыслей и рассуждений различного характера. В противоположность буквальному толкованию Мидраш проникает глубже в смысл текста, пытаясь извлечь оттуда назидательное содержание. Марк Хиршман выделяет характерные для Мидраша черты [168; с. 155–164], которые мы сведём в таблицу, добавив ещё одну колонку для сравнения со святоотеческим подходом к толкованию Екклесиаста.

Метод экзегезы Мидраш

1. Указание на личность Соломона

Стихи из Екклесиаста, где автор говорит о себе, сопоставляются с местами Священного Писания, указывающими на те или иные биографические подробности из жизни Соломона. Например,

Святые отцы¹⁰³
В святоотеческих толкованиях параллели Когелет – Соломон хотя и встречаются, но значительно реже. Здесь более характерна параллель Когелет – Иисус Христос. Таким образом подчёркивается единство книги Екклесиаста не только с книгами

Ветхого Завета, но
и Нового Завета.

Еккл. 2:4

3Цар. 10:18

3Цар. 9:10

Песн. 8:2

Еккл. 2:8

3Цар. 10:27

Этим
подчёркивается
связь книги
Екклесиаста с
другими
книгами
Ветхого Завета.

2. Природные явления

Мидраш часто рассуждает о природных явлениях. Например, где и как земля «пьёт». Есть в Мидраше даже запись научного эксперимента, проведённого двумя раввинами в море [175; р. 21].

Рассуждения о
природных
явлениях
встречаем у
Олимпиодора
Александрийского.

3. Идентификация

Метод идентификации заключается в том, что выражения общего характера соотносятся с конкретной личностью, событием или объектом, взятым из Библии или же из близких среде Мидраша реалий. Например, высказывание «нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после» (Еккл. 1:11) связывается с допотопным человечеством, египтянами и чудесами, происшедшими в Египте перед исходом. Еккл. 2:5 «устроил себе сады и рощи» понимается, как намёк на большие коллекции трактатов Мишны, такие, как у рабби Хийя Старца или у Бар Каппары [175; р. 58].

У св. Дионисия
Александрийского
«есть и пить» в

4. Аллегория

Аллегория является распространённым экзегетическим моментом Мидраша. Есть сходство в обеих традициях, христианской и иудейской, в употреблении этого метода. Примером может служить Еккл. 2:24 «Не во власти человека и то благо, чтобы есть и пить и услаждать душу свою от труда своего. Я увидел, что и это – от руки Божией». Мидраш толкует это место так: еда и питьё означают Тору и добрые дела [175; р. 71].

Еккл. 2:24
означает
таинственную
трапезу: «Что речь
идёт здесь не о
чувственных
яствах, это он сам
покажет ниже,
говоря: благо
ходить в дом
плача, нежели
ходить в дом пира.
...Итак он говорит
о таинственных
брашнах. А от
духовной трапезы
никто не вкусит,
если не будет
призван Им и не
послушает
Премудрости,
гласящей: прииди
и яждь».

5. Типология

Есть заметная разница в употреблении этого метода в Мидраше и в святоотеческих толкованиях. Спектр личностей, вовлечённых в типологический круг Мидраша на Екклесиаста, огромен. Адам и Ахав, Мессия и мудрец, дети-школьники и Сам Господь Бог. Исторический спектр типологических характеров тоже широк: от начала священной истории до современной Мидрашу действительности.

Анекдот в Мидраше обычно служит для морального поучения или для выражения богословской точки зрения. Вот один из примеров на текст Еккл.

Главный
типологический
характер в
святоотеческой
традиции – Иисус
Христос. События
и личности
церковной
истории не
прочитываются в
Екклесиасте.

6. Анекдоты

3:6 «время бросать». Один купец отправился вместе со своим сыном в путешествие, захватив с собой сундук с динариями. Капитан корабля отвёл им каюту в дальнем и тёмном углу корабля. Купец слышал, как матросы переговаривались между собой: «Когда выйдем в открытое море, убьём их, выбросим за борт, а сундук с динариями возьмём себе». Что же сделал купец? Он притворился, что поссорился с сыном, в гневе схватил сундук и выбросил его за борт. Когда они высадились на землю, он обратился к императорскому проконсулу с жалобой на команду корабля. Тот арестовал их и присудил, чтобы они вернули купцу его динарии. Они сказали проконсулу: «Как ты можешь считать нас виновными?» Он ответил им: «Как сказал Соломон, царь израильский, время бросать» [175; р. 80]. Мидраш не делает при этом дальнейших обобщений, предоставляя читателям самим сделать вывод из поучения.

Только три первые главы Мидраш Когелет Рабба содержат около 19 притч. Д. Штерн определяет притчу Мидраша, как «символический рассказ, имеющий какую-либо скрытую цель» [Marc Hirshman, 16]. Вот пример использования притчи на текст Еккл. 1:14 «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё – суета и томление духа!» Рабби Абба бен Кахана сказал: Это можно уподобить старцу, сидящему у развилки дорог.

В святоотеческой экзегезе не встречается жарн анекдота.

Использование притч можно найти в толкованиях Григорий Нисского, Дидима Слепца, Прокопия Газского и Олимпиодора Александрийского.

7. Машаль (евр. Притча)

Перед ним два пути, один из которых ровный в начале, а в конце тернистый. Другой же путь тернист в начале, а в конце ровный. Старец предупреждает путников о том, что вот этот путь в начале ровный и удобный, но в конце тернист и полон завалов. Что до другого пути, то он тернист и полон завалов в начале, а в конце он ровен и удобен. Не должны ли люди быть благодарными старцу, предупреждающему их, чтобы они соответствующим образом распределили свои силы для прохождения пути? Подобным образом не должны ли люди быть благодарными Соломону, сидящему у врат мудрости и предупреждающему Израиль? [175; pp. 41–42].

Характерная черта Мидраша – это каталогизация слов и понятий. Иногда Мидраш приводит списки стихов из других книг Библии, относящихся к тому или иному слову. По этому принципу составлены современные симфонии, или конкордансы. Хорошим примером такой экзегезы служит подборка на слово «сердце», составленная к тексту Еккл. 1:16 «Говорил я с сердцем моим». Мидраш приводит 52 стиха из Библии, посвящённых сердцу и его функциям.

8. Каталогизация

Другой яркий пример мы видим в толковании на Еккл. 1:8 «Все вещи – в труде». Мидраш предлагает четыре различных определения для понятия «все вещи»: 1. Пустые слова 2. Изделия 3. Еретические слова 4. Слова Торы
Название каждого из трёх пунктов

В случае в тексте Еккл. 3:10 «Видал я эту заботу, которую дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в том» притча св. Григория настолько близка притче в Мидраше, что можно предположить взаимовлияние [168; p. 162].

Не встречается.

служит отправным пунктом для коллекции анекдотов и историй из жизни. Под заголовком «еретические слова» Мидраш собрал самую большую коллекцию историй о еретиках в раввинистической литературе [168; р. 163].

Мидраш на книгу Екклесиаста во многом служит своим читателям как энциклопедия. Стихи из Екклесиаста – это тематические заголовки, под которыми собран и систематизирован обширный материал по различным вопросам, начиная с богословских и кончая физическими явлениями этого мира [168; р. 164]. Есть несомненное сходство экзегезы Мидраша с христианской в идеях и формах интерпретации, хотя основа этой экзегезы и её тематика в перспективе, конечно же, расходятся.

Таргум Когелет. Таргум (евр. «перевод») – перевод Библии на арамейский язык. Необходимость такого перевода возникла после возвращения евреев из вавилонского плена, когда знание еврейского языка ослабело в народе, а на смену ему пришёл родственный язык – арамейский. Создание первого Таргума традиция приписывает книжнику Ездre. Сначала Таргумы существовали только в устной форме, и поэтому мало что можно сказать о начальной фазе из формирования. Дошедшие до нас Таргумы были записаны уже в первые века по Р.Х.

Говоря о времени написания Таргума на книгу Екклесиаста, можно сослаться на исследования Комлоша, Чургина, Гроссфельда и Левина, согласных с тем, что Таргум Когелет был завершён до арабского завоевания Палестины, но лишь после того, как были сформированы Вавилонский и Палестинский Талмуды. Т. е. около 7 века по Р.Х. [180; р. 15].

Большинство учёных согласны между собой в том, что Таргум Когелет создавался в Палестине, хотя язык текста не дошёл до нас в первоначальном виде. Арамейский диалект Таргума был «скорректирован» переписчиками, знавшими язык Таргума Онкелоса¹⁰⁴ и Вавилонского Талмуда [180; р. 9].

Таргум Когелет – это не перевод текста Екклесиаста в собственном смысле этого слова. Это, скорее, парафраз, где буквальный перевод смешан с толкованиями из Мидраша. Цель переводчика – дидактическая. Таргумист стремится передать внутреннее содержание книги в соответствии со своим видением смысла этого текста. Поэтому он

добавляет слова, фразы, а иногда и целые параграфы для того, чтобы довести до читателя смысл того или иного высказывания Когелета. Таргум сглаживает и примиряет видимые противоречия в книге Екклесиаста, делая её приемлемой для общей иудейской традиции.

Раши. Настоящее имя этого известнейшего среди иудеев комментатора Танаха и Талмуда – Шломо бен Ицхак. Имя Раши получилось из начальных букв словосочетания «Рабейну Шломо Ицхаки» – «наш учитель Шломо сын Ицхака». Родился Раши в 1040 в городе Труа во Франции. Умер в 1105 на своей родине.

Раши написал комментарии к большинству книг Ветхого Завета, в том числе и на книгу Екклесиаста. Его комментарии характеризуются сбалансированностью между употребляемыми им экзегетическими методами. В своих комментариях Раши отказался воспроизводить громоздкий материал Мидрашей и сосредоточился на собственно экзегезе, не оставляя в стороне и буквальное понимание текста. Раши не отступает от традиции предшествующих иудейских комментаторов, считая, что экзегеза должна служить укреплению морали, вести к праведной жизни.

Интересно, что у Раши иногда можно дословно встретить толкования еврея-наставника блж. Иеронима. Их разделяют во времени семь веков. Отсюда видна устойчивость иудейского экзегетического предания и соотнесённость с ним толкования святоотеческого. Автор использует в своём толковании материал, содержащийся в Агаде (мидраши Танхума, Эха) и трудах некоторых других раввинов.

Христианские толкователи книги Екклесиаста

Св. Ипполит Римский (Hippolytus, † 235)

Предположительно, родился в Риме около 170 года. Один из наиболее плодотворных церковных писателей и один из первых (возможно, самый первый) христианских толкователей книги Екклесиаста. Его толкование на Екклесиаста упоминает блаженный Иероним в *de viris illustribus* (О знаменитых мужах, гл. 61). К сожалению, сохранился только отрывок из этого произведения (GCS2, 1897).

Ориген (Origenes, † 253)

Наряду с Ипполитом Римским один из первых толкователей книги Екклесиаста. Согласно Евсевию Кесарийскому, Ориген родился в 185 году в Александрии. Получил блестящее философское образование. Под руководством своего отца уже в юности изучал священные тексты. Позднее он становится учеником Пантена и Климента – наставников христианского огласительного училища в Александрии. Для более тщательного изучения Священного Писания Ориген изучил еврейский

язык. О комментарии Оригеном Екклесиаста свидетельствует блж. Иероним. Изъясняя 13 стих 4 главы книги, он упоминает о разногласиях Оригена с Викторинем по поводу этого текста. Отрывки из толкования Оригена приведены Прокопием Газским в его catenaх на книгу Екклесиаста (CCSG 4, Procopii Gazaеi catena in Ecclesiasten).

Св. Дионисий, архиепископ Александрийский (Dionysius Alexandrinus, † 264)

Родился в конце 2 века христианской эры. Место его рождения с достоверностью неизвестно. Предположительно – Аравия. Во взрослом возрасте Дионисий был обращён в христианство Оригеном. С 232 года возглавлял христианское огласительное училище в Александрии. С 247 года – епископ Александрии. Как и его знаменитые предшественники Климент и Ориген, Дионисий Александрийский занимался составлением языческих философских систем с христианским мировоззрением, толкованием Священного Писания и обличением еретических заблуждений. Святой Дионисий обладал не столько спекулятивным, сколько критическим талантом, и симпатии его тяготели не к теоретическим изысканиям, а к осуществлению нравственных идеалов в сфере практической деятельности. В соответствии с такой направленностью св. Дионисий в толкованиях Св. Писания не столько раскрывает догматический смысл текста, сколько старается открыть в нём ту или другую нравственную идею и указать приложение этой идеи в сфере нравственной деятельности человека [160; III]. Из толкования св. Дионисия на книгу Екклесиаста сохранился только отрывок: толкование на начало книги Екклесиаста до 11 стиха 3 главы. Здесь автор выступает, скорее, не как экзегет, а как проповедник, который не видит проблем самого Екклесиаста и не входит в их рассмотрение. В словах книги св. Дионисий находит лишь подтверждения своим взглядам на образ жизни христианина.

Св. Григорий, епископ Неокесарийский, чудотворец († 270)

Родился в Неокесарии Понтийской около 213 года в семье язычников. В юности Григорий много путешествовал в целях получения образования. В Кесарии Палестинской он встретился со знаменитым Оригеном, который открыл в этом городе школу после изгнания из Александрии. Григорий проникся большим доверием и любовью к Оригену и здесь был обращён в христианство. По завершении своего образования Григорий вернулся в Неокесарию, где стал первым епископом этого города. После смерти Оригена Григорий написал ему панегирик, где между прочим упомянул его талант толкователя, способного делать ясным и понятным

всё «тёмное и загадочное». Вслед за своим учителем Григорий делает попытку изъяснить для своей паствы двусмысленные и непонятные речения Екклесиаста, пользуясь исключительно текстом Септуагинты [173; р. 45]. Так на свет появился парафраз на эту книгу, известный на русском языке как «Переложение Екклесиаста» святого Григория Чудотворца.

Как литературное произведение этот парафраз ценится очень высоко. В переложении Григория текст Екклесиаста освобождается от семитских форм, столь свойственных языку Септуагинты, и приобретает совершенный строй греческого языка. Если мысли Когелета противоречат одна другой в своей последовательности или обрываются внезапно, меняя тему, то у св. Григория они следуют логически, вытекая одна из другой. Последний не заботится о том, чтобы точно передать высказывания Когелета и, таким образом, двусмысленность и скептицизм оригинала исчезают в пересказе св. Григория. Иногда в целях придать тексту христианское звучание, автор парафраза прямо противоречит автору оригинала. Например, если Когелет утверждает, что «мудрый умирает наравне с глупым» (Еккл. 2:16), то у св. Григория мы находим прямо противоположное утверждение: «мудрый же никогда не имеет одинакового конца с глупым» [44]. Произведение св. Григория задаёт тон в попытке оправдания трудного для восприятия текста книги Екклесиаста. Эту традицию в дальнейшем мастерски продолжит блаженный Иероним и другие христианские толкователи.

Св. Григорий, епископ Нисский († 394)

Младший брат св. Василия Великого, один из великих «каппадокийцев». Родился Григорий около 335 года по Р.Х. Известен он как богослов, философ и экзегет Священного Писания. Григорий Нисский написал восемь бесед на книгу Екклесиаста, которые в русском переводе получили название «Точное истолкование Екклесиаста Соломонова». В начале своей первой беседы св. Григорий так определяет цель Когелета: «Ибо цель сказанного здесь – поставить ум выше чувства, оставив наконец всё, что в существах есть кажущегося великим и блистательным, обратиться душою к тому, что недоступно чувственному пониманию, воспринять вожделение того, что недостижимо для чувства». Он выделяет книгу Екклесиаста из других книг Священного Писания, говоря, что «учение сей книги имеет в виду такой только образ жизни, какого требует Церковь, и преподаёт то, чем можно человеку преуспеть в добродетельной жизни», тогда как в других писаниях, исторических и пророческих, много такого, что не имеет непосредственного отношения к Церкви [40].

Когелета св. Григорий называет истинным царём Израилевым, Сыном Божиим, ссылаясь на Евангелие от Иоанна (Ин. 1:49). Отличительной особенностью комментария является то, что последний изобилует блистательными образами и красноречием. Св. Григорий не столько изъясняет текст, сколько облакает мысли Когелета в изящные словесные формы, оттачивая и ещё более украшая образы, созданные великим мудрецом древности. В этом смысле книга Екклесиаста используется св. Григорием как инструмент для восхождения от плотского к духовному, от земного к небесному [168; р. 151].

Дидим Слепец († 395)

Александрийский богослов и комментатор Священного Писания. Годы жизни: 310–395 христианской эры. Дидим был наставником александрийской катехизической школы, сменив на этом посту св. Афанасия Великого. Им были составлены комментарии на всё Священное Писание, но до нас дошла лишь небольшая их часть. В 1941 году в местечке Тура в 10 км от Каира были обнаружены древние папирусы. Среди них было найдено утраченное толкование Дидима Слепца на книгу Екклесиаста, написанное им предположительно в период между 377 и 383 годами. Современные исследователи комментария считают его лекциями, а не специально составленным толкованием. Поводом к такому мнению стало наличие лакун и повторений в тексте, а также разговорный стиль произведения. Кроме того, в тексте содержатся вопросы и возражения со стороны аудитории. Толкование насыщено иллюстративным материалом, который Дидим черпает из области медицины, физиологии, философии и даже хореографии [168; р. 8]. Основная мысль автора толкования состоит в том, что Когелет разочарован в ценностях этого мира лишь в сравнении с высшими ценностями. Дидим не может согласиться с безусловным разочарованием Когелета и старается смягчить его, пропуская через призму своего сравнительного подхода. Научное издание комментария Дидима на книгу Екклесиаста вышло в 1978 и 1983 годах в Германии (Kommentar zum Ecclesiastes (Tura Papyrus) ed. Gerhard Binder and Leo Liesenborghs, Teil 1.1 (Bonn, 1978), Teil 1.2, Erläuterung von Gerhard Binder (Bonn, 1983)).

Евагрий Понтийский († 399)

Ученик св. Григория Богослова, подвизался в Нитрийской пустыне при обоих Макариях, подвижник, слушал Дидима Слепца, муж учёный, один из первых учителей монашеского богословия. Был осуждаем за приверженность Оригену.

Блаженный Иероним Стридонский († 420)

Родился в Стридоне, на границе Далмации и Паннонии, в 342 году. Умер в Вифлееме в 420 году христианской эры. Блаженный Иероним был одним из лучших знатоков античной и христианской литературы своего времени. Он также является одним из немногих среди святых отцов и учителей церкви, кто знал еврейский язык. Этот факт увеличивает ценность толкований блаж. Иеронима на Священное Писание Ветхого Завета.

Известны два перевода книги Екклесиаста с еврейского, сделанных блаженным Иеронимом. Первый, более ранний, представлен им в толковании на книгу Екклесиаста. Говоря об этом переводе, Иероним пишет, что он «не следовал ничьему авторитету, но, переводя с еврейского, более применялся к пониманию Семидесяти Толковников, в том особенно, что немного отличалось от еврейского» [64]. О своём втором переводе он говорит, что в три дня перевёл Екклесиаста и другие писания Соломона с еврейского и делал это без сверки с другими переводами. Этот второй перевод практически идентичен современному тексту Вульгаты. Очевидно, что второй перевод не мог не отражать взглядов блаженного Иеронима, высказанных ранее в толковании на книгу Екклесиаста. В предисловии к своему комментарию автор пишет, что когда он ещё был в Риме, то читал Екклесиаста святой Блезилле с целью «возбудить в ней презрение мира сего, чтобы всё, что видела в мире, она вменяла ни во что» [64]. В этих словах Екклесиаста Иероним видит указание на Мессию – Христа. Те места, которые не могут быть истолкованы христологически, истолковываются им буквально, тогда как аллегорический метод служит для обоснования его христологической позиции. Например, в рассуждении Когелета о том, что «нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить» (Еккл. 8:15). Иероним видит указание на Тело и Кровь Христа, толкуя это место в евхаристическом смысле. Шведский богослов Холм-Нильсен [170; р. 67] находит в толкованиях блаженного Иеронима зачатки всех экзегетических принципов, которые были в полной мере разработаны позже богословами средневековья¹⁰⁵.

В своём комментарии Иероним применяет и элементы научного подхода, что выражается в попытках отыскать наиболее точное значение еврейских слов, используя филологический анализ, а также в обращении к переводам 70-ти Симмаха, Аквиды и Феодотиона. Часто Иероним приводит объяснения своего еврея-наставника, тем самым обращаясь к иудейско-раввинистической традиции толкования книги.

Место книги Екклесиаста среди других писаний Соломона

блаженный Иероним определяет следующим образом. В Притчах Соломон даёт наставления для молодых людей, определяя их обязанности в этой жизни. В книге Екклесиаста он наставляет людей зрелого возраста, убеждая их не привязываться к благам этого мира, рассматривая их как нечто временное, преходящее. И, наконец, в Песне Песней Соломон ведёт совершенного подготовленного человека на брачный пир с Женихом – Христом. Таким образом он решает проблемы, связанные с противоречивым, на первый взгляд, учением автора книги Екклесиаста, видя в ней указания к подготовке человека к жизни вечной [64].

Комментарий блаженного Иеронима стал неким стандартом для последующей христианской традиции истолкования книги Екклесиаста.

Феодор Мопсуестийский († 428)

Период жизни Феодора Мопсуестийского охватывает вторую половину четвёртого и начало пятого века христианской эры (350 г., Антиохия – 428 г., Мопсуестия). Насколько книга Екклесиаста выпадает из общего консенсуса библейских книг, настолько комментарий Феодора выпадает из общего течения мысли христианских комментаторов Священного Писания. Феодор являлся представителем Александрийской школы, которая сосредоточилась на буквальной интерпретации священных текстов. Их «противники», представители Александрийской катехизической школы, делали упор на «духовное» понимание текста. Одним из утверждений Феодора Мопсуестийского было то, что лишь весьма немногие места Ветхого Завета можно понимать как указание на Иисуса Христа. А книгу Екклесиаста он вообще предлагал исключить из канона Священных книг Церкви [174; р. 307]. Такие взгляды привели в дальнейшем к осуждению Феодора на Пятом Вселенском соборе. Результатом этого осуждения было то, что многие работы Феодора Мопсуестийского были уничтожены, в том числе был утерян и комментарий на книгу Екклесиаста. Лишь в середине 20 века благодаря находке одного древнего манускрипта в Дамаске солидная часть его комментария на сирийском языке была обретаена заново. Другим важным источником для исследователей стал комментарий средневекового сирийского экзегета Дионисия Бар-Салиби, в котором последний в значительной степени опирается на работу Феодора Мопсуестийского. Эти два документа были опубликованы немецким издательством Göttinger Orientforschungen (Syriac series V.28, V.29).

В своём комментарии Феодор Мопсуестийский отвергает христологический подход к истолкованию книги и даже неистово оспаривает его [174; р. 309]. Правильное толкование он видит в том, что

Соломон обращается к еврейскому народу с наставлением мудрости, которой народ должен следовать. Главное, чему надо следовать, Когелет-Соломон выразил в словах: **«Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека; ибо всякое дело Бог приведёт на суд, и всё тайное, хорошо ли оно, или худо»**. Феодор следует за мыслью Когелета о бесполезности преходящих вещей мира сего, которых надо избегать, а особенно денег, как и апостол Павел пишет: «Ибо корень всех зол есть сребролюбие». Это послание, по мысли Феодора, обращено как к богатым, так и к бедным. Богатый должен научиться презирать богатство и употребить его на помощь бедным, а бедный должен научиться терпеть свою нищету, не впадать в отчаяние и не жаловаться на Творца. В этом мире бывает так, что злой наслаждается жизнью, а праведный терпит бедствие. Иному может показаться, что одна участь у всех, а потому можно грешить. Феодор показывает, как Соломон разоблачает глупость и неправду человека, думающего так, и призывает заботиться о добродетели с дней своей юности.

Феодор рассуждает о том, как много пустых слов произносится в этом мире мириадами глупцов, но в книге Екклесиаста мы видим настоящие слова мудрости. И далее он делает намёк на то, что по аналогии его собственный комментарий выделяется истинным пониманием слов Соломона, по сравнению с пустыми словами множества глупых толкователей. Мопсуестийский комментатор объясняет своим читателям, что мудрость Когелета облачена в одежды темноты большей, чем любая другая книга Ветхого Завета, но он тщательно рассеивает этот мрак так, чтобы истина, которую Бог желает открыть людям, была совершенно ясной для понимания [174; р. 311].

Нил Анкирский († 430)

Ещё он известен под именем Нила Синайского. Святой Нил был известным аскетическим писателем, богословом и библеистом в пятом веке. Написал толкование на Екклесиаста, отрывки из которого опубликованы в катенах Прокопия Газского.

Прокопий Газский († 528)

Прокопий Газский родился в городе Газе в Палестине приблизительно в 475 г. В этом городе он прожил всю свою жизнь, занимаясь толкованием ветхозаветных книг и писательством. В своём родном городе он также руководил школой риторики. Среди экзегетов Прокопий известен как составитель катенов (сборников с выдержками толкований святых отцов Церкви) на книги Ветхого Завета.

Известны катены Прокопия Газского на книгу Екклесиаста, изданные

под редакцией Леанца (S. Leanza) в 1978 году (Corpus Christianorum. Series Graeca, vol. 4). Эти катены считаются самыми древними из известных патристической науке. Они содержат отрывки из толкований Оригена, Григория Чудотворца, Дионисия Александрийского, Григория Нисского, Дидима Слепца, Евагрия Понтийского и Нила Анкирского. Комментарий неполный и завершается на шестом стихе четвёртой главы книги Екклесиаста. Толкование, представленное в катенах, приглашает читателя смотреть поверх слов Когелета и по намёкам в тексте находить скрытый смысл. Так Григорий Нисский видит в Еккл. 1:9–11 намёк на воскресение, а Дионисий Александрийский в 16–18 стихах этой же главы (Еккл. 1:16–18) обнаруживает указание на бесполезность естественных наук в сравнении со знанием духовным [181; pp. 219–220].

Олимпиодор Александрийский († сер. VI в.)

Александрийский диакон Олимпиодор, живший в период с конца 5 – сер. 6 века, оставил после себя искусно выполненное толкование на книгу Екклесиаста. К сожалению, из экзегетических трудов Олимпиодора только его комментарий на книгу Иова имеет научное издание¹⁰⁶. Остальные комментарии (на книги Екклесиаста, Иеремии, Плач Иеремии, Баруха) доступны только в издании аббата Миня (PG, vol. 93). Толкования на книги Екклесиаста и Иова Олимпиодор написал по заказу церковных сановников Юлиана и Иоанна. Кроме имён, о них более ничего не известно [157; XLV].

В предисловии к своему комментарию на книгу Екклесиаста Олимпиодор определяет два принципа, на которых основывается его толкование. Первый принцип он определил так: «Соломон, сын Давидов... разделит сущее на три: на этику, физику и на умопостигаемое. Этику он раскрыл в Притчах, физику в Екклесиасте, а умопостигаемое в Песни Песней» [176; р. 477]. Размышляя о физическом мире, автор Екклесиаста раскрывает перед нами своё учение. Второй принцип заключается в том, что мудрец Когелет иногда выступает от своего лица, а иногда от лица человека, привязанного к этому миру, входя в ту или иную роль по надобности.

Толкуя текст Екклесиаста, Олимпиодор уделяет большое внимание деталям природных явлений, описанных автором. Не забывает Олимпиодор и о духовном смысле, прилагая его даже к простым и понятным местам. Так, рассуждая о ходе солнца, Олимпиодор подводит читателя к мысли о прославлении Того, кто создал его. Созерцание окружающего нас мира должно приводить к чувству благоговения перед его Творцом. Нигилизм Когелета несколько не беспокоит Олимпиодора,

поскольку он относителен и вторичен в тексте [168; р. 140]. Александрийский экзегет не удовлетворяется исследованиями самого Когелета, но, скорее, присоединяется к нему. Внимание Олимпиодора привлекает не только мир природы, но и мир коммерции. Так, мысль Когелета о времени собирания и разбрасывания камней толкователь изъясняет в экономических терминах [168; р. 141].

Олимпиодор объясняет своим читателям, что порой мудрый Екклесиаст применяет литературный приём, выступая то от своего лица, то от лица предполагаемого оппонента. Оппонент – это *philosarkos*, любитель мирских удовольствий, гедонист. Порой комментатор разделяет мысль Когелета, приписывая её двум как бы спорящим между собой лицам. Так, в Еккл. 3:22 первая часть текста приписывается гедонисту: «Итак увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это – доля его». Вторая же часть: «ибо кто приведёт его посмотреть на то, что будет после него?», по мысли Олимпиодора, является рефлексией самого Когелета на ошибочное мнение воображаемого гедониста.

Время от времени диакон, не забывая об основной линии повествования, обращается к читателям с проповедью о добродетели, говоря о несказанных радостях, ожидающих праведного человека.

В ходе толкования Олимпиодор очень часто обращается к другим книгам Священного Писания, находя там ключи к пониманию слов и мыслей Когелета. Он цитирует тексты других священных авторов Библии как доказательства в поддержку своих идей. К примеру, в подтверждение мысли о том, что иногда следует воздержаться от распространения божественного учения, Олимпиодор цитирует Мф. 7:6 «не бросайте бисер перед свиньями». А говоря о времени танцевать, он вспоминает танец царя Давида перед Господом (2Цар. 6:14). Такой стиль экзегезы более присущ раввинистическим комментаторам и редко встречается у святых Отцов Церкви [168; р. 143].

Григорий Агригентский († 592)

Святой Григорий родился в городке Агригент (современное название города – Агридженто) на острове Сицилия в шестом веке. Во время понтификата папы Григория I (Великого) он был рукоположен в епископы своего родного города. Св. Григорий много путешествовал и жил в Карфагене, Палестине (недалеко от Иерусалима), Антиохии, Константинополе и Риме.

Толкование св. Григория Агригентского на книгу Екклесиаста опубликовано в трудах отцов Церкви аббата Миня (PG, 98). Научное

издание текста этого толкования вошло в CCSG в 2007 г. (Gregorius Agrigentinus Commentatus in Ecclesiasten, eds. G. H. Ettlinger, J. Nore, Corpus Cristianorum Series Graeca, vol. 56. Brepols, 2007). Издатель научного текста считает, что комментарий на Екклесиаста св. Григорий написал в монастырских условиях, и что первоначально его труд предназначался для устного пересказа монахам в целях назидания. В своём толковании он неоднократно ссылается на авторитет отцов-аскетов, цитируя Нила Синайского и упоминая Антония и Павла Фивейских. Однако толкователь не ограничивает себя исключительно моралистическими целями и затрагивает другие аспекты религиозной и светской жизни. Рассуждая о взаимоотношениях Бога и Когелета, св. Григорий использует методологическую парадигму Аристотеля. Видно также, что он находится под влиянием Аристотеля в своих взглядах на добродетель [165; p. 318].

Представление об экзегетическом методе св. Григория можно составить из первых слов его комментария, где он начинает с цитаты из книги Притчей: «сбивание молока производит масло» (Притч. 30:33). Поверхностный подход к священному тексту он сравнивает с молоком, а более тщательное исследование подобно маслу. Таким образом, автор указывает на своё намерение толковать текст аллегорически, что подтверждается в дальнейшем типологией Григория, где он проводит параллель между Соломоном и Христом, основываясь на этимологии слова Соломон, означающее «мирный». Это не означает, что автор отказывается от буквального понимания. Где возможно, св. Григорий толкует буквально, обращаясь после этого к духовному смыслу сказанного. В некоторых случаях он не находит другой возможности, как только толковать аллегорически. К примеру, фразу «время убивать» Григорий не может воспринимать буквально, так как, по его разумению, убивать нельзя никогда. Второй, духовный смысл текста Екклесиаста автор комментария понимает, как правило, христологически. Высказывание Когелета «у мудрого глаза его – в голове его» агригентский толкователь разъясняет таким образом: глаза мудрого – это Христос, а голова – Церковь [179; p. 111].

Григорий не подражает той или другой экзегетической школе, оставляя за собой право не соглашаться с мнениями других экзегетов. Иногда он не идёт дальше буквального истолкования, анализируя грамматический строй предложений, и даже находит богословское значение в использовании того или иного падежа слов [165; p. 319].

Проповедуя монахам аскетизм и уход из мира, св. Григорий тем не

менее не осуждает мир и не чернит его. Он согласен с Екклесиастом, что всё суета, но говорит и о том, что ничего не может быть совсем бесполезным, поскольку Бог сотворил этот мир. В идеале, считает Григорий, человек должен испытать этот мир, но вынести из него только доброе [165; р. 320].

Св. Григорий Великий, Двоеслов, папа Римский († 604)

Св. Григорий родился в знатной римской семье около 540 г. Имя «Двоеслов», закреплённое за Григорием Великим в православной традиции, было присвоено понтифику в связи с его трудом «Диалоги», известным ещё под названием «Собеседования». Как уже было сказано выше (см. главу «Ключи к пониманию книги Екклесиаста»), Григорий Великий видит в тексте Екклесиаста диалог между человеком колеблющимся и человеком, утверждённым в вере и благочестии. Этот диалог – творение одного автора – Соломона, который искусно подводит читателя к мысли о суетности удовольствий мире сего. В этом мысль св. Григорий перекликается с мыслью александрийского диакона Олимпиодора.

Псевдо-Иоанн Златоуст

Манускрипт, содержащий комментарий на книгу Екклесиаста под авторством Иоанна Златоуста, найден на Патмосе и датируется 9 или 10 веком. Современные исследователи считают авторство подложным, отсюда и наименование автора Псевдо-Иоанном. Толкователь видит в Екклесиасте царя Соломона, вдохновенно рассуждающего о человеческой жизни. Псевдо-Иоанну чужд оригенистский взгляд на книгу, где в Соломоне видят Христа, обращающегося к Своей Церкви и ведущего её к более глубокому пониманию Божией благодати. Поэтому некоторые исследователи считают, что автор комментария – представитель Антиохийской школы, близкий по взглядам к Феодору Мопсуэстийскому [181; р. 210]. Текст манускрипта содержит лакуны и сохранился не полностью.

Кроме указанных толкователей книги Екклесиаст, очень многие отцы и учителя церкви в своих творениях раскрывали те или иные свои суждения, опираясь на тексты соломоновой книги. Эти суждения святых отцов, в свою очередь, дают богатый материал для понимания самой книги Екклесиаста. В толковании прот. Геннадия Фаста, помимо уже означенных толкователей книги, имеются ссылки на труды ещё сорока шести отцов и учителей церкви всех двадцати веков христианства.

Дидахи (Учение двенадцати апостолов), конец I в. По Р.Х. Памятник, открытый Филофеем Вриением в 1883 г. в единственной рукописи XI века.

Св. Киприан, епископ Карфагенский (206–258 гг.), священномученик, святой отец и учитель Североафриканской церкви.

Св. Мефодий, епископ Патарский († ок. 310), другие называют его епископом Олимпийским. Писал богословские трактаты, обильно толкуя тексты Св. Писания. Принял мученическую кончину.

Прп. Антоний Великий (252–356 гг.), один из родоначальников отшельнического монашества в Египте. Сохранились послания, содержащие духовные наставления монахам.

Св. Афанасий Великий, архиепископ Александрийский (ок. 290 – 373 гг.), великий святой отец церкви, отец Православия, боролся с арианством. Его творения в области тринитарного богословия содержат толкования многочисленных мест Св. Писания.

Св. Серапион, епископ Тмуитский († ок. 366), усердный помощник св. Афанасия Великого, человек светской учёности, знаток Св. Писания.

Викторин († 370), африканец, сначала языческий оратор и философ, потом христианин, римский писатель, богослов, экзегет.

Прп. Ефрем Сирин († 372), великий святой отец, подвижник, богослов, писатель, гимнограф. Учитель Сирийской церкви. Владел сирийским языком и был сведущ в иудейском предании. Его труды содержат многочисленные толкования на Св. Писание.

Св. Кирилл, архиепископ Иерусалимский († 386), автор знаменитых Огласительных слов.

Св. Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской (ок. 330 – 379 гг.), Вселенский великий учитель и святитель церкви.

Св. Григорий Богослов, епископ Назианский, архиепископ Константинопольский (ок. 330 – 389 гг.). Вселенский великий учитель и святитель церкви. Практически все труды св. Григория посвящены тринитарному богословию. Друг св. Василия Великого.

Св. Амвросий, архиепископ Медиоланский († 397). Великий учитель Западной церкви, церковный и политический деятель, писатель, гимнограф.

Прп. Марк Подвижник (IV в.). Ученик св. Иоанна Златоуста. Подвизался в Египте. Писал духовно-аскетические сочинения.

Прп. Исидор Пелусиот († 436). Ученик св. Иоанна Златоуста. Родился в Александрии и подвизался в Египте. В его письмах содержится много толкований на различные места Писания.

Блаженный Августин, епископ Иппонский (354 – 430 гг.). Величайший святой отец Западной церкви. Чрезвычайно плодовитый богослов, толкователь Св. Писания. Толкуя Писание, блаж. Августин использовал

все известные в его время методы экзегезы.

Прп. Иоанн Кассиан Римлянин († 435). Западный подвижник и богослов, по духу и образованию принадлежал Востоку. Слушал проповеди Иоанна Златоуста. Писал наставления для подвижающихся в монашестве.

Прп. Исихий Иерусалимский († 432). Ученик св. Григорий Богослова, палестинский подвижник. Толковал Св. Писание.

Св. Кирилл, архиепископ Александрийский († 444). Великий учитель. Церковный деятель первой половины V века. Догматист и экзегет. Истолковал почти всё Св. Писание. Боролся с несторианской ересью.

Блаженный Диадокх, епископ Фотики Иллирийской (вторая половина V в.). Известен словами подвижническими о жизни духовной.

Стефан Фиваидский, время его жизни и подвижничества относят к V веку.

Прп. Иоанн Лествичник, игумен Синайский (483 – 563 гг.). Подвизался в Синайском монастыре, знаменит своим непревзойдённым сочинением «Лествица», в котором излагает путь духовного восхождения человека в виде тридцати ступеней (добродетелей) по числу лет Спасителя.

Прп. Максим Исповедник, монах († 662). Крупный византийский богослов, излагавший христианское догматическое и нравственное учение в системе эллинистического мышления. Учитель церкви, противопоставивший монофелитской ереси.

Прп. Исаак Сирин, епископ Ниневийский (VII в.). Подвижник, глубокий учитель духовно-созерцательной жизни, мистик. Описывал духовные состояния, о которых другие отцы обычно ничего не писали. Писал на сирийском языке. Некоторые исследователи полагают, что он был несторианином.

Илия, пресвитер и ектдик, его поучение «Цветособрание» включено в сборник «Добротолюбие».

Прп. Иоанн Дамаскин (ок. 673 – 777 гг.). Учитель церкви, подытоживший всё догматическое православное учение времён вселенских соборов и собравший его в единую догматическую систему. Борец за иконопочитание. Непревзойдённый гимнограф церкви.

Прп. Феодор Студит (758 – 826 гг.), игумен Студийского монастыря. Подвижник, борец за иконопочитание, плодовитый писатель догматического и духовно-аскетического направлений.

Прп. Филофей, игумен Синайской обители. Жил и подвизался в начале IX века. Писал сочинения духовно-аскетического направления.

Прп. Феодор, епископ Эдесский, подвизался в нач. IX века. Писал против еретиков и излагал учение о деятельности христианской жизни. Успешно вёл переговоры с Багдадским халифом, достигнув всяческих послаблений для христиан в завоёванных мусульманами землях.

Прп. Симеон Новый Богослов († 1032). Один из трёх святых, названных церковью Богословами. Иоанн Богослов – представитель богословия Божественного Откровения. Григорий Богослов – представитель богословия от Св. Писания. Прп. Симеон представляет богословие внутреннего духовного опыта христианина. Подвизался в Константинополе, в обители св. Мамонта. Непревзойдённый учитель внутренней созерцательной жизни.

Прп. Никита Стифат (XI в.), ученик прп. Симеона Нового Богослова, активный деятель Константинопольской церкви, противостоял римокатоликам в эпоху разделения с ними.

Прп. Пётр Дамаскин (XII в.), инок, известен своими подвижническими сочинениями.

Св. Давид IV Строитель, царь Грузии и Абхазии (1073 – 1125 гг.). Великий полководец и строитель, при котором Грузия освободилась от всех недругов и стала великим государством. При царях св. Давиде Строителе и его правнучке св. царице Тамаре (1184 – 1213 гг.) Грузия достигла вершины своего расцвета. Давид Строитель написал «Покаянный канон» в подражание Великому покаянному канону прп. Андрея Критского, в котором изложены молитвенные переживания стареющего царя, подводящего итоги своей жизни и готовящегося к исходу из неё.

Св. Бернар Клервосский (1090 – 1153 гг.), монах-цистерцианец, аббат, богослов, doctor mellifluus (доктор медоточивый), великий подвижник и учитель католической церкви, имевший при жизни влияние на всю Европу, на Римских пап. Вдохновитель II Крестового похода. Автор книг аскетико-мистического содержания.

Св. Фома Аквинский (1225 – 1274 гг.). Великий учитель католической церкви, doctor universalis, doctor angelicus, монах-доминиканец, систематизатор схоластического богословия. Автор известных трудов «Сумма философии» и «Сумма теологии».

Св. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский (1296 – 1359 гг.). Учитель афонского исихазма и благочестия.

Прп. Григорий Синаит († 1360). Подвизался на Синае, Афоне и в Македонии, где основал три великие лавры. Писал сочинения аскетического исихастского содержания.

Каллист, патриарх Константинопольский, и его сподвижник

Игнатий Ксанфопулы (XIV в.). Каллист был учеником прп. Григория Синаита. Сочинения Каллиста и Игнатия духовно-аскетического содержания вошли в сборник «Добротолюбие».

Св. Фома Кемпийский (1379 – 1471 гг.), католический подвижник духовно-мистического направления. Ученик Бёме. Подвизался в монастыре Агнатенберге близ Цволле, священник. Автор знаменитой книги «О подражании Христу».

Прп. Иосиф Волоцкий (Санин), игумен Волоколамский (1439 – 1515 гг.) Известный русский подвижник. Оправдывал слияние монашеской жизни с государственной и законность монастырского землевладения, а также борьбу с еретиками и казни их. В борьбе с ересью жидовствующих написал своё знаменитое сочинение «Просветитель». В своих сочинениях прп. Иосиф проявляется как древнерусский книжник-начётчик.

Эразм Роттердамский (1469 – 1536 гг.). Германский учёный, философ-гуманист. Профессор в Кембридже. Представитель рационализма в философии и богословии. Сохранил верность католической церкви, хотя о нём говорили, что он «снёс яйцо, которое высидел Лютер», то есть дал в некоторой степени повод к Реформации. Известно его сочинение «Похвала глупости».

Прп. Максим Грек (ок. 1480 – 1556 гг.), учёный монах. Учился в Италии, подвизался на Афоне, бил приглашён Великим князем Василием III в Москву. Занимался переводами с греческого языка, исправлял богослужебные рукописи по древним оригиналам, писал богословско-поленические труды. Был заточён в темницу при Волоколамском монастыре и в Тверском Отрочь монастыре. По освобождении жил в Свято-Троицкой лавре, где и скончался.

Св. Иоанн, митрополит Тобольский и всея Сибири (1651 – 1715 гг.). Русский святой, сибирский просветитель. Автор знаменитой книги «Илиотропион», в которой излагал пути согласования воли человеческой с волей Божией.

Прп. Серафим Саровский (1759 – 1833 гг.), великий русский подвижник, старец. Известна его беседа с Н.И. Мотовиловым о стяжании Святого Духа Божия.

Павел Флоренский, священник (1882 – 1937 гг.), профессор, русский богослов, философ, лингвист, искусствовед, математик, физик, инженер. Блестящий учёный, новомученик.

Св. Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Симферопольский (1877 – 1961 гг.), профессор, исповедник веры, блестящий учёный-хирург, апологет христианской веры перед лицом атеизма.

Библиография книг и источников, использованных в Толковании на книгу Екклесиаста

I. Священное Писание

1. ספר הבריתות Библия в русском переводе с параллельным текстом на иврите, Иерусалим, 1991.
2. Biblia Hebraica Stuttgartensia, vierte verbesserte Auflage, 1990, Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart (на иврите).
3. Septuaginta, Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart, 1979 (на греческом языке)
4. Biblia Sacra Vulgata, dritte verbesserte Auflage, 1983, Deutsche (на латинском языке).
5. Biblia, die ganze Heilige Schrift, deutsch durch Dr. Martin Luther, Leipzig, Verlag von Gustav Mayer, 1857 (на немецком языке).
6. Die Bibel, Übersetzung D. Martin Luther, revidierter Text, Evangelische Haupt-Bibelgesellschaft, Althenburg, 1967 (на немецком языке).
7. Die Heilige Schrift, Elberfelder Taschenbibel, 1963, Evangelische Haupt-Bibelgesellschaft zu Berlin (на немецком языке).
8. Библия на церковнославянском языке, РБО, М., 1993.
9. Библия Острожская, с издания 1581 г., переиздано в Москве-Ленинграде, 1988.
10. Библия, Синодальный русский перевод. Приложения с комментарием к Ветхому и Новому Завету, 1983, изд. «Жизнь с Богом», Брюссель.
11. Священное Писание, Опыт переложения на русский язык еврейских Писаний архим. Макария /Глухарёва/, изд. в Риме, 1996.
12. Ветхий Завет, перевод с древнееврейского, Притчи, Книга Екклесиаста, книга Иова. РБО, 2001, перевод и комментарии А.С. Десницкого, Е.Б. Рашковского, Е.Б. Смагиной, А.Э. Графова.
13. Поэзия и проза Древнего Востока, перевод книги Екклесиаста (И. Дьяконов), изд. «Художественная литература», М., 1973.

II. Источники древнего предания

14. Агада, Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей, перевод С.Г. Фруга, М., изд. «Раритет», 1993.
15. Аграфы, не записанные в Евангелии изречения Христа Спасителя, А.П. Лопухин, изд. 2, СПб, 1898.

16. Антология гуманной педагогики, Издательский дом Шалвы Амонашвили, М., 1998.
17. Апокрифические сказания, Жития пророков, СПб, Амфора, 2005.
18. Иосиф Флавий, Иудейские древности, т. 1, Минск, «Беларусь», 1994.
19. Иосиф Флавий, Иудейские древности, т. 2, Минск, «Беларусь», 1994.
20. Коран, перевод И.Ю. Крачковского, изд. 2-е, М., «Наука», 1986.
21. Кувшин с мёдом, еврейские легенды и сказки, пересказала Ора Шир. Изд. «Советский писатель», 1991.
22. Повесть о Соломоне, апокриф. От берегов Босфора до берегов Евфрата, перевод Аверинцева С.С., Изд. Мирос, М., 1994.
23. Раши, Комментарий к Когелету. Перевод Фримы Гурфинкель.
24. Талмуд, Мишна и Тосефта, критический перевод Н. Переферковича. Изд. П.П. Сойкина, СПб, 1904.
25. Der Talmud. Ausgewählt, übersetzt und erklärt von Reinhold Meyer. Goldman Verlag, München, 1963/1980.
26. Штайнзальц Адин, Библейские образы. Ассоциация изучения иудаизма в СНГ, М., Ассоциация «Шамир».

III. Святоотеческие творения

27. Августин Аврелий, блаженный. Исповедь, М., Канон, 1997.
28. Августин блаженный, епископ Иппонийский. О граде Божием. Творения бл. Августина, ч. 3, ч. 4, ч. 5, ч. 6. Изд. второе, Киев, типография И.И. Чоколова, 1906, 1906, 1907, 1910.
29. Амвросий Медиоланский, святой. Две книги о покаянии, серия «Учители неразделённой церкви». Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла, М., 1997.
30. Афанасий Великий, святитель. Творения, т. I, изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, М., 1994.
31. Афанасий Великий, святитель. Творения, т. II, изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, М., 1994.
32. Афанасий Великий, святитель. Творения, т. III, изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, М., 1994.
33. Афанасий Великий, святитель. Творения, т. IV, изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, М., 1994.
34. Василий Великий, святой, арх. Кесарии Каппадокийской. Творения, т. I, СПб, Книгоиздательство П.П. Сойкина, 1991.
35. Василий Великий, святой, арх. Кесарии Каппадокийской. Творения, т. II, СПб, Книгоиздательство П.П. Сойкина, 1991.

36. Василий Великий, святой, арх. Кесарии Каппадокийской. Творения, т. III, СПб, Книгоиздательство П.П. Сойкина, 1991.

37. Григорий Богослов, святой, арх. Константинопольский. Творения, т. I, Изд. П.П. Сойкина, СПб. Переиздано Свято-троицкой Сергиевой Лаврой, 1994.

38. Григорий Богослов, святой, арх. Константинопольский. Творения, т. II, Изд. П.П. Сойкина, СПб. Переиздано Свято-троицкой Сергиевой Лаврой, 1994.

39. Григорий Великий Двоеслов, святитель, папа Римский. «Собеседования», Избранные творения. Изд. «Паломник», М., 1999.

40. Григорий Нисский, святитель. Точное истолкование Екклесиаста Соломонова. Изд. имени свт. Игнатия Ставропольского, М., 1997.

41. Григорий Нисский, святой. Опровержение Евномия, Творения, ч. VI, Изд. В. Готье, М., 1864.

42. Григорий Палама, святой. Триады в защиту священнобезмолвствующих. М., Канон, 1995.

43. Григорий Синаит, преподобный. Творения. М., Новоспасский монастырь, 1999.

44. Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский, святой. Творения, Переложение Екклесиаста. Петроград, типография М. Меркушева, 1916.

45. Давид IV Строитель, царь Грузии и Абхазии, святой. Покаянный канон. Изд. Тбилисского университета, Тбилиси, 1989.

46. Дидахи (Учение Господа, данное народам через двенадцать апостолов). Серия «Учители неразделённой церкви», Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла, 1996.

47. Didymus der Blinde, Kommentar zum Ecclesiastes, Lage 22 und 23 des Tura-Papyrus. Herausgegeben von Leo Liesenborghs, Köln, 1965.

48. Димитрий Ростовский, святой. Жития святых, т. е. 1–2. М., Синодальная типография, 1904.

49. Дионисий Великий, епископ Александрийский, святой. Творения, Толкование на начало книги Екклесиаста. Изд. Олега Абышко, СПб, 2007.

50. Добротолюбие, т. I, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992.

50. Добротолюбие, т. II, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992.

50. Добротолюбие, т. III, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992.

50. Добротолюбие, т. IV, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992.

50. Добротолюбие, т. V, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992.

51. Евагрий, авва. Аскетические и богословские трактаты. Изд. «Мартис», 1994.

56. Ефрем Сирин, святой. Творения, ч. 1. Сергиев Посад, 1907.
57. Ефрем Сирин, святой. Творения, ч. 2. Сергиев Посад, 1908.
58. Ефрем Сирин, святой. Творения, ч. 3. Сергиев Посад, 1912.
59. Ефрем Сирин, святой. Творения, ч. 4. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900.
60. Ефрем Сирин, святой. Творения, ч. 5. М., Типография В. Готье, 1860.
61. Ефрем Сирин, святой. Творения, ч. 6. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901.
62. Ефрем Сирин, святой. Творения, ч. 7. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900.
63. Ефрем Сирин, святой. Творения, ч. 8. Сергиев Посад, Типография И.И. Иванова, 1914.
64. Иероним Блаженный. Толкование на книгу Екклесиаст, к Павле и Евстохии. Труды Киевской Духовной Академии за 1880 г.
65. Иннокентий, арх. Херсонский и Таврический, святой. Сочинения, Проповеди и поучения. СПб, книгоиздательство П.П. Сайкина.
66. Иоанн Дамаскин, святой. Точное изложение православной веры. СПб, Изд. И.Л. Тузова, 1894.
67. Иоанн Кассиан Римлянин, преподобный. Писания. М., Типо-Литография И. Ефимова, 1892.
68. Иоанн, игумен Синайской горы, преподобный. Лествица. Сергиев Посад, 1908.
69. Иоанн, мит. Тобольский и всея Сибири, святой. Илиотропион. Изд. Свято-Троице-Серафимо-Дивеевского монастыря «Скит», 1994.
70. Иосиф Волоцкий, преподобный. Просветитель. Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, М., 1993.
71. Исаак Сирин, авва, святой. Слова подвижнические. Православное изд. «Правило веры», М., 1993.
72. Исидор Пелусиот, преподобный. Письма, т. I, Изд. им. свт. Игнатия Ставропольского, М., 2000.
73. Исидор Пелусиот, преподобный. Письма, т. II, Изд. им. свт. Игнатия Ставропольского, М., 2001.
74. Иустин Философ и Мученик, святой. Сочинения. М., Университетская типография, 1892, переиздано в Библиотеке отцов и учителей церкви, т. I, Паломник, 1995.
75. Киприан, епископ Карфагенский, священномученик. Творения (трактаты и письма). Библиотека отцов и учителей церкви, т. VI, «Паломник», М., 1999.

76. Кирилл, епископ Александрийский, святой. О поклонении и служении в духе и истине. Творения, кн. I, Библиотека отцов и учителей церкви, т. VIII, Изд. «Паломник», М., 2000.

77. Кирилл, арх. Иерусалимский, святой. Слова огласительные. Слова тайноводственные. Творения святых отцов в русском переводе. Изд. при МДА, т. 25.

78. Лука /Войно-Ясенецкий/, архиепископ, святой. Дух, душа и тело. Изд. ПСТБИ и «Русское зеркало», М., 1999.

79. Максим Грек, преподобный. Творения, ч. 1. Нравоучительные сочинения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996.

80. Максим Грек, преподобный. Творения, ч. 2. Догматико-полемиические сочинения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996.

81. Максим Грек, преподобный. Творения, ч. 3. Разные сочинения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996.

82. Максим Исповедник, преподобный. Творения, кн. 1, Богословские и аскетические трактаты. Изд. «Мартис», 1993.

83. Максим Исповедник, преподобный. Творения, кн. 2, Вопросы-ответы к Фелласию, ч. 1, вопросы 1–55. Изд. «Мартис», 1993.

84. Ориген, учитель Александрийский. О началах. По изданию Рига, 1936.

85. Ориген, учитель Александрийский. Против Цельса апология христианства. Серия «Учители неразделённой церкви». Учебно-информационный центр ап. Павла, 1996.

86. Пётр Дамаскин, преподобный священномученик. Творения. Редакция «Скит», М., 1993.

87. Серафим Саровский, преподобный. Житие. Беседа с Мотовиловым. Изд. журнала «Вечное», Париж, 1953.

88. Симеон Новый Богослов, преподобный. Творения, т. 1, Слова 1–52. М., Типолитография И. Ефимова, 1892.

89. Симеон Новый Богослов, преподобный. Творения, т. 2, Слова 53–92. М., Типолитография И. Ефимова, 1890.

90. Симеон Новый Богослов, преподобный. Божественные гимны. Сергиев Посад, Типография И.И.Иванова, 1917.

91. Творения древних отцов-подвижников. Св. Амон, св. Серапион Тмуитский, прп. Макарий Египетский, св. Григорий Нисский, Стефан Фиваидский, блж. Иперехий. Изд. «Мартис», 1997.

92. Троица цветная. Московская Патриархия, М., 1975.

93. Фома Кемпийский. О подражании Христу. Изд. «Жизнь с Богом», Брюссель, 1983.

IV. Богословская и научная литература

- 94.** Арсений /Соколов/, иеромонах. Книга Иисуса Навина. Изд. Крутицкого подворья, М., 2005.
- 95.** Иаков, монах. О началах премудрости. «Ника», М., 2000.
- 96.** Классен Александр, священник. Книга Екклесиаста: вчера и сегодня, рукопись.
- 97.** Ковалевский Иоанн, священник, Юродство о Христе. М., Изд. книгопродавца А.Д. Ступина, 1902.
- 98.** Крифт Питер, Три толкования жизни: суета, боль, любовь. Журнал «Мир Библии», 1995/1 [3].
- 99.** Lohfink N., Kohelet, Würzburg, 1980.
- 100.** Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., Изд. «Мысль», 1979.
- 101.** Марцинковский В.Ф., профессор. Смысл страдания. Германия, гарц, 1925, Тамиздат.
- 102.** Мелье Жан, Завещание, т. I, М., 1954.
- 103.** Мир философии: Книга для чтения (антология), ч. 1, Исходные философские проблемы, понятия и принципы. М., Изд. политической литературы, 1991.
- 104.** Мир философии: Книга для чтения (антология), ч. 2, Человек. Общество. Культура. М., Изд. политической литературы, 1991.
- 105.** Нестор Летописец, преподобный. Повесть временных лет. Древняя русская литература, хрестоматия, сост. Н.И. Прокофьев. М., «Просвещение», 1980.
- 106.** Осипов А.и., профессор МДА. Путь разума в поисках истины (Основное богословие). Изд. «Даниловский вестник», М., 1997.
- 107.** Рижский М.И., профессор. Книга Экклесиаста: В поисках смысла жизни. Новосибирск, «Наука», Сибирская изд. фирма РАН, 1995.
- 108.** Рогозин П.И. Психея. Изд. «Свет на востоке», 1988.
- 109.** Schouten van der Velden Adriaan. Tierwelt der Bibel. Deutsche Didelgesellschaft, Stuttgart, 1992.
- 110.** Серафим /Роуз/, иеромонах. Душа после смерти. Изд. «Макао и К^о», М., 1991.
- 111.** Скорина Франциск и его время. Екклесиаст: Предисловие. «Белорусская советская энциклопедия» им. Петруся Бровки, Минск, 1990.
- 112.** Тихий свет Зерцал. Жизнь и посмертная слава праведного старца Даниила Ачинского. Изд. «Енисейский благовест», Красноярск, 2006.
- 113.** Толковая Библия. Издание преемников А.П. Лопухина, т. V. Проф. В. Мышцин. Книга Екклесиаста. СПб, 1908.

114. Фаррар Ф.В., доктор богословия. Соломон, его жизнь и время. Hope of Salvation Mission, 2005.

115. Фаст Геннадий, протоиерей. Толкование на книгу Песнь Песней Соломона. Изд. «Енисейский благовест», Красноярск, 2000.

116. Фаст Геннадий, протоиерей. Этюды по Ветхому Завету, кн. 1. Изд. «Енисейский благовест», Красноярск, 2007.

117. Фаст Геннадий, протоиерей. Этюды по Ветхому Завету, кн. 2. Изд. «Енисейский благовест», Красноярск, 2008.

118. Фаст Геннадий, протоиерей. Война и мир, или ещё раз о христианском отношении к участию в войне. Доклад на XIV Международных Рождественских чтениях в Москве. Рукопись.

119. Флоренский Павел, священник, профессор. Столп и утверждение истины, тт. 1–2, Изд. «Правда», М., 1990.

120. Цицерон Марк Туллий. О природе богов. Вестник древней истории, 2. Изд. «Наука», М., 1982.

121. Zohary Michael. Pflazen der Bibel. Calwer Verlag, Stuttgart, 1983/

122. Эразм Роттердамский. Похвальное слово глупости. М., 1983.

123. Юнгеров П.А., доктор богословия, профессор. Введение в Ветхий Завет, кн. 1, ПСТБИ, М., 2003.

124. Юнгеров П.А., доктор богословия, профессор. Введение в Ветхий Завет, кн. 2, ПСТБИ, М., 2003.

V. Справочная литература

125. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Изд. «Правда», М., 1986.

126. Библейская симфония с ключом к еврейским и греческим словам. университет им. Боба Джонса, США, 1998.

127. Василисса /Дьяченко/, монахиня, Фаст М.Г. Библейский указатель по творениям святых отцов церкви. Енисейск, 2007, рукопись.

128. Jerusalemer Bibellexicon, herausgegeben von Kurt Hennig. Neuhausen-Stuttgart: Hänssler, 1995.

129. Мень Александр, протоиерей. Библиологический словарь, т. 1, А-И. Фонд им. Александра Меня, М., 2002.

130. Мень Александр, протоиерей. Библиологический словарь, т. 2, К-П. Фонд им. Александра Меня, М., 2002.

131. Мень Александр, протоиерей. Библиологический словарь, т. 3, Р-Я. Фонд им. Александра Меня, М., 2002.

132. Мифологический словарь, гл редактор Б.М. Мелетинский. М., Советская энциклопедия, 1991.

133. Мифы народов мира, т. 1, А-К. Гл. редактор С.А. Токарев. Изд.

«Советская энциклопедия», М., 1980.

134. Мифы народов мира, т. 2, К-Я. Гл. редактор С.А. Токарев. Изд. «Советская энциклопедия», М., 1980.

135. Никифор, архимандрит. Библейская энциклопедия, М., Типография А.и. Снегирёвой, 1891.

136. Религии мира, Энциклопедия для детей, т. 6, ч. 1. М., «Аванта», 1996.

137. Религии мира, Энциклопедия для детей, т. 6, ч. 2. М., «Аванта», 1997.

138. Словарь Библейского богословия под ред. Ксавье Леон-Дюфура и др. Изд. «Жизнь с Богом», Брюссель, 1974.

139. Философский словарь под ред. М.М. Розенталя. Изд. Политической литературы, М., 1975.

140. Физика, Энциклопедия для детей, т. 16, ч. 1, М., «Аванта», 2000.

141. Физика, Энциклопедия для детей, т. 16, ч. 2, М., «Аванта», 2000.

VI. Художественная литература

142. Айтматов Чингиз. Плаха. Фрунзе, «Кыргызстан», 1987.

143. Ахматова Анна. Стихотворения и поэмы. Библиотека всемирной литературы. М., «Эксмо», 2008 г.

144. Ветхий Завет в русской поэзии XVII-XX вв. М., «Ключ», Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996.

145. Гоголь Н.В. Тарас Бульба. Библиотека отечественной классической художественной литературы в 100 томах. Миргород. «Дрофа. Вече», М., 2002.

146. Грибоедов А.С. Горе от ума. Библиотека отечественной классической художественной литературы в 100 томах. Миргород. «Дрофа. Вече», М., 2002.

147. Кузнецов Валентин. Осень золотая. Стихи, проза. Енисейск, 2006.

148. Лесков Н.С. На краю света. Библиотека отечественной классической художественной литературы в 100 томах. Миргород. «Дрофа. Вече», М., 2002.

149. Мережковский Д.С. Собрание сочинений, т. 1. Смерть богов (Юлиан Отступник). М., Изд. «Правда», 1990.

150. Некрасов Н.А. Лирика. М., «Детская литература», 1987.

151. Некрасов Н.А. Стихотворения. Поэмы. Библиотека отечественной классической художественной литературы в 100 томах. Миргород. «Дрофа. Вече», М., 2002.

152. Пушкин А.С. ПСС, т. 2, Красноярск, «Универс», ПСК «Союз», 1999.

153. Пушкин А.С. ПСС, т. 3, Евгений Онегин, Красноярск, «Универс», ПСК «Союз», 1999.

154. Салтыков-Щедрин М.Е. Премудрый пискарь. Библиотека отечественной классической художественной литературы в 100 томах. Миргород. «Дрофа. Вече», М., 2002.

155. Солоухин В.А. Письма из Русского музея. М., «Молодая гвардия», 1990.

156. Фудзивара Киёскэ. Роса на цветке. Японские трёхстишия. «Феникс», 2000.

157. Тургенев И.С. Отцы и дети. Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. Том 117. М., «Художественная литература», 1971.

158. Чехов А.П. Архиерей. Изд. Братства во имя св. Александра Невского, Нижний Новгород, 1998.

159. Чехов А.П. Палата № 6. Библиотека отечественной классической художественной литературы в 100 томах. Миргород. «Дрофа. Вече», М., 2002.

VII. Научная литература, использованная прот. Александром Классеном

160. Виноградов Н. Краткие сведения о жизни и творениях святого Дионисия Великого, епископа александрийского // Творения святого Дионисия Великого. – Казань, 1990.

161. Католическая энциклопедия он-лайн.
<http://www.newadvent.org/cafh/en/05244b.htm>

162. Олесницкий М. Книга Екклесиаста. Опыт критико-эзегетического исследования. – Киев, 1873. 396 с.

163. Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский и Нежинский. Историческое учение об отцах церкви, т. 1–3, СПб, изд. И.Л. Тухова, 1882.

164. G.L. Archer. The Linguistic Evidence for the Date of “Ecclesiastes” // JETS. – 1969. – V. 12.

165. Gerard H. Ettingler. The form and method of the commentary on Ecclesiastes by Gregory of Agrigentum // Studia Patristica XVIII. – Michigan. 1985. – V. 1.

166. Daniel C. Fredericks. Qohелеht’s language: Re-evaluating its Nature and Date // Ancient Near Eastern Texts and Studies. – Lewiston/Queenston. 1988. – V. 3. – p. 281.

167. Ursula und Dieter Hagedorn. Olimpior Diakon von Alexandria. Kommentar zu Hiob // Patristische Texte und Studien. – Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1984. – V. 2. – p. 524.

168. Marc Hirshman. The Greek Fathers and the Aggada on Ecclesiastes: Formats of Exegesis in Late Antiquity // Hebrew Union College Annual. – Cincinnati, 1988. – V. LIX.

169. S. Hplm-Nielsen. On the interpretation of Qoheleth in early Cristianity // Vetus Testamentum. – Leiden, E.J. Brill, 1974. – V. XXIV.

170. Svend Holm-Nielsen. The book of Ecclesiastes and the interpretation of it in Jewish and Christian theology // Annual of the Swedish Theological Institute. – Leiden, 1976. – V. 10.

171. Bo Isaksson. Studies in the Language of Qoheleth. – Uppsala, 1987. – p. 230.

172. John Jarick. An “allegory of age” as Apocalypse // Cloolquium. The Australian and New Zealand Theological Review. – 1990. – V. 22.

173. John Jarick. Gregory Thaumaturgos’ Paraphrase of Ecclesiastes // Abr-Nahrain. – 1989. – V. 27.

174. John Jarick. Theodore of Mopsuestia and the Interpretation of Ecclesiastes // Journal for the Study of the Old Testament. – 1995. – Supl. S. 200.

175. Midrash Rabbah Ecclesiastes, trans. Rev. Dr. A. Cohen. – London. 1939. – p. viii 318.

176. Olympiodorus Commentarius in Ecclesiastes // J. P. Migne. Patrologiae Cursus Completu. Series Graeca. – 1860. – V. 93.

177. Dr. R. B. Salters. Qoheleth and the Canon // The Expository Times. – 1975. – V. LXXXVI, # 12.

178. C. L. Seow. Linguistic evidence and the dating of Qohelet // Journal of Biblical Literature. – 1996. – V. 115.

179. Manlio Simonetti. An Historical Introduction to Patristic Exegesis. – Edinburg, 1994. – p. 154.

180. The Targum of Qoheleth by Peter S. Knobel // The Aramaic Bible. – Collegeville, Minnesota, 1991. – V. 15.

181. Wickham, L. R. Reviews: Procopii Gazaei Catena in Ecclesiasten necnon Pseudochrysostomi Commentarius in Eundem Ecclesiasten // The Journal of Theological Studies. – Oxford, 1980. – V. 31. – p. 219.

Примечания

¹ - Существуют четыре варианта написания: Екклесиаст, Экклезиаст, Экклесиасат, Екклезиаст.

² - Раши, или Рабби Шломо Бен Ицхак.

³ - Агур, сын Иакеев (синод. перевод).

⁴ - По крайней мере, в дошедших до нас письменных источниках.

⁵ - Кстати, не избежали этой дилеммы и протестанты, отказавшиеся от монашеского аскетизма. У них это проявляется в наличии пуританской замкнутости и благочестия одних и открытости миру других, благословению семьи, бизнеса и всех земных благ, кроме греха. Отсюда и деление на фундаменталистов и либералов.

⁶ - Немецкий Elberfelder перевод: Dienst der Bedienung – «служение обслуживания».

⁷ - Передано не дословно, а как сказал прот. Алексей Сидоренко, проректор Тобольской семинарии, в бытность его студентом МДА.

⁸ - Bravo, преподобный Пётр! Ты достойно возвеличил богословие, являющееся не помощником немощным в вере, а целью для совершенных в вере. Верующие часто уничижают богословие, а его защитники робко оправдываются, что оно полезно для начинающих, не окрепших в вере.

⁹ - По поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?».

¹⁰ - וְאֵלֶּיךָ וְאֵלֶּיךָ (ве тора ор) – в синодальном переводе: и наставление – свет.

¹¹ - Полуденное затмение солнца! Лжепророки – люди с помрачённым умом.

¹² - Таковым является любомудрие Екклесиаста,

¹³ - Это физика, в древности ещё не отсекавшаяся от богословия, философии, этики.

¹⁴ - Закон отрицания отрицания впервые сформулирован немецким философом Гегелем (1770–1831 гг.) и является одним из основных в диалектической философии.

¹⁵ - Нимрод был огнепоклонником.

¹⁶ - Нимрод – зверолов, Авраам – пастух.

¹⁷ - Синодальный перевод реки не вполне точен, вернее – потоки.

¹⁸ - Раши приводит в качестве примера совершенно новое учение Элиезера бен Горкинаса о меркабе в трактате Хагига.

- ¹⁹ - «Злоба дня» – в наше время употребляется слово «злободневность».
- ²⁰ - חכמה (хокма) – мудрость.
- ²¹ - חכם (хакам) – мудрец.
- ²² - Блж. Иероним переводит: Ибо во множестве мудрости множество негодования...
- ²³ - Вино, водка, табак, наркотик.
- ²⁴ - Ещё одна волна – европейское, а потом и всемирное франкмасонство XVIII века с его идеей просвещения и счастья и мрачной закулисой.
- ²⁵ - Куш – Эфиопия.
- ²⁶ - С Сиона, который есть верх красоты, является Бог (синодальный перевод).
- ²⁷ - Не оттуда ли без конца голод в Индии, стране сокровищ, а европейцы-северяне должны заботиться о том, как бы прокормить живущих в вечнозелёных местах? Да и российский восток не блещет земным достатком.
- ²⁸ - Так переведено у Григория כוסות וקערות (шидда ве шиддот). Эти слова могут означать «кубки» и «чаши», большие и малые сосуды для почерпывания вина. Отсюда виночерпцы с виночерпицами. Синодальные переводчики находят здесь указания на разные музыкальные орудия. Еврейские слова «шидда» и «шиддот» ныне малопонятны. А.Э Графов и вовсе переводит «много наложниц» -/12 .
- ²⁹ - Боевой генерал А.И. Лебедь был в 1998–2002 гг. губернатором Красноярского края.
- ³⁰ - Диполь (διπόλος) – это когда две противоположности образуют нечто единое. В магнетизме, в электричестве, в химии часто бывают диполи. Магнит, молекула воды и пр. – диполи.
- ³¹ - Антиномия (ἀντινομία) – два противоречащих, но одинаково обоснованных суждения. Загадка жизни – раскрытие антиномий.
- ³² - Православием в IV веке называли правое исповедание Св. Троицы в соответствии с учением св. Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова.
- ³³ - Антиномичность в православной христианской догматике: единство сущности – троичность ипостасей в Боге (ереси: единосущие по Савелию – разделение ипостасей по Арию); одно лицо и две природы во Христе (ереси: монофизитское слияние природ и несторианское

разделение лиц); промысл Божий и свобода человека (ереси: кальвинистское предопределение и пелагианская самодостаточность человека); вера и дела (схоластическая сатисфакция – удовлетворение делами за грехи – и лютеранское *sola fide*, «только верою»); вера и таинства (схоластическое *ex opera operatum* – действие благодати таинства в силу его действия и совершения – и протестантское спасение только верой без внешних церемоний). И так во всём на догматическом и психологическом уровне.

³⁴ - Тропарь праздника Преображения.

³⁵ - Например, Владимир Солоухин в «Письмах из Русского музея», размышляя о древнерусской культуре, о грубо вторгшейся в XVII в. западно-ренессансной культуре, о разрыве культурных традиций после революции, обращается к словам Екклесиаста время разбрасывать камни и время собирать камни. Сама его книга была одной из первых попыток после безумного разбрасывания начать вновь собирать камни русской духовности и культуры.

³⁶ - Нередко в буквальном смысле повелевавшего бросать камни в согрешившего человека.

³⁷ - Перевод А.Э. Графова -/12 .

³⁸ - Исихия (ἡσυχία) означает «молчание».

³⁹ - Слово 21, похвальное Афанасию Великому.

⁴⁰ - Учителя церкви считали, то греческие философы могли многое заимствовать из более древних еврейских священных книг, с которыми могли быть ознакомлены, особенно через Александрию, через перевод Септуагинты.

⁴¹ - По-мусульмански это так: вся земля – это область ислама («салам» = мир) и область войны, где нет ислама, там – джихад, священная война.

⁴² - Подробно антиномичность отношения христиан к участию в войне и пацифизму обсуждается в докладе автора «Война и мир» -/118 , произнесённом на XI Международных Рождественских чтениях в г. Москве.

⁴³ - В один и тот же день были разрушены и первый и второй храмы в Иерусалиме, девятого авва – день плача иудеев.

⁴⁴ - Еврейское слово לְשַׁלֵּחַ (ле га-шелих) имеет значение как «разбрасывать», так и «бросать». Во втором значении переведено в Септуагинте.

⁴⁵ - Вопрос раввину: почему же оборвалась история водительства Божия?.. Есть ли ответ без того, что было сделано над Иисусом из Назарета и без того, что Им было предвозвещено Израилю?

⁴⁶ - А ещё из Бого-многословия.

⁴⁷ - По-еврейски, «мир», «вечность» – עולם (олам), у Екклесиаста: עולם.

⁴⁸ - Греческий перевод также передаёт мысль о том, что всё хорошо и прекрасно в своё время.

⁴⁹ - Церковью отвергнуто такое мнение, Бог не заново творит, а воскрешает того человека, что и был.

⁵⁰ - Тринадцать лет и один день.

⁵¹ - Растраты можно делать большие, а потреблять очень много невозможно.

⁵² - ЕГЭ – единый государственный экзамен, сдача которого нужна для поступления в вуз.

⁵³ - Красочно описана свобода монашествующих, но обидно за семью. Семья – это не просто наряды, удушающие просьбы, побеги, потеря богатства, деньги; семья – это домашняя церковь, это тайна Христа и церкви (Еф. 5:32).

⁵⁴ - Виноградник Навуфея.

⁵⁵ - Пусть простят это выражение американцы, среди которых есть много добрых и благочестивых людей, но и образ «американской улыбки», которой улыбаются уже повсюду, факт.

⁵⁶ - Мы-сль (слово).

⁵⁷ - Еврейское слово מצוה (мицвах) может означать как «заповедь», так и «приказ».

⁵⁸ - Еврейское слово משפט (мишфат) означает «суд». Синодальные переводчики нашли возможным перевести «устав».

⁵⁹ - А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».

⁶⁰ - Прямой смысл: «вновь собирать».

⁶¹ - Суть религиозности Цицерон выражает так: «Мы благоговейно чтим богов, но свободны от всякого суеверия» [120; с. 232, «О природе богов»].

⁶² - Индийское учение о причинно-следственной связи в нравственной жизни по принципу справедливого воздаяния.

⁶³ - Некоторые либеральные богословы и такие секты, как адвентисты седьмого дня, свидетели Иеговы, на основании этих и подобных им слов

Екклесиаста основывают своё учение об отсутствии загробной жизни. Это ошибка. О загробной жизни определённо говорят некоторые другие книги Св. Писания и особенно Нового Завета. Книга же Екклесиаста – не догматическое пособие по учению о загробном мире, а книга философа, Духом Святым очищенного от прелести и обольщения земным счастьем. Отрезвлённой мыслью Екклесиаст видит безысходность и бессмысленность всего в этом мире под солнцем. Ставит вопросы, на которые земля ответить не может. Учит, как в такой ситуации жить. А ответы и догматы следует искать в Евангелии, в книгах Нового Завета, с позиций неба отвечающих земному философу. Христианская церковь вся и всегда верила в существование загробной жизни души. Это отражено как в реальном опыте христиан, так и в многочисленных писаниях святых отцов. Как исключение, высказывали иное мнение Афрат Сирийский, св. Анастасий Синайский. Они учили о сие души после смерти, когда душа вообще ничего не может знать или помнить. Однако это учение церковью принято не было.

⁶⁴ - Один монах, горя желанием создать особое хозяйство в енисейской тайге, в предчувствии открывающейся новой эры Царства Божия говорил, что на его людей и гнус таёжный садиться не будет. Божьи люди будут отличены от других явно. В тайгу пошли. Но гнус досаждал всем одинаково – и последователям этого монаха, и людям мира сего. По числу комариных укусов невозможно было отличить своих от чужих.

⁶⁵ - В то время шёл XVII век.

⁶⁶ - Вера иудеев была ориентирована на земное. Современный послехристианский иудаизм занят преимущественно делами земной жизни. Сами мессианские чаяния связаны с Царством Небесным на земле.

⁶⁷ - Манихеи – еретики III-IV вв., относившиеся, как ко злу, к материи, браку, пище и радости земной жизни.

⁶⁸ - Как неразумно, не чувствуя евангельской радости, нарушая 66-е правило святого Трулльского собора (VI Вселенского), поступают препятствующие верным причащаться в дни светлой Пасхальной седмицы и святых Рождественских дней или требующие от них поста в эти дни для причастия!

⁶⁹ - Здесь он применяет метод толкования, на который указывал св. Григорий Двоеслов – иное в книге говорит мудрый, а иное – колеблющийся умом.

⁷⁰ - LXX переводит $\lambda\omicron\kappa\omega$ (шеол) как $\alpha\delta\eta\varsigma$ (ад), Вульгата как *inferius* – обитатели преисподней (усопшие, мертвецы), что вовсе не выражено в

синодальной переводе словом «могила».

⁷¹ - Невозможно точно сказать, где и с каким импульсом находится частица материи, а именно это нужно было Лапласу, чтобы с точностью рассчитывать всё и наперёд, и назад. Есть только некая вероятность, что в таких-то пределах имеется такая-то частица с таким-то импульсом.

⁷² - Пунические войны Рима с Карфагеном. Сиракузы взяли сторону Карфагена.

⁷³ - «Заклятое» (ⲉⲓⲛⲁ – херем) – то, что Богом определено на истребление и не может служить на пользу людям.

⁷⁴ - О богах, может, оно и правда, но ведь за ними в расход неверия шёл и сам Бог.

⁷⁵ - Или: В чём застану, в том сужу!

⁷⁶ - Прп. Иосиф Волоцкий (1440–1515), русский подвижник, монах, аскет, ревнитель православия, борец с жидовствующими еретиками (протопопом Алексием, попом Денисом и прочими), сторонник методов инквизиции, радетель церковных и монастырских имуществ, автор книги «Просветитель», написанной против новгородских еретиков. Известна дискуссия прп. Иосифа с прп. Нилом Сорским и заволжскими старцами-нестяжателями.

⁷⁷ - «Дерево», естественно, означает человека.

⁷⁸ - Φαῦροῖ можно перевести «откройся», можно – «явися». На немецкий переведено offenbare.

⁷⁹ - Здесь ⲉⲓⲙⲓⲛⲁ (олами́м), αἰῶνια – оламы и эоны в годах и днях! То и другое в еврейском и греческом языках означает «вечности» или некие «вечные миры».

⁸⁰ - «Спасённым быть» – это не самоуверенное и легкомысленное порхание в собственной спасённости, а Божий дар, ведомый тому, кто открывает сердце своё Христу. Это не исключает напряжённую брань духовную со страстями и похотями.

⁸¹ - Не забудем отметить, что это был результат подвига церковного служения митрополита Никодима (Ротова), чья деятельность была столь неоднозначной.

⁸² - Человек любит говорить: «Я гневлив, но отходчив!» Лукавство. Не только имеешь, но хочешь иметь в себе то, что порождает твой гнев.

⁸³ - Явилась Святая Троица, явился Господь с двумя ангелами или явились просто три ангела в виде странников [Подробное рассмотрение см. 116, прот. Г. Фаст, Этюды по Ветхому Завету, с. 298–312].

⁸⁴ - Γερωντικός = старческий (греч.). Геронтология – учение о старости.

⁸⁵ - Косметическими средствами люди стремятся скрыть миндальный цвет, что-то глубинно теряя от переживаний и благословений старости.

⁸⁶ - По утверждению М. Рижского, здесь явно испорченное в еврейском тексте слово קלל' «удалиться» на основании LXX, Вульгаты и Пешито заменено на קלל' «порвётся» [107., с. 65].

⁸⁷ - Как-то я был приглашён к умирающей женщине. Она едва могла произносить слова. Никогда в жизни она не каялась. Я попросил её сказать хотя бы два слова: «Господи, помилуй!» Она ответила другими: «Не могу». Второе было сказать не легче первого, однако она так и умерла со своим «не могу».

⁸⁸ - Сказанное слово, написанное слово.

⁸⁹ - Перед разорением Иерусалима пророк Иеремия спрятал его в горе Нево, а эфиопы утверждают, что он находится у них. Ковчег был обложен золотом.

⁹⁰ - Эсхатология – учение о последнем времени и конечных судьбах мира.

⁹¹ - У кузнечика есть крылья – окрылённая душа. Кузнечик отяжелел (отолстел) – облёкся в воскрешённую плоть.

⁹² - Собиратель – Когелет, собирающий собрание и говорящий ему.

⁹³ - Однако именно это «трудное» и составляет всю суть, всю неповторимость и востребованность в веках книги Екклесиаста. В этом «трудном» – изюминка книги.

⁹⁴ - Св. Григорий Двоеслов считает самого Соломона составителем Эпилога.

⁹⁵ - Св. Феодор, епископ Едесской церкви, подвижник IX века, известен своим удачным ходатайством за христиан г. Едессы перед Багдадским халифом.

⁹⁶ - Канон составлен протоиереем Геннадием Фастом.

⁹⁷ - Протоиерей Александр Классен родился в Караганде в 1961 году, окончил Карагандинский политехнический институт по специальности «Промышленное и гражданское строительство». В 1982 принял святое крещение в православии. Место крещения – Енисейск, река Енисей. Крестил его о. Геннадий Фаст, свидетелем при крещении был Геннадий Яковлев (будущий иеромонах Григорий). Александр Классен служил в армии, работал инженером-конструктором, реставратором, принимал

участие в реставрации Преображенского собора в Новокузнецке, монастырской церкви в Красноярске, участвовал в строительстве Тобольской духовной семинарии... С 1991 года живёт в Томске. В том же 1991 году рукоположен в диакона, а затем во священника. Женат, отец двоих детей. Окончил Московскую духовную семинарию и академию. В 1998–1999 гг. по приглашению университета в Далласе (SMU – Southern Methodist University) и направлению ОБЦС преподавал курс Русской Православной Церкви. С 1999 по настоящее время – преподаватель Томской духовной семинарии. Как священник окормляет осуждённых в лечебно-исправительном учреждении № 1. Александр Классен известен в Томске и как фотомастер, он – автор фотоальбомов «Деревянная архитектура Томска», «150-летие Томской духовной семинарии» и выставки фотографий в Мадриде. По его инженерным проектам построены и строятся в настоящее время здания в Томске.

⁹⁸ - «Das Hohelied des Skeptizismus» – Песнь скептицизму. «Das Hohelied der Gottesfurcht» – по смыслу: Песнь благоговения.

⁹⁹ - Следует помнить, что современная библейская критика рассматривает Пятикнижие как документ, формировавшийся веками. В написании Пятикнижия принимали участие помимо Моисея другие авторы, в частности, Яхвист и Элохист, названные так в зависимости от того, как они именуют Бога. Общепринято, что источник Я. сформировался на Юге Израиля в 10–9 вв. до Р.Х., а источник Э. – на Севере Израиля около 8 в. до Р.Х.

¹⁰⁰ - Мишна (евр. Повторение) – основной источник религиозных предписаний ортодоксального иудаизма. Согласно иудейскому преданию, является частью устного закона, переданного Богом Моисею. Состоит из 63 трактатов в 6 разделах.

¹⁰¹ - Совершившийся факт.

¹⁰² - Это случается в субботу во время праздника Кущей или в Восьмой День Торжественного Соборания (Shemini Atzeret), если он выпадает на субботу [175,, viii].

¹⁰³ - Имеются в виду толкования святых отцов Востока.

¹⁰⁴ - Таргум Онкелоса – один из самых ранних переводов Пятикнижия, был написан на западно-арамейском диалекте. Он создавался, по-видимому, во 2 веке н. э. в Палестине, но подвергся редакции в 4 в. в Вавилоне.

¹⁰⁵ - Современные исследователи классифицируют методы толкования Священного Писания, разделяя их на *interpretatio literalis*

(толкование буквальное) и *interpretatio spiritualis* (толкование духовное). Последнее в свою очередь делится на *interpretatio allegorica* (то, что касается Христа и Церкви), *interpretatio tropologica* (толкование нравоучительное) и *interpretatio anagogica* (то, что касается жизни будущего века).

¹⁰⁶ - Издатели этого комментария Урсула и Дитер Хагедорн считают, что экзегетические творения Олимпиодора были изданы Минем некритично. Их исследование показало, что почти половина текста комментария на Иова в PG (vol. 93, 13–469) не принадлежит перу Олимпиодоа [167., Ursula und Dieter Hagedorn, XII].

Содержание

Толкование на книгу Экклезиаст протоиерей Геннадий Фаст	1
Глава 1	4
Пролог: Суета сует	9
Круг первый: смена родов	27
Круг второй: круговращение солнца	32
Круг третий: круговерть ветров	38
Круг четвёртый: кругооборот воды в природе	41
Круг пятый: ненасыщаемость зрения и слуха	46
Круг шестой: повторяемость событий	52
Забвение	61
Толкование основного текста книги Екклесиаста	64
Суета человеческой мудрости	65
Глава 2	86
Суета смеха и веселья	87
Услаждение вином	93
Суетность обрётённого трудом богатства	98
Глупый и мудрый – одинакова ли их участь?	106
Иной унаследует плоды твоего труда. Глупому может достаться наследие мудрого	115
Разочарование первое: А не глупый ли унаследует труды мудрого?	116
Разочарование второе: Труды твои достанутся иному, как будто они часть его	118
Разочарование третье: От твоих трудов тебе самому – ничего!	121
От Бога успех и даётся человеку доброму	124
Глава 3	128
Антиномия первая	141
Антиномия вторая	145
Антиномия третья	147
Антиномия четвёртая	149
Антиномия пятая и антиномия шестая	151
Антиномия седьмая	155
Антиномия восьмая	158

Антиномия девятая и антиномия десятая	161
Антиномия одиннадцатая	164
Антиномия двенадцатая	166
Антиномия тринадцатая и антиномия четырнадцатая	170
Красота, вечность и непостижимость дел Божиих	177
Среднее житейское счастье без поисков высшего	184
Божьи дела пребывают вовек	187
Земной суд несправедлив. Бог всем судья	191
Есть ли разница в участи человека и животных?	193
Выход в усреднённом мещанском счастье	201
Глава 4	203
Несправедливость и бесцельность вокруг	204
Двоим лучше, нежели одному	211
Бедный, но умный юноша и старый неразумный царь	216
Глава 5	220
Подлинное благочестие	221
Скоропалительные обеты	227
Слово о власти	231
Суетность богатства	233
Усреднённое счастье	239
Глава 6	241
Тщетность богатства и славы	242
Глава 7	248
Плач и смех	249
Мудрость и глупость	256
Действование Божие в мире сем	261
Подлинная мудрость	266
Женщина	277
Что в итоге?	282
Глава 8	284
Дела Божьи непостижимы – знай своё место	285
Пути Божии неисследимы	300
Глава 9	303
Всему и всем – одно, мирозданье безразлично к праведности и нечестию	304
Радости земной жизни вместо вечных ценностей	311
Успех в жизни – дело случая	318

Превосходство мудрости	322
Глава 10	326
Пагуба от глупости и помощь от мудрости	327
Глупость пустословия	341
Цари и князья	345
Глава 11	352
О добродетели, об утре и вечере нашей жизни	353
Утро юности	367
Глава 12	379
Вечер старости	380
Толкование первое – геронтологическое ⁸⁴	382
Толкование второе – духовное	392
Толкование третье – историческое	399
Толкование четвёртое – эсхатологическое ⁹⁰	404
Эпилог	407
Приложение 1. Г. Фаст. Молебный канон, составленный по книге Екклесиаста⁹⁶	421
Приложение 2. Протоиерей Александр Классен⁹⁷. Научно-исагогический обзор книги Екклесиаст	426
Автор книги Екклесиаст и датировка её происхождения	428
Каноническое достоинство книги	436
Ключи к пониманию книги Екклесиаста	438
История интерпретации книги	440
Библиография книг и источников, использованных в Толковании на книгу Екклесиаста	461
Примечания	471